Вильгельм Блос

ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Перевод с немецкого
Петроград: государственная типография. 1918

Веб-публикация: Vive Liberta, 14 июля 2012
Материалы для сравнения, дополнения и исправления,
как в целом по истории Великой французской революции,
так и по отдельным проблемам, – в нашей библиотеке
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm
Об авторе: http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#wblos

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие
Старая Франция
Монархия и двор
Духовенство
Дворянство
Буржуазия
Ремесло и промышленность
Промышленные рабочие и подмастерья
Сельское население
Правительство и управление
Дух времени
Людовик XVI и его государственные люди
Учредительное собрание
Генеральные штаты
Клятва в зале городского собрания
Неудавшийся государственный переворот
Штурм Бастилии
Ночь четвертого августа
Партии
Поход в Версаль
Партии, клубы и пресса
Конституция
Праздник объединения на Марсовом поле
Рабочее население Парижа
Бегство в Варен
Бойня на Марсовом поле
За пределами Франции
Завершение конституции
Законодательное собрание
Вето и эмиграция
Министерство санкюлотов
Господин вето
Отечество в опасности
Взятие Тюльери
Демократический государственный переворот
Канонада при Вальми
Национальный конвент (первый период)
Партии
Борьба Горы с Жирондой
Битва при Жемаппе
Падение Майнца
Процесс короля
Коммуна и рабочие
Внешняя и внутренняя опасности
Массовое ополчение и революционный трибунал
Измена Дюмурье
Слова и факты
Опасности растут
Падение жирондистов
Господство Горы
Конституция 1793 года
Смерть Марата
Майнц и Вандея
Республиканская конфедерация
Ассигнаты и таксы
Комитет благоденствия
Парижская коммуна
Междоусобицы и политические процессы
Войны республики
Новое летосчисление
Гебертисты
Раздор внутри парии Горы
Падение гебертистов
Падение дантонистов
Триумвират
Террор
Высшее существо
Кампания 1794 года
Падение Робеспьера
Национальный конвент (второй период)
Новое общество
Конец клуба якобинцев
Реакция усиливается
Восстание парижских предместий
Реакция в провинции
Базельский мир
Эмигранты
Новая конституция
Восстание роялистов
Конец деятельности конвента
Директория

Финансовые затруднения
Заговор Бабефа
Вандея и роялисты
Поход 1796 года
Партии
Переворот 18-го фруктидора
Поход 1797 года
Внутренние волнения
Дочерние республики
Наполеон Бонапарт
Вторая коалиция
Бонапарт в Египте
Поход 1799 года
Падение партенопейской республики
Накануне государственного переворота
Государственный переворот Бонапарта
Консульство
Новое правительство
Консульская конституция
Поход 1800 года
Окончание египетского похода
Окончательное поражение Австрии
Заговоры на жизнь Бонапарта
Война на Северном море
Конкордат и почетный легион
Всеобщий мир
Конституция X-го года
Борьба на острове Гаити
Борьба за конституцию в Швейцарии
Нарушение амьенского договора
Заговор Пишегрю и Кадудаля
Третья коалиция
Французский император
Заключение

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль нашей книги—дать картину того великаго переворота, который произошелъ во Франціи въ концѣ восемнадцатаго вѣка и столѣтіе котораго предстоитъ отпраздновать въ будущемъ году (писано въ 1888 г.). Размѣръ нашей книги опредѣлился другимъ обстоятельствомъ: желаніемъ, чтобы она проникла въ широкіе слои народа.

Въ нашемъ изложеніи мы придерживались матеріалистическаго воззрѣнія на исторію, которое объясняетъ историческія событія экономическим отношеніями. Въ соотвѣтствіи съ этимъ различныя фазы французской революціи представляются намъ въ видѣ ряда битвъ между различными общественными классами, при чемъ значеніе отдѣльныхъ личностей для насъ объясняется ихъ ролью въ этихъ бояхъ. Революціонное движеніе за это время разгоралось и потухало, а въ соотвѣтствіи съ этимъ и власть послѣдовательно переходила отъ одного класса французскаго общества къ другому. Въ началѣ мы видимъ борьбу привилегированныхъ классовъ съ алчнымъ сребролюбіемъ двора; это послужило началомъ великаго переворота, который, разъ начавшись, не могъ уже остановиться и не продѣлать всѣхъ своихъ фазъ; дѣло въ томъ, что за каждымъ возстававшимъ классомъ выступалъ вдогонку новый, еще болѣе широкій. Борьба привилегированныхъ со дворомъ привела въ движеніе всю буржуазію, все третье сословіе, и привилегированные тогда немедленно заключили союзъ со дворомъ. На аренѣ появилась новая сила—крупная и либеральная буржуазія; она уничтожила сословныя и наслѣдственныя преимущества и издала конституцію 1791 года, которая должна была, по ея мнѣнію, послужить основаніемъ новаго буржуазнаго общества. Но и средніе и низшіе слои буржуазіи вмѣстѣ съ пролетаріатомъ увидѣли въ этой конституціи нарушеніе своихъ интересовъ и стали стремиться къ демократическому строю. Какъ только началась эта борьба, конституціоналисты 1791 года и представители крупной буржуазіи сейчасъ же перебѣжали на сторону двора, который они, можно сказать, недавно принудили дать конституцію. Демократическая буржуазія была могущественнѣйшимъ и многочисленнѣйшимъ классомъ, такъ какъ за ней стоялъ пролетаріатъ; она осталась побѣдительницей въ этомъ бою и низвергла монархію. Но буржуазный демократизмъ жирондистовъ не удовлетворилъ широкихъ массъ народа, шедшихъ за радикально-демократической Горой, и это

имѣло своимъ послѣдствіемъ паденіе жирондистовъ, представителей «честной» буржуазіи. Партія Горы со своей конституціей 1793 года тоже не создала прочнаго чисто-демократическаго строя, и господство ея кончилось полнымъ крушеніемъ попытки создать добровольное государство по Руссо.

Этимъ закончился поступательный ходъ революціи; политическая власть снова перешла въ руки поднявшей голову буржуазіи, и она задумала использовать свою побѣду надъ отжившими классами. Но этотъ, уже успѣвшій испортиться, классъ не сумѣлъ создать гарантій здороваго развитія для страны, пережившей такія ужасныя революціонныя бури, и для народа, жаждавшаго покоя; это расчистило путь для военной диктатуры Наполеона Бонапарта, который однимъ могучимъ скачкомъ очутился во главѣ государства и объединилъ въ своей личности всю общественную власть. Въ его правленіе Франція превратилась въ военный лагерь, и народные интересы должны были уступить военной силѣ. Замолкъ голосъ народа въ этотъ военный періодъ. Созданные революціей имущіе классы были на сторонѣ этой военной силы, такъ какъ они видѣли въ ней защитницу своей собственности, и въ этомъ была внутренняя сила военной диктатуры Наполеона.

Легко понять, что такое воззрѣніе исключаетъ возможность односторонности въ изложеніи или партійной тенденціозности. У насъ нѣтъ основаній преслѣдовать историческія личности своей ненавистью, нѣтъ основанія скрашивать грубыя проявленія или разрисовывать безъ зазрѣнія совѣсти ужасныя кровавыя сцены. Главное вниманіе свое мы обращаемъ на соціальныя измѣненія, явившіяся слѣдствіемъ французской революціи, и на связанныя съ ними громадныя измѣненія въ области мысли и дѣйствительности.

Вкусы различны; могутъ найтись люди, для которыхъ наибольшій интересъ во французской революціи представляютъ кровавыя и ужасныя сцены эпохи террора и послѣдовавшаго за ней реакціоннаго періода. Наше воззрѣніе не таково. Мы съ полной добросовѣстностью старались отыскать причины кровавыхъ катастрофъ и пытались ихъ объяснить тогдашними условіями. Въ такой великой и всеобщей борьбѣ, въ которой погибъ весь старый міръ и возникъ новый, такія катастрофы понятны и неизбѣжны; по временамъ онѣ принимаютъ жестокій и нечеловѣческій характеръ, потому что такіе моменты это—моменты историческаго искупленія прежнихъ несправедливостей, моменты, когда угнетенные вспоминаютъ о несправедливостяхъ господствующей власти. Но, признавая неизбѣжность кровавыхъ катастрофъ, мы все-таки остаемся при убѣжденіи, что жестокость всегда остается жестокостью независимо отъ того, кѣмъ и по какой причинѣ она совершена. Робеспьеръ могъ привести много вѣскихъ доводовъ въ защиту необходимости террора, но знаменитая рѣчь его противъ смертной казни не потеряетъ отъ этого своего значенія.

Съ одной стороны, мы не можемъ не находить смѣшнымъ, когда прописная мораль характеризуетъ кровавыя катастрофы французской революціи, какъ проявленіе сознательной жестокости и самой обыкновенной злости, но съ другой стороны, хотя эти жестокости учинены партіей, болѣе симпатичной намъ, чѣмъ та, надъ которой эти жестокости учинялись, мы не станемъ описывать ихъ болѣе мягкими красками. Это было бы насиліемъ

надъ исторической истиной, и этого мы будемъ тщательно избѣгать. Партійнымъ пристрастіемъ мы не станемъ руководствоваться и при оцѣнкѣ отдѣльныхъ выдающихся личностей. Въ ужасныхъ бояхъ революціи проявлено было такъ много смѣлости, благородства, самозабвенія, воодушевленія, самопожертвованія, презрѣнія къ смерти и любви къ человѣку, что у насъ нѣтъ словъ выразить свое удивленіе. Но все это мы находимъ у всѣхъ боровшихся партій. Безпристрастный судъ исторіи не можетъ упустить изъ виду того, что всѣ возникшія во время революціи партіи проникнуты были убѣжденіемъ, что ихъ цѣли хороши и справедливы. И только это убѣжденіе сдѣлало ихъ способными жертвовать за свою идею и обнаружить тѣ душевныя качества, которыя вызываютъ наше преклоненіе.

По нашему мнѣнію, историкъ, ищущій истины, обязанъ, описывая историческія событія, отрѣшиться отъ своихъ личныхъ симпатій и антипатій. Можно не питать симпатій ко двору Людовика XVI, но это вѣдь не даетъ еще права отрицать, что Марія-Антуанетта была умна; равнымъ образомъ можно считать политическою необходимостью низверженіе Жиронды, но это вѣдь не обязываетъ отрицать у г-жи Роланъ и геній, и героизмъ.

Мѣсто не позволяетъ намъ перечислить здѣсь работы, которыми мы пользовались при собираніи историческаго матеріала. Мы, однако, вполнѣ откровенно заявляемъ, что въ предѣлахъ дозволеннаго мы въ нашемъ изложеніи пользовались плодами чужихъ трудовъ; все остальное принадлежитъ уже исключительно намъ.

Къ столѣтію 14 іюля, дня, въ который была взята штурмомъ Бастилія и который нынѣ сталъ національнымъ праздникомъ Франціи, вѣроятно, появятся и другія сочиненія на ту же тему; не будетъ недостатка и въ попыткахъ представить въ ложномъ свѣтѣ это великое освободительное движеніе. Мы взяли на себя задачу представить народу этотъ великій переворотъ въ духѣ современнаго демократическаго міровоззрѣнія, представляющаго собою одинъ изъ продуктовъ этого непреходящаго по своему значенію событія. Насколько это намъ удалось, судить не намъ.

Авторъ.

Кронштадтъ. Май 1888 года.

СТАРАЯ ФРАНЦІЯ.

То великое движеніе конца восемнадцатаго вѣка, которое имѣло своимъ послѣдствіемъ переворотъ во Франціи и на большей части европейскаго континента, мы называемъ просто *французской революціей* и не даемъ ему болѣе опредѣленнаго обозначенія. Однако, это не была только политическая революція, это не былъ простой государственный переворотъ, какъ революція въ Англіи или въ Сѣверной Америкѣ; по существу своему она была *соціальнымъ* переворотомъ. До сегодняшняго дня мы на каждомъ шагу чувствуемъ ея громадное значеніе. Она преобразовала и демократическое общество. Ее поэтому нельзя ставить на одну доску съ позднѣйшими французскими революціями, которыя являются почти исключительно *политическими государственными переворотами*, *революціями въ полномъ* смыслѣ этого слова.

Старая Франція, состояніе которой вызвало этотъ крупнѣйшій изъ переворотовъ въ исторіи новаго времени, а можетъ быть и въ исторіи вообще, представляла тогда весьма расчлененное общественное зданіе. Пьедесталомъ, на которомъ покоится все это общественное зданіе, являются широкія народныя массы, выступившія во время революціи, какъ *«третье сословіе»*. Въ общественномъ смыслѣ это понятіе включало въ себя всѣхъ, кто долженъ былъ выносить на своихъ плечахъ государственныя и общественныя тяготы: буржуа, рабочихъ, крестьянъ, поденщиковъ и крѣпостныхъ. На этомъ широкомъ и глубокомъ фундаментѣ покоилась могущественная надстройка господствующихъ классовъ, цѣлая масса феодальныхъ, іерархическихъ и аристократическихъ привилегій, увѣнчивавшихся неограниченной монархіей и ея дворомъ. Королевскій престолъ возвышался на вершинѣ государственнаго и общественнаго строя.

Тупой, темный и невѣжественный народъ цѣлыя столѣтія безропотно выносилъ на своихъ плечахъ тяжелую надстройку. Тѣ, кто сидѣли на вершинѣ, привыкли къ этому и стали думать, что иначе и быть не можетъ: строеніе общественнаго зданія считалось предопредѣленнымъ дѣломъ Провидѣнія, но отнюдь не преходящей фазой развитія. Привилегіи становились все разнообразнѣе и разнообразнѣе и все большею тяжестью ложились на народныя массы. Борьба за существованіе, да и самое существованіе все больше становилось для послѣднихъ непрекращающейся мукой. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ новыя идеи немного освѣтили и ту темную глубину, въ которой до тѣхъ поръ царила одна нищета. Мысль о возможно-

сти избавленія стала распространяться все шире. Но тяготы все возрастали, пока онѣ не исчерпали предѣловъ возможнаго и не наткнулись на противодѣйствіе. Тогда уже нуженъ былъ только толчекъ для того, чтобы вызвать переворотъ во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ. Толчекъ не заставилъ себя ждать, и общественная почва зашаталась: что раньше было внизу, быстро очутилось наверху, что было вверху, исчезло, какъ въ бездонной пропасти. Феодально-іерархическая надстройка обрушилась со страшнымъ трескомъ, и обломки ея исчезли въ безднѣ революціи. Среди этого кружащагося бурнаго хаоса въ страшныхъ мукахъ явилось на свѣтъ новое общество.

Монархія и дворъ.

Франція за время Людовиковъ превратилась въ неограниченную монархію. Общеизвѣстное выраженіе Людовика XIV: «*Государство это—я*» (L'état c'est moi) вполнѣ соотвѣтствовало дѣйствительности. Все, что могло противиться королевской власти, было укрощено. Основного государственнаго закона не существовало; абсолютизмъ изъ обычнаго права превратился въ «историческое». Существовало одно только ограниченіе королевской власти; само по себѣ оно было незначительно, но впослѣдствіи оно стало для нея роковымъ: это было право высшихъ судебныхъ учрежденій, *парламентовъ*, вносить королевскіе указы въ реестръ и придавать имъ тѣмъ силу закона. Въ тѣхъ случаяхъ, когда парламентъ, основываясь на этомъ установленномъ обычаемъ правѣ, отказывался внести королевскій указъ въ реестръ и тѣмъ лишалъ его юридическаго значенія, король лично являлся въ парламентъ, выслушивалъ дебаты объ указѣ и ставилъ вопросъ на баллотировку. Это называли королевскимъ засѣданіемъ. Но если и такое засѣданіе не помогало, то король появлялся въ полномъ облаченіи, со всѣми внѣшними отличіями своего званія, причемъ усаживался на пять подушекъ. Это называли подушечнымъ засѣданіемъ. Дебатовъ при этомъ не происходило, всѣ хранили глубокое молчаніе. Въ этомъ случаѣ были безразличны результаты голосованія; король приказывалъ внести указъ въ реестръ, и тамъ прибавляли только, что онъ внесенъ «по королевскому повелѣнію». Упорная борьба между королями и парламентами особенно обострялась при назначеніи новыхъ налоговъ, но королевская власть постоянно выходила изъ нея побѣдительницей. Парламенты благодаря этому были популярнѣе, чѣмъ они этого заслуживали; состоя изъ представителей привилегированныхъ сословій, они, понятно, заботились только о защитѣ интересовъ этихъ сословій. Но угнетенному народу было пріятно всякое сопротивленіе верхамъ, хотя бы оно даже вредило его интересамъ, какъ мы это увидимъ ниже.

Людовикъ XIV самымъ широкимъ образомъ пользовался неограниченной властью, которую онъ окончательно установилъ за собой. На государственные доходы онъ смотрѣлъ, какъ на источникъ средствъ, чтобъ сдѣлать свой дворъ самымъ блестящимъ и роскошнымъ въ Европѣ; продолжительныя и разорительныя войны, которыя онъ велъ, вполнѣ истощили страну и не принесли ему никакой выгоды. При немъ женщины получили при дворѣ господствующее значеніе, и это уронило въ глазахъ народа и Европы французскую монархію, а странѣ принесло неописуемыя бѣдствія. Можно сказать, что направленіе французской политики въ теченіе полувѣка зависѣло отъ капризовъ кокотокъ, и что капризы эти сегодня питались ханжествомъ, а завтра распущенностью. Двадцать пять милліоновъ людей сгибали шею подъ капризами какой-нибудь Ментенонъ, Помпадуръ или Дюбарри; онѣ свергали правительство, когда имъ не нравились реверансы перваго министра.

Людовика XIV смѣнило регентство безнравственнаго герцога Орлеанскаго; при немъ правительство превратилось въ шайку биржевыхъ спекулянтовъ, а въ результатѣ мошенническихъ финансовыхъ операцій знаменитаго Ло наступило настоящее государственное банкротство. При Людовикѣ XV распущенность двора достигла крайнихъ предѣловъ, а расточеніе государственныхъ доходовъ въ пользу любимцевъ и любовницъ приняло безумный характеръ. Намъ незачѣмъ подробно описывать знаменитый сераль, извѣстный подъ названіемъ Оленьяго парка, который построила королю его любовница Помпадуръ, когда она отцвѣла и хотѣла сохранить за собой его привязанность; высшей точки нравственнаго паденія правительство Людовика XV достигло тогда, когда онъ на закатѣ дней своихъ увлекся бывшей проституткой, знаменитой Дюбарри, и послѣдняя держала *въ своихъ рукахъ правительство до самой его смерти. Было бы интересно* сосчитать, сколько стоили Франціи царственныя метрессы обоихъ Людовиковъ: сумма, навѣрно, необычайно громадная.

Въ то же время происходили неудачныя войны, тяготы и подати народныя росли, и народъ все больше нищалъ. Когда Людовикъ XV умеръ, то его уже провожали въ могилу брань и проклятіе народное. Государственныя колеса такъ глубоко увязли въ грязи, что только такое правительство, которое одарено было бы желѣзной силой, необыкновеннымъ пониманіемъ и талантомъ, могло бы вытащить ихъ на твердую почву. Но развратнаго Людовика XV смѣнилъ слабый, ограниченный, хотя и добродѣтельный Людовикъ XVI, и по какому-то капризу всемірной исторіи какъ разъ онъ попалъ въ великую революціонную бурю и былъ ею скошенъ.

Уже передъ смертью Людовика XV находились люди, которые предвидѣли предстоящій взрывъ и предупреждали привилегированныхъ, что они пируютъ на вулканѣ. Но кто прислушивался къ этимъ предостереженіямъ? Привилегированныя сословія состояли изъ дворянства и духовенства; по ихъ исторически сложившемуся мнѣнію, *третье сословіе*, т. е. всѣ, начиная отъ буржуя и работника и кончая крестьяниномъ и крѣпостнымъ поденщикомъ, только затѣмъ и существовали, чтобъ создавать средства для двора. Какъ государственное сословіе, правительство признавало третьимъ сословіемъ только тѣхъ буржуа, которые имѣли самостоятельный промыселъ и не зависѣли отъ феодальныхъ господъ; на языкѣ же революціи третье сословіе было болѣе широкимъ, выше разъясненнымъ нами понятіемъ.

Познакомимся же съ этими тремя сословіями поближе.

Духовенство.

Еще до Карла Великаго цѣлая треть земельныхъ владѣній во Франціи принадлежала церкви, т. е. духовенству. Благодаря этому сила, богатство, вліяніе и численность духовенства достигли необычайныхъ размѣровъ. Оно опутало Францію густою сѣтью своихъ организацій, отъ которыхъ нельзя было скрыться.

Считаютъ, что передъ революціей духовенство владѣло одной пятой всей земельной площади Франціи съ доходомъ въ сто милліоновъ. Десятина (церковный налогъ) приносила ему еще двадцать три милліона. Что касается численности, то во Франціи было 2800 прелатовъ и генеральныхъ викаріевъ, 5600 канониковъ и настоятелей, 60.000 приходскихъ и викарныхъ священниковъ. Въ монастыряхъ находилось 24.000 монаховъ и 36.000 монахинь. Люди третьяго сословія, буржуа и крестьяне, должны были содержать эту огромную организацію, какъ паутиной опутавшую страну; на это съ нихъ взымались бенефиціи и подати. Само духовенство было свободно отъ податного бремени; оно добилось «историческаго права» лишь въ эпоху особенной нужды подвергать себя самообложенію; оно, дѣйствительно, ежегодно давало странѣ добровольную подать, дѣлало, такъ сказать, государству подарокъ, который, къ слову сказать, никогда не превышалъ *шестнадцати милліоновъ*.

Какъ всегда, среди духовенства процвѣтали теологическіе споры, и преслѣдованіе «еретическихъ мнѣній» было повседневнымъ явленіемъ. Съ другой стороны, образъ жизни значительнаго числа высокопоставленныхъ духовныхъ лицъ стоялъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ христіанскимъ ученіемъ. Были такіе духовные князья, которые на доходы, получаемые ими отъ государства, церкви и народа, вели роскошный и распутный образъ жизни. Часто они являли собой прямо обидные примѣры безнравственности. Отчасти они были заражены радикальной философіей восемнадцатаго вѣка; они посмѣивались надъ церковью, папой, религіей, глупымъ народомъ, а иногда даже строили глазки атеизму. О грядущей революціи они говорили, какъ объ интересномъ приключеніи, ожидающемъ ихъ въ будущемъ. Они съ особымъ удовольствіемъ читали сатиры на религію, духовенство и церковь, но это нисколько не мѣшало имъ ревностно преслѣдовать и строго наказывать свободомыслящихъ писателей. Какъ всѣ вообще представители привилегированныхъ классовъ, они признавали, что религія очень хорошая вещь для бѣдняковъ, надѣющихся, что на томъ свѣтѣ они будутъ вознаграждены за свои муки на землѣ; что же касается образованныхъ и просвѣщенныхъ людей, то для нихъ религія лишена содержанія, а церковь представляетъ собой общественную силу.

Низшее, *пролетаризированное духовенство* раздувало обнаружившееся скоро недовольство высокомѣріемъ и ханжествомъ высшаго духовенства. Дѣло въ томъ, что мелкое духовенство ничего не получало изъ крупныхъ церковныхъ доходовъ. Доходъ сельскаго священника колебался между 500 и 200 франковъ; изъ этой суммы они часто должны были еще удѣлять

до 100 франковъ на ежегодный «подарокъ» церкви государству. Этотъ духовный пролетаріатъ склонялся къ новымъ идеямъ восемнадцатаго вѣка; то, что столь многіе представители низшаго духовенства оказались впослѣдствіи на сторонѣ революціи,- объясняется, такимъ образомъ, его печальнымъ положеніемъ.

Какъ всегда, церковь располагала большимъ числомъ благотворительныхъ капиталовъ, предназначенныхъ на пособіе бѣднымъ. Эти благотворительные капиталы были извѣстны подъ именемъ «*достоянія бѣдныхъ людей*». Во время революціи это обстоятельство причинило много бѣдъ; лицемѣрные попы перенесли этотъ терминъ на всю церковную собственность, и когда стали секвестрировать церковныя имущества, они подняли крикъ, что у бѣдняковъ отнимаютъ ихъ достояніе. Немало глупыхъ бѣдняковъ повѣрило этому и убило не одного революціонера.

Дворянство.

До революціи французское дворянство представляло собой очень многочисленный классъ; но численность его неустановлена. Высчитано, что духовенство вмѣстѣ съ дворянствомъ составляли 270.000 человѣкъ, но надо принять во вниманіе, что эти два понятія не были строго разграничены: *всѣ высокія вліятельныя и хорошо оплачивавшіяся церковныя должности* и бенефиціи король въ видѣ милости обыкновенно замѣщалъ дворянами. По наиболѣе удовлетворяющему насъ расчету, число дворянъ въ началѣ революціи достигало 140.000 человѣкъ, т. е. приблизительно 30.000 семействъ.

Въ бояхъ фронды была сокрушена сила дворянства, и оно съ тѣхъ поръ начало вырождаться; скоро оно превратилось въ смѣшную каррикатуру на грубое, но могучее рыцарство прежнихъ вѣковъ. Извелись гордые властители замковъ, строго охранявшіе привилегіи своей касты, но стоявшіе на уровнѣ просвѣщенія своего времени и соблюдавшіе патріархальность по отношенію къ подвластнымъ имъ людямъ. Помѣстное дворянство обѣднѣло и огрубѣло. Высокомѣрное, необразованное и глупое, оно ненавидѣло дворянъ-бюрократовъ, называя ихъ «писпанами». Приходится, такимъ образомъ, отличать придворное дворянство, служилое, засѣдавшее въ парламентахъ, и помѣстное. Дворянство почти вполнѣ свободно было отъ податей и сумѣло освободиться даже отъ земельныхъ налоговъ, придумавъ для этого особыя формы эксплуатаціи своихъ помѣстій.

Заниматься какимъ-нибудь промысломъ представители этого класса считали для себя позоромъ. Дворяне жили или податями съ подвластныхъ имъ крестьянъ, или отъ доходовъ съ имѣній, или, наконецъ, служили офицерами въ войскѣ. Офицерскія должности были почти исключительно въ рукахъ дворянства, и еще Людовикъ XVI издавалъ распоряженія, имѣвшія цѣлью затруднить буржуазіи доступъ къ офицерскимъ должностямъ.

Придворное дворянство вполнѣ зависѣло отъ милости короля и было самымъ высокомѣрнымъ представителемъ приверженцевъ стараго порядка;

оно состояло главнымъ образомъ изъ жалкихъ выскочекъ, распутныхъ и легкомысленныхъ людей, не имѣвшихъ совѣсти и не понимавшихъ современности. Есть люди, которые старались найти остроуміе въ распутствѣ этого дворянства, а въ придворномъ этикетѣ—утонченныя жизненныя формы; но революція прекрасно раскрыла намъ его дѣйствительный характеръ.

Въ теченіе всѣхъ періодовъ революціи изъ образованной и просвѣщенной части дворянства вышелъ цѣлый рядъ выдающихся людей и передовыхъ борцовъ. Мирабо, Лафайетъ, Клермонъ Тоннеръ, Ларошфуко, Петіонъ, Барреръ и, наконецъ, Робеспьеръ—были дворянами по происхожденію. Однако, какъ классъ или какъ сословіе, дворянство вполнѣ естественно было рѣшительнымъ врагомъ тѣхъ нововведеній, которыми сопровождались первыя стадіи революціи. Привилегіи ему были такъ дороги, что для возстановленія стараго порядка во Франціи оно не остановилось передъ союзомъ съ иностранцами.

По мѣрѣ того какъ дворянство бѣднѣло, оно все больше тѣснило и обременяло крестьянъ, которые должны были ему платить оброкъ и нести барщину. Если на буржуа и на всякаго, кто честнымъ путемъ зарабатывалъ себѣ пропитаніе и не жилъ на чужой счетъ, дворянинъ смотрѣлъ съ оскорбительнымъ высокомѣріемъ, то въ крестьянинѣ и крѣпостномъ онъ видѣлъ не человѣка, а вьючное животное. Яснѣе всего обнаруживалось высокомѣріе дворянства во время охотъ: крестьяне страдали тогда столько же отъ ловчихъ, сколько и отъ самой дичи.

Преимущество рожденія въ то время всегда было рѣшающимъ моментомъ. Отмѣнивъ его, революція рѣзко измѣнила характеръ будущаго общественнаго развитія.

Но еще до революціи остроумный Бомарше въ одной изъ своихъ комедій критически уничтожилъ преимущество рожденія въ прекрасной насмѣшкѣ. «Кто они?»—говорится въ «Свадьбѣ Фигаро» по адресу дворянства,—«они взяли на себя трудъ родиться!». Напыщенное дворянство сидѣло въ ложахъ театровъ и до полусмерти хохотало надъ шуткой, и ему въ голову не приходило, что Бомарше возвѣстилъ ему близкую гибель.

Оба эти сословія, дворянство и духовенство, владѣли двумя третями земельной площади Франціи и платили весьма незначительную сумму налоговъ. Буржуа и крестьяне, которымъ принадлежала только одна треть земельной площади Франціи, должны были нести на себѣ не только страшныя государственныя тяготы, но еще трудомъ своимъ поддерживать существованіе тѣхъ двухъ сословій.

Этотъ фактъ объяснятъ всю французскую революцію.

Буржуазія.

Поскольку буржуазія официально составляла третье сословіе, она состояла изъ тѣхъ подданныхъ не дворянскаго происхожденія, которые не находились въ личной зависимости отъ кого бы то ни было, самостоятельно

вели свой промыселъ и не несли личной службы. Хотя по численности третье сословіе во много и много разъ превышало другія два сословія, оно въ генеральныхъ штатахъ не имѣло болѣе численнаго представительства, чѣмъ дворянство и духовенство. Государственныя тяготы тяжелымъ бременемъ лежали на третьемъ сословіи, но по отдѣльнымъ провинціямъ онѣ были распредѣлены очень неравномѣрно.

Состоятельная буржуазія, понятно, больше всего чувствовала высокомѣріе дворянства и тяжесть абсолютизма. Поэтому, какъ всегда, зачатки сопротивленія господству абсолютизма раньше всего обнаружились среди имущихъ буржуазныхъ классовъ. Отличія между имущими и неимущими классами проявились только позднѣе, вначалѣ же, когда буря только надвигалась, всѣ единодушно боролись за новую свободу, одинаково желанную для всѣхъ. Только въ дальнѣйшемъ ходѣ великаго переворота обнаружилось, что буржуазный государственный строй, увѣковѣчивающій классовыя отличія, не то же самое для неимущихъ классовъ, что для имущихъ,—и тогда только это вполнѣ поняли.

Буржуазія, какъ носительница богатства и образованія, очень рано сумѣла выставить рядъ смѣлыхъ борцовъ, начавшихъ въ печати и въ собраніяхъ борьбу съ господствовавшимъ деспотизмомъ и абсолютизмомъ. Въ этихъ кругахъ находили себѣ поддержку всѣ, кто явно или тайно былъ противъ двора, дворянства или духовенства. Блестящая и радикальная философія 18 вѣка пустила глубокіе корни въ средѣ этой буржуазіи; ученіе Вольтера, Руссо, Дидро и даже Гольбаха воспламенило широкіе круги. Настоящая крупная буржуазія еще не выдѣлилась въ отдѣльный классъ, такъ какъ у нея не было еще никакихъ политическихъ правъ. Но въ имущей и образованной буржуазіи были скрыты уже тѣ элементы, которымъ предстояло взять на себя управленіе будущимъ государствомъ. Государственные дѣятели, полководцы, юристы и бюрократы новой Франціи вышли изъ этой буржуазіи.

Когда то буржуазія крупныхъ французскихъ городовъ была очень могущественна, потому что общественное управленіе городовъ посило большею частью демократическій характеръ. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ это, можно сказать, было общимъ правиломъ. Города выдѣлены были, какъ самостоятельныя республики; они много боролись съ королями и сохранили по отношенію къ нимъ независимое положеніе. Но среди нихъ не было достаточно единенія, и долго они не могли противиться централизованной королевской власти. Въ религіозныхъ движеніяхъ 16 и 17 вѣковъ короли нашли желанный поводъ, чтобъ сломить власть городовъ, и въ исходѣ 17 вѣка абсолютизмъ достигъ уже своего расцвѣта.

Инертная масса мелкой буржуазіи сгибалась подъ тяжестью абсолютизма и долгое время покорно несла тяготы, которыя онъ взваливалъ на нее. Но когда гнетъ сталъ слишкомъ силенъ, масса пришла въ движеніе и отдалась революціонной бурѣ.

Ремесло и промышленность.

Въ 1789 году въ Парижѣ было 44 цеха. Во время реформаторскихъ попытокъ министерства Тюрго, о которыхъ рѣчь будетъ еще впереди, они были упразднены, но вслѣдъ затѣмъ немедленно вновь возстановлены. Это были уже мертвенныя организаціи, и онѣ стояли подъ сильнымъ вліяніемъ полиціи. Можно было думать, что ихъ вновь возстановили только для того, чтобы онѣ платили свой промысловый налогъ. Для принятія въ цехъ были необходимы достиженіе двадцатилѣтняго возраста и четырехлѣтняя ученическая практика. Пробная работа была отмѣнена; при пріемѣ въ цехъ предпочтеніе отдавалось сыновьямъ мастеровъ и мастерицъ.

На цеховыхъ собраніяхъ въ Парижѣ участвовали только члены, платившіе наивысшій размѣръ налоговъ, въ другихъ городахъ—всѣ члены. Правительство опасалось, какъ бы на цеховыхъ собраніяхъ не стали проявляться революціонныя теченія, и полиція стала заботиться объ ограниченіи ихъ. Цехи имѣли депутатовъ, начальниковъ, синдиковъ и адъюнктовъ; вмѣстѣ съ всемогущей полиціей они представляли городское управленіе. Торговое сословіе тоже имѣло начальниковъ и адъюнктовъ. Синдики, начальники и адъюнкты по крайней мѣрѣ четыре раза въ теченіе года обходили всѣхъ мастеровъ, чтобъ убѣдиться въ томъ, исполняютъ ли они цеховыя правила, и какъ себя ведутъ подмастерья, ученики и приказчики. Когда они находили правонарушенія, они докладывали о нихъ депутатскому собранію, вызывавшему обвиняемыхъ къ себѣ для внушенія; въ случаѣ же повторныхъ правонарушеній депутатское собраніе предавало ихъ суду.

Профессіи дѣлились на свободныя и не свободныя. О занятіи свободной профессіей достаточно было только заявить полицейскому офицеру; къ свободнымъ профессіямъ относились: бѣленіе, производство щетокъ, чесаніе шерсти, торговля цвѣтами, парикмахерское, канатное дѣло, торговля старымъ платьемъ, приготовленіе кнутовъ, торговля льномъ, производимая женщинами, садоводство, торговля пряниками, обученіе танцамъ, приготовленіе матовъ, торговля птицами, выдѣлка корзинъ, вѣнковъ изъ розъ, пробокъ, крючковъ, содержаніе бань, подметаніе улицъ, тканіе льна. Однако, и свободныя профессіи находились подъ строгимъ наблюденіемъ полиціи и не были свободны отъ притѣсненій.

Ремесленникъ чувствовалъ себя очень скверно въ полицейскихъ тискахъ; полицейская опека становилась для него особенно невыносимой, когда онъ мысленно переносился въ прежнія времена, когда ремесленники жили свободными общинами и были пропитаны средневѣковой гордостью горожанина.

Промышленность тоже не могла развиться во Франціи. Кольберъ, этотъ идеалъ всѣхъ промышленниковъ, считавшій возможнымъ всего достигнуть при помощи разныхъ «регламентовъ», пытался создать расцвѣтъ промышленности приказами высшаго начальства. Онъ не успѣлъ еще состариться, какъ его дѣятельность уже пошла прахомъ. Непрерывныя войны увеличивали долги Франціи,—въ 1714 г. они уже составляли 3.500 мил-

ліоновъ и убивали всякую промышленную инициативу. Если гдѣ-нибудь и былъ слабый зародышъ развитія, то абсолютизмъ немедленно парализовалъ его. Ло съ его спекуляціями на бумагахъ совершенно разшаталъ экономическое и финансовое состояніе страны. Послѣдователи Кольбера еще ревностнѣе шли по пути регламентовъ. Особенно деспотическимъ было отношеніе къ бумажной и ткацкой промышленностямъ, такъ что эти отрасли производства не могли удовлетворить требованіямъ и потребностямъ современности. Въ 1734 году купцамъ запрещено было издавать рекламы, «такъ какъ они не въ правѣ прибѣгать къ искусственнымъ средствамъ для завлеченія покупателей». «Регламенты» установляли длину и толщину нитокъ для основы и для ушка, число ихъ, длину и ширину сукна и устройство ткацкаго станка. Если сукно было длиннѣе, чѣмъ допускалъ регламентъ, то королевскій чиновникъ-инспекторъ отрѣзалъ лишнюю часть и отдавалъ бѣднымъ; бывали случаи, что большое количество кусковъ сукна, не соотвѣтствовавшихъ регламенту, сжигалось. За такіе проступки фабрикантъ могъ быть даже выставленъ къ позорному столбу. Такими безсмысленными предписаніями правительство думало поднять на извѣстную высоту качество всѣхъ товаровъ, но успѣха оно, конечно, не имѣло. Всѣ объединились для противодѣйствія правительству и стали нарушать регламентъ. Въ 1776 году промышленности дали возможность свободнѣе вздохнуть, но тяготѣвшій надъ ней гнетъ еще долго давалъ себя чувствовать.

Такимъ образомъ, и у промышленности было немало причинъ сопротивляться гнету стараго порядка. Долгое время потомъ она еще не могла оправиться.

Промышленные рабочіе и подмастерья.

Не задолго до революціи заработная плата во Франціи среднимъ числомъ составляла 26 су для рабочаго и 15 су для работницы (20 су = 1 франку 40 коп.). Комиссія, назначенная учредительнымъ собраніемъ, выяснила, что средняя заработная плата составляла 50 сантимовъ (½ франка) въ день. Положеніе промышленныхъ рабочихъ было очень скверное, и рано мы встрѣчаемся уже съ движеніями, имѣвшими цѣлью поднятіе матеріальнаго положенія условій труда рабочаго. Центромъ этихъ движеній былъ *Ліонъ*, и картина состоянія его промышленности можетъ намъ скорѣе всего дать представленіе о положеніи промышленныхъ рабочихъ во Франціи восемнадцатаго вѣка.

Въ пятнадцатомъ вѣкѣ въ Ліонѣ впервые появляется шелковое производство. Въ 1536 году оно уже давало работу 12.000 рабочихъ, а при Людовикѣ XIV мы наблюдаемъ уже упадокъ его. По одному изъ регламентовъ эпохи Кольбера въ шелковой промышленности Ліона устанавливались три класса, представлявшихъ вмѣстѣ цѣлое сословіе. Къ высшему классу относились капиталисты, предприниматели и торговцы. Всѣ они были очень богаты. Второй классъ составляли мастера; ихъ было въ десять разъ больше, чѣмъ торговцевъ; они работали дома на собственныхъ станкахъ

на свой собственный счетъ или на счетъ капиталиста. Третій классъ, классъ подмастерьевъ, работалъ за заработную плату и по численности въ десять разъ превышалъ классъ мастеровъ. Кромѣ того, шелковая промышленность насчитывала 40.000 человѣкъ рабочихъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей; они не входили въ составъ сословія, подвергались безграничной эксплуатаціи и жили въ страшной нищетѣ. Когда возникали недоразумѣнія, ихъ разрѣшали шесть надсмотрщиковъ; первоначально двое изъ нихъ назначались городскимъ управленіемъ, а остальные четверо выбирались изъ среды бывшихъ начальниковъ и изъ тридцати мастеровъ, указанныхъ мэромъ, носившимъ тогда также названіе консула. При Людовикѣ же XVI было постановлено, чтобы мелкія производства, т. е. мастера, выбирали только двухъ надсмотрщиковъ, а крупныя, т. е. капиталисты и предприниматели—четырехъ. Затѣмъ въ 1731 году еще былъ изданъ декретъ государственнаго совѣта, чтобы мастера, работавшіе на счетъ торговцевъ, не имѣли у себя болѣе четырехъ ткацкихъ станковъ; тѣмъ же рабочимъ, которые сами и непосредственно продавали свои произведенія, запретили имѣть больше двухъ станковъ, нанимать подмастерьевъ или принимать учениковъ. Шелковая промышленность насчитывала тогда 50.000 рабочихъ, 90 торговцевъ, 800 мастеровъ и 8.000 подмастерьевъ. Декретъ 1731 года всецѣло отдалъ все сословіе во власть торговцевъ.

Правда, въ 1731 г., этотъ злополучный декретъ былъ отмѣненъ, но въ теченіе 1741—1744 годовъ были изданы новыя распоряженія, благопріятствующія торговцамъ и направленныя противъ мастеровъ, подмастерьевъ и рабочихъ. Мастера утверждали, что даже при напряженной и непрерывной работѣ они ежегодно должны дѣлать на 250 франковъ долгу. И до того времени жалкая, заработная плата опустилась до минимума. Это привело въ 1744 году къ крупной стачкѣ подмастерьевъ и мастеровъ; во Франціи это была *первая большая стачка*. Присоединились и рабочіе, не принадлежавшіе къ сословію. Требованія были такія: повышеніе заработной платы на 1 су съ аршина, уравненіе классовъ сословія при выборѣ начальниковъ, отмѣна налога въ 300 франковъ за утвержденіе въ званіи мастера, право подмастерьевъ и мастеровъ свободно работать за свой или чужой счетъ. Почти всѣ остальныя производства въ Ліонѣ тоже пріостановили работу, и первый промышленный городъ страны въ теченіе восьми дней находился во власти пролетаріата, не учинившаго за это время никакихъ насилій или безпорядковъ. Консулъ удовлетворилъ требованія рабочихъ, которыя въ сущности были очень скромны. Но въ февралѣ 1745 года всѣ уступки взяты обратно. Торговцы снова получили преобладающее значеніе; весьма вѣроятно, что они подкупили министровъ. Нѣсколько рабочихъ были убиты, другіе сосланы на галеры. Войска были оставлены у горожанъ на постоѣ. Словомъ, въ отвѣтъ на свои требованія рабочіе получили только пули.

Подъ страшнымъ гнетомъ жили рабочіе шелковаго производства съ того времени до 1786 года. Этотъ годъ ознаменовался новой стачкой. Они требовали прибавки двухъ су на аршинъ. Вооруженные палками, рабочіе толпами ходили по городу; консульство испугалось и согласилось на все. Но появилось войско, уступки были взяты обратно, а троихъ ремесленниковъ

«для примѣра» повѣсили за то, что они не уплатили какого-то мостового сбора. Такса заработной платы была отмѣнена и поставлена въ зависимость отъ личнаго соглашенія, послѣдствіемъ чего, понятно, было пониженіе заработной платы. Въ 1788 году урожай шелка выпалъ незначительный,—остановилось 5.400 станковъ и 40.000 рабочихъ осталось безъ хлѣба. Ужасное положеніе рабочихъ во время этого кризиса не поддается описанію. Городъ Ліонъ получилъ разрѣшеніе на заемъ въ 300.000 франковъ на пособіе рабочимъ; этимъ, однако, нельзя было помочь горю, такъ какъ наступила дороговизна и зима была очень сурова. Много рабочихъ и мастеровъ должно было эмигрировать, многіе покончили самоубійствомъ, наконецъ, третьи работали по 18 часовъ въ сутки, чтобы какъ-нибудь прожить.

Уже въ 1789 году крупная промышленность произвела чистку среди мастеровъ; она насчитывала 14.700 ткацкихъ станковъ и 58.000 работниковъ. Но только 3.400 изъ нихъ принадлежали къ сословію и могли принять участіе въ выборахъ въ генеральные штаты 1789 г., такъ какъ только принадлежность къ сословію давала права голоса.

Филантропическій институтъ вторично добылъ 300.000 франковъ для рабочихъ, но это только послужило хорошимъ поводомъ для торговцевъ еще больше сбавить жалкую заработную плату.

Такъ-то въ Ліонѣ очень рано началось рабочее движеніе, и очень рано мы уже видимъ здѣсь разграниченіе между пролетаріатомъ и буржуазными партіями. Это обнаружилось уже при выборахъ въ генеральные штаты. Мы ниже увидимъ, что и въ Парижѣ рабочіе выступили на защиту своихъ интересовъ, но безуспѣшно.

Еще въ началѣ среднихъ вѣковъ среди французскихъ промышленныхъ рабочихъ существовали союзы подмастерьевъ. Они извѣстны были подъ именемъ compagnonnage. Союзы эти указываютъ на то, что промышленный пролетаріатъ тамъ очень рано уже отграничилъ себя отъ мастеровъ и капиталистовъ; возникновеніе этихъ союзовъ обозначало начавшійся процессъ отдѣленія труда отъ капитала. Эта форма союзовъ просуществовала вплоть до Второй Имперіи и тогда только уступила мѣсто другимъ союзамъ. По происхожденію своему эти союзы подмастерьевъ носили характеръ религіозный, только впослѣдствіи они стали преслѣдовать, кромѣ того, и матеріальныя цѣли. Въ этихъ союзахъ демократическая организація соединялась съ большимъ количествомъ своеобразныхъ обычаевъ, на которые надо смотрѣть, какъ на пережитки религіозныхъ церемоній. Это были замкнутыя корпораціи подмастерьевъ въ противовѣсъ мастерамъ, и въ эпоху своего расцвѣта онѣ очень много сдѣлали для интересовъ ремесленнаго пролетаріата. Онѣ организовали много стачекъ, изъ-за которыхъ мастера жаловались на нихъ представителямъ государственной власти. Кольберъ не прочь былъ регламентировать даже образъ жизни рабочаго, но союзы подмастерьевъ, распространенные по всей Франціи, обнаружили много самостоятельности. Послѣ руанской стачки 1697 г., когда въ теченіе мѣсяца не работало 3.000 суконныхъ ткачей, по той причинѣ, что чужіе рабочіе были тамъ приняты на службу, полиція обратила свое вниманіе на союзы

подмастерьевъ. Хотя эти союзы не выступали вполнѣ открыто и были довольно неуловимы, однако, противъ нихъ приняты были строгія мѣры. Братства и союзы ремесленныхъ подмастерьевъ были запрещены, ношеніе оружія и палокъ тоже было воспрещено. Была введена обязательность предварительнаго заявленія о желаніи оставить работу черезъ извѣстный срокъ, минимумъ котораго былъ установленъ правительствомъ. Въ 1771 г. послѣдовало опредѣленіе, по которому колбасный подмастерье долженъ былъ оставаться у мастера не менѣе года: были введены аттестаты, а въ 1781 году появились рабочія книжки, крайне стѣснительныя и ненавистныя всѣмъ рабочимъ. Союзы подмастерьевъ часто спорили между собой и раздоры нерѣдко оканчивались кровавыми столкновеніями. Крупныя столкновенія такого рода произошли въ 1730 году близъ Арля, а въ 1743 году въ Нангѣ. Въ Парижѣ, гдѣ такія драки не прекращались, парламентъ воспретилъ въ 1778 году союзамъ подмастерьевъ собираться и носить оружіе или палки.

Въ бояхъ революціи французскіе промышленные и ремесленные рабочіе, получавшіе столь жалкую заработную плату и притѣсняемые полиціей, сражались въ однихъ рядахъ съ крупной и мелкой буржуазіей. Третье и могучее четвертое сословіе относились другъ къ другу недовѣрчиво, но общая ненависть къ абсолютизму объединила ихъ. Когда третье сословіе побѣдило и власть перешла въ его руки, рабочіе стали требовать облегченія своей участи. Мы увидимъ, чѣмъ отвѣтило на это очутившееся у власти третье сословіе.

До отдѣленія четвертаго [1]) сословія отъ третьяго было уже недалеко.

Сельское населеніе.

Во время революціи населеніе Франціи составляло около двадцати пяти милліоновъ людей, и изъ нихъ двадцать одинъ милліонъ жили земледѣліемъ. Поверхность Франціи составляла пядьдесятъ одинъ милліонъ гектаровъ, и изъ нихъ обрабатывалось тридцать пять милліоновъ.

Та часть земли, которая не составляла собственности духовенства, дворянства и короны, принадлежала мелкимъ землевладѣльцамъ; по показаніямъ одного изъ наблюдателей того времени, во Фландріи, Эльзасѣ и сѣверной Бретани эти мелкіе собственники были довольно состоятельны, въ другихъ же мѣстахъ, особенно въ Шампани и Лотарингіи, они были очень бѣдны и даже нищенствовали. Раздробленность владѣній была крайне велика; были владѣнія въ десять саженъ съ однимъ деревомъ на нихъ, представителемъ угодій. Средняго сельскаго сословія почти не существовало; сельское населеніе почти исключительно состояло изъ крупныхъ помѣщиковъ, обѣднѣвшихъ крестьянъ, арендаторовъ и пролетаріата различныхъ ступеней, вплоть до крѣпостного. Только въ Вандеѣ между провинціальнымъ дворянствомъ и крестьянами сохранились до нѣкоторой степени патріархальныя отношенія; впослѣдствіи это явилось даже причиной разыгравшихся въ этой провинціи кровавыхъ боевъ; въ другихъ мѣстахъ почти всюду помѣщикъ грубо обращался съ крестьяниномъ и эксплоатировалъ его до послѣдней возможности. Чѣмъ больше дворянство бѣднѣло, тѣмъ больше оно старалось выжать изъ крестьянъ. Такимъ-то образомъ, ко времени революціи феодальныя тяготы достигли предѣловъ возможнаго, а вмѣстѣ съ громадными государственными повинностями онѣ превращали жизнь сельскаго населенія въ адъ; было бы удивительно, если бы въ этой средѣ не отнеслись сочувственно къ какому-нибудь измѣненію существующаго порядка вещей.

До революціи французскій крестьянинъ долженъ былъ вести образъ жизни, мало чѣмъ отличавшійся отъ жизни животнаго. Способы обработки носили еще первобытный характеръ и не могли настолько использовать плодородіе почвы, чтобы дать благосостояніе населенію. Было еще много свободной земли и пустырей, до которыхъ никому не было никакого дѣла. Крестьяне жили въ жалкихъ глиняныхъ лагучахъ, крытыхъ соломой, и частью безъ оконъ. Было бы удивительно, если бы они не были грязны, грубы и невѣжественны; господствующей власти вовсе невыгодно было дать доступъ свѣту просвѣщенія въ эту массу несчастныхъ, блуждающихъ во тьмѣ людей. Было очень мало крестьянъ, умѣвшихъ читать и писать. Въ составъ сельскаго населенія Франціи до революціи входило еще полтора милліона крѣпостныхъ, которые должны были платить своему помѣщику подати и нести барщину. Помѣщикъ имѣлъ надъ ними право суда, они же не имѣли права свидѣтельствовать на судѣ и свободно распоряжаться своимъ движимымъ имуществомъ. Крестьянинъ не имѣлъ права протестовать противъ опустошеній, которыя производила у него дичь, и подъ страхомъ строгаго наказанія не долженъ былъ имѣть у себя оружія.

Особенно тяжелымъ налогомъ была для крестьянина церковная и свѣтская десятина, которую онъ долженъ былъ вносить духовенству и помѣщику. Десятина составляла десятую часть всего дохода съ хозяйства. Расчетъ производился на очень неопредѣленныхъ основаніяхъ, и десятая часть могла превратиться въ треть, половину, три четверти или даже большую часть чистаго дохода, и могла страшнымъ бременемъ ложиться на крестьянина. Значительное число собственниковъ съ акра пшеницы должно было отдавать седьмую часть. Виноградари очень часто должны были отдавать седьмую часть добытаго ими вина. Большое число натуральныхъ повинностей сохранилось со среднихъ вѣковъ въ видѣ «историческаго права», нѣкоторые участки должны были поставлять добавочные взносы рожью, птицей, свиньями, яйцами, дровами, воскомъ и цвѣтами; кромѣ того, наряду съ обыкновенной барщиной было также много добавочной. Во многихъ случаяхъ мы встрѣчаемся и съ особыми денежными налогами. Рядомъ съ помѣщикомъ стояло государство и обращалось къ крестьянину

[1]) Мы употребляемъ здѣсь общепринятое выраженіе «четвертое сословіе», но мы вовсе не забываемъ при этомъ, конечно, о томъ, насколько это обозначеніе не подходитъ къ рабочему классу.

съ требованіями, на исполненіи которыхъ оно настаивало съ такою же неумолимостью, какъ и феодалъ. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоялъ земельный налогъ; дворянство изворачивалось такъ, что почти не платило его, духовенство было освобождено отъ него, а крестьянство должно было вносить его неукоснительно. Земельный налогъ приносилъ въ общемъ 110 милліоновъ франковъ. Послѣ него слѣдовали ненавистный соляной налогъ, доходы на предметы потребленія, пошлины на товары, съѣстные припасы, на передвиженіе. Высчитано, что въ областяхъ наибольшаго обложенія изъ ста франковъ крестьянинъ долженъ былъ платить государству 53 франка земельнаго, подушнаго и подоходнаго налога, 14 франковъ помѣщику, 14 франковъ десятины духовенству. Изъ оставшихся 19 франковъ надо еще отсчитать кое-что на соляной налогъ и налогъ на потребленіе. Такимъ образомъ, легко себѣ представить, что непрерывно голодавшихъ крестьянъ было не мало.

Къ этимъ ужаснымъ тяготамъ присоединился еще недородъ. Звѣрство помѣщиковъ и сборщиковъ податей не разъ доводили сельское населеніе до отчаянія и бунтовъ, подавлявшихся военной силой. Такъ, въ 1775 году произошелъ крестьянскій бунтъ, такъ называемая война за муку. Плохой урожай, дороговизна и агитація враговъ правительства довели крестьянъ до того, что они рѣшились толпой пойти въ Версаль и требовать отъ короля помощи. Въ Парижѣ въ это время тоже происходили сборища и безпорядки; народъ грабилъ булочныя и разрушалъ хлѣбные магазины. Людовикъ XVI что-то пообѣщалъ, и крестьяне успокоились. Пока что, въ обычное время столь благоразумный министръ его Тюрго ничего лучшаго не придумалъ, какъ призвать войска. Было пущено въ ходъ оружіе, и толпа была разсѣяна. «Для примѣра» двоихъ повѣсили. И такъ поступилъ самъ Тюрго! Легко понять, что больше всѣхъ мучились крѣпостные. Вольтеръ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся умовъ того времени, выступилъ со своимъ сильнымъ перомъ на борьбу съ этимъ варварскимъ учрежденіемъ. Вотъ что онъ, между прочимъ, писалъ Людовику XV: «Ваше Величество! Въ Вашей арміи имѣется болѣе 30.000 крѣпостныхъ. Если нѣкоторые изъ нихъ дослужатся до офицерскаго чина, получатъ отставку и пенсію, но не возвратятся въ свою жалкую лачугу къ родителямъ и родственникамъ, а поселятся въ городѣ, займутъ лучшую квартиру, то передъ смертью они все-таки не въ правѣ будутъ распорядиться своимъ имуществомъ и сбереженіями: послѣ ихъ смерти все должно принадлежать ихъ господину!» Ограниченный Людовикъ XV, весь предавшійся разврату, не обращалъ вниманія на эти слова, но Вольтеръ продолжалъ свою критику крѣпостничества. Онъ придалъ безсмертную редакцію собраннымъ имъ жалобамъ крѣпостныхъ. «Мы»,— заставляетъ онъ ихъ говорить,—«рабы вмѣстѣ со всѣмъ, что принадлежитъ намъ. Остаемся ли мы въ домѣ родителей, обзаводимся ли мы послѣ женитьбы своимъ хозяйствомъ,— когда одинъ изъ насъ умираетъ, имущество его принадлежитъ монахамъ. Насъ гонятъ изъ родительской лачуги, и мы должны просить милостыни у порога того дома, гдѣ мы родились. Намъ не только подаютъ подаянія, но господинъ нашъ въ правѣ не платить за лекарства и бульоны, которые мы беремъ для нашихъ родственниковъ. Поэтому, когда мы больны, ни одинъ купецъ не даетъ намъ тряпки въ кредитъ, ни одинъ мясникъ не повѣритъ фунта мяса, а аптекарь отказываетъ намъ въ лекарствѣ, которое могло бы спасти намъ жизнь. Мы умираемъ, покинутые всѣми, и въ могилу мы можемъ сойти только съ печальнымъ сознаніемъ, что дѣти наши тоже останутся въ рабствѣ и нищетѣ. Когда пришлецъ, незнакомый съ мѣстными условіями, по какой-нибудь несчастной случайности пробудетъ одинъ годъ и одинъ день въ этомъ варварскомъ мѣстѣ С.-Клодъ (Юра), то онъ становится такимъ же рабочимъ монахомъ, какъ мы. Пусть онъ разбогатѣетъ въ другой странѣ—богатство его принадлежитъ монахамъ изъ С.-Клода; въ какой угодно странѣ на свѣтѣ они въ правѣ требовать себѣ это богатство, и это извѣстно подъ именемъ права на преслѣдованіе. Когда монахамъ удастся доказать, что дѣвушка, вышедшая замужъ, не провела первую ночь послѣ вѣнца въ отцовскомъ домѣ, а въ домѣ мужа своего, то она теряетъ право наслѣдовать своему отцу. Нерѣдки случаи, когда такія свидѣтельскія показанія вынуждаются угрозами, и наслѣдство достается монахамъ. Дѣло можетъ идти о 20 талерахъ или 100.000 франковъ,—они всегда сумѣютъ ихъ получить. Эти монахи сосутъ изъ насъ соки, пока мы живы, сдираютъ шкуру, когда мы умремъ, а все остальное бросаютъ въ живодерню». Герцогу Шуазелю онъ такъ писалъ: «Меня посѣтили на-дняхъ крѣпостной и крѣпостная изъ С.-Клода. Крѣпостной занимаетъ должность почтмейстера въ С.-Амурѣ и приказчика у вашего родственника графа Шуазеля; вы являетесь, такимъ образомъ, собственникомъ его на двухъ основаніяхъ, и капитулъ С.-Клода вовсе не въ правѣ обращаться съ этими людьми, какъ съ крѣпостными. Между тѣмъ ихъ бьютъ, каноники высасываютъ изъ нихъ соки, и вы увидите это—все населеніе выселится въ Швейцарію, если вы не возьмете его подъ свою защиту». Понятно, герцогъ Шуазель ничего для нихъ не сдѣлалъ, но приведенные Вольтеромъ факты, высказанныя имъ замѣчанія снова всплыли во время революціи. Его другъ и соратникъ Кристэнъ былъ предсѣдателемъ той комиссіи учредительнаго собранія, которая составила знаменитый докладъ противъ крѣпостного права. Въ немъ говорится: «Статья III обычнаго права графствъ предусматриваетъ, что, если свободный человѣкъ женится на дочери крѣпостного и останется жить въ домѣ жены своей, то онъ не становится крѣпостнымъ, если онъ не умретъ въ домѣ жены своей, въ противномъ случаѣ онъ и дѣти его становятся крѣпостными». Такимъ образомъ, когда такой человѣкъ, отецъ семейства, заболѣвалъ, его должны были перенести на землю свободнаго человѣка, въ противномъ случаѣ дѣтямъ угрожала опасность впасть въ нищету и позорное рабство. Не одинъ разъ, конечно, статья эта была причиной смертельнаго исхода болѣзни.

Сколько отчаянія и озлобленія должно было накопиться у этихъ бѣдныхъ истощенныхъ крестьянъ, полуголодныхъ поденщиковъ, замученныхъ крѣпостныхъ! Они гибли въ нищетѣ и грубости, и ужасно было, дѣйствительно, ихъ возстаніе, когда пожаръ революціи зажегъ страну, и сельское населеніе поднялось противъ своихъ притѣснителей.

Правительство и управленіе.

Образъ правленія старой Франціи былъ вполнѣ деспотическій. Можно было подумать, что вся задача его заключается въ изысканіи средствъ на роскошь двора и придворныхъ, въ охранѣ преимуществъ привилегированныхъ сословій и въ подавленіи всякихъ признаковъ недовольства. Неограниченная монархія признавала только подданныхъ, но не гражданъ, и поэтому свободы личности не существовало. Въ судѣ царилъ произволъ, подкупъ; онъ низко палъ и не вселялъ довѣрія. Наибольшимъ нарушеніемъ и угрозой личной свободы французскаго населенія были знаменитые бланки для задержанія; при помощи такого бланка дворъ и близкіе ему люди могли кого угодно заготочить въ страшную государственную тюрьму Бастилію: достаточно было не угодить имъ. Юридической защиты противъ такого насилія не существовало. Если кто-нибудь былъ такъ неосторожень, что въ присутствіи шпіона выказывалъ свое свободомысліе, то онъ могъ уже напередъ знать, что ему придется исчезнуть за толстыми стѣнами Бастиліи. Писатель, ратовавшій противъ общественныхъ злоупотребленій, всегда долженъ былъ опасаться, что его запрячутъ въ Бастилію, а работу его сожгутъ рукой палача. Кто не угодилъ придворному или придворной дамѣ, могъ попасть въ Бастилію, не зная, за что. Въ этой темницѣ люди сидѣли годы, умирали, не бывъ даже ни разу допрошены, не услышавъ ни одного слова о томъ, за что ихъ арестовали. Тамъ, напримѣръ, былъ заключенный, который просидѣлъ въ Бастиліи цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ и просилъ въ прошеніи на имя короля сказать ему, что стало за эти шестнадцать лѣтъ съ егой женой и дѣтьми, если ужъ ему не говорятъ о причинѣ его заключенія. Немало блестящихъ умовъ перебывало за стѣнами этой крѣпости. Во Франціи было много еще такихъ тюремъ; Бастилія была только наиболѣе знаменита среди нихъ.

Если при помощи этихъ бланковъ о задержаніи абсолютизмъ могъ распоряжаться только личной свободой французскаго населенія, то для распоряженія его имуществомъ существовали произвольные налоги, установленные несмотря на протестъ парламентовъ. О несправедливости обложенія и о свободѣ дворянства и духовенства отъ налоговъ мы уже говорили. Правительство отдавало налоги сборщикамъ на откупъ; сборщики уплачивали правительству извѣстную сумму, а потомъ уже взыскивали съ населенія налогъ самымъ безжалостнымъ образомъ, такъ какъ собранная ими сумма уже принадлежала имъ. Примѣнявшіяся ими мѣры взысканія отличались ужасной жестокостью, и великая ненависть къ крупнымъ сборщикамъ, главнымъ откупщикамъ, нашла себѣ выходъ во время террора революціи: всѣ откупщики, которыхъ удалось поймать, погибли на эшафотѣ. Особенно ненавистенъ былъ соляной налогъ, значительно колебавшійся въ различныхъ областяхъ, вслѣдствіе отсутствія единства въ управленіи; цѣна на центнеръ соли колебалась вслѣдствіе этого между 8 и 62 франками. Каждый французъ старше семи лѣтъ долженъ былъ ежегодно покупать у государства семь фунтовъ соли; очень много бѣдняковъ, не сдѣлавшихъ

этого, наказывались принудительной продажей имущества. Число такихъ случаевъ доходило до 4.000 въ годъ. Считаютъ, что въ связи со взысканіемъ этого налога ежегодно производили 3.500 арестовъ; арестованнымъ же нерѣдко угрожалъ кнутъ или каторжныя работы (галеры).

Необычайно громадное число нищихъ, бродягъ, воровъ и всякаго рода сомнительныхъ личностей слонялось по странѣ и вело постоянную борьбу съ полиціей, которой было недостаточно, чтобы бороться съ ними. Въ сельскихъ мѣстностяхъ организовались цѣлыя разбойничьи шайки, державшія въ страхѣ всю округу. Какъ послѣдствіе жестокихъ и несправедливыхъ законовъ объ охотѣ, возникла организація для кражи дичи. На границѣ приходилось держать 50.000 человѣкъ пограничной стражи для борьбы съ контрабандой, столь выгодной вслѣдствіе высокихъ пошлинъ, но сколько-нибудь успѣшно вести борьбу съ контрабандистами все-таки не удавалось. Ни одинъ годъ не обходился безъ множества смертныхъ казней: колесовали, рубили головы, вѣшали, сжигали, пытали, рвали раскаленными щипцами и даже четвертовали. Для большаго устрашенія придумывали возможно болѣе мучительныя казни. Тюрьмы были переполнены заключенными всякаго возраста обоего пола, и все это было втиснуто въ одно помѣщеніе; на продовольствіе человѣка отпускалось пять су; оно было столь же жалкимъ, сколь варварскимъ было обращеніе съ арестованными.

Наряду съ такой народной нищетой стояла безсмысленная расточительность двора. Цивильный листъ короля, равно какъ жалованье членамъ королевскаго дома были слишкомъ высоки для того времени. Цѣлая толпа дармоѣдовъ, льстецовъ, авантюристовъ, мошенниковъ и лакеевъ примостилась къ двору, получала значительное, часто даже громадное жалованье по цивильному листу короля, т. е. изъ государственной кассы. Дворъ состоялъ изъ 1.500 человѣкъ. О расточительности этого двора можно себѣ составить представленіе хотя бы по тому, что гувернантка королевскихъ дѣтей получала 150.000 франковъ жалованья въ годъ. При Людовикѣ XVI одинъ изъ государственныхъ секретарей жаловался, что 180.000 франковъ ему не хватаетъ, и ему прибавили 40.000.

Грубость полиціи, высокомѣріе важныхъ господъ по отношенію къ податному населенію и истощенному крестьянину, всесторонній гнетъ,—все это вмѣстѣ подготовило благопріятную почву для философской и литературной революціи, предтечи великаго переворота.

Духъ времени.

Правящіе классы старой Франціи съ большой настойчивостью отражали всякое покушеніе на ихъ привилегіи; однако и они прекрасно сознавали, что все ихъ роскошное и высокомѣрное существованіе непрочно, что они пируютъ на вулканѣ, въ темной и безпокойной глубинѣ котораго таятся страшныя силы; они знали, что достаточно малѣйшаго толчка,—и силы эти проснутся, превратятъ старый міръ въ пепелъ и развалины. О томъ, что всѣ чувствовали наступающую грозу, достаточно свидѣтельствуютъ хотя

бы извѣстныя слова мадамъ Помпадуръ: «послѣ насъ—хоть потопъ!» («après nous le dèluge!»). Слова эти стали паролемъ того легкомысленнаго общества, которое правило старой Франціей; оно поставило себѣ цѣлью возможно веселѣе и утонченнѣе провести время, оставшееся до прихода бури, провести послѣдній часъ своей жизни въ непрерывномъ веселомъ опьяненіи. Ради шутки не щадили ни другихъ, ни себя. Это была какая-то безумная охота за наслажденіями, и рѣдко въ исторіи можно встрѣтить эпоху, когда люди съ такой лихорадочной поспѣшностью переходили бы отъ одного удовольствія къ другому. Это обстоятельство объясняетъ намъ, почему въ этомъ смѣшанномъ и запутавшемся обществѣ восемнадцатаго вѣка такъ много сомнительныхъ личностей могло играть крупную роль наряду съ блестящими и крупными фигурами. Дурачество въ этотъ вѣкъ трудно было отличить отъ глупости. Всякаго рода авантюристы и мошенники легко расчищали себѣ путь, находили себѣ всюду радушный пріемъ, такъ какъ съ ними пріятно было коротать время. Общество вернулось къ алхиміи и къ разнаго рода магіи; это было время, когда шутъ Каліостро пользовался во Франціи наибольшимъ успѣхомъ. При всемъ томъ въ правящихъ классахъ находили себѣ почву и новыя идеи, которыя не только предсказывали, что старая Франція подвергнется кореннымъ измѣненіямъ, но которыя прямо стремились къ этому измѣненію. Образованная буржуазія занялась новыми идеями съ полнымъ сознаніемъ ихъ политическаго значенія, легкомысленная же аристократія только играла ими. Она находила эти идеи очень пикантными, и тѣ сочиненія, которыя подготовили революцію и погубили старую Францію, очень часто получали распространеніе только благодаря защитѣ и помощи аристократіи.

Матеріалистическая философія, такъ сильно возбудившая умы во Франціи, была англійскаго происхожденія. Локкъ и Юмъ заложили ея основаніе. Если Юмъ дошелъ до того,что оспаривалъ безсмертіе души, то послѣдовавшій за нимъ Гельвецій утверждалъ, что только удовлетвореніе здоровой чувственности можетъ сдѣлать здоровымъ человѣчество. Самый сильный и вліятельный изъ этихъ новыхъ философовъ—Вольтеръ направилъ свои смертельные удары главнымъ образомъ противъ церкви и противъ религіи вообще. Раны, которыя нанесены имъ, оказались неизлѣчимыми. Не было ничего, чего бы онъ не облилъ ядомъ уничтожающей насмѣшки, всѣхъ французовъ онъ сдѣлалъ скептиками, низвергнувъ установившіеся авторитеты. Для своихъ земляковъ у него не было другого названія, кромѣ общества «тигровъ и обезьянъ», напоминавшаго имъ о томъ, что надо стать людьми. Со всякими злоупотребленіями онъ, какъ мы видѣли, боролся съ большимъ мужествомъ и самоотверженіемъ. Знаменитымъ процессомъ Каласа онъ пригвоздилъ юстицію къ позорному столбу. Когда палачъ сжегъ его сочиненія, онъ, смѣясь, отвѣтилъ, что «сожженіе—не отвѣтъ!» И онъ былъ правъ, потому что отвѣтомъ на его сочиненія была революція.

Матеріалистическая философія дѣлала все большіе успѣхи; прошло немного времени, и она пришла къ отрицанію всѣхъ общепринятыхъ государственныхъ и общественныхъ идей, на смѣну которыхъ явился цѣлый міръ новыхъ. Духъ новаго времени получилъ наиболѣе полное выраженіе

въ большомъ сочиненіи многихъ авторовъ, извѣстномъ подъ именемъ энциклопедіи; оно стало такъ извѣстно, что авторовъ стали называть энциклопедистами. Душу этой новой школы составили Дидро и д'Аламберъ; они были самыми послѣдовательными представителями матеріалистической философіи, одинъ старался превзойти другого. Доводы Ламеттри противъ безсмертія души заходили еще дальше, чѣмъ философскій матеріализмъ Дидро, но дальше всѣхъ пошелъ Гольбахъ, проживавшій во Франціи нѣмецъ. Въ своей «Системѣ природы» онъ утверждалъ, что все можно объяснить матеріей и ея движеніемъ, и дошелъ до атеизма.

Въ своихъ глубокихъ и остроумныхъ размышленіяхъ о «Духѣ законовъ» Монтескье преподнесъ Франціи картину свободнаго государства; она поневолѣ должна была сравнить съ этой картиной ужасное состояніе страны и незамѣтно для себя исполниться стремленіемъ къ свободѣ.

Въ это же время выступилъ Жанъ-Жакъ Руссо, провозгласившій, что человѣческое общество испорчено, и объяснившій эту испорченность дурными общественными учрежденіями. Онъ призывалъ вернуться къ естественной простотѣ и отказаться отъ крайней извращенности. Новыя и смѣлыя идеи и блестящая критика этого философа вызвали возбужденіе во всѣхъ слояхъ общества. Ни одна книга не повліяла въ столь сильной степени на ходъ революціи, какъ его «Общественный договоръ», въ которомъ онъ провозгласилъ принципъ народнаго суверенитета въ формѣ заключеннаго народомъ общественнаго договора. По этому договору, правитель могъ только править, законы же издавалъ народъ, и въ такомъ обществѣ любой человѣкъ являлся, такимъ образомъ, и подданнымъ, т. е. гражданиномъ, и представителемъ верховной власти. Нѣкоторые пошли, однако, еще дальше. Морелли и Мабли обрушились на господствующія понятія о собственности, а къ нимъ присоединились Кондорсэ и Бриссо, прославившіеся впослѣдствіи какъ вожди жирондистовъ. Бриссо же принадлежитъ вызывающее, гиперболическое выраженіе: «собственность это—кража!»; обыкновенно авторомъ его считаютъ Прудона, но это невѣрно.

Энциклопедистовъ очень часто преслѣдовали судебнымъ порядкомъ, но могущественные представители дворянства очень часто заступались за нихъ. Новыя идеи были и для него забавой, и ради удовольствія съ ними знакомились даже при дворѣ. Къ тому же это было время просвѣщеннаго деспотизма. Было не мало князей, бравшихъ подъ свою защиту наиболѣе радикальныхъ мыслителей. Фридрихъ II прусскій находился въ тѣсной дружбѣ съ Вольтеромъ и Ламеттри, а въ послѣдніе годы своей жизни онъ видѣлся съ Мирабо и Лафайетомъ; Екатерина II, управлявшая Россіей, какъ азіатскій деспотъ, находилась въ интимной перепискѣ съ выдающимися энциклопедистами. Всѣ,кто хотѣлъ казаться умнымъ, играли новыми идеями, какъ съ красивымъ, но опаснымъ огнемъ.

Сюда присоединилась еще начавшаяся незадолго до революціи борьба сѣверо-американскихъ колоній Англіи за независимость. Когда знаменитый Веньяминъ Франклинъ прибылъ въ Парижъ, дворъ и дворянство встрѣтили его съ такимъ же восторгомъ, какъ народъ. Франція давно уже соперничала съ Англіей въ Сѣверной Америкѣ; очень много французовъ изъ любви къ

свободѣ направилось въ Сѣверную Америку, чтобы стать подъ знамена популярнаго вождя революціонной арміи Вашингтона. Въ числѣ ихъ были уже и тѣ, которымъ суждено было прославиться во время французской революціи, напр. Лафайетъ, Журданъ, Рошамбо, Кюстинъ и др. Особенно сильное впечатлѣніе произвело участіе въ этой революціонной борьбѣ такого родовитаго дворянина, какъ Лафайетъ, и когда онъ вернулся во Францію, Людовикъ XVI даровалъ ему прощеніе за его, какъ говорили тогда, простительную шалость.

Такимъ-то образомъ, самыя разнообразныя обстоятельства соединились для того, чтобы подготовить и вызвать къ концу восемнадцатаго вѣка давно ожидавшійся глубокій переворотъ. Казалось, самъ воздухъ былъ насыщенъ новыми идеями, и всѣ съ замираніемъ сердца ожидали реформъ. Всѣ жили ожиданіемъ революціи, всѣ сроднились съ мыслью о ней. Когда же она пришла, она оказалась совсѣмъ не такой, какъ люди ожидали и представляли себѣ. Философы и поэты мечтали, что это будетъ короткій періодъ проявленія народной силы и насилія. Потомъ, надѣялись они, сейчасъ же начнется давно желанная счастливая эра. Государственные люди не представляли себѣ, правда, этой задачи въ столь простомъ видѣ, но и они не думали, что живутъ наканунѣ такой грозы, которая въ теченіе двадцати лѣтъ не перестанетъ поражать Европу громомъ и молніей. Поэты, конечно, могутъ думать, что тысячелѣтнее зло можно въ одинъ годъ вырвать съ корнемъ, мыслящій же умъ всегда пойметъ, что это невозможно.

Людовикъ XVI и его государственные люди.

Въ 1774 году скончался Людовикъ XV и господство его любовницы Дюбарри кончилось. Преемникомъ Людовика XV былъ его внукъ Людовикъ XVI. Молодой король даже съ внѣшней стороны не производилъ выгоднаго впечатлѣнія; онъ былъ какъ-то неувѣренъ и неловокъ въ обращеніи съ людьми. Больше всего онъ питалъ пристрастія къ охотѣ, меньше же всего, вѣроятно, къ народному благосостоянію. Онъ вовсе не былъ столь добродушнымъ человѣкомъ, какимъ его обыкновенно рисуютъ; если онъ намъ кажется нѣсколько другимъ, чѣмъ обыкновенные неограниченные властители, то въ этомъ виновата только его трагическая судьба. У него не было своихъ мыслей, характера у него тоже не было, и онъ былъ всецѣло въ рукахъ своихъ приближенныхъ, особенно же въ рукахъ своей жены. Во время революціи ему пришлось отвѣтить за многое, въ чемъ онъ вовсе былъ невиненъ, но въ качествѣ монарха онъ былъ главнымъ представителемъ старой Франціи и надъ нимъ поэтому и разразились главнымъ образомъ громы революціи.

Королева Марія-Антуанетта, дочь императрицы Маріи-Терезы Австрійской и сестра императора Іосифа II, благодаря своему духовному превосходству, держала мужа своего въ своихъ рукахъ. Несмотря на фамильную габсбургскую отвислую нижнюю губу, она была красива, при томъ еще остроумна и любезна. Въ то же время она является наиболѣе высокомѣрной аристократкой своего времени. Эта гордая женщина, воспитанная въ предразсудкахъ противъ народа, возмущалась малѣйшей уступкой духу новаго времени, и «австріячка» стала ненавистна народу. Ее считали распутной женщиной и о ней разсказывали массу любовныхъ приключеній; мы не можемъ сказать, насколько это справедливо; въ концѣ-концовъ данныя скандальной хроники того сплетническаго времени тоже нельзя считать надежнымъ доказательствомъ. Съ другой стороны, распутная королева была бы вполнѣ понятнымъ явленіемъ во Франціи того времени.

Бракъ Людовика XVI съ Маріей-Антуанеттой имѣлъ своимъ основаніемъ соображенія государственнаго характера; когда же наступила революція, этотъ бракъ былъ однимъ изъ факторовъ, ускорившихъ вмѣшательство иностранныхъ державъ во внутреннія дѣла Франціи.

Когда Людовикъ XVI вступилъ на престолъ, онъ тоже чувствовалъ, что правительство при немъ должно стать другимъ, чѣмъ оно было при Людовикѣ XV. Ходъ мыслей его былъ очень простъ: при двухъ предшественникахъ его особую ненависть заслужило господство любовницъ, и онъ рѣшился поэтому назначить руководителемъ государственной политики человѣка, у котораго господство любовницъ всегда было бѣльмомъ на глазу. Первымъ министромъ своимъ онъ назначилъ графа Морепа. Впрочемъ, Морепа могъ дѣлать все, что ему угодно, потому что государственныя дѣла мало озабочивали короля. Онъ гораздо больше думалъ объ охотѣ, объ оленяхъ, сернахъ, лисицахъ, зайцахъ и барсукахъ; въ теченіе года онъ собственноручно убивалъ до 10.000 животныхъ. Вопросъ объ охотѣ былъ для него настолько важнымъ, что несмотря на желаніе имѣть государственныя сословія подальше отъ возбужденной столицы, онъ, однако, не перенесъ ихъ дальше Версаля; причиной, по его собственнымъ словамъ, была опять-таки охота. Онъ велъ дневникъ, и когда проводилъ одинъ день безъ охоты, то противъ этого дня отмѣчалъ: «ничего». 14 іюля 1789 года—день взятія Бастиліи—тоже отмѣченъ у него: «ничего». Штурмъ Бастиліи и «ничего!» Видно, собственноручно убитый заяцъ имѣлъ для него больше всемірно-историческаго значенія.

Назначеніе Морепа не осталось безъ послѣдствій. Правда, этотъ старый царедворецъ былъ лишенъ того, что называется государственной жилкой, но онъ призвалъ ко власти трехъ человѣкъ, которые не были противниками коренныхъ реформъ. Это были маркизъ де-Верженнъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, Ламуаньонъ Мальзербъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, и Тюрго, министръ финансовъ. Эти люди видѣли надвигающійся переворотъ и пытались путемъ мирныхъ реформъ способствовать возрожденію старой Франціи. Ихъ планы и идеи были смѣлы для того времени, но выполнимы, и если они потерпѣли неудачу, то только вслѣдствіе противодѣйствія привилегированныхъ сословій. Слабый и нерѣшительный король не могъ пристать ни къ реформаторамъ-министрамъ, ни къ защитникамъ старыхъ привилегій.

Кроткій по натурѣ Мальзербъ пытался очистить авгіевы конюшни юстиціи и хотѣлъ уничтожить бланки о задержаніи, отмѣнить пытки. Онъ стоялъ за свободу печати и боролся съ цензурой, хотѣлъ возстановить

нантскій эдиктъ и религіозную терпимость. Гораздо болѣе рѣшительный характеръ имѣли реформаторскія попытки его товарища Тюрго, котораго совершенно неправильно часто называли соціалистомъ. Онъ былъ ученикомъ школы физіократовъ, исходившихъ изъ устарѣлой и нынѣ критически опровергнутой доктрины, что земля—источникъ всѣхъ цѣнностей. Реформы Тюрго свидѣтельствуютъ о необыкновенной дальновидности его; путемъ приказаній сверху онъ хотѣлъ распутать тѣ оковы, которыя потомъ во время революціи были разбиты силою. Онъ хотѣлъ расчистить путь могучему росту третьяго сословія, уничтоживъ устарѣлыя средневѣковыя формы сообщеній, торговли и производства. Тюрго былъ противникомъ займовъ и повышенія налоговъ, сторонникомъ бережливости, свободы торговли и путей сообщенія. Первоначально ему удалось склонить на свою сторону молодого короля, которому едва только минуло двадцать лѣтъ и на котораго подѣйствовала нарисованная имъ грозная картина грядущей революціи. Прежде всего Тюрго отмѣнилъ всѣ стѣсненія для хлѣбной торговли. Это была крупнѣйшая реформа, такъ какъ до того времени на перевозку хлѣба изъ одной провинціи въ другую требовалось особое разрѣшеніе властей. Несоблюденіе этого требованія наказывалось галерами и даже смертью. При такомъ порядкѣ вещей въ одной провинціи могъ царить голодъ, въ другой изобиліе. Урожай 1774 года былъ очень плохъ, и Тюрго надѣялся предоставленіемъ свободы хлѣбной торговли принести пользу сельскому населенію. Но привилегированныя сословія выступили противъ этого. Представитель ихъ, парижскій парламентъ, въ подушечномъ засѣданіи, правда, вынужденъ внести въ реестръ эдиктъ о свободѣ хлѣбной торговли, но зато они старались убѣдить народъ въ томъ, что причина дороговизны хлѣба заключается въ свободѣ торговли имъ; и имъ въ концѣ-концовъ удалось возстановить невѣжественную массу противъ министра-реформатора. Началась уже упомянутая нами война за муку; народъ разносилъ государственные и частные хлѣбные склады и положеніе все ухудшалось. Но главная причина неудачи этой реформы Тюрго заключалась въ неорганизованности и въ несовершенствѣ путей сообщенія.

Эта первая неудача не разбила энергіи Тюрго. Ему снова удалось склонить молодого короля на сторону своихъ реформъ, и въ февралѣ 1776 г. было опубликовано шесть знаменитыхъ декретовъ, вызвавшихъ сильное возбужденіе среди представителей старой Франціи.

Въ этихъ декретахъ юный король возвѣщалъ населенію, что барщина крестьянъ и поденщиковъ отмѣняется. Кромѣ того, онъ отмѣнялъ цѣлый рядъ предписаній, стѣснявшихъ сношенія и торговлю жизненными продуктами. Четвертый декретъ отмѣнялъ цехи и союзы мастеровъ и предоставлялъ право свободно заниматься торговлей и промышленностью. Исключеніе изъ этого составляли только парикмахеры, аптекари, ювелиры, типографіи и книжныя торговли.

Эти декреты Тюрго снабдилъ нѣсколько доктринерской, но красиво составленной пояснительной запиской. Въ запискѣ къ эдикту объ уничтоженіи цеховъ говорилось между прочимъ слѣдующее: «Мы считаемъ своимъ долгомъ каждому изъ нашихъ подданныхъ обезпечить всѣ принадлежащія

ему права; въ особенности же нашъ долгъ сдѣлать это въ отношеніи къ тому классу людей, у котораго, *кромѣ труда и прилежанія, нѣтъ никакой собственности и который тѣмъ болѣе вынужденъ и въ правѣ возможно дольше черпать изъ этого единственнаго источника своего существованія*. Съ душевнымъ прискорбіемъ взирали мы на различныя нарушенія этого естественнаго и всеобщаго права разными старинными учрежденіями; однако, ни древность этихъ учрежденій, ни господствующее мнѣніе, ни дѣйствія охранявшихъ ихъ властей не могутъ оправдать этихъ ограниченій».—Эти слова въ устахъ французскаго короля произвели огромное впечатлѣніе. Это было формальное провозглашеніе *права на трудъ;* именно, въ другомъ мѣстѣ этого замѣчательнаго документа было сказано, что Господь, давъ человѣку потребности, одарилъ его вмѣстѣ съ тѣмъ и *правомъ на трудъ*. Впослѣдствіи мы увидимъ, что вопросъ о «правѣ на трудъ» всплывалъ неоднократно въ различныя фазы революціи. Но о способахъ практическаго осуществленія этого права тогда еще меньше знали, чѣмъ теперь.

Однако, въ цѣломъ разсужденія Тюрго были только гимномъ свободной конкуренціи.

Среди привилегированныхъ политика Тюрго вызвала сильное возмущеніе. Они согласились бы пожертвовать цехами, но отмѣна барщины была уже для нихъ слишкомъ чувствительнымъ ударомъ. Совѣсть дворянства и духовенства была неспокойна; они начинали опасаться, что не пройдетъ много времени—и ихъ земельныя собственность и доходы тоже подвергнутся обложенію. Цеховые ремесленники-мастера тоже были въ высшей степени недовольны, такъ какъ они теряли свое привилегированное положеніе въ качествѣ мастеровъ. Высказывалось опасеніе, что по освобожденіи промышленности сельское населеніе наводнитъ города, и некому будетъ заниматься земледѣліемъ. Дворъ и возстановленный Людовикомъ XVI парламентъ возстали противъ этихъ реформъ. И несмотря на то, что въ подушечномъ засѣданіи эти шесть эдиктовъ пришлось зарегистрировать, парламентъ все же продолжалъ свою оппозицію. Когда же Тюрго высказалъ мысль о такомъ народномъ представительствѣ, въ которомъ ни дворянство, ни духовенство не будутъ имѣть отдѣльныхъ представителей, для борьбы съ нимъ объединились и дворъ, и парламенты, и даже народъ, въ пользу котораго Тюрго предпринималъ эти реформы и который они сумѣли обмануть и возстановить противъ него. Имъ удалось убѣдить слабаго и легкомысленнаго короля въ томъ, что Тюрго стремится вызвать ту самую революцію, которую онъ въ дѣйствительности старался предотвратить. Черезъ два мѣсяца послѣ того, какъ онъ вынудилъ парламентъ зарегистрировать эдикты Тюрго, онъ его уволилъ. Уже въ августѣ 1776 года цехи съ нѣкоторыми, правда, измѣненіями были возстановлены, тоже самое барщина. Тюрго освободилъ фабрики отъ знаменитыхъ «регламентовъ»; теперь они тоже были возстановлены. Сочувствовавшій Тюрго Мальзербъ тоже подалъ въ отставку, и старый царедворецъ Морепа былъ очень радъ, что освободился отъ этихъ двухъ опасныхъ реформаторовъ.

Реформаторскія попытки Тюрго были предприняты слишкомъ поздно. Съ одной стороны, разложеніе зашло слишкомъ далеко, съ другой—ослѣ-

пленіе привилегированныхъ сословій достигло своего максимума, и, наконецъ, монархія была уже слишкомъ слаба для того, чтобы произвести переворотъ сверху. И исторія пошла своимъ предопредѣленнымъ путемъ.

Государственные долги Франціи были очень велики, и одни проценты поглощали громадную сумму. Уже во времена Людовика XIV государственные долги Франціи достигли 3.500 милліоновъ. Денежная нужда была тяжелая и хроническая. При всемъ томъ двору неугодны были такіе бережливые люди, какъ Тюрго; имъ былъ гораздо пріятнѣе такой министръ финансовъ, который умѣлъ доставать деньги и средства для расточительности двора, не заикаясь объ экономіи, къ которой стремился Тюрго. Призванный на этотъ тяжелый постъ Клюньи оказался скоро непригоднымъ. Наконецъ, Морепа додумался довѣрить французскіе финансы швейцарцу Неккеру, резиденту женевской республики при французскомъ дворѣ.

Неккеръ, правда, былъ представителемъ буржуазіи и дворянству не особенно угоденъ, но у него была выдающаяся репутація и отъ него ожидали успѣшнаго выхода изъ финансовыхъ затрудненій. Трезвый дѣлецъ, но лишенный широкаго размаха, Неккеръ былъ назначенъ генералъ-директоромъ финансовъ; онъ сейчасъ же прибѣгъ къ старымъ средствамъ—къ займамъ, и такъ какъ въ качествѣ крупнаго банкира онъ пользовался значительнымъ кредитомъ, то это ему удалось сравнительно легко. Пока что, деньги были, и можно было хоть на время забыть о тяжеломъ финансовомъ положеніи.

Тутъ произошло событіе, привлекшее къ себѣ вниманіе всего французскаго населенія. Въ Сѣверной Америкѣ какъ разъ въ это время закончилась борьба колоній съ Англіей, и сѣверо-американскій конгрессъ провозгласилъ свободу и самостоятельность колоній. Де-Верженнь добился того, что Франція оказала поддержку возставшимъ колоніямъ, а Неккеру удалось раздобыть необходимыя для этого средства. Вліяніе сѣверо-американской войны на французскую армію осталось неизгладимымъ. Офицеры и солдаты вернулись съ гораздо болѣе радикальными воззрѣніями, чѣмъ тѣ, съ которыми они ушли. А правительство имѣло глупость какъ разъ въ это время увеличить строгость въ арміи. Армія была тогда особенно ненавистнымъ для народа учрежденіемъ, такъ какъ тогда еще не было такого избытка рабочихъ силъ, какъ въ настоящее время, и крестьяне страшно озлоблялись всякій разъ, когда у нихъ отрывали сыновей отъ полевыхъ работъ для продолжительной и тяжелой военной службы. И вотъ, тотъ самый Людовикъ XVI, который такъ недавно говорилъ о правахъ французскаго населенія, постановляетъ, что даже въ чинъ подпоручика не долженъ быть произведенъ тотъ, кто не можетъ назвать четыре поколѣнія своихъ предковъ. Ни одинъ лейтенантъ недворянскаго происхожденія не могъ быть произведенъ въ капитаны. Все это означало, что солдатъ не могъ надѣяться на дѣйствительное повышеніе. Затѣмъ были введены считавшіеся образцовыми прусскіе армейскіе уставы, но, хотя они считались лучшими, французамъ строгость ихъ была ненавистна. Большое озлобленіе вызвало въ арміи возстановленіе фухтелей, т. е. наказанія сабельными клинками. Все это имѣло своимъ послѣдствіемъ, что оппозиціонный духъ развился

и въ арміи, и этимъ въ значительной степени объясняется отношеніе ея къ начавшейся революціи.

Между тѣмъ и при Неккерѣ финансовое положеніе Франціи стало ухудшаться; онъ, правда, былъ бережливъ, но займы его увеличили бремя долговъ и тяжесть процентовъ. Мало-по-малу Неккеръ пришелъ къ тому же, о чемъ помышлялъ Тюрго, т. е. къ мысли обложить налогами и дворянство. и духовенство. Для этого онъ рѣшилъ созвать народное представительство, и именно представителей трехъ сословій каждой провинціи. Но этотъ планъ не имѣлъ успѣха вслѣдствіе сопротивленія парламента, съ одинаковымъ упорствомъ отстаивавшаго привилегіи дворянства отъ всякихъ покушеній сверху и снизу. Тогда Неккеръ прибѣгъ къ новому средству: желая привлечь общественное мнѣніе на свою сторону и на сторону своей реформы налоговъ, онъ напечаталъ свой докладъ королю о состояніи государственныхъ финансовъ.

Это былъ неслыханный до того времени поступокъ и онъ поразилъ всѣхъ. То, что въ современномъ государствѣ кажется вполнѣ естественнымъ,—контроль общества надъ государственнымъ бюджетомъ,—тогда было чѣмъ-то небывалымъ. Зачѣмъ буржуазіи, крестьянству и помѣщикамъ знать, сколько расточаетъ дворъ на всемилостивѣйшіе подарки, пенсіи и ренты своимъ любимцамъ? Зачѣмъ этой мѣщанской «сволочи» знать, что она даетъ почти все, а привилегированныя сословія—ничего? Зачѣмъ, наконецъ, раскрывать передъ всей Европой, какіе громадные долги взвалило на плечи французскаго населенія продолжительное и неумѣлое хозяйничанье? Всѣ представители стараго порядка—дворъ, дворянство, духовенство, парламенты,—все это обрушилось на женевца, осмѣлившагося прибѣгнуть къ такимъ неслыханнымъ средствамъ. Ему пришлось подать въ отставку, но общественное мнѣніе всецѣло было на его сторонѣ. Вдобавокъ ко всему онъ написалъ еще книгу о государственномъ хозяйствѣ Франціи и подвергъ въ ней подробной критикѣ всѣ злоупотребленія прежняго времени. И хотя у Неккера не было никакихъ реформаторскихъ плановъ и самъ онъ находился не у власти, онъ съ того времени сталъ любимцемъ общества.

Къ этому времени душой придворной партіи была уже королева, съ жестокой ненавистью выступившая противъ реформаторовъ и противъ реформы. Братья короля всѣми мѣрами поддерживали ее, самъ же король колебался между разумными доводами своихъ государственныхъ людей и происками двора. Когда скоро послѣ отставки Неккера Морепа умеръ, дворъ сумѣлъ достигнуть того, что должность перваго министра осталась незамѣщенной. Раньше при назначеніи министровъ еще сколько-нибудь считались съ настроеніемъ народа, теперь же могли занять ихъ мѣста только тѣ, которые обѣщали достать возможно больше денегъ.

Попытки привлечь разныхъ финансистовъ съ тѣмъ, чтобы они не только привели въ порядокъ финансы, но, кромѣ того, еще раздобыли денегъ, кончились неудачей; и тутъ появился фокусникъ, увѣрявшій, что онъ сразу можетъ вывести французскіе финансы изъ затруднительнаго положенія. Это былъ нѣкто де-Калоннъ, избранникъ придворной партіи,—

царедворецъ стараго покроя, отнесшійся къ своей задачѣ со всѣмъ легкомысліемъ своего времени. Бережливость въ государственномъ бюджетѣ этотъ джентльменъ съ головы до пятокъ считалъ смѣшнымъ мѣщанствомъ; своимъ девизомъ онъ провозгласилъ расходы и расточительность. Онъ, не задумываясь, утверждалъ, что роскошь двора благопріятствуетъ торговлѣ, ремесламъ и промышленности. Несостоятельность этого утвержденія очевидна; стоитъ только принять во вниманіе, что французскій народъ—не дворянство и не духовенство—сперва долженъ создать тѣ средства, на которыя дворъ будетъ роскошничать. Роскошь въ лучшемъ случаѣ только возвращала третьему сословію часть того, что прежде у него было взято.

При Калоннѣ для придворныхъ наступило хорошее время. Купленныя ими или выгодно обмѣненныя имѣнія оцѣнивались въ двадцать милліоновъ франковъ, которые пришлось уплатить государственному казначейству. Калоннъ всѣ налоги взыскивалъ по возможности за нѣсколько лѣтъ впередъ и такимъ образомъ кое-какъ выплачивалъ проценты государственнаго долга. Благодаря этому, кредитъ этого блестящаго царедворца и государственнаго дѣятеля поднялся; деньги текли къ нему со всѣхъ сторонъ, онъ могъ дѣлать сколько угодно займовъ. И, дѣйствительно, кассы вдругъ стали полны, дворъ утопалъ въ блаженствѣ. Расточительность его при Калоннѣ не разъ вызывала народное негодованіе.

Финансовые фокусы Калонна представляли собой опасную игру; если бы они продолжались дольше, они неизбѣжно должны были бы привести къ катастрофѣ. Переполненныя недавно кассы неожиданно оказались пустыми, и недавно прославляемый всѣми чародѣй Калоннъ не могъ уже придумать ни одного средства, чтобы снова наполнить ихъ. Вдругъ всѣ увидѣли бездну, къ которой Калоннъ привелъ Францію. Со времени отставки Неккера государственный долгъ возросъ на 1.200 милліоновъ, дефицитъ государственнаго бюджета составлялъ 30 милліоновъ, налоги большею частью были взысканы уже за нѣсколько лѣтъ впередъ, кредита уже совершенно не было.

Дворъ былъ очень опечаленъ; трудно было отказаться отъ роскоши, къ которой онъ за этотъ дальній рядъ годовъ привыкъ. Тѣмъ не менѣе какъ разъ въ это время при дворѣ начались раздоры. Нѣкоторыя аристократическія семейства, изъ зависти ли или изъ искренняго отвращенія къ высокомѣрію двора, заняли враждебную позицію по отношенію къ королевѣ. О ней стала ходить масса злыхъ сплетенъ, а къ 1785 году относится знаменитая, до сихъ поръ еще не вполнѣ выясненная исторія съ ожерельемъ, въ которой фигурировало и имя королевы. Намъ представляется невѣроятнымъ, чтобы королева дѣйствительно имѣла какое-нибудь отношеніе къ этому скандалу, затѣянному кардиналомъ Роганомъ, аферистомъ Каліостро и авантюристомъ Ламотъ-Валуа; озлобленный поведеніемъ двора народъ вѣрилъ всему, что говорилось противъ него, и считалъ его на все способнымъ.

Стѣсненный съ двухъ сторонъ,—съ одной стороны давленіемъ общественнаго мнѣнія, а съ другой—давленіемъ ужасныхъ финансовыхъ затрудненій, легкомысленный Калоннъ растерялся и не зналъ, что дѣлать. Наконецъ, и ему въ голову пришла спасительная, хотя вовсе не новая

мысль: старый царедворецъ Калоннъ тоже вдругъ потребовалъ обложенія земельной собственности дворянства и духовенства.

Дворъ сначала и слышать объ этомъ не хотѣлъ, но Калоннъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи очень убѣдительный аргументъ въ возбужденномъ имъ вопросѣ, это именно—нужда въ деньгахъ. Дворъ уступилъ, и соотношеніе силъ во Франціи измѣнилось: раньше дворъ поддерживалъ привилегированныя сословія въ ихъ борьбѣ противъ министровъ, теперь всѣ стали думать, что дворъ поддерживаетъ министровъ въ борьбѣ съ привилегированными сословіями.

Всѣмъ было извѣстно, что парламенты будутъ противиться новымъ проектамъ обложенія съ такимъ же упорствомъ, какъ попыткамъ Тюрго и Неккера. Осуществить свой проектъ путемъ обычныхъ королевскихъ эдиктовъ Калонну казалось слишкомъ рискованнымъ, принимая во вниманіе шесть эдиктовъ Тюрго. Онъ сталъ колебаться и, наконецъ, рѣшился предложить королю созваніе нотаблей, возлагая на нихъ надежду, что они осуществятъ его планы. Король уступилъ въ этомъ вопросѣ настоянію алчнаго двора, и 22 февраля 1787 года послѣ промежутка въ 150 лѣтъ въ Версалѣ собрались нотабли.

Собраніе это состояло изъ 137 членовъ, среди которыхъ находились и наиболѣе высокопоставленные представители дворянства и духовенства. Членовъ не дворянскаго происхожденія было только восемь, но и относительно ихъ было извѣстно, что они скоро будутъ возведены въ дворянство.

Калоннъ однако-жъ оказался слишкомъ самонадѣяннымъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, могъ онъ ожидать, что нотабли, принадлежа къ привилегированнымъ сословіямъ, согласятся на обложеніе земельнаго имущества дворянства и духовенства? Всю затруднительность финансоваго положенія онъ свалилъ на Неккера. Однако, этимъ онъ ничего не достигъ; нотабли заявили, что не считаютъ его человѣкомъ, подходящимъ для проведенія предложенной имъ реформы. Этимъ заявленіемъ они только хотѣли скрыть, насколько они были противъ реформы обложенія. Къ вотуму недовѣрія Калонну со стороны дворянства присоединилось еще и недовѣріе народа, справедливо считавшаго Калонна человѣкомъ, не подходящимъ для проведенія столь серьезной реформы. Такимъ образомъ, тотъ самый дворъ, которому Калоннъ готовилъ такъ много блестящихъ пировъ, оттолкнулъ его, и фокусникъ, такъ печально нарвавшійся, долженъ былъ получить отставку.

Передъ этими явленіями и событіями, сопровождавшими смерть стараго порядка, народъ стоялъ неорганизованный, несознательный. Въ массѣ еще не выдѣлилось опредѣленныхъ партій; все, что страдало отъ тяжелаго гнета стараго порядка, объединилось противъ двора. Первоначально народъ совсѣмъ ложно понялъ положеніе и значеніе нотаблей. Онъ не понималъ, что дворъ рѣшился покуситься на преимущества дворянства и духовенства только подъ давленіемъ денежной нужды; массы еще совершенно лишены были политическаго воспитанія. Въ нотабляхъ, бывшихъ фактическими представителями привилегированныхъ сословій, онъ видѣлъ только креатуръ двора, и на улицахъ продавали подъ именемъ «нотаблей» гипсовыя фигурки, качавшія головами въ знакъ согласія. Когда же нотабли ока-

зали противодѣйствіе Калонну и двору, отношеніе къ нимъ внезапно измѣнилось, настроеніе массъ стало даже весьма благосклонно къ нотаблямъ; массы не понимали, что оппозиція нотаблей преслѣдовала только защиту интересовъ привилегированныхъ сословій.

Чтобъ скрыть свои враждебныя народу поползновенія, нотабли заявили, что они ничего не имѣютъ противъ реформы государственнаго хозяйства, если къ этому дѣлу призванъ будетъ человѣкъ, къ которому они могутъ отнестись съ довѣріемъ. Король избралъ человѣка изъ нотаблей, группы большинства, Ломени-де-Бріенна, архіепископа Тулузскаго и Санскаго. Этого человѣка считали энциклопедистомъ, и то, что онъ въ то же время занималъ столь высокій духовный постъ, въ тѣ времена вовсе не считалось удивительнымъ. Это былъ живой и остроумный человѣкъ. Онъ слылъ любимцемъ королевы и, такимъ образомъ, былъ личностью вліятельной во всѣхъ кругахъ общества. Онъ былъ назначенъ одновременно первымъ министромъ и министромъ финансовъ.

Бріеннъ снова представилъ нотаблямъ проектъ Калонна: связавъ себя ранѣе сдѣланнымъ заявленіемъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, нотабли дали свое согласіе на нѣсколько мелкихъ реформъ. Онъ добился отмѣны нѣкоторыхъ дополнительныхъ сборовъ, внутреннихъ пошлинъ, добился разрѣшенія откупа отъ барщины и сдѣлалъ заемъ въ 6 милліоновъ франковъ въ формѣ пожизненной ренты. Форма этого займа оказалась неудачною; государству, правда, не надо было выплачивать обратно этихъ шести милліоновъ франковъ, но неизбѣжный при пожизненной рентѣ высокій процентъ увеличивалъ дефицитъ въ государственномъ бюджетѣ, а съ нимъ и недовольство. Къ тому же заемъ въ шесть милліоновъ при финансовомъ разстройствѣ Франціи имѣлъ не больше значенія, чѣмъ капля воды, упавшая на горячій камень, и въ концѣ-концовъ подъ вліяніемъ денежной нужды Бріеннъ выступилъ съ главнымъ своимъ проектомъ. Это былъ проектъ земельнаго налога, проектъ обложенія земельной собственности дворянства и духовенства. Чтобъ подсахарить эту горькую для привилегированныхъ пилюлю, онъ назвалъ этотъ новый налогъ вспоможеніемъ. Но нотабли громаднымъ большинствомъ отвергли это «вспоможеніе», и Бріеннъ понялъ, что далеко онъ съ этимъ собраніемъ не пойдетъ. Нотабли были распущены 25 мая 1787 года.

Въ этой борьбѣ съ алчнымъ дворомъ привилегированныя сословія не только одержали побѣду, но и обманули народъ; послѣдній былъ еще неразвитъ и радовался тому, что и впредь на немъ одномъ будутъ лежать государственныя тяготы.

Бріеннъ же отъ своего плана не отказался. Хотя этотъ вопросъ и послужилъ уже причиной паденія Тюрго, Неккера и Калонна, Бріеннъ все же могъ упорнѣе отстаивать его, потому что дворъ всецѣло былъ на его сторонѣ; онъ предпочиталъ отказаться отъ предразсудка и согласиться на обложеніе, чѣмъ отказаться отъ роскоши, дорогихъ пировъ и прочихъ удовольствій.

Бріеннъ обратился къ парламентамъ. Парижскій парламентъ безъ разговоровъ внесъ въ реестръ всѣ королевскіе эдикты, основанные на заключеніяхъ нотаблей. Тогда министръ финансовъ приступилъ къ очень хитрому, какъ онъ думалъ, плану. Къ своему земельному сбору («вспоможенію») онъ прибавилъ и гербовый сборъ, который главной тяжестью своей долженъ былъ лечь на третье сословіе. Онъ надѣялся, что парламентъ не выступитъ противъ гербоваго сбора и свяжетъ тѣмъ себя передъ общественнымъ мнѣніемъ народа настолько, что не сумѣетъ противиться и земельному сбору.

Если бы министръ первоначально внесъ одинъ только проектъ гербоваго сбора, планъ его, вѣроятно, удался бы. Но онъ внесъ оба проекта одновременно и такимъ образомъ далъ возможность хитрымъ парламентскимъ парикамъ отразить ударъ съ поразительной ловкостью. Они ни слова не сказали о налогѣ на дворянство и духовенство, и говорили только о гербовомъ сборѣ и о тяжести, съ какой онъ ляжетъ на народъ; можно было подумать, что эти безкорыстные члены парламента о себѣ вовсе не думаютъ. Вслѣдствіе этого симпатіи народа склонились на сторону парламента, такъ какъ онъ такъ же мало могъ услѣдить за подвохами привилегированныхъ сословій въ борьбѣ со дворомъ, какъ за интригами двора. При бурныхъ крикахъ одобренія возмущенныхъ народныхъ массъ парламентъ отвергъ оба проекта. Въ пылу преній парламентъ увлекся. Было высказано мнѣніе, что право обложенія налогами принадлежитъ только генеральнымъ штатамъ вообще. Наконецъ, чтобы окончательно разстроить планы правительства, парламентъ заявилъ, что, регистрируя королевскіе эдикты, онъ до сихъ поръ пользовался правомъ утвержденія налоговъ; но, присвоивъ себѣ это право, парламентъ дѣйствовалъ вопреки основному государственному закону, такъ какъ только генеральные штаты или другое какое-нибудь общее народное представительство въ правѣ утверждать налоги.

Это заявленіе вызвало возбужденіе во всей Франціи, и народъ выразилъ парламенту свою симпатію бурными демонстраціями. Для абсолютной монархіи это былъ тяжелый ударъ. Когда дѣло дошло до нарушенія ихъ классовыхъ интересовъ, представители привилегированныхъ сословій не остановились передъ тѣмъ, чтобъ нанести монархіи столь чувствительный ударъ; громадныя послѣдствія его трудно было разсчитать напередъ, и позже они не разъ могли пожалѣть о немъ.

Пока же никто не понималъ значенія сдѣланнаго шага. Разыгралась та же комедія, которая всегда въ такихъ случаяхъ до сихъ поръ разыгрывалась. Парламентъ былъ созванъ на подушечное засѣданіе и эдикты были зарегистрированы по указу короля. Но парламентъ не остановился на полпути и заявилъ, что принудительное регистрированіе недѣйствительно и не имѣетъ силы. За это парламентъ былъ переведенъ въ Труа, и этотъ приказъ былъ выполненъ военной властью самымъ дикимъ образомъ.

Такимъ образомъ, и здѣсь де-Бріеннъ потерпѣлъ неудачу; топоръ, занесенный имъ на привилегіи дворянства и духовенства, вызвалъ только отчаянное сопротивленіе со стороны ихъ представителей, которые въ свою очередь занесли свой топоръ надъ абсолютной монархіей вообще.

Въ этой классовой борьбѣ французскаго дворянства и духовенства за свои привилегіи съ рѣдкой въ исторіи ясностью обнаружилось, какъ легко выбрасываются за бортъ политическіе принципы тамъ, гдѣ дѣло

классовыхъ интересовъ. Привилегированныя сословія не задумывались подкапывать то дерево, на которомъ они сами держались,—абсолютную монархію; они надѣялись, что такой опасной игрой сумѣютъ сохранить свои привилегіи и при новомъ порядкѣ вещей, наступленіе котораго они уже предчувствовали. Дворъ же, нуждаясь въ деньгахъ, стремился ограничить привилегіи дворянства и духовенства. Такимъ образомъ, приведена была въ движеніе лавина революціи, и ни одна изъ борющихся сторонъ уже не могла ея остановить.

Такъ какъ денежныя затрудненія росли, то де-Бріеннъ попытался вступить въ соглашеніе съ парламентомъ. Но онъ опять взялся за дѣло неумѣло. Онъ привлекъ на свою сторону нѣсколько старыхъ членовъ парламента и, полагаясь на ихъ вліяніе, вернулъ парламентъ изъ Труа; недолго думая, онъ представилъ ему проектъ займа въ 400 милліоновъ, съ реализаціей въ теченіе четырехъ лѣтъ. Де-Бріенъ обѣщалъ въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ созвать генеральные штаты, опубликовать государственный бюджетъ и возстановить нантскій эдиктъ.

Чтобъ не потерять народнаго расположенія, парламентъ долженъ былъ пойти дальше по избранному имъ пути, къ тому же онъ былъ уже связанъ своимъ заявленіемъ по вопросу объ утвержденіи налоговъ. Рѣшительное засѣданіе состоялось 20 сентября 1787 года. Отношеніе къ нему герцога Орлеанскаго придало этому засѣданію особое значеніе. Поздоровивъ со дворомъ, этотъ распутный принцъ сталъ на сторону оппозиціи. Многіе думали, что онъ надѣется такимъ образомъ попасть на престолъ послѣ низверженія старшей линіи Бурбоновъ и ищетъ только популярности; были и такіе, которые видѣли въ немъ человѣка, дѣйствительно преданнаго народу; многіе, наконецъ, безусловно не довѣряли ему. Чего ему нужно было? Можетъ быть, онъ и самъ этого не зналъ и просто изъ любви къ приключеніямъ примостился къ революціи, а она поглотила его. Словомъ, 20 сентября онъ выступилъ въ парламентѣ вождемъ оппозиціи. Когда король появился для занесенія указа о займѣ въ регистръ, герцогъ Орлеанскій своимъ дерзкимъ поведеніемъ совершенно смутилъ его, и Людовикъ XVI, въ концѣ растерявшись, покинулъ засѣданіе. Заемъ былъ отвергнутъ, но герцогъ Орлеанскій былъ сосланъ въ одинъ изъ замковъ, а много знаменитыхъ парламентскихъ ораторовъ заключено въ государственную тюрьму. Арестъ членовъ парламента во время засѣданія возбудилъ, конечно, сильное недовольство во всей Франціи.

Де-Бріеннъ окончательно потерялъ надежду справиться съ парламентомъ обыкновеннымъ путемъ и вмѣстѣ съ королемъ задумалъ совершить государственный переворотъ. Но какъ ни держались въ секретѣ эти приготовленія, парламентъ узналъ о нихъ; онъ энергично и искусно приготовился къ самосборонѣ. 4 января 1788 года онъ объявилъ незаконными бланки о задержаніи и произвольные аресты вообще, а 27 апрѣля послѣдовало объявленіе основныхъ законовъ французской монархіи. Къ числу ихъ, между прочимъ, были отнесены утвержденіе налоговъ генеральными штатами, несмѣняемость судей, право парламента отклонять противозаконные эдикты, право гражданина на справедливый судъ и гарантія отъ

произвольнаго ареста. Этимъ впервые было заявлено, что Франція—монархія, управляемая королемъ *на основаніи законовъ;* въ виду предполагаемаго государственнаго переворота это заявленіе носило характеръ самаго недвусмысленнаго протеста.

И только теперь, увидѣвъ, до чего доведенъ парламентъ, дворъ испугался, но Бріеннъ все-таки не отказался отъ своего проекта. Было опубликовано три королевскихъ эдикта, которые заранѣе стали извѣстны парламенту черезъ члена его д'Эспремениля; послѣднему они были кѣмъ-то присланы, и онъ принесъ ихъ въ парламентъ. Эти эдикты лишали парламентъ всякаго политическаго значенія, отнимая у него функцію зарегистровыванія эдиктовъ. Мѣсто его должна была занять исполнительная камера (cour plénière), составленная изъ лицъ, зависимыхъ отъ двора. Судебная компетенція парламента тоже была значительно сужена, а число членовъ его уменьшено.

Эдикты эти были опубликованы 8 мая 1788 года, но они не возымѣли никакого дѣйствія. Парламенты всей Франціи заявили протестъ противъ этого нарушенія основныхъ законовъ и объявили безчестными всѣхъ будущихъ членовъ исполнительной камеры. Дворянство отправило ко двору депутаціи для выраженія протеста. 12 дворянъ, составлявшихъ такую депутацію отъ дворянства Бретани, по приказу короля были заключены въ Бастилію, но вмѣсто нихъ явилось пятьдесятъ другихъ. Во многихъ провинціяхъ начались народныя возстанія, вызванныя недородомъ и голодомъ. Войско тоже не находилось вполнѣ въ распоряженіи правительства; правительству приходилось теперь расплачиваться за недопущеніе къ офицерскимъ должностямъ лицъ недворянскаго происхожденія. Офицеры очень хорошо понимали, что въ борьбѣ парламентовъ съ монархіей дѣло идетъ о привилегіяхъ дворянства, и склоняли войска къ неповиновенію. Одинъ полковникъ въ Дофине заявилъ, что въ его полку всѣ, *кончая полковникомъ*, ненадежны. Въ Парижѣ каждую минуту можно было ожидать всеобщаго возстанія. При такихъ условіяхъ попытка къ государственному перевороту сверху успѣха имѣть не могла. Надъ головой де-Бріенна не переставала висѣть опасность неизбѣжнаго государственнаго банкротства. Двору пришлось уступить и созвать генеральные штаты, давно ставшіе уже народнымъ лозунгомъ. Королевскимъ эдиктомъ исполнительная камера была окончательно отмѣнена и созваны генеральные штаты на 1 мая 1789 года.

Бріеннъ не могъ дольше оставаться у власти, такъ какъ до созыва генеральныхъ штатовъ тоже нужны были деньги. Двѣ пятыхъ общей суммы процентовъ государственнаго долга онъ хотѣлъ выплатить бумажными деньгами, выплату же капитальнаго долга отсрочить. Всѣ громко говорили о государственномъ банкротствѣ, и въ концѣ-концовъ и дворъ и король отвернулись отъ Бріенна. 24 августа 1788 г. онъ вышелъ въ отставку, и отставка его была радостно принята народомъ. На площадяхъ Парижа народъ сжигалъ портреты Бріенна.

Такимъ-то образомъ представители привилегированныхъ классовъ отвоевали у абсолютной монархіи одно изъ важнѣйшихъ народныхъ правъ—

конечно, не имѣли въ виду превратить Францію въ конституціонную монархію; дворянство и духовенство надѣялись только спасти такимъ путемъ свое имущество отъ обложенія. Такіе удивительные цвѣты вырастаютъ на почвѣ классовой борьбы.

Созывомъ генеральныхъ штатовъ было положено начало революціи; она зажглась отъ тренія между придворными партіями и привилегированными сословіями, а въ движеніи широкихъ народныхъ массъ огонь ея находилъ себѣ все новую пищу. Привилегированные классы расшатывали абсолютизмъ, опираясь на широкія народныя массы. Но скоро должно было наступить уже время, когда народъ лишитъ ихъ этой опоры и начнетъ расшатывать привилегіи дворянства и духовенства.

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ.

Послѣ паденія архіепископа де-Бріенна оставалось только призвать обратно Неккера, и онъ занялъ постъ перваго министра и главнаго государственнаго контролера. Онъ попрежнему былъ однимъ изъ наиболѣе популярныхъ людей во Франціи и, благодаря личному кредиту, ему снова удалось съ грѣхомъ пополамъ справиться съ неотложными финансовыми затрудненіями. Главнымъ же образомъ задача его заключалась въ созывѣ генеральныхъ штатовъ, не собиравшихся уже съ 1615 года. Вся Франція, даже вся Европа съ напряженнѣйшимъ вниманіемъ слѣдили за этимъ созывомъ, такъ какъ онъ долженъ былъ повлечь за собой глубокія измѣненія въ общественныхъ отношеніяхъ Франціи.

Но тутъ сразу возникло новое затрудненіе: Неккера озабочивали только финансы, и въ созывѣ генеральныхъ штатовъ онъ видѣлъ только средство раздобыть путемъ обложенія дворянскихъ и духовныхъ земель новый источникъ доходовъ. Организація же генеральныхъ штатовъ была такова, что дѣлала достиженіе цѣли невозможнымъ, такъ какъ по старой системѣ представительства каждое сословіе пользовалось одинаковымъ значеніемъ. Будетъ ли произведено общее голосованіе или по сословіямъ,— третье сословіе всегда должно было остаться въ меньшинствѣ передъ двумя привилегированными сословіями, вполнѣ естественно дѣйствовавшими заодно. Неккеру, такимъ образомъ, необходимо было усилить третье сословіе настолько, чтобы оно могло бороться съ двумя другими. Послѣ долгаго сопротивленія король согласился и на это. Однако эдикты, которыми число представителей третьяго сословія удваивалось и вводилось общее голосованіе, встрѣтили ожесточенное противодѣйствіе со стороны парламентовъ; они отказывались внести ихъ въ регистръ, и второе собраніе нотаблей, созванное Неккеромъ въ ноябрѣ 1788 года въ Версалѣ, тоже отклонило эти эдикты.

Такимъ образомъ, казалось, что попытка произвести крупныя реформы снова потерпитъ неудачу изъ-за чисто формальнаго вопроса, неизвѣстно для чего припутаннаго сюда ограниченнымъ и неловкимъ Неккеромъ. Общественное мнѣніе, весь народъ, за исключеніемъ привилегированныхъ сословій, стояли на сторонѣ Неккера. Воспротивившись этимъ измѣненіямъ въ составѣ генеральныхъ штатовъ, парламентъ сразу потерялъ всю свою

популярность. Глаза третьяго сословія теперь раскрылись; оно поняло, что парламентъ дѣйствовалъ только въ интересахъ привилегированныхъ сословій. На арену борьбы классовъ выступаетъ къ этому моменту пресса, просвѣщая и подбодряя массы. Въ этомъ отношеніи громадное значеніе имѣло небольшое сочиненіе аббата Сійеса, какъ молнія среди ночи освѣтившее положеніе. Оно носило заглавіе: «Что такое третье сословіе?». Обрисовавъ въ краткихъ, точныхъ и ясныхъ чертахъ громадное значеніе этого сословія, авторъ закончилъ такъ: «третье сословіе теперь—ничто. Чѣмъ бы оно могло стать? Всѣмъ!». Сочиненіе это имѣло необычайный успѣхъ и способствовало тому, что авторъ его получилъ мѣсто среди представителей генеральныхъ штатовъ.

Неккеръ продолжалъ дѣлать все большія и большія ошибки; вопросъ о томъ, будетъ ли голосованіе общимъ или по сословіямъ, онъ оставилъ нерѣшеннымъ. Этимъ онъ далъ предстоящему народному собранію тему для долгихъ споровъ. Онъ предложилъ парламенту внести въ регистръ указъ о созывѣ генеральныхъ штатовъ, и парламентъ это сдѣлалъ. Вопроса о способахъ созыва и о составѣ генеральныхъ штатовъ онъ при этомъ вовсе не коснулся, хотя ему слѣдовало рѣшить его съ самаго начала.

Когда, наконецъ, созывъ генеральныхъ штатовъ былъ окончательно назначенъ на 27 апрѣля 1789 года, крикъ радости пронесся по всей Франціи. Чувствовалось, что настало новое время; всѣ надѣялись, что генеральные штаты произведутъ коренныя измѣненія въ государственномъ и общественномъ устройствѣ. Уже по одной выборной агитаціи можно было предугадать, что генеральные штаты вступятъ въ борьбу съ абсолютизмомъ. Но обойтись безъ нихъ не позволяло затруднительное финансовое положеніе, которому необходимо было положить конецъ; пришлось закрыть глаза на приближеніе грозной бури. Дворяне и другія привилегированныя группы, еще недавно пользовавшіеся народнымъ расположеніемъ и потерявшіе его за противодѣйствіе новой организаціи генеральныхъ штатовъ, увидѣли вдругъ, что ихъ привилегіямъ грозитъ опасность еще съ одной стороны,—не со стороны двора, а со стороны народа. Они снова обратились ко двору, чтобъ въ союзѣ съ нимъ найти себѣ защиту. Слабый и флегматичный, король бездѣятельно смотрѣлъ, какъ надвигаются грозовыя тучи, и чаще, чѣмъ когда бы то ни было, уходилъ на охоту. Марія-Антуанетта сознавала свое безсиліе и ушла въ себя. Будь она мужчиной, она представила бы для революціи громадную опасность.

Генеральные штаты.

Франція должна была послать 1.214 депутатовъ въ генеральные штаты; *треть* ихъ должны были послать дворяне, *треть*—духовенство и *треть*—третье сословіе. Дворянство и духовенство выбирали депутатовъ прямымъ голосованіемъ, третье же сословіе должно было выбирать ихъ черезъ выборщиковъ. Пассивное избирательное право было очень расширено. Выбирались одновременно и кандидаты--замѣстители депутатовъ. Въ городахъ третье сословіе избирало депутатовъ по цехамъ или по кварталамъ. Окружное собраніе выборщиковъ состояло изъ осѣдлыхъ въ немъ лицъ мужского пола, имѣвшихъ не менѣе двадцати пяти лѣтъ отъ роду и не принадлежавшихъ ни къ дворянству, ни къ духовенству. Право голоса имѣли всѣ, носившіе какой-нибудь должностный титулъ или чинъ, занимавшіе какую-нибудь должность или имѣвшіе дипломъ на званіе мастера, или же, наконецъ, лица, имѣвшія возможность документально доказать, что ежегодно уплачиваютъ не менѣе шести франковъ налога.

Власти и привилегированныя сословія прибѣгали ко всевозможнымъ средствамъ для того, чтобы не дать оппозиціи побѣдить на выборахъ, но онѣ уже не въ силахъ были бороться съ могучимъ подъемомъ оппозиціоннаго настроенія въ народѣ. Выборы третьяго сословія свидѣтельствовали о полной и исключительной побѣдѣ новыхъ идей, и даже среди представителей, избранныхъ дворянствомъ и духовенствомъ, оказалось не мало лицъ, преданныхъ народному дѣлу. И только въ Парижѣ, гдѣ всѣ ожидали полной побѣды оппозиціи, властямъ при помощи разныхъ маневровъ удалось провести сторонниковъ реакціи. Парижъ долженъ былъ избрать 20 представителей отъ третьяго сословія, 10 отъ дворянства и десять отъ духовенства. Городъ этотъ, душа и оплотъ революціи, насчитывалъ тогда 600.000 жителей и былъ раздѣленъ на 60 избирательныхъ участковъ. Населеніе рабочихъ кварталовъ почти поголовно было отстранено отъ выборовъ, такъ какъ только немногіе платили шесть франковъ прямыхъ налоговъ. Число мастеровъ тоже было незначительно. Произошло три ряда выборовъ, и процѣженные такимъ образомъ депутаты оказались приверженцами стараго порядка. Такой исходъ выборовъ въ столицѣ подѣйствовалъ до нѣкоторой степени угнетающимъ образомъ, и выборщики предмѣстій сильно жаловались на то, что масса рабочихъ отстранена отъ выборовъ.

Въ общемъ, результатъ выборовъ былъ таковъ: дворянство было представлено 242 придворными и помѣстными дворянами, 28 лицами должностными, бывшими въ то же время членами парламента. Духовенство было представлено 48 архіепископами и епископами, 35 аббатами и деканами и 208 священниками. Наконецъ, третье сословіе было представлено двумя духовными лицами, 12 дворянами, 18 городскими гласными, 100 городскими служащими, 212 адвокатами, 16 врачами и 216 купцами и сельскими хозяевами.

Правительство думало схитрить и ни однимъ словомъ не обмолвиться о задачѣ генеральныхъ штатовъ, но благодаря выборщикамъ хитрость эта не удалась; они снабдили своихъ выборныхъ извѣстными наказами (cahiers), въ которыхъ были изложены ихъ жалобы и нужды. Какъ ни различны были эти кайе въ подробностяхъ, онѣ все-таки сходились всѣ на томъ, что генеральные штаты должны пересоздать государство и общество и издать для этой цѣли основной государственный законъ—полную конституцію. Политическій строй долженъ былъ получить форму наслѣдственной конституціонной монархіи; о республикѣ ни въ одномъ изъ этихъ наказовъ нѣтъ ни слова. Прежде всего они требовали, чтобъ налоги и займы были законны только въ случаѣ утвержденія ихъ народнымъ представительствомъ и обез-

печенія собственности и личной свободы. Въ вопросѣ же о составѣ и компетенціи народнаго представительства такого единогласія не было.

Французскій народъ возлагалъ очень много надеждъ на это собраніе. Монархія мечтала о томъ, что предстоящее изданіе основныхъ государственныхъ законовъ поможетъ ей стать на ноги и впослѣдствіи найти удобный моментъ для ихъ отмѣны; дворянство и духовенство надѣялись, что борьба партій въ парламентѣ поможетъ имъ сохранить свои привилегіи. Буржуазія надѣялась получить отъ этого собранія свободу личности и обезпеченіе частной собственности; ремесленники и рабочіе надѣялись, что оно освободитъ ихъ отъ полицейскаго гнета и дастъ лучшій заработокъ; сельское населеніе ожидало отъ собранія, что оно облегчитъ ужасное бремя налоговъ, освободитъ отъ оброка и барщины и уничтожитъ крѣпостное право. Всѣ были полны надеждъ и опасеній, и при такомъ настроеніи Франціи 5 мая 1789 было открыто національное собраніе въ Версалѣ. Версаль опять былъ избранъ для того, чтобы бурныя волненія въ столицѣ не отражались на ходѣ занятій собранія.

Открытіе собранія произошло съ тою традиціонною торжественностью, безъ которой дворъ обыкновенно не могъ обойтись въ подобныхъ случаяхъ. Прежде всего собраніе съ королемъ, королевой, принцами и главными сановниками во главѣ торжественно отправилось въ церковь. Необозримыя массы народа, стекшіяся со всѣхъ сторонъ посмотрѣть на народныхъ представителей, обнаружили-было много воодушевленія,—но онѣ очень скоро остыли; народъ вскорѣ замѣтилъ, что дворъ очень враждебно относится къ третьему сословію; вынужденный поневолѣ пойти на уступки, дворъ теперь старался отомстить ему мелочными, но раздражающими придирками. Сословія должны были быть строго отдѣлены другъ отъ друга. Дворяне выступали въ пышныхъ одеждахъ, въ шляпахъ со страусовыми перьями, вооруженные шпагами, духовенство было въ облаченіи, третье же сословіе носило простую черную одежду, шелковые плащи, шляпы безъ перьевъ и не было вооружено шпагами. Представители привилегированныхъ сословій были введены въ залъ засѣданій черезъ парадныя двери, и они высокомѣрно оглядывали представителей третьяго сословія, которымъ указанъ былъ входъ черезъ боковую дверцу. Даже скамейки, на которыхъ сидѣли представители третьяго сословія, были ниже, чѣмъ скамейки для духовенства и дворянства.

Представители третьяго сословія не скрывали тѣхъ чувствъ, которыя возбуждало въ нихъ это пренебреженіе. Когда король появился для произнесенія тронной рѣчи, его по старинному обычаю сопровождали королева и принцы; начиная рѣчь, онъ одѣлъ шляпу, за нимъ то же самое сдѣлало дворянство и духовенство; третье сословіе тоже одѣло шляпы и привело въ ярость присутствовавшихъ въ залѣ королевскихъ церемоніймейстеровъ. Третье сословіе хотѣло этимъ показать, что время подчиненности для него прошло.

Тронная рѣчь въ общемъ была безсодержательна; Людовикъ XVI говорилъ о денежной нуждѣ, старался вселить надежды на бережливость, призывалъ къ единенію и напиралъ на свои верховныя права; въ данный моментъ это было вовсе неумѣстно. Вслѣдъ за нимъ говорилъ хранитель государственной печати Барантэнъ и разразился филиппикой противъ духа новшествъ и неповиновенія. Онъ говорилъ о справедливыхъ и удовлетворенныхъ королемъ требованіяхъ, умалчивая о томъ, что для выраженія этихъ требованій должно было состояться особое собраніе; онъ говорилъ о неразумномъ ропотѣ сторонниковъ реформъ и о томъ, что король въ снисхожденіи своемъ оставилъ его безъ вниманія, онъ говорилъ о безсмысленныхъ мечтаніяхъ и опасныхъ нововведеніяхъ, которыми хотятъ замѣнить основные и непоколебимые законы монархическаго правленія. Затѣмъ сословіямъ было сообщено, чего, собственно, правительство ожидаетъ отъ нихъ. Во всѣхъ вопросахъ, кромѣ финансовыхъ, они должны голосовать по сословіямъ; такимъ путемъ правительство хотѣло добиться обложенія привилегированныхъ сословій съ цѣлью увеличенія государственныхъ доходовъ. Затѣмъ генеральнымъ штатамъ предстояло обсудить законъ о свободѣ печати, равно какъ измѣненія въ уложеніи о наказаніяхъ и въ гражданскомъ кодексѣ. Вотъ и все.

Послѣ этого сталъ говорить Неккеръ, воспользовавшійся случаемъ показать, какъ мало онъ понималъ въ государственной политикѣ. Человѣкъ, добившійся созыва генеральныхъ штатовъ, любимецъ третьяго сословія, человѣкъ, пользовавшійся всеобщимъ довѣріемъ, не нашелъ ничего лучшаго, какъ битыхъ три часа говорить исключительно о финансовыхъ вопросахъ, заваливая слушателей безконечнымъ рядомъ цифръ. Онъ даже ни однимъ словомъ не обмолвился по такому важному вопросу, какъ порядокъ голосованія,—будетъ ли послѣднее общимъ или по сословіямъ.

Такое отношеніе двора и министровъ сразу выяснило третьему сословію, въ чемъ дѣло. Оно сразу поняло, что дворъ и министры рѣшили просто игнорировать тѣ желанія и требованія, которыя нашли себѣ выраженіе въ ихъ наказахъ. Въ виду такого положенія вещей, оно съ своей стороны единодушно рѣшило позабыть о собственныхъ разногласіяхъ и до послѣдней крайности настаивать на осуществленіи своихъ правъ и требованій своихъ избирателей.

Для каждаго изъ трехъ сословій правительствомъ приготовлено было по залу. Третьему сословію, какъ самому многочисленному, былъ предоставленъ залъ общихъ засѣданій. Оно сумѣло съ большою ловкостью использовать это само по себѣ незначительное обстоятельство. Оно обратилось къ двумъ остальнымъ сословіямъ съ предложеніемъ приступить къ провѣркѣ депутатскихъ полномочій въ залѣ общихъ засѣданій. Но хотя требованіе такой совмѣстной провѣрки было весьма справедливо, высокомѣрные представители привилегированныхъ сословій оставили это приглашеніе безъ вниманія. Они хотѣли сохранить раздѣленіе на сословія; третье же сословіе было противъ этого и рѣшительно заявило, что депутаты, засѣдающіе въ залѣ общихъ засѣданій, представляютъ собою часть собранія, а вовсе не отдѣльное сословіе.

Переговоры не привели ни къ чему; страна съ напряженнымъ ожиданіемъ слѣдила за собраніемъ генеральныхъ штатовъ, а между тѣмъ прошло уже шесть недѣль, а оно еще не покончило съ формальностями.

Предсѣдателемъ собранія въ общемъ залѣ засѣданій былъ избранъ Бальи, знаменитый ученый и впослѣдствіи мэръ Парижа; вся дѣятельность

его направлена была къ осуществленію той самой революціи, въ которой ему суждено было впослѣдствіи погибнуть. И онъ и аббатъ Сійесъ прекрасно сознавали, что если ничего не предпринять, собраніе останется раздѣленнымъ на сословія и общаго голосованія не будетъ. Пока вопросъ висѣлъ въ воздухѣ, они не теряли времени и склонили многихъ священниковъ присоединиться къ депутатамъ, засѣдавшимъ въ общемъ залѣ засѣданій; дѣло въ томъ, что низшее духовенство почти цѣликомъ было на сторонѣ народа.

17 іюня 1789 года былъ сдѣланъ рѣшительный шагъ. По предложенію Сійеса, 491 голосомъ противъ 90 было рѣшено, что депутаты, собравшіеся въ залѣ общихъ засѣданій, объявляютъ себя представительствомъ французскаго народа подъ именемъ *національнаго собранія*.

За этимъ постановленіемъ было сдѣлано второе, что только національное собраніе въ правѣ утверждать налоги и что, хотя существующіе налоги противозаконны, они, однако, оставляются въ силѣ до дня закрытія національнаго собранія. Затѣмъ было сдѣлано постановленіе, что поскольку національному собранію предоставлено будетъ свободно работать надъ переустройствомъ французскаго государства, оно не отказывается признать государственные долги. Особенно умно было послѣднее постановленіе, такъ какъ оно заинтересовывало кредиторовъ государства въ успѣхѣ національнаго собранія.

Масса населенія, дождавшись, наконецъ, рѣшительныхъ дѣйствій, громко выражала свое сочувствіе представителямъ третьяго сословія, и послѣдніе сознавали, что сила народа на ихъ сторонѣ. Дворъ и привилегированные были поражены смѣлостью третьяго сословія и оставались въ бездѣйствіи. Дворянство и духовенство не знали, что дѣлать: объявить себя первой палатой, какъ предлагалъ Монтескье, они не рѣшались. Вмѣстѣ съ парламентомъ они добивались у короля, чтобы онъ принялъ мѣры противъ третьяго сословія, и этотъ ограниченный и слабый человѣкъ всецѣло перешелъ на ихъ сторону. Неккеръ совѣтовалъ королю собрать всѣ три сословія, объявить постановленія третьяго недѣйствительными, пообѣщать нѣсколько реформъ и пригрозить собранію распущеніемъ въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія. Вотъ до чего дошла безхарактерность женевскаго банкира, но парламентъ парижскій оказался еще болѣе безхарактернымъ. Еще такъ недавно эта корпорація заявляла, что только генеральные штаты въ правѣ утверждать налоги; теперь же она предлагала королю признать законными всѣ налоги, которые онъ установитъ, лишь бы онъ распустилъ генеральные штаты.

Король поддался внушенію привилегированныхъ сословій и рѣшилъ вмѣшаться. Но дѣло кончилось совсѣмъ не такъ, какъ предполагали и надѣялись привилегированныя сословія.

Клятва въ залѣ городского собранія.

Смѣлость и рѣшительность всегда производятъ выгодное впечатлѣніе, и дѣйствія національнаго собранія не могли остаться безъ вліянія на тѣхъ депутатовъ другихъ сословій, которые были преданы народнымъ интересамъ. Большинство представителей духовенства рѣшило присоединиться къ національному собранію. Дворъ считалъ необходимымъ противиться этому присоединенію и оттянуть его до того дня, когда предполагалось, что король снова явится въ собраніе и положитъ конецъ дерзкимъ притязаніямъ мѣщанской сволочи, какъ выражались аристократы. Чтобы выполнить это насиліе, дворъ не нашелъ болѣе умнаго предлога, какъ заявить, что въ виду предстоящаго прибытія короля залъ нужно привести въ порядокъ и что поэтому засѣданія національнаго собранія придется прервать. Рѣшеніе это было передано президенту Бальи запиской оберъ-церемоніймейстера графа фонъ Дре-Брезе утромъ 20 іюня. Бальи запиской же отвѣтилъ, что королевскаго указа онъ по этому предмету не получилъ и что указаніями оберъ-полиціймейстера онъ руководствоваться не можетъ. Когда же депутаты собрались на засѣданіе, они нашли залъ засѣданій закрытымъ и охраняемымъ военной силой, предложившей имъ убраться.

Насиліе это не лишило бодрости депутатовъ: они уже заранѣе приготовились къ чему-либо подобному. По предложенію доктора Гильотина, извѣстнаго по названному его именемъ орудію казни, они рѣшили отправиться въ залъ городского собранія. Этотъ залъ, предназначенный для баловъ, былъ очень большихъ размѣровъ, безъ всякой мебели, и теперь онъ послужилъ убѣжищемъ для находящихся въ опасности депутатовъ. Засѣданія свои они должны были вести среди этихъ голыхъ стѣнъ, стоя. Съ принесенной кѣмъ-то скамейки стали раздаваться огненныя рѣчи. Рѣшено было отправиться въ Парижъ и тамъ отдать себя подъ защиту парижскаго населенія. Предварительно, однако, Мунье внесъ предложеніе принести всѣмъ собраніемъ клятву въ томъ, что они не разойдутся до тѣхъ поръ, пока не будетъ создана соотвѣтствующая народнымъ желаніямъ конституція. Собраніе, находившееся подъ дамокловымъ мечемъ опасности, съ самоотверженнымъ воодушевленіемъ присоединилось къ предложенію Мунье, и Бальи, ставъ на стулъ, взялъ съ собранія слѣдующую клятву:

«Вы клянетесь въ томъ, что не разойдетесь и будете собираться, гдѣ только возможно, пока не будетъ выработана конституція для королевства и пока она не получитъ надежныхъ гарантій».

Съ бурнымъ воодушевленіемъ, поднявъ руки вверхъ, собраніе принесло эту памятную присягу. «*Клянемся*» отвѣтили шестьсотъ депутатовъ, а собравшійся у зданія городского собранія народъ съ улицы тысячами радостныхъ голосовъ закричалъ: «Да здравствуетъ національное собраніе!». Чтобы окончательно связать себя, было тотчасъ рѣшено подписать присягу, и тогда одинъ единственный депутатъ, юристъ, заявилъ протестъ противъ нея. Среди депутатовъ третьяго сословія оказался одинъ только депутатъ, не оправдавшій народнаго довѣрія.

На слѣдующій день національное собраніе избрало мѣстомъ своихъ засѣданій церковь С.-Луи, и здѣсь къ нему присоединилось 149 депутатовъ отъ духовенства. Такъ-то вмѣстѣ съ рѣшимостью росла и сила. Клятва въ залѣ городского собранія лишила старый абсолютизмъ послѣднихъ

остатковъ значенія въ глазахъ французскаго народа. Опираясь на сочувствіе и довѣріе народныхъ массъ, національное собраніе постепенно и послѣдовательно шло къ достиженію своей великой цѣли, къ полному уничтоженію устарѣлаго феодальнаго господства. Клятва въ залѣ городского собранія сыграла роль скалы, о которую безслѣдно разбились всѣ насилія гибнущаго абсолютизма.

Неудавшійся государственный переворотъ.

Неккеръ посовѣтовалъ королю объявить недѣйствительными постановленія третьяго сословія, а наказы депутатовъ—несуществующими; для того же, чтобы эта пилюля не показалась народу слишкомъ горькой, онъ рекомендовалъ позолотить ее обѣщаніями нѣкоторыхъ реформъ, напр. облегченія податей, отмѣны бланковъ о задержаніи, свободы печати и т. п. Людовикъ уже склонился-было къ такому рѣшенію, но королева убѣдила его не слушаться Неккера. Вслѣдствіе этого Неккеръ не явился на важное засѣданіе 23 іюня, и народъ снова возвратилъ ему немного той симпатіи, которую онъ успѣлъ уже къ тому времени потерять окончательно.

23 іюня Людовикъ XVI появился въ залѣ засѣданій съ тою же пышностью, какъ и при открытіи засѣданій генеральныхъ штатовъ. Всѣ сословія были уже въ сборѣ, но депутатовъ третьяго сословія долго заставили ждать на улицѣ подъ дождемъ и впустили черезъ боковую дверь, заставивъ ихъ долго стучаться. Король началъ свою рѣчь выраженіемъ порицанія сословіямъ за возникшіе между ними раздоры, а постановленія третьяго сословія, «такъ называемаго національнаго собранія», онъ объявилъ недѣйствительными. Тонъ, которымъ король этотъ разъ обращался къ собранію, былъ высокомѣренъ, и слѣды внушеній королевы и двора были очень замѣтны. Онъ увѣрялъ, что до сихъ поръ всецѣло посвящалъ свои заботы благоденствію народа,—утверждать это предъ мыслящими людьми было по меньшей мѣрѣ комичнымъ. Затѣмъ онъ обѣщалъ дать конституцію съ тремя палатами, обложить имѣнія привилегированныхъ сословій, если послѣднія на это согласятся сами, но все это, конечно, звучало, какъ насмѣшка. Кромѣ того, онъ говорилъ о своемъ желаніи «разумно» обезпечить свободу личности, созывать черезъ правильные промежутки времени генеральные штаты и предоставить имъ право утвержденія налоговъ. При всѣхъ этихъ реформахъ, онъ обѣщалъ обратить особое вниманіе на то, чтобъ права собственности не пострадали; а это маленькое замѣчаніе лишало всякаго значенія всѣ его обѣщанія. Въ общемъ же фальшь и двусмысленность этихъ обѣщаній выступали съ такой ясностью, что недовѣріе къ двору у сторонниковъ реформъ возросло еще болѣе. Заканчивая свою рѣчь, Людовикъ XVI придалъ своему голосу побольше высокомѣрія и сказалъ: «Я *приказываю* Вамъ, господа, *немедленно* разойтись. Завтра же пусть каждый изъ васъ явится въ тотъ залъ, который предназначенъ для его сословія».

Когда король оставилъ залу, дворянство и духовенство послѣдовало королевскому повелѣнію, депутаты же, составившіе національное собраніе, остались сидѣть въ глубокомъ молчаніи. Они были полны рѣшимости не подчиниться приказаніямъ абсолютной власти. Это молчаніе народныхъ представителей было болѣе чѣмъ краснорѣчиво; но еще краснорѣчивѣе была раздавшаяся въ этой тишинѣ рѣчь того человѣка, который съ этого момента становится одной изъ замѣтнѣйшихъ фигуръ революціи; это былъ *Мирабо*.

Оноре-Габріель-Викторъ Рикетти, графъ де-Мирабо, сынъ знаменитаго писателя—дворянина изъ Прованса, отличался выдающимися способностями, пылкимъ, страстнымъ характеромъ и очень рано уже не могъ ужиться ни со строгимъ отцомъ, ни съ другими заурядными людьми. Онъ поступилъ-было на военную службу, но она ему не понравилась, сталъ вести распутную жизнь, имѣлъ много романовъ и надѣлалъ много долговъ. Отецъ постарался, чтобы при помощи бланка о задержаніи его заключили въ государственную тюрьму, и онъ содержался сперва на островѣ Ре, затѣмъ на Ифѣ и въ Жу. Изъ Жу онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ красивой и молодой женой стараго парламентскаго дѣятеля въ Голландію. За это его приговорили къ смертной казни черезъ повѣшеніе, и казнь эта была выполнена надъ его изображеніемъ. Голландія выдала его, и онъ просидѣлъ два года въ Венсеннѣ. Добившись свободы, онъ получилъ дипломатическое назначеніе въ Берлинъ. Тамъ онъ написалъ книгу о Пруссіи и за это подвергся высылкѣ. Возвратившись во Францію, онъ сталъ писать противъ ненавистнаго ему абсолютизма, и его уже должны были арестовать, какъ началась революція. Дворянство инстинктивно ненавидѣло этого необыкновеннаго человѣка, и Мирабо примкнулъ къ третьему сословію. Очень часто народъ устраивалъ этому смѣлому писателю овацiи и тріумфы. Чтобъ получить возможность попасть въ государственное собраніе, онъ долженъ былъ показать, что онъ занимается какимъ-нибудь дѣломъ, и онъ не задумался открыть суконную лавку. Явившись въ генеральные штаты, онъ жаждалъ мести абсолютизму, такъ долго морившему его въ тюрьмахъ, и дворянству, исключившему его изъ своей среды. Врядъ ли можно себѣ представить болѣе страшнаго противника для стараго порядка и болѣе умѣлаго вождя третьяго сословія, чѣмъ оказался Мирабо. Это былъ человѣкъ государственнаго ума и одинъ изъ величайшихъ политическихъ ораторовъ всѣхъ временъ, словомъ, политическій геній. Остается только пожалѣть, что онъ навсегда запятналъ славу своего имени, не устоявъ передъ подкупомъ двора. Пока же значеніе его быстро возрастало. Ему было тогда ровно сорокъ лѣтъ. Его могучая фигура съ некрасивымъ, изрытымъ оспою лицомъ, неуклюжими жестами, его увлекающій пафосъ, ядовитый сарказмъ, громкій голосъ, напоминанія объ учиненныхъ надъ нимъ насиліяхъ— все это превращало его въ олицетвореніе страшнаго суда надъ дворомъ и привилегированными сословіями, противъ которыхъ онъ направилъ свою дѣятельность.

Рѣчь свою онъ началъ съ заявленія, что король не въ правѣ дѣлать собранію какія-либо указанія; что же касается уступокъ деспотизма, то

ихъ всегда надо принимать съ оглядкой, такъ какъ за ними всегда скрывается опасность. Съ особенной силой онъ напоминалъ депутатамъ о клятвѣ, принесенной ими въ залѣ городского собранія. Въ этотъ моментъ появляется несчастный оберъ-церемоніймейстеръ Дре-Брезе и спрашиваетъ президента Бальи: «Вы слышали королевскій приказъ?». Бальи уклончиво отвѣтилъ, что собраніе должно сперва обсудить его. Тогда передъ этимъ царедворцемъ сталъ Мирабо, объяснилъ ему, что онъ здѣсь не въ правѣ говорить и вообще никакихъ правъ не имѣетъ, и въ заключеніе крикнулъ ему: *«Мы собрались сюда по волѣ народа, и только силою штыковъ можно будетъ насъ разогнать. Передайте это вашему господину»*. Раздался громъ апплодисментовъ, царедворецъ поспѣшилъ скрыться, а Сійесъ прибавилъ слѣдующую выразительную фразу: «Сегодня мы тѣ же члены національнаго собранія, какими были вчера. Приступимъ же къ совѣщаніямъ!». Такъ какъ показались солдаты, то по предложенію молодого, увлекающагося и краснорѣчиваго адвоката Барнава изъ Гренобля собраніе постановило: личность депутатовъ національнаго собранія неприкосновенна; всякій, кто преступитъ этотъ законъ, подлежитъ народному суду, какъ безчестный измѣнникъ своему народу и уголовный преступникъ.

Мирабо сказалъ очень вѣрно. Онъ могъ бы сказать, конечно, что собраніе останется и умретъ на своемъ посту, но въ случаѣ, если бы разогнали собраніе, эти слова были бы только смѣшны. Передъ штыками собраніе устоять не могло, и Мирабо былъ правъ, когда онъ сознавалъ, что штыкамъ придется уступить. Но за національнымъ собраніемъ стояло парижское населеніе, и потому штыковъ въ дѣло не пустили. Въ виду всеобщаго броженія, рѣшимость двора поколебалась, и онъ не опустилъ занесенной уже руки. Въ этотъ моментъ Людовикъ потерялъ мужество и сказалъ церемоніймейстеру, передавшему ему слова Мирабо: «Если господа представители третьяго сословія не желаютъ очистить залъ, то пусть они въ немъ останутся». И добившись этого права, третье сословіе осталось и приступило къ выработкѣ конституціи. Оно составило такимъ образомъ учредительное собраніе. Абсолютизмъ же и дворъ въ этотъ день потеряли послѣднее свое значеніе.

Неккеръ подалъ въ отставку, но по просьбѣ короля и королевы, обѣщавшей слѣдовать его совѣтамъ, взялъ свою отставку обратно. Между тѣмъ, къ національному собранію примкнуло еще 47 представителей дворянства, съ герцогомъ Орлеанскимъ во главѣ. Король, признавшій наконецъ собраніе, не находилъ уже для него достаточно милостивыхъ и благосклонныхъ выраженій. Дворъ же тѣмъ не менѣе рѣшилъ перенести собраніе въ Версаль, чтобъ лишить его защиты парижскаго населенія. Въ Версалѣ же надѣялись при помощи войскъ вынудить у собранія утвержденія финансовыхъ проектовъ, а потомъ разогнать его.

Если бы не парижское населеніе, планъ этотъ, можетъ быть, и удался бы; но, чувствуя, что правительство что-то затѣваетъ, парижское населеніе рѣшительно выступило и предупредило этотъ переворотъ сверху.

Въ августѣ 1789 англичанинъ Юнгъ опубликовалъ свое путешествіе по Франціи: описавъ массовую нищету и вырожденіе населенія провинцій,

онъ замѣчаетъ: «можетъ такой народъ когда-нибудь освободиться? Никогда! Ни черезъ тысячу лѣтъ! Лишь просвѣщенное населеніе Парижа брошюрами и статьями добилось всего!».

Штурмъ Бастиліи.

Скоро стали замѣтны приготовленія къ тому удару, который дворъ думалъ нанести народному представительству. Правительство стало стягивать войска вокругъ Парижа и Версаля, поручивъ командованіе ими грубому аристократу маршалу де-Брогліо. Большая часть войскъ состояла изъ наемныхъ иноземцевъ, такъ какъ на французскія войска положиться не рѣшались. 30.000 человѣкъ уже окружило бурно волнующійся городъ, а 20.000 подкрѣпленія уже подходило къ Парижу. Мирабо предложилъ послать къ королю депутацію и потребовать отозванія войскъ. Король отклонилъ это требованіе и сказалъ, что войска призваны «для охраны» генеральныхъ штатовъ. Впрочемъ, добавилъ онъ, если собраніе обнаруживаетъ опасенія, онъ готовъ перенести его въ Суассонъ или въ Анжу. Этимъ король, далеко не одаренный дипломатическимъ талантомъ, выдалъ весь планъ двора.

Когда открытыя приготовленія къ государственному перевороту стали всѣмъ извѣстны, въ Парижѣ началось необычайное броженіе и возбужденіе. Народъ во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ собирался толпами. Въ нападеніи на народное собраніе онъ видѣлъ угрозу самому себѣ. Въ то время, какъ рабочіе стекались на улицу, представители буржуазіи собрались въ городской ратушѣ. Избиратели 60 отдѣловъ или участковъ собрались тамъ въ качествѣ политическаго союза. Народныя массы заполнили сады Палэ-Рояля, который герцогъ Орлеанскій весьма охотно раскрылъ для этой цѣли. Со столовъ и скамеекъ здѣсь произносились рѣчи и разъяснялось народу положеніе вещей. Говорили, главнымъ образомъ, о войскахъ и о предполагавшемся государственномъ переворотѣ.

11 іюля Неккеръ совершенно неожиданно получилъ отставку. При дворѣ думали, что онъ готовится стать во главѣ ожидаемаго народнаго возстанія, хотя можно смѣло утверждать, что такому трезвому финансисту это никогда и въ голову не приходило. Онъ немедленно уѣхалъ въ Брюссель, такъ какъ не безъ основанія опасался ареста. На мѣсто Неккера былъ назначенъ извѣстный аристократъ и врагъ народа баронъ де-Бретейль, избравшій себѣ подходящихъ коллегъ для управленія. Отставка Неккера сперва всѣхъ ошеломила въ Парижѣ, но затѣмъ возбужденіе возросло до максимума. Всѣ уже видѣли, чего можно ожидать отъ двора. Многотысячная толпа, собравшаяся въ паркѣ Палэ-Рояль, отъ гнѣва переходила къ воодушевленію, отъ ярости къ нерѣшительности. Молодой адвокатъ Камиллъ Демуленъ, которому подобно многимъ суждено было прославиться и погибнуть отъ революціи, нашелъ, наконецъ, выходъ всеобщему возбужденію. Среди этого народа, частью испуганнаго, частью спующаго въ ярости туда и сюда, онъ взобрался на столъ съ пистолетомъ въ рукѣ. Его обычно запи-

крѣпость, построенную въ концѣ четырнадцатаго столѣтія. Она состояла изъ восьми громадныхъ башенъ, во сто футовъ вышины, соединенныхъ другъ съ другомъ стѣной въ девять футовъ толщины. Все это было окружено рвомъ въ 25 футовъ глубины, и во внутрь крѣпости можно было проникнуть только по подъемнымъ мостамъ. 14 іюля гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ 82 инвалидовъ и 33 швейцарцевъ. Провіанту въ крѣпости французскаго деспотизма было только на сутки; дворъ ничего не сдѣлалъ для того, чтобъ снабдить крѣпость необходимыми средствами защиты.

Подъ неприступными стѣнами Бастиліи раздавался гулъ вооруженнаго народа и грозный крикъ: «*Сдавайте Бастилію Сдайте намъ Бастилію*»! Гарнизонъ оставался неподвижнымъ за поднятыми мостами, а губернаторъ Делонэ оставилъ безъ отвѣта требованіе сдачи. Тогда выступило впередъ два человѣка, сержантъ Эли и женевскій часовщикъ Гюлленъ, извѣстный впослѣдствіи генералъ Имперіи. Они стали рубить топорами цѣпи большого подъемнаго моста, и мостъ удачно упалъ. Народъ устремился на мостъ и направился къ воротамъ. Въ этотъ моментъ Делонэ приказалъ стрѣлять. Раздался залпъ бастильскихъ орудій по нападавшему народу, а затѣмъ послѣдовалъ оживленный ружейный огонь изъ амбразуръ. Многіе были убиты и ранены. Народъ энергично отвѣчалъ на огонь, но не могъ причинить вреда укрывавшимся за толстыми стѣнами защитникамъ Бастиліи. Залпъ картечью заставилъ даже наступавшихъ очистить мостъ, но Эли и Гюлленъ снова бросились впередъ, и бой снова загорѣлся. За время четырехчасового безуспѣшнаго штурма вся земля пропиталась кровью. Въ этой крови получила крещеніе побѣда третьяго сословія.

Громъ орудій и ружейная трескотня перепугали комитетъ избирателей въ городской ратушѣ. Онъ отправилъ къ Бастиліи депутацію съ цѣлью посредничества, но это не имѣло успѣха. Это только возбудило недовѣріе со стороны народныхъ борцовъ. Бой продолжался, но въ это время прибыла къ Бастиліи вѣрная союзница народа—гвардія и привезла съ собой пушки. Они выставили свои орудія впередъ и открыли по крѣпости усиленный огонь. Делонэ приказалъ отвѣтить такимъ же жестокимъ огнемъ, и снова большое число нападавшихъ было убито и ранено. Но гарнизонъ Бастиліи потерялъ присутствіе духа, когда увидѣлъ, что гвардія напала на крѣпость. Совершенно неожиданно онъ поднялъ бѣлый флагъ въ знакъ того, что крѣпость сдается. Делонэ хотѣлъ было взорвать себя вмѣстѣ съ пороховымъ складомъ, но гарнизонъ помѣшалъ ему въ этомъ.

Орудія замолкли, и офицеръ швейцарцевъ черезъ амбразуру потребовалъ свободнаго пропуска гарнизону. народъ закричалъ: «Спустите мостъ!», а Эли и Гюлленъ прибавили: «Вамъ ничего не сдѣлаютъ!». Мостъ былъ спущенъ, и осаждавшій народъ ворвался внутрь. Было пять часовъ полудни, когда Бастилія перешла въ руки народа, но побѣда была куплена цѣною многихъ жертвъ.

Гарнизону даровали жизнь, но губернатора и коменданта Бастиліи невозможно было защитить отъ разъяренной толпы, которой своими глазами пришлось видѣть, какъ многіе сотни изъ ея рядовъ пали подъ картечью гарнизона. Оба они были убиты, а головы ихъ надѣты на пики. Вскорѣ

затѣмъ въ городскомъ домѣ появилась группа народныхъ борцовъ и взяла тамъ предателя Флесселя. У Делонэ будто бы найдено было письмо Флесселя такого содержанія: «Держитесь до вечера; вы получите подкрѣпленіе!». Флессель былъ отведенъ въ Палэ-Рояль, гдѣ предполагалось судить его. Но по дорогѣ къ арестованному приблизился какой-то неизвѣстный и сразу уложилъ его выстрѣломъ ихъ пистолета.

Въ Бастиліи оказалось всего семь государственныхъ преступниковъ, причемъ двое изъ нихъ уже успѣли сойти съ ума отъ продолжительности заключенія. Это обстоятельство часто хотѣли истолковать въ пользу правительства Людовика XVI, какъ будто это случайность дѣлаетъ Бастилію менѣе ужасной темницей, можетъ примирить насъ съ бланками о задержаніи.

Въ то время какъ одна часть побѣдоноснаго народа при радостныхъ крикахъ разрушила ненавистный оплотъ деспотизма, Парижъ готовился отразить нападеніе войскъ, стянутыхъ на Марсовомъ полѣ. Городъ превратился въ военный лагерь. Набатъ не прекращался; отливали пули, ковали пики, взрывали мостовую и строили баррикады. Дома были приготовлены къ оборонѣ, и гражданская милиція стала подъ ружье. Всѣ твердо ждали боя.

Но и на этотъ разъ нападеніе войскъ не послѣдовало, такъ какъ король въ это время уже потерялъ мужество. Дворъ далъ этому монарху совсѣмъ ложное представленіе о положеніи и событіяхъ въ Парижѣ. Но тутъ передъ королемъ выступилъ герцогъ де-Ліанкуръ, главный начальникъ придворной гардеробной и членъ генеральныхъ штатовъ, и описалъ ему истинное положеніе вещей—какъ народъ вооружился, взялъ Бастилію и что на войска нельзя положиться.

«Э,—сказалъ Людовикъ,—да вѣдь это форменный бунтъ!»—«Нѣтъ, ваше величество,—отвѣтилъ герцогъ де-Ліанкуръ,—*это революція*».

Маршалъ Брогліо собирался въ ночь съ 14 на 15 іюля напасть на Парижъ съ семи сторонъ; подчинивъ городъ, можно было разогнать національное собраніе и заставить парламентъ внести въ реестръ финансовые эдикты короля. Предполагалось объявить просто государственное банкротство и выпустить новые кредитные билеты. Этотъ планъ побудилъ перейти на сторону революціи не только среднюю, но и крупную буржуазію, потому что буржуа всегда храбрѣе боролись за свое имущество, чѣмъ за общечеловѣческія права. Двѣ депутаціи національнаго собранія получили отъ Людовика самый рѣшительный отказъ на просьбу удалить войска, но послѣ разсказа герцога де-Ліанкура онъ немедленно отдалъ это приказаніе. Дворъ былъ побѣжденъ смѣлостью и мужествомъ парижскаго народа.

Подъ возбуждающимъ вліяніемъ разыгравшихся въ Парижѣ событій національное собраніе осталось на своихъ мѣстахъ всю ночь съ 14 на 15 іюля. Утромъ 15 іюля получено было извѣщеніе, что король прибудетъ въ собраніе въ сопровожденіи однихъ только двухъ своихъ братьевъ. Это вызвало крики одобренія. Но разсудительный Мирабо сумѣлъ подавить этотъ наплывъ прежнихъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Онъ напомнилъ о пролитой въ Парижѣ крови, рекомендовалъ строгую сдержанность и закончилъ: «Молчаніе народа—наука королямъ!».

Король былъ встрѣченъ мрачнымъ молчаніемъ, и это произвело на него сильное впечатлѣніе. Онъ уже обратился къ депутатамъ какъ къ національному собранію, объявилъ себя заодно съ народомъ и закончилъ растроганнымъ голосомъ: «*Итакъ, представители моего народа, довѣряюсь вамъ*». Громомъ одобренія отвѣтило на эти слова увлеченное собраніе. Оно примирилось съ королемъ, который еще за минуту передъ тѣмъ хотѣлъ разогнать его силою оружія и котораго привелъ въ среду столь ненавистныхъ ему депутатовъ страхъ передъ побѣдоноснымъ парижскимъ населеніемъ. Не только отдѣльные люди, но и цѣлыя собранія иногда впадаютъ въ сентиментальность.

Собраніе послало въ Парижъ мирную депутацію, состоявшую изъ Бальи, Лалли-Толандаля, Ліанкура и Лафайета. Эта депутація возвѣстила объ отозваніи войскъ, о смѣнѣ министра Бретейля и о назначеніи Неккера на его мѣсто. Депутація была принята народомъ при громкихъ крикахъ радости, но когда было возвѣщено, что король прощаетъ французской гвардіи,—поднялась буря недовольства, которую съ трудомъ удалось успокоить. Гвардія, говорилъ народъ, не нуждается въ прощеніи.

16 іюля Бастилія была окончательно стерта съ лица земли; затѣмъ на основаніи новаго муниципальнаго положенія, установившаго главный совѣтъ изъ представителей 60 секцій и общинный совѣтъ изъ 30 членовъ, тоже избранныхъ секціями, мэромъ Парижа былъ избранъ знаменитый ученый Бальи, а командиромъ національной гвардіи, какъ назвали гражданскую милицію, былъ избранъ Лафайетъ.

Національная гвардія получила у Лафайета военную организацію, а цвѣтами ея были синій-бѣлый-красный. Съ тѣхъ поръ этотъ трехцвѣтный флагъ сталъ знакомъ національной свободы.

Король вернулся въ Парижъ, и въ вортахъ новый мэръ Бальи встрѣтилъ его такими словами: «Ваше Величество! Я приношу Вашему Величеству ключи прекраснаго Парижа. Эти же ключи нѣкогда были поднесены Генриху IV. Онъ тогда завоевалъ себѣ народъ, теперь народъ завоевалъ себѣ короля!». Эта рѣчь не понравилась народу. Вооруженный, онъ стоялъ мрачными и молчаливыми шпалерами, сквозь которыя надо было пройти королю. Въ городской ратушѣ король пристегнулъ къ своей шляпѣ трехцвѣтную кокарду, и народъ отвѣтилъ на это кликами радости. Можно было, впрочемъ, замѣтить, что новая роль порядочно уже надоѣла королю.

Нѣкоторые отзвуки возстанія еще можно было замѣтить въ Парижѣ. Суровый человѣкъ и ненавистный народу Фулонъ, бывшій министромъ финансовъ въ кабинетѣ Бретейля, подъ арестомъ былъ приведенъ въ Парижъ. Увидѣвъ его, народъ вспомнилъ, что онъ примѣнялъ прежде самыя суровыя мѣры взысканія налоговъ и сказалъ разъ по адресу голодающаго народа: «пусть жреть сѣно, сволочь!». Онъ былъ отбитъ отъ конвоя и повѣшанъ на фонарѣ. Та же участь постигла и зятя его Бертье, котораго народъ по той же причинѣ ненавидѣлъ.

Неккеръ былъ возвращенъ, и въ третій разъ занялъ постъ министра. Въѣздъ его былъ настоящимъ тріумфомъ; народъ даже выпрягъ его лошадей. Но первые шаги его уже вызвали народное недовольство, такъ какъ

онъ сейчасъ же даровалъ амнистію дѣятелямъ неудавшагося государственнаго переворота, Безанвалю и другимъ. Мирабо обрушился на него, и скоро этотъ женевскій банкиръ, совершенно лишенный политическаго таланта, окончательно потерялъ народное расположеніе. Онъ такъ низко палъ во мнѣніи народа, что послѣдній даже не ненавидѣлъ его, а просто забылъ объ этомъ человѣкѣ, имя котораго нѣкогда было однимъ изъ популярнѣйшихъ во Франціи.

Такой исходъ исполнилъ всѣхъ прекраснѣйшими надеждами; больше всего надѣялся народъ, кровью заплатившій за завоеванную свободу. Онъ еще не понималъ вполнѣ своихъ интересовъ и не зналъ, что представители третьяго сословія, носители парламентской революціи, были основателями новаго класса, рѣшившагося замѣнить старыя привилегіи новыми. Они приняли изъ рукъ народа революціонную власть и старались установить повсюду гражданскій порядокъ въ интересахъ возникающей буржуазіи. Такъ называютъ теперь тотъ гражданскій классъ собственниковъ, который тогда получилъ политическую власть. Народъ долженъ былъ образовать пьедесталъ этого гражданскаго порядка и вернуться къ своей работѣ. Никто еще не подозрѣвалъ, что гражданская гвардія, учрежденная для защиты народа, въ скоромъ времени уже будетъ защищать новый привилегированный классъ отъ волнующагося народа и направитъ свое оружіе противъ той же самой толпы, которая взяла Бастилію. Таковъ обычный ходъ такихъ революцій. Когда народъ уничтожаетъ старыя привилегіи, подъ именемъ свободы возникаютъ новыя, остающіяся для народныхъ массъ нечѣмъ инымъ, какъ порабощеніемъ.

Ночь четвертаго августа.

Побѣдоносная революціонная борьба 14 іюля отозвалась на всей странѣ и на всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ.

Старое придворное дворянство поняло, наконецъ, что наступило новое время. Началась эмиграція, выселеніе этой касты, которая такимъ образомъ думала спастись отъ надвигающейся и предчувствуемой ею бури. Эмигранты надѣялись при помощи иноземцевъ возстановить во Франціи старые порядки. Графъ д'Артуа, принцъ Конде, принцъ Конти, маркизъ де-Бретейль, семейство Полиньякъ, де-Калонь и много другихъ представителей стараго дворянства оставили Францію и отправились въ Туринъ, гдѣ они строили заговоры противъ новаго порядка вещей во Франціи. Скоро мы увидимъ этихъ заговорщиковъ въ открытой войнѣ со своимъ отечествомъ.

Тѣ, кто остались при дворѣ, заняли выжидательное положеніе. Король и королева не распускали національнаго собранія съ тайнымъ намѣреніемъ по возможности мѣшать его работамъ. Національное же собраніе спокойно перешло къ своей задачѣ—выработать для Франціи новый соотвѣтствующій времени политическій строй. Оно могло бы выработать полный проектъ конституціи, обсудить его, принять пунктъ за пунктомъ и все принятое

провозгласить основнымъ государственнымъ закономъ, но оно этого не сдѣлало; оно придало законную силу цѣлому ряду депутатскихъ предложеній и создало новыя учрежденія, ставшія необходимыми послѣ устраненія прежнихъ злоупотребленій. Для каждаго изъ своихъ рѣшеній ему приходилось получить утвержденіе короля, и не разъ вступало оно съ нимъ, вслѣдствіе этого, въ конфликтъ.

Прежде всего рѣшено было установить основы конституціи въ *деклараціи правъ человѣка*, по примѣру Сѣверной Америки. Предложеніе это внесъ Лафайетъ, который со времени своего участія въ сѣверо-американской войнѣ за независимость всегда имѣлъ передъ глазами примѣръ Сѣверной Америки. Предложеніе было принято. Но во время совѣщаній о правахъ человѣка, какъ руководящей нити для будущей конституціи, провинція запылала—и все пришло въ движеніе.

14 іюля вызвало во всей странѣ небывалое возбужденіе, обнаружившееся только тогда, когда столица уже нѣсколько успокоилась. Всѣ города Франціи выработали для себя городовое положеніе, установили общинные совѣты и учредили національную гвардію. Все—по примѣру Парижа. Сельское же населеніе въ событіи 14 іюля—во взятіи Бастиліи—увидѣло сигналъ къ освобожденію отъ феодальныхъ тяготъ, дѣлавшихъ жизнь его невыносимой. Провинція страдала отъ голода, усиливаемаго несоотвѣтствіемъ учрежденій и невыносимой тяжестью налоговъ. При ужасной нищетѣ сельскаго населенія извѣстіе о взятіи Бастиліи было молніей, ударившей въ пороховой складъ. Сюда еще присоединился и внѣшній поводъ. Де-Месмэ, владѣлецъ Кенсея, устроилъ у своего замка большой народный праздникъ для своихъ крестьянъ. Собралось очень много сельскихъ жителей. Люди забавлялись стрѣльбой, въ суматохѣ и шумѣ празднества забыли осторожность, и огонь попалъ въ бочку съ порохомъ. Взрывомъ убито было много крестьянъ, и возбужденное сельское населеніе предположило, что все празднество было только ловушкой, въ которую дворянинъ заманилъ крестьянъ, чтобъ убить ихъ этимъ взрывомъ. Вѣсть объ этомъ событіи облетѣла всю страну, крестьяне стали собираться группами и возстали противъ дворянства и духовенства. Теперь пришло возмездіе за ту нищету, невѣжество и дикость, которыми въ теченіе столѣтій изводили сельское населеніе, доведя его до животнаго состоянія. Возставшіе крестьяне такъ ужасно и жестоко стали мстить своимъ притѣснителямъ, какъ это свойственно людямъ, лишеннымъ благодѣтельнаго вліянія образованія и цивилизаціи. Замки и дома дворянъ, монастыри и усадьбы дворянства—все это было взято и разрушено. Недѣлями пылало небо Франціи заревомъ тѣхъ ночныхъ пожаровъ, въ которыхъ сгорали замки и монастыри. Въ Франшъ-Контэ послѣ взятія Бастиліи каждую ночь сгоралъ, по крайней мѣрѣ, одинъ монастырь или одинъ замокъ. Въ Дофинэ за 14 дней сожжено было 270 замковъ. Документы и грамоты, служившіе основаніемъ такъ называемыхъ феодальныхъ правъ, бросались въ огонь, а наиболѣе ненавистныя народу личности были убиты.

Многіе помѣщики бѣжали и бродили по странѣ или отправились за границу и изгнаніемъ расплачивались за жестокость, съ которой они пользовались своими привилегіями. Образовались разбойничьи шайки, наводившія страхъ на значительныя округи, сжигавшія все, грабившія и убивавшія.

Все смѣшалось, и собраніе поняло, что только быстрымъ вмѣшательствомъ здѣсь можно будетъ чего-нибудь достигнуть. На очередь была поставлена отмѣна феодальныхъ привилегій. Начались совѣщанія, и дѣло пошло бы, вѣроятно, обычнымъ и медленнымъ путемъ парламентскаго дѣлопроизводства, если бы собраніе въ ночномъ засѣданіи 4 августа 1789 года не обнаружило рѣдкаго воодушевленія. Необычайный и внезапный подъемъ духа въ этомъ знаменитомъ ночномъ засѣданіи можно объяснить только совокупнымъ дѣйствіемъ тѣхъ необыкновенныхъ событій, которыя произошли въ это время и подняли человѣка выше повседневныхъ и личныхъ интересовъ. Первый произнесъ блестящую рѣчь виконтъ де-Ноайль, въ которой онъ доказывалъ, что теперь и рѣчи не можетъ быть о томъ, чтобъ, какъ обычно, успокоить возставшихъ крестьянъ силою оружія. Наоборотъ, необходимо устранить тѣ несправедливости, которыя довели народъ до возстанія,—и онъ предложилъ отмѣнить всѣ ленныя права и феодальныя тяготы, подъ которыми стоналъ народъ. Отъ имени своихъ избирателей и своего онъ публично отказывается отъ своихъ ленныхъ правъ. Собраніе вознаградило его бурнымъ одобреніемъ. Ноайля смѣнилъ Легенъ де-Керсеньяль, помѣщикъ изъ Бретани; онъ раскрылъ передъ собраніемъ весь ужасъ ленныхъ отношеній и тоже предложилъ отмѣну ихъ. Собраніемъ овладѣваетъ бурное воодушевленіе, начинается соревнованіе въ отказѣ отъ привилегій, и къ полночи всѣ старыя привилегіи были отмѣнены. Дворянство отказалось отъ ленныхъ правъ, духовенство—отъ десятины, города—отъ цеховъ. Бурные крики одобренія повторялись много разъ, сопровождая законодательное признаніе основъ гражданскаго равенства. Въ эту достопамятную ночь были отмѣнены: крѣпостное право, вотчинный судъ, право охоты на чужой землѣ, податныя привилегіи дворянства и духовенства, продажа должностей, городскія и областныя привилегіи, принудительность цеховъ. Кромѣ того, установлена была отчуждаемость земельнаго владѣнія, отчуждаемость десятины, всѣмъ гражданамъ предоставлены были одинаковыя права на военныя и гражданскія должности, а всѣ незаслуженныя пенсіи были отмѣнены.

Въ память этой ночи отчеканили медаль, а Лалли-Толландаль предложилъ преподнести королю титулъ «Возстановителя французской свободы». Людовикъ XVI принялъ титулъ и, чтобъ отпраздновать это событіе, пошелъ даже въ церковь. Это не помѣшало ему, однако, впослѣдствіи отказать въ согласіи на постановленія 4 августа.

Эта легальная и парламентарская революція представляла собой необычайный прогрессъ. Если она и не устранила всѣхъ привилегій, если она даже способствовала возникновенію новыхъ, то всетаки рѣзкую грань между старой и новой Франціей положило полное низверженіе феодализма. Съ того года феодализмъ началъ падать во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Его смѣнило современное буржуазное общество.

государствомъ является неизбѣжнымъ общее обложеніе. Оно должно быть равномѣрно распредѣлено между всѣми гражданами, сообразно ихъ средствамъ.

14. Всѣ граждане въ правѣ лично или черезъ своихъ представителей констатировать необходимость государственныхъ налоговъ, свободно соглашаться на нихъ, слѣдить за ихъ расходованіемъ и опредѣлять ихъ размѣръ, способъ раскладки, средства взиманія и срокъ ихъ дѣйствія.

15. Общество въ правѣ требовать отчета у каждаго представителя администраціи.

16. Общества, въ которыхъ не обезпечена гарантія правъ и не установлено раздѣленіе властей, неконституціонны.

17. Такъ какъ собственность—ненарушимое и священное право, то никого нельзя его лишать, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда этого требуетъ очевидная общественная надобность, констатированная законнымъ порядкомъ, и то лишь при условіи справедливаго, предварительнаго возмѣщенія.

Пунктъ о правѣ на существованіе, быть можетъ наиболѣе важный для большей части населенія, былъ вставленъ во вступительную часть конституціи и гласилъ такъ: «*Долженъ быть учрежденъ всеобщій общественный вспомогательный фондъ на воспитаніе покинутыхъ дѣтей, на поддержаніе безсильныхъ бѣдняковъ и на предоставленіе работы такимъ бѣднякамъ, которые не находятъ работы*». Вспомогательный фондъ такъ и не получилъ осуществленія, если не считать такимъ фондомъ жалкую помощь національныхъ мастерскихъ. Собраніе полагало, что, высказавъ эти утѣшительныя пожеланія, оно уже достаточно сдѣлало для рабочихъ и въ правѣ уже отвѣтить отказомъ на всѣ дальнѣйшія требованія рабочихъ. Изъ всего этого видно, что парламентскіе революціонеры 1789 года не могли возвыситься до идеи организаціи труда. Ихъ задача представлялась имъ въ видѣ какого-то благотворительнаго дѣла.

Декларація правъ человѣка и ея прекрасныя идеи были для французовъ утренней зарей новой эпохи. Права человѣка стали предметомъ зависти для просвѣщенныхъ людей другихъ народовъ, и французы сами тоже вѣрили въ свое счастье. Когда дѣло дошло до практическаго осуществленія провозглашенныхъ прекрасныхъ теорій, народъ увидѣлъ, что онъ дальше отъ счастья, чѣмъ это казалось въ первые дни увлеченія свободой.

Собраніе приступило къ обсужденію основного государственнаго закона, и сейчасъ ему предстояло рѣшить два наиболѣе важныхъ вопроса: принадлежитъ ли королю veto, т. е. право объявить недѣйствительнымъ принятое народными представителями рѣшеніе, и будетъ ли состоять будущее народное представительство изъ одной или двухъ камеръ. Здѣсь-то и обнаружились партіи, до сихъ поръ остававшіяся въ собраніи скрытыми. Обнаружилась партія, враждебная всякимъ нововведеніямъ, стремившаяся парламентскимъ путемъ вернуть все, что унесла буря революціи. Это была партія прежнихъ привилегированныхъ приверженцевъ *абсолютной монархіи*, соглашавшихся только на нѣкоторыя реформы. Вождями ея были бывшій офицеръ Казалесъ и аббатъ Мори. Ближе всего къ ней стояла *аристократически-конституціонная* партія, идеаломъ ихъ былъ англійскій конституціонализмъ. Она примкнула къ Неккеру, но это не дало ей того значенія, которое они желали получить при помощи этой бывшей величины. Вождями ея были Мулье, Лалли-Толландаль и Клермонъ-Тоннеръ. Третья наиболѣе многочисленная партія, собственно рычагъ и опора парламентской революціи, была *либеральная* или *демократически-конституціонная партія*. Къ ней, кромѣ представителей третьяго сословія, принадлежали либеральные представители дворянства и духовенства. Главой этой партіи и руководителемъ ея былъ Мирабо; рядомъ съ нимъ стоялъ изобрѣтатель новыхъ политическихъ системъ Сійесъ, шпага либерализма Лафайетъ и мэръ Бальи. Конституціонно-демократическая партія хотѣла отдать народу законодательную власть, не устраняя отъ нея короны. Довольно слабая тогда *демократическая* партія была противъ участія короны въ законодательствѣ. Къ ней принадлежали Барнавъ, братья Ламетъ и другіе. Впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, количественное отношеніе этихъ партій сильно измѣнилось.

Для партіи Мори и Казалеса вопросовъ о королевскомъ veto и объ одно-или двукамерной системѣ не существовало, такъ какъ въ народномъ представительствѣ она видѣла только совѣщательное учрежденіе. Аристократически-конституціонная партія добивалась абсолютнаго veto для короля и двухъ камеръ, аристократической и народной. Мирабо и его партія требовали одной камеры и права отстрочивать постановленія ея; наконецъ, демократическая партія требовала одной камеры и не допускала veto.

Не удивительно, что демократическая партія съ ея требованіями, дѣлавшими монархію призрачной, не имѣла успѣха, потому что въ 1789 году никто еще о республикѣ не думалъ, даже Маратъ. Побѣда въ этой борьбѣ за реорганизацію государственной власти осталась за Мирабо и его друзьями. 12 сентября было рѣшено, что народное представительство составитъ одну камеру, выборы въ которую должны производиться каждые два года, и которая должна засѣдать непрерывно. Король не въ правѣ былъ распустить эту камеру. Постановленія эти явились естественнымъ результатомъ предшествовавшихъ событій. Король получилъ право отстрочить постановленія на четыре года.

Такимъ образомъ, абсолютная королевская власть была превращена къ конституціонно-монархическую, которая современемъ должна была всецѣло подчиниться вліянію народнаго представительства.

Но національное собраніе вмѣстѣ съ Мирабо позабыло или нарочно не сдѣлало постановленія о томъ, что рѣшенія національнаго собранія получаютъ законную силу и безъ королевскаго утвержденія. Можетъ быть, они не рѣшались совершенно отнять у короля всякую власть. Вотъ почему Людовикъ и уклонялся отъ утвержденія постановленій 4 августа, хотя на основаніи этихъ постановленій онъ уже успѣлъ принять гиперболическій титулъ «возстановителя французской свободы». Впослѣдствіи, правда, онъ поневолѣ согласился утвердить постановленіе 4 августа; но теперь

появились уже новыя постановленія объ однокамерной системѣ и veto въ формѣ права отсрочки. Дворъ видѣлъ въ осуществленіи этихъ постановленій окончательное крушеніе королевской власти, и королева вмѣстѣ съ графомъ де-Провансъ подъ вліяніемъ упрековъ со стороны эмигрантовъ, снова стала помышлять о государственномъ переворотѣ. Штурмъ Бастиліи придворную партію ничему не научилъ. Иначе, она должна была понять, что то, чего не достигли 23 іюня и 14 іюля, еще менѣе достижимымъ стало теперь. За это время Франція успѣла вооружиться; повсюду учредили національную гвардію. Если народныя массы и были исключены изъ парижской національной гвардіи, то все же можно было предвидѣть, что національная гвардія съ оружіемъ въ рукахъ будетъ отстаивать постановленія національнаго собранія. Въ своемъ озлобленіи придворная партія совершенно потеряла разсудокъ.

По соглашенію съ лотарингскимъ губернаторомъ маркизомъ де Булье, который, какъ и войска, былъ очень преданъ королю, рѣшено было перевезти короля въ Мецъ. Оттуда, предполагалось, онъ двинется на Парижъ съ арміей Булье, распуститъ національное собраніе и подчинитъ себѣ революціонные элементы столицы.

Въ то же самое время, потому, можетъ быть, что планъ двора былъ извѣстенъ или предугадывался, въ Версалѣ возникъ планъ переселить короля изъ Версаля въ Парижъ. Это у Мирабо возникла мысль отдать короля парижанамъ и сдѣлать его заложникомъ, въ виду непрекращавшихся попытокъ произвести переворотъ. Говорятъ, что герцогъ Орлеанскій истратилъ много денегъ на распространеніе этой идеи въ народѣ. Словомъ, Парижъ приготовился предупредить нападеніе и вторично защитить себя и національное собраніе отъ государственнаго переворота.

Походъ въ Версаль.

Парижское населеніе не переставало волноваться. Споры въ національномъ собраніи возбуждали его, но еще болѣе возбуждалъ его начавшійся въ это время голодъ. Въ столицѣ ощущался сильный недостатокъ въ хлѣбѣ. Среди рабочихъ возникло движеніе, преслѣдовавшее ихъ собственные классовые интересы. Портняжные подмастерья, парикмахеры и даже прислуга имѣли свои клубы, гдѣ они регулярно собирались и обсуждали какъ общее политическое, такъ и свое спеціальное положеніе. Работницы тоже обнаружили значительную бойкость. Вскорѣ уже и торговки рыбой и овощами обратились съ петиціями къ избирателямъ третьяго сословія. Часто встрѣчаешься съ требованіемъ того періода—вполнѣ уравнять въ правахъ женщинъ съ мужчинами. Для женщинъ требовали и избирательнаго права. Много вниманія привлекла въ то время амазонка революціи, прекрасная Теруань де-Мерикуръ изъ Льежа. Роялистскія газеты называли ее куртизанкой, но несомнѣнно, что это невѣрно. Она выступала вооруженной, произносила передъ народомъ зажигательныя рѣчи, а во время процессій въ живописной позѣ возсѣдала на пушкѣ.

Въ Палэ-Роялѣ народъ разобралъ желѣзную рѣшетку и сталъ обнаруживать такое возбужденіе, что національная гвардія выдвинула противъ него пушки. Но это былъ не хлѣбъ, котораго требовалъ народъ, и это привело его въ еще болѣе сильное возбужденіе. Всѣ были озлоблены по поводу того, что король отказался утвердить права человѣка, а тутъ вдругъ стало извѣстно, что офицеры гвардіи (Garde du Corps) дали пышный обѣдъ офицерамъ фландрскаго полка, который уходилъ въ Версаль, чтобы оттуда сопровождать короля въ Мецъ. На обѣдъ явились король съ королевой, и офицеры, возбужденные виномъ и роскошнымъ пиромъ, устроили по этому поводу роялистскую манифестацію: съ обнаженными саблями набрасывались они на ложи параднаго зала, какъ будто бы тамъ находилось національное собраніе. Они одѣли бѣлыя кокарды, а трехцвѣтныя стали топтать ногами. Черезъ два дня былъ данъ еще одинъ такой же пиръ, и королева весьма откровенно выразила полное удовлетвореніе свое по поводу этихъ манифестацій.

Уже одни эти роскошныя пиршества должны были обозлить голодающій народъ; но бѣлыя кокарды вызвали открытое возмущеніе. 3 и 4 октября на улицахъ происходили бурныя народныя сборища, которыя разсѣивались національной гвардіей, обнаружившей тогда свою настоящую роль. 5 октября двинулись парижскія женщины. Движеніе направлялось и тайно раздувалось изъ Версаля. На утро пятаго октября парижскія женщины не могли получить хлѣба, потому что въ городѣ не было муки. Онѣ собирались толпами, и не было возможности ихъ разогнать. Одна молодая дѣвушка добыла изъ какого-то караульнаго помѣщенія барабанъ и барабанила, крича: «хлѣба! хлѣба!». Большая толпа женщинъ двигалась по улицамъ, вслѣдъ за рѣшительной барабанщицей, по направленію къ городской ратушѣ. Тамъ женщины потребовали хлѣба и оружія. Скоро и здѣсь появились рѣшительные люди, повидимому, вошедшіе предварительно въ соглашеніе съ національнымъ собраніемъ; главное мѣсто среди нихъ принадлежало бывшему стражнику (huissier) Мальяру, который уже отличился при взятіи Бастиліи и который сыгралъ страшную роль въ сентябрскіе дни 1792 года. Раздался призывъ: «Въ Версаль!»,—и Мальяръ сталъ во главѣ женщинъ, чтобъ повести ихъ въ Версаль. Зазвучалъ набатъ, и женщины вооружились нашедшимся въ городской ратушѣ оружіемъ. Батальонъ національной гвардіи, выступившій было противъ женщинъ, былъ обращенъ въ бѣгство градомъ камней. Много мужчинъ присоединилось къ этимъ женщинамъ, упрекавшимъ мужчинъ въ томъ, что они не понимаютъ, какъ надо дѣйствовать. Когда женщины съ Мальяромъ уже ушли въ Версаль, туда отправилась и масса вооруженныхъ мужчинъ подъ предводительствомъ великана-мясника Журдана; послѣдній былъ извѣстенъ подъ прозвищемъ coupe-tete (головорѣзъ), и его грубость и кровожадность не разъ скомпрометировали народное дѣло. Въ этомъ походѣ приняла участіе, кромѣ того, и французская гвардія, извѣстная своей преданностью народному дѣлу.

Теперь заволновалась и національная гвардія и стала бурно требовать отъ своего командира Лафайета, чтобъ онъ повелъ ее въ Версаль. «Герой двухъ частей свѣта», какъ гиперболически титуловали этого маркиза, не

зналъ, что дѣлать. Лафайетъ, любимецъ крупной буржуазіи, отличался самымъ заурядным умомъ и никогда не понималъ своего времени. В времена монархіи онъ былъ республиканцемъ, а во время республики—монархистомъ. Онъ стоялъ за конституціонную королевскую власть и з преобладаніе третьяго сословія и не могъ понять того, что въ эпоху революціонныхъ движеній отъ столкновенія этихъ двухъ факторовъ должны произойти непоправимыя бѣды. Въ національной гвардіи онъ видѣлъ только средство сдерживать народные безпорядки. Несмотря на это, онъ довольно долгое время былъ популярной личностью, и народъ криками выразилъ ему свою любовь, когда онъ появился верхомъ на бѣломъ конѣ во главѣ національной гвардіи. Мужество его было столь же велико, какъ и его ограниченность.

Семь часовъ Лафайетъ не сдавался на требованіе вести національную гвардію въ Версаль. Національная гвардія хотѣла поддержать планъ партіи Мирабо—переселить короля въ Парижъ; повидимому, ее склонили къ этому агенты Мирабо и герцога Орлеанскаго. Цвѣтистыя увѣщанія Лафайета, убѣждавшаго отказаться отъ похода въ Версаль, не привели ни къ чему, такъ какъ и въ интересахъ національной гвардіи было предупредить затѣваемый дворомъ переворотъ. «Генералъ!,—сказалъ одинъ гвардеецъ,—вы не обманете насъ. Мы не хотимъ употребить наше оружіе противъ женщины, мы хотимъ привести сюда короля, чтобъ *не бояться больше его плановъ*!». Теперь, наконецъ, недогадливый «герой двухъ частей свѣта» понялъ, въ чемъ дѣло, и во главѣ своихъ батальоновъ отправился въ Версаль, запасшись предварительно удостовѣреніемъ общиннаго совѣта, что онъ отправился въ Версаль исключительно въ цѣляхъ поддержанія «порядка и спокойствія». Такимъ образомъ, Парижъ выступилъ противъ Версаля.

Мальяръ повелъ дѣло ловко. На Елисейскихъ поляхъ онъ велѣлъ предводительствуемымъ имъ женщинамъ и дѣвушкамъ разоружиться, чтобъ не перепугать національнаго собранія. Затѣмъ, чтобъ совершенно неожиданно притти въ Версаль, онъ приказалъ задержать всѣхъ курьеровъ, которые отправлялись изъ Парижа въ Версаль. Національное собраніе, озлобленное противъ двора изъ-за офицерскихъ пировъ, обсуждало въ это время вопросъ о томъ, какъ добиться отъ двора утвержденія декларації правъ человѣка, а дворъ въ то же время занимался приготовленіями къ отъѣзду короля въ Мецъ. Въ этотъ моментъ у барьера національнаго собранія появился Мальяръ съ депутаціей женщинъ и потребовалъ хлѣба и разрѣшенія президенту Мунье представить депутацію женщинъ королю. Собраніе было удивлено, увидѣвъ толпу женщинъ во главѣ возстанія, и согласилось на оба требованія. Мунье пошелъ съ депутаціей къ королю. Людовикъ обѣщалъ все, чего отъ него требовали; женщины въ присутствіи его были застѣнчивѣе, чѣмъ во дворѣ, и ораторъ ихъ, молодая красивая женщина, едва сумѣла произнести больше чѣмъ слово «хлѣба!». Людовикъ обѣщалъ устранить недостатокъ въ хлѣбѣ, обнялъ оратора, а депутація расчувствовалась и удалилась.

Женщинъ, ожидавшихъ во дворѣ, это вовсе не удовлетворило; началась свалка, въ которую вмѣшалась королевская лейбъ-гвардія. Версальская національная гвардія стала на сторону женщинъ; съ той и другой

стороны оказались раненые. Лейбъ-гвардія проявила звѣрство, и такъ какъ въ это время прибылъ Журданъ, то началось форменное побоище на дворѣ замка. Двое гвардейцевъ было убито, а головы ихъ воткнули на пики: до такой степени поведеніе гвардіи озлобило массы. Поздно вечеромъ прибылъ Лафайетъ съ національной гвардіей и рознялъ дравшихся, причемъ немалую помощь оказалъ ему сильный дождь. Лейбъ-гвардія заняла внутреннія, а національная гвардія—внѣшніе покои дворца.мМожно было думать, что все успокоилось.

На слѣдующій день, въ пять часовъ утра, народъ проникъ во дворецъ черезъ оставшіяся открытыми ворота, съ цѣлью захватить короля. Народъ находился уже недалеко отъ королевскихъ покоевъ, и королева едва успѣла неодѣтой и босой убѣжать въ комнаты своего мужа. По пути снова было убито нѣсколько ненавистныхъ лейбъ-гвардейцевъ. Лафайетъ подоспѣлъ, и популярность его была такъ велика, что хоть съ большой опасностью для жизни, но ему удалось остановить кровопролитіе. Безчисленный народъ, собравшійся у дворца, громко требовалъ, чтобы король отправился *въ Парижъ*. Лафайетъ увидѣлъ, что потеряетъ свою популярность, если воспротивится этому требованію. Въ виду этого, онъ посовѣтовалъ королю уступить. Король нѣкоторое время упорствовалъ, а затѣмъ, принявъ во вниманіе угрожающее настроеніе народа, согласился. Лафайетъ рѣшился рискнуть всей своей популярностью, чтобъ нѣсколько успокоить народъ, и послѣдовательно одного за другимъ вывелъ на балконъ короля, королеву и одного изъ лейбъ-гвардейцевъ. Когда народъ отвѣтилъ крикомъ озлобленія на появленіе королевы, Лафайетъ поцѣловалъ ей руку; лейбъ-гвардейцу онъ прикололъ трехцвѣтную кокарду. Этой комедіи было достаточно, чтобъ успокоить народъ. Главная цѣль народа была, впрочемъ, достигнута: королевская семья въ сопровожденіи національной гвардіи отправилась въ Парижъ. Безчисленныя народныя массы сопровождали ихъ при переѣздѣ въ Парижъ; утвержденіе же, будто головы убитыхъ лейбъ-гвардейцевъ несли за королемъ до самаго Парижа, оспаривается. Проголодавшіеся парижане, не нашедшіе въ Версалѣ достаточно провіанта, часто останавливались въ дорогѣ, такъ что король только вечеромъ прибылъ въ Парижъ. Король теперь уже былъ подъ надзоромъ парижскаго населенія; мэръ Бальи у городской ратуши встрѣтилъ его льстивой и коварной рѣчью, и король съ большой натянутостью отвѣтилъ ему: «Съ удовольствіемъ и съ полнымъ довѣріемъ я остаюсь среди моего парижскаго народа». Королевская семья поселилась въ пустовавшемъ до тѣхъ поръ Тюльерійскомъ дворцѣ. На Лафайета и его національную гвардію была возложена обязанность охранять Тюльери. 19 октября было перенесено въ Парижъ и національное собраніе, объявившее себя неотдѣлимымъ отъ особы короля. Оно теперь находилось подъ защитой парижскаго населенія, которое, съ женщинами во главѣ, во второй разъ разстроило замышлявшійся переворотъ.

Вопросъ о томъ, насколько это народное движеніе было самостоятельнымъ, насколько оно было вызвано Мирабо и герцогомъ Орлеанскимъ, не имѣетъ значенія. Добились того, что столица получила въ королевскомъ семействѣ заложниковъ противъ дальнѣйшихъ попытокъ произвести госу-

дарственный переворотъ. Голодъ, конечно, не былъ этимъ устраненъ, какъ надѣялись наивные люди; онъ продолжалъ мучить парижанъ и поддерживать среди нихъ возбужденіе.

Партіи, клубы и пресса.

Съ перенесеніемъ національнаго собранія въ Парижъ началась совершенно новая и дѣятельная политическая жизнь. Партіи рѣзче разграничились между собой. Парламентскія фракціи, подъ вліяніемъ событій, тоже измѣнились. Аристократически-конституціонная партія, имѣвшая во главѣ Мунье и Лальи-Толандаля, была глубоко возмущена событіями 5 и 6 октября, обезопасившими національное собраніе отъ возможности государственныхъ переворотовъ. Оба эти вождя сложили свои полномочія, такъ какъ дѣла слагались не такъ, какъ они желали. Такимъ-то образомъ возникла большая *абсолютно-монархическая партія*, которая занимала мѣста направо отъ призидента и потому называлась правой. Въ центрѣ засѣдали представители *конституціонно-демократической партіи*, во главѣ съ Сійесомъ и Мирабо, а на лѣвой сторонѣ сидѣла *абсолютно-демократическая партія*. Въ послѣдней до сихъ поръ руководство принадлежало Барнаву, братьямъ Ламетъ и Дюпору. Но эти вожди, вмѣстѣ съ своими личными приверженцами, скоро перешли на сторону демократически-конституціонной партіи, и собственно демократическая партія стала столь слаба, что Мирабо однажды иронически пожелалъ «покоя этимъ тридцати голосамъ»! Эта партія заняла самыя высокія мѣста съ лѣвой стороны и потому была названа Горой (montagne), члены же ея были названы монтаньярами (людьми Горы). Среди этой партіи уже были люди съ будущимъ, напр., Петіонъ и Робеспьеръ.

Населеніе примкнуло къ тѣмъ или инымъ партіямъ, въ соотвѣтствіи со своими потребностями и интересами. Естественно, что привилегированные видѣли своихъ представителей въ правой; центръ опирался тогда на всю буржуазію и сельское населеніе; это была наиболѣе сильная партія, и въ національномъ собраніи она занимала господствующее положеніе. Напротивъ того, демократическая лѣвая искала и нашла себѣ поддержку въ массѣ неимущихъ гражданъ и рабочихъ предмѣстій Парижа.

Начала развиваться настоящая политическая жизнь и борьба партій. Депутаты желали сохранить связь со своими товарищами по убѣжденіямъ и внѣ національнаго собранія. Для этой цѣли были образованы клубы, въ которыхъ депутаты подготовлялись къ текущей дѣятельности въ парламентѣ. Первыми основали себѣ клубъ въ Версали депутаты Бретани; къ нему присоединилось много другихъ депутатовъ, когда національное собраніе было перенесено въ Парижъ. Первонально этотъ клубъ носилъ названіе клуба *друзей конституціи*, а потомъ—клуба *друзей революціи*. Этотъ клубъ былъ необыкновенно популяренъ и силенъ, такъ какъ уже съ самаго начала рѣшено было принимать въ него не только депутатовъ, но и другихъ гражданъ. Засѣданія этого клуба происходили въ залѣ доминиканскаго монастыря Св. Якова, откуда онъ и получилъ то названіе клуба якобинцевъ

подъ которымъ онъ и извѣстенъ въ исторіи. Скоро онъ уже основалъ отдѣленія во всѣхъ городахъ и развилъ организацію, распространявшуюся на всю Францію. Во время революціонной бури якобинцы увлекли за собой французскій народъ и вдохнули въ него непобѣдимую и горячую страсть къ свободѣ.

Политическая физіономія этого клуба сильно мѣнялась. Вначалѣ членами были всѣ вожди демократически-конституціонной партіи, и среди якобинцевъ можно было встрѣтить Мирабо, Лафайета, Бальи и Сійеса. Но, по мѣрѣ того, какъ въ якобинскомъ клубѣ стали брать перевѣсъ все болѣе демократическія воззрѣнія, демократически-конституціонные депутаты стали выступать изъ него и предоставили якобинскій клубъ настоящей демократіи; благодаря этому, послѣдняя, при всей своей слабости въ національномъ собраніи, получила неизмѣримое вліяніе въ народѣ. За время революціи въ якобинскомъ клубѣ послѣдовательно господствовали жирондисты, Робеспьеръ, Маратъ; особенно часто выступалъ здѣсь на ораторской трибунѣ Робеспьеръ, готовясь къ своей будущей роли.

Мирабо и его друзья образовали *клубъ 1789 года*, не имѣвшій особаго вліянія на массы; приверженцы же абсолютной монархіи сходились въ монархическомъ или «безпартійномъ клубѣ», который не имѣлъ ровно никакого вліянія. Но и въ клубѣ якобинцевъ не всѣ демократы могли согласиться съ братьями Ламетъ, Барнавомъ и Дюпоромъ, которые были слишкомъ вѣрными приверженцами конституціонализма. Камиллъ Демуленъ, ораторъ 12 іюля въ Палѣ-Роялѣ, Дантонъ, одинъ изъ любимѣйшихъ народныхъ ораторовъ, Маратъ, редакторъ «Друга народа», образовали поэтому отдѣльный клубъ, *клубъ Корделье;* онъ такъ назывался по мѣсту своихъ собраній, древнему монастырю францисканцевъ или босоногихъ (cordeliers). Всѣ корделье, по крайней мѣрѣ, въ началѣ, принадлежали къ якобинцамъ.

Не меньше, чѣмъ клубы, вліяла на политическую жизнь пресса, получившая небывалое развитіе. До революціи было очень мало періодическихъ изданій. Теперь же Парижъ и Франція совершенно неожиданно наводнились ими. Всѣ значительные партійные вожди имѣли свои собственные органы, издававшіеся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ. Привилегированные и дворъ предоставили защиту своихъ интересовъ мало популярнымъ реакціоннымъ газетамъ. Съ другой стороны, демократическія народныя газеты пріобрѣли скоро небывалое вліяніе въ Парижѣ. Къ нимъ относились «Парижскія Революціи», расходившіяся въ количествѣ 20000 экземпляровъ; издателемъ этой газеты былъ молодой талантливый журналистъ Лустало, вскорѣ погибшій за свое дѣло; затѣмъ «Революціи во Фландріи и Брабантѣ», издававшіяся увлекательнымъ, веселымъ и остроумнымъ Камилломъ Демуленомъ, первымъ журналистомъ своего времени; наконецъ, «Отецъ Дюшень» Геберта и «Другъ народа» Марата. Всѣ онѣ сильно нападали на дворъ и на привилегированныхъ; дальше всѣхъ заходилъ въ этомъ отношеніи Маратъ, который въ своей газетѣ нападалъ и на національное собраніе и на Лафайета. Постоянно преслѣдуе-

Партіи.

До 4 августа депутаты національнаго собранія дѣйствовали единодушно; борьба шла только между сословіями, но и она должна была стихнуть передъ силой событій. Теперь же выступилъ на сцену вопросъ о государственномъ строѣ, и при обсужденіи основъ его и новой организаціи государственной власти національное собраніе необходимо должно было расколоться на партіи. Сторонники стараго порядка должны были отдѣлиться отъ реформаторовъ.

Неккеръ готовъ былъ бы отсрочить обсужденіе вопроса о государственномъ строѣ, потому что его тѣснила финансовая нужда, и ему нужно было денегъ, много денегъ. Государственный кредитъ былъ исчерпанъ, два займа уже не удались. Неккеръ выступилъ передъ національнымъ собраніемъ съ проектомъ подоходнаго налога. Но Мирабо и друзья его, съ одной стороны не желали терять времени, а съ другой—не желали брать на себя отвѣтственности за такой важный налогъ. Мирабо отвѣтилъ на это предложеніемъ принять новый налогъ безъ обсужденія, въ формѣ вотума довѣрія. Такимъ маневромъ онъ хотѣлъ возложить отвѣтственность за налогъ на министра. Собраніе было въ нерѣшительности. Тутъ Мирабо произнесъ одну изъ наиболѣе блестящихъ рѣчей своихъ и такъ увлекъ за собой собраніе, что оно приняло его предложеніе. Правда, онъ затронулъ одно изъ наиболѣе чувствительныхъ мѣстъ собранія; указывая на приближающееся *государственное банкротство*, онъ сказалъ: «ужаснѣйшее банкротство грозитъ поглотить васъ, ваше имущество, вашу честь, а вы... *совѣщаетесь*!».

Неккеръ получилъ налогъ, который былъ нуженъ, а собраніе продолжало совѣщанія о правахъ человѣка, прерванныя возстаніемъ въ провинціи. Эту декларацію предполагалось предпослать основному государственному закону; въ красивой и ясной формѣ она излагала естественныя и гражданскія права человѣка. Права человѣка представляли собой полное выраженіе всѣхъ новыхъ демократическихъ и либеральныхъ идей и побѣдоносно противопоставлялись предразсудкамъ пережитой эпохи. Въ декларации нашли себѣ выраженіе идея народнаго суверенитета и равноправность всѣхъ людей; привилегіи, такимъ образомъ, были оставлены вмѣстѣ съ тьмой среднихъ вѣковъ. Свобода была опредѣлена такимъ образомъ, что человѣкъ въ правѣ дѣлать все, что не вредитъ другимъ людямъ. Цѣлью человѣческаго общества было провозглашено всеобщее счастье. Было декретировано, наконецъ, *право на существованіе*.

Не лишне будетъ привести здѣсь дословно этотъ документъ. Въ немъ говорится, что національное собраніе признало нижеслѣдующія права человѣка и гражданина, установивъ ихъ «передъ лицомъ высшаго Существа».

1. Люди рождаются и остаются свободными и равноправными. Общественныя различія могутъ имѣть мѣсто лишь въ случаѣ ихъ полезности для всѣхъ.

2. Цѣль всякаго политическаго союза—сохраненіе естественныхъ и неотчужденныхъ правъ человѣка. Права эти суть: свобода, собственность, безопасность и противленіе угнетенію.

3. Принципъ всякой верховной власти принадлежитъ націи. Ни одна коллегія, ни одно лицо не могутъ отправлять власти, не исходящей непосредственно отъ націи.

4. Свобода заключается въ возможности дѣлать все, что не вредитъ другому. Такимъ образомъ, пользованіе каждаго человѣка своими естественными правами не должно встрѣчать иныхъ границъ, кромѣ тѣхъ, которыя гарантируютъ другимъ членамъ общества пользованіе тѣми же правами. Эти границы могутъ быть опредѣлены только закономъ.

5. Законъ въ правѣ запрещать дѣйствія, приносящія вредъ обществу. Все, что не запрещено закономъ, не должно встрѣчать препятствій къ своему осуществленію. Никого не должно *принуждать* дѣлать то, что не предписано закономъ.

6. Законъ есть выраженіе общей воли. Всѣ граждане въ правѣ лично или черезъ своихъ представителей участвовать въ составленіи законовъ. Законъ долженъ быть одинаковымъ для всѣхъ, будь то законъ ограждающій или карающій. Всѣ граждане, будучи равными передъ лицомъ закона, одинаково допустимы ко всѣмъ званіямъ, мѣстамъ и общественнымъ должностямъ, сообразно своимъ способностямъ, и могутъ быть отличаемы только въ силу своихъ добродѣтелей и талантовъ.

7. Никто не можетъ быть *арестованъ*, *обвиненъ или задержанъ* въ тѣхъ случаяхъ, которые не опредѣлены, и въ такой формѣ, которая не предписана закономъ. Тотъ, кто домогается, отдаетъ, выполняетъ или заставляетъ исполнить распоряженія, основанныя на произволѣ, подлежитъ наказанію. Но каждый гражданинъ, призванный или задержанный въ силу закона, долженъ немедленно повиноваться; оказывая сопротивленіе, онъ становится виновнымъ.

8. Законъ долженъ установить наказанія, только строго и очевидно необходимыя. Никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію иначе, какъ въ силу закона, установленнаго и обнародованнаго до совершенія преступленія и примѣненнаго установленнымъ порядкомъ.

9. Такъ какъ каждый человѣкъ предполагается невиновнымъ до того момента, какъ судъ объявитъ его виновнымъ, то, въ случаѣ признанной необходимости его ареста, законъ долженъ позаботиться о полномъ устраненіи строгостей, не вызванныхъ необходимостью обезпечить суду его личность.

10. Никто не долженъ терпѣть стѣсненія изъ-за своихъ убѣжденій, хотя бы даже религіозныхъ, лишь бы ихъ проявленія не нарушали общественнаго порядка, установленнаго закономъ.

11. Свободный обмѣнъ мыслями и мнѣніями—одно изъ драгоцѣнныхъ правъ человѣка, и каждый гражданинъ можетъ свободно говорить, писать и печатать подъ условіемъ отвѣтственности за злоупотребленія этой свободой въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ.

12. Для гарантіи правъ человѣка и гражданина необходима вооруженная сила. Однако, существуетъ она для общаго блага, а не для частной выгоды тѣхъ, коимъ ввѣрено управленіе ею.

13. Для содержанія вооруженной силы и для расходовъ по управленію

нающаяся рѣчь потекла въ тотъ моментъ воодушевленія, какъ расплавленная лава. «Граждане, воскликнулъ онъ, нельзя терять ни минуты. Отставка Неккера—это сигналъ къ Варѳоломеевой ночи для всѣхъ патріотовъ. Еще сегодня вечеромъ черезъ Марсово поле вступятъ въ городъ германскіе и швейцарскіе батальоны, чтобъ задушить насъ. Для насъ только одно спасеніе: *къ оружію, граждане*». Толпа тысячами голосовъ привѣтствовала смѣлаго оратора. Онъ сорвалъ съ дерева листъ и воткнулъ его въ свою шляпу, всѣ остальные сдѣлали то же самое. И зеленый цвѣтъ, цвѣтъ надежды, сталъ внѣшнимъ признакомъ патріотовъ. Въ скоромъ времени этотъ цвѣтъ былъ оставленъ, такъ какъ это былъ цвѣтъ графа д'Артуа.

При кликахъ «къ оружію!» толпа разсѣялась по улицамъ, не имѣя передъ собой никакой опредѣленной цѣли. Люди неувѣренно металисъ туда и сюда, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ. Въ одномъ магазинѣ забрали бюсты Неккера и герцога Орлеанскаго и съ тріумфомъ понесли ихъ на площадь Людовика XV. Всѣхъ встрѣчныхъ прохожихъ вынуждали снимать передъ этими бюстами шляпы. Въ тотъ моментъ, когда эти бюсты обносили вокругъ изваянія любовника Дюбарри, появился князь де-Ламбекъ во главѣ драгунскаго полка Royal-Allemand (королевско-нѣмецкаго). Этотъ грубый солдатъ тотчасъ же приказалъ своей кавалеріи произвести сабельную атаку на толпу, и много народа было изрублено и растоптано лошадьми. Безоружная масса разсѣялась по улицамъ съ криками «къ оружію!». Герцогъ Орлеанскій тоже совѣтовалъ вооружиться, и общество избирателей въ городской ратушѣ раскрыло народу находящійся тамъ складъ оружія. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, оружейные мастера и торговцы должны были отдать принадлежащее имъ оружіе, и этого нельзя назвать грабежемъ, потому что большинство ихъ охотно дѣлало это. Предметовъ цѣнныхъ нигдѣ не грабили и не расхищали. Французская гвардія была на сторонѣ народа потому, что онъ освободилъ нѣсколько заключенныхъ въ аббатствѣ гвардейцевъ. Гвардію держали въ казармахъ, приставивъ къ ней въ качествѣ караула отрядъ полка Royal-Allemand, состоявшаго изъ однихъ нѣмцевъ. Но когда гвардіи стало извѣстно, что началось народное возмущеніе, она вырвалась изъ казармы, не обращая вниманія на офицерскія приказанія. «Вы за третье сословіе?» спросили они драгунъ. «Мы за нашихъ начальниковъ», отвѣтили тѣ. Началась битва. Гвардія дала залпъ, много драгунъ было убито, а остальные разбѣжались. Форсированнымъ маршемъ двинулась гвардія на площадь Людовика XV и заняла тамъ позицію, чтобы вмѣстѣ съ народомъ отразить нападеніе ожидаемыхъ съ Марсова поля войскъ.

Но это нападеніе не послѣдовало. Де-Безанваль, командовавшій на Марсовомъ полѣ, правда, выступилъ, но не могъ заставить свои войска напасть на гвардію. Нѣкоторыя войсковыя части перешли на сторону народа, и Безанваль ретировался опять на Марсово поле. Пока-что, народъ срывалъ свой гнѣвъ на королевскихъ таможняхъ и разрушалъ ихъ вмѣстѣ съ барьерами.

Дворъ не былъ особенно опечаленъ возстаніемъ, такъ какъ онъ надѣялся, что легко можно будетъ подавить его и безъ всякаго затрудненія

разогнать національное собраніе. Парижская городская дума, во главѣ которой стоялъ негоціантъ Флессель, отступила на задній планъ, такъ какъ ничего не хотѣла предпринять противъ двора. Мѣсто ея заняло засѣдавшее въ городской ратушѣ собраніе избирателей, объявившее, что оно не разойдется, и вынудившее Флесселя стать во главѣ собранія.

На слѣдующій день, 13 іюля, съ самаго ранняго утра зазвучалъ набатъ, и народъ высыпалъ на улицы, отыскивая оружіе. Оружія находили очень мало, и Флессель въ данномъ случаѣ оказался предателемъ. Онъ говорилъ, что тамъ-то и тамъ-то хранится оружіе, но всякій разъ оказывалось, что это было невѣрно. Было ясно, что онъ хочетъ затянуть дѣло, чтобъ приближающіяся войска нашли народъ еще безоружнымъ. Но комитетъ избирателей энергично взялся за народное дѣло. Онъ постановилъ организовать гражданскую милицію (національную гвардію), назначивъ ей кокарду синяго и краснаго цвѣта, цвѣта города Парижа. Такъ какъ сейчасъ же нельзя было раздобыть того количества ружей, которое нужно было для 48.000 человѣкъ гражданской милиціи, то комитетъ избирателей заказалъ 50.000 пикъ, которыя и были изготовлены въ невѣроятно короткій срокъ. Такимъ образомъ, можно было надѣяться оказать успѣшное сопротивленіе, но и въ тотъ день нападенія не послѣдовало, такъ какъ Безанваль не былъ достаточно увѣренъ въ своихъ войскахъ и ожидалъ медленно подходившихъ подкрѣпленій.

Національное собраніе объявило себя постояннымъ, потребовало удаленія войскъ и учрежденія гражданской милиціи, выразило сожалѣніе по поводу отставки Неккера и возложило отвѣтственность за все, что произошло и произойдетъ, на королевскихъ совѣтниковъ. Дворянство и духовенство приняли участіе въ этихъ постановленіяхъ.

Въ ослѣпленіи своемъ дворъ былъ увѣренъ въ своей побѣдѣ. Ожидали только прибытія подкрѣпленій, которыя должны были положить конецъ парижскому возстанію и сломить сопротивленіе національнаго собранія. Они вполнѣ положились на штыки, но на этотъ разъ имъ суждено было оказаться безсильными.

14 іюля снова звучалъ набатъ. Отыскивавшій оружіе народъ открылъ въ погребахъ Дома Инвалидовъ складъ въ 30.000 ружей, большое количество сабель шпагъ и нѣсколько пушекъ. Народъ вооружился; рабочіе С.-Антуанскаго предмѣстья и предмѣстья С.-Марсо подъ предводительствомъ пивовара Сантерра соединились съ гвардіей.

Вооруженныя массы жаждали боя и искали, на кого бы напасть. Народный гнѣвъ, какъ-то самъ собой обрушился на Бастилію, ту ужасную государственную тюрьму, разрушенія которой, между прочимъ, требовали уже нѣкоторые наказы выборныхъ. Кромѣ того, руководители возстанія могли опасаться, что при нападеніи войскъ Бастилія послужитъ имъ несокрушимымъ оборонительнымъ пунктомъ.

Словомъ, въ полдень 14 іюля по улицамъ Парижа раздается крикъ: «*къ Бастиліи! къ Бастиліи!*». Тысячи голосовъ повторяютъ этотъ возгласъ, и вооруженныя толпы направляются къ ненавистной крѣпости.

Бастилія была расположена въ серединѣ города и представляла собой

мый властями, Маратъ вынужденъ былъ работать въ погребахъ и тайныхъ квартирахъ.

Народная масса, находившаяся подъ вліяніемъ демократическихъ клубовъ и демократической прессы, заходила въ своихъ цѣляхъ гораздо дальше національнаго собранія, которое, какъ мы вскорѣ увидимъ, старалось сообразовать новую конституцію съ интересами крупной и мелкой буржуазіи. Широкія народныя массы, вынесшія на своихъ плечахъ революцію, стремились впередъ. Демократической лѣвой предстояло въ дальнѣйшемъ ходѣ революціи получить перевѣсъ надъ конституціоналистами. Между тѣмъ Парижемъ, который уже дважды поднимался для того, чтобы защитить національное собраніе отъ государственнаго переворота, и тѣмъ же національнымъ собраніемъ согласіе вскорѣ нарушилось.

Конституція.

Національное собраніе энергично приступило къ выработкѣ конституціи, но въ немъ уже нельзя было замѣтить прежней рѣшимости идти противъ двора. Сторонники абсолютной монархіи утверждали, что король лишенъ свободы съ тѣхъ поръ, какъ его стерегутъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, не безъ успѣха спекулируя такимъ образомъ на вѣрноподданническій сантиментализмъ; національное собраніе медлило признать за собой право объявить конституцію вступившей въ законную силу. Оно не нарушало права короля на утвержденіе и создавало такимъ образомъ споры и конфликты.

За королемъ признаны были неприкосновенность и титулъ короля французовъ; этимъ хотѣли подчеркнуть конституціонный характеръ королевской власти, какъ высшей государственной должности, въ противоположность абсолютной королевской власти. Королевскія имѣнья были объявлены государственной собственностью, а королю, кромѣ различныхъ замковъ, предоставленъ цивильный листъ въ 30 милліоновъ франковъ.

Слѣдующимъ крупнымъ мѣропріятіемъ національнаго собранія была конфискація церковныхъ земель. Какъ мы уже показали въ своемъ введеніи, въ рукахъ духовенства сосредоточивались громадныя недвижимыя имущества. Національное собраніе и обратило свое вниманіе на эти владѣнія, которыя не были связаны съ личностью того или иного духовнаго лица. Послѣднія же пользовались сами только тѣми помѣстьями, которыя даны были имъ вмѣсто жалованья отъ государства. Тотъ самый знаменитый Талейранъ, который двадцать пять лѣтъ спустя поддержалъ попытку возстановленія старой Франціи, теперь предложилъ и настоялъ на томъ, что 2 ноября 1789 года всѣ духовныя имѣнья были объявлены государственной собственностью. Духовенству вмѣсто этого было назначено казенное жалованье въ размѣрѣ не ниже 1200 франковъ, такъ что громадные доходы высшаго духовенства были уменьшены, а небольшіе доходы низшаго были повышены. Кромѣ того, духовные ордена были отдѣлены

отъ государства и объявлены частными корпораціями. Постановить полное отдѣленіе церкви отъ государства не хватало рѣшимости.

Это постановленіе національнаго собранія произвело необычайное впечатлѣніе. Дѣйствіе его мы еще увидимъ впослѣдствіи.

Въ это время Сійесъ, человѣкъ сильнаго и глубокаго ума, значеніе котораго тѣмъ не менѣе всегда преувеличивали, былъ занятъ внѣшнимъ преобразованіемъ Франціи. Хотя революція уже отмѣнила привилегіи отдѣльныхъ провинцій, Франція все еще сохранила старое дѣленіе на провинціи. Сійесъ хотѣлъ достигнуть дѣйствительнаго единства Франціи, чтобъ упростить управленіе и администрацію. 12 ноября 1789 года вся Франція была раздѣлена на 83 департамента, и получилась возможность установить единство въ администраціи. Избирательный законъ тоже былъ приведенъ въ соотвѣтствіе съ этимъ дѣленіемъ Франціи.

Сійесъ не могъ, конечно, предполагать, что Наполеонъ воспользуется впослѣдствіи этимъ подраздѣленіемъ Франціи, чтобъ надѣть на нее смирительную рубашку той желѣзной централизаціи, на которой основана была его власть.

Избирательный законъ былъ основанъ на цензѣ; собраніе, слѣдовательно, еще не сумѣло возвыситься до идеи всеобщаго избирательнаго права. Оно начало уже опасаться тѣхъ самыхъ пролетарскихъ массъ, которымъ обязано было своей властью и значеніемъ. Поэтому оно и поторопилось при помощи избирательнаго закона усилить противоположность между такъ называемыми почтенными гражданами и широкой массой народа. Мужское населеніе Франціи было распредѣлено на два класса, на *активныхъ* и *пассивныхъ гражданъ*. Активнымъ гражданиномъ считался всякій, достигшій 25-лѣтняго возраста и платившій ежегодный налогъ въ размѣрѣ не меньше трехдневнаго заработка (3 франковъ); всѣ остальные относились къ числу пассивныхъ гражданъ. Избирательное право принадлежало только активнымъ гражданамъ, которые могли участвовать въ выборѣ избирателей. Чтобъ быть избирателемъ, нужно было владѣть участкомъ земли цѣнностью въ 150—400 франковъ. Что же касается депутатовъ, то они уже должны были удовлетворять одному только условію: не быть моложе 25 лѣтъ.

Демократія энергично выступила противъ этого избирательнаго фильтра, но безуспѣшно; Камиллъ Демуленъ справедливо замѣчалъ въ своихъ статьяхъ, что самое понятіе «активный гражданинъ» заключаетъ въ себѣ ложь. Согласно этому опредѣленію, какой-нибудь рантье былъ «активнымъ гражданиномъ», а выбивающійся изъ силъ земледѣлецъ, не платящій трехъ франковъ налога, былъ «пассивнымъ гражданиномъ» и не имѣлъ политическихъ правъ.

Департаменты были подраздѣлены на округа, округа—на кантоны, причемъ послѣдніе были установлены только для выборовъ. Низшей государственной единицей съ этого времени является коммуна (община), организовавшаяся повсюду съ 14 іюля. Съ теченіемъ времени коммуны пріобрѣли большую силу и часто имѣли рѣшительное вліяніе на судьбы революціи. Какъ значительная сила, уже скоро обнаружила себя парижская коммуна;

она относилась къ сенскому департаменту и управлялась выборнымъ генеральнымъ совѣтомъ и муниципалитетомъ. Національное собраніе постановило, однако, издать для Парижа особое коммунальное положеніе. Подъ вліяніемъ Лафайета и Бальи, парижская коммуна пока еще оставалась преданной интересамъ почтенной буржуазіи. Муниципалитетомъ былъ учрежденъ комитетъ для выработки проекта организаціи парижской коммуны, но національное собраніе отвергло этотъ проектъ, и муниципальное управленіе подчинилось. Національное собраніе теперь само выработало проектъ организаціи. Парижъ былъ раздѣленъ на 48 секцій; городское управленіе состояло изъ мэра и 16 администраторовъ; муниципальный совѣтъ состоялъ изъ 32 членовъ, и, кромѣ того, на каждую секцію было назначено по два нотабля, такъ что представительство парижскихъ коммунъ или общинъ состояло изъ 96 лицъ. Это представительство называли и просто коммуной. Секціи избирали мэра. Была еще установлена должность генералъ-прокуратора и двухъ помощниковъ. Такова была организація парижской коммуны. Въ теченіи революціи ей предстояло еще перейти въ руки народа и крайней демократіи и сыграть крупную роль. Пока же мэромъ оставался Бальи, а командиромъ національной гвардіи—Лафайетъ, такъ что сила коммунъ была въ распоряженіи конституціоналистовъ и направлена противъ демократіи.

Въ это время финансовыя затрудненія стали болѣе невыносимыми, чѣмъ когда-либо, и приходилось искать какого-нибудь выхода изъ нихъ. Одни проценты государственнаго долга вызывали дефицитъ въ 400 милліон. франковъ, и поэтому было рѣшено продать тѣ духовныя имѣнья духовенства, которыя были объявлены государственной собственностью. Декретомъ 2 декабря 1789 года было постановлено продать на 400 милліоновъ франковъ національныхъ владѣній. Продажу эту, конечно, нельзя было закончить въ короткій срокъ, причемъ въ цѣли національнаго собранія вовсе не входило значительнымъ предложеніемъ понизить цѣны. Парижскій муниципалитетъ предложилъ государству значительныя суммы подъ залогъ соотвѣтственнаго количества національныхъ земель; другіе муниципалитеты сдѣлали то же самое. Они не платили металлическими деньгами, но выдавали билеты, которые назывались муниципальными билетами. Этими билетами полагалось покрыть требованія государственныхъ кредиторовъ; выкупъ же этихъ билетовъ долженъ былъ совершиться сейчасъ же послѣ того, какъ муниципалитетъ получитъ нужныя для того деньги отъ продажи уступленныхъ ему государственныхъ имѣній. Отъ муниципальныхъ билетовъ перешли къ государственнымъ билетамъ, государство само стало выпускать подъ именемъ *ассигнацій* извѣстныя бумажныя деньги революціи. Этими билетами государство удовлетворяло требованія своихъ кредиторовъ. Билеты обращались, какъ деньги, такъ какъ для нихъ былъ объявленъ принудительный курсъ. Такимъ путемъ они попадали въ руки покупателей государственныхъ имуществъ, и государство получало цѣну національныхъ имѣній ассигнаціями по узаконенному курсу. Тѣ ассигнаціи, которыми оплачивались государственныя имѣнія, полагалось уничтожить, но позже это перестали дѣлать, и это вызвало большое замѣшательство.

Нужно отмѣтить, что эти бумажныя деньги, которыя ставятъ обыкновенно въ связь съ демократіей, были выпущены во время укрѣпленія конституціонной монархіи для погашенія долговъ, надѣланныхъ абсолютной королевской властью во Франціи.

При помощи ассигнацій французское государство прежде всего освободилось отъ своихъ долговъ. Но потомъ, когда количество бумажныхъ денегъ чрезмѣрно возросло—въ теченіе семи лѣтъ было выпущено приблизительно 40.000 милліоновъ франковъ ассигнаціями,—это стало причиной непрекращающагося кризиса во Франціи. Цѣны на товары росли съ такой же быстротой, съ какой падалъ курсъ бумажныхъ денегъ.

Продажей національныхъ имѣній вначалѣ было создано большое количество мелкихъ собственниковъ сильно преданныхъ революціи. Но, почувствовавъ свою собственность обезпеченной, они стали консервативны и стали мечтать о правительствѣ, которое какой угодно цѣной усмирило бы бурю революціи. Политическія завоеванія мелкому крестьянству были безразличны; у него не было идеаловъ. Наполеонъ Бонапартъ былъ для него самымъ подходящимъ человѣкомъ, и оно охотно поставляло ему солдатъ. Имперія Наполеона обезпечивала ему то, что участки его не перейдутъ обратно въ руки духовенства или эмигрировавшаго дворянства, имѣнья котораго тоже объявлены были впослѣдствіи государенной собственностью.

Никогда въ исторіи Франціи не было болѣе удобнаго момента, какъ въ 1789 году, для перехода къ крупному государственному земледѣльческому хозяйству. Идея свободы получила бы въ этомъ переходѣ совсѣмъ другую и болѣе прочную основу. Только треть земли принадлежала крупнымъ или мелкимъ собственникамъ. Но національное собраніе всецѣло находилось во власти мѣщанскихъ понятій о сельскомъ хозяйствѣ и не только не подумало прочнѣе организовать его, но уничтожило и послѣдніе слѣды того земельнаго устройства, которые напоминали объ общественномъ производствѣ. Правда, общины получили обратно тѣ земли, которыя были у нихъ отобраны феодалами, но и эти земли подверглись раздробленію, и остатки общинной собственности были окончательно уничтожены. Всѣ три великихъ собранія революціи—учредительное, законодательное и конвентъ—не обнаружили никакого сочувствія общинной собственности и непрерывными раздѣлами понижали производительность земли и землевладѣльцевъ. Мелкое крестьянство заняло мѣсто феодализма, раздробленіе земельнаго владѣнія было доведено до предѣловъ возможнаго, и въ сельскомъ хозяйствѣ было такимъ образомъ увѣковѣчено мелкое хозяйство во всей первобытности его формъ. Тотъ мелкій крестьянинъ, который обязанъ былъ революціи освобожденіемъ отъ феодальныхъ тяготъ и своимъ свободнымъ владѣніемъ, сталъ скоро тормазомъ всякаго прогресса. Весь громадный классъ мелкихъ крестьянъ образовалъ неподвижный элементъ, тормозившій прогрессъ соціальный и прогрессъ освободительный.

Такимъ-то образомъ столь сильно удивившая всѣхъ мѣра—продажа государственныхъ имѣній,—которой хотѣли закрѣпить преданность народа революціи, принесла скоро плоды, прямо противоположные ожидаемымъ. Были и такія провинціи, гдѣ народъ не понималъ или ложно толковалъ

предпринятую въ его пользу мѣру; здѣсь дѣло не обошлось безъ духовенства, которое потеряло свои имѣнія, и которое со времени конфискаціи духовныхъ земель было не на сторонѣ революціи. Мѣропріятіе это оно называло церковнымъ грабежемъ и сумѣло внушить свою ненависть къ революціи той части населенія, которой еще пріятны были патріархальныя отношенія. Во время позднѣйшихъ кризисовъ революціи то же духовенство зажгло гражданскую войну во Франціи въ тотъ именно моментъ, когда на нее напала великая коалиція иностранныхъ государствъ. Кровавая война въ Вандеѣ тѣсно связана съ этими событіями. Пока же духовенство старалось разжечь религіозный фанатизмъ противъ революціи, съ одной стороны, крикливымъ поведеніемъ въ національномъ собраніи, а съ другой—тайными происками въ провинціи. Все это объясняетъ намъ тѣ ужасныя мѣры, къ которымъ должны были впослѣдствіи прибѣгнуть революціонныя правительства, чтобъ удержаться у власти.

Національное собраніе уничтожило дворянское сословіе, всѣ гербы, наслѣдственные титулы и ордена. Оно хотѣло уничтожить всѣ слѣды прежняго порабощенія. Народъ слѣдилъ за работами національнаго собранія, перенося нужду и не теряя надежды на то, что при новомъ порядкѣ вещей уменьшится и его нужда. Но скоро стали обнаруживаться разные происки придворной партіи, дворянства, духовенства и эмигрантовъ. Облегчивъ производство въ высшій чинъ, національное собраніе привлекло войско на свою сторону, придворная же партія уже не имѣла въ немъ особенно надежной опоры. Безуспѣшными оказались и попытки духовенства вызвать религіозные безпорядки въ южной Франціи. Въ Парижѣ былъ открытъ заговоръ, составленный маркизомъ де-Фавра, который задумалъ убить Лафайета и Бальи, разогнать національное собраніе и увезти короля изъ Парижа. Не было сомнѣній въ томъ, что онъ былъ въ сношеніяхъ съ дворомъ, но посредникъ между ними и дворомъ былъ неизвѣстенъ. Когда судъ приговорилъ его къ смертной казни черезъ повѣшеніе, онъ выразилъ желаніе сознаться во всемъ. Судъ не пожелалъ компрометировать дворъ и постановилъ сознанію его не придавать никакого значенія. «Въ такомъ случаѣ я умру со своей тайной!»—сказалъ Фавра.

Все это вызвало такое броженіе, что можно было опасаться новаго революціоннаго взрыва. Король, чувствовавшій всеобщее недовѣріе, прибылъ 4 февраля 1790 года въ національное собраніе и стоя обратился съ рѣчью къ сидѣвшимъ депутатамъ. Рѣчь его была довольна запутана и доказывала, что онъ собственно и самъ желалъ всего, что сдѣлано собраніемъ. Онъ обѣщалъ также *признать и охранять* ту *конституцію*, которая будетъ принята собраніемъ. Собраніе расчувствовалось и принесло присягу вѣрности закону, королю и народу, обѣщая, по мѣрѣ силъ, охранять выработанную имъ и принятую королемъ конституцію. Эта противорѣчивая клятва, которая не исполнялась всякій разъ, когда возникалъ конфликтъ между королемъ и народомъ или королемъ и закономъ, названа была гражданской присягой.

Теперь начались новыя интриги со стороны двора. Прежде всего подкупили Мирабо, потому что этому великому политику нужно было много денегъ

для удовлетворенія своихъ мелкихъ страстишекъ и распутства. Предложенныя ему дворомъ крупныя суммы онъ принялъ безъ всякаго прямого обязательства. Можетъ быть, къ этому времени относится и его планъ остановить революцію въ моментъ окончательной выработки конституціи. Планъ этотъ былъ основанъ, конечно, на слишкомъ высокой оцѣнкѣ имъ своей личности и обнаруживаетъ все тщеславіе его. Въ это время дворъ вообще истратилъ много денегъ на подкупы, но особаго успѣха не имѣлъ. Особенно Мирабо во многихъ отношеніяхъ не безпокоился объ интересахъ двора. Это обнаружилось при обсужденіи вопроса о томъ, должно ли національное собраніе само себя закрыть. Правая полагала, что такъ какъ, судя по наказамъ, собраніе получило мандатъ на одинъ годъ, то при уваженіи къ волѣ народа оно должно само закрыться. Противъ этой демагогической уловки выступилъ Мирабо въ одной изъ наиболѣе сильныхъ рѣчей своихъ. Напомнивъ о клятвѣ въ залѣ городского собранія, онъ сказалъ, что съ того момента, когда произнесена была клятва дать Франціи конституцію, характеръ полномочій собранія измѣнился. «*Клянусь*», закончилъ онъ своимъ громовымъ голосомъ, обращаясь къ центру и къ лѣвой, «*клянусь, что вы спасли Францію*». Увлеченное имъ собраніе отклонило предложеніе о закрытіи собранія.

Были попытки вызвать паденіе Мирабо, такъ какъ тайная связь его со дворомъ была извѣстна, но это не удалось. При обсужденіи вопроса о правѣ объявлять войну и заключать миръ, краснорѣчивый ораторъ лѣвой, Барнавъ, сильно напалъ на Мирабо. Однако, восторжествовалъ Мирабо, и король получилъ право иниціативы при объявленіи войны и заключеніи мира, подъ условіемъ утвержденія собраніемъ.

Авторитетъ Мирабо въ глазахъ народа къ этому времени былъ уже поколебленъ, и демократическая печать сильно нападала на него. Впослѣдствіи обществу были даны и доказательства той измѣны, которою запятналъ себя этотъ геніальный человѣкъ.

Послѣ этихъ постановленій собраніе издало новый порядокъ судопроизводства, сообразованный съ новымъ дѣленіемъ Франціи на департаменты, и гражданское положеніе о духовенствѣ, опять-таки въ соотвѣтствіи съ департаментами. Каждый департаментъ былъ сдѣланъ епископствомъ. Католическое духовенство превращено было въ государственныхъ чиновниковъ. Это вызвало долгое и упорное сопротивленіе духовенства, такъ какъ государство требовало отъ священниковъ, какъ государственныхъ чиновниковъ, гражданской присяги. Большинство отказалось отъ этого, и даже низшее духовенство, бывшее до сихъ поръ очень преданнымъ революціи, заняло враждебное положеніе по отношенію къ новой конституціи. Людовикъ XVI, такъ недавно еще обѣщавшій принять конституцію, былъ очень радъ этому спору и раздувалъ его, не утверждая гражданской организаціи духовенства. Послѣ этого конституціонные (принесшіе присягу) священники и и не принесшіе присяги стали взаимно отлучать другъ отъ друга отъ церкви и вести между собой ожесточенную борьбу. Наконецъ, и папа еще вмѣшался сюда, запретивъ духовнымъ лицамъ приносить гражданскую присягу.

Такимъ образомъ, національное собраніе создало упорную и опасную оппозицію, такъ какъ оно побоялось пойти дальше и провозгласить отдѣ-

леніе церкви отъ государства. За недостатокъ послѣдовательности всегда приходится расплачиваться. Въ бурное время недостатокъ послѣдовательности постоянно является причиной непоправимыхъ бѣдъ.

Праздникъ объединенія на Марсовомъ полѣ.

Въ то время какъ надъ охваченной революціей Франціей собирались новыя бури, наступала годовщина взятія Бастиліи, 14 іюля 1790 года. Этотъ день рѣшено было превратить въ пышный національный праздникъ. Инициатива этого празднества исходила отъ парижскаго общиннаго совѣта. Какъ въ критическіе дни революціи народъ, національная гвардія и линейныя войска объединялись и братались въ отдѣльныхъ городахъ, такъ годовщина взятія Бастиліи должна была быть днемъ провозглашенія братства всего французскаго народа. Такъ предполагалось отпраздновать день побѣды народа надъ абсолютизмомъ. Къ этому дню были сдѣланы самыя пышныя приготовленія. Мѣстомъ празднества назначено было Марсово поле, и оно был приспособлено ко вмѣщенію 400.000 человѣкъ. Посрединѣ возвышался алтарь отечества, сооруженный въ античномъ стилѣ, а вокругъ него былъ устроенъ амфитеатръ, въ которомъ должны были размѣститься король, національное собраніе и муниципалитетъ. Всю Францію охватило шумное воодушевленіе, когда было предписано отпраздновать этотъ праздникъ. Выше, чѣмъ гдѣлибо, подымались волны воодушевленія въ Парижѣ. Для выполненія работъ на Марсовомъ полѣ потребовалось 12.000 рабочихъ. Работы, однако, медленно подвигались впередъ, и стали возникать опасенія, что онѣ не будутъ закончены къ 14 іюля; кромѣ того, носился слухъ, что рабочіе подкуплены реакціонерами. Парижское населеніе тысячами устремилось на Марсово поле, чтобъ закончить работы. Можно было видѣть, какъ нарядныя дамы соревновали съ поденщиками въ работѣ лопатой и заступомъ. «Работали», разсказываетъ очевидецъ, «мужчины и женщины, старики и дѣти, герцоги и поденщики, епископы и парикмахеры, главные откупщики и повара, кавалеры ордена Людовика и проститутки,—всѣ въ мирномъ согласіи, дружно распѣвая пѣсни свободы». Благодаря этому, приготовленія во-время были закончены, и праздникъ великолѣпно удался, хотя официальная часть его оказалась, пожалуй, наименѣе значительной. Значеніе праздника заключалось, главнымъ образомъ, въ томъ, что преданные свободѣ люди изъ разныхъ частей Франціи познакомились другъ съ другомъ и приняли твердое рѣшеніе всѣми силами отстаивать завоеванія революціи.

Прибыло необозримое число представителей отъ департаментовъ, и праздникъ объединенія, который долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе на весь культурный міръ, начался со всей торжественностью. Процессія открывалась батальономъ вооруженныхъ дѣтей и замыкалась батальономъ вооруженныхъ стариковъ; она двинулась съ того мѣста, гдѣ раньше стояла Бастилія, и направилась къ Тюльери; здѣсь она забрала дворъ и въ сопровожденіи національной гвардіи и національнаго собранія пошла на Марсово поле. Необозримая толпа сопровождала процессію;

городъ пестрѣлъ флагами и цвѣтами; былъ сдѣланъ пушечный салютъ въ 101 выстрѣлъ. Среди участниковъ процессіи можно было замѣтить и нѣмецкаго барона Жана-Баптиста Клотца, атеиста и приверженца всемірной республики; онъ велъ съ собой значительное число людей, одѣтыхъ въ чужеземные костюмы и изображавшихъ представителей другихъ народовъ, съ этой странной, возбуждавшей всеобщее вниманіе депутаціей онъ явился раньше въ національное собраніе. Народъ собрался уже на Марсовомъ полѣ и стоялъ въ полномъ порядкѣ. На алтарѣ отечества сперва отслужили мессу, и по ироніи судьбы выполнилъ это не кто иной, какъ знаменитый Талейранъ; при этомъ алтарь окружало 300 священниковъ въ бѣлыхъ ризахъ и трехцвѣтныхъ (синій, бѣлый, красный) шарфахъ. Талейранъ благословилъ и орифламму, древній штандартъ французскихъ королей, и знамена 83 департаментовъ. Затѣмъ появился Лафайетъ, истинный герой этого праздника, назначенный главнокомандующимъ національныхъ гвардій всего французскаго королевства. Подъ непрерывающіеся крики привѣтствія всего собранія два гренадера взнесли его на алтарь отечества, и оттуда онъ привелъ собравшійся народъ къ присягѣ: «Мы клянемся *въ вѣчной вѣрности народу, закону и королю*, клянемся защищать всѣми силами выработанную національнымъ собраніемъ и принятую королемъ *конституцію* и сохранить *неразрывныя узы братства* со всѣми французами».

400.000 голосовъ собравшагося народа съ воодушевленіемъ отвѣтили на это громовымъ «клянусь». Раздался салютъ, зазвучали трубы, послышался лязгъ оружія объединенныхъ и національной гвардіи. Буря воодушевленія пронеслась надъ Марсовымъ полемъ. Тогда выступилъ король и поклялся *«твердо и вѣрно соблюдать выработанную уже и подлежащую еще выработкѣ конституцію»*, напоминая этимъ о томъ, что выработка ея еще не закончена. Королева подняла вверхъ своего сына со словами: «Вотъ мой сынъ. Мы съ нимъ раздѣляемъ образъ мыслей народа». Народъ тысячами голосовъ привѣтствовалъ и «австріячку», «madame veto», какъ впослѣдствіи ее иронически называли. Народъ всерьезъ принималъ это братаніе и присягу конституціонной монархіи. Вскорѣ уже должно было обнаружиться, какъ мало значенія придалъ всему этому дворъ.

Пока же все утопало въ радости и блаженствѣ, и даже поливший вдругъ дождь не разстроилъ праздничаго настроенія. Мокрые отъ дождя, танцовали здѣсь опьяненные праздникомъ свободы французы. Въ городѣ было устроено много народныхъ празднествъ, продолжавшихся до глубокой ночи, а на томъ мѣстѣ, гдѣ годъ тому назадъ стояла Бастилія, на развалинахъ страшной крѣпости можно было прочесть надпись: «Танцы».

Объединенные вернулись на родину, и Франція казалась счастливой въ своей твердой надеждѣ на обѣщанную конституцію, которой король и народъ уже напередъ присягнули. Но все это только казалось. Праздникъ объединенія обнаружилъ только, какъ легко могло бы устроиться мудрое правительство, хотя бы при слабомъ желаніи, съ французами, которые тогда совершенно искренно стояли на почвѣ конституціи.

Не успѣло еще улечься радостное настроеніе, вызванное праздникомъ объединенія, какъ дворъ, снова поведшій на помочахъ слабаго короля,

сталъ уже носиться съ темными планами возстановленія абсолютной королевской власти. Приверженцы стараго порядка не могли пріучить себя къ мысли, что отнынѣ народъ станетъ руководящимъ факторомъ въ жизни французскаго государства. Употребляя всевозможныя средства для уничтоженія народнаго суверенитета, они достигли прямо противоположныхъ результатовъ и низвергли монархію.

Рабочее населеніе Парижа.

Въ славныя эпохи, когда разыгрываются великія и рѣшительныя битвы, расплачиваться за нихъ всегда приходится народу. Не только кровь свою приходится ему проливать: ему приходится терпѣливо ждать, голодать, переносить всякаго рода лишенія, когда политическое возбужденіе становится столь сильно, что обычныя дѣла, необходимыя для удовлетворенія общественныхъ потребностей, останавливаются. Когда въ такое бурное время производство жизненныхъ припасовъ и обращеніе товаровъ становится неправильными и недостаточными, то особенно сильно и прежде всѣхъ это должна почувствовать рабочая масса. Когда разыгрывалась бурная борьба революціи за свободу, французскій народъ, въ особенности парижское населеніе—должно было переносить самыя ужасныя лишенія. Если, съ одной стороны, эти лишенія были стимуломъ, не переставшимъ толкать массу на новыя битвы за лучшіе порядки, то, съ другой стороны, нельзя не удивляться тому героизму, съ которымъ народъ переносилъ эти лишенія.

Вслѣдствіе непрекращающихся безпорядковъ въ провинціи и разстройствъ на продовольственномъ рынкѣ подъ вліяніемъ политическихъ событій, прокормить городъ Парижъ вскорѣ стало дѣломъ очень затруднительнымъ. Были и такіе легковѣрные, которые думали, что достаточно королевской фамиліи вернуться изъ Версаля въ Парижъ, и голодъ въ Парижѣ прекратится, но скоро они поняли, что ошиблись; голодъ и дороговизна не прекращались и зимою 1789-90 года. Какъ это часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, торговцы хлѣбомъ стали «хлѣбными ростовщиками»; съ безсердечностью они не выпускали хлѣба на рынокъ, чтобъ въ подходящій моментъ продать его по достаточно высокой цѣнѣ. Озлобленіе народа противъ хлѣбныхъ ростовщиковъ и скупщиковъ было страшно велико, такъ что легко понять, что не обходилось безъ эксцессовъ, и что нѣкоторые хлѣбные ростовщики и повышатели хлѣбныхъ цѣнъ пали жертвами народной ярости. Такъ было 21 октября съ булочникомъ по имени Франсуа, послѣ чего въ Парижѣ было объявлено осадное положеніе, а муниципалитетъ получилъ право при возникновеніи безпорядковъ, предложивъ толпѣ разойтись, въ случаѣ неисполненія—употребить въ дѣло оружіе. Предводительствуемая Лафайетомъ и Бальи, почтенная буржуазія показала теперь, что, достигнувъ при помощи народа политической власти, она тоже уже не знаетъ лучшаго отвѣта на народную нужду, чѣмъ прежняя королевская власть, именно—порохъ и свинецъ. Народъ проявилъ дѣйствительно много духовной силы, когда онъ голодный могъ воодушевиться конституціей и ея гражданской

свободой. Въ то время какъ скупщики жизненныхъ припасовъ получали колоссальные барыши, въ предмѣстьяхъ царила ужасная нужда, такъ что, напр., въ одномъ Сенъ-Антуанскомъ предмѣстьи богатый пивоваръ Сантерръ, вождь демократіи предмѣстьевъ, роздалъ голодающему населенію на 150.000 франковъ жизненныхъ припасовъ.

Безработица росла, и, чтобъ дать заработокъ громадному количеству людей, бродившихъ въ Парижѣ безъ дѣла, были предприняты земляныя работы; но и земляныхъ работъ не хватало на всѣхъ. Національное собраніе, передъ которымъ депутатъ Малуэ обрисовалъ нужду рабочихъ, не знало, что дѣлать. Съ тѣмъ большею ревностью руководимая Лафайетомъ и Бальи муниципальная власть преслѣдовала предполагаемыхъ и дѣйствительныхъ подстрекателей къ безпорядкамъ; національная же гвардія, состоявшая изъ почтенной буржуазіи, находила особое удовольствіе въ исполненіи такихъ порученій. Этой созданной для защиты народа гвардіи суждено было стать орудіемъ его угнетенія.

Демократическая печать сильно нападала на муниципалитетъ. Лустало называлъ его слѣдственный комитетъ—буржуазной инквизиціей. Но среди журналистовъ, отстаивавшихъ тогда интересы неимущей массы, замѣтнѣе всѣхъ былъ Жанъ-Поль Маратъ. Смѣлое и грозное перо этого литератора начало даже пугать почтенную буржуазію. Такъ какъ онъ долженъ былъ скрываться отъ преслѣдованій Лафайета и такъ какъ его невозможно было схватить, то вначалѣ эту личность считали фиктивной. Врачъ по профессіи, швейцарецъ Маратъ поселился въ Парижѣ послѣ жизни, полной приключеній, и въ самое послѣднее время былъ ветеринаромъ у графа д'Артуа. Когда началась революція, онъ всей душой отдался ей. Онъ сталъ представителемъ пролетаріата, и всплывшая во время революціи буржуазія вполнѣ инстинктивно ненавидѣла его. Этимъ объясняется, что клевета не переставала преслѣдовать его имя и что вліяніе его всегда преувеличивали. Маратъ много мыслилъ и писалъ по философскимъ, естественно-историческимъ и юридическимъ вопросамъ. Цеховые ученые ненавидѣли его за его свободныя воззрѣнія, и даже Вольтеръ нападалъ на него, но зато онъ могъ хвастать тѣмъ, что заслужилъ признаніе великаго Франклина. Онъ былъ озлобленный человѣкъ и «чуждался товарищества», какъ говорилъ Дантонъ. Но это былъ единственный человѣкъ, заступавшійся въ своей газетѣ за интересы пролетаріата, и вовсе не былъ такимъ варваромъ, какимъ хотѣли представить его враги. Но грубѣйшая ложь, которую распространили о немъ и которую еще и теперь повторяютъ, это то, что онъ потребовалъ казни 270.000 человѣкъ.

Онъ обрушился на муниципалитетъ и на грубость полиціи. Онъ высмѣивалъ комическое тщеславіе и важничаніе національной гвардіи, называя ее буржуазной милиціей и требуя демократическаго преобразованія муниципалитета. *Право на существованіе* онъ объявилъ первымъ среди правъ человѣка. Наиболѣе острыя же стрѣлы свои Маратъ направилъ противъ Лафайета, и страшно озлобилъ этого необычайно тщеславнаго «героя двухъ частей свѣта». Дѣло дошло до того, что Лафайетъ въ январѣ 1790 года выступилъ съ 4-хъ-тысячнымъ отрядомъ національной гвардіи для того, чтобы

схватить Марата; но Маратъ, неузнанный, ускользнулъ отъ національной гвардіи и на время скрылся изъ Парижа.

Муниципальная власть стала проявлять все большую жестокость по отношенію къ народу. Она возстановила государственную тюрьму въ Венсеннѣ, чтобы заключать туда неудобныхъ ей «подстрекателей». Вся масса Сенъ-Антуанскаго предмѣстья въ возмущеніи возстала противъ новой Бастиліи, но была разсѣяна кавалеріей національной гвардіи. Съ тѣхъ поръ недоразумѣнія между муниципальной властью и народомъ, приведшія къ большому кровопролитію на Марсовомъ полѣ, не прекращались.

Муниципалитетъ долженъ былъ считать одной изъ наиболѣе неотложныхъ задачъ своихъ обезпеченіе Парижа продовольствіемъ, а вмѣсто того онъ сталъ обращаться съ тѣми самыми рабочими, которые вынесли на плечахъ своихъ буржуазную революцію, какъ съ мятежниками. Улицы и площади Парижа постоянно были запружены безработными рабочими, которыхъ теперь не было возможности еще направить въ ряды арміи, какъ во время позднѣйшихъ революціонныхъ войнъ. Только тѣ профессіи имѣли достаточно заработка, которыя заняты были снаряженіемъ національной гвардіи; всѣмъ остальнымъ не доставало работы. Сапожники, плотники, каменщики, слесаря, типографы и другіе работники устраивали большія собранія, на которыхъ составлялись петиціи въ муниципалитетъ съ требованіемъ отъ него работы. Отвѣтъ муниципалитета былъ таковъ, что національной гвардіи приказано было разгонять собранія рабочихъ. Особенную ненависть возбудилъ противъ себя въ этой исторіи мэръ Бальи, чѣмъ и объясняется то, что три года спустя народъ столь жестоко расправился съ нимъ, когда его везли на эшафотъ. Онъ расклеилъ объявленіе, въ которомъ объявлялъ противозаконными и «нарушающими общественный порядокъ» всѣ союзы рабочихъ, имѣющихъ цѣлью «установленіе однообразной заработной платы и принужденіе рабочихъ одной и той же профессіи придерживаться установленной нормы».

Столь жестоко третируемые муниципалитетомъ рабочіе продолжали носиться еще съ надеждой, что они сумѣютъ побудить національное собраніе сдѣлать что-нибудь для облегченія ихъ нужды. Но и здѣсь ихъ приняли не лучше, чѣмъ въ муниципалитетѣ. Депутаты были недовольны тѣмъ, что имъ помѣшали въ занятіяхъ по выработкѣ конституціи, а о рабочихъ союзахъ у нихъ были такія же странныя понятія, какъ у муниципалитета, и они смотрѣли на нихъ, какъ на затѣю бунтовщиковъ. Шапелье, докладывавшій національному собранію петицію рабочихъ, говорилъ то же самое, что и Бальи. Онъ былъ настолько не остроуменъ, что назвалъ рабочія организаціи возстановленіемъ старыхъ, отмѣненныхъ 4 августа цеховъ. Признавая въ принципѣ справедливыми и государственную помощь и право на трудъ, онъ все-таки отказывалъ рабочимъ въ правѣ собираться и совѣщаться о своихъ профессіональныхъ нуждахъ. Понимая, что его слова противорѣчатъ конституціи, гарантирующей въ первой своей части свободу собраній, онъ добавилъ, что рабочіе въ правѣ собираться только въ качествѣ гражданъ для обсужденія общихъ интересовъ. Рабочіе, говорилъ онъ, требуютъ права союзовъ для поддержки больныхъ и безработныхъ

товарищей, но это долгъ всего народа, и это не можетъ служить основаніемъ для того, чтобы они въ правѣ были основать союзъ. Наконецъ, онъ выразилъ сомнѣніе о томъ, что заработная плата, которая, по его убѣжденію, должна устанавливаться на основаніи свободнаго соглашенія, недостаточна высока.

Слѣдовало ожидать, что національное собраніе предоставитъ больнымъ и безработнымъ рабочимъ ту помощь «отъ народа», о которой говорилъ Шапелье и которую предусматривала конституція; но оно не только не сдѣлало этого, но издало знаменитый декретъ отъ 14 іюня 1791 года, который такъ долго просуществовалъ во Франціи и который воспрещалъ всѣ рабочіе союзы и ассоціаціи. Этотъ законъ, отмѣненный только во время третьей республики, успѣлъ за долгій періодъ своего существованія надѣлать не мало зла. Въ теченіе долгихъ періодовъ времени правительство прятало его, какъ заржавленное оружіе, но вдругъ извлекало его и пускало въ ходъ снова. Такъ, напр., Людовикъ Наполеонъ воспользовался этимъ закономъ для того, чтобы уничтожить производительныя ассоціаціи французскихъ рабочихъ, созданныя съ такими жертвами послѣ революціи 1848 года. Этимъ закономъ національное собраніе наложило неизгладимую печать буржуазнаго классоваго эгоизма на столь торжественно провозглашенныя имъ передъ всѣмъ міромъ права человѣка. Съ этого момента рабочіе, какъ классъ, отдѣлились отъ почтенной буржуазіи, третьяго сословія. *Но классовое движеніе не могло тотчасъ же начаться, потому что* экономическое развитіе не зашло еще достаточно далеко, чтобы ясно обнаружить классовый антагонизмъ и классовые интересы. Кромѣ того, пролетаріатъ былъ еще занятъ походами противъ Европы, объявившей войну революціи.

Предприниматели, которымъ надо было выполнить общественныя или частныя работы, объединились съ враждебнымъ по отношенію къ рабочимъ муниципалитетомъ. Законъ противъ ассоціацій былъ использованъ, какъ слѣдуетъ. Рабочіе дѣлали изъ революціи такіе выводы, которые не были пріятны честной буржуазіи. Они видѣли, что положеніе буржуазіи и мелкаго собственника-крестьянина благодаря революціи улучшилось. Изъ этого они заключали, что революція, которой они въ такой мѣрѣ содѣйствовали своими могучими руками, должна удовлетворить также и требованія рабочаго класса. Поэтому они требовали повышенія заработной платы и доли въ предпринимательской прибыли. Но тогда у предпринимателей еще не было никакой охоты соглашаться на эту излюбленную теперь систему участія въ прибыляхъ. О наиболѣе горячихъ рабочихъ было доложено муниципалитету, и они были брошены въ темницу.

Лишенные также и избирательнаго права, обусловленнаго извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ, рабочіе обратились съ простымъ, но трогательнымъ, сохранившимся до сихъ поръ письмомъ къ Марату. На языкѣ, соотвѣтствовавшемъ воззрѣніямъ и стилю того времени, они называютъ его «дорогимъ пророкомъ» и истиннымъ защитникомъ *класса нуждающихся*. Здѣсь проявилось классовое самосознаніе. Они жалуются Марату на жестокость предпринимателей и говорятъ, что особенно отличаются угне-

теніемъ своихъ прежнихъ товарищей нѣсколько бывшихъ каменщиковъ, разжившихся и ставшихъ богатыми предпринимателями. Послѣдніе думаютъ, говорятъ въ своемъ письмѣ рабочіе, что имъ все дозволено съ тѣхъ поръ, какъ они одѣли форму и эполеты національной гвардіи.

Маратъ, признававшій справедливыми требованія рабочихъ объ улучшеніи ихъ участи, заступался за этотъ угнетенный классъ, гдѣ и когда только могъ. Его «Другъ народа» сталъ органомъ рабочихъ, и этимъ объясняется сильная популярность Марата. Въ «Другѣ народа» былъ подвергнутъ рѣзкой критикѣ избирательный законъ, лишавшій рабочихъ избирательнаго права. Въ газетѣ Марата рабочіе напоминали о своихъ заслугахъ передъ революціей. «Мы были всюду, гворится въ ней, гдѣ была опасность; всюду мы были готовы проливать нашу кровь для вашей защиты; три мѣсяца безъ перерыва мы одни выносили всѣ лишенія утомительнаго похода; по цѣлымъ днямъ насъ пекло солнце, мучилъ голодъ и жажда; а въ это время богачи прятались въ своихъ подвалахъ подъ землей и выползали, когда это не было уже опасно, для захвата власти, почетныхъ и общественныхъ должностей. Для васъ мы приносили себя въ жертву, а теперь въ вознагражденіе за наши жертвы мы даже не получили утѣшенія считаться гражданами спасеннаго нами государства. Что даетъ вамъ право такъ третировать насъ? Вѣдь вы сами согласны съ тѣмъ, что и бѣднякъ такой же гражданинъ, какъ богатый. Но, утверждаете вы, его скорѣе можно подкупить, Полно, правда ли это? Присмотритесь ко всѣмъ монархіямъ свѣта бѣлаго! Развѣ не изъ богачей состоитъ вся продажная толпа передворцевъ?».

Но въ той же мѣрѣ, въ какой росла популярность Марата среди рабочихъ, росла и ненависть къ нему Лафайета и Бальи. 14 сентября 1790 года они поручили тремстамъ солдатамъ національной гвардіи напасть на типографію, въ которой печатался «Другъ народа». Станки были изрублены топорами, а персоналъ типографіи арестованъ. Но «Другъ народа» выходилъ попрежнему, такъ какъ Маратъ продолжалъ его выпускать, несмотря на громадныя жертвы и опасность, съ которыми это было сопряжено. Такъ какъ газета, вполнѣ естественно, не оправдывала своихъ расходовъ, то потребовались сторонніе средства. Деньги давала возлюбленная преслѣдуемаго писателя, Симонія Эвраръ. Она бросила мужа, чтобъ связать свою судьбу съ судьбой Марата; историки ее часто смѣшиваютъ съ его сестрой Альбертиной. Послѣ убійства Марата она жила только воспоминаніями о немъ и удалилась отъ свѣта. Правительство не переставало считать ее опасной и все время держало ее подъ надзоромъ. Когда 23 декабря 1830 года на Наполеона-Бонапарта было произведено покушеніе при помощи адской машины, арестовали большое число демократовъ, въ томъ числѣ и Симонію Эвраръ, но найти какія-нибудь улики противъ нея не удалось.

Если бы не страхъ передъ рабочими, готовыми подняться по первому зову, для нихъ ничего бы не сдѣлали. Но наконецъ и коммуна увидѣла, что необходимо сдѣлать что-нибудь для облегченія ужасной нужды населенія. Она потребовала отъ національнаго собранія кредита для того, чтобы предоставить заработокъ безработнымъ рабочимъ. Собраніе ассигновало пятнадцать милліоновъ франковъ. На эти средства въ Парижѣ были тогда учреждены государственныя мастерскія, называвшіяся тогда благотворительными мастерскими (Ateliers de Charité). Уже по названію этому можно судить о томъ, какъ относились къ этому учрежденію господствующіе классы. Мастерскія эти находились въ различныхъ частяхъ Парижа, и тамъ работали не только парижскіе рабочіе, но и рабочіе изъ провинціи. Они принимались обыкновенно въ эти мастерскія по рекомендаціи депутатовъ соотвѣтствующаго департамента. Можно было видѣть, какъ они толпами, распѣвая революціонныя пѣсни, прибывали въ Парижъ. Въ одномъ Монмартрѣ въ государственныхъ мастерскихъ было занято 17.000 человѣкъ. Изъ этихъ-то рабочихъ и состояли тѣ революціонныя массы, которыя выступали во время возстаній 1792, 1793 и 1795 годовъ. Во время ихъ шествій можно было видѣть всю ихъ нищету, и обитатели богатыхъ кварталовъ съ ужасомъ убѣждались въ томъ, какое громадное количество полуголодныхъ и полуодѣтыхъ людей скрываетъ въ себѣ революціонный Парижъ. Аристократы презрительно называли это голодное и обтрепанное населеніе санкюлотами (голоштанниками); но демократія приняла эту кличку, превративъ ее, какъ это было и съ гезами, въ почетное названіе.

Понятно, что и государственныя мастерскія не могли совершенно устранить нужду рабочаго класса. Рабочіе часто жаловались на то, что плата выдается ассигнаціями и что заработная плата вообще низка. Они приносили себя въ жертву революціи, и для того, чтобы поддержать демократію въ ея борбѣ со старымъ порядкомъ, они вмѣстѣ съ семьями терпѣли острую нужду. За все время великой революціи ни одинъ классъ не обнаружилъ такъ много душевнаго величія и самозабвенія, какъ парижскіе рабочіе.

Бѣгство въ Варенн.

Вскорѣ послѣ праздника объединенія дворъ вернулся къ своимъ планамъ и снова побудилъ короля попытаться уничтожить все то, что онъ недавно поклялся охранять. Дворъ все еще считалъ возможнымъ уничтожить завоеванія революціи и возстановить прежній абсолютизмъ. Но такъ какъ дворъ со своими приверженцами не чувствовалъ за собою во Франціи достаточно силъ для того, чтобы одержать побѣду надъ революціей, то онъ составилъ заговоръ для возстановленія стараго порядка во Франціи при помощи иностранныхъ правительствъ; послѣ многихъ битвъ съ перемѣннымъ для обѣихъ сторонъ счастьемъ, борьба кончилась полнымъ паденіемъ монархіи во Франціи.

Большинство войска не было достаточно вѣрно двору. Правда, офицеры-дворяне были недовольны тѣмъ, что національное собраніе уравняло права на производство офицеровъ и солдатъ изъ буржуазіи съ ихъ правами; но эта именно мѣра привлекла сочувствіе арміи къ революціи. Офицеры изъ старыхъ дворянскихъ родовъ привыкли грубо обращаться съ солдатами. Солдаты уже больше не позволяли этого, и это даже послужило причиной

возмущенія полка Шатовье въ Напси, которое было подавлено генераломъ Булье при помощи оружія и послѣ сильнаго кровопролитія.

Такъ какъ армія все больше склонялась на сторону революціи, то дворъ постарался найти опору въ другихъ факторахъ. Послѣ долгаго сопротивленія и подъ вліяніемъ упорныхъ требованій національнаго собранія, король утвердилъ гражданскую организацію духовенства. Но священники, отказывавшіеся отъ присяги, вызвали въ провинціи безпорядки и подготовили тамъ междоусобную войну, возгорѣвшуюся въ 1793 году въ южныхъ и западныхъ провинціяхъ. Они успѣли убѣдить народъ, что революція стремится у него отнять религію, и вызвали броженіе среди невѣжественнаго сельскаго населенія, несмотря на то, что оно прежде другихъ почувствовало благодѣтельное вліяніе революціи. Король и дворъ надѣялись на поддержку этихъ слоевъ населенія въ случаѣ контрреволюціи. Между тѣмъ, всѣ эмигранты были собраны графомъ д'Артуа въ Кобленцѣ; эти эмигранты называли себя *заграничной Франціей* и старались склонить европейскія державы къ вооруженному вмѣшательству во французскую революцію. Дѣйствительно, уже 20-го мая 1791 года эмигранты получили отъ Австріи обѣщаніе, что она объявитъ войну Франціи и возстановитъ старый порядокъ силой оружія. Пока же эмигранты устраивали во Франціи разныя интриги для того, чтобы подготовить нападеніе иностранныхъ державъ. Вліяніе ихъ происковъ чувствовалось уже слишкомъ хорошо. Національное собраніе хотѣло издать противъ эмигрантовъ законъ о выселеніи. По проекту этого закона, въ случаѣ безпорядковъ, учреждалась комиссія изъ трехъ лицъ, безъ разрѣшенія которой никто не въ правѣ былъ оставить Францію. Но подкупленный дворомъ Мирабо пустилъ въ ходъ все свое вліяніе и оспаривалъ этотъ проектъ, подъ тѣмъ лицемѣрнымъ предлогомъ, что не слѣдуетъ стѣснять личную свободу. Законъ, дѣйствительно, былъ отклоненъ, эмиграція усилилась, а собраніе пришло въ такое замѣшательство, что когда обѣ тетки короля пожелали поѣхать въ Римъ, оно три дня совѣщалось о томъ, отпустить ли этихъ двухъ старухъ или нѣтъ.

Когда Неккеръ вышелъ въ отставку, дворъ сталъ всецѣло опираться на Мирабо. Нѣкогда столь популярный Неккеръ въ сентябрѣ 1790 года совершенно тихо и скромно сошелъ со сцены. Мирабо же пошелъ навстрѣчу двору и не призадумался закончить свою блестящую дѣятельность позорной измѣной. Онъ составилъ новую конституцію, предоставлявшую королю больше власти. Предполагалось, что король изъ Ліона запугаетъ національное собраніе угрозами, и подъ вліяніемъ этихъ угрозъ Мирабо надѣялся вынудить у національнаго собранія согласіе на его проектъ конституціи. Когда одинъ изъ друзей предостерегъ его противъ двора, онъ цинично отвѣтилъ: они мнѣ все обѣщали и, если они не сдержатъ слова, *я ихъ накажу республикой*».

Распутство и напряженная работа двухъ послѣднихъ лѣтъ надорвали здоровье Мирабо. Онъ сразу поддался болѣзни, и внезапная смерть, 2-го апрѣля 1791 года, положила конецъ карьерѣ этого замѣчательнаго государственнаго человѣка. Такъ какъ объ измѣнѣ его еще ничего не было извѣстно, то всѣ партіи соединились, чтобъ почтить усопшаго, и похороны его были

выраженіемъ національнаго траура. Онъ получилъ первое мѣсто въ Пантеонѣ, храмѣ, гдѣ возрожденная Франція хотѣла хоронить своихъ великихъ людей. На зданіи Пантеона красовалась надпись: «Своимъ великимъ людямъ—благодарное отечество!».

Въ этотъ моментъ дворъ рѣшилъ выступить на открытый бой съ національнымъ собраніемъ. Онъ разсчитывалъ на Маркиза Булье и преданную этому генералу часть арміи, на провинціи, возбужденныя священниками, отказывавшимися отъ присяги, на эмигрантовъ и на иностранныя державы. Но король прежде всего пожелалъ обезопасить свою личность. 18-го апрѣля 1791 года онъ выѣхалъ изъ Парижа, чтобъ встрѣтить Пасху въ Сенъ-Клу. Въ дѣйствительности же, онъ хотѣлъ отправиться къ Булье. Но народъ воспротивился отъѣзду двора, и національная гвардія на этотъ разъ не вмѣшалась. Людовикъ долженъ былъ вернуться въ Тюльери и рѣшилъ тайно бѣжать изъ Парижа.

Бѣгство подготовлялось съ большою тщательностью. Булье со своими войсками расположился у Монмеди на бельгійской границѣ, чтобъ встрѣтить бѣжавшаго короля и двинуться съ нимъ на Парижъ. Народъ же тѣмъ временемъ удалось обмануть въ высшей степени искусной и коварной уловкой. Дворъ притворился, что онъ примирился съ тѣмъ порядкомъ вещей, который созданъ былъ революціей. Всѣ неугодныя народу лица были удалены отъ двора и даже назначены были священники-конституціоналисты. Былъ опубликованъ циркуляръ министра иностранныхъ дѣлъ Монморена французскимъ посланникамъ заграницей, въ которомъ говорилось слѣдующее:

«То, что называютъ революціей, есть ничто иное, какъ *устраненіе ряда злоупотребленій*, которыя въ теченіе столѣтій накопились, какъ результатъ народнаго невѣжества и власти министровъ, не тожественной съ властью короля. Самые опасные внутренніе враги это—тѣ, которые дѣлаютъ видъ, что сомнѣваются въ образѣ мыслей короля. Эти люди или ослѣплены, или преступны. Они считаютъ себя друзьями короля, на самомъ же дѣлѣ они единственные враги королевской власти. Они не перестаютъ повторять, что король несчастенъ, недоволенъ,—какъ будто бы у короля можетъ быть иное удовлетвореніе, кромѣ благоденствія своего народа! Они говорятъ, что достоинство его унижено, какъ будто бы достоинство, основанное на силѣ, выше достоинства, основаннаго на законѣ! Они говорятъ, что король лишенъ свободы. Но одно предположеніе, что надъ волей его учинено насиліе, есть гнусная клевета; эта клевета становится уже глупой, когда недостатокъ свободы у короля хотятъ доказать тѣмъ, что Его Величество уже нѣсколько разъ соизволилъ согласиться на пребываніе среди парижскихъ гражданъ; но основаніемъ этого Высочайшаго желанія была любовь къ отечеству. Распространите же о французской конституціи тѣ идеи, которыя имѣетъ о ней самъ король, и будьте вполнѣ увѣрены въ томъ, что намѣреніе короля—всѣми силами поддерживать ее».

Затѣмъ было опубликовано письмо короля къ принцу Конде такого содержанія:

«Возвратитесь, кузенъ, въ отечество и воспользуйтесь всѣмъ тѣмъ счастьемъ, которое оно предлагаетъ Вамъ. Возвратитесь! *Вмѣсто враговъ*

Вы найдете братьевъ. Я приказываю это Вамъ именемъ народа и моимъ собственнымъ именемъ. Я заклинаю Васъ узами, объединяющими насъ, кровью, которая течетъ въ нашихъ жилахъ. Повинуйтесь, или ждите печальныхъ послѣдствій неосторожности и заблужденія!»

Эти печатныя заявленія усыпили народную подозрительность; народъ повѣрилъ конституціонализму короля. Даже осторожный Лафайетъ—и тотъ позволилъ себя обмануть.

Черезъ четыре дня послѣ того, какъ было написано письмо къ Конде, король со всѣмъ своимъ семействомъ бѣжалъ изъ Тюльери и изъ Парижа. Бѣгство произошло въ полночь 20 іюня 1791 года. Чтобы не обратить на себя вниманія стражи Лафайета, члены королевской фамиліи замаскированные и по одиночкѣ прокрались изъ дворца и сошлись на площади Каруссель, гдѣ ихъ ожидало два экипажа. Въ одномъ изъ нихъ графъ де Провансъ рѣшилъ достигнуть бельгійской границы, по Валансьенской дорогѣ, что ему и удалось; въ другомъ экипажѣ король хотѣлъ черезъ Шалонъ пробраться въ Монмеди къ генералу Булье. Булье было обо всемъ извѣстно; въ Монмеди онъ стянулъ довольно значительный отрядъ, а по станціямъ, черезъ которыя долженъ былъ проѣхать король, онъ разставилъ кавалерійскіе отряды.

Въ старомодномъ берлинѣ, въ которомъ бѣжалъ король, кромѣ него помѣстились королева, его сынъ и дочь, сестра его, принцесса Елизавета, и госпожа де Турзель, гувернантка королевскихъ дѣтей. Они раздобыли для г-жи Турзель подложный паспортъ, по которому она была русской княгиней Корфъ; Людовикъ былъ ея камердинеромъ, Елизавета и Марія-Антуанетта—ея компаньонки. На козлахъ сидѣло три переодѣтыхъ слугами лейбъ-гвардейца. Женская прислуга слѣдовала въ другомъ экипажѣ.

Произошло нѣкоторое замедленіе. Людовикъ выѣхалъ на два дня позже, чѣмъ было условлено съ Булье. Кавалерійскіе отряды, которые не желали обратить на себя вниманіе, постепенно отходили назадъ, и Людовикъ остался безъ прикрытія. Кромѣ того, въ старомъ берлинѣ сломалось колесо, и это тоже вызвало потерю часа времени. Это колесо, можетъ быть, рѣшило тогда судьбу династіи бурбоновъ.

Миновавъ Шалонъ, король считалъ себя уже въ безопасности. Но въ Сенъ-Менеулѣ, совсѣмъ близко отъ цѣли, вечеромъ 22 іюня судьба его уже была рѣшена. Въ этомъ городѣ Людовикъ выглянулъ черезъ окно экипажа, чтобъ поторопить почтальона и скорѣй поѣхать дальше. Но почтмейстръ городка Сенъ-Менеула Жанъ Баптистъ Друэ обратилъ вниманіе на толстую фигуру и горбатый носъ на характерномъ бурбонскомъ лицѣ; его поразило сходство съ портретомъ короля на ассигнаціяхъ. Затѣмъ онъ узналъ и королеву, которую ему удалось видѣть въ Парижѣ, когда онъ служилъ въ драгунахъ. Молодой, горячій и энергичный Друэ, душой и тѣломъ преданный революціи, уже не сомнѣвался въ томъ, что передъ нимъ бѣжавшая изъ Парижа королевская семья; къ тому же и лошади для экипажа были заказаны такимъ аристократомъ, какъ де Шуазель, а кавалерійскій отрядъ какъ разъ теперь подступалъ къ городу. Легко понять, что послѣ неудачной попытки къ бѣгству 18 апрѣля вся Франція знала о намѣреніи короля бѣжать.

Почтмейстеръ, будучи человѣкомъ рѣшительнымъ, быстро созвалъ національную гвардію, чтобъ задержать кавалерійскій отрядъ, самъ же сѣлъ на коня и окольнымъ путемъ обогналъ королевскій экипажъ, ѣхавшій по дорогѣ въ Вареннъ. Онъ прибылъ туда немного раньше короля, и успѣлъ проявить большую энергію. Мостъ, черезъ который король долженъ былъ переѣхать, миновавъ Вареннъ, онъ съ нѣсколькими подоспѣвшими молодыми людьми загородилъ при помощи опрокинутой телѣги. Затѣмъ онъ разбудилъ мэра, лавочника по имени Соссъ, и сообщилъ ему о бѣгствѣ короля. Мэръ моментально собралъ національную гвардію. Когда экипажъ съ королемъ прибылъ въ Вареннъ, Друэ остановилъ лошадей подъ уздцы и именемъ мэріи потребовалъ паспортъ. Путешественники предъявили паспортъ на имя княгини Корфъ, но Друэ сказалъ, что самъ мэръ долженъ разсмотрѣть паспортъ, а тѣмъ временемъ зазвучалъ набатъ и сбѣжался вооруженный народъ. Теперь король могъ убѣдиться въ томъ, что народъ преданъ конституціи не только въ Парижѣ. Мэръ Соссъ заявилъ королю, что онъ узнанъ и не поѣдетъ дальше. Людовикъ XVI отрицалъ, что онъ французскій король. Но Соссъ не далъ себя обмануть и настаивалъ на томъ, что вопросъ о продолженіи этой поѣздки долженъ предварительно быть разсмотрѣнъ національнымъ собраніемъ. Во время пререканій между королемъ и мэромъ, у королевы прорвалось прежнее высокомѣріе, и она вдругъ гнѣвно закричала мэру: «Если онъ король, такъ говорите же съ нимъ съ подобающимъ уваженіемъ!» Соссъ приказалъ національной гвардіи не пропускать бѣглецовъ.

Въ это время появляется квартировавшій въ Варennѣ кавалерійскій отрядъ, и офицеры отдаютъ приказъ разсѣять національную гвардію и проводить короля дальше. Мэръ напоминаетъ солдатамъ, что они обязаны народу вѣрностью и что не должны нападать на національную гвардію. Солдаты остаются на мѣстахъ, не исполняя команды, а къ національной гвардіи присоединяются сотни вооруженныхъ людей, сбѣжавшихся изъ деревень на звуки набата. Между кавалерійскими офицерами и офицерами національной гвардіи происходитъ незначительная схватка. Солдаты желаютъ перейти подъ команду офицера національной гвардіи. Король и королева забываютъ вдругъ все свое высокомѣріе и переходятъ на просьбы. Людовикъ бросается мэру на шею и увѣряетъ его, что онъ бѣжалъ отъ штыковъ и кинжаловъ парижскаго населенія; въ Монмеди онъ сдѣлаетъ Францію болѣе счастливой, чѣмъ теперь. Марія-Антуанетта указываетъ мэру на дѣтей своихъ и проситъ спасти ихъ. Но мэръ прекрасно понимаетъ, что дѣло не въ дѣтяхъ, и остается непоколебимымъ какъ передъ просьбами, такъ и передъ угрозами. Пока-что проходитъ ночь, а въ семь часовъ утра прибываетъ молодой адъютантъ Лафайета Ромефъ съ приказомъ національнаго собранія арестовать короля и его семейство, гдѣ бы оно ни оказалось. Марія-Антуанетта въ ярости вырываетъ приказъ объ арестѣ его изъ рукъ и бросаетъ на землю со словами: «Онъ можетъ только замарать насъ!» На эту рѣзкость Ромефъ отвѣчаетъ: «Сударыня, вамъ было бы пріятнѣе, если бъ кто-нибудь другой, а не я, былъ свидѣтелемъ этихъ вспышекъ?» Послѣ этого королева становится нѣсколько спокойнѣе. Экипажъ короля поворачиваетъ въ обратную сторону и въ сопровожденіи цѣлаго полчища національной гвардіи напра-

вляется къ Парижу. Булье, узнавъ слишкомъ поздно объ арестѣ короля, взбѣшенный спѣшитъ ему на помощь съ кавалерійскомъ полкомъ, но ничего уже не можетъ сдѣлать. Бѣгство не удалось—и, главнымъ образомъ, благодаря рѣшимости молодого Друэ.

Этотъ случай прославилъ Друэ, доставилъ ему благодарность народа и 30.000 франковъ отъ національнаго собранія; съ этого момента онъ выступаетъ на широкую арену общественной жизни. Ему предстояло еще быть избраннымъ въ Конвентъ и испытать цѣлый рядъ приключеній.

Въ Парижѣ вѣсть объ исчезновеніи короля распространилась съ быстротою молніи утромъ 21 іюня. Лафайетъ послалъ во всѣ концы гонцовъ съ требованіемъ, чтобъ мѣстныя власти приняли мѣры къ тому, чтобы помѣшать бѣгству. Національное собраніе немедленно собралось на засѣданіе. Оно постановило арестовать короля, провозгласивъ себя затѣмъ законодательной и исполнительной властью, такъ что съ этого момента Франція, собственно говоря, была уже республикой. Министры признали себя отвѣтственными передъ собраніемъ, а послѣднее перешло къ обсужденію манифеста, оставленнаго королемъ въ Тюльери.

Въ этомъ манифестѣ Людовикъ обнаружилъ себя въ настоящемъ свѣтѣ и сбросилъ маску, при помощи которой онъ обманывалъ народъ. Онъ объявилъ себя противникомъ всѣхъ нововведеній, проведенныхъ съ 1789 года, и прежде всего обрушился на національное собраніе, на новую конституцію и на парижское населеніе. Онъ обвинялъ собраніе въ томъ, что оно лишило его прирожденныхъ правъ, отняло у него его имѣнія и принудило къ утвержденію такихъ постановленій, которыя возмущаютъ его. Народъ парижскій держалъ его въ плѣну и подвергалъ оскорбленіямъ. Цивильнаго листа въ двадцать пять милліоновъ франковъ ему тоже мало. Онъ заявлялъ, что отправляется искать по свѣту той свободы, которой нѣтъ для него въ Парижѣ.

Противорѣчіе между этимъ манифестомъ и лицемѣрнымъ циркуляромъ къ посланникамъ и письмомъ къ принцу Конде очевидно. Король, такимъ образомъ, самъ заявилъ, что его конституціонализмъ былъ только маской, и что онъ никогда не станетъ искреннимъ. Ясно, что онъ вовсе не былъ такъ невиненъ и добродушенъ, какъ часто хотятъ насъ увѣрить историки. Вѣроломство, которое обнаруживаетъ его манифестъ, открытое признаніе въ немъ нарушенія обѣщаній и присяги—безпримѣрны. Можетъ быть, конечно, что манифестъ составленъ былъ придворной партіей, все же отвѣтственнымъ за него былъ и остается Людовикъ. Какъ всегда, такъ и въ этомъ случаѣ, у него не хватило ума. Съ населеніемъ Парижа, съ населеніемъ Франціи онъ говорилъ такимъ образомъ, какъ будто онъ находился уже въ лагерѣ Булье. И его привозятъ назадъ плѣнникомъ.

Когда сталъ извѣстенъ вѣроломный манифестъ, вся страна затрепетала отъ волненія, перешедшаго въ бурю негодованія. Въ клубахъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ стали требовать низложенія короля.

Узнавъ, что король арестованъ въ Варенне, національное собраніе избрало изъ своей среды трехъ комиссаровъ, поручивъ имъ привезти назадъ короля и его семейство. Это были Барнавъ, Петіонъ и Латуръ-Мобургъ.

у Энернея комиссары встрѣтились съ многочисленнымъ отрядомъ національной гвардіи вооруженныхъ гражданъ, сопровождавшихъ короля въ Парижъ. Барнавъ и Петіонъ сѣли въ экипажъ короля и королевы, Латуръ-Мобургъ къ ихъ спутникамъ. Петіонъ держалъ себя, какъ республиканецъ; онъ былъ холоденъ и сдержанъ по отношенію къ плѣнному королю и его женѣ. Барнавъ же, молодой человѣкъ 29 лѣтъ, пришелъ въ восторгъ отъ королевы, которая не безъ кокетства вступила съ нимъ въ разговоръ и говорила ему любезности. Она окончательно очаровала его. Ради прекрасныхъ глазъ этой женщины онъ измѣнилъ своимъ политическимъ убѣжденіямъ и изъ защитника конституціи сталъ защитникомъ двора. Онъ тогда еще, вѣроятно, самъ не понималъ, какое преступленіе онъ совершаетъ по отношенію къ отечеству, и впослѣдствіи заплатилъ за свою измѣну на эшафотѣ.

Подъ прикрытіемъ шестнадцати орудій король прибылъ обратно въ Парижъ; граждане, воспрепятствовавшіе его побѣгу, вступили въ Парижъ съ тріумфомъ. На улицахъ повсюду видны были плакаты съ надписью: «*Кто будетъ привѣтствовать Людовика XVI, будетъ побитъ; кто оскорбитъ его, будетъ повѣшенъ*». Необозримыя массы народа, покрывавшія улицы, деревья, даже крыши домовъ, встрѣтили въѣздъ короля глубокимъ и суровымъ молчаніемъ, произведшимъ на плѣнную королевскую семью неизгладимое впечатлѣніе.

Когда Людовикъ прибылъ въ Тюльери, онъ опустился въ кресло и произнесъ: «Глупое-жъ, однако, путешествіе!» Когда вошелъ камердинеръ, онъ сказалъ: «А, ты здѣсь! Я снова здѣсь, какъ видишь!»—Подобныя тривіальныя замѣчанія онъ отпускалъ обыкновенно во всѣ критическіе моменты своей жизни, къ огорченію не лишенной ума королевы.

Король былъ временно отставленъ отъ должности и находился подъ карауломъ въ Тюльери. Національное же собраніе выпустило прокламацію къ французамъ, въ которой говорилось, что король былъ *похищенъ* врагами общественнаго спокойствія. Собраніе притворилось, что оно принимаетъ всерьезъ это странное объясненіе.

Бѣгство короля произвело такое дѣйствіе, котораго онъ, навѣрно, менѣе всѣхъ ожидалъ. Оно создало настоящее республиканское движеніе. Ясно обнаружилось оно въ крайней лѣвой національнаго собранія, но еще отчетливѣе въ якобинскомъ клубѣ. Большинство національнаго собранія насмѣшливо встрѣчало демократическія рѣчи Робеспьера, но народъ уже любилъ его и надѣлилъ именемъ Неподкупнаго. Вечеромъ 21 іюня онъ прибылъ въ клубъ якобинцевъ и произнесъ тамъ длинную рѣчь, въ которой въ одинаковой степени обрушился и на короля, и на національное собраніе. «Мнѣ», говорилъ онъ, «бѣгство самаго важнаго должностного лица не представляется большимъ несчастьемъ. Сегодняшній день могъ бы стать прекраснѣйшимъ днемъ революціи. Можетъ быть, онъ еще станетъ имъ, и выигрышъ тѣхъ сорока милліоновъ ливровъ, которыхъ стоитъ содержаніе короля, будетъ самымъ незначительнымъ изъ благодѣяній нынѣшняго дня». Онъ обвинялъ національное собраніе въ измѣнѣ уже по одному тому, что оно признало бѣгство короля похищеніемъ его, и это замѣчаніе вызвало гром-

кое одобреніе его слушателей. Затѣмъ взошелъ на трибуну Дантонъ, великій агитаторъ, который прославился, какъ народный ораторъ, и который обратилъ на себя вниманіе при безпорядкахъ 18 апрѣля, помѣшавшихъ бѣгству короля. Онъ напалъ главнымъ образомъ на генерала Лафайета, который, по странной игрѣ случая, какъ разъ въ этотъ моментъ вошелъ въ залу клуба. «Отвѣчайте!»—обратился къ нему Дантонъ громовымъ голосомъ,—«Вы присягнули, что король не уѣдетъ. Вы ручались за него. Вы, слѣдовательно, или измѣнникъ, предавшій отечество, или глупый человѣкъ, ручающійся за того, за кого поручиться невозможно». Лафайетъ очень слабо отвѣчалъ на эту альтернативу. Съ этого времени республиканское движеніе все болѣе и болѣе усиливалось въ своемъ ростѣ, и знаменитый ученый Кондорсе опубликовалъ работу, въ которой онъ выказывалъ себя сторонникомъ республики.

Возбужденіе во Франціи приняло небывалые размѣры, повсюду происходили безпорядки, а часто и кровопролитія. Народная ярость направилась противъ дворянства, которое считалось участникомъ въ заговорѣ короля противъ конституціи. Когда же генералъ Булье написалъ національному собранію грубое угрожающее письмо, то во многихъ мѣстахъ дворянство подверглось истязанію со стороны возбужденныхъ народныхъ массъ.

Если бы національное собраніе теперь осудило короля за доказанное единомысліе его съ врагами конституціи и навсегда низложило его, то этимъ было бы пощажено много человѣческихъ жизней. Своимъ поведеніемъ Людовикъ XVI сильно расшаталъ и почти совсѣмъ уничтожилъ въ народѣ авторитетъ монархіи, и можно было надѣяться, что враждебное ему теченіе добьется республики. Если бы національное собраніе, пользуясь своею властью, въ этотъ моментъ объявило республику, то это измѣненіе государственнаго строя могло бы пройти безъ всякихъ потрясеній.

Врядъ ли кто-нибудь станетъ утверждать, что собраніе, въ которомъ участвовало столько просвѣщенныхъ людей и которое провело столько смѣлыхъ нововведеній, не понимало всего значенія даннаго момента. Собраніе не могло не видѣть, что Людовикъ XVI навсегда останется противникомъ созданной имъ конституціи. Но въ это время произошли значительныя измѣненія въ группировкѣ партій. Барнавъ, котораго околдовали прекрасныя глаза Маріи Антуанетты, оставилъ демократическую лѣвую и вредилъ ей всѣми своими силами. При своемъ отпаденіи онъ увлекъ за собой Дюпора, братьевъ Ламетъ и многихъ другихъ членовъ, вступившихъ вмѣстѣ съ нимъ въ либерально-конституціонный клубъ 1789 года. Засѣданія усилившагося клуба происходили въ монастырѣ фельяновъ, конгрегаціи цистерціанцевъ; поэтому этотъ клубъ назывался клубомъ фельяновъ.

Благодаря стараніямъ фельяновъ, комитеты національнаго собранія объявили, что нѣтъ основаній предавать короля суду за бѣгство въ Варенн. Барнавъ выступилъ на защиту комитетскаго предложенія съ витіеватой рѣчью, и большинство собранія приняло это предложеніе. Однако, чувствовалось, что постановленіе это взволнуетъ народъ, и поэтому къ постановленію было прибавлено, что если король нарушитъ свою присягу конституціи, или пойдетъ съ вооруженной силой противъ конституціи и противъ народа, то онъ больше не король, и тогда его будутъ судить за всѣ дѣйствія, учиненныя имъ послѣ отказа отъ престола.

Но народъ и этимъ не успокоился. Особенно возросло волненіе въ Парижѣ, когда собраніе снова предоставило власть смѣщенному королю.

Такъ-то малыя причины порождаютъ большія слѣдствія. Не будь Марія Антуанетта такъ красива, будь Барнавъ менѣе чувствителенъ къ женской красотѣ, то не было бы никакихъ фельяновъ. Надъ Барнавомъ и его товарищами тяготѣетъ тяжелая отвѣтственность передъ исторіей за всѣ послѣдующія катастрофы, приведшія къ крушенію королевской власти.

Бойня на Марсовомъ полѣ.

16 іюля 1791 года фельяны снова возвели короля на престолъ, а Лафайетъ со своей національной гвардіей разогналъ народныя массы, окружавшія залъ засѣданій національнаго собранія. Въ тотъ же день въ клубѣ якобинцевъ была приготовлена петиція, требовавшая низложенія короля. Составили эту петицію Бриссо, извѣстный литераторъ и редакторъ «Французскаго Патріота», и Лакло, секретарь герцога Орлеанскаго. Петицію эту расклеили и на улицахъ. На другой день, 17 іюля, предполагалось собрать подписи подъ этой петиціей на Марсовомъ полѣ, куда и явилась весьма многочисленная толпа. Въ духѣ петиціи говорили къ народу съ алтаря отечества Дантонъ и Камиллъ Демуленъ. Народъ былъ весьма возбужденъ. Въ это время открылось, что два человѣка, выдававшіе себя за инвалидовъ, спрятались подъ лѣстницей, ведшей на алтарь отечества. Возникло подозрѣніе, что это переодѣтые полицейскіе; они же утверждали, что только любопытство привело ихъ туда. Они были убиты разъяреннымъ народомъ. По Марсову полю раздался кликъ: «Прогнать Бурбоновъ!» «Разогнать національное собраніе!» Такъ это собраніе успѣло возбудить противъ себя тотъ самый народъ, который дважды уже подымался на его защиту.

Бальи перевелъ муниципальную полицію въ отель инвалидовъ, чтобы быть поближе къ Марсову полю. Когда оттуда послышался шумъ, то туда прежде всего двинулось подъ предводительствомъ Лафайета два батальона національной гвардіи. Ихъ встрѣтили камнями и бранью. Лафайетъ, въ котораго кто-то уже прицѣлился изъ ружья, приказалъ сперва арестовать четырехъ человѣкъ, изъ которыхъ, какъ это ни странно, одинъ оказался гамбургскимъ, а другой берлинскимъ жителемъ. Однако, арестованные были освобождены народомъ. Тѣмъ временемъ національное собраніе постановило, что муниципальныя власти всѣми средствами должны помѣшать тому, чтобъ петиція была подписана. Муниципалитетъ велѣлъ бить тревогу и выстрѣлить изъ сигнальной пушки; было объявлено военное положеніе и въ знакъ его поднятъ красный флагъ. На Марсово поле прибыли Лафайетъ и Бальи съ 1200 человѣкъ пѣхоты, нѣсколькими эскадронами кавалеріи и тремя орудіями. Бальи предложилъ толпѣ разойтись. Народъ отвѣтилъ: «Долой

красный флагъ!» и осыпалъ его градомъ камней. Лафайетъ приказалъ выстрѣлить по толпѣ сперва холостымъ, потомъ боевымъ зарядомъ, и толпа съ дикимъ крикомъ разсѣялась, оставивъ много убитыхъ и раненыхъ.

Установить число жертвъ этого дня не удалось. Фельяны говорили, что было тридцать, якобинцы,—что было нѣсколько сотъ убитыхъ.

Этой кровавой расправой національное собраніе закрѣпило созданную имъ конституціонную монархію. Назначено было слѣдствіе, и нѣкоторые изъ вождей республиканской партіи, какъ Дантонъ и Демуленъ, нашли разумнымъ на нѣкоторое время исчезнуть. Маратъ, скрывавшійся въ это время въ подвалахъ и съ большимъ трудомъ выпускавшій свою газету, бросалъ сильныя обвиненія противъ Лафайета и Бальи и называлъ послѣдняго мошенникомъ.

Бойня на Марсовомъ полѣ была послѣднимъ геройскимъ подвигомъ «простака Лафайета», какъ называлъ Наполеонъ этого «героя двухъ частей свѣта». Недолго еще осталось ему и Бальи стоять во главѣ парижскаго муниципалитета.

За предѣлами Франціи.

Революціонная волна донеслась и до французскихъ колоній. Подъ знойнымъ небомъ Антильскихъ острововъ запылало воодушевленіе свободой, и скоро депутація съ тѣхъ острововъ предстала передъ національнымъ собраніемъ. Эта депутація прибыла изъ С.-Доминго. Она состояла изъ темнокожихъ и требовала уравненія съ бѣлыми. Освободительное движеніе въ прекрасной французской колоніи С.-Доминго приняло въ это время форму борьбы туземцевъ съ европейцами, при чемъ одна партія стремилась также къ провозглашенію независимости колоніи отъ метрополіи. Національное собраніе постановило, что конституція не распространяется на колоніи, и уравняло въ правахъ съ европейцами только мулатовъ. Это послужило причиной безпорядковъ на С.-Доминго, принявшихъ такіе размѣры, что французы не могли справиться съ ними. Возстаніе за независимость колоній было подавлено съ жестокостью, а туземецъ Оже, человѣкъ задавшійся великими планами, членъ депутаціи къ національному собранію и руководитель возстанія, былъ приговоренъ къ смерти колесованіемъ. Это только подлило масла въ огонь, такъ что въ 1791 году началось всеобщее возстаніе негровъ и цвѣтныхъ противъ бѣлыхъ. Бѣлыхъ убивали массами, и негры звѣрскими жестокостями мстили за долгое и жестокое угнетеніе, которое они терпѣли. Пока колонія была почти что потеряна для Франціи, а долгая и кровопролитная война, которую пришлось вести тамъ, дала въ концѣ концовъ совсѣмъ неожиданный результатъ; она кончилась независимостью С.-Доминго.

Папа уже вмѣшался во внутреннія дѣла Франціи, запретивъ священникамъ подчиняться гражданской организаціи духовенства. Кромѣ того, и происки священниковъ, уклонявшихся отъ присяги, тоже согласовались съ желаніями Ватикана. Но теперь папство потеряло одну изъ наиболѣе пре-

красныхъ областей своихъ, именно: графство Авиньонъ. Эта расположенная во Франціи область была продана одной малолѣтней принцессой нѣкогда папѣ. Населеніе же графства Авиньонъ всецѣло сочувствовало революціи и рѣшило присоединиться къ Франціи. Произошли кровопролитныя битвы, во время которыхъ игралъ замѣтную роль и упомянутый уже головорѣзъ Журданъ. Борьба партій приняла самый ужасный характеръ: одна рѣзня смѣняла другую, пока папская партія не была побѣждена, и собраніе 14 сентября 1791 г. не постановило, что отнынѣ Авиньонъ будетъ принадлежать Франціи.

Тѣмъ временемъ эмигранты на границѣ Франціи организовались. Вѣсть о бѣгствѣ короля наполнила ихъ живѣйшей радостью, и они уже построили свои легіоны, чтобъ съ тріумфомъ встрѣтить Людовика XVI. Тѣмъ сильнѣе огорчились они, когда узнали, что онъ арестованъ и отвезенъ обратно въ Парижъ. Подъ предлогомъ, что Людовикъ XVI находится въ плѣну, они позволили себѣ глупую выходку и провозгласили графа де-Прованс регентомъ Франціи. Этотъ «регентъ» немедленно завелъ себѣ дворъ. Въ то время, какъ Булье писалъ національному собранію письмо, въ которомъ надменно грозилъ разрушеніемъ Парижа, эмигранты вооружались. У нихъ были арміи въ Кобленцѣ, Вормсѣ, Эттенгеймѣ и они интриговали при всѣхъ германскихъ дворахъ, отъ которыхъ ожидали поддержки. Они называли себя «заграничной Франціей». Арміи этихъ эмигрантовъ состояли почти исключительно изъ кавалеріи, потому что дворяне не хотѣли нести службу не на лошади. Въ своеобразномъ вооруженіи своемъ они казались призраками изчезнувшаго стараго порядка. Съ сѣделъ у этихъ комичныхъ рыцарей съ каждой стороны свисало по небольшой кожаной сумкѣ, подъ которой лежало по жестяной коробкѣ съ 8 патронами. Въ сумкахъ лежали топоръ, пила и два пистолета. Сзади на сѣдлѣ тоже висѣли двѣ сумки, въ которыхъ, кромѣ патроновъ, находились: рубаха, сапожный приборъ, коробка съ пудрой, бритва, гребни, румяна и бѣлыя кокарды. Мундиръ былъ синяго цвѣта, а на высокихъ сапогахъ они имѣли по длинному желѣзному острію, чтобъ и ногой поражать вражескую пѣхоту. За поясомъ у нихъ было по нѣсколько пистолетовъ; кромѣ того, на каждомъ изъ нихъ была еще сабля, палка и карабинъ. Со шляпы свисалъ громадный пукъ перьевъ.

Эти рыцари печальнаго образа съ оружіемъ своимъ представляли мало опасности для новой Франціи; но «заграничная Франція» скоро стала страшна своимъ союзомъ съ дворами. Уже на конференціи въ Мантуѣ графу д'Артуа было обѣщано вооруженное вмѣшательство Австріи во внутреннія дѣла Франціи, а Людовикъ XVI незадолго передъ бѣгствомъ въ Варенн далъ знать Австрійскому двору, что втайнѣ онъ не признаетъ ни своихъ постановленій, ни постановленій своихъ министровъ. Теперь произошло свиданіе въ Пильницѣ, около Дрездена, между императоромъ Австрійскимъ Леопольдомъ II, шуриномъ Людовика XVI, и королемъ прусскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ II. 27-го августа 1791 года они выпустили тамъ декларацію, въ которой заявляли, что событія во Франціи затрагиваютъ интересы всѣхъ властителей Европы, и что всѣ властители должны объединиться и

дать Франціи *подходящее правительство*. Подъ послѣднимъ они понимали, конечно, возстановленіе абсолютной королевской власти.

Пильницкой декларацією было положено начало тѣмъ крупнымъ союзамъ противъ французской революціи, которые вызвали въ Европѣ почти двадцатипятилѣтнюю кровавую войну. Вмѣшательство европейскихъ правителей во внутреннія дѣла Франціи было причиной тѣхъ страшныхъ кризисовъ и катастрофъ, которыми такъ богата французская революція. Это вмѣшательство сдѣлало невозможнымъ мирное развитіе Франціи и вызвало французовъ на отчаянную борьбу съ тѣми, кто покушался на завоеваніе французской революціи и стремился къ возстановленію старой Франціи. Французскій крестьянинъ и буржуа защищали въ этой борьбѣ свою свободу и свою страну. Отвѣтственность передъ исторіей за совершенныя во время революціи жестокости лежитъ на тѣхъ эмигрантахъ, которые призвали чужеземныя войска противъ собственнаго отечества.

Завершеніе конституціи.

Приближаясь постепенно къ окончанію своихъ работъ, національное собраніе 3-го сентября закончило и приняло конституцію. Эта конституція превращала Францію въ конституціонную монархію, вѣрнѣе, въ полудемократическо-конституціонную монархію. Вся законодательная власть принадлежала національному собранію, которое путемъ косвенныхъ выборовъ избиралось гражданами, плательщиками налоговъ. Король сохранилъ свою неприкосновенность, но правилъ черезъ отвѣтственныхъ министровъ. Королю принадлежало право отсрочивающаго вето, которое имѣло силу въ теченіе двухъ законодательныхъ періодовъ. Онъ былъ главнымъ начальникомъ арміи, но, при объявленіи войны или заключеніи міра, долженъ былъ заручиться согласіемъ національнаго собранія. Послѣднему принадлежало также право помилованія. Конституція давала гражданамъ равенство передъ закономъ—во многихъ отношеніяхъ неполное,—свободу печати, личности, охрану собственности и чести, поскольку все это вообще можетъ быть осуществлено въ рамкахъ такой конституціи и поскольку этому не мѣшаютъ независящія отъ нея обстоятельства. Эта конституція была какъ разъ подъ стать почтенной буржуазіи, и послѣднюю приводило въ восхищеніе уже одно то обстоятельство, что конституція устанавливала свободу промышленности. Эта конституція представляла собой государственную оправу для буржуазнаго общества и предоставляла буржуазіи тѣ свободы, которыя ей нужны были для того, чтобы стать міровой силой. Массы народныя чувствовали, какой прогрессъ представляло собой уничтоженіе феодализма, но онѣ гораздо меньше восхищались этой конституціей, чѣмъ почтенная буржуазія; гарантій матеріальнаго благоденствія для себя народъ въ ней не нашелъ. Особенно же обиженъ былъ пролетаріатъ. Онъ чувствовалъ себя угнетеннымъ классовымъ антагонизмомъ и ограничительными постановленіями, которыя собраніе издало противъ него и которыя превращали въ пустой звукъ всѣ красивыя слова конституціи.

Конституція скрывала въ себѣ много причинъ для новыхъ битвъ и конфликтовъ. Легко было предвидѣть, что сохранившуюся за нимъ власть король постарается использовать для возстановленія абсолютизма; съ другой стороны, демократическія учрежденія конституціи должны были придать народу смѣлость въ борьбѣ за болѣе широкую свободу. Ошибались тѣ, которые думали, что эта конституція подѣйствуетъ на революцію, какъ масло, успокаивающее разбушевавшіяся волны моря. Такъ какъ эта конституція игнорировала большое количество важнѣйшихъ вопросовъ и такъ какъ она мало или совершенно не коснулась экономическихъ интересовъ широкихъ народныхъ массъ, то народъ необходимо долженъ былъ вступить въ борьбу съ государственной властью.

Дворъ, можетъ быть, лучше другихъ видѣлъ недостатки конституціи. Онъ надѣялся, что она создастъ путаницу, которую можно будетъ использовать для низверженія ея, и этимъ средствомъ дѣйствительно пользовались часто и съ успѣхомъ. Сама же королева думала, что *не все еще потеряно*, если только имѣть достаточно терпѣнія, рѣшительности и постоянства.

Король, между тѣмъ, разыгрывалъ свою конституціоналистскую комедію съ такой ловкостью и искусствомъ, что скоро снова пріобрѣлъ расположеніе національнаго собранія, которое съ каждымъ днемъ все больше теряло расположеніе народа. Въ сентябрѣ 1791 года король писалъ національному собранію, что онъ готовъ принять конституцію; между тѣмъ, четырнадцатью днями раньше выпущена была въ свѣтъ, при его тайномъ согласіи и съ открытаго согласія брата его, пильницкая декларація. Итакъ, король все-таки сказалъ, что онъ готовъ соблюдать конституцію внутри страны и защищать ее отъ нападеній извнѣ.

Еще до того національное собраніе отмѣнило устраненіе короля отъ должности и вернуло ему тѣлохранителей. Теперь же заявленіе его было принято съ необузданнымъ восторгомъ. Оно думало, что революція кончена. Буржуазія полагала, что она добилась уже тѣхъ государственныхъ формъ, которыя соотвѣтствуютъ ея историческому призванію; какъ всегда, такъ и теперь, она считала, что государство есть только орудіе для защиты ея классовыхъ интересовъ. Ей казалось, что штурмъ Бастиліи и другія усилія народныя имѣли только одну эту цѣль. Она рѣшила проявить свое великодушіе и, по предложенію Лафайета, объявила амнистію всѣмъ политическимъ преступникамъ.

14-го сентября Людовикъ отправился въ національное собраніе и снова присягнулъ конституціи, которой онъ уже присягнулъ разъ на Марсовомъ полѣ, чтобъ потомъ цѣликомъ нарушить присягу своимъ манифестомъ, составленнымъ передъ бѣгствомъ въ Варенны.

Національное собраніе 39-го сентября распустило себя, такъ какъ задача его была окончена. При закрытіи его обнаружилось, какъ мало народъ любилъ его. Когда собраніе вышло, народъ привѣтствовалъ только Петіона и Робеспьера, всѣ же остальные депутаты подверглись оскорбительнымъ насмѣшкамъ.

По предложенію Робеспьера, національное собраніе еще нѣсколько времени передъ тѣмъ постановило, что члены перваго національнаго со-

бранія не могутъ быть выбраны въ ближайшее собраніе. Предложеніе это свидѣтельствуетъ о незаурядной политической дальновидности Робеспьера. Справедливо полагая, что революціонное настроеніе еще возрастетъ, онъ достигъ этимъ предложеніемъ того, что представители старой Франціи не попали во второе національное собраніе, а что, наоборотъ, въ него вошли представители демократической идеи. Предложеніе это имѣло весьма важныя послѣдствія.

Новая конституція ввела почтенное мѣщанство, буржуазію въ число правящихъ классовъ. Опьяненіе радостью, которой предались высокопоставленные конституціонной и парламентской революціи, было слишкомъ велико для того, чтобъ отрезвленіе не было для нихъ непріятнымъ.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ.

Выборы въ законодательное собраніе прошли очень быстро, и 30 октября 1791 года оно уже могло приступить къ дѣлу. Составъ его очень хорошо доказывалъ, что предложеніе лишить членовъ перваго собранія права вторичнаго избранія было основано на правильномъ разсчетѣ. Изъ національнаго и народнаго представительства Франціи исчезли, благодаря этому, всѣ тѣ элементы, у которыхъ могло бы возникнуть какое бы то ни было желаніе возстановить старый порядокъ. Въ новомъ собраніи не было ни одного представителя абсолютистско-монархической и аристократически-конституціонной партіи. Стремленіе къ реформамъ было такъ сильно, что во всей Франціи не прошелъ ни одинъ представитель этихъ направленій. Не получили представительства въ этомъ собраніи ни высшее дворянство, ни духовенство, уклонявшееся отъ присяги.

Демократически-конституціонная партія, которая такъ недавно еще господствовала въ первомъ національномъ собраніи и, какъ творецъ новой конституціи, была для абсолютизма революціонной партіей, въ законодательномъ собраніи передвинулась изъ середины на правую сторону и стала въ немъ консервативнымъ элементомъ. Бывшіе фельяны попали въ собраніе въ незначительномъ числѣ и называли себя конституціоналистами. Такъ какъ прежніе, уже прославившіеся, вожди этой партіи не могли быть избраны вновь, то ихъ мѣсто въ собраніи заняли малоизвѣстныя до того времени лица: Рамонъ, Вобланъ и Жирарденъ. Этихъ конституціоналистовъ народъ теперь называлъ аристократами и реакціонерами, потому что во время конфликтовъ между королемъ и народнымъ представительствомъ они становились на сторону короля. Настоящіе вожди этой партіи: Лафайетъ, Бали, Барнавъ и Талейранъ занимали въ это время почетныя должности. Приверженцамъ этой партіи была крупная буржуазія, въ народѣ же она не пользовалась сочувствіемъ. Лафайетъ и Бальи отказались къ этому времени отъ должностей главнокомандующаго національной гвардіей и мэра, такъ какъ демократическое теченіе стало слишкомъ сильно. Пока національная гвардія оставалась безъ главнокомандующаго, командиры ея шести легіоновъ поочередно занимали эту должность въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Клубъ фельяновъ могъ придать правой законодательнаго собранія такъ же мало значенія, какъ салонъ г-жи Сталь-Гольштейнъ, въ которомъ собирались знаменитости конституціонной партіи. Значеніе этой дамы, какъ человѣка съ умомъ и политическимъ пониманіемъ, сильно преувеличено. Эта двадцати-

лѣтняя въ то время женщина была дочерью Неккера, и значеніе ея сводилось къ тому, что она служила посредницей между дворомъ и конституціоналистами. Въ салонѣ ея можно было встрѣтить бывшихъ демократовъ и якобинцевъ: ренегата Барнава, Дюпора, братьевъ Ламетъ, ихъ друзей и сторонниковъ двора, съ которыми ихъ связывали теперь общія убѣжденія. Г-жа фонъ Сталь и мужъ ея, шведскій посолъ фонъ Сталь-Гольштейнъ, жили иллюзіей, что они сумѣютъ воскресить политическую систему Неккера, отличавшуюся необыкновенной безсодержательностью.

Всѣ остальныя мѣста въ собраніи были заняты демократами, большею частью молодыми и горячими людьми, принесшими съ собой въ Парижъ страстную любовь къ свободѣ.

Въ серединѣ сидѣла умѣренно-демократическая партія, прославившаяся подъ именемъ партіи *жирондистовъ*. Это названіе она получила отъ того, что наиболѣе выдающіеся члены ея и лучшіе ораторы почти всѣ были изъ департамента Жиронды. Вожди партіи, отличавшіеся замѣчательной энергіей, заняли высокія мѣста въ серединѣ; внизу же сидѣла толпа тѣхъ, которые хоть и были приверженцами нововведеній, но не желали окончательно порвать и со старымъ. Поэтому, низкія мѣста середины насмѣшливо называли болотомъ (le marais), а сидѣвшихъ тамъ депутатовъ—болотными жабами.

Жирондисты были очень преданы общему и крайне неопредѣленному понятію «свобода» и воодушевлялись идеями и примѣрами изъ классической древности Эллады и Рима. Они не понимали того, что идеи древнихъ философовъ не подходятъ къ французской революціи, и Дюмурье остроумно назвалъ ихъ «плохимъ переводомъ съ латинскаго». Жиронда хотѣла оставаться на парламентской почвѣ въ той великой борьбѣ между народомъ и королевской властью, которая проистекала изъ недостатковъ конституціи 1791 года. Партія эта, которую Маратъ насмѣшливо называлъ партіей государственныхъ мужей, не хотѣла понять того, что прежде всего необходимо закрѣпить завоеванія революціи и тогда только можно будетъ разсчитывать на сохраненіе ихъ. Изъ тактики ея можно было сдѣлать такой выводъ, что идеаломъ революціоннаго движенія того времени было провозглашеніе всеобщей личной свободы, между тѣмъ какъ самой главной задачей того времени было выступить противъ непрекращающихся интригъ двора и другихъ враговъ новой Франціи. Жирондисты были представителями той части буржуазіи, которая была захвачена демократическимъ теченіемъ. Соціальнымъ принципомъ ихъ былъ индивидуализмъ, который они, подобно нѣкоторымъ нынѣшнимъ политическимъ направленіямъ, смѣшивали, умышленно или неумышленно, со свободной личности. Уже это одно было достаточной причиной для того, чтобы они выступили противъ массы народа, ожидавшей отъ новаго государства облегченія своей нужды. Жирондисты мечтали о республикѣ, въ которой господствующее мѣсто принадлежало бы духовнымъ способностямъ и образованію. Они забыли, что парижское населеніе своимъ возстаніемъ прежде всего хотѣло освободиться отъ всякаго гнета сверху. При такихъ воззрѣніяхъ жирондистской партіи ее ожидалъ во Франціи трагическій конецъ.

Къ этой партіи принадлежали очень многіе изъ наиболѣе блестящихъ людей того времени, и это дало ей возможность уже съ самаго начала очень эффектно выступить въ законодательномъ собраніи. Жирондисты насчитывали въ своей средѣ много талантливѣйшихъ ораторовъ, писателей, политиковъ и философовъ. Главнымъ ораторомъ партіи былъ Верньо, адвокатъ съ юга. Горячія и красивыя рѣчи этого человѣка часто приводили въ движеніе всю Францію, но самъ онъ былъ слишкомъ флегматиченъ для государственнаго дѣятеля. Испаръ, купецъ изъ Марселя, умѣлъ своими бурными обращеніями увлекать за собой все собраніе. Гаде и Жансонне пугали дворъ своими рѣзкими нападками. И Луве, давно уже извѣстный, какъ литераторъ, принадлежалъ къ этой партіи. Настоящимъ же главой ея былъ Жанъ-Пьеръ Бриссо, талантливый литераторъ, поклонникъ американской свободы, вернувшійся изъ-за океана въ началѣ революціи. Работы его имѣли большое значеніе въ подготовкѣ революціи, и въ свое время онъ былъ заключенъ въ Бастилію. До революціи онъ выступалъ иногда, какъ теоретикъ-соціалистъ; теперь, въ своей газетѣ «Французскій патріотъ», онъ являлся представителемъ того мѣщанства, которое видѣло въ республикѣ не болѣе, какъ господство буржуазной аристократіи. Бриссо всегда носился съ античной буржуазіей Греціи и Рима, какъ съ образцомъ для настоящаго, забывая, что французскій народъ завоевалъ себѣ другую долю, чѣмъ то рабство, которое служило пьедесталомъ для античнаго общества. Бриссо ненавидѣли больше, чѣмъ всѣхъ жирондистовъ. Приверженцевъ его партіи называли бриссотинцами, а хвастовство называли бриссотажемъ. Кондорсе, знаменитый ученый и другъ Тюрго и Даламбера, редактировалъ политическіе манифесты жирондистовъ. Партія эта имѣла много сторонниковъ въ провинціи, особенно въ западныхъ и южныхъ департаментахъ; это находилось въ соотвѣтствіи съ составомъ, ея, такъ какъ среди нея было очень много республиканцевъ, но и не мало конституціоналистовъ, страшившихся всякой республики. Жирондисты пытались укрѣпиться въ клубѣ якобинцевъ, но тамъ вліяніе ихъ сильно ослаблялъ Робеспьеръ, популярность котораго не переставала расти, и который, можно сказать, несходилъ съ ораторской трибуны этого клуба.

Внѣ законодательнаго собранія жирондисты имѣли поддержку въ лицѣ Петіона, избраннаго мэромъ Парижа. Эта партія тоже имѣла свой политическій салонъ. Это былъ салонъ знаменитой г-жи Роланъ, замѣчательной женщины, очень часто руководившей всей партіей. Она была женой пожилого отставного чиновника министерства финансовъ, была очень красива и воодушевлена идеалами свободы и классической древности, которые не могли теперь найти себѣ твердой почвы въ революціонной Франціи. Политическіе идеалы и любовь направили эту женщину на опасный путь, который закончился эшафотомъ. Въ салонѣ ея можно было встрѣтить множество просвѣщеннѣйшихъ людей, поклонниковъ ея красоты и ума. Тогда еще не было видно той пропасти, которая отдѣляла жирондистовъ отъ якобинцевъ, такъ какъ жирондисты еще пытались удержать за собой якобинскій клубъ. Въ салонѣ г-жи Роланъ тѣ люди, которые потомъ стали смертельными врагами, сохраняли между собой дружескія отношенія.

Лѣвую законодательнаго собранія составляли *республиканцы*, которыхъ называли также просто *якобинцами*. Со времени бѣгства короля въ Варенн республиканскія теченія очень сильно развились во Франціи. Лѣвая была не только противницей двора, но и противницей конституціи, которую она считала совершенно неудовлетворительной и недемократичной. Она стремилась къ демократической республикѣ съ всеобщимъ избирательнымъ правомъ и полной гражданской свободой и равноправіемъ. Въ законодательномъ собраніи у лѣвой не было сколько-нибудь выдающихся ораторовъ, если не считать Мерленъ де-Тіонвилля, бывшаго капуцина Шабо и Базира. Съ блестящими ораторами Жиронды лѣвая конкурировать не могла. Карно, Кутонъ и другіе, получившіе впослѣдствіи такое значеніе, пока еще не выступали въ законодательномъ собраніи.

Сила лѣвой была внѣ законодательнаго собранія. Опорой ея былъ могущественный клубъ якобинцевъ, ставшій рычагомъ республиканскаго движенія. Къ этому времени относится и появленіе красной шапки. Солдаты полка Шатовье, осужденные на каторгу за бунтъ въ Нанси, были помилованы. Брестскіе якобинцы, желая почтить помилованныхъ, взяли ихъ красныя шапки каторжанъ и одѣли на свои головы. Это вошло въ моду, но придерживались ея больше жирондисты, чѣмъ настоящіе якобинцы, и Робеспьеръ разъ даже высказался противъ этой моды.

Среди якобинцевъ господствовалъ Робеспьеръ. Этотъ адвокатъ изъ Арраса, всегда одѣтый въ синій фракъ, желтый жилетъ и желтые брюки, начиналъ входить въ извѣстность. Буржуа и аристократы перваго собранія смѣялись надъ его демократическими рѣчами и притворялись, что даже не могутъ серьезно отнестись къ Робеспьеру. Но теперь они начали уже чувствовать его громадное вліяніе. Совсѣмъ недавно еще онъ издавалъ журналъ подъ заглавіемъ «Защитникъ конституціи»; короткое время онъ былъ прокуроромъ. Еще до революціи онъ прославился тѣмъ, что выигралъ процессъ по дѣлу о громоотводѣ, противъ котораго духовенство ополчилось, какъ противъ «колдовства». Теперь же онъ перешелъ на сторону республиканской партіи. Однако, когда онъ въ первый разъ выступилъ въ собраніи съ рѣчью противъ смертной казни, ничто еще не говорило въ пользу того, что это—диктаторъ, имя котораго такими страшными словами запишется на страницахъ исторіи. Его ораторскій талантъ начиналъ еще тогда только развиваться. Народъ же съ невѣроятнымъ преклоненіемъ относился къ «неподкупному» Робеспьеру, неизмѣнный образъ котораго ежедневно запечатлѣвался въ его памяти.

Лѣвая стояла въ непосредственной связи съ народомъ черезъ отдѣленіе якобинскаго клуба, черезъ клубъ кордельеровъ. Здѣсь собирались всѣ энергичные люди и буйныя головы, не считавшіе рѣчи такимъ важнымъ дѣломъ, какъ это считалъ Робеспьеръ. Главною цѣлью ихъ было сокрушить враговъ революціи и надолго сдѣлать невозможнымъ возвратъ къ старымъ порядкамъ. Только по достиженіи этой цѣли они надѣялись начать коренное переустройство государства и общества. Этотъ клубъ открыто подготовлялъ возстаніе, и тамъ можно было встрѣтить бывшаго адвоката Жоржа Жака Дантона, выдающагося народнаго оратора. Дантонъ былъ

очень похожъ на Мирабо; его звучный голосъ и смѣлые обороты рѣчи увлекали за собой массы. Некрасивый, съ лицомъ похожимъ на негра, съ гигантской фигурой, онъ скоро сталъ непремѣннымъ участникомъ всѣхъ народныхъ сборищъ. Сегодня онъ могъ быть полонъ бурной энергіи, а на завтра погрузиться въ полную бездѣятельность и апатію. Говорили, что онъ подкупленъ дворомъ, но на нашъ взглядъ нѣтъ никакихъ положительныхъ доказательствъ этого. Образъ дѣйствій его не даетъ никакихъ основаній предположить, что онъ находился въ сношеніяхъ съ дворомъ. У кордельеровъ можно было встрѣтить и Камилла Демулена, смѣлаго оратора 12 іюля 1789 года. Кромѣ того, тамъ бывали Сантерръ, командиръ сентъ-антуанской національной гвардіи, мясникъ Лежандръ, у котораго часто скрывался Маратъ, Мальяръ, Журданъ и другіе. Наконецъ, поскольку Марату не приходилось прятаться, и онъ являлся въ этотъ клубъ. Имъ тогда овладѣлъ уже горькій пессимизмъ, выразившійся въ мнѣніи его, «что второе законодательное собраніе не менѣе прогнило, чѣмъ первое».

Между тѣмъ и парижская коммуна подверглась реформѣ. Бальи отказался отъ должности мэра, и Лафайетъ хотѣлъ занять его мѣсто. Но при выборахъ громаднымъ большинствомъ былъ избранъ Петіонъ, поддержанный дворомъ, вслѣдствіе личной ненависти Маріи-Антуанетты къ Лафайету. Петіонъ принадлежалъ къ жирондистамъ, былъ республиканецъ по убѣжденіямъ и пользовался любовью народа. Въ первомъ національномъ собраніи онъ произнесъ блестящую рѣчь за свободу негровъ и не разъ съ успѣхомъ боролся противъ Мирабо. За то время, когда онъ былъ мэромъ, онъ не стѣснялъ народныхъ движеній, но обнаружилъ непостоянство и нерѣшительность. Онъ и прокураторъ муниципалитета Манюэль были сторонниками Жиронды. Въ числѣ помощниковъ Манюэля находился Дантонъ. Комуна состояла изъ 16 администраторовъ, муниципальнаго совѣта въ числѣ 32 членовъ и генеральнаго совѣта въ числѣ 96 членовъ. Но теперь господство начало переходить къ 48 секціямъ, взявшимъ въ свои руки полицію.

Такимъ образомъ, въ Парижѣ на ряду съ законодательнымъ собраніемъ появилась новая сила, суверенитетъ которой исходилъ изъ секцій. Коммуна стала руководительницей революціи въ Парижѣ, и двору скоро пришлось почувствовать на себѣ ея мощную руку.

При такомъ положеніи дѣлъ нетрудно было предвидѣть, что конфликты между законодательнымъ собраніемъ и королемъ скоро станутъ неизбѣжны. Они дѣйствительно и начались, какъ только собраніе приступило къ работѣ.

Вето и эмиграція.

Народъ съ напряженіемъ ожидалъ первыхъ дѣйствій новаго законодательнаго собранія, предоставивъ ему на первое время инициативу. Конфликты короля съ собраніемъ начались сейчасъ же. Собраніе увѣдомило короля, что оно составилось. Людовикъ XVI вполнѣ подчинился руко-

водству двора, думавшаго импонировать депутатамъ своимъ высокомѣріемъ, и депутатовъ распустили, назначивъ имъ явиться на слѣдующій день. Чтобъ отомстить за это, собраніе отмѣнило титулъ «Sire!» и «Величества». Людовикъ разсердился и объявилъ, что онъ не явится въ собраніе до тѣхъ поръ, пока рѣшеніе это не будетъ отмѣнено. Собраніе взяло назадъ свое постановленіе. Когда же король явился и занялъ мѣсто, депутаты тоже сѣли. Ясно было, что собраніе не чувствуетъ ни капли довѣрія къ королю, а король полонъ ненависти къ собранію. Отсюда возникли конфликты, которые прекратились только послѣ полнаго уничтоженія королевской власти.

Собраніе сейчасъ же занялось эмиграціей, которая послѣ пильницкой декларации приняла угрожающіе размѣры. Эмигранты уже могли выставить на границѣ 60.000 человѣкъ. Въ это время, 10 сентября 1791 года, появился въ формѣ письма на имя короля такъ называемый кобленцкій манифестъ; въ этомъ письмѣ графъ де-Провансъ и графъ д'Артуа писали королю, что все, происшедшее во Франціи съ 1789 года, они считаютъ противозаконнымъ.

Этотъ манифестъ вызвалъ возмущеніе законодательнаго собранія; въ блестящей рѣчи Иснаръ потребовалъ рѣшительныхъ мѣръ. «По мѣрѣ того, какъ росла ваша снисходительность», говорилъ онъ, «росла и дерзость вашихъ враговъ. Они перестанутъ вамъ вредить только тогда, когда у нихъ уже не будетъ средствъ для этого. *Для того, чтобъ они не побѣдили, надо ихъ побѣдить*». 9 ноября собраніе постановило: «кто изъ эмигрантовъ не вернется во Францію до 1 января 1792 года, присуждается, какъ заговорщикъ, къ смертной казни и къ конфискаціи имущества, но безъ нарушенія законныхъ правъ не выселившихся женъ, дѣтей и кредиторовъ осужденнаго».

Король немедленно заявилъ свое вето противъ этого постановленія, доказавъ этимъ передъ всѣми, что онъ защищаетъ эмигрантовъ. Но желая, вполнѣ естественно, ослабить недовѣріе, которое это вето вызоветъ въ народѣ, онъ обратился къ эмигрантамъ съ напыщенной прокламаціей, въ которой призывалъ ихъ возвратиться. Въ то же время онъ написалъ своимъ братьямъ и требовалъ, чтобъ они возвратились для устраненія недовѣрія, какъ онъ говорилъ. Но эти мѣры только увеличили недовѣріе, такъ какъ всѣ вспомнили, что онъ продѣлалъ такую же комедію и передъ бѣгствомъ въ Вареннь. Кромѣ того, и здравый человѣческій смыслъ ясно говорилъ въ пользу того, что если бы королю дѣйствительно желательно было возвращеніе эмигрантовъ, ему надо было только утвердить постановленіе собранія. Теперь же невольно возникали подозрѣнія,—и они вполнѣ соотвѣтствовали дѣйствительности,—что король сочувствуетъ и поддерживаетъ тайныя сношенія съ тѣми эмигрантами, которыхъ онъ публично призываетъ къ возвращенію.

Новую пищу для конфликта между собраніемъ и королемъ далъ декретъ противъ священниковъ, уклонявшихся отъ присяги. Собраніе считало себя вынужденнымъ выступить противъ этихъ агентовъ всевозможныхъ реакціонныхъ интригъ и постановило, что священники, уклоняющіеся отъ

присяги, могутъ быть высланы директоріями департаментовъ и взяты подъ стражу; гдѣ можно, они должны быть смѣщены и лишены жалованья. Король заявилъ вето и противъ этого постановленія, которое, если и было нѣсколько террористическимъ, то все же вытекало изъ общаго положенія дѣлъ. Король сказалъ даже, что онъ скорѣе согласится умереть, чѣмъ утвердить такой декретъ, и предатель Барнавъ нашелъ, что эта фраза имѣетъ очень возвышенный смыслъ.

Въ обоихъ этихъ случаяхъ значеніе вето выступило очень ясно. Стало очевидно, къ какой массѣ конфликтовъ должна привести эта конституція, въ которой раздѣленіе властей кореннымъ образомъ противорѣчило фактическимъ соотношеніямъ силъ. Людовикъ XVI вполнѣ стоялъ на почвѣ конституціи, когда онъ прибѣгалъ къ своему праву вето. Однако, король становился въ противорѣчіе съ стремленіями своего времени,—и въ одной петиціи Камиллъ Демуленъ остроумно характеризовалъ значеніе этого вето въ такихъ словахъ: «*никакое вето не можетъ помѣшать штурму Бастиліи*». Безсмысліе системы конституціоннаго равновѣсія и непригодность отсрочивающаго вето выступали все яснѣе. Народъ быстро развивался въ демократическомъ направленіи и скоро переросъ то, что создано было учредительнымъ національнымъ собраніемъ и совсѣмъ еще недавно считалось революціоннымъ новшествомъ.

Король видѣлъ, какое нехорошее впечатлѣніе производитъ примѣненіе вето, и хотѣлъ загладить его новыми назначеніями въ министерствахъ. Изъ министровъ-абсолютистовъ онъ оставилъ только Бертрана де-Моллевилля, въ качествѣ премьера, а вмѣстѣ съ тѣмъ и министра финансовъ и морского, и Делессара, министра иностранныхъ дѣлъ. Къ нимъ онъ присоединилъ Нарбонна въ должности военнаго министра, Дюпоръ-Дюттера, въ качествѣ министра юстиціи, и Кайе де-Жервилля—внутреннихъ дѣлъ. Послѣдніе три министра были взяты изъ среды фельяновъ, т. е. изъ правой законодательнаго собранія. Но эти назначенія не произвели никакого замѣтнаго впечатлѣнія. Общественное вниманіе почти исключительно поглощено было уже интригами эмиграціи.

Особенно вызывающе держали себя эмигранты въ областяхъ обоихъ духовныхъ курфюршествъ, майнцскаго и трирскаго. Они тамъ не только выставили вооруженную силу противъ Франціи, но даже позволяли себѣ насилія надъ тѣми нѣмцами, которые симпатизировали новому порядку вещей во Франціи. Собраніе не могло уже больше оставаться молчаливымъ свидѣтелемъ безстыднаго поведенія эмигрантовъ и постановило потребовать отъ курфюрстовъ майнцскаго и трирскаго, чтобы они разоружили эмигрантовъ и удалили ихъ съ границы. Къ этому постановленію собраніе склонилось подъ впечатлѣніемъ увлекательной рѣчи Инсара. «Заговорите съ министрами, съ королемъ, съ Европой», говорилъ онъ, «но заговорите языкомъ, достойнымъ представителей Франціи. Скажите министрамъ, что нынѣшнимъ поведеніемъ ихъ вы недовольны, и *что быть отвѣтственными передъ вами—значитъ отвѣчать своею жизнью*. Скажите Европѣ, что вы уважаете государственный строй всѣхъ государствъ, но что если начнется война королей противъ Франціи, то вы зажжете войну народовъ противъ королей».

Людовикъ съ тайнымъ удовольствіемъ утвердилъ этотъ декретъ. Онъ желалъ войны въ надеждѣ, что она приведетъ къ пораженію Франціи и къ вступленію заграничной коалиціи въ Парижъ. Король, присягнувшій конституціи, надѣялся, что при такомъ оборотѣ дѣлъ его неограниченная власть будетъ возстановлена. Незадолго до того Малле де-Панъ былъ посланъ въ Вѣну и Берлинъ съ тайнымъ порученіемъ отъ Людовика склонить эти дворы къ войнѣ съ Франціей.

Такимъ образомъ, дворъ вторично составлялъ заговоръ противъ новаго порядка вещей во Франціи. Эмигранты, иностранныя державы, священники, уклонявшіеся отъ присяги, и дворянство поддерживали его. Всѣ они не оцѣнивали того сопротивленія, какое сумѣетъ оказать французскій народъ, одушевленный идеей свободы.

Нарбоннъ былъ честный человѣкъ и не участвовалъ въ предательствѣ своей партіи. Онъ работалъ надъ тѣмъ, чтобъ укрѣпить французскія границы на случай нападенія. Онъ собралъ четыре арміи. На югѣ стоялъ маркизъ де-Монтескю; онъ былъ роялистомъ, и назначеніе его заключалось въ томъ, чтобъ защитить Францію отъ возможнаго вторженія со стороны Италіи. Въ Лотарингіи командовалъ Лафайетъ, которому послѣ неудачной роли командира парижской національной гвардіи и здѣсь суждено было сыграть столь же неудачную роль. Въ Эльзасѣ командовалъ Люкнеръ; это былъ нѣмецъ, стяжавшій себѣ хорошую репутацію на прусской службѣ во время семилѣтней войны, но отличавшійся полнымъ непониманіемъ политики. На сѣверо-западѣ командовалъ Рошамбо, роялистъ, участвовавшій въ американской войнѣ. Нарбоннъ дѣлалъ все возможное, чтобъ увеличить боевую готовность этихъ армій, но Делессаръ и Моллевилль ставили ему всевозможныя затрудненія. Людовикъ даже уволилъ Нарбонна въ отставку, но когда онъ увидѣлъ, какъ неуменъ былъ этотъ шагъ, вызвавшій новое возбужденіе въ народѣ, онъ уволилъ и Бертрана де-Моллевилля.

Но это уже не помогло, потому что тутъ вмѣшалось національное собраніе и отдало подъ судъ министровъ Бертрана де-Моллевилля и Делессара. Этотъ случай далъ двору почувствовать, что такое краснорѣчіе Верньо. Вотъ что сказалъ тогда, между прочимъ, этотъ ораторъ, сумѣвшій воспламенить сердца своихъ слушателей. «Съ трибуны, на которой я теперь говорю, виденъ дворецъ, въ которомъ преступные совѣтники вводятъ въ заблужденіе и обманываютъ конституціоннаго короля. Отсюда видны окна замка, въ которомъ разрабатывается контръ-революція, гдѣ придумываютъ средства, при помощи которыхъ насъ можно было бы снова поработить. Въ прежнія времена часто исходилъ изъ этого замка терроръ во имя деспотизма. Пусть же сегодня терроръ во имя закона возвратится въ этотъ замокъ и потрясетъ сердца его обитателей. Пусть узнаютъ всѣ обитатели его, что наша конституція даруетъ неприкосновенность одному лишь королю!»

Съ большимъ трудомъ Бертрану де-Моллевиллю удалось оправдаться. Делессаръ же вскорѣ послѣ этого былъ преданъ орлеанскому государственному суду по обвиненію въ небрежномъ и недостойномъ исполненіи служебныхъ обязанностей.

Министерство санкюлотовъ.

Король послѣ этого увидѣлъ, что для того, чтобы ужиться съ собраніемъ, у него нѣтъ другого выхода, какъ составить министерство изъ жирондистовъ. Дворъ не былъ противъ этого, такъ какъ въ ограниченности своей онъ полагалъ, что административный талантъ представляетъ собой исключительно дворянскую привилегію, и былъ убѣжденъ, что буржуазное министерство можетъ только осрамиться.

Главой новаго правительства былъ генералъ Дюмурье. Онъ не принадлежалъ ни къ Жирондѣ, ни къ какой-либо другой партіи, но отличался блестящимъ умомъ, энергіей и пониманіемъ людей. Прошлое его было богато приключеніями. Въ качествѣ дипломата онъ превысилъ свои полномочія и за это долгое время просидѣлъ въ Бастиліи; какъ солдатъ, онъ сражался въ рядахъ поляковъ противъ Россіи. Онъ былъ солдатомъ и государственнымъ дѣятелемъ въ одно и то же время; какъ метеоръ, сверкнула эта блестящая личность, покрывъ себя грязнымъ позоромъ измѣны отечеству. Онъ льстилъ всѣмъ партіямъ; онѣ всѣ считали его своимъ, а онъ ихъ обманывалъ. Дюмурье получилъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ, а Роланъ де-ла-Платіеръ, мужъ г-жи Роланъ, честный, строгій, нѣсколько ограниченный и очень педантичный человѣкъ, поставленъ былъ во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ нимъ у кормила власти стала душа Жиронды г-жа Роланъ; Маратъ поэтому называлъ самого Ролана драгуномъ своей жены. Министерство финансовъ перешло къ женевцу Клавьеру, военное—къ Сервану, двумъ жирондистамъ, министерство юстиціи получилъ Дюрантонъ, а морское—Лакостъ.

Это правительство получило названіе министерства санкюлотовъ. Этимъ названіемъ аристократы хотѣли осмѣять какъ народный его характеръ, такъ и вліяніе г-жи Роланъ, подъ которымъ оно находилось. Тутъ произошло нѣчто неслыханное,—именно, министры явились къ королю не въ парадной одеждѣ, а въ обыкновенномъ гражданскомъ платьѣ, безъ парика и безъ пряжекъ на обуви. «*Ахъ, у васъ нѣтъ пряжекъ на обуви*»—замѣтилъ оберцеремоніймейстеръ, указывая на Ролана,—и Дюмурье, смѣясь, отвѣтилъ на это: «*Ахъ, сударь, все потеряно*»

Между тѣмъ Пруссія и Австрія 27 февраля 1792 года заключили между собою формальный договоръ, по которому Австрія должна была выставить 180.000 человѣкъ войска, а Пруссія 60.000, съ цѣлью возвращенія французскому королю его абсолютной власти. Вопросъ о будущемъ государственномъ строѣ Франціи предполагалось рѣшить на конгрессѣ. Когда это стало извѣстно, фельяны и жирондисты стали настаивать на объявленіи войны. Дворъ показывалъ, что онъ радъ войнѣ, да оно такъ и было, такъ какъ онъ ожидалъ отъ нея возстановленія абсолютной королевской власти. Робеспьеръ, которому и здѣсь нельзя отказать въ политической дальновидности, боялся измѣны Лафайета въ случаѣ войны и изо всѣхъ силъ боролся въ якобинскомъ клубѣ противъ нея. Жирондисты дали себя увлечь національнымъ воодушевленіемъ. Король дѣлалъ видъ, что его заставляютъ

согласиться на войну и въ глубинѣ души страстно желалъ ея. 20 апрѣля 1792 года Людовикъ XVI явился въ національное собраніе и предложилъ объявить войну Австріи; предложеніе это было съ бурнымъ одобреніемъ принято собраніемъ. Объявленіе войны было принято почти единогласно, и этимъ начался рядъ военныхъ кампаній, опустошавшихъ Европу почти цѣлую четверть вѣка.

Ни Австрія, ни Пруссія не были готовы къ войнѣ, но онѣ не считали этого важнымъ. Было извѣстно, что никто изъ командовавшихъ французскихъ генераловъ не отличался особой предпріимчивостью, и что общее состояніе французскаго войска было не блестящимъ. Въ Вѣнѣ и Берлинѣ вѣрили хвастливымъ эмигрантамъ. Говорили только о «большой военной прогулкѣ въ Парижъ», а генералъ и извѣстный духовидецъ фонъ Бишофсвердеръ въ Магдебургѣ полагалъ, что «*армія адвокатовъ* скоро будетъ разсѣяна». Одна важная дама въ Майнцѣ просила у эмигрантовъ подарить ей палецъ Петіона.

Въ Бельгіи стоялъ принцъ Саксенъ-Тешенскій съ австрійскимъ отрядомъ; Дюмурье, главное вниманіе котораго было направлено на Бельгію, рѣшилъ начать здѣсь военныя дѣйствія. Лафайетъ получилъ приказаніе выступить въ Бельгію; авангардъ его должны были составить два армейскихъ корпуса Рошамбо подъ начальствомъ Диллона и Бирона. Лафайетъ двинулся къ границѣ, чтобъ ударить на Намура; Диллонъ и Биронъ двинулись на Турнэ и Монсъ.

Неизвѣстно, овладѣла ли безпричинная паника непривыкшими къ битвамъ солдатами, или, что вѣроятнѣе, дѣло объясняется измѣной, но когда корпусъ генерала Бирона натолкнулся на австрійскіе отряды у Кьервена, по рядамъ французскихъ войскъ пронеслось еще до нападенія: «Измѣна!» Кавалерія устремилась въ бѣгство, привела въ замѣшательство весь корпусъ, и австрійцы безъ труда разсѣяли его. У Турнэ та же участь постигла отрядъ генерала Теобальда Диллона. И здѣсь кавалерія при дикомъ крикѣ: «Измѣна!» подала сигналъ къ безпорядочному бѣгству, причемъ собственныя войска обвинили Диллона въ измѣнѣ и убили его.

Нападеніе потерпѣло неудачу и Лафайетъ отступилъ назадъ. Рошамбо отказался отъ командованія и былъ замѣщенъ Люкнеромъ, вмѣсто котораго въ Эльзасѣ занялъ генералъ Кюстинъ.

Эти событія вызвали во Франціи, а особенно въ Парижѣ, необычайное возбужденіе. Всѣ громко и не безъ основанія говорили объ измѣнѣ. Правда, измѣнники еще не были извѣстны, но рука ихъ уже чувствовалась. Говорили объ «австрійскомъ комитетѣ», какъ часто называли дворъ; планъ этого комитета заключался будто бы въ призваніи австрійцевъ. Что такой планъ существовалъ, стоитъ внѣ всякого сомнѣнія; душой его считали королеву, бывшаго министра Бертрана де-Моллевилля и Монморена.

Приготовленія къ государственному перевороту были замѣтны и внѣшнимъ образомъ; кромѣ швейцарской стражи, королю разрѣшено было конституціей имѣть лейбъ-гвардію въ количествѣ не свыше 1.800 человѣкъ; теперь же число ея составляло шесть тысячъ. Командованіе этимъ отрядомъ принадлежало герцогу де-Бриссакъ, любовнику Дюбарри и извѣстному

абсолютисту. Поведеніе двора, ожидавшаго серьезнаго внѣшняго нападенія на Францію, было столь увѣренно, онъ такъ мало скрывалъ свои поползновенія, что, въ виду такой опасности для отечества, собраніе объявило себя перманентнымъ. Узнавъ объ увеличеніи численности лейбъ-гвардіи, оно распустило ее и предало герцога де-Бриссака орлеанскому государственному суду.

Въ этомъ критическомъ положеніи собраніе обнаружило много энергіи; это была лучшая пора жирондистовъ. Оно постановило, что священники, уклоняющіеся отъ присяги, въ виду проявленной ими дѣятельности, могутъ быть сосланы на каторгу за агитацію противъ конституціи. Затѣмъ, въ виду приближающагося празднованія годовщины взятія Бастиліи, постановлено было образовать возлѣ Парижа для защиты его лагерь на 20.000 человѣкъ «объединенныхъ» изъ провинціи. Собраніе полагало, что теперь національная гвардія не представляетъ уже достаточной защиты. Петіонъ уже раньше жаловался на высокомѣрное поведеніе нѣкоторыхъ богачей, называя ихъ «новыми аристократами». Рѣшено было открыть и рабочимъ доступъ въ національную гвардію и вооружить ихъ пиками, такъ какъ и жирондисты уже видѣли, что такой мѣрой можно будетъ держать въ рукахъ крупную буржуазію, болѣе или менѣе симпатизировавшую двору.

Но тутъ снова обнаружились недостатки конституціи, потому что король снова заявилъ свое вето какъ противъ декрета о священникахъ, уклоняющихся отъ присяги, такъ и противъ декрета о лагерѣ «объединенныхъ».

Съ тѣхъ поръ короля всѣ стали называть «господинъ veto», а королеву «мадамъ veto».

Общественное возбужденіе снова стало очень сильнымъ, и ожесточенная партійная борьба проникала даже въ среду правительства. Три жирондистскихъ министра находились въ рѣшительномъ антагонизмѣ со своими товарищами. Въ виду предстоящаго заграничнаго вмѣшательства въ его пользу, Людовикъ снова сталъ смѣлѣе и началъ подумывать о томъ, какъ бы отдѣлаться отъ трехъ неудобныхъ министровъ. Въ это-то время Роланъ обратился къ королю съ знаменитымъ письмомъ, которое, повидимому, сочинено было г-жею Роланъ; въ немъ король призывался къ отвѣту за неутвержденіе обоихъ декретовъ и къ нему предъявлялось требованіе *честно подчиниться конституціи*. Вся непослѣдовательность и неясность жирондистовъ обнаружилась въ этомъ письмѣ. Вѣдь король, прибѣгая къ вето, дѣйствовалъ согласно конституціи. Въ этомъ письмѣ надо было требовать отказа отъ права вето, и тогда это письмо было бы выразителемъ общественнаго мнѣнія.

Король былъ разгнѣванъ вольностью Ролана и совѣтовался съ Дюмурье, что ему сдѣлать. Дюмурье далъ хитрый совѣтъ: утвердить оба декрета и уволить трехъ министровъ жирондистовъ. Дѣйствительно, такимъ образомъ короля нельзя было бы упрекнуть въ томъ, что онъ уволилъ министровъ за ихъ политическія убѣжденія. Дюмурье бралъ на себя защиту этой мѣры передъ законодательнымъ собраніемъ. Роланъ, Клавьеръ и Сервanъ получили отставку, Дюмурье же получилъ постъ военнаго министра

для того, чтобы въ послѣдній моментъ лишить всякаго значенія проектъ лагеря «объединенныхъ».

Собраніе встрѣтило Дюмурье бурными выраженіями презрѣнія. Но этотъ удивительный человѣкъ совершенно не смутился. Ему кричали, что его отправятъ въ Орлеанъ (въ государственный судъ), а этотъ остроумный и ненадежный человѣкъ спокойно отвѣтилъ: «Хорошо! тамъ я буду купаться, пить молоко, отдыхать, и все это мнѣ очень нужно!».

Но тутъ Людовикъ нарушилъ обѣщаніе, данное имъ Дюмурье. Онъ не утвердилъ обоихъ упомянутыхъ декретовъ и такъ обозлилъ Дюмурье, что тотъ подалъ въ отставку и удалился въ армію.

Послѣ того, какъ Дюмурье подалъ въ отставку, Людовикъ въ бѣшенствѣ воскликнулъ: «Какъ, этотъ человѣкъ сперва склоняетъ меня уволить министровъ за то, что они хотѣли меня заставить утвердить декреты, а теперь онъ самъ требуетъ ихъ утвержденія!». Передъ кѣмъ онъ хотѣлъ этимъ оправдать себя въ томъ, что не сдержалъ слова: передъ собой или передъ другими?

Король снова призвалъ министровъ изъ среды фельянвъ. Эта партія все больше сближалась съ дворомъ, и глава ихъ Лафайетъ все болѣе и болѣе унижался, превращаясь постепенно въ простое орудіе двора. Этотъ несчастный человѣкъ, который, казалось, поклонялся конституціи, какъ фетишу, не выдержалъ бури событій. Рѣшенія его всегда были наименѣе умными изъ всѣхъ допустимыхъ въ каждомъ данномъ случаѣ. Онъ предоставилъ въ распоряженіе двора свою подпись на чистомъ бланкѣ, и вотъ собраніе 18 іюня получаетъ подписанное Лафайетомъ угрожающее письмо, въ которомъ подвергаются критикѣ дѣйствія собранія и содержатся угрозы военной силой. Ловкій адвокатъ, жирондистъ Гаде, на основаніи даты письма, доказалъ, что Лафайетъ, стоявшій тогда съ войсками на границѣ, не могъ написать этого письма и что, вѣроятно, онъ предоставилъ свою подпись въ чье-нибудь распоряженіе; такимъ образомъ, окончательно разсѣяно было впечатлѣніе, произведенное и безъ того неважно составленнымъ письмомъ.

Жирондисты, люди не желавшіе сойти съ точки зрѣнія парламентарной борьбы, не могли найти никакихъ средствъ для устраненія столь стѣснительнаго для нихъ вето. Можно было подумать, что въ вето они видятъ единственное препятствіе для осуществленія дѣла свободы, какъ они ее понимали. Тогда имъ пришла мысль напугать короля возможностью народнаго возмущенія и этимъ побудить его болѣе умѣренно пользоваться правомъ вето. Они постановили поднять для этого массу предмѣстій и дать имъ устроить демонстрацію. Предмѣстья, готовыя на все, обѣщали. Петіонъ долженъ былъ поддерживать демонстрацію своею бездѣятельностью и невмѣшательствомъ; агитаторы предмѣстій должны были поднять массы. Якобинцы и кордельеры мало или вовсе не участвовали въ этой демонстраціи, которую они справедливо считали безполезной и неумѣстной; только Сантерра и Лежандра удалось склонить къ участію. Демонстрація 20 іюня была дѣломъ жирондистовъ.

Господинъ Вето.

Въ предмѣстьяхъ готовились къ демонстраціи, назначенной на 20-е іюня. Была надежда, что въ ней примутъ участіе 40.000 человѣкъ; эта толпа должна была быть вооружена и должна была подать петиціи національному собранію, засѣдавшему въ кавалерійской школѣ, и королю. Жирондисты полагали, что этимъ они достигнутъ своей цѣли и что король послѣ этого умѣренно будетъ пользоваться своимъ правомъ вето. Предлогомъ для процессіи была годовщина клятвы въ домѣ городского собранія и посадка дерева свободы въ честь этого памятнаго дня.

Петіонъ согласился; было устроено нѣсколько предварительныхъ совѣщаній при участіи Сантерра, Манюэля, Сарра, Силлери и другихъ людей, но исключительно жирондистовъ. Въ то же время рабочіе предмѣстій просили разрѣшенія у муниципалитета явиться вооруженными; въ этомъ имъ было отказано. Чтобъ не быть отвѣтственнымъ въ случаѣ неудачи предпріятія, Петіонъ увѣдомилъ управленіе департамента о предстоящей демонстраціи и предложилъ, чтобы процессію сопровождала національная гвардія. Управленіе департамента отвергло это предложеніе и приказало мэру принять всѣ мѣры для предупрежденія незаконныхъ сборищъ. Но такъ какъ Петіонъ былъ на сторонѣ жирондистовъ и ничего не придринялъ, то демонстрація могла пройти совершенно безпрепятственно.

Рано утромъ 20-го іюня податели петиціи съ оружіемъ въ рукахъ собрались на площади Бастиліи. Ихъ было всего 1.500 человѣкъ, но лишь только шествіе тронулось, толпа возросла до 30.000. Въ толпѣ было много женщинъ и дѣтей, и во главѣ ея шелъ импровизированный оркестръ. Мужчины были вооружены ружьями, саблями, пиками и ножами; въ толпѣ можно было замѣтить и очень странное древнее вооруженіе. На многихъ флагахъ демонстрантовъ было написано: «Конституція или смерть», и это должно было выразить жирондистскую тенденцію демонстраціи, но въ сущности конституція вовсе не была нарушена тѣмъ вето, противъ котораго направлена была демонстрація. Были однако и такія надписи: «Долой вето!»—«Свобода или смерть!»—«Народъ усталъ отъ мукъ!». Къ одной жерди была привязана пара порванныхъ брюкъ съ надписью: «Да здравствуютъ санкюлоты!» Въ концѣ шествія шелъ человѣкъ, который несъ на пикѣ бычачье сердце съ надписью: «Сердце аристократовъ!». Этотъ символъ былъ направленъ противъ аристократовъ. Вызывающія знамена, которыми жирондисты хотѣли запугать, большею частью не достигли своей цѣли, потому что ихъ въ большинствѣ случаевъ не принимали въ серьезъ; зато они дали поводъ много и громко говорить противъ необузданности революціи. Долгое время вся Европа не переставала страстно обсуждать эту жердь съ порванными брюками и пику съ бычачьимъ сердцемъ, хотя оба эти значка не могли имѣть важнаго значенія.

Пивоваръ Сантерръ, мясникъ Лежандръ и маркизъ де-Сэнъ-Юрюгъ, опустившійся дворянинъ съ сомнительной репутаціей, повели массу къ

національному собранію. Ораторомъ долженъ былъ выступить бывшій нансійскій адвокатъ Гюгененъ, сказавшій однажды, что сердце революціонера должно быть, какъ набатный колоколъ. Петиція, которую предполагалось подать, была написана вполнѣ въ жирондистскомъ духѣ. Въ ней говорилось, между прочимъ: «неужели счастье свободнаго народа должно зависѣть отъ капризовъ короля и неужели воля короля должна чѣмъ-нибудь отличаться отъ воли закона?». Но Людовикъ XVI своимъ вето вѣдь только осуществлялъ свое законное право.

Гюгененъ сталъ у барьера законодательнаго собранія и потребовалъ угрожающимъ тономъ возвращенія уволенныхъ министровъ. Собраніе разрѣшило петиціонерамъ пройти черезъ залъ засѣданій. Верньо сказалъ: «Эти собравшіеся люди хорошо дѣлаютъ, что заботятся о будущемъ. Они показываютъ, что, несмотря на всѣ интриги противъ свободы, они всегда готовы защищать ее». Жирондисты полагали, что важнѣе всего констатировать эту именно готовность.

Шествіе черезъ залъ засѣданій продолжалось три часа и сопровождалось пѣніемъ извѣстной революціонной пѣсни «Ça ira». Затѣмъ шествіе двинулось по площади Каруселль къ Тюльери, чтобъ потребовать отъ короля утвержденія обоихъ декретовъ собранія. Если бы Людовикъ явился въ этотъ моментъ передъ народомъ, сказалъ бы что-нибудь вродѣ «да здравствуетъ конституція!», то вся жирондистская комедія имѣла бы не больше послѣдствій, чѣмъ какой-нибудь мыльный пузырь. Но онъ не появился, и масса потребовала доступа въ Тюльери. Муниципальные чиновники удалили стражу отъ входа, не желая, повидимому, бороться съ толпой. Здѣсь, конечно, ясно видна была рука Петіона. Масса проникла въ замокъ и нашла двери въ покои короля запертыми; она принялась топорами ломать двери, но Людовикъ понялъ уже, что демонстрація эта не носитъ опаснаго характера и что цѣль ея—побудить его только умѣреннѣе пользоваться правомъ вето. Онъ приказалъ открыть двери и народъ появился передъ нимъ. Ему пришлось, правда, выслушать не мало обидныхъ словъ, особенно отъ Лежандра, но онъ отнесся къ этому равнодушно. «Чего хотятъ отъ меня?», спросилъ Людовикъ, охраняемый нѣсколькими гренадерами національной гвардіи. Такъ какъ онъ зналъ, въ чемъ дѣло, то у него хватило мужества и теперь вторично отказаться отъ утвержденія обоихъ декретовъ. Поставили на столъ стулъ, и Людовикъ сѣлъ на него. Ему протянули на пикѣ красную шапку и у него хватило хитрости, чтобъ одѣть ее и сорвать этимъ выраженіе бурнаго восторга. Когда же рабочій предложилъ королю выпить изъ его бутылки и король такъ-таки выпилъ, то восторгъ сталъ безпредѣльнымъ. По адресу короля раздавались аплодисменты, и когда Лежандръ подошелъ съ требованіемъ утвердить декреты, то король твердымъ голосомъ отвѣтилъ: «Теперь не время и не мѣсто требовать отъ меня этого». Добродушный народъ привѣтствуетъ короля въ красной шапкѣ, и начинается скорѣе комическая игра въ вопросы-отвѣты между народомъ и королемъ, не носившая серьезнаго характера и продолжавшаяся до половины пятаго; въ это время является мэръ Петіонъ и требуетъ отъ народа, чтобъ онъ разошелся; народъ немедленно повинуется.

Въ общемъ приходится сказать, что жирондистская демонстрація потерпѣла позорную неудачу, потому что теперь уже нечего было и думать объ утвержденіи обоихъ декретовъ. Дворъ увидѣлъ, какъ слабы и нерѣшительны страшные для него до тѣхъ поръ жирондисты и что подъ ихъ вліяніемъ народъ шелъ на всякую комедію. 20 іюня имѣло почти такое же послѣдствіе, какое имѣло бы неудавшееся возстаніе, и авторитетъ короля возросъ, благодаря поведенію его, которое съ внѣшней стороны было весьма рѣшительнымъ. Съ другой стороны, почтенное мѣщанство было испугано смѣшными шествіями предмѣстій, готово было снова броситься въ объятія двора. Король получилъ адреса съ выраженіемъ преданности, и они были покрыты многими тысячами подписей.

Когда вооруженные рабочіе удалились съ предмѣстья, фельяны снова стали смѣлѣе. Лафайетъ рѣшился дѣйствовать. Этотъ странный человѣкъ не вѣрилъ, что онъ уже совсѣмъ утратилъ свою популярность. Не взирая на то, что онъ стоялъ передъ непріятелемъ, онъ рѣшилъ поѣхать въ Парижъ и призвать къ отвѣту законодательное собраніе. Онъ надѣялся произвести впечатлѣніе на собраніе своей воинственностью. Но очень скоро ему пришлось увидѣть, какъ онъ обманулся; собраніе отнеслось къ нему, какъ къ просителю, и для того, чтобы присутствовать въ засѣданіи, ему пришлось занять и мѣсто просителя. Съ уничтожающей насмѣшкой Гаде поставилъ вопросъ, ужъ не разбиты ли австрійцы, разъ Лафайетъ нашелъ возможнымъ сюда явиться. Лафайетъ требовалъ преслѣдованія зачинщиковъ 20 іюня, закрытія якобинскаго клуба и обезпеченія конституціи отъ насилій.

Собраніе передало предложенія Лафайета въ петиціонную комиссію и такимъ образомъ окончательно пристыдило «героя двухъ странъ свѣта». Но у него была потребность опозорить себя еще больше. Онъ предложилъ двору свои услуги, и тотъ же человѣкъ, который когда-то держалъ короля подъ стражей и преслѣдовалъ его во время бѣгства въ Варенн, готовъ былъ увезти короля въ какой-нибудь другой городъ и оттуда вмѣстѣ съ нимъ бороться противъ законодательнаго собранія. Но дворъ, ожидавшій помощи отъ Австріи и Пруссіи, рѣзко отклонилъ предложенія Лафайета, не желая обязываться ему. Тогда Лафайетъ задумалъ собрать буржуазію, входившую въ составъ національной гвардіи, напасть на якобинцевъ, разогнать ихъ и замуровать ихъ залъ. Но ему не удалось достать даже тридцати человѣкъ національной гвардіи. Теперь только «герой двухъ странъ свѣта» понялъ, что онъ достаточно осрамился, и возвратился опозореннымъ въ армію.

Отечество въ опасности.

Хотя Франція объявила войну одной только Австріи, однако и Пруссія приняла участіе въ выступленіи противъ демократической Франціи. Она стянула войска къ французской границѣ, и Фридрихъ Вильгельмъ II возвѣстилъ въ манифестѣ, что онъ беретъ за оружіе для защиты интересовъ германскаго государства, для подавленія «анархіи и броженія умовъ» во Франціи и для возстановленія монархической власти. Одновременно тамъ

указывалось на то, что Людовикъ XVI призналъ конституцію противъ воли и не искренне.

Это нападеніе иностранной державы, очевидно находящейся въ союзѣ съ дворомъ, вызвало во всей Франціи неописуемое возбужденіе. Въ Тюльери высчитывали, когда прибудутъ пруссаки, и народъ французскій видѣлъ, что всѣ завоеванія революціи въ опасности. Буржуазія боялась возстановленія прежняго деспотическаго образа правленія, крестьяне—возстановленія прежнихъ феодальныхъ тяготъ, осуждавшихъ ихъ на непрерывную голодовку. Весь народъ болѣзненно затрепеталъ отъ возбужденія и преисполнился невыразимымъ озлобленіемъ противъ двора, который, всѣ чувствовали это, призвалъ иноземныя войска противъ революціи. Теперь никого уже не интересовало то, что король не утвердилъ постановленія объ образованіи возлѣ Парижа лагеря 20.000 «объединенныхъ». Изъ провинцій, особенно изъ тѣхъ, гдѣ жирондисты были сильны, стали притекать массы народа и записывались въ списки. «Объединенными» называли всѣхъ, кто вооруженнымъ пришелъ въ Парижъ изъ провинціи. Собственно говоря, ихъ движеніе въ Парижъ было уже возстаніемъ. Особенно прославились «объединенные» Бретани и Марсели; марсельцы принесли съ собою прекрасную революціонную пѣсню, сочиненную инженернымъ офицеромъ Руже де-Лилемъ и ставшую съ тѣхъ поръ извѣстной подъ именемъ *Марсельезы*. Существуетъ преданіе, что Руже де-Лиль въ одну ночь, исполненный патріотическаго воодушевленія, написалъ въ Страсбургѣ и текстъ и мотивъ, воспользовавшись для послѣдняго нѣмецкимъ церковнымъ мотивомъ. Въ первый разъ онъ пропѣлъ ее въ семьѣ тогдашняго мэра Зитриха и увлекъ всѣхъ слушателей. Когда въ Страсбургѣ впервые нѣсколько сотъ добровольцевъ пропѣли эту пѣсню хоромъ, воодушевленіе, вызванное ею, было страшно велико. Эта бурная побѣдная пѣсня скоро зазвучала по всей Франціи, увлекая повсюду массы съ одинаковой силой и провожая республиканскіе отряды въ бой.

Послѣ неудачи 20 іюня собраніе выступило съ новой энергіей. Оно поняло, что разъ дѣло идетъ о наступленіи врага, вступившаго въ союзъ съ дворомъ, то уже не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы считаться съ вето короля. Верньо и Бриссо необычайно рѣзко напали на дворъ, и дѣйствіе ихъ рѣчей смѣло можно сравнить съ дѣйствіемъ пушечныхъ выстрѣловъ, направленныхъ на Тюльери. «Король, ты думалъ, что взрослыхъ людей можно успокоить клятвами такъ, какъ успокаиваютъ дѣтей игрушками, ты выставилъ себя въ такомъ свѣтѣ, какъ будто законъ для тебя святъ, а въ то же время ты заботился о сохраненіи своей власти для того, чтобы нарушать законъ; ты притворился преданнымъ конституціи только для того, чтобъ сохранить за собой возможность уничтожить ее... Если благородство французскаго народа не произвело на тебя никакого впечатлѣнія, если у тебя нѣтъ другихъ чувствъ, кромѣ любви къ деспотизму, то ты не имѣешь уже никакого значенія для конституціи, которую ты такъ преступно нарушилъ, не имѣешь значенія для народа, который ты предалъ».

Бриссо пошелъ еще дальше и прямо призывалъ къ возстанію. «Вамъ говорятъ,—сказалъ онъ,—бойтесь королей венгерскаго и прусскаго. Я же

говорю вамъ: главныя силы врага это—дворъ, и тамъ онѣ прежде всего должны быть разбиты. Вамъ говорятъ: поразите упорныхъ священниковъ, я же говорю вамъ: поразите Тюльери, и вы тѣмъ же ударомъ поразите и священниковъ. Вамъ говорятъ: преслѣдуйте всѣхъ смутьяновъ бунтовщиковъ, заговорщиковъ, я же вамъ говорю: всѣ они сами собою разсѣются, когда вы выступите противъ кабинета въ Тюльери. Этотъ кабинетъ представляетъ собой центральный пунктъ, къ которому сходятся всѣ нити, гдѣ задумываются всѣ интриги. Кабинетъ этотъ играетъ народомъ, какъ мячикомъ. Въ этомъ вся суть нашего положенія, источникъ всѣхъ бѣдъ, тотъ пунктъ, который нужно измѣнить».

Собраніе постановило, что оно вправѣ объявить *отечество въ опасности*, въ случаѣ, если положеніе станетъ очень критическимъ. Объявленіе это будетъ возвѣщено сигнальными выстрѣлами. Съ этого момента всѣ общинныя власти и управленія департаментовъ становятся перманентными; всѣ способные носить оружіе должны вступить въ національную гвардію; все оружіе должно быть роздано. Возмущеніе или попытка къ нему съ этого момента наказывается смертью, а ношеніе другихъ значковъ, кромѣ трехцвѣтнаго-національнаго, считается уже возмущеніемъ.

Этимъ конечно было ограничено королевское вето, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлался неизбѣжнымъ глубокій и рѣзкій конфликтъ между королевской, властью и народнымъ представительствомъ.

Однако еще до этого конфликта въ собраніи разыгралась одна замѣчательная сцена. Ламуреттъ, епископъ ліонскій и конституціоналистъ по убѣжденіямъ, произнесъ сантиментальную рѣчь о примиреніи партій, которое, конечно, при данныхъ обстоятельствахъ было совершенно невозможно. Но собраніе на моментъ поддалось дѣйствію его рѣчи, и имъ овладѣло нѣчто вродѣ примирительнаго ослѣпленія. Начались объятія; конституціоналисты, жирондисты, якобинцы, казалось, братски примирились, и когда король явился въ собраніе, его приняли съ энтузіазмомъ. Эту трогательную сцену, происшедшую 7 іюля 1792 года, называли потомъ насмѣшливо «примирительнымъ поцѣлуемъ Ламуретта». Не прошло и двухъ дней, какъ сила событій уже не оставила и слѣда отъ этой сцены, которая въ якобинскомъ клубѣ была названа поцѣлуемъ Іуды.

Приближеніе пруссаковъ придало двору смѣлость, и онъ теперь менѣе всего склоненъ былъ къ примиренію. Немедленно послѣ примительнаго поцѣлуя Петіонъ былъ устраненъ отъ должности за то, что не предупредилъ демонстраціи 20 іюня. Но народъ рѣшился воспротивиться этому. Всюду стали бурно требовать возвращенія Петіона, и по улицамъ раздавался дикій кличъ: «Петіона или смерть!», ставшій въ эти дни паролемъ революціоннаго Парижа. Собраніе, не долго думая, вновь назначило Петіона на прежнюю должность. Дворъ нѣсколько испугался при видѣ такой рѣшимости и не могъ принять опредѣленнаго рѣшенія. Въ это время, 11 іюля, получилось извѣстіе о наступленіи пруссаковъ, и собраніе дѣйствительно объявило отечество въ опасности; эта мѣра изолировала и парализовала дворъ. Якобинцы немедленно же воспользовались этимъ и выступили съ требованіемъ смѣстить короля; первое предложеніе этого рода было сдѣлано Марселемъ.

Тогда Лафайетъ вновь предложилъ двору свои услуги. Ему удалось склонить безхарактернаго маршала Люкнера на свою сторону, чтобъ увезти короля въ Компьень. Оттуда, предполагалось, Людовикъ уѣдетъ за границу и приметъ мѣры противъ якобинцевъ. Лафайетъ, какъ онъ говорилъ, надѣялся на честность короля и полагалъ, что послѣдній сохранитъ всѣ новыя учрежденія. Такое довѣріе было очень неумѣстно въ такой моментъ, когда король успѣлъ уже поднять иностранныя державы для уничтоженія конституціи, на вѣрность которой онъ присягалъ. Людовикъ отвѣтилъ генералу фельяновъ презрительной насмѣшкой и поручилъ передать ему, чтобъ онъ лучше и впредь служилъ «вороньимъ пугаломъ» у революціонеровъ и старательно исполнялъ свое «генеральское ремесло». Повидимому, эта насмѣшка даже не оскорбила особенно чувствительно Лафайета.

14 іюля праздновали годовщину взятія Бастиліи, но при совсѣмъ другихъ обстоятельствахъ, чѣмъ два года тому назадъ; не было стройнаго шествія на Марсово поле; все перемѣшалось. 83-мя палатками были представлены департаменты Франціи; возлѣ алтаря отечества возвышалось высокое дерево, увѣшанное символическими изображеніями феодализма; дерево это предполагалось сжечь. Король, холодно встрѣченный народомъ, снова принесъ одну изъ своихъ клятвъ. Въ этотъ день онъ уже имѣлъ на себѣ панцырь. Отъ предложенія зажечь дерево феодализма онъ уклонился, сказавъ: «Феодализма уже не существуетъ!». Послѣ этого національная гвардія проводила его домой. Народъ самъ зажегъ дерево феодализма и демонстративно кричалъ: «*Да здравствуетъ народъ и мэръ Петіонъ*» или «*Петіона или смерть*».

Такимъ образомъ, праздникъ объединенія не смягчилъ конфликта, какъ надѣялись нѣкоторые глупцы. Натянутость отношеній между королемъ, собраніемъ и народомъ достигла максимума. Уже нерѣдко можно было слышать открытыя заявленія, что борьба неизбѣжна, и всѣ готовились къ бою.

Взятіе Тюльери.

10 августа 1792 года Парижское населеніе приступомъ взяло Тюльери и свергнуло династію Бурбоновъ, такъ долго господствовавшую надъ Франціей. Людовикъ XVI поплатился при этомъ за свою собственную вину и за вину своихъ предшественниковъ.

Кто былъ героемъ этого дня?

«Объединенные» и революціонеры—рабочіе изъ предмѣстій Парижа!

Конечно! Но не меньшую роль сыгралъ и такъ называемый *брауншвейгскій* манифестъ, появившійся какъ разъ въ этотъ критическій моментъ.

Прусская армія, которая должна была вторгнуться во Францію, стояла подъ начальствомъ Карла Вильгельма Фердинанда, герцога Брауншвейгскаго. Герцогъ этотъ нашелъ нужнымъ предупредить о своемъ вторженіи манифестомъ. Людовикъ XVI прислалъ ему проектъ манифеста черезъ довѣреннаго своего Малле дю-Пана. Но графъ д'Артуа нашелъ, что проектъ

составленъ въ слишкомъ мягкихъ выраженіяхъ; ему хотѣлось наполнить его угрозами. Онъ приказалъ одному эмигранту написать проектъ манифеста въ его вкусѣ, и въ немъ французамъ преподнесены были дѣтскія нравоученія и ужасныя угрозы. Герцогъ Брауншвейгскій почти ничего не измѣнилъ въ этомъ проектѣ и издалъ его въ видѣ манифеста 25 іюля 1792 года.

Именемъ императора австрійскаго и короля прусскаго герцогъ Брауншвейгскій возвѣщалъ въ этомъ манифестѣ, что онъ намѣренъ положить конецъ анархіи внутри Франціи, остановить нападки противъ трона и алтаря, возстановить законную власть, вернуть королю свободу и безопасность, которой онъ лишенъ теперь, и упрочить законную власть его. Затѣмъ въ немъ говорилось слѣдующее: «Жители городовъ, мѣстечекъ и деревень, которые *осмѣлятся* защищаться противъ войскъ его императорскаго и его королевскаго величествъ и будутъ стрѣлять въ нихъ, будутъ тутъ же *наказаны* по всей строгости военно-полевого суда, дома же ихъ будутъ *снесены* или *сожжены*».. «Городу Парижу и всѣмъ жителямъ его безъ различія предлагается немедленно и безъ всякаго отлагательства подчиниться своему королю. Его императорское и королевское величества возлагаютъ, подъ страхомъ *смертной казни по военному суду и безъ всякаго снисхожденія*, отвѣтственность за все, что произойдетъ, на всѣхъ чиновниковъ. Кромѣ того, ихъ величества ручаются своимъ императорскимъ и королевскимъ словомъ, что они *примѣра ради отомстятъ Парижу такъ, что онъ этого никогда не забудетъ;* они предадутъ его *военной экзекуціи* и *полному уничтоженію;* виновные зачинщики понесутъ заслуженное наказаніе, если замокъ Тюльери подвергнется какому-либудь нападенію, если королевскимъ величествамъ Франціи будетъ причинена малѣйшая несправедливость, или если *немедленно* не будутъ приняты мѣры, гарантирующія имъ полную свободу и безопасность... Съ другой стороны, если жители Парижа быстро и точно исполнятъ вышеприведенныя требованія, то его императорское и его королевское величества обѣщаютъ имъ заступничество передъ его христіаннѣйшимъ величествомъ, съ цѣлью добиться для нихъ *прощенія* за ихъ *проступки и заблужденія*. Наконецъ, ихъ величества считаютъ *законами* только тѣ законы, которые изданы *королемъ* Франціи въ то время, когда свобода его ничѣмъ не была ограничена».

Этотъ безпримѣрный манифестъ произвелъ во Франціи ошеломляющее впечатлѣніе. Въ виду угрожающаго позора весь народъ поднялся, какъ разъяренный левъ. Парижъ, куда стекались «объединенные» изъ всѣхъ провинцій, напоминалъ собой разбушевавшееся море. И среди этого бурнаго океана, въ Тюльери, сидѣлъ дворъ съ королемъ, относительно котораго было хорошо извѣстно, что онъ въ заговорѣ съ наступающимъ врагомъ. Океанъ этотъ неизбѣжно долженъ былъ поглотить дворъ, и къ этому случаю больше, чѣмъ къ какому-нибудь другому, подходятъ слова, сказанныя Гете Эккерману: «виновникомъ великихъ революцій никогда не является народъ, а всегда правительство».

Французскій народъ снова увидѣлъ, что завоеваніямъ революціи грозитъ опасность. Если же эмигранты и союзники ихъ надѣялись, что па-

рижское населеніе испугается страшныхъ угрозъ манифеста, то этимъ они только показали, какъ мало они знали народъ. Онъ обнаружилъ такое воорушевленіе и такую революціонную энергію, какой за нимъ до сихъ поръ еще не знали. Дворъ грозилъ государственнымъ переворотомъ, врагу противопоставлены были слабыя силы подъ начальствомъ ненадежныхъ генераловъ, и при такомъ ужасномъ критическомъ положеніи Парижъ собственными силами спасъ завоеванія великой революціи.

Сантерръ, вліятельный агитаторъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, находился, повидимому, въ тайныхъ сношеніяхъ съ дворомъ; онъ увѣрялъ, что король готовилъ государственный переворотъ на 12-ое августа, но что онъ, Сантерръ, отговорилъ его. Онъ слышалъ будто бы, что королева сказала королю: «Ваше Величество, Вы подверглись оскорбленію и брани, за это надо отомстить, и *все уже готово*». Возможно, что эта связь съ дворомъ и была причиной того, что Сантерръ 10-го августа дѣйствовалъ нерѣшительно.

Въ это время дворъ очень старался при помощи подкуповъ завербовать себѣ сторонниковъ, потому что немногіе дворяне, такъ называемые рыцари кинжала (они всегда носили кинжалы), преданные ему изъ убѣжденія, ничего не могли сдѣлать. Изъ со[illegible]ъ національной гвардіи и босяковъ они образовали клубъ и тратили [illegible]го ежедневно 10.000 франковъ. Другой роялистскій клубъ былъ основа[illegible]нѣкіемъ Льетаномъ. Но оба клуба не имѣли никакого значенія, потому что на этотъ разъ противъ двора поднялся дѣйствительно весь народъ, за исключеніемъ дворянства и священниковъ, уклонявшихся отъ присяги.

Буржуазное общество увидѣло, что манифестъ герцога Брауншвейгскаго грозитъ конституціи, бывшей для него идоломъ и гарантировавшей ему его собственность и личную свободу. Оно разъярилось и обратилось противъ двора, призвавшаго пруссаковъ. Представителями этого класса выступили жирондисты, провозгласивъ своимъ паролемъ смѣщеніе короля. Это стало открытымъ требованіемъ во всей странѣ, но громче всего оно звучало тамъ, гдѣ жирондисты имѣли вліяніе.

Мелкая и средняя буржуазія, равно какъ и сельское населеніе, со страхомъ ожидали вторженія пруссаковъ. Горожане опасались за звою недавно завоеванную независимость. Не успѣли они отдохнуть отъ невзгодъ стараго порядка, какъ пруссаки хотѣли уже возстановить его. И они восторженно встрѣчали кличъ жирондистовъ: «Пойдемъ ко дворцу».

Но больше всего энергіи обнаружили собравшіеся въ Парижѣ «объединенные», а также рабочіе предмѣстій. «Объединенные» изъ Марселя были размѣщены въ зданіи кордельеровъ. Ихъ удалось склонить въ пользу переворота, и они были готовы на все. По настоянію Дантона ихъ щедро угощали, а 30 іюля имъ задали пиръ; такъ какъ дворъ въ тотъ же день устроилъ пиръ для преданной ему части національной гвардіи, то не обошлось безъ кровавой битвы, по которой можно было судить уже объ ожесточенности предстоящей борьбы.

Рабочіе предмѣстій тоже были на все готовы. Они жили въ нищетѣ и страшно страдали отъ недостатка провіанта въ Парижѣ. Имъ платили ассигнатами, курсъ которыхъ и тогда уже стоялъ очень низко, между тѣмъ какъ цѣны на товары быстро росли. Къ конституціи они были довольно равнодушны, потому что она не принесла имъ значительнаго облегченія ихъ участи. Мы уже читали ихъ жалобы въ письмѣ къ Марату. Когда они требовали повышенія заработной платы, органы высшей буржуазіи сурово отказывали имъ. Многочисленные столкновенія и безпорядки въ предмѣстьяхъ стоятъ въ тѣсной связи съ обостреніемъ и ослабленіемъ голодной нужды въ Парижѣ. Эти рабочіе прекрасно знали, что плоды революціи достались другимъ. Они ненавидѣли буржуазію не меньше, чѣмъ дворянъ и духовенство, но это, конечно, не уменьшало ихъ ненависти ко двору. Инстинктивно они чувствовали въ конституціи прогрессъ, несмотря на то, что никакихъ прямыхъ выгодъ она имъ не доставила. При такой нуждѣ они не могли ждать пароля, и уже 26 іюля въ предмѣстьяхъ была попытка къ возстанію. Цѣлью его было взятіе въ плѣнъ короля и отправка его въ Венсеннъ. Но Петіонъ подавилъ это возстаніе для того, чтобы предотвратить пораженіе.

Якобинцы и кордельеры, видѣвшіе, что 20-го іюня жирондисты сумѣли воспользоваться массами населенія предмѣстій только для пустой демонстраціи, рѣшили устроить организованное возстаніе всегда готовыхъ къ этому рабочихъ изъ предмѣстій. Къ этому якобинцы и кордельеры были вынуждены приближеніемъ пруссаковъ и приготовленіями двора. Можно было видѣть, что въ Тюльери готовятся къ бою, что швейцарская гвардія и буржуазные батальоны національной гвардіи тоже снаряжаются для того, чтобы, съ одной стороны, рѣшительно выступить противъ возстанія, а съ другой, напасть на клубы и законодательное собраніе, когда подступятъ пруссаки. Единственной надежной защитницей двора въ Парижѣ была швейцарская гвардія. Эти республиканцы служили чужой монархіи за деньги, они боролись и умирали за дворъ. Въ чужой странѣ они помогали защищать деспотизмъ съ такой же храбростью, съ какой ихъ предки защищали свободу въ Швейцаріи. Роль эта была трагична, но не благородна.

Возстаніе было организовано якобинцами и кордельерами, между тѣмъ какъ жирондисты только заботились о томъ, чтобы сохранить свободу дѣйствій. Энергичнѣйшіе же изъ нихъ, напр., молодой и горячій Барбару изъ Марселя, Луве, Карра и др., пошли рука объ руку съ якобинцами. Кордельеры служили связью съ рабочими предмѣстій. Былъ избранъ инсуррекціонный комитетъ, назначившій возстаніе на 10 августа, чтобы предупредить угрожавшее нападеніе двора. Руководителемъ всего дѣла выступаетъ Дантонъ, проявившій необыкновенную дѣятельность и рѣдкую энергію. Казалось, что былъ не одинъ, а нѣсколько Дантоновъ. Его громовой голосъ раздавался и въ клубахъ, и на улицахъ; его могучая фигура съ повелительнымъ лицомъ возвышалась надъ толпами народа въ предмѣстьяхъ. Если онъ дѣйствительно былъ подкупленъ дворомъ, то его необузданная революціонная дѣятельность въ эти дни несомнѣнно была не въ интересахъ двора.

Итакъ, дворъ и народъ въ боевой готовности стояли другъ противъ друга, и столкновеніе стало неизбѣжнымъ.

Жирондисты думали, что имъ удастся разрѣшить кризисъ однимъ постановленіемъ законодательнаго собранія. 3-го августа Петіонъ предсталъ передъ собраніемъ съ петиціей генеральнаго совѣта парижскихъ коммунъ, въ которой коммуны обвиняли короля въ участіи въ заговорѣ и требовали низложенія его. Въ угрожающихъ обращеніяхъ къ законодательному собранію секціи требовали, чтобы король былъ преданъ суду за свои контръреволюціонныя попытки. Депутаціи смѣнялись депутаціями, и всѣ они въ одинъ голосъ требовали низложенія короля.

Жирондисты продолжали колебаться; были даже признаки того, что нѣкоторые изъ нихъ не устояли передъ подкупами двора. Отъ рѣшительнаго шага они, однако, уклониться не могли, и обсужденіе вопроса о низложеніи короля было назначено на 9-ое августа.

Черезъ Колло д'Эбруа, человѣка очень энергичнаго, якобинцы потребовали отъ собранія, чтобъ Лафайетъ былъ преданъ суду. Безхарактерный старый Люкнеръ позволилъ выпытать себя и, такимъ образомъ, выдалъ, что Лафайетъ хотѣлъ склонить его къ нападенію на собраніе. 8-го августа собраніе обсуждало это дѣло и большинствомъ 446 противъ 224 оправдало Лафайета. Народное возбужденіе усилилось, многіе изъ депутатовъ, голосовавшихъ за Лафайета, были осыпаны бранью и угрозами, а нѣкоторые подверглись даже побоямъ. Портретъ Лафайета былъ сожженъ народомъ, а медаль, которую отчеканилъ для него городъ Парижъ, была впослѣдствіи, по предложенію Дантона, сломана палачемъ.

9 августа началось обсужденіе вопроса о низложеніи. Конституціоналисты требовали, чтобы «объединенные» удалились изъ Парижа. Разныя извѣстія возвѣщали близость бури; народъ былъ до крайности возбужденъ. 35-я секція поручила передать собранію, что если въ полночь король не будетъ смѣщенъ, то оно услышитъ набатъ. Всѣ остальныя секціи, кромѣ одной, присоединились къ этому заявленію. Собраніе вызвало мэра и управляющаго департаментомъ, и оба они заявили, что они ничего не могутъ сдѣлать. Собраніе прекратило свое засѣданіе, не принявъ никакого рѣшенія.

Случилось, конечно, то, чѣмъ грозили секціи.

Въ полночь зазвучалъ набатъ: «объединенные» взялись за оружіе, и предмѣстья возстали. Барабанъ зазвучалъ на улицахъ, и длинныя боевыя колонны начали выстраиваться. Дантонъ, Камиллъ, Демуленъ, Шабо, Барбару работали надъ тѣмъ, чтобы побудить массы къ возстанію. Въ эту ночь въ буйномъ клубѣ кордельеровъ предсѣдательствовалъ Дантонъ. Въ полночь онъ велѣлъ ударить въ набатъ и выстрѣлилъ на площади Каруссель изъ пистолета. Затѣмъ онъ явился къ марсельцамъ, размѣстившимся въ зданіи Кордельеровъ, и вдохновенной рѣчью воодушевлялъ ихъ къ бою. Марсельцы выразили ему сочувствіе, вышли на улицу, и марсельеза, побѣдная пѣсня революціи, зазвучала на улицахъ, вдохновляя массы и увлекая ихъ за собой.

Командованіе возставшими было поручено эльзасцу Вестерману, бывшему прусскому унтеръ-офицеру, находившемуся въ дружескихъ отношеніяхъ съ Дантономъ. Этотъ талантливый солдатъ выстраивалъ свои колонны, какъ состарившійся въ бояхъ генералъ. Сантерръ колебался, и говорятъ,

что Вестерманъ даже занесъ надъ нимъ шпагу, чтобъ заставить его дать знакъ Сентъ-Антуанскому предмѣстью къ возстанію.

Въ это время въ городской ратушѣ тоже произошелъ революціонный актъ; прежняя парижская коммуна была низвергнута. Гугененъ появился въ ратушѣ во главѣ секцій; мандатъ коммуны былъ объявленъ истекшимъ, и была избрана новая коммуна, состоявшая изъ самыхъ рѣшительныхъ революціонеровъ. Гугененъ былъ назначенъ президентомъ; возстаніе, такимъ образомъ, получило во главѣ одного изъ своихъ учрежденій должностное лицо, немедленно обнаружившее энергичную дѣятельность.

Въ тотъ моментъ, когда зазвучалъ набатъ, Петіонъ находился въ Тюльери, и роялисты хотѣли задержать его въ качествѣ заложника. Собраніе узнало о критическомъ положеніи, въ которомъ онъ находится, и декретомъ потребовало его къ себѣ. Тогда Петіона выпустили изъ Тюльери, заставивъ его предварительно дать письменное приказаніе новому командиру національной гвардіи, бывшему гвардейскому капитану Манда, въ случаѣ насильственнаго нападенія отразить его силой.

Конституціоналистъ Манда взялся за дѣло вмѣстѣ съ командиромъ швейцарцевъ де-Майярдоцомъ. Они имѣли въ своемъ распоряженіи нѣсколько больше 1.000 гвардейцевъ-швейцарцевъ и нѣсколько батальоновъ національной гвардіи; относительно послѣдней не было извѣстно, насколько она будетъ надежна при защитѣ Тюльери. Кромѣ того, въ Тюльери было еще 120 дворянъ, вооруженныхъ шпагами и пистолетами. Манда сдѣлалъ всѣ приготовленія къ упорному сопротивленію.

Гугененъ приказалъ взять мэра Петіона подъ стражу, чтобъ снять съ него такимъ образомъ всякую отвѣтственность. Въ пять часовъ утра Манда потребовали въ ратушу. Онъ сперва не хотѣлъ, но департаментскій секретарь Редереръ, сыгравшій въ тотъ день столь удивительную роль, убѣдилъ его пойти. Манда пошелъ. Прибывъ въ ратушу, онъ увидѣлъ, что тамъ все новыя лица, и скоро онъ нашелъ среди нихъ своихъ политическихъ противниковъ. Ему былъ поставленъ вопросъ, почему онъ приготовился къ оборонѣ. Онъ сослался на приказаніе Петіона, но отказался предъявить его. Въ то время, какъ его обыскивали, коммунѣ было представлено составленное приказаніе батальоннымъ командирамъ національной гвардіи напасть съ тыла на двигающіяся къ Тюльери колонны возставшихъ.

Теперь Манда погибъ. Гугененъ объявилъ его арестованнымъ и приказалъ отвести его въ тюрьму аббатства. Говорятъ, что Гугененъ сдѣлалъ при этомъ горизонтальное движеніе рукой. На лѣстницѣ ратуши Манда былъ убитъ выстрѣломъ изъ пистолета.

Отсутствіе коменданта вызвало замѣшательство въ Тюльери; національная гвардія, которая должна была помогать при защитѣ двора, была недовольна тѣмъ, что она должна сражаться въ однихъ рядахъ съ ненавистными дворянами. Редереръ предлагалъ удалить дворянъ, но король и королева не хотѣли согласиться на это.

Въ пять часовъ утра король рѣшилъ сдѣлать смотръ своимъ защитникамъ, но онъ совсѣмъ не былъ пригоденъ для этого: у него былъ невоинственный и неловкій видъ. Только два батальона національной гвардіи изъ

кварталовъ, населенныхъ крупной буржуазіей, обнаружили готовность сражаться за короля; остальные же батальоны открыто выражали свое сочувствіе возстанію. Раздавались возгласы: «Да здравствуетъ народъ!» и «Долой вето!». Канониры вынимали заряды изъ пушекъ.

Блѣдный и перепуганный вернулся король со смотра. Теперь онъ видѣлъ, что дѣло его потеряно. Онъ совѣщался со своими министрами о томъ, что ему дѣлать, а въ это время членъ муниципалитета уже явился съ извѣстіемъ, что колонны возставшихъ подступили. Они взломали цейхгаузъ и вооружились. Это были 15.000 человѣкъ изъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья и 5.000 человѣкъ изъ Сенъ-Марсо. У нихъ были также пушки. Впереди шли марсельцы и бретонскіе «объединенные» подъ начальствомъ Вестермана.

Когда дворъ увидѣлъ наступавшій народъ, онъ совсѣмъ потерялъ присутствіе духа. Только что Людовикъ не нашелъ даже нужнымъ отвѣтить что-нибудь на совѣтъ Редерера отдать себя подъ защиту законодательнаго собранія,—теперь же одинъ изъ министровъ спросилъ: «чего жъ имъ надо?» и одинъ муниципальный чиновникъ отвѣтилъ: «низложенія!»—«А послѣ низложенія?» спросила королева. Чиновникъ молча ей поклонился. Редереръ повторилъ свой совѣтъ отправиться въ законодательное собраніе. «*Я скорѣе дамъ пригвоздить себя къ стѣнѣ*»—отвѣтила королева. «Вы, слѣдовательно, берете на себя отвѣтственность за жизнь короля, вашу жизнь, жизнь дѣтей вашихъ и вашихъ защитниковъ?»—сказалъ Редереръ Маріи-Антуанеттѣ.

Эти слова побудили короля покинуть Тюльери и отправиться въ законодательное собраніе. 200 швейцарцевъ и 300 человѣкъ національной гвардіи сопровождали его. Пришлось пройти черезъ большую толпу, собравшуюся около кавалерійской школы, въ которой засѣдало собраніе. Людовика осыпали проклятіями и бранью. Собраніе послало ему депутацію навстрѣчу. Войдя въ залъ засѣданій, онъ сказалъ: «*Я явился затѣмъ, чтобы предупредить великое преступленіе;* я думаю, что нигдѣ не могу быть въ такой безопасности, какъ среди васъ».

Верньо, предсѣдательствовавшій въ собраніи, уклончиво отвѣтилъ, что собраніе присягало охранять права народа и установленную власть; собственно говоря, онъ могъ бы сказать королю, что народныя массы тоже отправились ко дворцу, чтобы предупредить великое преступленіе, именно государственный переворотъ, задуманный въ союзѣ съ иноземными державами.

Король сѣлъ рядомъ съ президентомъ. Но Табо напомнилъ о томъ пунктѣ конституціи, по которому работы собранія не должны происходить въ присутствіи короля. Въ виду этого, король со своимъ семействомъ долженъ былъ удалиться въ ложу секретаря, записывавшаго пренія. Отсюда онъ наблюдалъ за ходомъ событій; здѣсь онъ слышалъ, какъ депутаціи требовали отъ собранія его низложенія. Марія-Антуанетта, которой нельзя отказать въ присутствіи духа и умѣньи владѣть собой, сохранила гордый и надменный видъ даже въ тотъ моментъ, когда сталъ слышенъ пушечный и ружейный огонь у Тюльери. Король попросилъ ѣсть, онъ почувствовалъ

аппетитъ и уписывалъ курицу въ то время, когда корона падала съ его головы.

Между тѣмъ, вооруженный народъ проникъ въ замокъ и заполнилъ тюльерійскій дворъ. Швейцарцы стояли неподвижно и, повидимому, не хотѣли первые открывать битву. Первоначально обѣ стороны перебранивались, и можно было думать, что дѣло обойдется мирно; кромѣ того, и швейцарцы могли бы понять, что послѣ бѣгства короля защита дворца безцѣльна. Но перебранка, въ началѣ шутливая, становилась все серьезнѣе. До сихъ поръ неизвѣстно, кто первый открылъ враждебныя дѣйствія. Обѣ стороны были на очень близкомъ разстояніи другъ отъ друга; швейцарцы дали убійственный залпъ, положившій большое количество возставшихъ. Массы испугались, пришли въ замѣшательство и бросились бѣжать къ выходамъ, оставивъ въ первый моментъ страха даже свои орудія. Швейцарцы завладѣли орудіями и выстрѣлили изъ нихъ въ народъ. Картечь уложила множество людей; дворъ покрылся трупами, и кровь потекла потоками. Хладнокровный и мужественный Вестерманъ въ этотъ день спасъ народу его свободу. Онъ собралъ бѣглецовъ и направился къ замку; толпа оттѣснила швейцарцевъ, осыпая ихъ градомъ оружейнаго и орудійнаго огня. Главная лѣстница замка была взята штурмомъ, и бой продолжался въ корридорахъ и залахъ Тюльери. Король приказалъ теперь швейцарцамъ прекратить бой, но не такъ то легко было успокоить распаленную ярость, и почти всѣ швейцарцы пали подъ ударами озлобленнаго народа, кровью котораго былъ затопленъ дворъ Тюльери. Дворяне и придворные лакеи тоже стали жертвами разбушевавшагося народнаго гнѣва.

Но женщинъ не трогали. Хотѣли было убить нѣсколькихъ придворныхъ дамъ, но тутъ кто-то крикнулъ: «*Не позорьте нашего народа. Пощадите женщинъ*»,—и тѣ дамы, которыя принимали такое живое участіе въ заговорѣ двора, остались живы. Народъ заполнилъ ходы и корридоры громаднаго замка, проникъ въ комнаты и всюду уничтожилъ знаки монархической власти Бурбоновъ. Можетъ быть, при этомъ и погибло много произведеній искусства, но никто ничего не грабилъ. Народъ боролся, а не грабилъ, и такъ это всегда бываетъ во время великихъ народныхъ движеній. Нѣкоторые пытались, было, красть, но ихъ тутъ же вѣшали и надписью свидѣтельствовали объ ихъ преступленіи. Народъ справедливо не хотѣлъ, чтобъ его позорили отбросы, приставшіе къ возстанію.

Много изъ найденныхъ драгоцѣнностей было передано собранію и общинному совѣту.

Во все время боя собраніе находилось въ сильномъ возбужденіи. Депутаты клялись умереть на своемъ посту, что, между прочимъ, было совершенно излишне, такъ какъ нападеніе предмѣстій не было направлено противъ собранія. Когда ружейный и орудійный огонь сталъ слабѣе, отдѣльные участники боя, обрызганные кровью и черные отъ пороха, стали являться въ собраніе, чтобъ возвѣстить побѣду возстанія.

Собраніе не знало, что дѣлать; оно выпустило объявленіе, призывающее народъ къ спокойствію и повиновенію властямъ; въ данный моментъ, въ моментъ возстанія, это было даже смѣшно. Но революціонная коммуна,

стоявшая теперь подъ руководствомъ Дантона и чувствовавшая теперь за собою силу народа, рѣшилась использовать побѣду. Депутація отъ общиннаго совѣта явилась въ собраніе, придавъ себѣ очень гордый видъ; передъ ней несли знамя съ надписью: «Отечество! Свобода! Равенство!». Общинный совѣтъ потребовалъ низложенія короля и притомъ такимъ тономъ, который исключалъ возможность отказа. Послѣдовало еще много депутацій, и всѣ онѣ поддерживали требованіе общиннаго совѣта.

Трусливые, двуличные и нерѣшительные жирондисты охотно предпочли бы уклониться отъ рѣшенія этого вопроса, но ихъ приперли къ стѣнѣ. Верньо чувствовалъ, что его партіи остается или пасть съ королемъ, или низвергнуть его. Онъ предпочелъ послѣднее. Вслѣдствіе этого, онъ внесъ предложеніе отставить короля отъ должности, прекратить выдачи по цивильному листу, а наслѣдному принцу дать воспитателя. Предложеніе это было принято; кромѣ того, было рѣшено созвать національный конвентъ. Королевская семья была отдана подъ охрану общиннаго совѣта и содержалась въ такъ называемый башнѣ тампліеровъ—старинномъ громадномъ зданіи, носившемъ свое имя по ордену тампліеровъ, которые когда то пали жертвой произвола Бурбоновъ. На этомъ зданіи остановились потому, что оно было изолировано и здѣсь легче всего было помѣшать освобожденію или бѣгству короля.

Когда король узналъ о своемъ низложеніи, онъ сказалъ нѣкоторымъ членамъ собранія: «*То, что вы здѣсь дѣлаете, несовсѣмъ согласно съ конституціей*». Призваніе пруссаковъ и австрійцевъ еще менѣе согласно было съ конституціей.

Низверженіе королевской власти, на которое собраніе само не рѣшилось, стоило народу многихъ жертвъ. Цифра потерь возставшихъ колеблется между 1.500 и 5.000. Вѣрной цифрой, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, будетъ средняя. Со стороны швейцарцевъ пало 700 человѣкъ; кромѣ того, пало много солдатъ-роялистовъ изъ національной гвардіи, много дворянъ, находившихся въ Тюльери для защиты короля. Озлобленный народъ убилъ еще въ тотъ день Клермонъ-Тоннера, извѣстнаго аристократа-конституціоналиста перваго собранія; также палъ въ этотъ день извѣстный писатель Сюло, которому теперь отомстила оклеветанная нѣкогда имъ Теруань-де Меркуръ. Теруань приняла участіе въ бою, и этимъ закончилась ея политическая карьера; она была сторонницей жирондистовъ и, недолго спустя, подверглась за это нападенію со стороны какихъ-то женщинъ изъ народа, сорвавшихъ съ нея платье. Послѣ этого случая она помѣшалась, и это доказываетъ, что она была недюжинной личностью. Еще четверть вѣка прожила она въ камерѣ Сальпетріера, увѣренная, что все еще продолжается 1793 годъ.

Люсиль Демуленъ, жена Камилла, одна изъ трогательнѣйшихъ жертвъ революціи, оставила намъ интересное письмо, изъ котораго можно видѣть, что переживали въ эти бурные дни семьи демократическихъ вождей; изъ него можно видѣть, какъ неувѣрены всѣ они были въ исходѣ возстанія, противъ котораго высказалось непадежное собраніе. Но народъ и на этотъ разъ сумѣлъ побѣдить.

Рабочіе удалились обратно въ предмѣстья, предоставивъ клубамъ и коммунѣ покончить съ вызваннымъ ими кризисомъ. Народъ предмѣстій заплатилъ своею кровью за всеобщее освобожденіе, но то, что ему дали за это, было очень незначительно; пока же рабочіе были довольны и тѣмъ, что имъ не нужно умирать съ голоду. Они требовали народной республики, и скоро имъ пришлось вступить изъ-за этого въ борьбу съ жирондистами, которые домогались республики мелко-буржуазной. Вотъ почему рабочіе предмѣстій появлялись немедленно, какъ только ихъ призывали вожди крайней демократіи. Мы увидимъ, какъ эти рабочіе голодали и въ то же время завѣдывали общественными дѣлами Парижа. Этотъ періодъ господства рабочихъ—одинъ изъ наиболѣе интересныхъ эпизодовъ французской революціи.

Демократическій государственный переворотъ.

Ни одинъ департаментъ не воспротивился низверженію Людовика XVI. Зато въ арміи, стоявшей на границѣ, было немало вліятельныхъ и преданныхъ двору людей; они предпочли бы скорѣй видѣть Парижъ во власти иностранцевъ, чѣмъ во власти демократіи. Но приближеніе прусскаго войска склоняло все большее число генераловъ къ тому, чтобъ признать происшедшія въ Парижѣ перемѣны и подчиниться новымъ властямъ. Таково было мнѣніе Дюмурье, Кюстина, Келлермана, Бирона. Только Лафайетъ не задумался въ виду у непріятеля стать противъ Парижа и надѣялся, что за нимъ послѣдуетъ и армія его, состоявшая приблизительно изъ 30.000 человѣкъ. Онъ приказалъ задержать въ Седанѣ тѣхъ трехъ коммиссаровъ, которыхъ послало къ нему собраніе, чтобъ потребовать отъ него признанія происшедшихъ событій. Затѣмъ Лафайетъ привелъ свою армію къ присягѣ на вѣрность королю и готовился выступить противъ Парижа, на который въ это же время наступали прусскія и австрійскія войска.

Законодательное собраніе выпустило обвинительный декретъ противъ этого генерала, задумавшаго столь измѣнническое возстаніе, и армія отложилась отъ Лафайета. Онъ понялъ, что проигралъ игру. Вмѣстѣ съ Латуръ-Мобуромъ, Ламетомъ и нѣкоторыми другими изъ своихъ друзей онъ хотѣлъ бѣжать въ Голландію, но попалъ въ руки австрійцевъ, которые обращались съ этимъ человѣкомъ, возставшимъ въ защиту короля, какъ съ революціонеромъ. Его содержали въ тюрьмѣ подъ строгимъ присмотромъ, и только послѣ заключенія мира въ Кампо Форміо въ 1797 году онъ былъ освобожденъ.

Такимъ-то образомъ «простакъ» Лафайетъ сошелъ со сцены французской революціи для того, чтобы черезъ сорокъ лѣтъ сыграть не менѣе комичную роль. Командованіе войсками перешло къ Дюмурье, который проявилъ во время этого остраго кризиса всѣ свои блестящія духовныя способности.

Съ 10 августа въ Парижѣ появилась новая власть. На мѣсто низложеннаго короля законодательное собраніе хотѣло поставить себя въ ка-

чествѣ исполнительной власти. Оно отставило отъ должности министровъ и назначило новое правительство подъ именемъ исполнительнаго совѣта. Министры, уволенные королемъ въ отставку, были вновь призваны къ власти: Роланъ получилъ министерство внутреннихъ дѣлъ, Клавьеръ—министерство финансовъ, а Серванъ—военное. Министерство иностранныхъ дѣлъ досталось тоже жирондисту—Лебрэну, морское—Монжу, которому помогли здѣсь его математическія познанія. Однако, жирондисты хотѣли удѣлить мѣсто и дѣятелямъ 10 августа, поэтому Дантонъ получилъ министерство юстиціи. Этотъ выборъ опредѣлилъ собой характеръ новаго правительства, потому что Дантонъ, опиравшійся на революціонныя народныя массы, скоро подчинилъ себѣ всѣхъ остальныхъ министровъ, опиравшихся только на собраніе. Дантонъ оказался на высотѣ своей исторической роли. Этотъ молодой человѣкъ, не имѣвшій никакого значенія, пока онъ былъ адвокатомъ, неожиданно обнаружилъ геній и умѣнье настоящаго государственнаго человѣка. Средства его были грубы и рѣчь его соотвѣтствовала имъ. Но изъ такого остраго кризиса можно было спасти Францію только при помощи той ужасной, ни предъ чѣмъ не останавливающейся энергіи, которою онъ обладалъ. За время съ 10-го августа до открытія національнаго конвента онъ стоялъ во главѣ Франціи: этотъ періодъ французской революціи носитъ только его имя. Его кратковременная, могучая и кровавая диктатура открыла новый періодъ—періодъ борьбы французской республики съ феодально-монархической Европой. Какъ бы ни судить о средствахъ Дантона,—его необузданной и прямолинейной политикѣ нельзя отказать въ значеніи.

Изъ тѣхъ людей, которые черезъ годъ должны были выступить какъ представители власти во Франціи, многіе состояли въ муниципалитетѣ, куда они проникли, благодаря мощной поддержкѣ Дантона. Нѣкоторые изъ тѣхъ, которые впослѣдствіи хотѣли низвергнуть Дантона за его умѣренность, въ этотъ моментъ съ ужасомъ смотрѣли на его рѣшительныя и прямолинейныя мѣры. Секціи въ ночь съ 9-го на 10-ое августа отняли мандаты у своихъ представителей въ муниципалитетѣ и вмѣсто монархистовъ выбрали рѣшительныхъ республиканцевъ. Петіонъ остался мэромъ, а Манюэль—прокураторомъ коммуны. Начальствованіе надъ національной гвардіей получилъ Сантерръ. Въ общинномъ совѣтѣ можно было видѣть Робеспьера, который здѣсь сталъ произносить свои блестящія рѣчи; враги его утверждали, что во время боя 10 августа онъ спрятался въ погребъ. Онъ не могъ еще понять всей высоты мысли Дантона и ограничивался ролью агитатора въ то время, когда тотъ выступилъ уже государственнымъ дѣятелемъ. Кромѣ того, въ общинномъ совѣтѣ засѣдали: Камиллъ Демуленъ, Луве, Тальянъ, молодой экзальтированный журналистъ, поэтъ Іосифъ Шенье, авторъ знаменитой «Chant du depart», Бильо-Вареннъ, мрачный, непреклонный и неумолимый профессоръ изъ Ла-Рошели, бывшій артистъ Колло-д'Эбруа, хотѣвшій отомстить осмѣявшей его публикѣ, и поэтъ Фабръ д'Эглантинъ, другъ Дантона. На мѣсто Дантона товарищемъ прокуратора былъ избранъ Шометтъ, бывшій литераторъ и очень способный человѣкъ, ставшій впослѣдствіи однимъ изъ руководителей коммуны.

Этотъ общинный совѣтъ пользовался широкимъ вліяніемъ, потому что населеніе предмѣстій относилось къ нему съ довѣріемъ и потому, что черезъ Дантона онъ господствовалъ въ кабинетѣ министровъ. Такимъ образомъ, онъ оказался самостоятельной властью, во главѣ которой фактически стоялъ Дантонъ.

Маратъ тоже выступилъ теперь на сцену. Его свободѣ уже ничто не угрожало. Онъ положилъ конецъ своему подпольному существованію и еще вечеромъ 10-го августа расклеилъ воззваніе съ требованіемъ рѣшительнѣйшихъ мѣръ. Маратъ не былъ въ числѣ членовъ коммуны, онъ былъ только однимъ изъ вождей той партіи, которая сплотилась вокругъ нея. Вліяніе его на коммуну было очень велико, и она предоставила ему ораторскую трибуну въ залѣ ея засѣданій. Воспоминаніе о тѣхъ преслѣдованіяхъ, которымъ подвергался Маратъ, побудило коммуну уничтожить нѣсколько типографій, въ которыхъ печатались реакціонныя газеты; остальныя типографіи были предоставлены въ распоряженіе Марата.

Законодательное собраніе объявило теперь дѣйствительными тѣ свои декреты, противъ которыхъ Людовикъ XVI выступилъ со своимъ вето: декреты противъ эмигрантовъ, которыми конфисковалось имущество послѣднихъ, и сами они заочно приговаривались къ смерти, декретъ противъ священниковъ, уклоняющихся отъ присяги, и декретъ о лагерѣ «объединенныхъ». Затѣмъ собраніе послало ораторовъ и комиссаровъ въ арміи и провинціи. Послѣдніе должны были провозгласить тамъ новый порядокъ вещей, привести всѣхъ къ присягѣ на вѣрность свободѣ и равенству и съ помощью народа низложить противодѣйствующихъ чиновниковъ.

Но эти мѣры показались коммунѣ недостаточными. Она видѣла, что сторонники только что низвергнутаго двора тѣмъ заносчивѣе подымаютъ головы, чѣмъ ближе пруссаки подходятъ къ Парижу. Слѣдовало опасаться контръ-революціи и принять соотвѣтственныя мыры.

Маратъ всегда былъ сторонникомъ диктатуры, потому что, по его мнѣнію, революцію можно было провести только при помощи строгой диктатуры; но онъ хотѣлъ, чтобъ надъ диктаторомъ все-таки тоже былъ контроль. По мнѣнію Марата, республика не могла считать себя упрочившейся до тѣхъ поръ, пока всѣ враги ея тѣмъ или инымъ путемъ не обезврежены. Это мнѣніе теперь оспаривалось многими изъ тѣхъ, которые впослѣдствіи выступили защитниками его; теперь и Робеспьеръ былъ противъ этого изъ опасенія, что Бриссо станетъ диктаторомъ. Дантонъ же тѣмъ меньше имѣлъ основаній бороться противъ этого мнѣнія, что онъ самъ въ это время дѣйствовалъ, какъ диктаторъ. Онъ вошелъ въ соглашеніе съ Маратомъ, и они порѣшили на томъ, чтобъ передать диктатуру вновь образованному общинному совѣту, какъ представителю парижскаго населенія; собранію они не довѣрили бы и не предпочли бы никогда этой диктатуры. Дантонъ и Маратъ лично не были близки другъ съ другомъ, но въ эти дни они сблизились и даже разъ обнялись въ ратушѣ. Принявъ диктатуру изъ рукъ Дантона, коммуна фактически оказалась въ его рукахъ.

Коммуна прежде всего взяла въ свои руки ту полицейскую службу, которая до сихъ поръ выполнялась мировыми судьями. Депутація общин-

ного дома принудила законодательное собраніе издать законъ объ *общественной безопасности;* по этому закону полицейская служба переходила къ общинамъ. Всякая община, насчитывающая болѣе 20.000 жителей, могла дополнить этотъ законъ любыми постановленіями. Парижская коммуна немедленно учредила революціонную полицію; члены муниципалитета стали чиновниками общественной безопасности. Затѣмъ общинный совѣтъ избралъ наблюдательный комитетъ (comité de surveillance), въ которомъ господствовалъ Маратъ и который могъ издавать приказы объ арестѣ. Этотъ комитетъ сразу произвелъ многочисленные аресты; онъ приказалъ арестовать всѣхъ, о комъ было извѣстно, что они находились или находятся въ сношеніяхъ съ дворомъ. Масса реакціонеровъ заполнила тюрьмы, но среди нихъ были и бывшіе демократы Барнавъ, Дюпоръ и Шарль Ламетъ.

Но этого было мало; надо было еще осудить заключенныхъ, и законодательное собраніе должно было съ этой цѣлью учредить особый судъ. Сперва оно уклонилось отъ этого. Тогда отъ имени общиннаго совѣта явился въ законодательное собраніе Бильо-Варенпъ и заявилъ, что если въ этотъ же день не будетъ принятъ декретъ объ учрежденіи новаго суда, то въ полночь зазвучитъ набатъ. Къ такимъ энергичнымъ дѣйствіямъ общинный совѣтъ вынужденъ былъ прибѣгнуть въ виду поведенія жирондистовъ; дѣло въ томъ, что послѣ того, какъ Робеспьеръ безрезультатно требовалъ отъ собранія учрежденія революціоннаго суда, это же собраніе приняло предложеніе Бриссо напомнить парижскому населенію, что оно должно оставаться сторонникомъ фактически низвергнутой уже конституціи.

17 августа было постановлено учредить судъ, названный потомъ трибуналомъ 17 августа. Онъ немедленно же былъ составленъ. Всего судей было восемь. Робеспьеръ былъ избранъ президентомъ трибунала, но онъ уклонился отъ этого. Судьи были избраны путемъ косвеннаго голосованія, и это очень огорчило Марата; онъ сильно нападалъ по этому поводу на «адвокатскія и судейскія штуки» и требовалъ тогда уже тѣхъ мѣръ, къ которымъ прибѣгли только въ сентябрѣ.

Орудіемъ казни трибунала была *гильотина*. Эта машина, сыгравшая столь ужасную роль во время французской революціи, была будто бы изобрѣтена врачемъ Гильотеномъ, входившимъ въ число членовъ перваго національнаго собранія. Въ дѣйствительности же, гильотина встрѣчается уже въ древности у персовъ, а въ средніе вѣка въ Шотландіи, Голландіи, Богеми и Италіи. Еще первое національное собраніе 1789 года постановило, что смертная казнь выполняется обезглавливаніемъ; гильотину называли еще Луизонъ или Луизетинъ, по имени д-ра Луи, подавшаго особое мнѣніе въ пользу этой машины.

Трибуналъ 17 августа осудилъ нѣсколько сторонниковъ двора, между прочимъ журналиста Дюразуаръ и интенданта цивильнаго листа Лапорта. Они были казнены гильотиной.

Возбужденный народъ не удовлетворился этими мѣрами. Многочисленныя жертвы 10 августа требовали мести, а приближеніе пруссаковъ имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что населеніе не выходило изъ состоянія лихорадочнаго возбужденія.

Возникъ проектъ вооружить поголовно все населеніе и выслать его противъ непріятеля, но это значило лишить Парижъ и другіе города дѣятельныхъ сторонниковъ революціи. Опасались, что при такомъ положеніи вещей аристократы и роялисты подымутъ возстаніе, и революція окажется между двухъ огней.

Состоялся совѣтъ, въ которомъ приняли участіе коммуна, Дантонъ, Маратъ, Робеспьеръ, Камиллъ Демуленъ. Имъ пришла въ голову мысль произвести демократическій государственный переворотъ, такъ какъ учрежденный собраніемъ трибуналъ дѣйствовалъ не такъ энергично, какъ они этого ожидали.

Не легко, однако, было придти къ соглашенію относительно того, какъ произвести этотъ самый переворотъ. Робеспьеръ и его друзья были противъ такихъ насильственныхъ мѣръ, которыхъ нельзя было бы оправдать закономъ. Что же касается Дантона и Марата, равно какъ рѣшительныхъ революціонеровъ общиннаго совѣта Бильо-Варенна, Талльяна и членовъ наблюдательнаго комитета, то революціонный насильственный переворотъ не вызывалъ у нихъ никакихъ сомнѣній юридическаго характера. Свои смѣлыя предложенія они основывали на томъ, что при такомъ чрезвычайномъ положеніи, когда Франціи угрожаютъ враги внѣшніе и внутренніе, можно спасти страну и ея независимость только чрезвычайными же мѣрами.

Были попытки возложить отвѣтственность передъ исторіей за этотъ переворотъ и пролитую при этомъ кровь на Марата, Дантона и даже на Робеспьера. Въ дѣйствительности же, въ этомъ революціонномъ актѣ отчаянія приняло участіе гораздо больше лицъ, чѣмъ это кажется. Государственный переворотъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ былъ подготовленъ въ министерствѣ юстиціи; всѣ министры, за исключеніемъ Ролана, знали о немъ и не противились ему, потому что они не знали другого способа спасти себя. Дантонъ и Маратъ были только достаточно смѣлы и взяли на себя выполненіе этого дѣла. Въ общемъ же, демократическій государственный переворотъ былъ только вулканическимъ взрывомъ гнѣва и отчаянія парижскаго населенія. Республиканцы инстинктивно набросились на внутреннихъ враговъ своихъ, чтобы обезопасить себѣ тылъ въ борьбѣ съ наступающими чужеземными союзниками [illegible]ченнаго короля. Правительство Дантона только поддержало этотъ [illegible]ывъ народнаго возмущенія. Часто обвиняютъ Дантона и Марата въ жестокости и кровожадности. Это несправедливо! Сердечная доброта Дантона стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія; это видно хотя бы изъ того, что въ эти дни, когда онъ долженъ былъ заковать себя въ желѣзо непреклонности, онъ не могъ забыть о своей прежней дружбѣ съ Барнавомъ, Шарлемъ Ламетомъ, Дюпоромъ, далъ имъ возможность бѣжать изъ тюрьмы и тѣмъ спасъ ихъ отъ смерти. Маратъ былъ болѣе суровъ, но тоже не отличался личной жестокостью. Ему были близко знакомы страданія нищеты; свое сердце и перо онъ посвятилъ народу. Его возмущалъ гнетъ, давившій неимущія массы; его возмущало высокомѣріе богачей. Любовь его къ народу выступала часто въ дикихъ проявленіяхъ, но самая любовь его, равно какъ его философскія идеи свидѣтельствуютъ о его высокомъ идеализмѣ.

24 августа пруссаки взяли крѣпость Лонгви и двинулись на Верденъ. Паденіе Вердена открыло бы имъ безпрепятственный путь въ Парижъ. Извѣстіе объ этомъ вызвало страшное броженіе въ Парижѣ. Кличъ «долой роялистовъ!» пронесся по улицамъ. Народныя массы ждали отъ коммуны и Дантона государственнаго переворота, и онъ таки произошелъ.

Съ неутомимой энергіей Парижъ приступилъ къ снаряженію добровольцевъ, которыхъ въ количествѣ 40.000 человѣкъ предполагалось послать на подкрѣпленіе отряда Дюмурье. Дантонъ очень энергично работалъ въ этомъ направленіи, коммуна же тѣмъ временемъ приняла мѣры противъ роялистовъ. 26 августа собраніе объявило дѣйствительнымъ свой декретъ противъ священниковъ, уклоняющихся отъ присяги; послѣдовали многочисленные аресты такихъ священниковъ. Наблюдательный комитетъ помѣстилъ нѣсколько сотъ такихъ священниковъ въ тюрьмахъ аббатства, кармелитской и С.-Фирменъ. За время съ 29 до 31 августа наблюдательный комитетъ произвелъ многочисленные обыски во всемъ Парижѣ и въ результатѣ всѣ тюрьмы оказались переполненными роялистами. Кромѣ упомянутыхъ тюремъ, пришлось воспользоваться еще слѣдующими зданіями: Ла-Форсъ, Шателэ, Консьержери, Бисетръ, Сальпетріеръ и Бернардинскимъ монастыремъ.

Перепуганное собраніе хотѣло возстать противъ мѣръ коммуны, но послѣдняя послала для того, чтобы защитить свой образъ дѣйствій, депутаціи, въ которыхъ принималъ участіе и Петіонъ; перваго сентября всемогущій министръ юстиціи Дантонъ сказалъ своимъ громовымъ голосомъ по этому поводу въ собраніи слѣдующее: «Среди всѣхъ предложенныхъ мѣръ нѣтъ ни одной рѣшительной. Вы стоите подъ перекрестнымъ огнемъ внѣшнихъ враговъ спереди и враговъ внутреннихъ, роялистовъ, сзади. И тѣ и другіе поддерживаютъ другъ съ другомъ связи; роялистская директорія въ Парижѣ находится въ перепискѣ съ прусской арміей, и для того, чтобы разстроить всѣ эти планы существуетъ одно только средство: *нагнать страхъ на роялистовъ.*»

Было ясно. Но опасность была достаточно велика: во многихъ мѣстахъ сельское населеніе, подстрекаемое священниками, не принимавшими присяги, совершало уже кровавыя насилія надъ республиканцами. Въ Вандеѣ обнаружились первые признаки возстанія противъ революціи.

Перваго сентября пришло ложное извѣстіе, что Верденъ палъ, и что пруссаки идутъ на Парижъ. Народъ толпами двигался по улицамъ; добровольцы потребовали, чтобы ихъ повели на врага, и повсюду громко раздавалось требованіе отомстить заговорщикамъ, вступившимъ въ союзъ съ чужеземцами. Въ собраніи снова раздался могучій голосъ Дантона. «Набатъ, который зазвучитъ, не будетъ сигналомъ тревоги, онъ будетъ сигналомъ для нападенія на враговъ отечества. Для побѣды надъ ними, господа, *нужна смѣлость, смѣлость и смѣлость*, и тогда мы спасемъ Францію».

Въ два часа пополудни загремѣли набатъ и барабаны, и народный судъ началъ свою работу въ тюрьмахъ. Коммисары секцій тщательно допросили всѣхъ заключенныхъ и всѣхъ, кто не возбуждалъ подозрѣній, отпустили на свободу; наблюдательный комитетъ сдѣлалъ еще одну провѣрку, чтобъ отпустить еще нѣкоторыхъ.

24 священника, изъ числа уклонявшихся отъ присяги и особенно ненавистныхъ народу, должны были быть отправлены изъ ратуши въ аббатство. По дорогѣ на нихъ напала вооруженная толпа, и всѣ они до одного были перебиты пиками, саблями и штыками. Та же самая толпа напала въ кармелитской церкви на сто восемьдесятъ священниковъ и перебила всѣхъ, кромѣ четырехъ, спасшихся черезъ заборъ. Въ тюрьмахъ дикій судъ народа носилъ болѣе правильный характеръ. Прежде всего судъ образовался въ аббатствѣ. Въ качествѣ народнаго судьи выступилъ Мальяръ, извѣстный еще по взятію Бастиліи и какъ предводитель женщинъ во время похода на Версаль. Онъ уже въ теченіе нѣсколькихъ дней готовился къ этой роли; онъ такъ былъ преданъ революціи, что рѣшился взять на себя отвѣтственную роль руководства народнымъ судомъ. Мальяръ возсѣдалъ съ обнаженной шпагой, имѣя передъ собой просмотрѣнный министромъ юстиціи списокъ заключенныхъ. Народъ представлялъ собою нѣчто вродѣ присяжныхъ. Заключенныхъ выводили поодиночкѣ и допрашивали. Если обвиняемаго признавали невиновнымъ, народный судья подымалъ конецъ шпаги вверхъ, и заключеннаго сейчасъ же отпускали. Если же обвиняемый признавался виновнымъ, то судья опускалъ остріе шпаги внизъ и говорилъ: «*Отправить этого господина въ Форсъ*» или: «въ Кобленцъ! Мальяръ такъ устроилъ для того, чтобы избавить себя и заключенныхъ отъ тяжелыхъ и мучительныхъ сценъ. У дверей приговоренныхъ встрѣчали пики и сабли поставленныхъ тамъ палачей, которые занимались этимъ дѣломъ изъ-за заработка и получали за это высокую поденную плату отъ коммуны. Въ другихъ тюрьмахъ дѣло происходило въ такомъ же порядкѣ. Бойня продолжалась нѣсколько дней и закончилась 6 сентября; легко понять, что такой ужасный народный судъ проявилъ много жестокости и грубости. Въ Бисетрѣ, напр., въ толпу заключенныхъ стрѣляли картечью. Когда же одинъ сказалъ, что слѣдовало бы тщательно отдѣлять виновныхъ отъ невинныхъ, то получилъ въ отвѣтъ: «А когда пруссаки вступятъ въ Парижъ и согласно своему манифесту будутъ уничтожать городъ, то они тоже будутъ разбирать, гдѣ виновные и невинные? Но и въ этой кровавой драмѣ выступили и великодушныя и кроткія черты народнаго характера. Маратъ въ своей газетѣ разсказываетъ, что когда онъ въ наблюдательномъ комитетѣ узналъ о бойнѣ въ аббатствѣ, то онъ вмѣстѣ съ Пани «какъ бы по внушенію» воскликнули: «давайте спасемъ мелкихъ преступниковъ, бѣдныхъ должниковъ, заключенныхъ за драку!». Но его предосторожность оказалась излишней, потому что списки, имѣвшіеся въ рукахъ народныхъ судей, были тщательно просмотрѣны и исключали возможность ошибокъ. «Если бы, говоритъ Маратъ, дворъ побѣдилъ 10-го августа, онъ не былъ бы такъ предусмотрителенъ».

Зданіе, въ которомъ содержалась королевская семья, находилось подъ охраной муниципальныхъ служащихъ, и на него даже не было произведено нападенія.

Полагаютъ, что число роялистовъ, погибшихъ во время этого дикаго народнаго суда, дошло до двухъ тысячъ, но точно число ихъ установить невозможно. Роялисты говорили, что было казнено нѣсколько тысячъ, но это, очевидно преувеличено. Среди убитыхъ была и княжна де-Ламбаль,

которую народъ ненавидѣлъ, какъ интимную подругу королевы. Ее хотѣли спасти подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ она клятвенно отреклась отъ своей привязанности къ королю и королевѣ. Она была настолько глупа, что уклонилась отъ этого и пала подъ пиками и саблями разгнѣваннаго народа. Голову ея воткнули на пику и пронесли мимо Temple, гдѣ находились король и королева. Варвары, всюду и всегда всплывающіе во время катастрофъ, учинили надъ ея головой самыя грубыя, отвратительныя вещи. Бывшій министръ Монморенъ тоже былъ убитъ. Въ Версали было убито большое число заключенныхъ, которые должны были быть отправлены въ Сомюрскій судъ; сопровождавшая ихъ національная гвардія не помѣшала этому, и среди нихъ были убиты бывшій министръ Делессаръ и герцогъ де-Бриссакъ. Такія расправы произошли еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Какъ только въ тюрьмахъ начался народный судъ, Робеспьеръ вмѣстѣ съ Петіономъ и Барреромъ отправились опечаленные къ Дантону. Роб спьеръ требовалъ, чтобы Дантонъ вмѣшался. Но послѣдній хододно отвѣтилъ: «Пусть гибнетъ моя репутація, лишь бы Франція была спасена».

Третьяго сентября у Дантона собрались всѣ министры, за исключеніемъ Ролана, секретари собранія: Петіонъ, Робеспьеръ, Демуленъ, Фабръ д'Эглантинъ, Манюэль и много коммисаровъ секцій. Совѣщаніе было посвящено тому, какъ прогнать пруссаковъ и спасти Парижъ. Тогда жирондисты еще сочувствовали государственному перевороту и народному суду; Луве въ своей газетѣ «La Sentinelle» рѣшительно одобрялъ генеральный совѣтъ коммуны, спасшій отечество. Только впослѣдствіи жирондисты воспользовались этимъ государственнымъ переворотомъ для того, чтобы напасть на Марата, Робеспьера и Дантона, обострив тѣмъ до крайности взаимное озлобленіе партій.

Наблюдательный комитетъ обратился къ коммунамъ департаментовъ съ циркуляромъ такого содержанія: «Коммуна Парижа увѣдомляетъ, что пруссаки наступаютъ на Парижъ; поскорѣе извѣстите вашихъ братьевъ во всѣхъ департаментахъ, что часть заключенныхъ въ тюрьмахъ заговорщиковъ умерщвлена народомъ. Этотъ актъ справедливости оказался неизбѣжнымъ и необходимымъ, чтобы страхомъ обуздать тотъ легіонъ измѣнниковъ, которые останутся въ Парижѣ въ то время, когда народъ будетъ сражаться съ непріятелемъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что послѣ того, какъ цѣлый рядъ предательствъ привелъ страну на край бездны, народъ поспѣшитъ съ примѣненіемъ этой необходимой для общественнаго благосостоянія мѣры; не подлежитъ сомнѣнію, что вмѣстѣ съ парижанами всѣ французы скажутъ: «мы выступаемъ противъ врага и не желаемъ оставить въ тылу у себя разбойниковъ, которые погубятъ нашихъ женъ и дѣтей».

Таковъ былъ демократическій государственный переворотъ 1792 года, давшій историкамъ такъ много поводовъ для нападокъ. Никого не можетъ радовать пролитая кровь; но если правильно оцѣнить обстоятельства, то легко будетъ понять, что Дантонъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ такимъ дикимъ мѣранъ. Помня угрозы брауншвейгскаго манифеста, люди стали убивать для того, чтобъ самимъ не подвергнуться той же участи. Но было бы крайней ограниченностью не видѣть возвышенныхъ сторонъ въ политикѣ

Дантона и Марата и утверждать, что это была только политика кровожадности. Если сравнить жертвы сентябрьскихъ дней съ великими кровавыми историческими оргіями, съ массовыми казнями эпохи реформаціи, съ Варѳоломеевской ночью и драгонадами, то количество пролитой во время сентябрьскихъ дней 1792 года крови покажется незначительнымъ передъ тѣми потоками крови, которые пришлось пролить религіозной и политической демократіи во время упомянутыхъ катастрофъ.

Дѣйствіе демократическаго государственнаго переворота было необычайно велико. Онъ вызвалъ перемѣну во всемъ. Широкая и глубокая бездна раскрылась и навсегда отдѣлила новую Францію отъ всего того, что еще осталось отъ старой. Въ лицѣ парижской коммуны революціонная демократія овладѣла Франціей, навела страхъ и ужасъ на враговъ свободы. Съ сочащимися кровью ранами Франція вступила въ бой съ Европой, и тотъ самый народъ, который сейчасъ только въ дико вспыхнувшемъ гнѣвѣ убивалъ роялистовъ и друзей низвергнутаго двора, теперь самъ массами умиралъ на границахъ Франціи, отстаивая независимость своей родины.

Канонада при Вальми.

Между тѣмъ герцогъ Брауншвейгскій подвигался все дальше и дальше. Отъ Люксембурга онъ соединился съ австрійцами, находившимися подъ начальствомъ Клерфэ, и теперь направился на юго-западъ. Французскіе отряды всюду отступали. Тіонвиль и Ландау были окружены; 22 августа взятъ Лонгви. 1 сентября Клерфэ отбросилъ французовъ, стоявшихъ у Стенэ, а второго сентября сдался Верденъ, причемъ комендантъ этой крѣпости Борепэръ застрѣлился, чтобы избѣгнуть позора капитуляціи.

Путь въ Парижъ былъ открытъ, и опасность для этого центра революціи возросла до крайности. Но подобно тому, какъ въ сентябрьскіе дни столица нанесла рѣшительный ударъ внутреннимъ врагамъ, такъ и теперь нашла она средства для отраженія непріятельскаго вторженія извнѣ. Дюмурье, принявшій командованіе войсками Лафайета послѣ отпаденія послѣдняго, стоялъ далеко на сѣверѣ; всѣ боялись, что герцогу Брауншвейгскому удастся перейти Аргоннъ прежде, чѣмъ Дюмурье успѣетъ стать между Парижемъ и пруссаками. Но Карлъ-Вильгельмъ-Фердинандъ Брауншвейгскій былъ методическій и медлительный стратегъ старой школы; онъ подвигался впередъ столь медленно, что Дюмурье форсированными маршами удалось предупредить его смѣлымъ маневромъ достигнуть Аргонни и занять переходы черезъ нее. Французскій генералъ считалъ уже дѣло выигранным и писалъ военному министру Сервану: «Верденъ взятъ, но я выжидаю пруссаковъ. *Переходъ черезъ Аргоннь—это французскія Ѳермопилы, но я буду счастливѣе Леонида*».

Однако, достигнутыя такимъ образомъ выгодныя позиціи отчасти были снова потеряны, такъ какъ рѣшительный Клерфэ со своими австрійцами и эмигрантами взялъ одинъ изъ проходовъ черезъ Аргоннь. Тѣмъ не менѣе, путь на Парижъ оставался занятымъ Дюмурье, и безъ битвы пруссаки не

могли дойти до Парижа. Дюмурье въ полной боевой готовности сталъ у Сенъ-Менсула. Теперь онъ былъ бы вынужденъ принять бой. Но герцогъ Брауншвейгскій уклонялся отъ боя, и это было очень пріятно Дюмурье, которому исходъ битвы представлялся столь же сомнительнымъ, какъ и герцогу. Дюмурье хотѣлъ только остановить наступленіе пруссаковъ и задержать ихъ до зимы въ Шампани. Отъ непрерывныхъ дождей эта страна зимой превращается въ болото; илистая мѣловая почва и глубокая грязь приносятъ болѣзни людямъ, не привыкшимъ къ этому климату. Въ то же время онъ началъ переговоры, обманывая пруссаковъ обѣщаніемъ помочь имъ въ возстановленіи королевской власти. Можетъ быть онъ это и серьезно думалъ, но пока что ему важно было выиграть время.

Пруссаки, чтобъ не терять напрасно времени, напали между тѣмъ на одинъ изъ корпусовъ Дюмурье, стоявшій при Вальми подъ начальствомъ генерала Келлермана. Келлерманъ занялъ высоты Вальми, и пруссаки направили на эту позицію сильный орудійный огонь. Французская артиллерія отвѣчала съ такой же силой, и герцогъ Брауншвейгскій, по наклонію находившагося при арміи прусскаго короля, рѣшилъ взять штурмомъ высоты Вальми. Келлерманъ, убѣдившись, что пруссаки наступаютъ, построилъ свою пѣхоту плотными колоннами и отдалъ приказаніе остановить огонь, подпустить врага и ударить потомъ въ штыки. Надѣвъ свою шляпу на шпагу, онъ закричалъ громкимъ голосомъ: «Да здравствуетъ народъ!» Это слово пришлось кстати; оно было подхвачено воодушевленными защитниками республики и шумно прокатилось по рядамъ французской арміи.

Пруссаки дрогнули; французы же бросились въ штыки и энергично отбросили наступавшаго противника. Затѣмъ канонада началась съ еще большей силой. «Изъ пушекъ стрѣляли такъ, какъ будто это была стрѣльба взводами»,—говорилъ находившійся при прусской арміи Гете. Подъ прикрытіемъ своей артиллеріи пруссаки отступили. Прусская граната ударила въ это время въ французскій пороховой ящикъ и взорвала его на воздухъ; это нарушило немного боевой порядокъ французскихъ рядовъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Клерфэ со своими австрійцами начиналъ атаку. Но привыкшіе уже къ огню французы быстро оправились и выдержали натискъ. Канонада продолжалась еще до вечера. И съ той и съ другой стороны было выпущено до 1.000 зарядовъ. Французы потеряли около 700 человѣкъ, пруссаки и австрійцы—нѣсколькими сотнями больше.

Сама по себѣ канонада при Вальми не имѣла значенія, но послѣдствія ея были неисчислимы. Здѣсь подъ огнемъ непріятельскихъ орудій республика получила боевое крещеніе. Молодые солдаты республиканской Франціи оказали непріятелю сопротивленіе, достойное привыкшихъ къ войнѣ ветерановъ. Могучій кликъ—«Да здравствуетъ народъ! — былъ выраженіемъ ихъ воодушевленія и презрѣнія къ смерти. Канонада при Вальми имѣла для Франціи такое же значеніе, какъ побѣдоносная битва.

Войска остались на тѣхъ же позиціяхъ; Дюмурье продолжалъ свои переговоры, и, наконецъ, пруссаки подверглись всѣмъ невзгодамъ зимы въ негостепріимной Шампани. Заразныя болѣзни стали косить прусскіе полки,

и черезъ 10 дней послѣ стычки при Вальми герцогъ Брауншвейгскій началъ отступленіе къ Рейну, а Клерфэ направился на сѣверъ. Лонгви и Верденъ снова перешли къ французамъ.

Келлерманъ, нѣмецъ изъ Франконіи, получившій впослѣдствіи отъ Наполеона титулъ герцога Вальмійскаго, гордился этой канонадой больше, чѣмъ всѣми другими своими военными подвигами.

Парижъ былъ спасенъ отъ вторженія союзниковъ. Прусскіе и австрійскіе юнкера, готовившіеся 20 сентября, какъ выражается Гете, «поджарить и съѣсть всѣхъ французовъ», были ошеломлены: «дѣло осталось такъ, какъ будто ничего и не было». Они не могли понять такого исхода и въ вечеръ послѣ стычки молча сидѣли у сторожевого огня. Только одинъ человѣкъ среди нихъ понялъ всемірно-историческое значеніе этого момента. Когда Гете спросили, что онъ думаетъ по поводу этихъ событій, онъ сказалъ: *«Здѣсь сегодня началась новая эпоха всемірной исторіи, и вы можете сказать, что вы были при этомъ».*

Веймарскій философъ понялъ, о чемъ говорили пушки при Вальми.

НАЦІОНАЛЬНЫЙ КОНВЕНТ

(Первый періодъ).

Послѣ сентябрьскихъ дней значеніе законодательнаго собранія свелось къ нулю. Вплоть до того дня, когда оно уступило мѣсто національному конвенту, оно влачило вполнѣ призрачное существованіе. 10 августа законодательное собраніе рѣшило созвать конвентъ, который долженъ былъ осуществить суверенитетъ народа и преобразовать въ демократическомъ духѣ созданное недавно положеніе вещей. Прежде всего собраніе рѣшило для выборовъ въ этотъ конвентъ установить всеобщее избирательное право. До того времени существовалъ цензъ: правомъ голоса пользовались только французы, которые уплачивали прямой налогъ въ размѣрѣ цѣнности трехъ рабочихъ дней. Средняя поденная заработная плата равнялась въ то время 50 сантимамъ (составляющимъ приблизительно 19 копеекъ). Такимъ образомъ, избирателемъ могъ являться только тотъ французъ, который платилъ, по меньшей мѣрѣ, 150 сантимовъ налога. Это постановленіе, лишавшее большую часть рабочихъ избирательнаго права, было отмѣнено законодательнымъ собраніемъ. Оно постановило, что каждый французъ, достигшій двадцатипятилѣтняго возраста и живущій своимъ трудомъ, можетъ пользоваться избирательнымъ правомъ. Но дать рабочимъ прямое избирательное право—жирондисты, составляющіе большинство законодательнаго собранія, не рѣшались. Выборы должны были оставаться и впредь косвенными. Маратъ, всегда выступавшій въ своей газетѣ въ защиту рабочихъ, велъ ожесточенную борьбу противъ этого анти-демократическаго ограниченія избирательнаго права. Онъ обращался къ секціямъ съ призывомъ, чтобы онѣ заставили собраніе дать народу всеобщее и прямое избирательное право. «Вашему просвѣщенному и смѣлому правовому чувству»—такъ взывалъ Маратъ въ своей газетѣ къ секціямъ—«столица отчасти обязана своимъ успѣхомъ; ему же будетъ обязано все отечество своимъ торжествомъ. Оставайтесь на своемъ посту для нашего спокойствія, для нашей славы, для блага государства! Не выпускайте изъ своихъ рукъ переданнаго вамъ кормила общественной власти, пока конвентъ не освободитъ васъ отъ деспота и его клики, пока онъ не исправитъ ужасныхъ ошибокъ конституціи, являющихся неистощимымъ источникомъ анархіи и неурядицы, пока конвентъ не воздвигнетъ на незыблемыхъ основахъ зданіе общественной свободы. Но для этого добейтесь отмѣны гибельнаго декрета о выборахъ депутатовъ въ конвентъ. Просвѣтите народъ и созовите секціи!».

Но это воззваніе не произвело желательнаго дѣйствія; постановленіе о томъ, чтобы выборы были косвенными, осталось въ силѣ.

Парижъ все еще находился въ состояніи броженія; въ провинціи дѣла обстояли такъ же. На границѣ положеніе было критическое; неизвѣстно было, удастся ли отразить нападеніе соединившихся пруссаковъ и австрійцевъ. Въ Парижѣ народныя массы страдали отъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, и парижская коммуна должна была такъ или иначе разрѣшить трудную задачу снабженія столицы съѣстными припасами. Сталъ ощущаться недостатокъ въ хлѣбѣ, мукѣ, мясѣ и многихъ предметахъ первой необходимости. Но рабочіе были до того преданы дѣлу преобразованія Франціи, что отодвигали вопросъ о своей нуждѣ на задній планъ, хотя жены ихъ до поздней ночи стояли передъ хлѣбопекарнями и мясными лавками, ожидая очереди, чтобы получить кусокъ мяса или хлѣба. Всему этому долженъ былъ помочь конвентъ; отъ него ждали, что онъ уничтожитъ нужду въ столицѣ, успокоитъ деревню и освободитъ народъ отъ притѣсненій со стороны богатыхъ собственниковъ; отъ него ждали, что онъ упрочитъ республику и побѣдитъ внѣшнихъ враговъ. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ происходили выборы въ конвентъ.

Парижъ искалъ своихъ представителей почти исключительно въ рядахъ крайней демократіи и выбралъ въ конвентъ тѣхъ людей, на которыхъ съ большимъ или меньшимъ основаніемъ возлагалась отвѣтственность за государственный переворотъ 2 сентября. Такимъ образомъ, Парижъ еще разъ одобрилъ своими выборами энергичныя мѣры, которыя были приняты противъ реакціи.

Больше всего голосовъ въ Парижѣ получилъ Робеспьеръ, и съ этого момента онъ сталъ играть крупную роль, какъ государственный дѣятель. За нимъ слѣдовалъ Дантонъ, сложившій съ себя званіе министра, чтобы попасть въ конвентъ. Онъ понималъ, что будущее правительство будетъ имѣть своимъ центромъ конвентъ. Парижское населеніе выбрало и Марата. Такимъ образомъ, эти три главаря демократіи засѣдали въ конвентѣ въ качествѣ представителей столицы. Кромѣ нихъ, въ Парижѣ были выбраны: жирондистъ Дюссо, котораго Маратъ называлъ «безвреднымъ старымъ болтуномъ», затѣмъ, Фабръ д'Эглантинъ, другъ Дантона, Бильо-Вареннъ, ставшій вскорѣ, благодаря своимъ способностямъ и энергіи, членомъ правительства, Колло д'Эбруа, котораго ждала судьба Бильо, Камиллъ Демуленъ, Осселенъ; кромѣ того, были выбраны Сержанъ и Пани, члены наблюдательнаго комитета коммуны, Буше и знаменитый живописецъ Давидъ, бывшій въ то время ярымъ якобинцемъ. Меньше всего голосовъ изъ всѣхъ парижскихъ депутатовъ получилъ герцогъ Орлеанскій. Этотъ удивительный принцъ старался разсѣять недовѣріе народа къ нему своимъ экзальтированнымъ поведеніемъ и далъ себѣ поэтому имя «Эгалитэ («Равенство»). Каковы были его истинныя намѣренія—неизвѣстно. Друзья его смотрѣли на него, какъ на искренняго республиканца, враги же его утверждали, что онъ играетъ комедію и ждетъ только благопріятнаго момента, чтобы

занять престолъ. Вполнѣ возможно, что послѣдніе не ошиблись въ своихъ догадкахъ. «Эгалитэ», казалось, старался опьянять себя крайностями, чтобы перенести бурю революціи. Онъ всегда старался льстить самымъ грубымъ образомъ народу. Революція поглотила его, а спустя тридцать семь лѣтъ сынъ его, находившійся теперь въ штабѣ генерала Дюмурье, занялъ престолъ Франціи съ тѣмъ, чтобы потомъ быть снова свергнутымъ революціей.

Партіи.

Распредѣленіе партій въ конвентѣ вполнѣ соотвѣтствовало моменту, который Франція тогда переживала. Конвентъ состоялъ изъ однихъ только ярыхъ республиканцевъ, потому что и тѣ депутаты, которые въ душѣ относились къ республикѣ отрицательно, въ эту эпоху революціи высказывались за республику.

Правую въ этомъ знаменитомъ, самомъ интересномъ и величественномъ изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ парламентовъ, составляли жирондисты. Въ конвентѣ были собраны всѣ выдающіеся вожди этой партіи. Тутъ можно было видѣть лидера партіи Бриссо и знаменитаго оратора Верньо, Гаде и Жансонне, отличавшихся своимъ ѣдкимъ краснорѣчіемъ, сильнаго и энергичнаго Бюзо, относительно котораго извѣстно, что онъ любилъ госпожу Роланъ, и что любовь его была такъ же чиста, какъ и несчастна; къ нимъ же принадлежали: глубокій мыслитель Кондорсе, необузданный Иснаръ и насмѣшливый Луве, Петіонъ, сложившій съ себя званіе мэра, чтобы попасть въ конвентъ, Манюэль, Гранжене и Барбару. Многіе изъ этихъ выдающихся людей были республиканцами еще до 10 августа; остальные перешли въ лагерь республиканцевъ подъ напоромъ послѣднихъ событій. У всѣхъ сложилось идеальное представленіе о народѣ, и они обыкновенно услащали свои рѣчи тирадами, восхвалявшими его добродѣтели. Но когда имъ пришлось познакомиться съ народомъ поближе, когда они увидѣли его нищету, его ярость, въ ихъ груди опять проснулось буржуазное высокомѣріе. Они хотѣли любить народъ, но издали, на извѣстной дистанціи. Равенство было для нихъ лишь пустой фразой. Они хотѣли устроить республику на свой буржуазно-аристократическій вкусъ и подчинить ее господству умственной и имущественной аристократіи. Имъ казалось, что конституція 1791 года могла вполнѣ удовлетворять всѣмъ потребностямъ времени, если изъ нея устранить королевскую власть. Въ Парижѣ они насчитывали приверженцевъ только среди почтенныхъ мѣщанъ города; но въ западной и южной Франціи у нихъ имѣлось очень много сторонниковъ. 10 августа они мирились съ народомъ какъ съ борющейся и берущей штурмомъ твердыни абсолютизма массой, они мирились съ народомъ, поскольку онъ являлся пушечнымъ мясомъ для батарей монархіи. Они забыли, что возбужденный народъ, разъ приведенный въ сильное движеніе, не можетъ по приказанію свыше сразу успокоиться. Они сдѣлали безсмысленную попытку совершить невозможное и думали, что, завоевавъ свободу для всѣхъ,

народъ удовольствуется той долей суверенитета, которую они ему предоставятъ. Этимъ они разъединили Францію и значительно ослабили ея силу сопротивленія внѣшнему врагу. Они дѣйствительно, какъ рѣзко и образно выразился Дантонъ, растерзали грудь націи. Ихъ низверженіе стало дѣломъ первой необходимости, и оно было совершено тѣмъ самымъ парижскимъ народомъ, который вмѣстѣ съ ними низвергнулъ самодержавный престолъ.

Лѣвую партію конвента составляли якобинцы; она называлась также Горою (montagne) или партіею Горы, потому что члены ея сидѣли на возвышенныхъ мѣстахъ; подъ этимъ именемъ эта знаменитая партія и извѣстна во всемірной исторіи. Эта партія хотѣла устройства демократической республики, въ которой царили бы свобода и равенство для всего народа. Она никогда не была разборчивой въ средствахъ, что и не удивительно при положеніи Франціи въ тотъ моментъ. Она обладала той способностью воодушевляться, той способностью отдаваться цѣликомъ дѣлу и даже пожертвовать собой, если это нужно, которая требовалась для того, чтобъ вывести Францію изъ ея критическаго положенія и защитить все то, что было завоевано революціей. Эта демократія, наводившая въ свое время ужасъ на королей, прокладывала себѣ путь къ свободѣ мечемъ, такъ какъ «враги ея тоже угрожали ей со всѣхъ сторонъ мечемъ». Въ той ужасной борьбѣ, которую ей пришлось вести, она поражала мечемъ все, преграждавшее доступъ къ свободѣ и равенству. Она уничтожила реакціонныя партіи, подвергла смертной казни трусливыхъ генераловъ и генераловъ-измѣнниковъ и призвала французскій народъ на борьбу съ объединившимися внѣшними врагами. Своими трудами эта партія заняла чуть ли не самое выдающееся мѣсто во всемірной исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на массу работы, лежавшей на ней, она находила еще время заниматься изслѣдованіемъ соціально-экономическаго положенія Франціи, она сумѣла дать странѣ демократическую конституцію и цѣлый рядъ такихъ учрежденій, на основаніи которыхъ народъ могъ себѣ составить представленіе о преимуществахъ демократическаго строя. Въ достижимой дали она показала народу новыя общественныя формы, къ достиженію которыхъ надо было направить свои стремленія среди бурныхъ возстаній и жестокихъ битвъ. Она пожертвовала собой для дѣла революціи, которая въ концѣ-концовъ поглотила ее. Но то, что она создала, оставило неизгладимый слѣдъ въ исторіи.

Въ первый періодъ дѣятельности конвента, когда жирондисты имѣли въ немъ перевѣсъ, партія Горы дѣйствовала вполнѣ сплоченно, и ея три вожака, Дантонъ, Маратъ и Робеспьеръ, повели сообща и единодушно борьбу противъ жирондистовъ. Партія Горы насчитывала въ своихъ рядахъ очень многихъ способныхъ, сильныхъ и энергичныхъ людей. Членами ея были, между прочимъ, Камиллъ Демуленъ, Шабо, Колло д'Эрбуа, Бильо-Вареннъ, Кутонъ—человѣкъ разбитый физически, но сильный духомъ, экзальтированный Талльянъ, стоикъ-республиканецъ, епископъ Грегуаръ, Карно, обладавшій выдающимися способностями въ военномъ дѣлѣ и оказавшійся теперь въ состояніи ихъ примѣнить, блестящій, красивый и талантливый Геро де-Сешель, экспансивный мясникъ Лежандръ, авторъ республиканскаго календаря Фабръ д'Эглантинъ, молодой фанатикъ Сенъ-Жюстъ,

нерѣдко вдохновлявшій Робеспьера, «личный врагъ Бога» Анахарсисъ Клоотцъ, мечтавшій о всемірной республикѣ, и герцогъ Орлеанскій, извѣстный, какъ мы уже говорили выше, подъ именемъ Эгалитэ. Сторонниками партіи Горы были жители центральныхъ, сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ департаментовъ, а особенно населеніе Парижа. Внѣ стѣнъ конвента ее поддерживалъ общинный совѣтъ, клубъ якобинцевъ и клубъ кордельеровъ; національная гвардія, находившаяся теперь подъ начальствомъ Сантерра, была почти цѣликомъ предана ей, а рабочіе парижскихъ предмѣстій были готовы подняться по первому ея призыву.

Центръ конвента составляли нерѣшительные элементы, поддерживавшіе, въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ условій, то лѣвую, то правую партію и дававшіе перевѣсъ то первой, то второй. Въ центрѣ сидѣли по большей части боязливые и осторожные депутаты, но тамъ можно было видѣть также людей съ сильными характерами. Центръ называли насмѣшливо долиной, или болотомъ, а также чревомъ конвента. Представителемъ его былъ ловкій адвокатъ изъ Пиренеевъ Барреръ, про котораго говорили, что у него всегда имѣются наготовѣ двѣ рѣчи, одна—за данное предложеніе, а другая—противъ него. Въ центрѣ сидѣлъ, между прочимъ, Сійесъ, не проронившій ни одного слова въ теченіе двухъ лѣтъ; тамъ же пріютился Барра, ждавшій случая, чтобы забрать власть въ свои руки; сидѣли тамъ также Камбасересъ и Томасъ Пэнъ. Пэнъ прославился во время возстанія Сѣверной Америки, и въ вознагражденіе за его услуги дѣлу сѣверо-американской свободы французы дали ему право гражданства. Депутаты центра, которыхъ насмѣшливо называли «жабами изъ болота», трусливо прятались въ бурные періоды засѣданій конвента и старались жить въ мирѣ какъ съ лѣвой, такъ и съ правой партіей. Вихрь терроризма пронесся надъ ихъ головами. Послѣ паденія системы террора они стали выразителями и приспѣшниками реакціи.

Таковъ былъ составъ конвента, когда онъ 20 сентября 1792 года, въ день боя при Вальми, собрался въ Тюльери, чтобы взять въ свои руки бразды правленія республикой.

Борьба Горы съ Жирондой.

Жиронда господствовала въ конвентѣ, такъ какъ его первый предсѣдатель Петіонъ и всѣ секретари были жирондистами. Прежде всего рѣшено было дать странѣ конституцію, которую народъ долженъ былъ утвердить въ его первичныхъ собраніяхъ. Всѣ старые органическіе законы должны были оставаться въ силѣ впредь до ихъ отмѣны, подати тоже должны были взиматься впредь до ихъ уничтоженія. Всѣ эти рѣшенія вполнѣ соотвѣтствовали духу и стремленіямъ жирондистовъ. Но вотъ поднялся Колло д'Эрбуа и внесъ предложеніе объ уничтоженіи королевской власти, и, послѣ того, какъ епископъ Грегуаръ положилъ конецъ всѣмъ преніямъ своей знаменитой фразой: «Исторія королей представляетъ изъ себя книгу страданій народовъ», это предложеніе было единогласно принято конвентомъ. Это рѣшеніе ознаменовало собою наступленіе новой эры во Франціи, хотя оно только подтверждало фактъ, въ дѣйствительности совершившійся уже 10 августа.

На слѣдующій день, по предложенію Бильо-Варенна, было введено новое лѣтосчисленіе. По этому лѣтосчисленію 22-ое сентября 1792 года считалось первымъ днемъ *перваго года республики*. Кромѣ того, вмѣсто 14-го іюля національнымъ праздникомъ объявлено было 10-ое августа. Далѣе, рѣшено было, что ни одинъ членъ конвента не можетъ занимать общественной должности, и поэтому Дантонъ отказался отъ поста министра юстиціи. На его мѣсто въ ~~исполнительный совѣтъ~~ попалъ слабохарактерный Гара, старавшійся угодить всякому человѣку, въ рукахъ котораго была власть. Вскорѣ подалъ въ отставку также военный министръ Серванъ, мѣсто котораго занялъ рѣшительный революціонеръ Пашъ, служившій прежде въ морскомъ вѣдомствѣ. Роланъ, Клавьеръ, Лебрэнъ и Монжъ остались въ исполнительномъ совѣтѣ, власть котораго, впрочемъ, была настолько ограничена дѣятельностью комитетовъ, что онъ оказался вполнѣ излишнимъ; поэтому впослѣдствіи это учрежденіе было совершенно отмѣнено, и вся правительственная власть перешла въ руки комитетовъ. Петіонъ также сложилъ съ себя званіе мэра; онъ былъ затѣмъ вновь избранъ на эту должность, но опять отказался отъ нея, чтобы остаться членомъ конвента. Лишь съ трудомъ можно было отыскать кандидата на постъ мэра, и въ концѣ концовъ былъ избранъ врачъ Шамбонъ, примыкавшій къ партіи якобинцевъ, но представлявшій изъ себя полнѣйшее ничтожество.

До сихъ поръ конвентъ принималъ свои рѣшенія единогласно. Еще 23 сентября, когда рѣшено было произвести новый выпускъ ассигнатовъ, не было замѣтно никакого разногласія. Но 24 сентября разыгралась буря. Начало положилъ Роланъ. Онъ не могъ забыть того факта, что наблюдательный комитетъ коммуны издалъ въ сентябрьскіе дни приказъ объ его арестѣ,—приказъ, который, впрочемъ, не былъ приведенъ въ исполненіе. Раздражительнаго старика, являвшагося во многихъ отношеніяхъ чистымъ филистеромъ, вѣроятно, злили также насмѣшки, которыя раздавались на его счетъ изъ-за его жены, значительно превосходившей его въ умственномъ отношеніи. Маратъ назвалъ его недавно въ своей газетѣ «кухоннымъ драгуномъ», котораго жена ведетъ на помочахъ. И вотъ, въ письмѣ къ конвенту Роланъ жаловался, что ему во всемъ мѣшаютъ, что имѣли мѣсто новыя убійства на подобіе сентябрьскихъ, и т. п. Поднялся жирондистъ Керсенъ и заявилъ, что надо построить эшафоты для убійцъ, а также и для тѣхъ лицъ, которыя подстрекаютъ другихъ къ убійствамъ. Было ясно, что тутъ намекаютъ на лѣвую конвента, и съ этого момента началась борьба, поведшая къ паденію жирондистовъ. Гора возстала противъ предложенія Керсена, но его защищалъ Верньо, и оно было принято. Поднялся страшный шумъ и переполохъ, во время котораго конвентъ разошелся.

Жирондисты стали держать себя все болѣе и болѣе вызывающе. На слѣдующій день жирондистъ Лассурсъ напалъ уже совершенно открыто на Гору; его намеки имѣли прямое отношеніе къ Марату и Робеспьеру. Къ этимъ обоимъ жирондисты чувствовали особенно сильную ненависть. Лас-

сурсъ говорилъ о честолюбивыхъ людяхъ, льстящихъ народу, клевещущихъ на лучшихъ патріотовъ, оттачивающихъ кинжалы для убійства депутатовъ и мечтающихъ о тиранiи и диктатурѣ.

Жирондисты апплодировали этой рѣчи, а Гора была страшно возмущена ею.

«Кто изъ гражданъ», воскликнулъ Осселенъ, «избранныхъ въ конвентъ народнымъ голосованіемъ, настолько дерзокъ, чтобы осмѣлиться попирать ногами права народа, стремясь забрать въ свои руки диктатуру?»

«*Это—Робеспьеръ*»—воскликнулъ жирондистъ Ребеки.

Робеспьеръ молчалъ еще, но тутъ потребовалъ слова Дантонъ, и заявилъ, что теперь надо узнать всю правду. Онъ потребовалъ, чтобы были предъявлены доказательства, подтверждающія поднятое обвиненіе. Тогда выступилъ Робеспьеръ и сталъ опровергать утвержденіе Ребеки, но такъ какъ его рѣчь была слишкомъ длинна, то жирондисты прервали его. Барбару заявилъ, что передъ 10 августа онъ зашелъ разъ къ Пани, и тамъ ему расхваливали добродѣтели Робеспьера, говоря, что Франція нуждается въ немъ, какъ въ диктаторѣ. Пани оспаривалъ заявленіе Барбару, а Ребеки подтверждалъ его.

Тогда на трибуну, предназначенную для ораторовъ, взошелъ Маратъ, котораго жирондисты и «жабы изъ болоть» встрѣтили ужаснымъ шумомъ. Но онъ хладнокровно и съ гордо поднятымъ челомъ выдержалъ эту бурю. «Какъ кажется, у меня тутъ имѣется много личныхъ враговъ», заявилъ онъ холодно. «Всѣ—ваши личные враги, всѣ!»—закричали ему въ отвѣтъ жирондисты. «*Если такъ, то да будетъ вамъ стыдно*», сказалъ Маратъ, «почему вы оскорбляете человѣка, оказавшаго такъ много услугъ дѣлу свободы?» Онъ говорилъ дальше о преслѣдованіяхъ, которымъ онъ подвергался, и заявилъ совершенно открыто, что мысль о диктатурѣ пришла ему одному въ голову. Онъ сказалъ, что хотѣлъ бы избрать диктатора, который стеръ бы съ лица земли всѣхъ враговъ свободы, но у котораго къ ногѣ было бы приковано ядро. Если кто-нибудь не въ состояніи подняться до его воззрѣній, то въ этомъ не онъ виноватъ.

Послѣ Марата заговорилъ Верньо, рѣчь котораго пестрѣла безсодержательными фразами; онъ прочелъ циркуляръ наблюдательнаго комитета; Марата онъ осыпалъ руганью. Жирондистъ Буало прочиталъ статью изъ газеты Марата и потребовалъ, чтобы Маратъ былъ обвиненъ конвентомъ. Маратъ защищался противъ возведенныхъ на него обвиненій, и конвентъ отклонилъ предложеніе Буало. Тогда Маратъ вынулъ изъ кармана пистолетъ и заявилъ, что если бы прошелъ декретъ о его обвиненіи, онъ размозжилъ бы себѣ голову.

Жирондисты, толкавшіе Марата во время его рѣчи и кричавшіе: «Въ аббатство!» «На гильотину!», потеряли очень много въ глазахъ парижанъ, между тѣмъ какъ Маратъ пріобрѣлъ себѣ еще большія симпатіи, чѣмъ до тѣхъ поръ. Онъ обнаружилъ мужество и хладнокровіе, а эти оба качества всегда нравятся людямъ.

У Марата было немного друзей; Робеспьеръ говорилъ про него, что онъ, по его мнѣнію, не обладаетъ умомъ и смѣлостью государственнаго

дѣятеля. Правду сказать, онъ не былъ особенно уживчивымъ человѣкомъ, и къ тому же внѣшность у него была не элегантная и не привлекательная. Но популярность его объясняется тѣмъ, что онъ былъ смѣлымъ защитникомъ правъ бѣдноты, за что, конечно, почтенная, богатая буржуазія его особенно ненавидѣла.

Съ этого дня борьба партій въ конвентѣ шла безъ перерыва. Она вышла также и на улицу. Отношенія между «объединенными» и рабочими изъ предмѣстій, которые 10 августа вмѣстѣ взяли штурмомъ Тюльери, приняли враждебный характеръ. «Объединенные», пришедшіе съ юга и принадлежавшіе къ сторонникамъ жирондистовъ, требовали головы Робеспьера, а рабочіе въ отвѣтъ на это угрожали возстаніемъ. Жирондисты нападали также на парижскую коммуну, которую они считали виновной въ сентябрьскихъ убійствахъ и всевозможныхъ грабежахъ. А госпожа Роланъ разжигала борьбу. Въ докладѣ, составленномъ ею, но представленномъ ея мужемъ конвенту отъ своего имени, снова повторяются нападки на партію Горы и на парижскую Коммуну за сентябрьскія убійства. Робеспьеръ былъ снова обвиненъ въ стремленіи къ диктатурѣ. Онъ воскликнулъ: «Кто осмѣлится открыто обвинить меня?» Тогда поднялся жирондистъ Луве и произнесъ длинную, полную ругани рѣчь, направленную противъ Горы и особенно противъ Робеспьера; въ этой своей рѣчи онъ собралъ всѣ возводившіяся на Гору обвиненія и заявилъ, что сентябрьскія убійства не представляли изъ себя народнаго суда, а были совершены небольшой кучкой наемныхъ убійцъ. Шабо возразилъ на это, что для того, чтобы пробраться въ аббатство, ему пришлось пройти подъ *стальнымъ сводомъ*, *составленнымъ изъ десятка тысячъ скрещенныхъ сабель*. Робеспьеръ потребовалъ, чтобы ему дали восьмидневный срокъ, въ теченіе котораго онъ могъ бы собрать матеріалъ для своего оправданія. Онъ оправдывалъ себя очень искусно, и обвиненіе Луве, которое въ отношеніи фактовъ было очень слабо, должно было совершенно пасть.

Такимъ образомъ, обѣ эти партіи стали въ такія враждебныя отношенія другъ къ другу, что уничтоженіе одной изъ нихъ казалось неизбѣжнымъ. Между тѣмъ, какъ жирондисты упрекали представителей партіи Горы въ сентябрьскихъ убійствахъ, Гора не безъ основанія подняла противъ жирондистовъ обвиненіе въ томъ, что они хотятъ разорвать Францію на враждебныя другъ другу части. Такъ какъ жирондисты всегда ссылались на департаменты, то ихъ стали обвинять въ федерализмѣ. Гора очень искусно сумѣла заставить конвентъ постановить, что *республика* должна оставаться *единой и нераздѣльной*, и что каждый, кто желалъ бы раздробить Францію, долженъ быть подвергнутъ смертной казни.

Но личный характеръ борьбы Горы съ Жирондой представлялъ изъ себя только внѣшнюю оболочку тѣхъ глубокихъ принципіальныхъ противорѣчій, которыя существовали между этими обѣими партіями. Жирондисты требовали свободы для *личности*, не желая въ то же время нисколько нарушить тѣ привилегіи, которыми пользовались имущіе классы; выставленный этой партіей принципъ можно назвать индивидуализмомъ. Партія Горы, наоборотъ, требовала преобразованій для всего общества во имя свободы,

равенства и братства. Эта противоположность принциповъ сдѣлала борьбу неизбѣжной, независимо отъ того, на какой почвѣ и по какимъ поводамъ эту борьбу приходилось вести.

Во время этой борьбы конвентъ все-таки не бездѣйствовалъ. Онъ подготовлялся къ предстоявшей ему крупной работѣ и выбиралъ свои комитеты и коммиссіи. Пока образованы были только слѣдующіе комитеты: комитетъ для охраны общественной безопасности, комитетъ для веденія отчетности, военный комитетъ, законодательный комитетъ, финансовый комитетъ и комитетъ для выработки конституціи. Въ этихъ комитетахъ перевѣсъ имѣли, конечно, жирондисты.

Битва при Жемаппѣ.

Послѣ отступленія Пруссаковъ Дюмурье повернулъ на сѣверъ, чтобы выполнить давно лелѣянный имъ планъ вторженія въ Бельгію. Онъ стянулъ всѣ войска, стоявшія на сѣверной границѣ, и двинулся къ Бельгіи. У Монса его поджидалъ принцъ Альбертъ Саксенъ-Гессенскій, занявшій очень сильную позицію. Этотъ принцъ, бывшій главнокомандующимъ австрійскихъ войскъ, стоялъ до этого времени со своими войсками подъ городомъ Лилемъ. Его жена Марія-Христина Австрійская пріѣхала къ нему сюда спеціально для того, чтобы посмотрѣть, какъ будетъ наказанъ одинъ изъ гордыхъ бунтовщиковъ, и принцъ безжалостно обстрѣливалъ въ теченіе шести дней этотъ городъ. Было разрушено около 200 домовъ. Но «городъ бунтовщиковъ» не сдавался, а оказывалъ самое геройское сопротивленіе непріятелю. Конвентъ отправилъ въ городъ коммиссаровъ, которые вмѣстѣ съ его жителями выдерживали осаду. Получивъ извѣстіе о приближеніи генерала Дюмурье, принцъ прекратилъ безцѣльную и безчеловѣчную бомбардировку и отступилъ къ своимъ укрѣпленнымъ позиціямъ. Дюмурье напалъ на него, и тутъ-то 6 ноября 1792 года произошла кровавая битва при Жемаппѣ, въ которой австрійцы были разбиты на голову.

Нападеніе французовъ на сильную позицію австрійцевъ было произведено съ большимъ героизмомъ. Два раза штурмъ французовъ былъ отбитъ. Но отвага французскихъ баталіоновъ была необыкновенна; молодые республиканцы съ радостью жертвовали собой за дѣло свободы. Герцогъ Шартрскій, сынъ герцога Орлеанскаго, ставшій впослѣдствіи королемъ Франціи подъ именемъ Людовика-Филиппа, собралъ разстроившіеся полки французскаго лѣваго крыла, образовалъ изъ самыхъ отважныхъ солдатъ особый баталіонъ, который онъ назвалъ жемаппскимъ баталіономъ, и произвелъ сильную штыковую атаку на австрійцевъ. Генералъ Даніьеръ атаковалъ австрійскій центръ, гдѣ былъ расположенъ большой редутъ, пушки котораго обстрѣливали французскія штурмовыя колонны. Храбрый и пылкій генералъ схватилъ знамя и повелъ свои полки прямо на этотъ огнедышащій редутъ. Онъ первымъ взбирается на него и поднимаетъ трехцвѣтное знамя. Въ то же время самъ Дюмурье успѣлъ снова привести въ порядокъ обращенное въ бѣгство и совершенно разстроенное правое крыло и вы-

строилъ его для новой атаки. Воодушевленный генералъ запѣлъ Марсельезу, войско подхватило пѣсню, и подъ звуки могучаго революціоннаго гимна, заглушаемаго лишь громомъ орудій, республиканскія колонны съ неотразимой силой направляются противъ непріятеля. Дѣло шло о томъ, чтобы взять деревню Кюэмъ и этимъ окончательно рѣшить исходъ битвы. Подъ убійственнымъ непріятельскимъ огнемъ колонны производятъ удачную штыковую атаку, австрійцы выброшены изъ деревни, и, такимъ образомъ, французы выходятъ изъ боя побѣдителями.

Австрійскіе ветераны признавались въ ужасѣ, что имъ никогда еще не приходилось сталкиваться съ такимъ разъяреннымъ врагомъ.

Принцъ Альбертъ, отличившійся бомбардировкой города Лиля, былъ внѣ себя. Онъ не могъ понять того, какъ это онъ, зять императрицы Маріи-Терезіи, могъ быть побѣжденъ генераломъ республики. Въ гнѣвѣ онъ отказался отъ командованія войсками.

Дюмурье пошелъ по направленію къ Брюсселю, не встрѣчая на пути никакого сопротивленія. Результаты его побѣды были необыкновенно велики; вся Бельгія была завоевана. Крѣпости сдавались одна за другой.

Конвентъ съ радостью привѣтствовалъ успѣхи Дюмурье и рѣшилъ присоединить Бельгію къ Франціи. Онъ хотѣлъ сдѣлать Бельгію демократической страной и дать ей ту самую свободу, за которую, какъ всѣмъ тогда казалось, она возстала противъ австрійцевъ еще до французской революціи. Но бельгійскій народъ, находившійся подъ опекой духовенства и аристократовъ, не понялъ идей французской демократіи. Конвентъ уничтожилъ феодальные порядки въ Бельгіи, объявилъ всѣ княжескія имѣнія и имѣнія духовенства собственностью націи и провозгласилъ свободу и равенство. Бельгійскій народъ посмотрѣлъ на это какъ на нарушеніе его правъ; онъ смѣшивалъ «историческія права» своихъ священниковъ и аристократовъ, стоявшихъ нѣкогда во главѣ движенія противъ австрійцевъ, со своими собственными правами. Къ тому же народъ сталъ обвинять коммиссаровъ, присланныхъ конвентомъ въ Бельгію для приведенія въ исполненіе его постановленій,—среди нихъ находился также Дантонъ,— что они ведутъ себя какъ разбойники. Фактовъ, подтверждающихъ это обвиненіе, почти совсѣмъ не было налицо, но шумъ поднялся большой, и народъ пришелъ въ страшное возбужденіе.

Въ головѣ Дюмурье, которому была поручена организація новой французской провинціи, носились различные планы. Онъ сталъ посредникомъ между враждовавшими сторонами, и ему удалось до нѣкоторой степени завоевать расположеніе бельгійцевъ. Этотъ побѣдоносный генералъ подумывалъ уже теперь о сверженіи республики и возстановленіи королевской власти. Онъ представлялъ себя въ роли генерала Монка, возстановившаго въ 1660 году королевскую власть въ Англіи.

А пока что этотъ искусный генералъ и ловкій государственный дѣятель обманывалъ демократію. Съ роялистами онъ былъ роялистомъ, съ жирондистами—жирондистомъ, а съ якобинцами—якобинцемъ. Всѣ одинаково вѣрили ему. Одинъ лишь прозорливый Маратъ угадывалъ, что въ душѣ этого человѣка кроются зародыши измѣны, и онъ открыто заявлялъ

объ этомъ въ своей газетѣ. Люди, отличавшіеся особенной политической близорукостью, не преминули назвать его за это клеветникомъ. Но впослѣдствіи оказалось, что онъ былъ правъ.

Паденіе Майнца.

Командованіе арміей, расположенной на Рейнѣ, перешло, послѣ отозванія неспособнаго Люкнера, въ руки генерала Кюстина. Этотъ генералъ сражался въ Сѣверной Америкѣ подъ знаменами Вашингтона; хотя онъ и принадлежалъ къ старинному дворянскому роду, но былъ, повидимому, всей душой преданъ республикѣ. Кюстинъ еще не столкнулся нигдѣ съ врагомъ, но онъ зналъ, что населеніе рейнскихъ провинцій относится очень сочувственно къ тѣмъ измѣненіямъ, которыя произошли во Франціи, и поэтому онъ рѣшилъ пойти на Майнцъ. У Шпейера онъ разбилъ отрядъ майнцскихъ и австрійскихъ войскъ, находившійся подъ начальствомъ полковника Винкельмана, который пользовался большими симпатіями при майнцскомъ дворѣ за свои французофобскія рѣчи; но эти рѣчи оказались несостоятельными передъ пушками Кюстина.

Населеніе лѣваго берега Рейна сильно страдало подъ тяжелымъ бременемъ феодализма. Тамъ пріютилась цѣлая уйма мелкихъ свѣтскихъ и духовныхъ князьковъ и господъ. Обыкновенно при этомъ такой князекъ былъ тѣмъ большимъ деспотомъ, чѣмъ мельче онъ былъ. Особенно страдало отъ нихъ сельское населеніе, которое изнемогало подъ бременемъ барщины и податей. Съ приближеніемъ французскихъ войскъ, весь этотъ феодальный строй исчезъ, точно по мановенію волшебнаго жезла: князьки и господа обратились въ бѣгство, горожане и крестьяне стали свободными людьми.

Майнцъ составлялъ въ то время курфюршество, въ составъ котораго входили также Ашаффенбургъ и Эрфуртъ. Государство находилось въ крайне жалкомъ состояніи. Майнцская армія являлась, вслѣдствіе своей трусости и царившей въ ней деморализаціи, мишенью для самыхъ обидныхъ насмѣшекъ. Государственныя деньги раздавались различнымъ фаворитамъ; политика правительства находилась подъ вліяніемъ капризовъ мстрессъ. Курфюрстъ Фридрихъ-Карлъ-Іосифъ фонъ Эрталь, бывшій одновременно курфюрстомъ майнцскимъ и княземъ-епископомъ вормскимъ, пригласилъ въ майнцскій университетъ въ качествѣ профессоровъ цѣлый рядъ знаменитыхъ ученыхъ и разыгрывалъ роль покровителя искусствъ и наукъ, чтобы отвлечь вниманіе общества отъ своего развратнаго образа жизни. Большинство жившихъ въ Майнцѣ ученыхъ принадлежало къ ордеру иллюминатовъ и относилось сочувственно къ принципамъ французской революціи. Таковъ былъ, напримѣръ, знаменитый Георгъ Форстеръ, а также профессоръ Гофманъ изъ Вюрцбурга, богословъ Елау и профессоръ Меттернихъ.

Майнцская буржуазія наживалась на расточительности двора и была поэтому предана ему; но низшіе классы относились съ большой симпатіей къ французской революціи.

При вѣсти о томъ, что Кюстинъ послѣ боя у Шпейера приближается къ Майнцу, населеніемъ старой имперской крѣпости овладѣлъ паническій ужасъ. Курфюрстъ улетучился изъ города со всѣмъ своимъ дворомъ и при этомъ «нечаянно» забралъ изъ нѣсколькихъ кассъ деньги, совсѣмъ не принадлежавшія ему. Улицы были запружены экипажами бѣглецовъ, а Рейнъ такъ и кишѣлъ пароходами съ бѣглецами. Курфюрстскій министръ Альбини обратился къ гражданамъ съ рѣчью, въ которой онъ призывалъ ихъ къ защитѣ отечества до послѣдней капли крови; однако, въ то время, когда онъ произносилъ эту рѣчь, телѣги съ его имуществомъ успѣли уже переправиться черезъ рейнскій мостъ.

Въ крѣпости имѣлся достаточно сильный гарнизонъ; въ орудіяхъ, аммуниціи и провіантѣ не было недостатка, такъ что она могла бы выдержать продолжительную осаду. Но комендантъ ея, австрійскій генералъ Гимнихъ, былъ такъ трусливъ, что сдалъ ее 21 октября, испугавшись угрозы Кюстина, что онъ подвергнетъ городъ бомбардировкѣ.

Утвержденіе, будто Майнцъ палъ вслѣдствіе измѣны, ничѣмъ не доказано, хотя французы и могли имѣть своихъ сторонниковъ въ крѣпости. Въ измѣнѣ обвиняли курфюрстскаго офицера Эйкермейера, потому что онъ потомъ перешелъ на французскую службу, гдѣ дослужился до чина генерала. Но этотъ самый Эйкермейеръ одинъ только и высказался тогда за защиту Майнца и сдѣлалъ также соотвѣтствующія приготовленія.

Сейчасъ же по вступленіи французовъ въ Майнцъ, тамъ образовался знаменитый клубъ «Друзей свободы и равенства», въ которомъ собиралась мѣстная демократія. Кюстинъ взялъ въ свои руки управленіе страной и назначилъ чиновниками приверженцевъ новыхъ идей. Но вскорѣ онъ показалъ, что не стоитъ на высотѣ своего положенія ни какъ полководецъ, ни какъ государственный дѣятель.

23 октября французскій генералъ Нейвингеръ появился со своими войсками подъ стѣнами стараго имперскаго города Франкфурта на Майнѣ. Мѣщане-филистеры, составлявшіе господствующій классъ въ этомъ городѣ, сильно испугались и стали увѣрять французовъ въ своихъ дружескихъ чувствахъ къ нимъ. Кюстинъ велѣлъ потребовать съ нихъ всеиной контрибуціи въ одинъ милліонъ; такая сумма показалась франкфуртцамъ чрезмѣрной и они предложили полмилліона. Но Кюстинъ настаялъ на милліонѣ и этимъ навсегда испортилъ отношенія съ франкфуртцами. Въ Германіи по поводу этого грабительства поднялся страшный шумъ, и газеты изобразили дѣло въ сильно преувеличенномъ видѣ. Кюстинъ дѣйствительно не сумѣлъ завоевать симпатій нѣмцевъ къ французамъ и ихъ нововведеніямъ. Франкфуртъ онъ удержалъ въ своихъ рукахъ лишь до 12 декабря, такъ какъ въ этотъ день на него было произведено нападеніе со стороны пруссаковъ, подошедшихъ къ городу изъ Кобленца и успѣвшихъ уже оправиться послѣ своего несчастнаго отступленія изъ Шампани, причемъ къ нимъ присоединился одинъ гессенскій корпусъ. Кюстинъ оставилъ во Франкфуртѣ только незначительный отрядъ, который теперь долженъ былъ потерпѣть страшное пораженіе, такъ какъ стоявшій по близости Кюстинъ не пришелъ къ нему на помощь. Пруссаки и гессенцы за-

няли Франкфуртъ, а Кюстинъ, приведшій своими высокопарными воззваніями въ волненіе всю Германію, совершенно потерялъ голову и отступилъ обратно къ Майнцу. Это поведеніе его, между прочимъ, привело его на эшафотъ.

Приблизительно къ этому же времени французскій генералъ Монтескью отнялъ у сардинскаго короля Савойю и Ниццу, которыя были присоединены къ республикѣ.

Процессъ короля.

Надзоръ за королевскимъ семействомъ былъ порученъ парижской коммунѣ, т. е., вѣрнѣе говоря, парижская коммуна, изъ недовѣрія къ жирондистамъ, не выпускала надзора за королевской семьей изъ своихъ рукъ. Роялисты постарались изобразить обращеніе, которому подвергался Людовикъ XVI и его семья въ Тамплѣ, безчеловѣчнымъ и грубымъ. Но если принять въ соображеніе то чувство ненависти, которое испытывали другъ къ другу дворъ и демократія, то на основаніи имѣющихся данныхъ никоимъ образомъ нельзя придти къ тому выводу, будто обращеніе съ королемъ носило какія-нибудь черты грубости и безчеловѣчности. Надзоръ за плѣнниками сталъ болѣе строгимъ лишь съ того момента, когда обнаружилось, что роялисты завязали съ ними сношенія съ цѣлью ихъ освобожденія. Тампльская башня представляла изъ себя четырехъ-этажное зданіе; въ каждомъ этажѣ находилось по двѣ комнаты и кабинету. Окна были загорожены рѣшетками; входъ запирался тяжелыми дверями. Въ нижнемъ этажѣ помѣщалась стража, взятая изъ революціонныхъ секцій и находившаяся подъ начальствомъ Сантерра. Въ первомъ этажѣ былъ помѣщенъ король съ сыномъ, во второмъ—королева съ дочерью, а въ третьемъ—принцесса Елизавета. Узникамъ было разрѣшено гулять подъ присмотромъ въ Тампльскомъ саду; днемъ они могли сообщаться другъ съ другомъ безъ всякихъ стѣсненій. На ночь ихъ отдѣляли другъ отъ друга. Имъ были предоставлены книги и письменныя принадлежности, да и въ другихъ вещахъ имъ не отказывали. Лишь позже интриги роялистовъ повели къ тому, что пришлось ввести нѣкоторыя ограниченія. Людовику было до самаго конца позволено оставить при себѣ своего камердинера Клери. Пища узникамъ давалась хорошая; 13 поваровъ работало въ кухнѣ, вблизи башни. На пропитаніе королевской семьи коммуна потратила въ два мѣсяца свыше 28 000 франковъ. Королю было передано на разные мелкіе расходы 2.000 франковъ; впослѣдствіи ему перестали давать деньги изъ боязни, какъ бы онъ не подкупилъ кого-нибудь.

За королемъ хотѣли имѣть наблюденіе и поэтому за нимъ и его семьей слѣдили очень строго, но никто не хотѣлъ его мучить. Если принять во вниманіе обычное обращеніе любого правительства съ тѣми людьми, которые являются въ его глазахъ политическими преступниками, если принять въ соображеніе тотъ фактъ, какъ при господствѣ Людовика XVI обращались съ государственными преступниками въ Бастиліи, Вельеннѣ и

другихъ тюрьмахъ, то нельзя не отмѣтить, что демократическій муниципалитетъ Парижа относился къ Людовику XVI и его семьѣ очень предупредительно.

Людовикъ XVI больше всего возмущался тѣмъ, что его, на томъ основаніи, что онъ фактически пересталъ быть королемъ, называли теперь по имени основателя его династіи Людовикомъ Капетомъ, и что его караульные позволяли себѣ курить въ тюрьмѣ; кромѣ того, онъ жаловался на то, что привратникъ Роше не обращался съ нимъ достаточно почтительно.

Съ различныхъ сторонъ стали уже раздаваться требованія, чтобы король былъ привлеченъ къ суду. Конвентъ долженъ былъ опредѣлить, что предпринять по отношенію къ Людовику XVI. Его можно было или освободить, или оставить въ тюрьмѣ, или казнить. За освобожденіе короля никто не высказывался въ конвентѣ; жирондисты стояли за то, чтобы онъ былъ оставленъ въ тюрьмѣ, а партія Горы требовала казни его.

Вскорѣ дѣло Людовика обратило на себя вниманіе всей Европы. Всѣ европейскіе дворы посмотрѣли на дѣло французскаго короля какъ на свое собственное дѣло. Въ отвѣтъ на это національный конвентъ заявилъ, что онъ смотритъ на дѣла народовъ какъ на свои собственныя дѣла. Онъ выпустилъ 19 ноября 1792 года декретъ, въ которомъ говорилось: «Національный конвентъ симъ объявляетъ, что онъ предлагаетъ свою помощь и братство всѣмъ народамъ, стремящимся къ завоеванію свободы, и поручаетъ исполнительной власти передать генераламъ французскихъ армій приказъ, чтобы они пришли на помощь тѣмъ гражданамъ, которые теперь страдаютъ или будутъ страдать въ будущемъ за дѣло свободы».

Не одинъ только фактъ бѣгства короля въ Варенн являлся доказательствомъ того, что онъ вступилъ въ сношенія съ иностранными державами, съ представителями духовенства, отказавшимися дать присягу, и съ эмигрантами, и намѣревался уничтожить свободу французскаго народа. Въ бюро цивильнаго листа были найдены доказательства того, что король въ 1791 году сообщалъ клермонскому епископу въ письмѣ о своемъ намѣреніи возстановить королевскую власть и вернуть духовенству его прежнее могущество. Община представила конвенту документы, изъ которыхъ было видно, что дворъ израсходовалъ полтора милліона франковъ на подкупъ депутатовъ законодательнаго собранія. Маратъ потребовалъ, чтобы былъ составленъ инвентарь этихъ документовъ, и его предложеніе было принято. Но его предложеніе, чтобы документы были тотчасъ же напечатаны и обнародованы, было отвергнуто; тутъ уже жирондисты показали, что у нихъ въ этомъ отношеніи совѣсть не совсѣмъ чиста. Они стали обвинять Марата, будто онъ хочетъ натравить на нихъ народъ.

Жирондисты дѣйствительно находились въ сношеніяхъ съ дворомъ, но установить, каковы были результаты этихъ сношеній, теперь невозможно.

Въ это время въ Тюльерійскомъ дворцѣ былъ открытъ такъ называемый «желѣзный шкафъ», представлявшій изъ себя, собственно говоря, потайной ящикъ, въ которомъ король хранилъ свою секретную корреспонденцію. Какъ извѣстно, Людовикъ охотно занимался слесарной рабо-

той; онъ работалъ очень часто съ однимъ слесаремъ Гаменомъ. Гаменъ зналъ о существованіи потайного ящика и разсказывалъ о немъ прежде другимъ людямъ; по его увѣреніямъ, королева хотѣла и бѣжать отъ него и для этого угостила его отравленнымъ пирожнымъ. Гаменъ проболѣлъ долгое время, а тѣмъ временемъ одна придворная дама успѣла по порученію короля убрать изъ ящика часть бумагъ. Вскорѣ послѣ этого Гаменъ явился къ министру Ролану и указалъ ему на существованіе желѣзнаго шкафа. Роланъ настолько былъ безтактенъ, что вынулъ бумаги изъ шкафа безъ всякихъ свидѣтелей, не составилъ протокола и прежде, чѣмъ передать ихъ конвенту, самъ просмотрѣлъ ихъ. Поэтому его впослѣдствіи обвинили въ томъ, что онъ уничтожилъ тѣ бумаги, которыя могли бы скомпрометировать его политическихъ друзей, жирондистовъ. Насколько это обвиненіе основательно, нельзя опредѣлить.

Но какъ бы то ни было, тѣ документы, которые Роланъ передалъ конвенту, могли послужить достаточно сильнымъ обвиненіемъ противъ короля; среди бумагъ были найдены письменныя доказательства того, какіе заговоры устраивалъ дворъ, съ кѣмъ онъ для этого вступалъ въ сношенія и кого онъ подкупалъ. Тутъ всплыла на свѣтъ Божій измѣна Мирабо, его договоръ со дворомъ. Обнаружились интриги Булье и Лафайета, и выяснился характеръ связи двора съ иностранными державами, съ эмигрантами и отдѣльными членами обоихъ первыхъ національныхъ собраній.

Это открытіе произвело страшное впечатлѣніе на всю Францію. Народъ пришелъ въ ярость, увидѣвъ, какъ его обманывали торжественными обѣщаніями и клятвами. Презрѣніе къ заговорщикамъ и предателямъ охватило всѣхъ французовъ. Бюстъ Мирабо въ клубѣ якобинцевъ былъ разбитъ, а въ конвентѣ его завѣсили.

Со всѣхъ сторонъ стали получаться петиціи, появлялись депутаціи, требовавшія, чтобы противъ короля былъ возможно скорѣе возбужденъ процессъ. Парижская коммуна пустила въ ходъ все свое вліяніе. Передъ конвентомъ были устроены демонстраціи, участниками которыхъ являлись раненые 10-го августа.

Не могло уже быть сомнѣнія въ томъ, что король носился съ планами уничтоженія французской конституціи. Но тутъ возникалъ вопросъ, какъ его обвинить. Согласно конституціи онъ былъ неприкосновененъ; отвѣтственны были только его министры. Кромѣ того, въ одномъ изъ пунктовъ конституціи говорилось: «Послѣ отреченія короля отъ престола—отреченія, происшедшаго на основаніи ясно выраженной имъ воли или согласно закону, король принадлежитъ къ классу гражданъ и можетъ, подобно всякому гражданину, быть привлекаемъ къ суду за дѣйствія, совершенныя имъ послѣ отреченія».

Неприкосновенность является однимъ изъ тѣхъ неясныхъ, неопредѣленныхъ понятій, которыя въ большомъ числѣ вытекаютъ изъ конституціонализма. Если разсуждать логично, то надо признать, что конституціонный монархъ не отвѣтственъ только за свои публичныя и правительственныя дѣйствія, такъ какъ немыслимо, чтобы вслѣдствіе конституціонной неприкосновенности оставались безнаказанными всѣ преступленія про-

тивъ законовъ. Поэтому вопросъ о неприкосновенности тотчасъ же выступилъ на первый планъ во время преній.

Комитетъ законодательства долженъ былъ представить докладъ по дѣлу Людовика, и Мэль, выступившій 7-го ноября въ качествѣ докладчика отъ этого комитета, высказался въ томъ смыслѣ, что конвентъ имѣетъ право судить короля. Онъ доказывалъ, что неприкосновенность короля не распространяется на его частныя дѣйствія, а его тайныя сношенія съ иностранными державами и эмигрантами должны быть отнесены къ разряду такихъ частныхъ дѣйствій. По его мнѣнію, конвентъ, являющійся представителемъ французскаго народа, долженъ превратиться въ судебную палату и вынести свой приговоръ надъ Людовикомъ согласно законамъ, касающимся вопроса объ измѣнѣ и заговорахъ.

Пренія по поводу этого предложенія комитета законодательства начались 13-го ноября. Крайняя правая конвента утверждала, что короля нельзя ни судить, ни наказывать, такъ какъ неприкосновенность распространяется на всѣ его дѣйствія, и что Людовикъ XVI уже наказанъ тѣмъ, что смѣщенъ съ престола. Послѣднюю мысль особенно подчеркивалъ Мориссонъ; по его мнѣнію, смѣщеніе съ такого престола, какъ французскій, является не менѣе тяжелымъ наказаніемъ, чѣмъ смертная казнь. Кромѣ того, онъ пытался представить короля какъ жертву окружающей среды и свалить всю вину на придворные круги.

Противъ такого взгляда на дѣло выступили Робеспьеръ и Сенъ-Жюстъ. Они проявили себя въ этихъ преніяхъ сторонниками Руссо и ссылались въ своихъ рѣчахъ на его «Общественный договоръ». Маратъ вполнѣ раздѣлялъ ихъ воззрѣнія. Въ прежнія времена онъ составилъ проектъ уложенія о наказаніяхъ и высказался только очень условно за допустимость смертной казни; и Робеспьеръ высказался однажды въ учредительномъ собраніи противъ смертной казни вообще. Но Руссо въ своемъ «Общественномъ договорѣ» выставилъ слѣдующее положеніе: «Если для государства полезно, чтобы ты умеръ, то ты долженъ умереть, такъ какъ до этого момента ты жилъ въ безопасности только подъ этимъ условіемъ, и такъ какъ твоя жизнь не является уже однимъ лишь благодѣяніемъ природы, а условнымъ даромъ государства».—Догматики государственной и общественной философіи Руссо полагали, что имъ надо въ дѣлѣ Людовика XVI подчиниться безпрекословно этому положенію великаго философа; да и впослѣдствіи во времена ужаса на столѣ комитета благосостоянія можно было всегда найти «Общественный договоръ» Руссо.

Первымъ противъ Мориссона выступилъ Сенъ-Жюстъ. Это былъ молодой человѣкъ двадцати четырехъ лѣтъ, попавшій въ конвентъ благодаря вліянію Робеспьера. По происхожденію своему онъ былъ маркизъ. Этотъ человѣкъ, по своей внѣшности похожій на дѣвушку, обладалъ крупными талантами и былъ выдающимся мыслителемъ. Въ бурную эпоху революціи онъ, хотя и непродолжительное время, но игралъ выдающуюся роль. Возражая Мориссону, онъ заявилъ, что короля нельзя судить по гражданскимъ законамъ, такъ какъ, будучи королемъ, онъ тѣмъ самымъ исключенъ изъ общественнаго договора; по его мнѣнію, съ королемъ надо поступить на

основаніи [illegible] прошлаго права. «Граждане», воскликнулъ этотъ молодой фанатикъ, «если въ Римѣ послѣ шестисотъ лѣтъ добродѣтельной республиканской жизни, если въ Англіи послѣ смерти Кромвеля, несмотря на всю энергію этого человѣка, снова ожила королевская власть, то какой страхъ долженъ объять добрыхъ гражданъ, друзей свободы, при видѣ того, какъ дрожитъ топоръ въ рукахъ народа, при видѣ того, какъ этотъ народъ со страхомъ и уваженіемъ приближается къ памятнику своего рабства?»

Большинство конвента было настроено противъ такихъ мѣропріятій. Многіе горячо выступали противъ Сенъ-Жюста. Но въ это время поднялся Робеспьеръ, который очень часто подхватывалъ и развивалъ дальше идеи Сенъ-Жюста. Онъ тоже не хотѣлъ процесса. «Собраніе», заявилъ онъ, «уклонилось въ сторону отъ интересующаго насъ вопроса. У насъ тутъ дѣло идетъ не о процессѣ. Людовикъ Капетъ не является обвиняемымъ, а вы не представляете изъ себя судей. Вы—государственные дѣятели и не можете быть ничѣмъ инымъ. Вамъ не приходится произносить приговоръ надъ человѣкомъ; вамъ надо лишь принять мѣру, клонящуюся къ общественному благу, совершить актъ политической предусмотрительности. Король, смѣщенный съ престола, можетъ пригодиться только для двухъ вещей: или онъ своей жизнью будетъ подкапываться подъ спокойствіе и свободу государства, или онъ своею смертью упрочитъ и то и другое. Вотъ, гдѣ слѣдуетъ искать рѣшенія того вопроса, который насъ интересуетъ. Людовикъ уже осужденъ, въ противномъ случаѣ сама республика не имѣетъ себѣ оправданія».

Конвентъ не согласился съ этой страшной альтернативой, но она проникла въ народъ, для котораго слова Робеспьера имѣли громадное значеніе. Предмѣстья привыкли поддерживать «Неподкупнаго» и постоянно аплодировать ему. Общественное мнѣніе склонилось въ пользу его взгляда, и конвентъ, не раздѣляя его мнѣнія, долженъ былъ все-таки повести процессъ противъ короля. Впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ Маратъ не раздѣлялъ взглядовъ Робеспьера. Онъ даже говорилъ одному изъ своихъ друзей, что въ поведеніи Робеспьера видны зародыши будущаго диктатора. Предчувствіе не обмануло его.

Пренія тянулись еще очень долгое время; но 3-го декабря, по предложенію Петіона, конвентъ рѣшилъ возбудить противъ короля процессъ, съ соблюденіемъ судебныхъ формальностей. Была избрана особая коммисія, которая должна была собрать всѣ поднятыя противъ короля французовъ обвиненія и составить обвинительный актъ.

Противъ короля было возбуждено преслѣдованіе за государственную измѣну. Обвинительный актъ распадался на двѣ части. Первая часть представляла изъ себя въ нѣкоторомъ родѣ введеніе, снабженное историческими справками. Въ ней были перечислены всѣ направленныя противъ конституціи дѣйствія короля, какъ, напр., попытки произвести государственный переворотъ, заговоры, бѣгство въ Вареннъ, нарушеніе клятвъ и т. д. Во второй части были приведены всѣ тѣ факты, которые указывали на враждебную по отношенію къ народу и конституціи дѣятельность короля до 10-го августа. Но все это не представляло изъ себя собственно обвинительнаго матеріала; обвинительный актъ стремился только доказать, что на основаніи прошлаго Людовика надо прійти къ заключенію, что онъ дѣйствительно способенъ совершить тѣ преступленія, въ которыхъ его обвиняли. Такими преступленіями въ особенности являлись заговоръ, сношенія короля съ иностранными державами и съ эмигрантами и его сочувственное отношеніе къ реакціоннымъ планамъ двора.

Конвентъ постановилъ пригласить короля и подвергнуть его допросу. 11-го сентября въ Тампль явились Сантерръ и мэръ Шамбонъ и прочли королю постановленіе конвента. Король протестовалъ противъ того, что конвентъ называетъ его Людовикомъ Капетомъ и сказалъ: «Это обращеніе со мной является лишь продолженіемъ того, что мнѣ пришлось пережить въ теченіе четырехъ послѣднихъ мѣсяцевъ. Я послѣдую за вами не потому, что я этимъ самымъ выражаю готовность подчиниться конвенту, а потому, что власть находится въ рукахъ моихъ враговъ».

Съ королемъ при этомъ обращались крайне вѣжливо. Его посадили въ изящную коляску, охранявшуюся шестью стами солдатъ національной гвардіи, и повезли въ конвентъ. На улицахъ толпилось много народу; но толпа молча пропускала коляску съ королемъ.

Предсѣдателемъ конвента въ этотъ день былъ ловкій Барреръ, всегда умѣвшій находить характерныя для даннаго дня словечки. Когда было доложено о прибытіи короля, президентъ обратился къ собранію со слѣдующими словами: «Граждане! на васъ смотритъ вся Европа. Будущія поколѣнія будутъ васъ судить съ непреклонной строгостью. Сохраняйте поэтому достоинство и безпартійность, подобающія судьямъ. Вспомните *о томъ страшномъ безмолвіи*, которымъ былъ встрѣченъ Людовикъ, когда онъ былъ возвращенъ изъ Варенна въ Парижъ!»

Появился король. «Людовикъ!», сказалъ ему Барреръ, «французскій народъ подымаетъ противъ васъ обвиненіе. Вамъ прочтутъ сейчасъ тѣ акты, въ которыхъ содержатся говорящіе противъ васъ факты. Людовикъ, садитесь!» Впослѣдствіи Барреръ очень хвасталъ тѣмъ, что онъ въ этомъ случаѣ не назвалъ короля Капетомъ.

Былъ прочитанъ обвинительный актъ, и начался допросъ. Каждый обвиняемый старается, обыкновенно, отрицать свою виновность. Но такъ, какъ это дѣлалъ Людовикъ, очень рѣдко кто дѣлаетъ. Онъ не только отрицалъ все, касавшееся его правительственныхъ дѣйствій, отвѣтственность за которыя онъ цѣликомъ возлагалъ на своихъ министровъ, но даже утверждалъ, что онъ не имѣлъ никакого понятія о существованіи «желѣзнаго шкафа», и не признавалъ писемъ, которыя онъ собственноручно подписалъ. Такое поведеніе короля страшно озлобило конвентъ и коммуну и повлекло за собой разлученіе Людовика съ его семьей.

Во время возвращенія короля въ Тампль народъ былъ страшно возбужденъ. Неоднократно раздавались крики: «Да здравствуетъ республика!» Проявленій симпатіи къ королю было замѣтно очень мало.

Конвентъ постановилъ, что король можетъ себѣ выбрать защитниковъ. Король выбралъ Тронше и Тарже. Тарже отказался подъ предлогомъ нездоровья, въ дѣйствительности же изъ малодушія. Мальзербъ добровольно

предложилъ свои услуги, и эти услуги были приняты. Кромѣ того, былъ приглашенъ молодой, незначительный юристъ Десезъ, имя котораго попало въ исторію только благодаря этому процессу.

26-го декабря Людовикъ снова появился въ конвентѣ въ сопровожденіи своихъ защитниковъ. Десезъ произнесъ защитительную рѣчь. Этотъ адвокатъ, щедро награжденный впослѣдствіи Бурбонами, оказалъ своему клієнту плохую услугу. Онъ былъ настолько нетактиченъ, что сталъ на точку зрѣнія крайней правой конвента. Онъ заявилъ, что конвентъ не можетъ быть одновременно обвинителемъ и судьей и взывалъ къ суду исторіи. Эти его рѣчи, конечно, не могли произвести никакого впечатлѣнія на конвентъ. Король сдѣлалъ еще нѣсколько дополненій къ рѣчи своего защитника и затѣмъ былъ обратно отправленъ въ Тампль.

Послѣ этого начались продолжительныя пренія по вопросу о виновности короля. Все дѣло приняло иной оборотъ, благодаря колебаніямъ жирондистовъ, не знавшихъ, какъ имъ себя вести въ этомъ дѣлѣ. Они находились въ такомъ положеніи, въ какомъ находятся вообще всѣ нерѣшительные люди. Съ одной стороны, они боялись объявить короля виновнымъ, а съ другой, они опасались парижскаго народа и потому боялись объявить его невиновнымъ. Но они придумали очень ловкій выходъ изъ своего затруднительнаго положенія. Они сдѣлали видъ, будто ихъ демократическое чувство оскорблено тѣмъ, что королю выноситъ приговоръ конвентъ, и выставили требованіе, чтобы противъ приговора было разрѣшено апеллировать ко всей націи, которая должна была вынести окончательный приговоръ въ своихъ первичныхъ собраніяхъ.

Мысль объ обращеніи къ націи вызвала крайне ожесточенную борьбу между Горой и Жирондой. Гора видѣла, что жирондисты хотятъ спасти короля, такъ какъ она знала, что при всеобщемъ голосованіи нельзя разсчитывать на возможность смертнаго приговора, какъ она этого хотѣла. И поэтому въ то время, какъ жирондисты во имя народнаго суверенитета требовали апелляціи къ націи, Гора утверждала, что жиронда хочетъ такимъ голосованіемъ возбудить лишь междоусобную войну. Робеспьеръ говорилъ, что надо различать между націей и народомъ. «Нація», говорилъ онъ, «это такъ называемые *порядочные люди*,——*люди, пользовавшіеся прежде разными преимуществами*; народъ,—это *бѣдные, трудящіеся классы*». Онъ заявлялъ, что въ первичныхъ собраніяхъ народъ попадетъ подъ вліяніе «порядочныхъ людей». Робеспьеръ проявилъ въ этомъ процессѣ крайнюю стойкость и упорство, и во время борьбы съ жирондистами онъ сталъ, какъ и Маратъ, ихъ смертельнымъ врагомъ.

Въ это время Парижъ сталъ волноваться; на улицахъ и въ театрахъ происходили шумныя демонстраціи. Приверженцы короля устраивали демонстраціи, главнымъ образомъ, въ театрахъ. Коммуна прилагала всѣ усилія къ тому, чтобы предупреждать всякіе безпорядки. При этомъ ясно обнаружилась антипатія большинства конвента къ коммунѣ. Особенно ненавистенъ былъ жирондистамъ этотъ сильный муниципалитетъ, опиравшійся на многія тысячи вооруженныхъ рабочихъ. Однако, въ конвентъ былъ приглашенъ мэръ Шамбонъ, чтобы дать отчетъ о положеніи Парижа. Мэръ

далъ описаніе крайне тяжелаго положенія рабочихъ въ предмѣстьяхъ; къ тому времени нужда опять стала принимать все большіе и большіе размѣры. Онъ далъ также свѣдѣнія о національной гвардіи. Въ ней насчитывалось 110 тысячъ человѣкъ. Къ этому надо было прибавить 5000 «объединенныхъ», 2500 жандармовъ и т. п., и 2600 кавалеристовъ. Въ общемъ насчитывалось 130.000 человѣкъ. Граждане, вооруженные пиками, требовали ружей. Приблизительно въ это время секціямъ дали также пушки.

Въ то время, какъ коммуна занималась предупрежденіемъ всякихъ безпорядковъ, конвентъ долженъ былъ рѣшить участь короля. Трибуны конвента были переполнены народомъ, и это обстоятельство оказывало значительное вліяніе на голосованіе многихъ депутатовъ. Голосованіе продолжалось отъ 14-го до 18-го января. Прежде всего былъ поставленъ вопросъ о виновности короля. Этотъ вопросъ былъ формулированъ слѣдующимъ образомъ: «*Виновенъ ли Людовикъ Капетъ въ устройствѣ заговора противъ свободы націи и въ покушеніи на общую безопасность государства*»?

На лицо было 720 членовъ конвента (общее число членовъ конвента равнялось 747). 683 члена отвѣтили на этотъ вопросъ безусловно утвердительно, остальные 38 отвѣтили также утвердительно, но объявили себя некомпетентными въ вопросѣ о наказаніи. Такимъ образомъ, въ вопросѣ о виновности короля въ конвентѣ не было двухъ мнѣній.

Затѣмъ былъ поставленъ на голосованіе вопросъ объ обращеніи къ народу. Вопросъ былъ формулированъ слѣдующимъ образомъ: «*Долженъ ли приговоръ конвента надъ Людовикомъ Капетомъ—каковъ бы ни былъ этотъ приговоръ—быть предложенъ на утвержденіе народа*»?

Изъ 720 членовъ 423 отвѣтили отрицательно, 281—утвердительно, 11 человѣкъ ставили различныя условія, а 5 воздержались отъ голосованія.

Такимъ образомъ, маневръ жирондистовъ потерпѣлъ крушеніе. Тогда было приступлено къ голосованію по третьему вопросу, гласившему: «*Какому наказанію долженъ быть подвергнутъ Людовикъ Капетъ*»?

Въ засѣданіи оказалось на лицо 726 членовъ, изъ которыхъ 5 воздержались отъ голосованія, такъ что большинство составляло 361. За смертную казнь безъ всякихъ оговорокъ высказались какъ разъ 361 депутатъ, 46 человѣкъ голосовали за смертную казнь съ требованіемъ отсрочки казни, 26 голосовали за казнь съ требованіемъ, чтобы вопросъ объ отсрочкѣ былъ особо изслѣдованъ, 286 человѣкъ подали голосъ за тюрьму или ссылку, 2—за отправку на галеры. Итакъ, Людовикъ XVI былъ приговоренъ въ конвентѣ къ смертной казни.

Голосованіе по поводу характера наказанія продолжалось 24 часа, такъ какъ конвентъ постановилъ, чтобы каждый депутатъ подавалъ свой голосъ на трибунѣ, высказывался громко и мотивировалъ свое голосованіе. Собравшійся на галлереяхъ народъ награждалъ голосовавшихъ или шиканіемъ, или апплодисментами. Эгалитэ голосовалъ за смертную казнь для своего родственника Людовика и хотѣлъ въ пространной рѣчи оправдать свой поступокъ, на что Сійесъ, голосовавшій послѣ него, раздраженно воскликнулъ «La mort sans phrase!» («Смерти безъ фразъ!»). Роялисты потомъ

часто припоминали аббату эти его слова, и онъ впослѣдствіи предпочелъ отречься отъ нихъ. Жирондисты обнаружили тутъ свою истинную природу лицемѣровъ и двуличныхъ людей. Они хотѣли голосовать противъ смертной казни, но Верньо, увидѣвъ грозныя лица толпы на галлереяхъ, подалъ свой голосъ за смертную казнь, и его партійные товарищи поступили такъ же, какъ и онъ. Исключеніе составилъ Кондорсе, подавшій голосъ за вѣчное тюремное заключеніе. Когда затѣмъ Верньо въ качествѣ президента объявилъ результаты голосованія, онъ въ то же время заявилъ, что этотъ приговоръ причиняетъ ему большія душевныя страданія, между тѣмъ какъ самъ же онъ голосовалъ за смертную казнь.

Появились защитники короля, и Тронше заявилъ, что по уголовнымъ законамъ для осужденія требуется большинство въ двѣ трети голосовъ. Но знаменитый юристъ Мерленъ изъ Дуэ опровергъ этотъ доводъ, указавъ на то, что законъ требуетъ большинства двухъ третей голосовъ только для отвѣта на вопросъ: «Виновенъ ли обвиняемый?»; а этотъ вопросъ уже рѣшенъ. «Помимо того», воскликнулъ Сенъ-Жюстъ, «сами законы создаются лишь простымъ большинствомъ голосовъ», на что голосъ изъ правой отвѣтилъ ему: «Законы можно брать обратно, человѣческой же жизни обратно не возьмешь». Но доводы Мерлена были достаточно вѣски и конвентъ согласился съ ними.

Смертный приговоръ былъ объявленъ королю въ Тамплѣ министромъ юстиціи Гара и мэромъ Шамбономъ.

Людовикъ потребовалъ черезъ своихъ защитниковъ трехдневной отсрочки, и его ходатайство было поддержано жирондистами. Но конвентъ отклонилъ это ходатайство и постановилъ 20-го января 1793 года, чтобы приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе въ теченіе 24 часовъ.

Разнесся слухъ, будто нѣсколько молодыхъ людей устроили заговоръ съ цѣлью освобожденія короля, вслѣдствіе чего коммуна должна была принять очень энергичныя мѣры.

Людовикъ простился со своей семьей и затѣмъ попросилъ, чтобы его могъ напутствовать священникъ по имени Эджевортъ, который, какъ извѣстно было королю, скрывался гдѣ то въ Парижѣ послѣ отказа принести присягу конституціи. Эта просьба короля была удовлетворена. Мальзербу, явившемуся въ Тампль, король заявилъ, что онъ всегда желалъ лишь лучшаго для своего народа.

* * *

Сантерръ хотѣлъ, чтобы его освободили отъ командованія національной гвардіей въ день казни короля. Однако, его желаніе не было удовлетворено; ему пригрозили строгимъ наказаніемъ, и начальникомъ надъ нимъ былъ назначенъ Беррюйе, который командовалъ въ Парижѣ линейными войсками.

21-го января 1793 года въ 9 часовъ утра Сантерръ пріѣхалъ за Людовикомъ въ Тампль. Король сѣлъ въ коляску мэра, рядомъ съ нимъ сѣлъ Эджевортъ. На передней скамейкѣ сидѣли два жандарма, а за каретой везли заряженныя пушки. Коляска ѣхала мимо разставленныхъ шпалерами

національныхъ гвардейцевъ, молчаливо стоявшихъ подъ ружьемъ. Людовикъ все время читалъ молитвы. Эшафотъ былъ построенъ на площади революціи, называвшейся прежде площадью Людовика XVI и расположенной противъ Тюльерійскаго дворца. Вокругъ эшафота были разставлены пушки и выстроены войска. Подъ ружьемъ стояли въ тотъ день, вѣроятно, человѣкъ 40.000. И, несмотря на общее возбужденіе, въ Парижѣ царило поразительное спокойствіе. Нѣсколько роялистовъ попытались привлечь народъ на свою сторону криками: «Сюда, къ намъ, кто хочетъ спасти короля!» Но кавалерія разсѣяла ихъ.

Ровно въ 10 часовъ утра Людовикъ прибылъ на мѣсто казни. Помощники палача Самсона окружили короля, чтобы связать ему руки. Онъ сильно сопротивлялся и не хотѣлъ дать снять съ себя сюртукъ. Тогда къ нему подошелъ Эджевортъ и сталъ его убѣждать, чтобы онъ подчинился неизбѣжному. Король послушался его, но его возбужденіе не улеглось. Палачи разсердили его.

Людовикъ вступилъ на эшафотъ, и когда въ этотъ моментъ барабанщики національной гвардіи замолчали, онъ громко воскликнулъ: «Я умираю, будучи невиновенъ въ преступленіи, въ которомъ меня обвиняютъ; прощаю виновниковъ моей смерти и желаю, чтобы моя кровь спаяла счастье Франціи».—Въ этотъ моментъ генералъ Беррюйе велѣлъ забить дробь, палачи схватили короля, и въ 10 часовъ 20 минутъ Людовикъ былъ обезглавленъ. Нѣкоторые говорятъ, будто Эджевортъ сказалъ ему: «Сынъ святого Людовика, вознесись на небо!» Но многіе отрицаютъ это.

Такъ погибъ король, котораго многіе чрезмѣрно хвалили, а другіе чрезмѣрно порицали. Совершенныя имъ ошибки были велики, но куда больше была историческая вина, лежавшая на династіи, вслѣдствіе дѣятельности его предковъ. Ему пришлось расплатиться за свои грѣхи и еще болѣе за грѣхи другихъ. Судьба занесла его въ эту бурную эпоху, и онъ могъ проявить себя только такъ, какъ онъ себя проявилъ. Царствуй онъ въ другую эпоху, и онъ бы спокойно прожилъ свой вѣкъ: его не поминали бы ни добромъ, ни лихомъ. Теперь же онъ долженъ былъ погибнуть.

Коммуна и рабочіе.

Послѣ казни короля борьба партій въ конвентѣ затихла лишь на мгновеніе. Депутатъ Мишель Лепеллетье де-Сенъ Фаржо былъ убитъ бывшимъ королевскимъ лейбъ-гвардейцемъ, по имени Пари, за то, что онъ подалъ свой голосъ за смертный приговоръ. Лишь только этотъ депутатъ былъ похороненъ, какъ снова началась борьба между Горой и Жирондой. Жиронда, потерпѣвшая пораженіе въ процессѣ короля, боялась населенія парижскихъ предмѣстій и стала требовать, чтобы для конвента была образована особая стража. Эта стража должна была быть набрана изъ департаментовъ, и на каждаго депутата должно было прійтись по 40 пѣхотинцевъ и по 2 кавалериста. Но это предложеніе не было принято.

Въ Парижѣ нужда среди трудящагося народа стала принимать все большіе и большіе размѣры. Паденіе курса бумажныхъ денегъ не прекращалось, цѣны товаровъ все повышались. Безработица, являющаяся неразлучной спутницей политическихъ кризисовъ, увеличилась въ значительной степени. Дѣла становились все болѣе и болѣе запутанными, и торговля приходила во все большій упадокъ. Однимъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ дня былъ вопросъ о снабженіи Парижа провіантомъ. Частные торговцы не могли уже больше доставлять всю ту массу продуктовъ, въ которой нуждался этотъ крупный городъ, такъ какъ большая часть товаровъ и запасовъ исчезли съ рынка. Несмотря на энергичныя мѣры, принятыя администраціей, для дѣятельности перекупщиковъ и спекулянтовъ открылась широкая арена. Мелкіе торговцы и землевладѣльцы не хотѣли принимать въ уплату сомнительныя бумажныя деньги и тоже не выпускали своихъ товаровъ на рынокъ. Все это вызвало впослѣдствіи цѣлый рядъ энергичныхъ мѣръ, но вначалѣ конвентъ дѣлалъ въ этомъ отношеніи очень мало. Страдать приходилось всѣмъ слоямъ населенія. Не меньше другихъ страдали также и рантье, которымъ государство выплачивало ихъ ренты ассигнатами. Подъ вліяніемъ нужды рабочіе неоднократно обращались къ конвенту, который, однако, принималъ очень мало мѣръ въ ихъ пользу. Якобинцы сваливали всю вину на аристократовъ и обѣщали принять самыя энергичныя мѣры противъ всѣхъ измѣнниковъ и заговорщиковъ. Этимъ они думали (или дѣлали видъ, что думаютъ) помочь нуждѣ. Коммуна же приняла участіе въ положеніи рабочихъ и занялась, главнымъ образомъ, разрѣшеніемъ вопроса о снабженіи Парижа пищевыми продуктами.

Выразительницей нужды рабочихъ стала газета Марата. Маратъ предоставилъ въ распоряженіе рабочихъ свою газету, и они стали на ея страницахъ излагать свои жалобы. Они прекрасно понимали свое положеніе. Объ этомъ можно судить хотя бы на основаніи заявленія, поданнаго восемнадцатью тысячами бѣдняковъ въ учредительное національное собраніе и напечатанное въ газетѣ Марата. «Почему», говорятъ рабочіе въ этомъ заявленіи, «почему вы забываете свои хорошіе принципы, лишь только дѣло касается активныхъ и пассивныхъ гражданъ? Бастилія пала потому, что ее взяли штурмомъ тысячи рабочихъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья. Отказывались ли мы когда-нибудь отъ исполненія дѣла? Дрожали ли мы когда нибудь? Не мы ли побѣдили гвардію? Какая намъ можетъ быть выгода отъ того, что, низвергнувъ *родовую аристократію*, мы попадемъ подъ господство *денежной аристократіи*. Когда плотины прорваны, морскія воды начинаютъ бурлить и не останавливаются до тѣхъ поръ, пока по обѣ стороны плотины вода не остановится на одномъ и томъ же уровнѣ. Напрасно вы хотите остановиться въ своихъ реформахъ тамъ, гдѣ это вамъ желательно. Равенство правъ ведетъ къ равенству въ наслажденіи благами жизни, и только на этомъ фундаментѣ можетъ успокоиться возбужденная жизнь».

Нѣкоторые жирондисты до революціи выставляли подобныя же теоріи, но теперь эти теоріи казались имъ слишкомъ крайними. Сантерръ потребовалъ ассигнованія полмилліона франковъ для снабженія парижскаго населенія съѣстными припасами. Подобнаго рода подачки не нравились рабо-

чимъ. Очень многихъ изъ нихъ можно было пристроить при работахъ по созданію укрѣпленнаго лагеря близъ Парижа. Коммуна нарядила для этого массу рабочихъ. Но конвентъ видѣлъ въ такомъ скопленіи рабочихъ политическую опасность; дѣло разслѣдовала коммиссія, состоявшая изъ муниципальныхъ чиновниковъ и членовъ конвента. Она нашла, что безполезно растрачено полмилліона франковъ, и выработала регламентъ, который затѣмъ былъ принятъ конвентомъ. Послѣ этого рабочіе были раздѣлены на бригады и для нихъ ввели поштучную заработную плату. Рабочіе сильно возставали противъ этой мѣры; въ одномъ изъ своихъ заявленій конвенту они говорили: «Всѣ находящіяся на службѣ у націи лица должны получать справедливое вознагражденіе, которое должно распредѣляться въ извѣстной пропорціи. Рабочіе являются столпами націи, такъ какъ они именно поднялись 10-го августа».

Конвентъ оставилъ это требованіе безъ вниманія, и дѣло дошло до стачки. Тогда конвентъ прекратилъ общественныя работы. 23-го октября 1792 года въ конвентъ явилась депутація изъ двадцати рабочихъ, которая снова потребовала отмѣны поштучной платы. Но миссія депутаціи не увѣнчалась успѣхомъ.

Коммуна, поддерживавшая эти требованія рабочихъ, выдала уже раньше рабочимъ особые билеты для полученія хлѣба и теперь потребовала у конвента денегъ для погашенія этихъ билетовъ. Жирондисты упрекали коммуну въ томъ, что она не представляетъ отчетовъ конвенту.

А между тѣмъ, цѣны все повышались, и товары появлялись на рынкѣ во все меньшемъ и меньшемъ количествѣ. И въ то время какъ коммуна прилагала всѣ усилія къ тому, чтобъ уменьшить бѣдствія, жирондисты бросали ей упреки въ томъ, что она вызываетъ безпорядки. Роланъ заявлялъ, что если только обезпечить обывателямъ свободу сношеній, то на рынкѣ окажется достаточно товаровъ. По его мнѣнію, арендаторы и крестьяне не появляются больше на рынкѣ изъ боязни передъ парижскимъ населеніемъ, а муниципалитетъ продаетъ муку ниже покупной цѣны и вызываетъ этимъ ежедневный расходъ въ 12.000 франковъ. Онъ заявилъ также, что коммуна является источникомъ всѣхъ интригъ.

Коммуна въ своемъ отвѣтѣ на эти обвиненія показала, что она понимаетъ экономическое положеніе страны лучше, чѣмъ жирондисты. Она заявила, что не хочетъ новой революціи, такъ какъ революція уже произошла. Она указала на то, что народъ обреченъ на нужду, такъ какъ капиталисты, крупные торговцы и скупщики стремятся завладѣть сельскохозяйственными и промышленными продуктами. Эти господа обрекаютъ народъ на голодъ. По ея мнѣнію, отмѣна ввозныхъ пошлинъ оказала благотворное вліяніе на общее положеніе страны, но полнѣйшая свобода торговли дѣйствуетъ гибельно, и поэтому властямъ должно быть предоставлено право *назначать таксы* на предметы первой необходимости.

Подъ вліяніемъ общаго неприглядnаго положенія населенія были внесены самыя разнообразныя предложенія. Такъ, напр., въ одной петиціи требовалось, чтобъ у арендаторовъ были произведены обыски, и чтобы законъ опредѣлялъ, сколько земли можетъ обрабатывать каждый земле-

дѣлецъ. Въ конвентѣ одинъ изъ жирондистовъ требовалъ въ это время, чтобы хлѣбная торговля стала монополіей государства. Въ мотивировкѣ этого предложенія, между прочимъ, говорилось: «Если бы въ какой-нибудь завоеванной странѣ богатые люди не давали нашимъ солдатамъ своего хлѣба, и наши солдаты были бы вслѣдствіе этого обречены на голодъ, то неужели они въ этомъ случаѣ должны были бы признавать мнимую свободу собственности?» Нельзя не замѣтить, что послѣдующія мѣропріятія, какъ реквизиція и установленіе максимума цѣнъ, возникли изъ этихъ предложеній. Коммуна продолжала продавать хлѣбъ по убыточнымъ для нея цѣнамъ, и конвентъ впослѣдствіи понялъ, что нельзя повышать хлѣбныхъ цѣнъ и что надо предоставить коммунѣ средства для покрытія вытекающаго отсюда дефицита. Коммунѣ дано было право обложить населеніе налогомъ на сумму въ четыре милліона. Этотъ налогъ она осуществила въ формѣ *прогрессивнаго подоходнаго налога*. Лица, получавшія меньше 900 франковъ дохода, были освобождены отъ налога. Остальное же населеніе было раздѣлено на пятнадцать классовъ, изъ которыхъ первый долженъ былъ платить 3%, а пятнадцатый 20% своего дохода.

Подобныя же мѣры были приняты и въ другихъ городахъ: въ Марсели, Ліонѣ и Тулонѣ.

Въ Парижѣ роялистскіе агенты старались использовать нужду населенія для того, чтобы возбудить его противъ республики и конвента. Благодаря этому произошелъ цѣлый рядъ волненій, и оказалось необходимымъ принять самыя энергичныя мѣры. Конвентъ уполномочилъ коммуну немедленно бить тревогу всякій разъ, когда она найдетъ это необходимымъ. Но коммуна не удовлетворилась этимъ; она хотѣла имѣть средства для снабженія населенія продовольствіемъ. Своихъ налоговъ она еще не могла собрать, и ей удалось, несмотря на противодѣйствіе жирондистовъ, добиться ссуды, равной общей суммѣ налоговъ, имѣвшихъ поступить въ теченіе 2-хъ лѣтъ, т. е. около 7 милліоновъ франковъ.

Понятно, что своимъ противодѣйствіемъ всякимъ мѣропріятіямъ, направленнымъ на облегченіе нужды, жирондисты все болѣе и болѣе навлекали на себя ненависть народа.

А между тѣмъ, роялистскіе агенты не переставали возбуждать народъ. Въ одинъ прекрасный день они распространили слухъ, будто у булочниковъ нѣтъ больше муки и будто парижскому населенію угрожаетъ голодная смерть. Парижская коммуна приказала осмотрѣть запасы булочниковъ и нашла, что у нихъ имѣется муки въ болѣе или менѣе достаточномъ количествѣ. Роялисты подстрекали также къ безпорядкамъ прачекъ. Прачки подали конвенту 24 февраля 1793 года жалобу на вздорожаніе съѣстныхъ припасовъ и мыла. Онѣ обвиняли во всемъ ростовщиковъ и скупщиковъ и требовали для нихъ смертной казни. Конвентъ выразилъ порицаніе прачкамъ за ихъ слишкомъ рѣзкія выраженія по адресу скупщиковъ, но допустилъ прачекъ въ засѣданіе. На слѣдующій день прачки устроили настоящій походъ противъ лавочниковъ и забрали изъ лавокъ кофе, сахаръ, мыло и свѣчки по такимъ цѣнамъ, какія онѣ сами установили. Зачинщиками этихъ безпорядковъ, принимавшихъ все большіе и большіе размѣры,

считали аристократовъ; но говорили также, что въ безпорядкахъ принималъ дѣятельное участіе бывшій священникъ Жакъ Ру, состоявшій теперь коммиссаромъ коммуны и всегда рѣзко выступавшій противъ крупныхъ собственниковъ. По приказанію коммуны Сантерръ подавилъ безпорядки и заарестовалъ около 40 лицъ, возбуждавшихъ населеніе. Среди арестованныхъ находились аббаты, прежніе аристократы и ихъ слуги и одна графиня. Эти господа подстрекали прачекъ, въ надеждѣ опорочить республику. Жакъ Ру былъ тоже подвергнутъ наказанію: его исключили изъ коммуны. Онъ навлекъ на себя ненависть Робеспьера, что и привело его къ гибели.

Маратъ въ своей газетѣ нападалъ очень рѣзко на ростовщиковъ и ажіотеровъ. Онъ доказалъ, что лучше большинства другихъ революціонеровъ понимаетъ экономическое положеніе страны. «Причину несчастія», писалъ онъ въ то время, «надо искать въ массѣ выпущенныхъ ассигнатовъ, цѣнность которыхъ падаетъ все сильнѣе и сильнѣе, какъ вслѣдствіе увеличенія ихъ числа, такъ и вслѣдствіе поддѣлокъ. Паденіе цѣнности ассигнатовъ влечетъ за собой повышеніе цѣнъ на съѣстные припасы. Съѣстные припасы вздорожали такъ сильно, что неимущіе классы лишены возможности покупать ихъ. Будьте поэтому готовы на самые страшные безпорядки, такъ какъ изголодавшійся народъ не знаетъ никакихъ законовъ. Самый первый законъ изъ всѣхъ законовъ—это желаніе жить. Три года тому назадъ я предвидѣлъ эти безпорядки и всѣми силами боролся противъ системы ассигнатовъ, а въ особенности противъ мелкихъ ассигнатовъ. Частичными мѣропріятіями намъ не удастся устранить гибельныя слѣдствія этой системы. Тутъ можетъ помочь только та радикальная мѣра, которую я предлагалъ уже неоднократно: надо погасить общественный долгъ посредствомъ немедленной уплаты всѣмъ государственнымъ кредиторамъ національнымъ имуществомъ въ размѣрѣ ихъ требованій. Однимъ словомъ, надо уплатить долги не бумажными деньгами, снабженными принудительнымъ курсомъ, а національнымъ имуществомъ».

Секціи обращались къ конвенту съ адресами и требовали, чтобы были приняты строгія мѣры противъ ростовщиковъ, чтобы крупныя имущества были обложены болѣе высокими податями, и чтобы были произведены реквизиціи для войскъ. Тутъ уже чувствуется позднѣйшая политика комитета благоденствія. Но конвентъ, въ которомъ господствовали въ то время жирондисты, не принималъ пока никакихъ мѣръ. Единственное, что онъ сдѣлалъ,—это отмѣна тюремнаго заключенія за неплатежъ долговъ; это рѣшеніе онъ принялъ по предложенію Дантона. Рабочіе терпѣли страшную нужду. Но многіе изъ нихъ могли за два франка въ день служить въ вооруженныхъ секціяхъ.

Рабочіе страдали за республику и были поэтому полны ненависти по отношенію къ тѣмъ партіямъ, которыя противодѣйствовали принятію мѣръ для облегченія бѣдствій. Этой ненавистью объясняется паденіе жиронды. Жирондисты, ставшіе теперь окончательно представителями буржуазіи, думали, повидимому, что ихъ рѣчи о римской добродѣтели и свободѣ облегчатъ положеніе населенія предмѣстій. Не надѣясь особенно на помощь со

стороны конвента, въ которомъ господствовали жирондисты, народъ все легче и легче поддавался всякимъ подстрекательствамъ.

Для низверженія жиронды коммуна и партія Горы соединились съ парижанами, которые охотно пошли имъ навстрѣчу. Вотъ почему побѣда досталась имъ такъ легко.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что паденіе Жиронды является актомъ классовой борьбы.

Внѣшнія и внутреннія опасности.

Казнь Людовика XVI подняла всѣ реакціонныя державы Европы противъ французской республики. Европейскія государства соединились для подавленія французской революціи, и душой этихъ стремленій сталъ англійскій министръ Питтъ, преисполненный ненависти къ новой Франціи.

Вильямъ Питтъ, запявшій постъ министра уже на 23 году, рѣшилъ не щадить силъ для борьбы съ французской революціей. Къ этой борьбѣ его побуждала какъ ненависть къ демократіи, и такъ и торговые интересы старой Англіи. Въ своихъ средствахъ этотъ государственный дѣятель не былъ разборчивъ. Онъ образовалъ союзъ всѣхъ болѣе крупныхъ европейскихъ государствъ, подвергъ блокадѣ всѣ гавани Франціи и закрылъ французскимъ судамъ доступъ во всѣ моря. Онъ не постѣснялся даже пустить въ ходъ такое неблагородное средство, какъ выпускъ въ свѣтъ милліардовъ ассигнатовъ, чтобы окончательно расшатать кредитъ республики.

Враждебное настроеніе Питта проявлялось совершенно недвусмысленно. Онъ отказался послѣ 10-го августа признать французскаго посла Шовелена и заставилъ его послѣ казни Людовика XVI покинуть Англію. Конвентъ, знавшій, что Питтъ давно уже подготовляетъ на англійскія деньги великую коалицію противъ Франціи, отказался отъ всякихъ дипломатическихъ интригъ и рѣшилъ повести дѣло открыто. Онъ объявилъ 1-го февраля войну Англіи и Голландіи, такъ какъ намѣстникъ Голландіи Вильгельмъ V находился въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ Англіей.

Теперь выступила первая великая коалиція Питта. Англія заключила цѣлый рядъ договоровъ съ Австріей, Пруссіей, Россіей, Германіей, Сардиніей, Испаніей, Португаліей, Неаполемъ, Тосканой, Пармой, Моденой и съ папой. Рѣки англійскаго золота потекли къ этимъ союзникамъ, ставшимъ, такимъ образомъ, чуть ли не наемниками Англіи.

Со всѣхъ сторонъ республикѣ угрожалъ непріятель. Испанцы появились въ Пиренеяхъ, австрійцы и сардинцы въ приморскихъ Альпахъ, прусскія и имперскія войска на среднемъ Рейнѣ, Англія, Голландія и Австрія стягивали войска на нижній Рейнъ и въ Бельгію, а англійскій флотъ вышелъ изъ портовъ.

Въ то же время внутренній врагъ республики не дремалъ. Какъ мы знаемъ, роялисты прилагали въ Парижѣ всѣ усилія къ тому, чтобы возбудить народъ противъ конвента и коммуны. Въ провинціи старые феодалы и отказавшіеся дать присягу священники не переставали строить свои козни.

Угрозы коалиціи и наглость реакціонеровъ всегда находились въ соотвѣтствіи другъ съ другомъ. По мѣрѣ того, какъ росла сила коалиціи, реакціонеры подымали свои головы все выше и выше.

Появились первые признаки предстоящаго возстанія въ Вандеѣ. Простодушные и ограниченные вандейцы были очень преданы своимъ традиціямъ, своему дворянству и духовенству. Крестьяне были, по большей части, наслѣдственными арендаторами и выплачивали дворянамъ, которымъ принадлежала земля, опредѣленную часть доходовъ со своихъ земель. Тутъ царили патріархальные порядки, подъ вліяніемъ которыхъ вандейскій крестьянинъ не такъ сильно страдалъ отъ гнета феодализма, какъ остальные французы. Вандейцы очень дорожили религіей и монархіей. Смерть короля должна была вызвать, какъ реакцію, возстаніе въ этой провинціи.

На сѣверной границѣ дѣла обстояли тоже не важно. Дюмурье сталъ вскорѣ во враждебное отношеніе къ якобинцамъ. Во время процесса короля онъ безуспѣшно пытался вмѣшаться въ дѣло и выступить въ защиту короля. Этотъ честолюбивый генералъ считалъ себя призваннымъ окончательно ликвидировать революцію и возстановить монархію. Онъ думалъ, что его армія будетъ всегда на его сторонѣ. Вѣдь при Жемаппѣ онъ велъ ее къ побѣдѣ! Его планы не могли еще быть обнаружены, о нихъ можно было только догадываться. У него были союзники въ Парижѣ, и нельзя было опредѣленно сказать, не принадлежалъ ли къ ихъ числу и Дантонъ. Дюмурье думалъ возстановить конституцію 1791 года и провозгласить королемъ молодого герцога Орлеанскаго, служившаго въ его арміи. Но его постигло жестокое разочарованіе.

Жирондисты стали друзьями генерала-измѣнника. Они вступили съ нимъ въ открытое соглашеніе. Спасти Францію отъ угрожавшихъ ей опасностей могли только люди, обладавшіе необыкновенной энергіей. Къ таковымъ нельзя было причислить жирондистовъ, отличительной чертой которыхъ была половинчатость. Они отказывались подавать свои голоса за рѣшительныя мѣры противъ происковъ реакціонеровъ. Какъ мы уже знаемъ, они также отказывались передать въ распоряженіе коммуны достаточно средствъ для снабженія голодающаго парижскаго населенія съѣстными припасами. Они угрожали партіи Горы возстаніемъ департаментовъ. Они раздробляли силы и парализовали дѣятельность республики. Такимъ образомъ, паденіе этой партіи стало неизбѣжнымъ.

Для побѣды надъ всѣми этими внѣшними и внутренними врагами требовалась почти сверхчеловѣческая энергія. Такой энергіей обладала партія Горы, взявшая управленіе республикой въ свои руки и побѣдившая всѣхъ ея враговъ.

Массовое ополченіе и революціонный трибуналъ.

Энергичная партія Горы увлекла за собою весь конвентъ, хотя въ немъ все еще первенствовали жирондисты. Среди лицъ, занимавшихъ болѣе видные посты, произошли крупныя перемѣны. Ролапъ, который не могъ больше выдерживать нападокъ якобинцевъ, рѣшилъ выйти въ отставку.

Ассигнованные конвентомъ для распространенія въ народѣ свѣдѣній о сущности республики и революціи 10-го августа 100.000 франковъ онъ употребилъ чуть ли не исключительно на пропаганду жирондистскихъ идей. Поэтому якобинцы были совершенно правы въ своихъ нападкахъ, и Роланъ послѣ казни короля вышелъ въ отставку. Его мѣсто занялъ слабохарактерный Гара, бывшій до того времени министромъ юстиціи и старавшійся завоевать симпатіи всѣхъ партій, а на должность министра юстиціи былъ назначенъ Гойе, такой же слабохарактерный человѣкъ, какъ и его предшественникъ. Въ отставку вышелъ также и военный министръ Пашъ, стоявшій на сторонѣ якобинцевъ. Онъ не могъ ужиться съ жирондистами, и его мѣсто занялъ Бернонвилль, простой солдатъ безъ всякихъ политическихъ убѣжденій, но другъ Дюмурье. Кромѣ того, въ отставку вышелъ мэръ Парижа, жирондистъ Шамбоньи, и на его мѣсто теперь былъ избранъ Пашъ, сумѣвшій завоевать довѣріе массъ своей безкорыстной преданностью народному дѣлу. Идеалистъ Пашъ былъ честнымъ и рѣшительнымъ человѣкомъ, не будучи въ то же время фанатикомъ. Многіе ставятъ его военныя заслуги выше заслугъ Карно, но это мнѣніе неправильно.

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ напряженнаго положенія дѣлъ, якобинцы стали играть все большую роль въ политической жизни страны. На великую европейскую коалицію Питта они отвѣтили постановленіемъ конвента призвать къ оружію 300.000 человѣкъ.

Благодаря воодушевленію французовъ, это постановленіе могло быть проведено въ жизнь безъ всякихъ затрудненій. Со всѣхъ сторонъ молодежь устремилась на помощь родинѣ, и списки арміи заполнялись очень легко. Французская молодежь схватилась за оружіе, чтобы прогнать наемныя войска господина Питта. Наивысшей степени воодушевленіе достигло въ Парижѣ. Театры были закрыты, забыты были всѣ удовольствія, люди думали только о родинѣ и о республикѣ, находившейся въ опасности. Секціи были чуть ли не постоянно въ полномъ сборѣ, коммуна не переставала возбуждать и воодушевлять парижанъ. Она подняла на ратушѣ черный флагъ и въ сильно написанной прокламаціи призывала народъ къ оружію.

Молодежь была опорой республики: она была вся полна воодушевленія и любви къ новымъ государственнымъ формамъ. Но въ то время, какъ эта молодежь становилась въ ряды республиканскихъ войскъ, роялистскіе заговоры принимали все болѣе отчетливыя формы. Дѣятельность роялистовъ снова проявилась въ безпорядкахъ, возникшихъ въ предмѣстьяхъ. При видѣ убійства Лепеллетье, при видѣ двусмысленнаго поведенія генерала Дюмурье, при видѣ возникновенія возстанія въ Вандеѣ—нельзя было питать особеннаго довѣрія къ жирондистамъ. Партія Горы стала поэтому задумываться надъ тѣмъ, какими мѣрами спасти республику отъ роялистовъ, ведшихъ свои интриги въ тылу республиканской арміи и находившихся въ сношеніяхъ съ иностранными государствами. Прежде всего, она предложила учредить чрезвычайную судебную палату. Жирондисты выступили противъ этого предложенія, но партія Горы одержала верхъ, и, такимъ образомъ, былъ созданъ тотъ самый знаменитый трибуналъ, который сыгралъ впослѣдствіи такую страшную роль.

Шометтъ отъ имени коммуны потребовалъ учрежденія чрезвычайнаго суда, «для того, чтобы судить дурныхъ гражданъ». Дантонъ поддержалъ требованіе коммуны, и такъ возникъ этотъ судъ. Въ его компетенцію входили всѣ дѣла, касающіяся контръ-революціонныхъ попытокъ, покушеній противъ свободы, равенства и нераздѣльности республики; затѣмъ, дѣла о посягательствахъ на внѣшнюю и внутреннюю безопасность страны, дѣла о заговорахъ, направленныхъ къ возстановленію королевской власти. Трибуналъ состоялъ изъ одного оффиціальнаго обвинителя, двухъ его помощниковъ, пяти судей и двѣнадцати присяжныхъ. Онъ могъ только или приговаривать къ смертной казни, или оправдывать; его рѣшенія были безапелляціонны. Оправдываемые получали опредѣленное вознагражденіе. Приговоры должны были исполняться въ теченіе 24 часовъ, а имущество осужденнаго переходило въ собственность государства. Съ момента введенія этого суда сѣкира республики повисла надъ головами всѣхъ заговорщиковъ. Съ трудомъ удалось энергичной партіи Горы добиться отъ конвента согласія на учрежденіе этого трибунала. Послѣ мы разберемся въ его дѣятельности и ошибкахъ, совершенныхъ имъ подъ вліяніемъ различныхъ фанатиковъ.

Послѣ этого конвентъ ввелъ чрезвычайный военный налогъ, главными плательщиками котораго являлись богатые слои населенія. Конвентъ рѣшилъ, что онъ имѣетъ право требовать отъ этихъ слоевъ денежныхъ жертвъ, въ то время какъ бѣдный людъ расплачивался своей кровью за свободу и терпѣливо сносилъ нужду, вызванную политическими потрясеніями. Налогъ взимался въ размѣрѣ отъ 30 до 20.000 франковъ съ годовыхъ доходовъ отъ 1.000 до 50.000 франковъ; лица, получавшія больше 50.000 дохода, имѣли право сохранить 30.000 франковъ изъ доходовъ, а остальные должны были отдавать республикѣ. Кромѣ того, была создана особая коммиссія набора, отправлявшая въ каждый департаментъ по два представителя, облеченныхъ широкими полномочіями. Въ кругъ функцій этихъ коммиссаровъ конвента входило повсемѣстно проведеніе демократическихъ учрежденій и назначеніе соотвѣтствующихъ чиновниковъ; они должны были слѣдить за арестами враговъ республики и за наборомъ солдатъ.

Жирондисты энергично противодѣйствовали принятію всѣхъ этихъ рѣшительныхъ мѣръ. Но, убѣдившись, что имъ не удастся помѣшать учрежденію чрезвычайнаго суда, они постарались устроить дѣло такъ, чтобы они могли впослѣдствіи использовать его для борьбы со своими противниками. По предложенію жирондистовъ было постановлено, что конвентъ можетъ привлекать къ суду революціоннаго трибунала также и своихъ членовъ. Какъ видитъ читатель, жирондисты сами сдѣлали первый шагъ къ введенію господства ужаса.

Борьба между Горою и Жирондою снова разгорѣлась со страшною силою, и не могло уже быть сомнѣнія въ томъ, что она должна была закончиться гибелью той или другой стороны. Маратъ язвительно называлъ жирондистовъ «государственными мужами», или интриганами. Онъ рѣзко выступалъ противъ нихъ въ секціяхъ и клубахъ и доказывалъ, что вслѣдствіе ихъ слабости и двусмысленнаго поведенія республика можетъ погибнуть. Робеспьеръ разгромилъ главарей жирондистовъ въ конвентѣ. Возбу-

жденіе якобинцевъ достигло такихъ размѣровъ, что они рѣшили путемъ возстанія добиться исключенія жирондистовъ изъ конвента, полагая, что только такимъ способомъ можно устранить главное препятствіе, мѣшающее проведенію рѣшительной и послѣдовательной политики. Для выполненія этого плана выбранъ былъ день 10-го марта. Но осуществить его имъ не удалось, такъ какъ жирондисты были предупреждены. Къ тому же, собравшіяся народныя массы были разсѣяны сильнымъ и продолжительнымъ дождемъ. Госпожа Луве распускала слухи, будто якобинцы хотѣли въ этотъ день убить главныхъ жирондистовъ. Но это невѣрно. Въ ихъ планы входило только добиться исключенія жирондистовъ изъ конвента. На слѣдующій день Верньо произнесъ очень сильную рѣчь, въ которой онъ жаловался на затѣвавшійся переворотъ. Онъ предсказывалъ, что, подобно Сатурну, революція пожретъ своихъ собственныхъ дѣтей и приведетъ страну къ деспотизму. Это пророчество, отзывавшее до извѣстной степени филистерствомъ, стало потомъ знаменитымъ, но пугать оно могло только филистеровъ. Приведенное въ движеніе колесо революціи подымаетъ людей на высоту и низвергаетъ ихъ въ бездну безъ разбора. Революція поглотила много своихъ дѣтей, но еще больше она пожрала своихъ враговъ.

Жирондистамъ не слѣдовало ждать, пока ихъ поглотитъ революція. Имъ надо было только измѣнить свой взглядъ на народъ, имъ надо смотрѣть на него не какъ на отвлеченное понятіе, а какъ на общество живыхъ и мыслящихъ, хотя и бѣдныхъ людей, въ которыхъ глубоко вкоренились идеи свободы, братства и равенства. Народъ требовалъ человѣческихъ правъ въ видѣ средствъ къ жизни и энергичныхъ мѣропріятій, жирондисты же давали ему эти права въ формѣ красивыхъ фразъ. Въ этомъ и коренилась главная причина ихъ гибели.

Измѣна Дюмурье.

Между тѣмъ, Дюмурье, согласно задуманному имъ плану, вторгся въ Голландію. Голландцы приняли его лучше, чѣмъ бельгійцы. Народъ встрѣчалъ французовъ съ восторгомъ, какъ своихъ освободителей отъ оранско-англійскаго гнета. Французскій генералъ быстро завоевалъ Голландію и вскорѣ завладѣлъ бы ею окончательно, такъ какъ намѣстникъ дѣйствовалъ крайне медленно и неловко. Но въ то время, какъ Дюмурье занялъ Бреду и Гертруйденбургъ, австрійцы вторглись съ сѣверо-востока въ Бельгію. Дюмурье оставилъ въ Бельгіи своего подчиненнаго, американца Миранду, бывшаго восторженнымъ поклонникомъ Лафайета. Клерфе, командовавшій австрійцами, разбилъ сначала у Аахена французскаго генерала Мязинскаго, которому пришлось расплатиться за свои ошибки на эшафотѣ. Затѣмъ былъ также разбитъ Миранда, осаждавшій Мастрихтъ. Такимъ образомъ, врагъ сталъ угрожать Дюмурье съ тыла, и французскій генералъ долженъ былъ быстро выступить изъ Голландіи. Соединившись съ остатками войскъ Миранды, отважный Дюмурье рѣшилъ поставить все на карту, и 18-го марта 1793 года у Неервиндена далъ австрійцамъ сраженіе. Во главѣ австрійскихъ войскъ стоялъ Клерфе и молодой эрцгерцогъ Карлъ Австрійскій, впервые проявившій въ этой битвѣ свои блестящіе таланты. Дюмурье передалъ командованіе лѣвымъ крыломъ неспособному Мирандѣ. Но Миранда былъ отброшенъ австрійцами; его войска, несмотря на свое численное превосходство, были разсѣяны, такъ что правое австрійское крыло могло броситься на Дюмурье, собиравшагося въ этотъ моментъ обойти непріятеля. Теперь Дюмурье долженъ былъ отступить, такъ какъ врагъ былъ значительно сильнѣе его. Однако, его потомъ упрекали въ томъ, что онъ недостаточно сильно сопротивлялся врагу и что онъ нарочно далъ себя побить изъ ненависти къ республикѣ. Онъ потерялъ въ этой битвѣ 7.000 человѣкъ и большую часть своихъ орудій и долженъ былъ очистить Бельгію, которую онъ, такимъ образомъ, утратилъ въ одной этой битвѣ. Эта битва была не менѣе чревата послѣдствіями, чѣмъ битва при Жемаппѣ.

Послѣ этого Дюмурье открыто выступилъ противъ конвента. Уже до битвы при Неервиденѣ онъ отправилъ конвенту письмо, полное угрозъ и жалобъ на якобинцевъ. Теперь же онъ написалъ второе, еще болѣе угрожающее письмо. Якобинцы давно уже стали недовѣрчиво относиться къ Дюмурье, благодаря нападкамъ на него со стороны Марата; теперь они отправили трехъ членовъ своего клуба для того, чтобы тѣ наблюдали за генераломъ, который къ этому времени снова сблизился съ жирондистами. Вступивъ въ сношенія съ жирондистами, Дюмурье въ то же время завязалъ переговоры съ австрійскимъ генераломъ Макомъ. Онъ заключилъ съ австрійцами перемиріе, во время котораго онъ хотѣлъ двинуться на Парижъ и выступить противъ конвента съ цѣлью возстановленія конституціи 1791 года и провозглашенія королемъ герцога Шартрскаго. Теперь онъ уже не скрывалъ больше своихъ плановъ. На вопросъ якобинскихъ пословъ Дюбюиссона, Проли и Перейра о его намѣреніяхъ онъ отвѣтилъ, что конвентъ представляетъ изъ себя собраніе двухсотъ разбойниковъ и шестисотъ дураковъ, и что учрежденіе революціоннаго трибунала не должно быть терпимо. «Вы не признаете конституціи?», спросилъ Проли.—«Новая конституція слишкомъ глупа», отвѣтилъ Дюмурье и заявилъ, что онъ хочетъ возстановить королевскую власть и конституцію 1791 года. Тогда конвентъ отправилъ четырехъ коммиссаровъ: Банкаля, Камю, Кинетта и Ламарка вмѣстѣ съ военнымъ министромъ Бернонвиллемъ въ лагерь Дюмурье въ Сентъ-Аманѣ; эти коммиссары должны были пригласить Дюмурье въ конвентъ, а въ случаѣ отказа—смѣстить его. Ко времени появленія коммиссаровъ въ лагерѣ Дюмурье уже настолько успѣлъ сговориться съ австрійцами, что окружилъ себя стражей изъ австрійскихъ гусаровъ. Со своимъ другомъ Бернонвиллемъ онъ обошелся очень вѣжливо, но съ коммиссарами онъ обращался крайне надменно. Онъ отказался повиноваться постановленію конвента, звавшаго его въ Парижъ, и ушелъ отъ коммиссаровъ. Но тѣ пошли за нимъ къ его генеральному штабу. Камю обратился къ генералу въ присутствіи его офицеровъ со слѣдующимъ вопросомъ: «Повинуетесь-ли вы конвенту, или нѣтъ?»—«Нѣтъ», отвѣтилъ Дюмурье.—«Въ такомъ случаѣ, Вы смѣщены», воскликнулъ Камю, «ваши бумаги будутъ опечатаны, Вы же—арестованы».—«Ну, это уже слишкомъ сильно!» воскликнулъ Дюмурье, «сюда

гусары!» Такимъ образомъ, этотъ измѣнникъ велѣлъ австрійскимъ гусарамъ арестовать коммиссаровъ и передалъ ихъ австрійцамъ, у которыхъ они долгое время находились въ постыдномъ плѣну. Вмѣстѣ съ ними былъ арестованъ также Бернонвиль. «Такимъ путемъ», сказалъ ему Дюмурье, «я вырываю васъ изъ рукъ революціоннаго трибунала».

Эта безчестная измѣна возмутила офицеровъ арміи. Преданный конвенту Дампьеръ сталъ во главѣ противниковъ главнокомандующаго, подобно тому, какъ это нѣкогда сдѣлалъ самъ Дюмурье послѣ отложенія Лафайета. Нѣкоторое время армія не проявляла своего отношенія къ событіямъ, но когда декретъ конвента объявилъ генерала стоящимъ внѣ закона, войско гнѣвно отреклось отъ измѣнника. Онъ еле-еле успѣлъ ускакать въ австрійскій лагерь, сопровождаемый австрійскими гусарами, герцогомъ Шартрскимъ и другими заговорщиками и напутствуемый выстрѣлами и проклятіями французовъ. Этимъ закончилась его политическая и военная карьера. Командованіе войсками перешло къ Дампьеру.

Австрійцы надѣялись на контръ-революціонное выступленіе Дюмурье. Теперь, когда онъ оказался безсиленъ, они отвернулись отъ него. Англичане выдавали ему потомъ пенсію, и за это онъ составлялъ проекты противъ своего отечества. Онъ прожилъ еще довольно долго, но больше не выступалъ уже въ болѣе или менѣе значительной роли. Жилъ онъ отчасти презираемый, отчасти забытый людьми.

Измѣна Дюмурье нанесла тяжелый ударъ Жирондѣ, такъ какъ эта измѣна оправдывала нападки Горы и возбуждала подозрѣніе въ томъ, что жирондисты сами принимали участіе въ ней.

Слова и факты.

Въ то время, какъ французскія войска терпѣли такія тяжелыя неудачи и мысль объ измѣнѣ зарождалась въ головахъ разныхъ генераловъ; въ то время, какъ коалиція европейскихъ державъ становилась все болѣе опасной; въ то время, какъ Вандея грозила возстаніемъ, направленнымъ въ пользу возстановленія королевской власти, а южные департаменты угрожали подняться на защиту Жиронды,—въ это самое время въ конвентѣ борьба между Горой и Жирондой разгоралась все сильнѣе и сильнѣе. Опираясь на парижскія народныя массы, Гора стала постепенно пріобрѣтать преобладающее вліяніе также и въ конвентѣ. Но жирондисты не хотѣли уступить безъ боя, и вслѣдствіе этого борьба этихъ обѣихъ партій приняла крайне ожесточенный характеръ. Общее возбужденіе, царившее въ то время, дѣлало свое дѣло. Депутаты бросали другъ другу въ лицо брань, угрозы, обвиненія въ заговорахъ и интригахъ противъ республики. Иногда дѣло доходило до кулачной расправы. Конвентъ отражалъ на себѣ всю ту судорожную борьбу, которую переживала въ этотъ періодъ угрожаемая Европой Франція. Въ это бурное время въ конвентѣ, казалось, происходила борьба титановъ. Тутъ раздавались патетическія рѣчи Верньо, въ которыхъ онъ жаловался на то, что гражданамъ угрожаютъ смертью. Тутъ [illegible] ядовитыя выходки Гаде, бурныя филиппики Испара и Ба-

бару. Рѣзкій Маратъ обвинялъ «государственныхъ мужей» въ томъ, что они подготовляютъ междоусобную войну. Могучій голосъ Дантона громилъ реакціонеровъ, а Робеспьеръ въ пространныхъ рѣчахъ жаловался на измѣну, повсюду угрожающую республикѣ. Среди этого шума люди долины «болотныя жабы» притаились и радовались каждый разъ, когда буря проходила, не задѣвъ ихъ. Тутъ же многіе глубокіе мыслители старались разрѣшить трудный вопросъ обновленія государства и общества.

Больше ей частью одерживала верхъ партія Горы, выставлявшая энергичныя требованія. Такъ, 28-го марта по предложенію парижской коммуны постановили организовать общественную помощь бѣднымъ, и это объявлено было соціальнымъ долгомъ господствующихъ классовъ. Было также рѣшено, чтобы налоги носили характеръ прямыхъ и прогрессивныхъ налоговъ. Затѣмъ приступили къ распредѣленію общинныхъ земель. «Историческое право» землевладѣльцевъ на третью часть общинныхъ земель было уже раньше отмѣнено. Общины получили обратно всѣ свои земли. Но и теперь французы не сумѣли сконцентрировать земельную собственность и повести сельское хозяйство въ крупномъ масштабѣ. Общинная собственность и общинная автономія создали бы, какъ говоритъ одинъ современный писатель, самыя прочныя основы демократіи. Но въ противоположность парижской коммунѣ, конвентъ и слушать не хотѣлъ о болѣе широкой автономіи общинъ, и общинная собственность была раздроблена. Сначала было постановлено раздѣлить общинныя земли между тѣми гражданами, годовой доходъ которыхъ не превышалъ 100 франковъ. Затѣмъ декретомъ отъ 10-го іюня конвентъ повелѣлъ распредѣлить общинную собственность между всѣми жителями. Но это распредѣленіе было проведено лишь до извѣстной степени.

Такимъ образомъ, конвентъ увеличилъ число мелкихъ собственниковъ и этимъ создалъ тотъ классъ французскаго общества, которому суждено было стать такой сильной помѣхой для дальнѣйшаго развитія Франціи въ духѣ демократіи. Конвентъ не использовалъ представившагося ему удобнаго случая для организаціи сельскаго хозяйства въ крупныхъ размѣрахъ. Онъ не думалъ о возстановленіи стараго общиннаго хозяйства въ улучшенной современной формѣ и видѣлъ въ мелкомъ собственникѣ типъ нормальнаго человѣка. Такимъ образомъ, молодая демократія укрѣпилась на непрочномъ фундаментѣ, который не могъ обезпечить ей продолжительнаго существованія. Намъ могутъ возразить, что въ своей борьбѣ съ внѣшними и внутренними врагами демократія не могла за недостаткомъ времени остановиться на основательномъ разсмотрѣніи вопроса объ обновленіи земледѣльческаго хозяйства. Но на это мы можемъ отвѣтить, что ни у одного изъ самыхъ свѣтлыхъ умовъ ея не явилось даже мысли о томъ, что увѣковѣченіе мелкаго хозяйства можетъ воспитать эгоистическое поколѣніе, которому недоступны никакіе идеалы. Позднѣйшія двѣ наполеоновскихъ имперіи явились слѣдствіемъ подобнаго разрѣшенія земельнаго вопроса.

Гора заставляла конвентъ принимать все болѣе энергичныя мѣры. Отложеніе генерала Дюмурье послѣдовало какъ разъ въ то время, когда по предложенію коммуны было рѣшено устроить близъ Парижа

лагерь въ 40.000 человѣкъ, и когда домовладѣльцамъ было приказано обозначать на входныхъ дверяхъ домовъ имена, возрастъ и сословіе всѣхъ квартирантовъ. Послѣ измѣны Дюмурье Горѣ удалось провести свой планъ созданія новаго и сильнаго правительства въ самомъ конвентѣ. Подъ вліяніемъ возбужденія, вызваннаго отложеніемъ Дюмурье, былъ учрежденъ 6-го апрѣля 1793 года знаменитый комитетъ благоденствія, и этимъ самымъ было осуществлено выставленное Маратомъ требованіе диктатуры. Этотъ комитетъ стоялъ надъ министрами, и его девять членовъ были уполномочены дѣлать все, что, по ихъ мнѣнію, требовалось для благоденствія страны. Засѣданія комитета были закрытыя. Онъ контролировалъ министровъ, которые должны были исполнять его приказанія. Онъ не зналъ надъ собою никакой власти. Зависимость его отъ конвента выражалась въ томъ, что онъ долженъ былъ представлять принятыя имъ мѣры на утвержденіе конвента послѣ того, какъ эти мѣры приводились въ исполненіе. Но созданный конвентомъ комитетъ благоденствія не совсѣмъ соотвѣтствовалъ маратовской идеѣ о диктатурѣ. Маратъ хотѣлъ, чтобъ диктатура была сосредоточена въ рукахъ одного человѣка. Ограниченіемъ для этого диктатора должна была быть его отвѣтственность передъ конвентомъ. Передавъ диктатуру въ руки нѣсколькихъ лицъ, конвентъ раздробилъ ея силу и положилъ начало всѣмъ тѣмъ отрицательнымъ явленіямъ, которыя повели потомъ къ паденію демократіи.

Комитетъ общественной безопасности существовалъ рядомъ съ комитетомъ благоденствія; въ его рукахъ сосредоточилась внутренняя полицейская власть; но комитетъ благоденствія могъ издавать приказы объ арестахъ должностныхъ лицъ, а это предоставляло ему всемогущую власть. Онъ сталъ знаменитъ благодаря тому, что оказался въ силахъ отразить нападеніе Европы на республику и побѣдить ея внутреннихъ враговъ. Однако, въ первое время жирондистамъ удалось свести дѣятельность комитета къ нулю. Правда, они подали свои голоса за арестъ членовъ орлеанской фамиліи по дѣлу заговора Дюмурье, потому что хотѣли очистить себя отъ подозрѣнія въ томъ, что они одобряли и поддерживали планы Дюмурье. Но они добились того, чтобы въ комитетъ благоденствія были выбраны чуть ли не одни только члены долины, вслѣдствіе чего комитетъ не могъ проявлять той энергіи, которой ожидала отъ него партія Горы.

Жиронда, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что въ конвентѣ преобладаніе колеблется, стремилась парализовать большую часть попытокъ Горы и значительно увеличила опасность, угрожавшую республикѣ. Это повело къ тому, что въ партіи Горы и парижскомъ населеніи злоба на жирондистовъ возросла до того, что было рѣшено уничтожить ихъ и этимъ спасти республику отъ людей, мѣшающихъ ея побѣдѣ.

Угрозы, которыми осыпали другъ друга партіи, были предвѣстниками трагическаго исхода борьбы. Въ разгарѣ борьбы обѣ партіи бросали другъ другу самыя страшныя обвиненія. Гора утверждала, что жирондисты находятся на жалованіи у Питта, а Жиронда обвиняла Гору въ томъ, что она подкуплена Пруссіей и Австріей. Люди угрожали другъ другу смертью. Дантонъ угрожалъ жирондистамъ войной на жизнь и смерть, Робеспьеръ

объявлялъ ихъ врагами революціи, а Маратъ въ своей газетѣ требовалъ ихъ уничтоженія. Въ это же время на улицахъ Парижа преданные жирондистамъ «союзники» и солдаты требовали смерти Марата, Дантона и Робеспьера. Одинъ разъ понадобилось даже вмѣшательство властей, такъ какъ толпа возбужденныхъ марсельцевъ хотѣла поджечь домъ, въ которомъ жилъ Маратъ.

Маратъ былъ въ это время предсѣдателемъ клуба якобинцевъ, и въ одномъ изъ подписанныхъ имъ адресовъ клуба населеніе провинціи призывалось на борьбу съ жирондистами. Этотъ адресъ пестрѣлъ страшно рѣзкими выраженіями, какъ это было тогда въ модѣ. Жирондисты, смотрѣвшіе на Марата, какъ на своего главнаго врага, рѣшили пустить въ ходъ противъ него тѣ самыя учрежденія, которыя были созданы партіей Горы. Трусливые члены центра поддержали ихъ, и, такимъ образомъ, удалось съ большимъ трудомъ провести обвинительный декретъ противъ Марата. Маратъ былъ преданъ суду революціоннаго трибунала. Но вмѣсто гибели Марата ждало торжество.

До этого времени революціонный трибуналъ произнесъ четыре смертныхъ приговора, изъ которыхъ одинъ былъ совершенно безсмысленнымъ: это былъ смертный приговоръ, вынесенный какой-то кухаркѣ, отозвавшейся плохо о республикѣ, потому что ея любовникъ долженъ былъ отправиться на войну. Теперь жирондисты ожидали отъ трибунала смертнаго приговора для Марата. Но извѣстіе объ обвиненіи, поднятомъ противъ Марата, возбудило весь Парижъ, и коммуна энергично вступилась за своего любимца. Мэръ Пашъ появился въ конвентѣ и потребовалъ въ петиціи, одобренной 35-ью секціями, исключенія изъ конвента 22-хъ наиболѣе выдающихся жирондистовъ, являющихся, по заявленію петиціи, врагами революціи. Петиція требовала народнаго голосованія по поводу жирондистовъ. Но жирондисты, которые въ процессѣ короля сами настаивали на народномъ голосованіи, теперь отвергли это предложеніе и были поддержаны при этомъ друзьями Дантона. Конвентъ отклонилъ петицію 35 секцій, объявивъ ее клеветнической.

Такимъ образомъ, нападеніе коммуны на жирондистовъ потерпѣло пока крушеніе, и Маратъ предсталъ 24-го апрѣля 1799 года передъ революціоннымъ трибуналомъ. Ему было предъявлено обвиненіе въ возбужденіи къ грабежу и убійству, въ стремленіи къ установленію враждебной народу власти и къ распущенію конвента, такъ что въ общемъ онъ обвинялся нѣкоторымъ образомъ въ государственной измѣнѣ.

Маратъ предсталъ передъ судомъ съ полной увѣренностью въ своей невиновности и держалъ себя не какъ обвиняемый, а какъ обвинитель жирондистовъ. Революціонный трибуналъ единогласно оправдалъ его.

При выходѣ изъ зданія суда Маратъ былъ встрѣченъ громадной толпой; его подняли на украшенныя цвѣтами носилки, на голову надѣли ему вѣнокъ и съ торжествомъ понесли къ конвенту. Тамъ онъ снова занялъ свое мѣсто. Выступилъ бородатый саперъ и обратился къ конвенту съ слѣдующими словами: «Мы приводимъ къ вамъ обратно Марата. Маратъ былъ всегда другомъ народа, и народъ будетъ всегда другомъ Марата. Если

должна пасть голова Марата, то прежде падетъ голова сапера». Онъ поднялъ свой топоръ, и народъ двинулся процессіей по залу засѣданія, между тѣмъ какъ Маратъ съ ораторской трибуны заявилъ конвенту, что онъ возвращается съ возстановленной честью.

Этотъ процессъ былъ прелюдіей къ паденію жирондистовъ, и требованіе исключенія 22-хъ стало паролемъ для Парижа и провинціи. Въ то время, какъ жирондисты опирались на конвентъ и департаменты, Гора обращалась къ парижскому народу. Въ томъ, каковъ будетъ исходъ этой борьбы, не могло быть сомнѣнія.

Опасности растутъ.

На сѣверной границѣ Франціи было сосредоточено очень много союзныхъ войскъ. Клерфэ и неспособный принцъ Іосія Кобургскій командовали здѣсь австрійскими войсками, а герцогъ Іоркскій—англійскими. Данпьеръ, занявшій мѣсто Дюмурье, очутился въ очень затруднительномъ положеніи. Армія была дезорганизована, и съ нею было нелегко рѣшиться на открытый бой. Произошло нѣсколько мелкихъ стычекъ, и въ одной изъ нихъ Данпьеръ былъ убитъ. Его мѣсто занялъ Кюстинъ, который раньше не былъ въ силахъ ни удержать за собою Франкфурта, ни воспрепятствовать пруссакамъ осадить завоеванный имъ Майнцъ. Онъ укрѣпился въ такъ называемомъ «цезаревомъ лагерѣ» у Камбрэ, но долженъ былъ очистить это мѣсто. Его неспособность выступила тутъ съ полной очевидностью, а плохой образъ дѣйствій привелъ его на эшафотъ.

Опасность приняла грозные размѣры, и если бы теперь командованіе союзными войсками перешло къ энергичному полководцу, Парижъ и республика попали бы въ очень тяжелое положеніе. Но Іосія Кобургскій, Клерфэ, герцогъ Іоркскій и герцогъ Брауншвейгскій были не особенно опасными врагами. Къ счастью для Франціи, эти неспособные полководцы взялись за осаду крѣпостей и дали, такимъ образомъ, республикѣ время для вооруженія; а время было необходимо, такъ какъ массовое ополченіе должно было еще быть собрано. Пруссаки стояли подъ Майнцемъ, герцогъ Іоркскій—подъ Дюнкирхеномъ, а герцогъ Кобургскій—подъ Мобежомъ.

Благодаря этому, конвентъ могъ располагать небольшимъ промежуткомъ времени, который онъ использовалъ съ поразительной энергіей. Воодушевленіе народа росло вмѣстѣ съ ростомъ опасностей. А опасности все увеличивались, такъ какъ теперь, увидѣвъ борьбу партій въ конвентѣ, внутренній врагъ тоже поднялъ голову.

Коммиссары по дѣламъ набора были во многихъ департаментахъ встрѣчены крайне недружелюбно. Ліонъ, Марсель и Бордо были приверженцами жирондистовъ. Особенно Ліонъ проявлялъ рѣзкую антипатію къ партіи Горы. Купечество этого города не хотѣло приносить никакихъ жертвъ для демократіи. Этотъ городъ поднялся противъ своего якобинскаго муниципа-

литета и свергнулъ его въ тотъ самый день, когда въ Парижѣ были свергнуты жирондисты. Возстаніе Ліона противъ конвента вызвало продолжительную, кровавую междоусобную войну.

Но значительно страшнѣе была опасность, грозившая со стороны Вандеи. Мы уже вкратцѣ обрисовали общее состояніе этой провинціи. Тутъ дворяне и отказавшіеся отъ присяги священники не сочли для себя нужнымъ эмигрировать, такъ какъ народъ былъ до того преданъ своему дворянству и духовенству, что правительственныя учрежденія, поскольку они сами не стояли на сторонѣ роялистовъ, не пользовались никакимъ уваженіемъ и авторитетомъ. Демократическимъ идеямъ въ этой странѣ не было мѣста, и феодализмъ, казалось, продолжалъ тутъ послѣ 1789 года процвѣтать, точно никакой революціи и не было. Получалось такое впечатлѣніе, будто въ этой провинціи нашла себѣ пріютъ старая Франція. Здѣсь, согласно патріархальнымъ обычаямъ, дворяне и крестьяне занимались сообща охотой, и поэтому крестьяне были тутъ хорошими стрѣлками; а это обстоятельство сыграло крупную роль во время возстанія. Крестьяне были тутъ мелкими наслѣдственными арендаторами, и ихъ хозяйства давали въ среднемъ ежегодный доходъ въ 500—600 франковъ; часть дохода они уступали своимъ помѣщикамъ. Населеніе, доходившее въ своей набожности до изувѣрства, было довольно своими скудными доходами, такъ какъ его пріучили къ ограниченію своихъ потребностей. Дворянство и духовенство пользовалось очень большимъ уваженіемъ среди этихъ простыхъ и ограниченныхъ крестьянъ. Конвентъ могъ, пожалуй, повести себя болѣе умѣло по отношенію къ Вандеѣ, но столкновеніе было неизбѣжно, такъ какъ дворяне и священники послѣ казни короля безпрерывно возстановляли Вандею противъ конвента.

Поводомъ къ возстанію послужило рѣшеніе конвента созвать массовое ополченіе. Вандейцы не хотѣли бороться за республику. Коммиссары и офицеры, отправленные сюда для произведенія набора, встрѣчали повсюду скрытую вражду или открытое сопротивленіе. Въ деревнѣ Машкуль офицеръ, руководившій дѣломъ набора, былъ убитъ, и возстаніе распространилось съ неимовѣрной быстротой по всей провинціи. Повсюду республиканскіе отряды подвергались нападенію и безпощадно истреблялись. Вандейцы проявили уже въ самомъ началѣ возстанія поразительную жестокость и фанатизмъ. Они вели войну со своеобразной тактикой, причемъ значительную помощь оказывалъ имъ характеръ ихъ мѣстности. Они стрѣляли въ республиканцевъ изъ-за кустовъ и деревьевъ и легко приводили ихъ своими мѣткими выстрѣлами въ замѣшательство; тогда они выскакивали съ дикимъ крикомъ и избивали республиканцевъ тяжелыми дубинами. Вскорѣ у нихъ нашлись популярные вожаки, какъ, напр., бывшій извозчикъ Кателино, лейтенантъ Шареттъ, лѣсничій Стофле, Боншанъ, Лекюръ и Ларошъ-Жакеленъ. Вначалѣ возстаніе шло успѣшно ужъ по одному тому, что для подавленія его конвентъ отправилъ совершенно неспособныхъ генераловъ. Англія поддерживала повстанцевъ деньгами, такъ что вскорѣ возстаніе было вполнѣ организовано, и цѣлью его было провозглашено возстановленіе католической церкви и возведеніе на престолъ

Людовика XVII, малолѣтняго сына Людовика XVI, который вмѣстѣ съ матерью находился тогда въ тюрьмѣ.

Обѣ стороны вели войну со страшной жестокостью. Возстаніе Вандеи поставило республику въ такое опасное положеніе, что конвентъ рѣшился на самыя крайнія мѣры. Этому сопротивлялись жирондисты, и, такимъ образомъ, возстаніе въ Вандеѣ стало одной изъ причинъ гибели этой партіи, нѣкогда выступавшей съ такимъ рвеніемъ противъ двора.

Конвентъ принялъ самыя строгія мѣры. За участіе въ какомъ-нибудь народномъ волненіи всякій священникъ и дворянинъ объявлялся стоящимъ внѣ закона; всѣ лица, пользовавшіяся въ прежнія времена опредѣленными привилегіями, должны были быть обезоружены; эмигранты изгонялись изъ страны навсегда и въ случаѣ возвращенія наказывались смертной казнью.

Противъ всѣхъ этихъ мѣръ можно было съ точки зрѣнія гуманности и свободы сдѣлать много возраженій; но Гора не стала въ это время заниматься разсужденіями, такъ какъ дѣло тутъ шло не о томъ, чтобы изслѣдовать и устанавливать теоріи, а о томъ, чтобы спасти во что бы то ни стало республику. Конвентъ рѣшилъ принять эти мѣры, такъ какъ другихъ онъ не зналъ. А жирондисты постоянно противились всѣмъ энергичнымъ мѣрамъ, предложеннымъ въ этотъ чрезвычайно критическій моментъ Горою. Имъ казалось, что партійныя распри и ихъ доктрины стоятъ выше, чѣмъ Франція и республика. Образъ дѣйствій этой партіи до крайности озлоблялъ парижское населеніе, завоевавшее Франціи ея свободу, и озлобленный Парижъ, какъ мы увидимъ ниже, уничтожилъ эту партію.

Паденіе жирондистовъ.

Государственное благо съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе требовало изгнанія жирондистовъ изъ конвента, и Дантонъ, Маратъ и Робеспьеръ соединились съ коммуной для низверженія этой партіи, которая, казалось, ставила себѣ исключительной цѣлью ослабленіе силъ революціи. Правда, Дантонъ долгое время былъ противникомъ этой мѣры; онъ думалъ, что арестъ и обвиненіе членовъ конвента могутъ повлечь за собою очень опасныя послѣдствія. Но во время борьбы его сомнѣнія мало-по-малу исчезли.

Секціи образовали комитетъ, засѣдавшій открыто въ городской ратушѣ. Но изъ числа членовъ этого комитета былъ избранъ второй, болѣе тѣсный комитетъ, который засѣдалъ въ архіепископскомъ дворцѣ, и предсѣдателемъ котораго былъ нѣкій Добсанъ. Этотъ центральный комитетъ сталъ подготовлять возстаніе противъ жирондистовъ и такъ какъ онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ комитетомъ секцій, засѣдавшимъ въ ратушѣ, то онъ могъ въ каждую минуту поставить на ноги секціи и призвать ихъ къ оружію.

Въ конвентѣ узнали объ этихъ планахъ и подготовленіяхъ, и жирондисты старались предупредить коммуну. Предсѣдателемъ конвента былъ избранъ Иснаръ, вызывающее поведеніе котораго по отношенію къ лѣвой

содѣйствовало обостренію конфликта. Гаде, одинъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ Горы и коммуны, думалъ, что возстанію можно помѣшать путемъ постановленія конвента. Онъ произнесъ громовую рѣчь противъ заговора 10-го марта и потребовалъ смѣщенія парижскаго муниципалетета, мѣсто котораго должны были занять президенты секцій; затѣмъ онъ потребовалъ, чтобы были созваны въ Буржъ замѣстители членовъ конвента, которые могли бы перенять функціи конвента въ томъ случаѣ, если конвентъ, засѣдающій въ Парижѣ, будетъ уничтоженъ.

Это наглое требованіе сначала поразило Гору; затѣмъ поднялся страшный шумъ. Раздались грозныя заявленія о томъ, что заговорщики, стремящіеся уничтожить единство республики, теперь сами разоблачили свои планы. Этой суматохѣ былъ положенъ конецъ Барреромъ, который, заручившись согласіемъ комитета благоденствія, отличавшагося тогда еще значительной вялостью, предложилъ избрать коммиссію изъ двѣнадцати членовъ для веденія слѣдствія по поводу плановъ, направленныхъ противъ жирондистовъ. Члены этой коммиссіи назывались инспекторами залы. Въ коммиссію попали исключительно враги Горы и коммуны, и поэтому неудивительно, что негодованіе Горы тотчасъ же направилось противъ нея. Лозунгомъ революціоннаго Парижа стало устраненіе коммиссіи; рѣшено было, что 31-го мая начнется возстаніе съ цѣлью низверженія этой коммиссіи, одновременно съ которой должна была пасть и Жиронда. Съ самаго начала это возстаніе называли «моральнымъ», такъ какъ можно было предположить, что оно обойдется безъ кровопролитія. Командованіе національной гвардіей поручено было Анріо, такъ какъ Сантерръ въ то время командовалъ войсками, отправленными противъ возставшей Вандеи. Анріо былъ человѣкъ съ очень сомнительнымъ прошлымъ. Это былъ малоспособный хвастунъ и фразеръ. Но въ этотъ моментъ онъ, какъ оказалось, прекрасно подходилъ для порученной ему роли.

По приказанію коммиссіи двѣнадцати было арестовано довольно много рѣшительныхъ революціонеровъ. Она приказала, между прочимъ, арестовать Гебера, помощника прокуратора общины. Геберъ издавалъ газету «Père Duchesne» и пользовался среди парижскаго населенія большой популярностью. Тонъ его газеты былъ очень рѣзокъ, но не болѣе рѣзокъ, чѣмъ тонъ жирондистскихъ и роялистскихъ газетъ. Коммуна подняла протестъ противъ ареста Гебера и объявила себя постоянной. То же самое сдѣлали революціонные комитеты и клубы. 27-го мая въ конвентъ явилась депутація коммуны и потребовала освобожденія Гебера и распущенія вышеупомянутой коммиссіи. Одна секція потребовала даже привлеченія коммиссіи къ суду революціоннаго трибунала. Иснаръ отвѣтилъ имъ слѣдующими словами: «Если возстаніе будетъ направлено противъ народнаго представительства, то *Парижъ будетъ уничтоженъ, и въ будущемъ придется разыскивать, на какомъ берегу Сены находился этотъ городъ*».

Эти слова переполнили чашу. «Такая наглость», воскликнулъ Дантонъ «невыносима. Мы окажемъ сопротивленіе!»

Поднялась невообразимая суматоха, и такъ какъ жирондисты призвали для своей защиты вооруженную силу, то дѣло могло кончиться кровопро-

литіемъ. Толпы народа проникли въ залъ засѣданія. Раздались крики, что конвенту угрожаютъ вооруженные люди. Были призваны министръ внутреннихъ дѣлъ и мэръ, для того чтобы допросить ихъ о состояніи Парижа. Оба они заявили, что конвенту никто и ничто не угрожаетъ, что цѣлью движенія является уничтоженіе коммиссіи двѣнадцати. Пашъ, съ своей стороны, заявилъ, что виновницей всѣхъ безпорядковъ является коммиссія двѣнадцати.

Стало уже поздно, и жирондисты хотѣли прекратить засѣданіе, чтобы такимъ образомъ уклониться отъ окончательнаго рѣшенія вопроса. Но Гора упорно настаивала на немедленномъ рѣшеніи его. Покинутое Исnаромъ предсѣдательское мѣсто было занято Геро де-Сешелемъ, другомъ Дантона. «Власть разума», сказалъ Геро, «и власть народа—понятія тождественныя. Народу будетъ гарантирована справедливость». Вопросъ объ освобожденіи Гебера и другихъ арестованныхъ и о смѣщеніи коммиссіи былъ поставленъ на голосованіе конвента и рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Народъ, тѣснившійся вокругъ конвента, привѣтствовалъ это рѣшеніе криками радости. Геберу надѣли вѣнокъ и отнесли его на рукахъ въ клубъ кордельеровъ.

На слѣдующій день жирондистъ Ланжюинэ сталъ утверждать, что декретъ недѣйствителенъ. Тщетно Дантонъ, не желавшій довести борьбу до крайностей, возражалъ противъ этого. Ослѣпленные, высокомѣрные жирондисты, преисполненные ненависти къ якобинцамъ, сами прокладывали себѣ путь къ гибели. Конвентъ далъ себя переубѣдить. Правда, освобожденныя лица не были снова арестованы, но комиссія была возстановлена.

Это рѣшеніе снова разожгло озлобленіе секцій. Засѣдавшій въ архіепископскомъ дворцѣ комитетъ сталъ крайне энергично подготовлять возстаніе. Однако, и теперь еще хотѣли, чтобы это возстаніе носило чисто «моральный» характеръ.

Когда 30-го мая секціи явились въ конвентъ съ требованіемъ распущенія коммиссіи и привлеченія ея къ суду, Ланжюинэ сталъ ихъ рѣзко обвинять. Онѣ не получили отъ конвента никакого отвѣта, и тогда возставшая коммуна привела въ движеніе народныя массы.

31-го мая поднялись предмѣстья, ударили въ набатъ, и Анріо велѣлъ выстрѣлить изъ пушки въ знакъ тревоги. Въ одно мгновеніе секціи стояли уже подъ оружіемъ и окружили конвентъ, собравшійся въ 6 часовъ утра. Движеніе носило цѣликомъ характеръ «моральнаго» возстанія, такъ какъ нигдѣ дѣло не доходило до кровопролитія.

Въ конвентѣ дебатировался вопросъ о распущеніи коммиссіи. При бурныхъ крикахъ одобренія со стороны галлерей, Тюріо и Дантонъ потребовали распущенія коммиссіи. На галлереяхъ сидѣло много женщинъ, которыхъ называли «вязальщицами Робеспьера», такъ какъ этотъ послѣдній былъ ихъ любимцемъ. Затѣмъ поднялся Робеспьеръ и произнесъ длинную и рѣзкую рѣчь, направленную противъ жирондистовъ. Онъ сталъ ихъ обвинять въ томъ, что они пытались спасти короля и что они находились въ заговорѣ съ Дюмурье. Онъ требовалъ обвинительнаго декрета противъ нихъ.

Но Барреръ и центръ снова занялись посредничествомъ. Испуганные депутаціями, требовавшими распущенія коммиссіи, они сами внесли теперь

предложеніе о распущеніи ея. Кромѣ того, они предложили оставить вооруженную силу Парижа постоянной и поручить комитету благоденствія, чтобы онъ занялся разслѣдованіемъ различныхъ заговоровъ. Конвентъ принялъ предложеніе Баррера, и, такимъ образомъ, поскольку дѣло касалось коммиссіи возстаніе оказалось побѣдоноснымъ. Но вожаки возстанія не были довольны успѣхомъ 31-го мая. Они стремились къ полному низверженію Жиронды, и, по ихъ мнѣнію, распущеніе коммиссіи нисколько не устраняло угрожавшей имъ опасности. Они хотѣли ковать желѣзо, пока оно было горячо. Стали дѣлаться приготовленія къ новому движенію, цѣлью котораго было изгнаніе изъ конвента и арестъ 22 жирондистовъ. Коммуна снова взяла въ свои руки руководство возстаніемъ и поручила Гассенфратцу вечеромъ 1-го іюня прочесть въ конвентѣ угрожающій адресъ, въ которомъ требовалось изгнаніе жирондистовъ. Марать проявилъ энергичную дѣятельность. Онъ и его другъ испанецъ Гусманъ, казненный впослѣдствіи вмѣстѣ съ Дантономъ, собственноручно били въ набатъ.

2-го іюня рано утромъ населеніе Парижа съ оружіемъ въ рукахъ снова двинулось къ конвенту. Анріо имѣлъ подъ своимъ начальствомъ 100.000 человѣкъ съ 60 орудіями. О «моральномъ» возстаніи теперь уже не могло быть и рѣчи, и Анріо заявилъ, что Парижъ не сложитъ оружія, пока не добьется отъ конвента ареста 22 жирондистовъ.

Жирондисты могли два дня тому назадъ прекрасно удостовѣриться въ томъ, что народныя массы страшно озлоблены, и многіе изъ нихъ боялись самаго худшаго. Когда поэтому въ 10 часовъ утра 9-го іюня конвентъ былъ окруженъ народомъ, многія депутатскія мѣста на правой сторонѣ конвента оказались пустыми. Городъ былъ наводненъ вооруженными народными массами, раздавался звонъ набата и сигнальные выстрѣлы пушекъ. Возбужденіе народа передалось и конвенту. Ланжюинэ, отличавшійся своими реакціонными воззрѣніями, но обладавшій большимъ мужествомъ, бросился къ ораторской трибунѣ и сталъ обвинять коммуну, заявляя, что ея петиція является дѣтищемъ уличной грязи. Мясникъ Лежандръ крикнулъ ему злобно: «Молчи, или я тебя убью!» На это Ланжюинэ съ юморомъ отвѣтилъ: «Ты сначала потребуй отъ конвента, чтобы онъ постановилъ, что я—быкъ!» Якобинцы и жирондисты бросились къ ораторской трибунѣ,—первые для того, чтобы стащить Ланжюинэ съ трибуны, а вторые—чтобы защитить его. Начинается драка, на сцену появляются пистолеты и кинжалы, кто-то приставляетъ ко лбу Ланжюинэ пистолетъ; наконецъ, шумъ улегся, и появилась новая депутація коммуны, сдѣлавшая слѣдующее заявленіе: «въ теченіе уже четырехъ дней граждане Парижа не выпускаютъ изъ рукъ оружія; въ теченіе уже четырехъ дней они требуютъ отъ своихъ довѣренныхъ, чтобы тѣ возстановили ихъ нарушенныя права, и въ теченіе уже четырехъ дней эти довѣренные издѣваются надъ спокойствіемъ и бездѣятельностью довѣрителей. Заговорщики должны быть изгнаны изъ конвента и арестованы. Надо немедленно, тутъ же на мѣстѣ спасти народъ—*или народъ самъ себя спасетъ*!»

Конвентъ колебался; стали раздаваться голоса, что такъ какъ конвентъ не свободенъ, то нельзя принять никакого рѣшенія. Однако, конвентъ постановляетъ передать петицію комитету благоденствія. Депутація покидаетъ

залъ, произнося при этомъ различныя угрозы, а Левассеръ предлагаетъ арестовать жирондистовъ, какъ людей подозрительныхъ. Но этого предложенія не обсуждаютъ. Отъ жирондистовъ требуютъ, чтобы они сложили свои полномочія, но, за исключеніемъ Испара, Фоше и Лантена, они всѣ отказываются сдѣлать это. Тогда Баррерь хочетъ испробовать, свободно ли собраніе. Онъ предлагаетъ покинуть во главѣ съ президентомъ Геро залъ засѣданія и побудить собравшійся на улицѣ народъ, чтобы онъ разошелся. «Народные представители», говоритъ онъ, «требуйте уваженія къ своей свободѣ, перенесите засѣданіе на улицу и *заставьте окружающіе васъ штыки склониться передъ вами*!»

Конвентъ принялъ предложеніе Баррера, но Маратъ выбѣгаетъ на улицу и требуетъ отъ Анріо, чтобы онъ задержалъ конвентъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не будетъ вынужденъ издать декретъ объ арестѣ 22 жирондистовъ. Конвентъ съ Геро во главѣ выходитъ на каруссельскую площадь и тамъ онъ сталкивается съ главнокомандующимъ Анріо, сидящемъ верхомъ на лошади. «Чего хочетъ народъ?», спрашиваетъ предсѣдатель конвента у Анріо, «конвентъ занимается только дѣлами, касающимися счастья народа!» На это Анріо не безъ ироніи возражаетъ ему: «Геро, народъ возсталъ не для того, чтобы слышать красивыя фразы; онъ хочетъ, чтобы ему выдали 22 виновныхъ. Пока вы не постановите этого, мы васъ не освободимъ». Геро хочетъ обратиться къ національнымъ гвардейцамъ съ требованіемъ, чтобы они арестовали своего начальника, какъ бунтовщика. Но Анріо въ это время командуетъ громкимъ голосомъ: «Канониры, къ орудіямъ!» Жерла двухъ пушекъ направляются на конвентъ, и депутаты уныло возвращаются въ залъ засѣданія. Конвентъ рѣшается пожертвовать жирондистами, и Маратъ, повелѣвающій теперь какъ диктаторъ, сталъ вычеркивать изъ списка изгоняемыхъ одни имена, замѣняя ихъ другими. Въ концѣ концовъ былъ изданъ декретъ слѣдующаго содержанія:

«Національный конвентъ постановляетъ подвергнуть домашнему аресту нижепоименованныхъ депутатовъ, оставляя ихъ подъ охраной французскаго народа, національнаго конвента и честности гражданъ Парижа. Депутаты эти слѣдующіе: Жансонне, Гаде, Бриссо, Горса, Петіонъ, Верньо, Саллъ, Барбару, Шамбонъ, Бюзо, Бирото, Лидонъ, Рабо, Сентъ-Этьенъ, Ласурсъ, Ланжюинэ, Гранженевъ, Легарди, Лессажъ, Луве, Валязэ, Кервелеганъ-Гардьенъ, Буало, Бертранъ, Виже, Мольво, Ларивьеръ, Гамэръ, Бергоенъ. Точно также домашнему аресту подвергаются министръ государственныхъ налоговъ, гражданинъ Кальверъ, и министръ иностранныхъ дѣлъ, гражданинъ Лебрэнъ».

Такъ пала партія жирондистовъ, трагическая судьба которой можетъ тронуть читателя, хотя всякій безпристрастный человѣкъ останется при томъ убѣжденіи, что республика могла быть спасена отъ гибели только путемъ полнѣйшаго низверженія этой партіи. Нельзя назвать геройствомъ изгнаніе изъ конвента при помощи пушекъ и штыковъ двухъ дюжинъ депутатовъ, но врядъ ли на лицо имѣлось какое-нибудь другое средство. Парижскій народъ свергъ этихъ людей, привязавшихъ на роль представителей буржуазной аристократіи въ республикѣ. Среди нихъ были люди, заслуги

которыхъ въ дѣлѣ борьбы за свободу были велики. Но они требовали отъ революціи, чтобы она остановилась тамъ, гдѣ имъ этого хотѣлось. При такомъ тщетномъ и безумномъ стремленіи ихъ поглотилъ водоворотъ революціи.

Жиронда могла бы оставить по себѣ лучшее историческое имя, если бы она приняла дѣятельное участіе въ той великой оборонительной войнѣ, которую Гора вела съ внутренними и внѣшними врагами. Но она предпочла мѣшать Горѣ въ проведеніи энергичныхъ мѣръ, не будучи въ то же время въ состояніи рекомендовать республикѣ другія и лучшія мѣры. Поэтому-то она пала послѣ возстаній 31-го мая и 2-го іюня. Гора можетъ вполнѣ спокойно взять на себя отвѣтственность за эти безкровныя возстанія, такъ какъ они являлись результатомъ безусловной необходимости.

Господство Горы.

Второго іюня 1793 года закончился періодъ господства жирондистовъ въ конвентѣ и начался періодъ террора, который называютъ также періодомъ ужаса. Гора, опираясь на народныя массы, господствовала въ конвентѣ и держала такимъ образомъ въ своихъ сильныхъ рукахъ весь законодательный и административный аппаратъ государства. Въ конвентѣ разыгрался еще эпилогъ къ драмѣ 31-го мая, такъ какъ семьдесятъ три члена его подняли протестъ противъ изгнанія жирондистовъ и воздержались отъ всякихъ голосованій. Но съ того времени борьба партій въ конвентѣ прекратилась надолго. Раздавалось меньше красивыхъ рѣчей, но тѣмъ грандіознѣе были труды, исполненные конвентомъ какъ въ его комитетскихъ засѣданіяхъ, такъ и во время общихъ собраній.

Гора, захватившая въ свои руки господство надъ всѣмъ и взявшая на себя отвѣтственность за все, чувствовала, что при данномъ необыкновенномъ положеніи вещей, при наличности массы внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, надо дѣйствовать единодушно. Въ партіи Горы можно было отмѣтить три теченія, группировавшіяся вокругъ трехъ вождей демократіи: вокругъ Дантона, Робеспьера и Марата. Различія между ними въ эту эпоху выступали еще не совсѣмъ ясно; впослѣдствіи же они должны были стать причиной расколовъ и крупныхъ катастрофъ. Подъ вліяніемъ партійныхъ раздоровъ жирондисты упустили изъ виду благо республики; Гора была настолько великодушна и патріотична, что думала только объ одномъ, а именно—о спасеніи республики отъ опасностей, грозившихъ ей внутри и извнѣ. Эта могучая демократическая партія бросилась для спасенія свободы въ зіяющую пасть революціи подобно тому, какъ нѣкогда бросился въ пропасть римлянинъ Курцій. Пожертвовавъ собою, она одержала побѣду.

Единодушіе Горы создало также единодушіе конвента. Комитетъ благоденствія, въ составъ котораго вскорѣ вошли члены партіи Горы, не находилъ больше въ конвентѣ никакой оппозиціи. Члены «долины» тоже должны были признать, что для выхода изъ того чрезвычайно тяжелаго положенія, въ которое попала страна, требуется примѣненіе чрезвычайныхъ мѣръ. Та-

кимъ образомъ, диктаторское правительство могло дѣйствовать съ той силой, тѣмъ единодушіемъи быстротой, которыя требовались для того, чтобы страна могла преодолѣть всѣ затрудненія.

Въ самомъ дѣлѣ, врядъ ли когда-нибудь какое-либо правительство переживало такія тяжелыя времена, какія приходилось переживать французскому правительству лѣтомъ 1793 года. До того времени жирондисты съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, тормозили всѣ дѣла республики. Только теперь Гора могла выпрямиться во весь ростъ, и она немедленно приступила къ работѣ.

Флоты Англіи и Испаніи отрѣзали Францію отъ моря, сдѣлали невозможнымъ всякій подвозъ товаровъ извнѣ, свели на нѣтъ ея торговлю и старались усилить бѣдствія и нужду внутри страны. Но сама природа пришла на помощь угрожаемой со всѣхъ сторонъ Франціи: поля и виноградники дали въ 1793 году чрезвычайно богатый урожай, и двадцатипятимилліонное населеніе Франціи могло, несмотря на переживаемый страной внутренній кризисъ, пропитаться продуктами своей родной почвы. Но на всѣхъ границахъ стояли вражескія войска, готовыя наброситься на республику. Еще болѣе страшные размѣры приняли опасности, угрожавшія странѣ внутри. Въ Вандеѣ сформировались три арміи, выступившія на борьбу съ конвентомъ. Главнокомандующимъ этими арміями былъ Кателино. Каждая армія насчитывала около 12.000 человѣкъ. Боншанъ стоялъ съ Анжуйской арміей на Луарѣ; въ центрѣ стояла «великая армія» подъ начальствомъ д'Эльбе, а въ нижней Вандеѣ стоялъ Шареттъ съ «арміей болота».

Къ этому надо прибавить еще возстаніе, вызванное паденіемъ жирондистовъ. Большая часть южныхъ и сѣверныхъ департаментовъ возстала противъ конвента въ отвѣтъ на событія 31-го мая и 2-го іюня. Въ городахъ муниципальная власть большею частью находилась въ рукахъ якобинцевъ, тогда какъ господствовавшая въ секціяхъ, зажиточная буржуазія стояла на сторонѣ жирондистовъ. Это обстоятельство повлекло за собою повсюду ожесточенную борьбу, которая вылилась въ форму возстанія, извѣстнаго подъ именемъ «федералистическаго», хотя жирондисты и протестовали противъ этого названія. Федерализмъ являлся въ эту эпоху дѣйствительно политическимъ преступленіемъ, такъ какъ республику могла спасти только сильная центральная власть.

Якобинскіе муниципалитеты на югѣ и сѣверо-западѣ были большей частью низвергнуты и замѣнены жирондистскими. Бордо, Тулуза, Марсель, Тулонъ и Ліонъ возстали противъ конвента еще до паденія Жиронды. Роялисты, бывшіе все время насторожѣ, вмѣшались въ эти провинціальныя возстанія и придали имъ совершенно иной характеръ, чѣмъ тотъ, какой хотѣли имъ придать ихъ иниціаторы. Ліонъ всецѣло попалъ въ руки роялистовъ, такъ какъ въ этомъ торговомъ городѣ одни только рабочіе были приверженцами Горы. Секціи въ этомъ городѣ находились цѣликомъ подъ вліяніемъ купечества. Онѣ низвергли якобинскій муниципалитетъ и казнили главаря якобинцевъ Шалье. Затѣмъ городъ принялъ эмигрантовъ и поручилъ роялисту стараго закала маркизу де-Преси командованіе военными силами Ліона. Тотъ фактъ, что второй по своей величинѣ городъ государства под-

нялся противъ правительства, значительно затруднилъ положеніе конвента, сдѣлалъ его критическимъ, и этимъ объясняется то страшное наказаніе, которому конвентъ подвергъ возставшій городъ.

Арестованные въ Парижѣ жирондисты не могли вначалѣ жаловаться на строгое обращеніе; они даже продолжали получать, въ качествѣ членовъ конвента, полагавшіеся имъ 18 франковъ содержанія. Но нѣкоторые изъ нихъ бѣжали въ провинціальные города и примкнули тамъ къ возставшимъ, и это обстоятельство вызвало, конечно, болѣе строгія мѣропріятія противъ ихъ единомышленниковъ, оставшихся въ Парижѣ. Роланъ бѣжалъ въ Руанъ, между тѣмъ, какъ его жена была арестована въ Парижѣ. Точно также бѣжали Кондорсе и Ларевельеръ-Лепо, въ то время какъ Верньо и Жансонне оставались въ Парижѣ; Бриссо былъ арестованъ въ Муленѣ, Манюэль въ Монтаржи. Многіе жирондисты бѣжали изъ подъ домашняго ареста, подкупивъ своихъ сторожей; бѣжали Гаде, Луве, Бюзо, Петіонъ, Барбару, Існаръ, Кервелеганъ, Ланжюинэ и другіе, отправившіеся въ Нормандію и собравшіеся въ Кальводо въ Каенѣ. Каенъ сталъ центральнымъ пунктомъ жирондистскаго возстанія, охватившаго вскорѣ всю Нормандію и Бретань. Такимъ образомъ, 60 департаментовъ находились въ открытомъ вооруженномъ возстаніи противъ конвента, которому оставались вѣрны всего лишь какихъ-нибудь 20 департаментовъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Гора должна была обладать почти сверхъ-человѣческой отвагой, чтобы не придти въ самомъ началѣ борьбы въ отчаяніе. Поэтому тѣ люди, которые вступили въ эту борьбу и вышли изъ нея побѣдителями, достойны занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи, что бы про нихъ ни говорили.

Окруженный со всѣхъ сторонъ возставшими департаментами, конвентъ вынужденъ былъ принять самыя рѣшительныя, страшныя мѣры. Революціонный трибуналъ усилилъ свою дѣятельность, и бѣжавшіе жирондисты были объявлены стоящими внѣ закона, такъ что, схвативъ кого-нибудь изъ нихъ, власти могли по удостовѣреніи личности казнить его. Противъ повстанцевъ были быстро сформированы особыя арміи, и при этомъ централизованная власть конвента оказалась болѣе сильной, чѣмъ федералистическое возстаніе.

Конституція 1793 года.

Конвентъ дѣйствовалъ очень успѣшно, и цѣлый рядъ возставшихъ городовъ и департаментовъ, испуганныхъ строгостью принятыхъ имъ мѣръ, вскорѣ снова покорились ему. Другіе города ждали лишь удобнаго случая для этого. Конвентъ хотѣлъ имъ дать въ руки такой случай и съ этою цѣлью выработалъ среди ужасовъ междоусобицъ и революціонной борьбы проектъ конституціи. Жирондисты безпрестанно обвиняли Гору въ тиранніи и анархіи. Составивъ конституцію, Гора показала, какъ она намѣрена упорядочить дѣла республики по окончаніи внутреннихъ и внѣшнихъ войнъ. Это рѣшеніе Горы было не менѣе удачно, чѣмъ направленный противъ федерализма декретъ о единствѣ и нераздѣльности республики.

Спеціальный комитетъ конвента былъ уже давно занятъ выработкою конституціи, и Кондорсе установилъ основныя черты ея. Конечно, въ проектѣ Кондорсе нашли свое выраженіе взгляды жирондистовъ. Гора отвергла проектъ Кондорсе и заставила выбрать новый комитетъ для выработки конституціи, причемъ теперь въ составъ комитета вошли одни только якобинцы. Предсѣдателемъ этого комитета былъ выбранъ Геро де-Сешель, и онъ именно является авторомъ конституціи 1793 года. Она была выработана въ нѣсколько дней, такъ какъ у Горы не было столько свободнаго времени, чтобы вырабатывать эту конституцію съ такой же прохладцей, съ какой, примѣрно, впослѣдствіи франкфуртскій парламентъ вырабатывалъ германскую имперскую конституцію.

Тьеръ говоритъ, что проектъ конституціи былъ составленъ «въ моментъ демократическаго безумства»; такого упрека нельзя, какъ намъ кажется, сдѣлать Геро де-Сешелю, который отличался яснымъ, спокойнымъ умомъ философа.

Эта конституція была выраженіемъ абсолютной и чистой демократіи. Она устанавливала, что каждый французъ, достигшій 21 года, становится гражданиномъ государства и пользуется съ этого момента всѣми политическими правами безъ всякаго имущественнаго ограниченія. Граждане входятъ въ составъ первичныхъ собраній, и для этого страна должна быть раздѣлена на округа по 50.000 человѣкъ въ каждомъ. Первичныя собранія должны созываться каждаго 1-го мая. Каждое первичное собраніе избираетъ путемъ прямыхъ выборовъ депутатовъ въ національное собраніе. Это національное собраніе является высшимъ учрежденіемъ страны, и комитеты его должны завѣдывать всѣми дѣлами республики. Рѣшенія національнаго собранія должны получать силу законовъ, если въ теченіе извѣстнаго срока противъ нихъ не высказалось большинство первичныхъ собраній. Право наложенія вето, такъ сильно способствовавшее паденію Людовика XVI, было тутъ превращено въ демократическій принципъ, такъ какъ оно было передано суверенному народу. Исполнительная власть должна была находиться въ рукахъ исполнительнаго совѣта, въ составъ котораго имѣли войти 24 члена. Этотъ исполнительный совѣтъ долженъ былъ избираться первичными собраніями путемъ косвенныхъ выборовъ. Первичныя собранія должны были составлять списокъ кандидатовъ, а національному собранію предоставлялось право вычеркивать изъ этого списка столько именъ, пока, наконецъ, въ спискѣ не оставалось только 24 имени. Замѣтимъ мимоходомъ, что этотъ исполнительный совѣтъ представлялъ собою совершенно излишній балластъ для конституціи.

Въ введеніи къ этой конституціи упоминалось также о правѣ на трудъ. Тамъ говорилось: «Общественное вспомоществованіе составляетъ священный долгъ. Общество обязано поддерживать несчастныхъ гражданъ или *доставленіемъ имъ работы*, или обезпеченіемъ средствъ существованія неспособнымъ къ труду».

Этотъ пунктъ показываетъ намъ, что конституція должна была создать чисто буржуазную демократію, предполагающую наличность классовыхъ различій. Она давала народу полное политическое равенство, но не затрагивала важнаго вопроса о томъ, какъ обезпечить существованіе гражданина государства; единственнымъ средствомъ обезпеченія существованія, казалось ей, была общественная милостыня, которую теоретики партіи Горы (какъ напр., Робеспьеръ въ своей «декларации правъ человѣка») считали *долгомъ богатыхъ по отношенію къ бѣднымъ*. Дѣло въ томъ, что работа, которая должна была быть доставлена нуждающимся, тоже разсматривалась, какъ милостыня. Надъ вопросомъ объ организаціи труда никто вообще и не задумывался.

Несмотря на это народныя массы были сильно привязаны къ этой конституціи. Во время крупныхъ возстаній предмѣстій весною 1795 года рабочіе Сентъ-Антуанскаго предмѣстья написали мѣломъ на своихъ шляпахъ слова: «*Хлѣба и конституціи 1793 года*». Изъ этого видно, что они прекрасно знали, что одна конституція 1793 года не дастъ имъ еще хлѣба. Конституція была принята конвентомъ 24-го іюня, но тотчасъ же временно отмѣнена съ той мотивировкой, что во время борьбы даннаго періода нельзя управлять страной при помощи демократической конституціи; эта мотивировка была совершенно правильна, такъ какъ безъ диктатуры Горы Франція распалась бы. Мы не видимъ особаго смысла въ разсужденіяхъ о томъ, была ли конституція 1793 года жизнеспособна или нѣтъ, такъ какъ она никогда не вступала въ силу, и, слѣдовательно, о ея жизнеспособности нельзя говорить на основаніи опыта. Но во всякомъ случаѣ мы можемъ сказать, что мнѣніе, будто эта конституція была нежизнеспособна, въ виду того, что она допускала участіе въ дѣлахъ правленія представителей всѣхъ слоевъ населенія, не выдерживаетъ критики, такъ какъ этому мнѣнію вполнѣ противорѣчитъ тотъ фактъ, что конвентъ, спасшій Францію изъ самаго тяжелаго положенія, въ какое вообще когда либо попадало государство, былъ тоже составленъ изъ представителей всѣхъ слоевъ народа.

Принятіе конвентомъ этой конституціи сразу обусловило переходъ большого количества департаментовъ на сторону конвента. Конституція должна была быть представлена на утвержденіе первичныхъ собраній, и конвентъ предоставилъ для этого только трехдневный срокъ. Но провинціи видѣли теперь, что противники Горы оклеветали эту партію, обвиняя ее постоянно въ стремленіи къ монархіи, или къ диктатурѣ.

Такъ конституція усилила власть Горы и увеличила довѣріе къ ней.

Смерть Марата

Послѣ паденія Жиронды Маратъ нѣсколько отстранился отъ политической дѣятельности. Онъ считалъ республику спасенной послѣ того, какъ «государственные мужи и интриганы» были изгнаны изъ конвента и лишены своей политической власти. Онъ за послѣдніе мѣсяцы сильно переутомился, а вслѣдствіе прежняго проживанія въ подвалахъ и подземельяхъ у него появилась накожная сыпь; это послѣднее обстоятельство давало поводъ его врагамъ къ клеветѣ. Онъ видѣлъ, какъ республика усвоила его идеи, и какъ правительство уничтожало и дѣлало безвредными открытыхъ и тайныхъ

враговъ страны: Въ этотъ именно моментъ ему пришлось разстаться съ жизнью, послѣ того, какъ онъ завоевалъ полное довѣріе парижскаго народа.

Враги революціи ненавидѣли Марата больше, чѣмъ всѣхъ остальныхъ революціонеровъ, такъ какъ онъ никого не щадилъ, разоблачалъ заговоры, не боялся дѣлать логическіе выводы изъ данныхъ предпосылокъ и обладалъ поразительной энергіей. Жирондисты, являвшіеся представителями зажиточной буржуазіи, ненавидѣли Марата, какъ представителя интересовъ пролетаріата. Они рисовали Марата, какъ грубаго, низкаго, чудовищнаго человѣка, постоянно жаждущаго крови. Они постоянно клеветали на него и создали вокругъ него цѣлую сѣть лжи и извращеній. Такъ какъ онъ былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ ихъ пораженій, то они приписывали ему самые ужасные и безумные планы, такъ что получалось впечатлѣніе, будто онъ постоянно занятъ одной лишь мыслью о томъ, какъ бы превратить Францію въ море крови. Имъ казалось, что Маратъ составляетъ величайшее несчастіе для Франціи.

Этими воззрѣніями проникласъ двадцатилѣтняя дворянка Шарлотта Кордэ д'Арманъ въ Каенѣ и состоявшая тамъ въ сношеніяхъ съ бѣглыми жирондистами. Эта пылкая дѣвушка была восторженной поклонницей революціи. На основаніи сочиненій древнихъ писателей она создала себѣ идеальныя представленія о республиканской добродѣтели и, подобно госпожѣ Роланъ, поражалась при видѣ того, какъ мало общаго было у французской республики съ этими идеалами. Шарлотта Кордэ усвоила себѣ взгляды жирондистовъ. Она преклонялась передъ вожаками этой партіи и ненавидѣла якобинцевъ за то, что они были врагами жирондистовъ. Говорятъ, будто возлюбленнымъ красивой, серьезной и умной Шарлотты былъ какой-то офицеръ, казненный за роялистскій образъ мыслей, и будто его смерть зажгла въ ней непримиримую ненависть къ якобинцамъ.

Эта дѣвушка видѣла въ Маратѣ несчастье своего отечества и рѣшила для спасенія родины убить Марата.

Мотивы, побудившіе ее къ этому, никогда, пожалуй, не будутъ точно установлены. Дѣйствовала ли она изъ тщеславія, честолюбія, изъ желанія сыграть извѣстную роль въ революціи для того, чтобы записать свое имя на скрижаляхъ исторіи? Или, можетъ быть, ея ненависть къ якобинцамъ и сочувствіе къ своимъ друзьямъ были достаточно сильны для того, чтобы побудить ее на подобный шагъ? Многіе говорили, будто она питала пылкую страсть къ жирондисту Барбару, отличавшемуся необыкновенной красотой, и будто она не встрѣчала у Барбару взаимности, поэтому жизнь стала для нея бременемъ, и она рѣшила пожертвовать своей жизнью и въ то же время уничтожить опаснѣйшаго и наненавистнаго врага Жиронды. Но доказательствъ для этого никакихъ нѣтъ. Точно также нельзя доказать, что жирондисты подстрекнули Шарлотту Кордэ убить Марата.

Какъ бы то ни было, въ первой половинѣ іюля 1793 года Шарлотта выѣхала изъ Каена въ Парижъ. Она была настолько занята своимъ планомъ, что отвергла сдѣланное ей во время пути выгодное предложеніе. Пріѣхавъ въ Парижъ, она запаслась большимъ острымъ ножемъ, который она спрятала подъ своимъ платкомъ. Сначала она думала убить Марата въ конвентѣ, но потомъ она узнала, что онъ боленъ и не покидаетъ своей квартиры. Два раза она тщетно приходила къ нему. Она выдавала себя за ревностную патріотку изъ Кальвадо и сказала, что она должна сдѣлать Марату очень важное сообщеніе. Въ концѣ концовъ, она сумѣла устранить подозрѣнія Симоніи Эвраръ, подруги Марата. Шарлотта написала также Марату письмо, въ которомъ говорила, что хочетъ разоблачить заговоры жирондистовъ въ Каенѣ.

Когда Шарлотта снова пришла къ Марату, какая-то фальсовщица не хотѣла ее пропустить къ нему. Маратъ, сидѣвшій какъ разъ въ это время въ ваннѣ и что-то писавшій, услыхалъ разговоръ за дверью и велѣлъ впустить незнакомку. Симонія, бывшая у Марата, удалилась изъ комнаты. Шарлотта сѣла возлѣ ванны рядомъ съ Маратомъ, который былъ закутанъ въ простыню и не могъ поэтому хорошо наблюдать за ея движеніями. Ничего не подозрѣвая, онъ сталъ ее распрашивать, что слышно въ Каенѣ. Шарлотта сказала, что тамъ 18 бѣглыхъ жирондистовъ съ согласія департаментскихъ властей захватили власть въ свои руки. Она назвала ихъ имена, и Маратъ записалъ ихъ. Затѣмъ онъ сказалъ: «Прекрасно! Недолго уже имъ тамъ дѣйствовать: скоро отправятся они на гильотину!»

Въ этотъ моментъ Шарлотта вскакиваетъ и вонзаетъ ножъ до самой рукоятки въ грудь Марата. «Сюда, милая Симонія, сюда!»—восклицаетъ Маратъ прерывающимся голосомъ и въ предсмертныхъ судорогахъ опускается въ окрашенную кровью воду. Когда въ комнату вошла Симонія, онъ уже былъ мертвъ. Шарлотту Кордэ, оставшуюся стоять неподвижно, схватили подоспѣвшіе жильцы дома и передали властямъ; ее съ трудомъ удалось спасти отъ мести разъяреннаго народа.

Парижъ былъ страшно взволнованъ вѣстью о смерти Марата Убитаго «друга народа» похоронили съ большой торжественностью въ саду кордельеровъ. Знаменитый художникъ Давидъ написалъ его портретъ, который былъ повѣшенъ въ конвентѣ и впослѣдствіи уничтоженъ роялистами.

Послѣ Марата наличными деньгами остался одинъ ассигнатъ въ 25 су (т. е. копеекъ въ 45). Демократія послѣ его смерти относилась къ нему, какъ къ божеству, что было такъ же пошло, какъ и мерзости реакціонеровъ и «порядочныхъ» людей, извлекшихъ впослѣдствіи его прахъ изъ Пантеона и бросившихъ его въ клоаку.

На Марата всегда возлагали отвѣтственность за крайности системы ужаса. А, между тѣмъ, система ужаса, въ истинномъ смыслѣ этого слова, началась только послѣ его смерти. Въ самомъ дѣлѣ, начиная съ 12 августа 1792 года, когда былъ избранъ первый революціонный трибуналъ, и кончая днемъ смерти Марата, въ Парижѣ было осуждено по обвиненію въ измѣнѣ всего на всего 64 человѣка. Со дня же смерти Марата и до паденія Робеспьера, то-есть въ теченіе одиннадцати слишкомъ мѣсяцевъ были казнены 2.572 человѣка. Маратъ никогда даже не пытался изъ личной ненависти возвести на эшафотъ истиннаго демократа; всѣ его нападки были направлены только противъ враговъ демократіи. Онъ не дожилъ до того тяжелаго времени, когда Гора стала расшатывать свою собственную партію. Онъ называлъ себя «окомъ народа» и имѣлъ на это полное право, такъ какъ онъ

былъ болѣе дальнозоркъ, чѣмъ кто бы то ни было въ то время. Его постигла такая же участь, какъ и многихъ другихъ: за свою защиту интересовъ бѣднаго народа онъ навлекъ на себя ненависть богатыхъ и сильныхъ и ихъ приспѣшниковъ. Клевета представила образъ этого дѣятеля въ извращенномъ видѣ. Однако, непредубѣжденному человѣку онъ представляется какъ страстный, не особенно симпатичный человѣкъ, но зато полный любви къ народу и справедливости. Во всякомъ случаѣ, онъ не представляетъ собою такого чудовища, какимъ его стараются изобразить реакціонные и мѣщанскіе историки.

Шарлотта Кордэ была привлечена къ суду революціоннаго трибунала и проявила при этомъ поразительное мужество. Но на допросѣ она сама признала всю безсмысленность своего поступка. «Какую цѣль», спросилъ ее предсѣдатель трибунала, «преслѣдовали вы, рѣшивъ убить Марата?» «Я хотѣла», отвѣтила Шарлотта, «чтобы во Франціи прекратились безпорядки, и чтобы мое отечество снова вернулось къ мирной жизни». Тогда предсѣдатель спросилъ ее: «Развѣ вы думаете, что вамъ удалось убить всѣхъ Маратовъ?» «Нѣтъ», возразила Шарлотта печально; но затѣмъ она сказала, повысивъ голосъ: «Я убила *одного* человѣка, чтобы спасти сотни тысячъ людей; я убила *одного* злодѣя, чтобы спасти многихъ невинныхъ!» Этимъ она ясно показала, что совершенно не понимала хода революціи.

Она была осуждена на смерть и казнена 15 іюля. Тысячи парижанъ толпились на улицахъ и на мѣстѣ казни, когда ее везли на эшафотъ; очень многіе были тронуты ея юностью и красотой. Рабочіе, которыхъ она лишила ихъ могучаго защитника, были крайне озлоблены противъ нея. Одинъ депутатъ, нѣмецъ Люксъ, изъ Майнца, безумно влюбился въ нее и заявилъ, что она «выше Брута». За это онъ попалъ на эшафотъ. Шарлотта не обнаружила передъ казнью никакого страха. Одинъ изъ палачей схватилъ отрубленную голову и сталъ наносить ей удары; народъ былъ возмущенъ этимъ, и палачъ подвергся за это наказанію.

Шарлотта Кордэ жестоко ошиблась въ своихъ надеждахъ: она переоцѣнивала и Марата и себя, думая, что однимъ ударомъ кинжала она можетъ вернуть Франціи миръ.

Майнцъ и Вандея.

Оправившись отъ перенесенныхъ въ Шампани невзгодъ, герцогъ Брауншвейгскій рѣшилъ напасть на занятый французами Майнцъ. Близъ Бахараха онъ перешелъ черезъ Рейнъ и оттѣснилъ французовъ, находившихся подъ начальствомъ неспособнаго генерала Богарнэ, отъ Майнца, такъ что теперь онъ могъ подвергнуть крѣпость полной блокадѣ.

Въ Майнцѣ демократическая партія взяла съ помощью французовъ все управленіе страной въ свои руки. Приверженцевъ этой партіи называли «клубистами», такъ какъ они группировались вокругъ одного клуба, засѣдавшаго въ одномъ старомъ курфюршескомъ замкѣ. Былъ созванъ рейнско-германскій національный конвентъ, въ предсѣдатели котораго

былъ избранъ профессоръ Гофманъ изъ Вюрцбурга, человѣкъ ясно-выраженнаго республиканскаго образа мыслей. Этотъ конвентъ провозгласилъ земли отъ Ландау до Бингена свободнымъ республиканскимъ государствомъ и устранилъ всѣхъ крупныхъ и мелкихъ князей, всѣ свѣтскія и духовныя власти. Затѣмъ было рѣшено обратиться къ парижскому конвенту съ просьбой о присоединеніи новаго государства къ французской республикѣ; для этой цѣли въ Парижъ была послана особая депутація, состоявшая изъ трехъ членовъ, среди которыхъ также находился знаменитый ученый Георгъ Форстеръ.

Между тѣмъ пруссаки подъ начальствомъ Калькрейта осадили Майнцъ, а Богарнэ долженъ былъ отступать все дальше и дальше. Майнцъ подвергся страшной бомбардировкѣ, но онъ упорно защищался. Полъ-города было превращено въ развалины, и 22-го іюля 1793 года французскій гарнизонъ крѣпости долженъ былъ сдаться, вслѣдствіе недостатка съѣстныхъ припасовъ. Демократы и клубисты, попавшіе въ руки побѣдителей, подверглись суровой расправѣ: ихъ засадили въ майнцскія крѣпости Кенигштейнъ и Петерсбергъ (близъ Эрфурта). Курфюршеское правительство было снова возстановлено.

Такъ исчезла рейнско-германская республика, и исчезла при этомъ такъ же быстро, какъ и зародилась. Французскій гарнизонъ двинулся въ Вандею, такъ какъ онъ долженъ быть дать обѣщаніе, что больше не будетъ выступать противъ союзныхъ войскъ, и за это получилъ свободный пропускъ. А въ Вандеѣ дѣла конвента были очень плохи. Правда, войскамъ конвента безъ труда удалось подавить возбужденное жирондистами федералистское возстаніе. Роялистскій генералъ Вимпфенъ, командовавшій собравшимися въ Каенѣ жирондистами, потерпѣлъ 15-го іюля 1793 года у Вернона такое позорное пораженіе, что жирондистовъ охватилъ паническій ужасъ, и они бѣжали изъ Каена. Города Ліонъ, Бордо, Марсель и Тулонъ ограничились теперь тѣмъ, что приняли однѣ лишь оборонительныя мѣры, а Тулуза покорилась конвенту.

Что же касается Вандеи, то она оказывала сильное и упорное сопротивленіе конвенту. Полчища инсургентовъ почти повсюду одерживали побѣды надъ республиканскими войсками. У Сомюра, гдѣ они побили неспособнаго генерала Мену, они захватили 80 орудій и 100.000 ружей; они заняли также Анжеръ. Вандейскія арміи соединились на нижней Луарѣ, и въ количествѣ 30.000 человѣкъ напали на Нантъ. Въ распоряженіи республиканскаго генерала Канкло, защищавшаго Нантъ, имѣлось не болѣе 10.000 человѣкъ, половину которыхъ составляли національные гвардейцы. Казалось, что яростная аттака вандейцевъ кончится для нихъ вполнѣ удачно; но въ это время главнокомандующій повстанцевъ Кателино былъ смертельно раненъ пулей, и смерть любимаго вождя до того испугала вандейцевъ, что они отступили отъ города. Такимъ образомъ, Нанту удалось избѣгнуть печальной участи въ великой битвѣ 29 іюня. Но въ то же время республиканскій генералъ Вестерманъ, проникшій побѣдоносно вплоть до Шатильона, потерпѣлъ 5-го іюля сильное пораженіе, потерявъ при этомъ все свое войско и орудія. Войска вандейцевъ неоднократно уходили

обратно въ лѣса; но тамъ они снова пополнялись и представляли собою послѣ каждаго пораженія не менѣе страшную силу, чѣмъ раньше.

Обѣ стороны вели эту ужасную междоусобную войну съ самой утонченной жестокостью. Республиканцы, озлобленные возстаніемъ, предательски разразившимся въ тылу республики въ тотъ самый моментъ, когда противъ нея поднялась вся Европа, дѣйствовали въ Вандеѣ огнемъ и мечемъ, а повстанцы мстили за это разстрѣливаніемъ плѣнныхъ. Вскорѣ плѣнныхъ стали разстрѣливать какъ вандейцы, такъ и республиканцы, и при этомъ вандейцы хвастались, что они болѣе человѣчны, чѣмъ республиканцы, потому что они даютъ плѣннымъ возможность исповѣдываться передъ смертью.

Эта гражданская война раздирала сердце Франціи, и наше гуманное чувство поражается тѣми ужасами, которые творились въ то время. Правда, гражданская война всегда сопровождается жестокостями, но въ данномъ случаѣ жестокость приняла чудовищныя формы подъ вліяніемъ до крайности возбужденнаго политическаго фанатизма.

Республиканская конфедерація.

Въ то время, какъ правительство республики торопилось вооружить и обучить военному дѣлу большое количество молодыхъ республиканцевъ для защиты границъ страны отъ нашествія враговъ, въ то время, какъ внутри страны разгорались возстанія, и въ дѣлахъ царила полная путаница и разстройство, такъ что во многихъ мѣстахъ недостатокъ пищевыхъ продуктовъ давалъ себя чувствовать съ особенной силой,—въ это время конвентъ старался придумать какое-нибудь средство, которое дало бы толчекъ новому народному воодушевленію. Франція находилась теперь въ еще худшемъ, если это возможно, положеніи, чѣмъ въ августѣ и сентябрѣ 1792 года. Въ самомъ дѣлѣ, пруссаки начали наступленіе на Парижъ, и реакція сильно подняла голову. Конвентъ рѣшилъ устроить въ честь принятія конституціи 1793 года большой праздникъ братства и назначить этотъ праздникъ на день паденія династіи Бурбоновъ, а именно,—на 10-ое августа. При этомъ можно было убѣдиться въ томъ, какъ быстро повернулось колесо революціи: многіе выдающіеся политики, содѣйствовавшіе подготовкѣ событій 10-го августа 1792 года, сидѣли теперь въ тюрьмахъ или принуждены были скрываться отъ властей, будучи объявлены стоящими внѣ закона.

На праздникъ отправились въ Парижъ представители 44.000 французскихъ общинъ; собралось приблизительно около 8.000 представителей первичныхъ собраній. Отсутствовали только представители отъ Вандеи, Корсики, Марсели, Тулона и Ліона. Кромѣ этихъ мѣстъ, первичныя собранія всюду приняли новую конституцію; одна лишь община Сенъ-Тоннанъ въ сѣверномъ департаментѣ отвергла конституцію и объявила себя сторонницей Бурбоновъ.

Праздникъ федераціи прошелъ 10-го августа съ большимъ торжествомъ; распоряжался устройствомъ празднества знаменитый живописецъ Давидъ, бывшій однимъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ партіи Горы.

Утромъ въ 4 часа на площади Бастиліи собрались конвентъ, депутаты общинъ и 83 старѣйшины департаментовъ. Тутъ былъ устроенъ большой фонтанъ, «*фонтанъ возрожденія*». Изъ грудей высокой статуи, изображавшей природу, лилась въ бассейнъ чистая вода. Самимъ празднествомъ руководилъ предсѣдатель конвента Геро де-Сешель. Затѣмъ явились клубы и вооруженныя секціи, и восходъ солнца былъ встрѣченъ пѣніемъ марсельезы, раздавшимся изъ устъ тысячъ людей. Потомъ выступилъ молодой, красивый Геро и взялъ въ руки чашу. Онъ зачерпнулъ воды изъ фонтана возрожденія, вылилъ нѣсколько капель на землю и самъ выпилъ. Старѣйшины департаментовъ также отпили воды. Затѣмъ всѣ двинулись къ площади революціи. Члены конвента несли пучки колосьевъ и въ особомъ ковчегѣ—грамоту о конституціи. Старѣйшины несли оливковыя вѣтви и копья.

На площади революціи была подожжена «тачка преступниковъ», нагруженная разными символами рабства, и изъ пламени поднялась статуя свободы, привѣтствуемая громомъ орудій. Тысячи птицъ, разукрашенныхъ трехцвѣтными лентами, взвились на воздухъ для того, чтобы повсюду разнести вѣсть о свободѣ и братствѣ французовъ.

Затѣмъ шествіе двинулось къ Марсову полю, гдѣ документы, касающіеся голосованій департаментовъ, были возложены на алтарь отечества. Тутъ, подъ громъ орудій, всѣ поклялись защищать конституцію до послѣдней капли крови. Послѣ этого предсѣдатель соединилъ копья старѣйшинъ въ пучокъ, указывая этимъ на союзъ, объединяющій департаменты. Этотъ пучекъ сталъ потомъ гербомъ республики, какъ нѣкогда fasces у римлянъ.

По окончаніи торжества начались народныя празднества. 10-ое августа оставило глубокое впечатлѣніе во всѣхъ участникахъ его, и французскій народъ крѣпко сплотился вокругъ конвента. Представители общинъ дали свое согласіе на то, чтобы до окончанія борьбы конституція была отмѣнена; они также одобрили террористическую и энергичную политику партіи Горы.

Гора представляла собою послѣ праздника федераціи сплоченную и сильную партію. Но руководившаго празднествами Геро, автора конституціи 1793 года, уже черезъ три четверти года ждала смерть на эшафотѣ.

Ассигнаты и таксы.

Если партія Горы была неразборчива въ принимаемыхъ ею для защиты Франціи средствахъ, то къ этому ее побуждалъ образъ дѣйствій Питта, который былъ еще менѣе разборчивъ въ своихъ средствахъ. Питтъ, казалось, рѣшилъ во что бы то ни стало уничтожить республику; съ одной стороны, онъ полагалъ, что этимъ онъ навсегда обезсилитъ Францію, и, слѣдовательно, англійская торговля будетъ долго первенствовать на міровомъ рынкѣ; съ другой стороны, онъ, какъ настоящій британскій аристократъ,

отъ всей души своей ненавидѣлъ революцію. Нисколько не задумывался, онъ пускалъ въ ходъ всякія средства для того, чтобы ввергнуть французскій народъ въ ужасную нищету, и надѣялся уничтожить демократію голодомъ. Послѣ паденія жирондистовъ, англійскія суда совершенно закрыли доступъ во всѣ французскія гавани и захватывали даже нейтральныя суда, направлявшіяся во французскіе порты. Вслѣдствіе этого, нужда во Франціи приняла ужасающіе размѣры.

Къ этому надо прибавить, что по приказанію Питта печатались милліарды фальшивыхъ ассигнатовъ, которые пускались въ обращеніе во Франціи; они попадали въ страну черезъ Швейцарію и Германію. Вслѣдствіе этого курсъ этихъ бумажныхъ денегъ, стоявшій и безъ того уже очень низко, сталъ еще сильнѣе падать. Какъ видитъ читатель, англійскій министръ не стѣснялся прибѣгать къ такому средству, которое въ глазахъ честныхъ людей является гнуснымъ преступленіемъ. Французы были, конечно, озлоблены появленіемъ этихъ фальшивыхъ денегъ и наказывали за распространеніе ихъ смертью. Было извѣстно, что въ маленькомъ пфальцскомъ городкѣ Кузелѣ, расположенномъ близъ французской границы, находится фабрика фальшивыхъ ассигнатовъ. Такъ какъ фабрики не удалось найти, то депутатъ Гентцъ приказалъ сжечь весь городъ, что, конечно, не помѣшало англичанамъ распространять дальше свои фальшивыя деньги.

Уже въ началѣ 1793 года французское правительство успѣло выпустить ассигнатовъ на $3^1/_2$ милліарда. Вначалѣ было постановлено, что эти бумажныя деньги, которыя должны были носить характеръ лишь денежныхъ квитанцій, будутъ сжигаться всякій разъ, когда ими будутъ платить за продаваемыя національныя земли. Камбонъ изъ Монпелье, завѣдывавшій, въ качествѣ члена комитета благоденствія, финансами страны и получившій, хотя и незаслуженно, кличку «палача финансовъ», сжегъ на 1 милліардъ ассигнатовъ; но обыкновенно поступавшіе въ казну ассигнаты снова пускались въ обращеніе; когда же правительство нуждалось въ деньгахъ, оно печатало новые ассигнаты въ большомъ количествѣ.

Самому правительству эти бумажныя деньги, выпущенныя подъ залогъ національныхъ земель, еще помогали кое-какъ во время кризисовъ революціи, но народъ страшно страдалъ отъ колебаній цѣнъ на съѣстные припасы и отъ колебанія цѣнностей денежнаго рынка. Если блокада гаваней и закрытіе границъ значительно разстроили и чуть ли не совсѣмъ погубили торговлю страны, то наводненіе Франціи бумажными деньгами могло только усилить бѣдствіе: цѣны всѣхъ товаровъ страшно поднялись. Металлическія деньги, превратившіеся въ товаръ, встрѣчались очень рѣдко. Многіе товары совершенно перестали появляться на рынкѣ, такъ какъ ихъ владѣльцы не хотѣли ихъ продавать за бумажныя деньги. Не будь налицо реквизиціи и не выдавай парижская коммуна хлѣбныхъ пайковъ, парижское населеніе было бы осуждено на голодную смерть. Кромѣ того, ростовщичество и спекуляція дѣлали положеніе еще болѣе тяжелымъ. Многіе безсовѣстные люди старались обогатиться среди всей этой нищеты, увели-

чивая такимъ образомъ ея размѣры. По одному базельскому списку биржевыхъ курсовъ въ январѣ 1793 г. за 100 ливровъ ассигнатами давали только 55 ливровъ металлическими деньгами. Съ мѣсяца на мѣсяцъ цѣнность ихъ падала все ниже и ниже, и, наконецъ, за 100 ливровъ ассигнатами давали только 29 ливровъ металлическими деньгами. Подъ вліяніемъ побѣдъ, одержанныхъ республиканскими войсками, курсъ поднялся въ ноябрѣ до 44, а въ декабрѣ даже до 51.

Въ лучшемъ положеніи находились продавцы, такъ какъ они принимали ассигнаты лишь по ихъ биржевой цѣнѣ. Скверно было положеніе рантье и кредиторовъ государства, такъ какъ государство платило имъ ассигнатами по номинальной цѣнѣ; рабочимъ и чиновникамъ жалованье также выплачивалось ассигнатами, и тоже по номинальной цѣнѣ. Несоотвѣтствіе между цѣнами товаровъ и курсомъ денегъ стало столь значительнымъ, и нужда приняла такіе размѣры, что уже въ маѣ рѣшено было принять противъ этого опредѣленныя мѣры. По предложенію Тиріона конвентъ постановилъ ввести такъ наз. максимумъ цѣнъ. Противъ этого сильно возставали жирондисты.

Благодаря этой мѣрѣ, бѣдствія были немного ослаблены, но она повлекла за собою цѣлый рядъ непріятностей и притѣсненій. Прежде всего было запрещено подъ страхомъ строгаго наказанія обмѣнивать золото и серебро на ассигнаты выше номинальной стоимости. Этимъ конвентъ надѣялся уничтожить ажіотажъ. Но такъ какъ уничтожить экономическіе законы, господствующіе надъ денежнымъ рынкомъ, было невозможно, то отъ вышеупомянутаго запрещенія положеніе дѣлъ не измѣнилось, и золотыя или серебряныя деньги стоили всегда дороже ассигнатовъ, обращавшихся въ странѣ въ громадномъ количествѣ. Ажіотажъ не былъ уничтоженъ. Затѣмъ былъ запрещенъ вывозъ и храненіе металлическихъ денегъ. 4-го мая 1793 года была установлена максимальная цѣна на хлѣбъ; затѣмъ были установлены максимальныя цѣны на мясо, овощи, горючіе матеріалы, мыло, фрукты, напитки, обувь, платье и на цѣлый рядъ другихъ предметовъ. Вскорѣ конвентъ увидѣлъ себя вынужденнымъ назначать таксы не только для готовыхъ товаровъ, но и для сырыхъ матеріаловъ. Провести этотъ законъ въ жизнь было очень трудно. Пришлось устраивать домашніе обыски, завести сыскъ; много времени уходило на приготовленіе таблицъ и т. д. Всѣ царившіе до того времени въ торговлѣ обычаи были нарушены, товары стали появляться на рынкѣ во все меньшемъ количествѣ, такъ что впослѣдствіи за скрываніе запасовъ нищевыхъ продуктовъ законъ наказывалъ смертной казнью. Но тутъ пришлось устанавливать, какое количество продуктовъ необходимо для отдѣльнаго человѣка. Вскорѣ конвентъ увидѣлъ, что эти мѣропріятія постоянно будутъ находиться въ непримиримомъ противорѣчіи съ частной торговлей, и поэтому членъ конвента Дюбуа-Крансе предложилъ устроить во всѣхъ городахъ и селахъ правительственные магазины, въ которыхъ съѣстные припасы продавались бы по цѣнѣ, соотвѣтствующей издержкамъ производства съ небольшой только прибавкой. Однако, эта попытка передать въ руки государства торговлю хлѣбомъ и съѣстными припасами не увѣнчалась успѣхомъ. Дальше

установленія максимальныхъ таксъ конвентъ при рѣшеніи вопроса о цѣнахъ не пошелъ.

Партія Горы не пришла къ мысли объ организаціи производства и потребленія на новыхъ началахъ. Да и широкихъ идей такого рода тогда еще не было. Только впослѣдствіи Бабефъ создалъ продуманную, новую, соціально-экономическую систему, которая, однако, въ сравненіи съ соціализмомъ нашихъ дней, не выдерживаетъ особенной критики. Гора создавала такіе экономическіе правила и законы, которые казались ей подходящими для даннаго момента. И въ этомъ отношеніи она не всегда могла похвастать успѣхомъ. Ассигнаты, максимальныя таксы и ужасъ, наводимый національной юстиціей на враговъ революціи, содѣйствовали удержанію плодовъ революціи. Но слѣдуетъ признать, что страшная борьба, которую пришлось вести Горѣ съ многочисленными врагами республики, заполняла все ея время, такъ что ей было некогда заняться разработкой глубокихъ соціально-экономическихъ проблемъ.

Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, паденіе курса бумажныхъ денегъ и связанныя съ этимъ бѣдствія причиняли необыкновенныя страданія парижскому населенію. Тотъ фактъ, что оно геройски переносило всѣ эти страданія, помогая въ то же время уничтожать враговъ свободы, составляетъ величайшую жертву, которую парижское населеніе принесло дѣлу революціи.

Комитетъ благоденствія.

Гора уже давно провозгласила свои демократическіе принципы, основанные на соціальной философіи Жанъ-Жака Руссо; она являлась, въ противоположность жирондистамъ, умѣвшимъ отстаивать лишь интересы зажиточной буржуазіи, представительницей демократіи съ ея основными требованіями свободы, равенства и братства. Она хотѣла основать республику для всего народа, а не только для одного отдѣльнаго класса. Но въ виду того, что страна находилась въ крайне тяжеломъ положеніи, эта партія была вынуждена подавить въ себѣ всѣ гуманныя чувства и пустить въ ходъ всѣ тѣ сильныя средства, при помощи которыхъ она надѣялась спасти Францію.

Депутаты муниципалитетовъ, явившіеся въ Парижъ на праздникъ федераціи, потребовали отъ конвента отмѣны конституціи до заключенія мира, массоваго народнаго ополченія, продленія революціоннаго состоянія или революціоннаго правленія, которое прибѣгало бы къ самымъ энергичнымъ мѣрамъ для укрѣпленія республики, и, наконецъ, ареста всѣхъ подозрительныхъ лицъ.

Конвентъ исполнилъ эти требованія безъ всякихъ колебаній. 23 августа было объявлено о новомъ массовомъ ополченіи: всѣ французы, способные носить оружіе, призывались для защиты отечества, угрожаемаго со всѣхъ сторонъ врагами. Декретъ гласилъ: «Французскій народъ объявляетъ въ лицѣ своихъ представителей, что онъ весь поднимается для защиты своей свободы, своей конституціи и для окончательнаго освобожденія своей родины отъ враговъ. Съ этого момента вплоть до того времени, пока непріятель не будетъ прогнанъ изъ предѣловъ республики, всѣ французы готовы къ службѣ въ войскахъ. Молодежь пойдетъ сражаться; женатые будутъ ковать оружіе и заботиться о доставкѣ съѣстныхъ припасовъ; женщины будутъ изготовлять палатки, платье и бѣлье и будутъ служить въ госпиталяхъ; дѣти будутъ щипать корпію; старики, наконецъ, будутъ на общественныхъ площадяхъ возбуждать мужество воиновъ».

Пылкая энергія конвента передалась всей Франціи; подъ знамена явилось больше милліона французовъ, и было образовано 14 армій.

28 августа было объявлено, что революціонное состояніе продолжается. Этимъ на всю Францію распространялось военное положеніе, что являлось въ данный моментъ мѣрой, необходимой для общественнаго блага. 17 сентября былъ обнародованъ законъ, согласно которому всѣ подозрѣваемые во враждебномъ отношеніи къ республикѣ, должны были быть арестованы. Сѣть эту соткалъ Мерленъ изъ Дуэ, и всѣ подозрительныя лица должны были запутаться въ ней.

Революціонное правительство, которое вновь образовалось теперь подъ именемъ комитета благоденствія и которое было достаточно смѣло для того, чтобы вступить въ борьбу со всѣми многочисленными врагами республики, дѣйствовало совершенно по-диктаторски, какъ этого требовало данное положеніе вещей. Ничто не могло миновать его рукъ. Составъ его былъ усиленъ. Въ него вошли самые энергичные и рѣшительные государственные дѣятели эпохи революціи. Тутъ засѣдалъ Барреръ, который являлся обыкновенно оффиціальнымъ представителемъ и ораторомъ комитета въ конвентѣ и искусно составленные доклады котораго всегда воодушевляли народъ; Колло д'Эрбуа и Бильо-Вареннъ, давно уже обратившіе на себя вниманіе въ клубѣ якобинцевъ, завѣдывали сношеніями комитета съ департаментами; въ комитетѣ засѣдалъ также пылкій молодой Сенъ-Жюстъ и второй другъ Робеспьера Кутонъ, больной организмъ котораго не могъ убить въ немъ революціоннаго духа; кромѣ того, тамъ были: Геро де-Сешель, Ленде, оба Пріера и Жанъ-Бонъ Сентъ-Андре. Дантонъ не попалъ въ комитетъ. Тюріо и Гаспаренъ выступили изъ комитета, и вмѣсто нихъ въ него попало два человѣка, дѣятельность которыхъ и придала комитету всю его важность и значеніе: то были Робеспьеръ и Карно.

Вступивъ въ составъ правительства, Робеспьеръ этимъ самымъ сдѣлалъ его очень популярнымъ. Народъ относился къ нему съ большимъ довѣріемъ, чѣмъ ко всѣмъ остальнымъ государственнымъ дѣятелямъ, и почтилъ его именемъ «Неподкупнаго». Всѣ знали, что онъ ведетъ себя и живетъ очень просто. Онъ жилъ у одного столяра, на дочери котораго хотѣлъ потомъ, когда настанутъ болѣе спокойныя времена, жениться. Отсутствіе у него всякихъ претензій немало содѣйствовало росту его популярности среди народныхъ массъ; онъ всегда появлялся въ одномъ и томъ же простомъ синемъ сюртукѣ, желтой жилеткѣ и желтыхъ брюкахъ. Къ своимъ рѣчамъ онъ всегда тщательно подготовлялся, и онѣ были постоянно прекрасно обработаны и разсчитаны на революціонныя страсти. Онъ безпрестанно вы-

ступалъ съ обвиненіями противъ враговъ народа и пользовался полнымъ довѣріемъ народныхъ массъ. Послѣ смерти Марата Робеспьеръ еще болѣе выдвинулся на первый планъ. То обстоятельство, что онъ вступилъ въ составъ комитета, въ значительной степени увеличило силу этого учрежденія. Дантонъ, у котораго приливы необычайной энергіи смѣнялись полнымъ унадкомъ, сталъ отступать на задній планъ: Робеспьеръ затемнялъ его. Отнынѣ къ голосу Робеспьера стала прислушиваться вся Европа. Въ немъ чувствовался уже будущій диктаторъ.

Въ лицѣ Карно комитетъ принялъ въ свой составъ военнаго генія, а въ этомъ правительство особенно нуждалось. До революціи Карно былъ военнымъ инженеромъ. Это былъ гордый и въ то же время скромный человѣкъ. Убѣжденный республиканецъ, онъ держалъ себя съ одинаковымъ благородствомъ какъ въ бурную эпоху полной опасностями революціи, такъ и во времена наполеоновскаго деспотизма. Этотъ геніальный человѣкъ создалъ совершенно новое военное искусство. Безпорядочныя толпы солдатъ, собранныя путемъ массоваго ополченія, Карно превратилъ въ дисциплинированныя и хорошо вооруженныя войска. Онъ противопоставилъ коалиціи четырнадцать армій, дѣйствовавшихъ на границахъ Франціи по его плану. Противъ союзныхъ войскъ, которыя придерживались еще старой линейной тактики, арміи Карно сражались по новому методу, дѣйствуя вразсыпную, и новая тактика оказалась очень удачной. Геній Карно отразилъ нашествіе союзниковъ, уже вторгшихся во Францію. За свои великія заслуги Карно получилъ почетное имя «организатора побѣды», и никто не заслужилъ своего почетнаго имени въ большей степени чѣмъ онъ.

Комитетъ благоденствія фактически сталъ дѣйствовать съ диктаторской властью, хотя оффиціально такая власть за нимъ не признавалась. Конвентъ не протестовалъ, потому что это являлось необходимостью. Составъ комитета безопасности былъ обновленъ: въ него вошли различные члены партіи Горы, среди которыхъ, впрочемъ, нашлось нѣсколько грубыхъ людей, жестоко издѣвавшихся надъ арестованными и осужденными. Но партія Горы ничуть не одобряла образа дѣйствія этихъ людей.

Въ то же время въ революціонный трибуналъ также вошли новые люди. Предсѣдателемъ трибунала былъ избранъ теперь Дюма, который впослѣдствіи сталъ прямо неистовствовать въ немъ; тогда же Фукье-Тенвилль постепенно сталъ создавать себѣ свое грозное имя въ качествѣ прокурора. Дѣятельность этого трибунала немало содѣйствовала опороченію революціи: ему приходилось часто находить преступленія тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было, если онъ хотѣлъ оставаться на почвѣ судебныхъ формальностей. Фукье-Тенвилль прекрасно подходилъ для роли обвинителя, но его обвиненія и рѣчи часто далеко не блистали умомъ.

Трибуналъ долженъ былъ оглушать быстрыми и тяжелыми ударами враговъ республики. Но онъ съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности совершилъ страшную ошибку: онъ сталъ осуждать совершенно незначительныхъ людей за различные мелкіе проступки. «Казалось», говоритъ одинъ изъ современниковъ, «что трибуналъ учрежденъ не для важныхъ преступниковъ».

Такъ было организовано революціонное правительство, прозванное правительствомъ ужаса, потому что оно устрашало своихъ враговъ ужасами своихъ мѣропріятій. Но если бы верхъ въ борьбѣ одержали враги этого правительства, то во Франціи воцарился бы еще большій ужасъ.

Парижская коммуна.

Комитетъ благоденствія принималъ самыя энергичныя мѣры для защиты республики; коммуна же стремилась облегчить положеніе парижскаго населенія. Рабочіе этого большого города принимали самое дѣятельное участіе въ послѣднихъ движеніяхъ, имѣвшихъ цѣлью заставить конвентъ дѣйствовать въ духѣ революціи. 31-го мая и 2-го іюня они на призывъ набата вышли массами на улицу. Они готовы были на все для республики, но ихъ не могли удовлетворить однѣ только политическія мѣры, принятыя Горой. Они требовали хлѣба. Уже во время паденія жирондистовъ предмѣстья требовали созданія такъ называемой революціонной арміи; затѣмъ они требовали, чтобы на хлѣбъ была установлена постоянная цѣна въ три су за фунтъ, и чтобы были построены оружейные заводы для народа. Конвентъ колебался. Но къ 4-му сентября 1793 года нужда достигла въ предмѣстьяхъ Парижа такихъ громадныхъ размѣровъ, что на площади Гревъ произошла народная демонстрація. Прокураторъ коммуны Шометтъ прочелъ декретъ конвента объ установленіи максимальной таксы, но толпа отвѣчала, что декретъ самъ по себѣ ничего не даетъ, что ей сейчасъ же нуженъ хлѣбъ. Коммуна доставила самое необходимое. На слѣдующій день Шометтъ и Пашъ явились въ конвентъ во главѣ депутаціи, снаряженной коммуной. Оба они изобразили передъ конвентомъ бѣдствія народа, и конвентъ постановилъ организовать революціонную армію въ 6.000 человѣкъ. Эта армія, начальникомъ которой былъ назначенъ бывшій писатель генералъ Ронсенъ, должна была переходить съ мѣста на мѣсто, мѣшать происканъ аристократовъ, обезпечивать наборъ солдатъ и перевозку съѣстныхъ припасовъ и содѣйствовать всѣми способами дѣлу республики. Ее сопровождалъ передвижной эшафотъ.

Коммуна взяла въ свои руки выполненіе закона о преслѣдованіи подозрительныхъ лицъ, и конвентъ снова разрѣшилъ производить ночные обыски. Въ революціонные комитеты муниципалитетовъ вошли новые люди, и члены комитетовъ стали получать по три франка въ день. Затѣмъ, по предложенію коммуны было постановлено, чтобы каждая секція въ Парижѣ устраивала два раза въ недѣлю засѣданія. За участіе въ этихъ засѣданіяхъ каждый членъ секціи, жившій своимъ трудомъ, долженъ былъ получать по 40 су (2 франка). Эта мѣра находилась въ связи съ другимъ постановленіемъ, согласно которому рабочіе за свою службу въ вооруженныхъ секціяхъ получали по 2 франка въ день.

Мѣропріятія эти имѣли куда большее значеніе, чѣмъ самыя красивыя рѣчи лучшихъ ораторовъ конвента. Они внушили пролетаріату предмѣстій увѣренность въ томъ, что люди, стоящіе у кормила правленія и руководя-

щіе революціей, твердо рѣшились улучшить также положеніе бѣдныхъ слоевъ населенія. Дѣла въ Парижѣ находились въ крайне печальномъ положеніи: въ торговлѣ и промышленности царилъ полный застой, и о заработкѣ нечего было думать. Поэтому правительство поступало совершенно справедливо, подавая руку помощи парижскому населенію, которое составляло его лучшую опору и которое изъ-за революціи очутилось въ самомъ бѣдственномъ положеніи; нельзя также не одобрить того, что правительство старалось развить въ населеніи политическіе интересы, сдѣлавъ посѣщеніе собраній секцій обязательными. Реакціонные историки очень часто сравнивали эти траты конвента на облегченіе бѣдствій народа съ требованіемъ «panem et circenses» въ Римѣ. Но эти господа забывали, что Парижъ находился въ исключительныхъ условіяхъ, и что древне-римскій пролетаріатъ содержался на средства общества, между тѣмъ какъ современное общество само покоится на трудѣ пролетаріата.

Конвентъ и коммуна дѣйствовали въ то время вполнѣ единодушно, хотя власть коммуны была значительно ослаблена возобновленіемъ дѣятельности революціонныхъ комитетовъ, «этого чудовища, охватившаго Францію 44.000 рукъ».

Таковы были тѣ основы, на которыя опиралась такъ называемая система ужаса. Получивъ въ свои руки почти неограниченную власть, революціонное правительство взяло на себя отвѣтственность за всѣ свои дѣйствія и уничтожило всѣхъ своихъ враговъ. Ниже мы увидимъ, какъ дѣйствовала система террора, и какъ она стала гибельной для страны, вслѣдствіе своего извращенія.

Междоусобицы и политическіе процессы.

Благодаря энергіи руководящей власти конвентъ въ короткое время справился съ безпорядками внутри страны. Бордо скоро подчинился, и его постигло довольно мягкое наказаніе. Объясняется это тѣмъ, что Таллльянъ, посланный туда въ качествѣ коммиссара конвента, познакомился тамъ съ дочерью испанскаго банкира Кабаррю, госпожей де-Фонтенэ, которая обворожила его своей красотой и убѣдила не прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ. Она потомъ вышла за него замужъ, и мы будемъ еще говорить о ней въ послѣдующемъ изложеніи.

Городъ Марсель сдался еще въ августѣ, и конвентъ отправилъ туда депутата Фрерона, который жестоко отомстилъ ему за возстаніе. Нѣсколько сотъ человѣкъ было казнено, самъ же городъ былъ лишенъ своего имени: его отнынѣ стали называть «Безымянной общиной».

Въ Тулонѣ судьба Марселя вызвала страшную панику, и изъ боязни передъ конвентомъ городъ рѣшилъ отдаться англичанамъ. Почти всѣ военныя суда Франціи находились въ тулонской гавани; они были выданы англичанамъ, и англійскій адмиралъ Гудъ явился въ Тулонъ, провозгласилъ тамъ восьмилѣтняго Людовика XVII королемъ и ввелъ конституцію 1791 года. Месть конвента за эту измѣну была ужасна. Но въ данный моментъ борьба

велась у Ліона, гдѣ собралось много роялистовъ, защищавшихся съ большой отвагой и поразительной ловкостью. Долго Дюбуа Крансе не могъ завладѣть городомъ, и осада тянулась до октября. Но тутъ явился Кутонъ съ арміей въ 25 тысячъ человѣкъ, и послѣ убійственной бомбардировки городъ долженъ былъ сдаться.

По предложенію Баррера конвентъ жестоко отомстилъ этому городу, возстаніе котораго поставило республику въ крайне опасное положеніе. Декретъ гласилъ: «Коммиссія изъ пяти денутатовъ отправится въ Ліонъ для того, чтобы захватить и казнить всѣхъ контръ-революціонеровъ, поднявшихъ въ этомъ городѣ оружіе противъ республики. Всѣ жители города будутъ обезоружены, за исключеніемъ тѣхъ, которые не приняли участія въ возстаніи. *Городъ Ліонъ будетъ разрушенъ*. Въ цѣлости останутся только дома бѣдняковъ, фабричныя зданія, мастерскія, госпитали, школы и общественныя зданія. Городъ въ будущемъ не будетъ больше называться Ліономъ, а «Освобожденной общиной». На развалинахъ города будетъ воздвигнутъ памятникъ съ надписью: *Ліонъ боролся противъ свободы,—нѣтъ больше Ліона*».

Кутонъ, Колло д'Эрбуа и Фуше привели этотъ декретъ въ исполненіе; послѣдовали многочисленныя казни, и приступили къ разрушенію города.

Но фанатическая гражданская война бушевала не только здѣсь; главная борьба происходила въ Вандеѣ. Въ пламенной рѣчи Барреръ требовалъ полнѣйшаго подавленія возстанія въ Вандеѣ. «*Уничтожьте Вандею*», сказалъ онъ, «отъ каждаго удара, направленнаго вами противъ Вандеи, раздастся гулкое эхо въ возставшихъ городахъ, федералистическихъ департаментахъ и на границахъ страны. *Уничтожьте Вандею*, прежде всего Вандею!» Конвентъ приказалъ окончить войну въ Вандеѣ до 20-го октября. Арміи были стянуты; онѣ были усилены майнцскимъ гарнизономъ, и такимъ образомъ была образована западная армія, командованіе которой поручено было неспособному генералу Лешелю. Да и вообще въ вандейской войнѣ принимало участіе немало неспособныхъ генераловъ, умѣвшихъ держать красивыя рѣчи въ клубахъ, но не имѣвшихъ никакого понятія о военномъ дѣлѣ. Неспособность Лешеля была, однако, уравновѣшена талантами служившихъ подъ его начальствомъ трехъ полководцевъ: Вестермана, Клебера и Марсо, и они-то дали повстанцамъ сраженіе при Шолле, въ которомъ 40.000 повстанцевъ были разбиты наголову 13 тысячами республиканцевъ. Бонпанъ, Лекюръ и д'Эльбе, лучшіе вожди вандейцевъ, пали въ этой битвѣ, которая произошла 15 октября 1793 года.

Комитетъ благоденствія приказалъ вырубать въ Вандеѣ лѣса, захватывать стада, снимать съ полей хлѣбъ; но стариковъ, женщинъ и дѣтей онъ приказалъ щадить и заботиться объ ихъ содержаніи. Изъ этого можно заключить, какую страшную форму приняла эта гражданская война. Остатки повстанческой вандейской арміи отступили и рѣшили отправиться подъ начальствомъ Ларошъ-Жакелена въ Бретань, гдѣ они могли разсчитывать на помощь англичанъ. 30.000 человѣкъ, среди которыхъ было много женщинъ и дѣтей, направились въ Бретань. Англія оставила ихъ безъ всякой помощи, а въ Бретани къ нимъ примкнули только шуаны, шайка прежнихъ

контрабандистовъ. Вестерманъ и Клеберъ выступили противъ пришедшихъ въ отчаяніе вандейцевъ и совершенно разбили ихъ при Леманѣ 12 декабря; взятые въ плѣнъ вандейцы были почти всѣ разстрѣляны. Тѣ же изъ нихъ, которымъ удалось послѣ битвы бѣжать, были настигнуты республиканцами на Луарѣ. Стофле и Ларошъ-Жакеленъ позорно скрылись, оставивъ слѣпо довѣрявшихъ имъ крестьянъ, и тутъ-то вандейцы были совершенно уничтожены послѣ кровавой битвы. Этимъ вандейская война, собственно говоря, окончилась, хотя вожди вандейцевъ и могли еще продержаться нѣкоторое время, выступая мелкими бандами. Вандея была опустошена генераломъ Тюро съ его «адскими колонами».

Отраженіемъ всѣхъ этихъ битвъ въ Парижѣ была усиленная дѣятельность властей и революціоннаго трибунала. Когда возстали жирондисты въ провинціи, въ Парижѣ было рѣшено привлечь къ суду трибунала 22 арестованныхъ жирондистовъ. Парижскія тюрьмы были переполнены арестованными по подозрѣнію во враждебномъ отношеніи къ республикѣ; были также арестованы тѣ 73 депутата, которые протестовали въ конвентѣ противъ изгнанія жирондистовъ.

Съ арестованными, какъ это фактически доказано, обращались очень хорошо. Имъ дали цѣлый рядъ такихъ льготъ, которыхъ другія правительства не даютъ даже лицамъ, обвиняемымъ въ незначительныхъ проступкахъ. Арестованные могли жить на свои средства, совершенно по своему усмотрѣнію. Имъ разрѣшалось вести корреспонденцію и принимать гостей. Французская подвижность и грація проявлялась даже въ этихъ тюрьмахъ. Въ нихъ устраивались празднества, маскарады и ученыя собранія. Тутъ можно было услышать политическій споръ и быть свидѣтелемъ любовнаго похожденія. Все это прерывалось только немилосерднымъ прокуроромъ, который вскорѣ сталъ каждый день требовать оттуда жертвъ.

14-го октября передъ судомъ революціоннаго трибунала предстала 38-ми-лѣтняя королева Марія Антуанетта. Ее называли «вдовой Капетъ». Сына отобрали у нея и отдали въ ученіе сапожнику Симону, который, какъ говорятъ, очень плохо обращался съ ребенкомъ; вѣроятно, онъ обращался съ нимъ такъ, какъ мастера обыкновенно обращаются со своими учениками.

Королева была привлечена къ суду за участіе въ заговорахъ, направленныхъ къ возбужденію междоусобицъ. Присяжными были: одинъ парикмахеръ, два портныхъ, два столяра, одинъ плотникъ, одинъ слесарь, живописецъ, хирургъ, одинъ судебный служитель и одинъ человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій.

Процессъ тянулся три дня; въ качествѣ свидѣтелей выступили Бальи, Манюэль и Валазе. Позорнымъ свидѣтельскимъ показаніемъ «маленькаго Капета», котораго привелъ на засѣданіе суда Геберъ, трибуналъ вполнѣ разумно не воспользовался. Трибуналъ призналъ Марію Антуанетту виновной и приговорилъ ее къ смертной казни. Она была казнена 16 октября, и въ день ея казни всѣ секціи были призваны подъ ружье. Этой женщинѣ нельзя было отказать въ умѣ и мужествѣ; но ея ненависти къ народу и демократіи, ея высокомѣрію и интригамъ Франція обязана значительной частью тѣхъ катастрофъ, которыя залили страну моремъ крови и огня. 29 ноября

разстался съ жизнью на эшафотѣ и репетиръ Барнавъ, котораго королева превратила изъ демократа въ роялиста.

24 октября начался процессъ арестованныхъ жирондистовъ. Всего ихъ было 21 человѣкъ, а именно: Бриссо, Верньо, Жансонне, Валазе, Ласурсъ, Гардьянъ, Бузо, Легарди, Виже, Фонфредъ, Зюко, Дюперре, Фоше, Силлери Карра, Дюпра, Бове, Дюшатель, Менвьелль и Лаказъ. Ихъ обвиняли въ участіи въ федералистическомъ возстаніи департаментовъ. Они упорно защищались. и Верньо старался очаровать трибуналъ своимъ ораторскимъ талантомъ. Но согласно закону, предложенному Робеспьеромъ, трибуналъ могъ прекратить пренія сторонъ въ томъ случаѣ, если по истеченіи трехъ дней присяжные заявляли, что они достаточно ознакомлены съ дѣломъ. Этимъ своимъ правомъ присяжные воспользовались 30 октября; жирондисты были признаны виновными и приговорены къ смерти. Въ моментъ произнесенія смертнаго приговора Валазе закололъ себя кинжаломъ. Его трупъ былъ все-таки отправленъ на мѣсто казни.

Жирондисты были казнены 31 октября; они пошли навстрѣчу смерти съ обычной для тѣхъ необычайныхъ временъ твердостью. У подножья эшафота они стали обниматься другъ съ другомъ и запѣли пѣсни въ честь свободы.

Такъ сошла со сцены исторіи эта партія, насчитывавшая въ своихъ рядахъ много блестящихъ и глубокихъ умовъ, но мѣшавшая, благодаря отсутствію энергіи и пониманія историческаго процесса, дальнѣйшему развитію революціи. Она была почти цѣликомъ уничтожена, такъ какъ и въ провинціи пали наиболѣе выдающіеся представители ея. Гаде, Салль и Барбару были казнены въ Бордо, Рабо Сентъ-Этьеннъ былъ преданъ однимъ ложнымъ другомъ, Кондорсе покинулъ убѣжище, въ которомъ онъ могъ считать себя въ безопасности и гдѣ онъ среди всѣхъ этихъ бурь написалъ свою книгу о способности человѣческаго рода къ совершенствованію; его арестовали вблизи Парижа, и въ тюрьмѣ онъ отравился. Петіонъ и Бюзо были растерзаны волками, и ихъ трупы нашли около Бордо. Госпожа Роланъ была осуждена въ Парижѣ и казнена 8-го ноября. Всѣ сидѣвшіе вмѣстѣ съ нею высоко чтили ее и плакали, когда она выходила изъ тюрьмы. Она умерла со спокойствіемъ и гордостью римлянъ, и когда до ея мужа въ Руанѣ дошла вѣсть о ея смерти, онъ оставилъ свое безопасное убѣжище и въ пути покончилъ самоубійствомъ.

Въ это же время были казнены Манюэль, Бальи и герцогъ Орлеанскій Эгалитэ. Бальи, которому народъ не могъ забыть бойни на Марсовомъ полѣ, подвергся жестокимъ истязаніямъ. Во время великихъ переворотовъ ничто не забывается. Эгалитэ былъ осужденъ, какъ участникъ заговора Дюмурье. Этотъ двуличный человѣкъ сказалъ своимъ судьямъ слѣдующее: «*Разъ уже рѣшили осудить меня, такъ вы бы, по крайней мѣрѣ, подыскали лучшія основанія!*» Этими словами онъ задѣлъ самую слабую сторону революціоннаго трибунала.

Республика прокладывала себѣ дорогу мечемъ, и сѣкира трибунала угрожала всѣмъ. Терроръ, господствовавшій теперь во Франціи, былъ ужасенъ; но отвѣтственность за него должна пасть на тѣхъ лицъ, которыя по-

ставили партію Горы передъ диллеммой: или побѣдить при помощи террора, или погибнуть вмѣстѣ со всѣми завоеваніями революціи. Въ пролитой за это время крови куда болѣе виноватъ Питтъ, чѣмъ Робеспьеръ.

Войны республики.

Усилія Карно привели къ тому, что уже въ августѣ сѣверная армія получила значительныя подкрѣпленія и могла разбиться на двѣ большія колонны. Герцогъ Іоркскій все еще осаждалъ Дюнкирхенъ, и противъ него двинулось лѣвое крыло республиканской арміи подъ начальствомъ Гушара, отличившагося на Рейнѣ въ арміи Кюстина. Кюстинъ былъ смѣщенъ. 7-го сентября 1793 года французы столкнулись съ непріятельскими войсками близъ Гондшоотена, и тутъ произошло кровопролитное сраженіе, продолжавшееся два дня. Гушаръ очень плохо держалъ себя во время этой битвы, и сопровождавшій армію энергичный коммиссаръ конвента Левассеръ долженъ былъ пригрозить генералу гильотиной, чтобы принудить его къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ. На этотъ разъ воодушевленіе французовъ опять превозмогло всѣ препятствія, и англійско-голландское войско было обращено въ бѣгство штыковой аттакой. Вслѣдствіе небрежности Гушара, герцогу Іоркскому не былъ отрѣзанъ путь къ отступленію.

Со времени измѣны Дюмурье комитетъ благоденствія сталъ относиться крайне подозрительно къ генераламъ—Гушаръ былъ смѣщенъ и казненъ.

Въ это критическое время комитетъ благоденствія предъявлялъ къ генераламъ необыкновенно строгія требованія. Онъ *приказывалъ имъ побѣждать*; а это значило, что въ случаѣ пораженія имъ придется отвѣчать передъ революціоннымъ трибуналомъ. Такъ, генералъ Журданъ получилъ теперь приказъ освободить Мобежъ или умереть. И Журданъ, бывшій пламеннымъ республиканцемъ и сражавшійся въ Сѣверной Америкѣ подъ знаменами Вашингтона, взялъ на себя это опасное порученіе. Онъ двинулся на Мобежъ, который въ то время осаждали войска принца Кобургскаго. Генералъ Клерфэ пошелъ навстрѣчу войскамъ Журдана, и у Ватиньи 15-го октября произошелъ бой, продолжавшійся два дня. Могучій «организаторъ побѣды» Карно явился лично на поле битвы. Когда французскія колонны начали было отступать, онъ въ пылу воодушевленія схватилъ ружье и повелъ войска въ новую аттаку, окончившуюся полной побѣдой. Австрійцы отступили далеко на сѣверъ, и Журданъ, къ которому перешло командованіе всею сѣверной арміей, совершенно очистилъ сѣверную границу отъ непріятеля.

На Рейнѣ Богарнэ не имѣлъ счастья. Къ тому же, онъ вообще не проявлялъ никакихъ военныхъ талантовъ. Отброшенный непріятелемъ у Ландау, онъ велѣлъ состоявшему подъ его начальствомъ Моро аттаковать пруссаковъ у Пирмазенса, но потерпѣлъ пораженіе, совершенно потерялъ голову и былъ, наконецъ, смѣщенъ. Впослѣдствіи онъ былъ казненъ. Послѣ этихъ пораженій рейнская армія получила значительныя подкрѣпленія, и главнокомандующимъ ея былъ назначенъ молодой Гошъ, отличившійся въ

сѣверной арміи. Этотъ 25-ти-лѣтній генералъ, въ которомъ Карно угадалъ генія, былъ раньше простымъ конюхомъ и поступилъ въ гвардію. Самообразованіемъ онъ значительно развилъ свои блестящія умственныя способности. Волны революціи высоко вознесли этого молодого, красиваго, богато одареннаго пламеннаго республиканца. Передавая ему командованіе рейнской арміей, комитетъ благоденствія далъ ему слѣдующее приказаніе: «*Ландау—или смерть*». Гошъ сдѣлалъ эти слова паролемъ въ знакъ того, что онъ хочетъ побѣдить или умереть.

Къ пруссакамъ, главнокомандующимъ которыхъ былъ герцогъ Брауншвейгскій, примкнулъ старый маршалъ Вурмзеръ съ корпусомъ австрійскихъ войскъ, и молодой республиканскій генералъ далъ 28 ноября обоимъ ветеранамъ битву при Кайзерслаутернѣ. Послѣ трехдневнаго боя онъ былъ отброшенъ съ большими потерями, такъ какъ союзныя войска занимали очень сильную позицію. Но уже 22 декабря Гошъ аттаковалъ старика Вурмзера у Фрешвайуера и отбросилъ его къ Вайсенбургу, гдѣ стояли пруссаки. Черезъ четыре дня Гошъ напалъ на пруссаковъ при Гайсбергѣ близъ Вайсенбурга.

Послѣ кровопролитнаго сраженія пруссаки вынуждены были отступить и направились къ Майнцу, между тѣмъ какъ Вурмзеръ переправился у Шпейера черезъ Рейнъ. Герцогъ Брауншвейгскій, возмущенный тѣмъ, что его побилъ 25-ти лѣтній генералъ, сложилъ съ себя командованіе войсками.

Въ Италіи австрійскія и сардинскія войска вначалѣ дѣйствовали очень успѣшно противъ Келлермана, командовавшаго французскими войсками на этой границѣ, и принудили его отступить къ Ліону. Но вскорѣ онъ снова двинулся на нихъ и нанесъ имъ у Альбаретскаго прохода сильное пораженіе. У испанской границы французовъ, однако, постигла неудача: испанскій генералъ Рикардосъ одержалъ побѣду въ битвѣ подъ Вильелонгомъ и оттѣснилъ французовъ до Бэйона.

Подъ Тулономъ, занятымъ англо-испанскимъ флотомъ подъ начальствомъ адмираловъ Гуда и Лангары, стоялъ съ республиканскими войсками старый, но энергичный генералъ Дюгомье. Комитетъ благоденствія приказалъ взять городъ еще до конца года. Тулонъ защищался упорно. Но тутъ въ первый разъ выдвинулся тотъ самый человѣкъ, которому суждено было спустя шесть лѣтъ видѣть у ногъ своихъ охваченную теперь революціонной бурей Францію. Мы говоримъ о Наполеонѣ Бонапартѣ, 24-лѣтній артиллерійскій поручикъ обнаружилъ тутъ впервые свой геніальный талантъ, указавъ, какимъ образомъ можно взять Тулонъ. Онъ доказалъ, что Тулонъ можно взять, только прогнавъ предварительно изъ гавани англо-испанскій флотъ, а для того, чтобы можно было успѣшно обстрѣливать этотъ флотъ, надо направить всѣ силы на взятіе форта Эгилеттъ. Предложеніе Бонапарта было принято. Фортъ былъ взятъ, и французскія орудія стали обстрѣливать непріятельскія суда съ такой силой, что послѣднія должны были покинуть гавань. При этомъ адмиралъ Гудъ сжегъ французскій флотъ, такъ что изъ 56 кораблей, лежавшихъ въ гавани, осталось въ цѣлости только 18. Тулонцевъ, такъ сильно опозорившихъ себя въ борьбѣ противъ

конвента и боявшихся теперь его мести, Гудъ оставилъ безъ всякой помощи и забралъ на свои суда только англійскій гарнизонъ; испанскія же суда взяли съ собой небольшую часть тулонцевъ. Сцена, разыгравшаяся при этомъ, была ужасна: въ гавани горѣли суда, англичане отчаливали отъ берега, сопровождаемые горестнымъ плачемъ тулонцевъ, а съ высоты форта Бонапартъ обстрѣливалъ дамбы гавани, на которыхъ толпились массы людей. Вотъ гдѣ взошла звѣзда того человѣка, который долженъ былъ впослѣдствіи стать наслѣдникомъ революціи и военнымъ диктаторомъ Франціи. Въ то время онъ выдавалъ себя за террориста и якобинца и былъ другомъ Робеспьера-младшаго, находившагося въ качествѣ коммиссара конвента при арміи подъ Тулономъ. Но въ головѣ молодого артиллерійскаго поручика изъ Аячіо уже тогда носились грандіозные планы.

Тулонъ сдался 20 декабря 1793 года, и конвентъ приказалъ своимъ коммиссарамъ Фрерону и Барра подвергнуть этотъ городъ, отдавшій себя въ руки непріятеля и провозгласившій монархію, жестокому наказанію. Около 200 человѣкъ было казнено, и городъ получилъ имя «Гавани Горы».

Въ заокеанскихъ колоніяхъ французы терпѣли неудачи за неудачами. Они потеряли почти всѣ свои владѣнія въ Остъ-Индіи и Южной Америкѣ; на Гаити негры провозгласили себя независимымъ государствомъ, убили большую часть бѣлыхъ и вступили въ союзъ съ испанцами противъ французовъ, такъ какъ эти послѣдніе не хотѣли признать независимости негритянской республики Гаити.

Итакъ, въ общемъ, если не считать нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пораженій, можно сказать, что въ 1793 году республика устояла противъ могущественнѣйшей коалиціи ея враговъ. Она очистила свои границы отъ непріятеля, покончила съ внутренними междоусобными войнами, подавила всѣ возстанія. Франція плавала въ крови, пролитой республикой для того, чтобы съ успѣхомъ отразить своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ.

Новое лѣтосчисленіе.

Революція порвала со всѣмъ старымъ міромъ, съ его обычаями и нравами. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представители революціи пошли, можетъ быть, слишкомъ далеко, такъ какъ формы личныхъ сношеній, платье и домашнія привычки должны быть дѣломъ личнаго вкуса и никоимъ образомъ не могутъ подвергаться регламентаціи. Въ обращеніяхъ другъ къ другу вмѣсто слова «господинъ» употреблялось теперь слово «гражданинъ». Всѣ говорили другъ другу «ты». Одежда санкюлотовъ, такъ наз. карманьола, состоявшая изъ камзола, широкихъ шароваръ, какъ у судовщиковъ, и якобинской шапки, стала почти общеупотребительной. Конвентъ ввелъ цѣлый рядъ отчасти полезныхъ, отчасти очень интересныхъ законодательныхъ реформъ. Система монетъ, мѣръ и вѣсовъ, находившаяся прежде въ полномъ безпорядкѣ, была упорядочена, и въ основу ея легла десятичная система. Франкъ легъ въ основу монетной системы; метръ, литръ и граммъ стали единицами мѣры и вѣса.

Конвентъ не представлялъ собою атеистической корпораціи, но онъ былъ до того проникнутъ сознаніемъ великаго значенія основанія французской республики, что устранилъ христіанское лѣтосчисленіе и ввелъ новое, начавшееся съ момента провозглашенія французской республики. Первымъ днемъ 1-го года было назначено 22 сентября 1792 года, совпадавшее случайно съ осеннимъ равноденствіемъ, такъ что получилось впечатлѣніе, будто природа хочетъ стоять въ гармоніи съ новымъ лѣтосчисленіемъ. Введеніе республиканскаго календаря было постановлено конвентомъ 24 октября 1793 года. Депутатъ Роммъ предложилъ этотъ календарь конвенту уже на первыхъ засѣданіяхъ его. Нѣкоторыя улучшенія были внесены въ него поэтомъ Фабромъ д'Эглантиномъ, другомъ Дантона. Новый календарь дѣлилъ годъ на 12 мѣсяцевъ по 30 дней въ каждомъ; они получили свои названія по временамъ года. Осенніе мѣсяцы назывались: Вандемьеръ (мѣсяцъ сбора винограда), Брюмэръ (мѣсяцъ тумановъ), Фримэръ (мѣсяцъ морозовъ); зимніе мѣсяцы назывались: Нивозъ (снѣжный мѣсяцъ), Плювіозъ (дождливый мѣсяцъ), Вантозъ (мѣсяцъ вѣтровъ); весенніе мѣсяцы назывались: Жерминаль (мѣсяцъ произрастанія), Флореаль (мѣсяцъ цвѣтовъ), Прэріаль (мѣсяцъ луговъ); лѣтніе мѣсяцы назывались: Мессидоръ (мѣсяцъ жатвы), Термидоръ (мѣсяцъ жары), Фрюктидоръ (мѣсяцъ плодовъ). Каждый мѣсяцъ состоялъ изъ трехъ декадъ. Десятый день назывался декади и былъ праздничнымъ днемъ. Оставшіеся затѣмъ пять (для високоснаго года шесть) дополнительныхъ дней назывались къ ужасу филистеровъ санкюлодитами и были днями національныхъ празднествъ. Первый изъ санкюлотидовъ былъ праздникомъ ума, второй—праздникомъ труда, третій—праздникомъ общественнаго мнѣнія, такъ что въ этотъ день можно было безнаказанно высказывать всякія мнѣнія, можно было писать и говорить что угодно, и всякій долженъ былъ стараться завоевать въ свою пользу общественное мнѣніе, опровергать всякія клеветы. Шестой санкюлотидъ, приходившійся только на високосные годы, предназначался для революціоннаго праздника.

Мы приводимъ здѣсь таблицу, сопоставляющую республиканскій календарь съ христіанскимъ.

Съ	1	по	30	вандемьера	— съ 22 сентября	по 21 октября
»	1	»	30	брюмэра	— » 22 октября	» 20 ноября
»	1	»	30	фримэра	— » 21 ноября	» 20 декабря
»	1	»	30	нивоза	— » 21 декабря	» 19 января
»	1	»	30	плювіоза	— » 20 января	» 18 февраля
»	1	»	30	вантоза	— » 19 февраля	» 20 марта
»	1	»	30	жерминаля	— » 21 марта	» 19 апрѣля
»	1	»	30	флореаля	— » 20 апрѣля	» 19 мая
»	1	»	30	прэріаля	— » 20 мая	» 18 іюня
»	1	»	30	мессидора	— » 19 іюня	» 18 іюля
»	1	»	30	термидора	— » 19 іюля	» 17 августа
»	1	»	30	фрюктидора	— » 18 августа	» 16 сентября
»	1	»	5	санкюлотиды	— » 17 сентября	» 21 сентября

Новое лѣтосчисленіе оставалось въ силѣ 12 лѣтъ, и только въ 1805 году, послѣ того, какъ Наполеонъ Бонапартъ сталъ императоромъ французовъ, оно снова было замѣнено христіанскимъ лѣтосчисленіемъ.

По поводу введенія этого календаря поднялся страшный шумъ, и многіе смотрѣли на этотъ фактъ, какъ на покушеніе на христіанскую религію, Но конвентъ совсѣмъ не имѣлъ этого въ виду; онъ ввелъ республиканскій календарь просто потому, что грегоріанскій казался ему устарѣлымъ и одностороннимъ. Духовенство воспользовалось этимъ нововведеніемъ, чтобы изобразить конвентъ въ видѣ сборища безбожниковъ и враговъ всякой религіи, и чтобы, такимъ образомъ, представить весь переворотъ, произошедшій во Франціи, какъ безбожное дѣло.

Покушеніе на христіанскую религію произошло потомъ, но оно исходило не отъ конвента.

Гебертисты.

Маратъ, игравшій въ прежнія времена руководящую роль въ коммунѣ, не обнаруживалъ особой враждебности ни къ религіи, ни къ духовенству. Однажды, въ то время, когда онъ подвергался преслѣдованію со стороны Лафайета, его даже пріютилъ у себя какой-то священникъ. Въ своемъ трудѣ «Планъ уголовнаго законодательства», появившемся во время революціи въ новомъ изданіи, онъ, между прочимъ, устанавливаетъ опредѣленныя наказанія за преступленія противъ религіи и требуетъ тюремнаго заключенія для людей, отрицающихъ существованіе Бога и распространяющихъ свои атеистическіе взгляды. При этомъ онъ говорилъ, что «безъ сомнѣнія, для государства полезно, чтобы его члены вѣрили въ Бога, но еще полезнѣе, чтобы они не преслѣдовали другъ друга».

Послѣ смерти Марата среди его приверженцевъ стало распространяться противо-религіозное и матеріалистическое міросозерцаніе. Какъ кажется, къ атеистическому воззрѣнію привелъ приверженцевъ Марата Клоотцъ, вдохновлявшійся трудами матеріалистическихъ философовъ. Это былъ немного эксцентричный и сумасбродный человѣкъ. Онъ назвалъ себя «личнымъ врагомъ Бога» и принялъ имя Анахарсиса; въ подражаніе ему прокуроръ общины Шометтъ назвалъ себя Анаксагоромъ. Шометтъ и Геберъ стали во главѣ коммуны и образовали вмѣстѣ со многими другими радикальными революціонерами особую партію, приверженцевъ которой называли гебертистами. Пашъ и военный министръ Бушоттъ стояли въ близкихъ отношеніяхъ къ нимъ. Къ нимъ примкнули также: секретарь военнаго министерства Венсанъ, генералъ революціонной арміи Ронсенъ, типографъ Моморо, родомъ изъ Испаніи, и извѣстный Клоотцъ.

Геберъ пользовался въ то время огромнымъ вліяніемъ среди народныхъ массъ, какъ издатель газеты «Père Duchesne», въ которой онъ крайне рѣзко нападалъ на враговъ республики и революціи. Чтобы возбуждать страсти народныхъ массъ, онъ поддѣлывался въ этой газетѣ подъ грубый простонародный языкъ. Его газета распространялась въ количествѣ 80.000 экземпляровъ. Революція подняла Гебера изъ низкаго положенія; за какой-то нечестный поступокъ онъ потерялъ мѣсто при одномъ театрѣ, и враги его постарались использовать и раздуть этотъ фактъ. Его революціонныя брошюры сдѣлали его извѣстнымъ, а благодаря своему ораторскому таланту и симпатичной наружности онъ сталъ пользоваться вліяніемъ въ клубахъ. Женился онъ на выступившей изъ монастыря монахинѣ, по имени Гупиль. Послѣ паденія жирондистовъ Геберъ сталъ высказываться за то, чтобы проливалось возможно меньше крови. Но такъ какъ онъ проповѣдывалъ атеистическія идеи, то власть имущіе сильно возненавидѣли его и всячески стремились оклеветать его.

Геберъ, Шометтъ и Клоотцъ объединились для борьбы съ церковью, противопоставляя ей простой разумъ или здравый человѣческій разсудокъ. «Есть только одинъ властитель», сказалъ Клоотцъ въ конвентѣ, «это само человѣчество. Природа не склоняется на колѣни предъ собой же... Граждане, *разумъ* объединилъ всѣхъ людей въ одно общее представительство».

18 октября общинный совѣтъ рѣшилъ отмѣнить религіозныя церемоніи. Крестные ходы и процессіи были запрещены, иконы, реликвіи и т. п. были удалены. Такъ какъ эти постановленія встрѣчены были парижанами съ восторгомъ, то Геберъ и Шометтъ рѣшили убѣдить дружески расположеннаго къ нимъ парижскаго епископа Гобеля сложить съ себя свое званіе и подать этимъ примѣръ другимъ представителямъ духовенства. Гобель далъ себя убѣдить и явился 7-го ноября 1793 года со своими викаріями и въ сопровожденіи Шометта въ конвентъ, тамъ снялъ съ себя знаки своего священническаго достоинства и надѣлъ красную шапку. «Я принялъ то званіе, которое народъ мнѣ передалъ», сказалъ Гобель, «я сталъ епископомъ, когда народъ хотѣлъ еще имѣть епископовъ; я перестаю теперь быть епископомъ, такъ какъ народъ не хочетъ больше таковыхъ. Подчиненное мнѣ духовенство проникнуто такими же мыслями». Священникъ Вожираръ присоединился къ этому заявленію, и многіе священники сложили свое званіе. Но были и такіе, которые не послѣдовали этому примѣру; къ числу этихъ послѣднихъ принадлежалъ Грегуаръ, который, будучи убѣжденнымъ республиканцемъ, оставался въ то же время вѣрующимъ христіаниномъ.

Вотъ что произошло въ конвентѣ 7-го ноября 1793 года. Какъ видитъ читатель, здѣсь совсѣмъ не было принято рѣшенія отмѣнить христіанство, какъ это часто легкомысленно утверждаютъ. Общинный совѣтъ и Гобель пришли въ департаментахъ многихъ подражателей. Изъ церквей были взяты цѣнные предметы и переданы конвенту для того, чтобы этотъ послѣдній употребилъ ихъ на пользу отечества. Колокола были перелиты въ пушки. Конвенту переданы были распятія, всякаго рода золотые и серебряные предметы и лица, передавшія ихъ, наряжались обыкновенно самымъ причудливымъ образомъ въ ризы, рясы и другія священническія одѣянія. Одинъ изъ нихъ повторилъ слова дикаго герцога Христіана Брауншвейгскаго, который однажды отправилъ на монетный дворъ серебряныя статуи 12 апостоловъ, стоявшія въ Падерборнскомъ соборѣ, говоря: «Идите по всему міру и поучайте всѣ народы».

Тѣмъ лицамъ, которыя хотѣли бы отречься отъ религіи, была теперь показана дорога. Больше никто ничего не дѣлалъ. Ни у кого не было ни права, ни разумнаго основанія насильственно принуждать отрекаться отъ христіанства тѣхъ, кто этого не желалъ. До мысли объ отдѣленіи церкви отъ государства люди того времени не додумались, и конституціонные священники и теперь еще продолжали считаться государственными чиновниками. Но вожди антирелигіознаго движенія впали въ ошибку, которую люди дѣлаютъ очень часто: они думали, что надо замѣнить отмѣненный христіанскій культъ какимъ-нибудь другимъ культомъ. Такимъ образомъ, гебертисты пришли къ мысли создать культъ Разума; поклоненіе Разуму должно было происходить въ каждое декади. Соборъ Парижской Богоматери былъ превращенъ въ храмъ Разума; поклоненіе Разуму совершалось также и въ другихъ церквахъ. Народъ собирался въ церкви; читался текстъ конституціи и декларацiи правъ человѣка, или устраивались другія чтенія и сообщались свѣдѣнія съ театра военныхъ дѣйствій; играла музыка, пѣлись патріотическія пѣсни. Особый ящикъ, напоминавшій по формѣ голову животнаго, назывался «ртомъ истины»; въ него можно было опускать анонимные запросы, обвиненія и совѣты, относящіеся къ общему благу; двѣ трибуны были предназначены для стариковъ и беременныхъ женщинъ.

Легкомысленнымъ парижанамъ новый культъ очень понравился, и въ первомъ празднествѣ, устроенномъ въ честь Разума, приняло участіе очень много народа. Это празднество, о которомъ распространялось такъ много сплетенъ, на самомъ дѣлѣ было очень скромнымъ и невиннымъ торжествомъ. Люди потянулись длинной процессіей къ собору Парижской Богоматери. Несли бюсты Лепеллетье и Марата. Затѣмъ появилась «богиня Разума», изъ чего видно, что новый культъ опять-таки сильно приближался по своимъ формамъ къ старому. «Богиня Разума» сидѣла въ старинномъ креслѣ, которое несли четверо мужчинъ. Это была стройная, красивая женщина. Еще въ настоящее время сильно распространена ложь, будто богиней Разума была выбрана проституткa; въ дѣйствительности же это была не кто иная, какъ извѣстная своей красотою госпожа Моморо, которая, впрочемъ, сначала ни за что не хотѣла исполнять этой театральной роли и уступила только послѣ настоятельныхъ просьбъ, въ угоду своему мужу. Она была одѣта въ бѣлое платье, на плечи ея былъ живописно накинутъ синій плащъ, а ея красивая голова была покрыта фригійской шапочкой; великолѣпныя черныя волосы ея были распущены. Рядомъ съ нею помѣщалась актриса, представлявшая богиню Свободы. Само собою понятно, что эти женщины изображали собою только живыя картины, и имъ не «поклонялись», какъ это многіе утверждали. Точно также невѣрны разсказы, будто въ связи съ праздникомъ Разума происходили различныя оргіи. Шометтъ, являвшійся однимъ изъ организаторовъ новыхъ праздниковъ, особенно уговаривалъ экзальтированныхъ женщинъ не выходить изъ предѣловъ женственности. 18 ноября толпа женщинъ въ фантастическихъ нарядахъ проникла въ залъ засѣданій коммуны подъ предводительствомъ какой-то Розы Лакомбъ и стала вести себя очень развязно. Тогда Шометтъ напомнилъ имъ ихъ долгъ матерей и хозяекъ; онъ произнесъ панегирикъ женщинѣ, являющейся вѣрной и заботливой женой, и

закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Мы должны съ презрѣніемъ относиться къ безстыдной женщинѣ, облачающейся въ мужскую одежду и обмѣнивающей свои природныя прелести на пику и красную шапку». Было рѣшено не принимать больше такихъ женскихъ депутацій, не затрагивая, однако, какъ выразился Шометтъ, ихъ правъ.

Впрочемъ, уже раньше было постановлено, по предложенію Жанъ-Бона Сентъ-Андре, изгнать всѣхъ проститутокъ изъ республики; это рѣшеніе, конечно, не удалось провести въ жизнь. При старомъ режимѣ съ этими несчастными женщинами обращались, какъ съ существами, не принадлежащими къ человѣческому роду; когда онѣ заболѣвали, или когда у нихъ возникалъ какой-нибудь конфликтъ съ полиціей, ихъ просто отправляли въ Сальпетріеръ или Бисетръ [1]), гдѣ имъ часто приходилось цѣлыми годами ждать врачебнаго осмотра и жить въ грязи и нищетѣ. Національный конвентъ освободилъ въ 1792 году этихъ несчастныхъ женщинъ и пріютилъ ихъ въ другомъ мѣстѣ.

Представляя собою самую крайнюю революціонную партію, гебертисты навлекли на себя ненависть представителей партіи Горы. По всей вѣроятности, имъ также не нравились различныя мысли, отличавшіяся нѣкоторой соціалистической окраской; особенно часто такія мысли высказывалъ Шометтъ. Къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ данныхъ, которыя позволили бы намъ разобраться болѣе детально въ идеяхъ гебертистовъ о полнѣйшемъ преобразованіи общества.

Комитету благоденствія уже давно не нравилась популярность коммуны, въ которой господствовали гебертисты. Революціонные комитеты отняли у коммуны значительную долю ея власти. Коммуна хотѣла подчинить эти революціонные комитеты Парижа своему руководству и пригласила ихъ поэтому въ городскую ратушу; но Бильо-Варенну удалось провести въ конвентѣ постановленіе, по которому за созывъ какимъ-либо учрежденіемъ революціонныхъ комитетовъ полагалось строгое наказаніе.

Къ праздникамъ Разума, нашедшимъ большое сочувствіе въ средѣ французскаго народа, Робеспьеръ и Сенъ-Жюстъ, выступавшіе противъ атеизма со своей идеей добродѣтели, относились съ большой антипатіей. Съ этого и начались раздоры внутри партіи Горы,—раздоры, приведшіе ее къ паденію.

Раздоры внутри партіи Горы.

Въ то время, какъ диктаторское правительство съ необыкновенной энергіей вело борьбу съ внѣшними и внутренними врагами республики; въ то время, какъ массы народа отправились къ границамъ для защиты страны; въ то время, какъ во всей странѣ происходили аресты и казни, а въ большихъ городахъ были сооружены постоянные эшафоты; въ то время, какъ торговля находилась въ полномъ застоѣ, и народъ изнемогалъ отъ тя-

[1]) Госпитали.

желой нужды,—въ это самое время внутри партіи Горы назрѣвали расколы, приведшіе, въ концѣ концовъ, къ гибели эту сильную и энергичную партію.

Среди партіи Горы намѣчались три теченія, которыя можно назвать правымъ, среднимъ и лѣвымъ теченіемъ. Вождемъ праваго теченія былъ Дантонъ съ его друзьями Камилломъ Демуленомъ, Геро де-Сешелемъ, Филиппо, Шабо, Тюріо, Барра, Фрерономъ, Мерленомъ и др. Ихъ впослѣдствіи называли дантонистами. Эти люди были по большей части послѣдователями принциповъ Вольтера; они охотно предались бы радостному наслажденію жизнью. Между ними были и люди очень распутные. Самъ Дантонъ не могъ уже больше выступать со своей прежней энергіей послѣ пережитыхъ имъ въ первый періодъ революціи напряженій и волненій; кромѣ того, на немъ сильно отозвалось низверженіе жирондистовъ. Послѣ смерти своей жены онъ женился на очень набожной женщинѣ, которая имѣла на него столь сильное вліяніе, что онъ сталъ высказываться противъ атеизма Гебера. Дантонъ, казалось, усталъ отъ революціи; система ужаса была ему не по душѣ, и онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ конца ея. Его партію стали называть умѣренной, а такое мнѣніе о партіи можетъ быть для нея очень опаснымъ въ бурныя времена. Строгіе революціонеры стали смотрѣть на нее, какъ на безнравственную партію.

Лѣвая фракція Горы лишилась въ лицѣ Марата своего главнаго вождя, и послѣ того, какъ Геберъ сталъ главой этой фракціи, ея главная опора находилась уже внѣ конвента. Какъ Пашъ и Шометтъ, такъ и Ронсенъ и Моморо, являвшіеся руководителями партіи, хотѣли, чтобы революція привела къ полнѣйшему торжеству крайнихъ демократическихъ началъ. Изъ членовъ конвента представителями этой партіи были Клоотцъ и нѣкоторые другіе мало извѣстные депутаты; была еще часть депутатовъ, которые колебались между лѣвой и другими фракціями партіи Горы. Лѣвая фракція опиралась на коммуну и пролетаріатъ парижскихъ предмѣстій. Комитетъ благоденствія смотрѣлъ на нее, какъ на партію ультра-революціонную, ударившуюся въ крайность; на нее нападали за ея атеизмъ и энергичное представительство интересовъ того пролетаріата, который принималъ дѣятельное участіе въ возстаніяхъ. Она построила свое міросозерцаніе на принципахъ философіи Дидро и Гольбаха.

Самой сильной фракціей Горы въ то время была средняя, главаремъ которой былъ Робеспьеръ, и въ рукахъ которой находилась правительственная власть. Первенствующую роль въ правительствѣ игралъ Робеспьеръ со своими друзьями Сенъ-Жюстомъ и Кутономъ: это было обусловлено какъ тѣмъ вліяніемъ, которымъ онъ пользовался среди народныхъ массъ, такъ и тѣмъ уваженіемъ, съ которымъ къ нему относились въ конвентѣ. Онъ постепенно становился диктаторомъ. Средняя фракція была сторонницей идей Жанъ-Жака Руссо, и сочиненія послѣдняго можно было всегда найти въ канцеляріяхъ правительства. Къ этому теченію принадлежали Бильо-Варенъ, Колло д'Эрбуа и большая часть членовъ партіи Горы. Многіе изъ нихъ сильно склонялись къ атеизму, но тотъ фактъ, что коммуна обладала большою властью, шелъ совершенно въ разрѣзъ съ ихъ стремленіями къ

единству власти; интересы буржуазіи они представляли себѣ не иначе, какъ въ полномъ сліяніи съ интересами пролетаріата.

До того времени Робеспьеръ принималъ участіе во всѣхъ фазисахъ прогрессивнаго развитія революціи. Онъ весь такъ сросся съ революціей, что личность его развивалась вмѣстѣ съ нею. Ростъ его политической власти повелъ къ тому, что онъ сталъ задумываться надъ перестройкой государства по своему личному вкусу и сообразно своимъ идеямъ. Его государственныя идеи раскрыли его слабыя стороны, и онъ оказался одностороннимъ доктринеромъ. Онъ видѣлъ тѣ ошибки, преступленія и пороки, отъ которыхъ погибла старая Франція; онъ видѣлъ ту неизмѣримую народную нужду и нищету, изъ которой революція черпала свои силы. Но Руссо, философія котораго усматривала въ человѣческой испорченности причину всѣхъ бѣдствій людскихъ, внесъ путаницу въ его умъ. У Монтескье онъ вычиталъ, что добродѣтель или нравственность является характерной особенностью республиканскаго государства. При его склонности исходить въ своихъ идеяхъ изъ представленія о республикахъ древняго міра, отвлеченное понятіе добродѣтели стало для него идеаломъ, что находилось въ полномъ соотвѣтствіи съ его личнымъ характеромъ, его строгой нравственностью и простотой его жизни. Онъ говорилъ, что хочетъ въ новомъ государствѣ замѣнить эгоизмъ моралью, честь—честностью, обычаи—принципами, желаніе—чувствомъ долга, презрѣніе къ несчастью—презрѣніемъ къ пороку, дерзость—гордостью, тщеславіе—величіемъ души, любовь къ золоту—любовью къ славѣ, интригу—заслугой, остроуміе—умомъ, скучную похоть—прелестнымъ счастьемъ, отвагу великихъ людей—величіемъ человѣка вообще. «*Основа демократическаго правленія*», говорилъ онъ, «*есть добродѣтель, а средствомъ для проведенія ея въ жизнь является ужасъ*».

Но онъ забывалъ, что добродѣтель или нравственность цѣлаго народа нельзя создать въ воздухѣ; онъ забывалъ, что нельзя при помощи террора вводить добродѣтель, подобно тому, какъ устрашающее наказаніе уголовныхъ законовъ не въ состояніи уничтожить преступленій. Добродѣтель нельзя сдѣлать обязательной путемъ декретовъ,—она можетъ процвѣтать только на прочной основѣ матеріальнаго благосостоянія и «земного» счастья. Нищета и нужда всегда будутъ имѣть своими спутниками преступленіе и пороки. Робеспьеръ не разобрался въ той связи, которая существовала между революціей и измѣненіями въ области собственности. Народъ, имѣющій возможность достаточно питаться, одѣваться какъ слѣдуетъ, жить въ удобныхъ помѣщеніяхъ и получать соотвѣтствующее духу времени образованіе,—такой народъ скоро станетъ добродѣтельнымъ и свободнымъ; у такого народа пороки и преступленія съ теченіемъ времени сильно уменьшатся. Но Робеспьеръ не думалъ о необходимости такой организаціи экономическихъ основъ общества, которая дала бы всему народу возможность устроить лучше свою матеріальную жизнь и обезпечила бы ему существованіе. Для облегченія нужды правительство прибѣгло къ жалкимъ и недостаточнымъ средствамъ, да къ тому же Робеспьеръ могъ обѣщать въ своемъ добродѣтельномъ государствѣ лишь безсмертіе души и вѣру въ какое-то Высшее Существо. Голодающій народъ, стойко выносившій во имя республики столько

страданій, увидѣлъ себя, наконецъ, обманутымъ въ своихъ надеждахъ, и этимъ объясняется фактъ быстраго и внезапнаго паденія Робеспьера.

Расколъ въ партіи Горы постепенно все обнаруживался все яснѣе и яснѣе. Уже въ ноябрѣ 1793 года Робеспьеръ выступилъ въ клубѣ якобинцевъ съ нападками на атеизмъ. При этомъ онъ сталъ на обычную филистерски-буржуазную точку зрѣнія, утверждая, что образованный человѣкъ можетъ обойтись безъ религіи, но что массѣ религія необходима. «*Атеизмъ*», сказалъ онъ, «*аристократиченъ*. Идея о Высшемъ Существѣ, охраняющемъ угнетенную невинность и наказывающемъ торжествующее преступленіе, въ высшей степени народна. *Если бы Бога не было, его надо было бы выдумать*».

Ниже мы увидимъ, что онъ, дѣйствительно, впослѣдствіи выдумалъ его.

Дантонисты въ это время шли еще рука объ руку съ Робеспьеромъ и вмѣстѣ съ нимъ выступали противъ атеизма. Камиллъ Демуленъ сталъ издавать газету «Старый Кордельеръ». Одно время онъ ушелъ отъ политики и отдался радостямъ семейной жизни со своей прелестной женой Люсиль Дюплесси, которая нѣжно и горячо любила его. Но затѣмъ онъ снова выступилъ на арену политической дѣятельности. Его газета была направлена спеціально противъ гебертистовъ, и въ этомъ отношеніи Робеспьеръ вполнѣ одобрялъ Демулена. Но Демуленъ пошелъ еще дальше: онъ сталъ нападать на гебертистовъ за ихъ требованіе самыхъ рѣшительныхъ мѣропріятій противъ враговъ республики. Въ это время революціонный трибуналъ работалъ уже съ полной энергіей. Было казнено много генераловъ измѣнниковъ. Почти ежедневно люди приговаривались къ смерти за распространеніе поддѣльныхъ ассигнатовъ или за преступленія противъ законовъ республики. Въ провинціи также царилъ терроръ, и, благодаря закону о подозрительныхъ лицахъ, тюрьмы были повсюду переполнены.

Вскорѣ Камиллъ Демуленъ выступилъ противъ революціоннаго правительства. Гебертистовъ онъ еще прежде обвинялъ въ томъ, что они дѣйствуютъ по соглашенію съ Питтомъ; теперь же онъ напалъ на революціонное правительство и его органы, примѣняя къ нимъ безсмертныя слова Тацита о тиранніи въ древнемъ Римѣ. Онъ сравнивалъ доносчиковъ съ предателями стараго Рима и говорилъ: «Судьи были не лучше доносчиковъ; суды, предназначенные для защиты жизни и собственности, превратились въ бойни, гдѣ то, что называлось смертной казнью или конфискаціей имущества, въ дѣйствительности превратилось въ убійство и грабежъ». Онъ сравнивалъ дѣйствіе закона о подозрительныхъ лицахъ съ положеніемъ Рима въ царствованіе Нерона: «Если люди не хотѣли подвергнуться смертной казни, то они должны были громко выражать свою радость по поводу смерти своихъ друзей, родственниковъ. Въ царствованіе Нерона многіе устраивали благодарственные молебны богамъ по поводу смерти своихъ родственниковъ, виновникомъ которой являлся тиранъ. Надо было, по меньшей мѣрѣ, имѣть всегда довольный, веселый и спокойный видъ. Люди боялись, какъ бы сама болѣзнь не показалась подозрительной. Все возбуждало подозрѣніе тирана. Если какой-нибудь гражданинъ пользовался популярностью, то онъ считался соперникомъ императора, который можетъ вызвать гражданскую войну. Это подозрительно! Если человѣкъ избѣгалъ популярности и держался въ сторонѣ отъ общественной жизни, то и тогда онъ обращалъ на себя вниманіе. Это подозрительно! Если человѣкъ былъ бѣденъ, то за нимъ надо было особенно внимательно слѣдить. Вѣдь никто такъ не предпріимчивъ, какъ человѣкъ, не имѣющій ничего. Это подозрительно! Если человѣкъ обладалъ мрачнымъ, меланхолическимъ характеромъ, или одѣвался небрежно, тогда, значитъ, его безпокоитъ прекрасное положеніе общественныхъ дѣлъ. Это подозрительно! Если человѣкъ отличался добродѣтелью и строгостью нравовъ, тогда онъ былъ новымъ Брутомъ, желавшимъ своимъ поведеніемъ уязвить великолѣпный и роскошный дворъ. Это подозрительно! Если кто-нибудь былъ философомъ, ораторомъ или поэтомъ, о, тогда горе ему, такъ какъ онъ могъ стать болѣе знаменитымъ, чѣмъ тѣ, которые управляли. Это подозрительно! Если человѣкъ составлялъ себѣ имя на войнѣ, то, благодаря своему таланту, онъ становился еще болѣе опаснымъ. Съ безталаннымъ полководцемъ еще можно кое-какъ мириться. Въ самомъ дѣлѣ, если такой безталанный полководецъ окажется измѣнникомъ, онъ никогда не сумѣетъ предать непріятелю армію такъ хорошо, чтобы никто не спасся. Если же измѣнитъ талантливый полководецъ, то вѣдь никто не спасется. Слѣдовательно, лучше всего совершенно отдѣлаться отъ такихъ людей; во всякомъ случаѣ надо ихъ возможно скорѣе удалить изъ арміи. Они подозрительны! Еще хуже было быть внукомъ или родственникомъ деспота: вѣдь онъ могъ тогда носиться съ мыслями о захватѣ престола. Это подозрительно! Такимъ образомъ, всякая черта характера могла возбудить ревность деспота и обречь человѣка на гибель. Преступно было занимать высокій постъ, или покидать этотъ постъ. Но самымъ великимъ преступленіемъ была неподкупность... Людей предавали и убивали ихъ рабы и враги. Если же у кого-нибудь не было враговъ, то роль убійцы бралъ на себя гость, другъ, сынъ. Словомъ, въ это время знаменитые люди или вообще люди, занимавшіе какой-нибудь постъ, умирали такъ рѣдко естественной смертью, что о человѣкѣ, умершемъ не отъ руки убійцы, сообщалось въ газетахъ, и это событіе заносилось на скрижали исторіи. За время этого царствованія только одинъ жрецъ умеръ естественной смертью въ своей постели, и на это смотрѣли, какъ на истинное чудо».

Эта страшная сатира, вышедшая изъ-подъ пера талантливаго Камилла Демулена, обратила на себя всеобщее вниманіе. Она была написана смѣло и остроумно, но необдуманно, такъ какъ реакціонеры съ удовольствіемъ читали эти нападки на правительство, которыя должны были внести расколъ въ партію Горы. Газету Демулена читали повсюду, и она производила громадное впечатлѣніе. Когда Демуленъ предложилъ учредить комитетъ помилованія, многіе рѣшили, что терроризму наступилъ конецъ, такъ какъ Робеспьеръ тоже незадолго до этого предложилъ создать комитетъ справедливости.

Сначала комитетъ благоденствія колебался, такъ какъ силы гебертистовъ росли тѣмъ больше, чѣмъ больше Камиллъ Демуленъ показывалъ, что его партія хочетъ теперь конца революціи. Всѣ были согласны въ томъ, что когда-нибудь долженъ наступить конецъ революціи, но гебертисты считали систему террора необходимой до тѣхъ поръ, пока сила враговъ рес-

публики не будетъ сломлена окончательно и пока иностранныя государства не перестанутъ вооружаться противъ Франціи. Вернувшійся изъ Ліона Колло д'Эрбуа сталъ на сторону гебертистовъ, и тогда Робеспьеръ отступился отъ Камилла Демулена, который до того времени представлялъ ему свою газету для предварительнаго просмотра. Робеспьеръ въ клубѣ якобинцевъ порвалъ со своимъ школьнымъ товарищемъ и предложилъ сжечь его газету. Камиллъ отвѣтилъ на это цитатой изъ Вольтера: «*Сжигать не значитъ отвѣчать*». Такъ началась вражда между Робеспьеромъ и Демуленомъ, и при данномъ положеніи вещей она могла имѣть только кровавый исходъ.

Гебертисты Ронсенъ и Венсанъ были арестованы по какому-то пичтожному поводу, и теперь ихъ освободили. Но затѣмъ комитетъ благоденствія рѣшилъ устранить какъ дантонистовъ, такъ и гебертистовъ,—первыхъ потому что они были слишкомъ умѣрены и мѣшали дальнѣйшему развитію революціи, а вторыхъ за то, что они были слишкомъ революціонны и компрометировали революцію своимъ атеизмомъ.

«Люди добродѣтели» были неразборчивы въ средствахъ. Дантонисты и гебертисты не были, по ихъ понятіямъ, добродѣтельными людьми. Слѣдовательно, ихъ надо было устранить. Сенъ-Жюстъ напалъ въ конвентѣ на обѣ фракціи. Дантонистовъ онъ обвинялъ въ томъ, что они хотятъ превратить республику въ *проститутку*, гебертистовъ—въ томъ, что они хотятъ изъ нея сдѣлать *вакханку*. «Граждане!», сказалъ онъ, «вы хотѣли учредить республику. Если вы въ то же время не хотите всего того, что соотвѣтствуетъ республикѣ, то республика должна пасть, и народъ погибнетъ подъ ея развалинами. Человѣкъ достоинъ наказанія за состраданіе къ арестованнымъ; *человѣкъ достоинъ наказанія, если онъ не хочетъ добродѣтели; человѣкъ достоинъ наказанія, если онъ не хочетъ ужаса*».

Робеспьеръ тоже напалъ на умѣренныхъ и крайнихъ революціонеровъ, Онъ заявилъ, что при настоящемъ положеніи вещей нельзя управлять страной по законамъ мирнаго времени; что революціонное правительство является *деспотизмомъ свободы, направленнымъ противъ тираніи*. Онъ утверждалъ, что крайніе революціонеры хотятъ распустить конвентъ и учредить диктатуру. А между тѣмъ онъ низвергнулъ обѣ партіи только для того, чтобы самому стать диктаторомъ!

Раздались кровавыя угрозы. Камиллъ Демуленъ сказалъ о Сенъ-Жюстѣ: «этотъ человѣкъ такъ тщеславенъ и носитъ голову на своихъ плечахъ съ такимъ благоговѣніемъ, *какъ будто это святые дары*». Сенъ-Жюстъ отвѣтилъ на это: «А Демуленъ будетъ у меня носить свою голову, какъ святой Діонисій!» (подъ мышкой).

Паденіе гебертистовъ.

Гебертисты были сильнѣе дантонистовъ, такъ какъ они господствовали въ коммунѣ и пользовались большими симпатіями въ народныхъ массахъ. Коммуна заслужила любовь народа тѣмъ, что она снабжала Парижъ съѣстными припасами. Зима 1793—1794 года была очень сурова; было очень

трудно добывать воду, а дрова народъ долженъ былъ доставать себѣ изъ отдаленныхъ лѣсовъ. Съѣстныхъ припасовъ также было мало; уже рано утромъ а иногда еще ночью женщины стояли передъ булочными, ожидая очереди. Рѣдко появлялись на рынкѣ мясо и овощи, и коммуна могла только выдавать по одному фунту мяса на человѣка черезъ каждые десять дней. Но она дѣлала все, что могла; безъ нея нужда, царившая зимою 1793—1794 года, сильно сократила бы парижское населеніе.

Но эти заслуги гебертистовъ не имѣли никакого значенія въ глазахъ людей добродѣтели, разъ дѣло шло о фанатизмѣ партійныхъ воззрѣній. Послѣ одной изъ рѣчей Сенъ-Жюста конвентъ снабдилъ комитетъ благоденствія самыми широкими полномочіями. Подобно Демулену, Сенъ-Жюстъ въ своей борьбѣ съ гебертистами не останавливался передъ клеветой. Онъ утверждалъ, что гебертисты находятся на содержаніи у иностранныхъ державъ, и что имъ поручено опорочить своими крайностями, особенно своимъ атеизмомъ, республику въ глазахъ Европы и такимъ образомъ погубить ее. За этой клеветой скрывалась своего рода классовая борьба, которая не носила опредѣленнаго имени, но которая все-же ясно чувствовалась. Въ самомъ дѣлѣ, государственные дѣятели конвента и комитета благоденствія прекрасно чувствовали, что защита интересовъ пролетаріата, которую коммуна взяла на себя въ качествѣ маратовскаго наслѣдства, и которую она вела съ поразительной энергіей, переходитъ за рамки «добродѣтельной республики», скроенной по вкусу мѣщанства. Противники гебертистовъ не рѣшились открыто отдѣлить интересы трудящагося народа отъ интересовъ зажиточной буржуазіи, и поэтому они прибѣгали въ своихъ нападкахъ на гебертистовъ къ самой грубой клеветѣ.

Гебертисты видѣли, что имъ угрожаетъ опасность. Противники ихъ распространяли также слухъ, будто они хотятъ устроить государственный переворотъ и ввести диктатуру, при которой вся правительственная власть должна находиться въ рукахъ трибунала подъ предсѣдательствомъ верховнаго судьи. Обвинителемъ здѣсь якобы долженъ быть цензоръ, а генералиссимусъ долженъ уничтожать внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ; Пашъ будто бы предназначался въ верховные судьи, а Ронсенъ—въ генералиссимусы. Но эти обвиненія были лишь пустыми выдумками, и противъ Паша даже не было потомъ возбуждено обвиненія.

Геберъ сказалъ какъ то въ клубѣ новыхъ кордельеровъ, что самыми скверными людьми являются не воры, а честолюбивые люди; этимъ онъ намекалъ на Робеспьера. Въ этомъ своемъ клубѣ гебертисты завѣсили «права человѣка» и, какъ казалось, хотѣли подготовиться къ возстанію. Но у нихъ не было никакого плана, и къ тому же ихъ противникъ былъ сильнѣе ихъ. Кромѣ того, нелегко было привести въ движеніе тяжеловѣсный аппаратъ, при помощи котораго можно было бы вызвать возстаніе предмѣстій. Комитетъ благоденствія былъ сильнѣе ихъ, а дѣйствовалъ быстрѣе. Ночью 13 марта были арестованы главари гебертистовъ, Геберъ, Ронсенъ, Моморо, Венсанъ, Дюкроке и Сомюръ. Кромѣ того, былъ арестованъ еще голландскій банкиръ и патріотъ Коккъ, часто приглашавшій къ себѣ въ гости гебертистовъ, Дефье, Дюбюиссонъ, Перейръ и Проли; послѣдніе трое

были когда то коммиссарами якобинцевъ при Дюмурье; Проли былъ незаконнорожденнымъ сыномъ извѣстнаго политическаго дѣятеля Кауница; была также арестована жена казненнаго генерала Гетино, неудачно командовавшаго революціонными войсками въ Вандеѣ, и наконецъ, Клоотцъ; изъ арестованныхъ одинъ только Клоотцъ былъ членомъ конвента. Робеспьеръ заставилъ еще раньше исключить его изъ клуба якобинцевъ, мотивируя его исключеніе тѣмъ, что онъ получаетъ 100.000 франковъ ренты и что онъ, какъ космополитъ, мечтавшій объ учрежденіи міровой республики, интересовался больше счастьемъ Персіи и Мономотапы, чѣмъ счастьемъ Франціи. Бѣдный Клоотцъ представлялъ себѣ свою міровую республику, по меньшей мѣрѣ, такой же прекрасной, какой Робеспьеръ представлялъ себѣ свою республику добродѣтели.

Черезъ нѣсколько дней были также арестованы Шометтъ, Гобель и Пашъ. Пашъ былъ устраненъ отъ должности мэра; его арестовали какъ подозрительнаго человѣка.

Процессъ гебертистовъ продолжался три дня; ихъ обвиняли во всевозможныхъ безчестныхъ поступкахъ, какъ, напримѣръ, въ кражѣ бѣлья. Они почти совсѣмъ не защищались. «*Это—политическій процессъ*», говорилъ Ронсенъ, своимъ товарищамъ «къ чему же всѣ эти ваши документы и приготовленія къ защитѣ? Васъ все равно осудятъ. Вы занимались болтовней, когда надо было дѣйствовать; такъ покажите теперь, что вы, по крайней мѣрѣ, умѣете спокойно умирать!»

24-го марта 1794 года осужденныхъ повели на казнь. По дорогѣ на эшафотъ они подвергались насмѣшкамъ и издѣвательствамъ со стороны роялистовъ, собравшихся большими массами на улицахъ, чтобы полюбоваться уничтоженіемъ революціонной коммуны. Ронсенъ и Клоотцъ проявили на эшафотѣ много мужества.

Революціонная армія была распущена. Шометтъ и Гобель были также казнены. Противъ Шометта было выставлено обвиненіе, будто онъ хотѣлъ уничтожить Парижъ голодомъ, на что онъ отвѣтилъ однимъ только презрительнымъ молчаніемъ. Теперь коммуна была составлена изъ сторонниковъ Робеспьера.

Такъ Робеспьеръ, шедшій до того времени постоянно въ ногу съ революціей, теперь остановился, и съ этого момента началась реакція въ его вкусѣ.

Гебертисты подвергались со стороны историковъ самымъ рѣзкимъ нападкамъ. Въ этомъ отношеніи имъ пришлось подвергнуться участи всѣхъ тѣхъ людей, которые заступаются за бѣдные слои народа. Можно согласиться съ тѣмъ, что среди нихъ было нѣсколько экзальтированныхъ и рѣзкихъ людей, но, во всякомъ случаѣ, ихъ республиканскій патріотизмъ былъ такъ же искренъ, какъ патріотизмъ другихъ партій. Они пали жертвою классовой ненависти, жертвой ограниченной идеи «добродѣтельнаго государства» и стремленія «людей добродѣтели» къ власти. Но, уничтоживъ коммуну и казнивъ ея вождей, комитетъ благоденствія подрубилъ тотъ сукъ, на которомъ онъ самъ сидѣлъ. Парижское населеніе относилось съ большимъ довѣріемъ къ дѣятелямъ коммуны, доставлявшимъ ему всегда въ

моменты самой острой нужды средства существованія. А новые дѣятели коммуны могли въ отвѣтъ на вопли голодныхъ парижанъ обѣщать только одно, а именно, что враги республики будутъ впредь наказываться еще строже, чѣмъ прежде. Парижское населеніе не забыло казни гебертистовъ такъ легко, какъ это предполагалъ комитетъ благоденствія.

Реакція, начавшаяся съ момента паденія гебертистовъ, должна была поглотить всю партію Горы.

Паденіе дантонистовъ.

Тотчасъ же послѣ казни вождей гебертистовъ комитетъ благоденствія занялся приготовленіями къ тому, чтобы уничтожить правую фракцію Горы, дантистовъ. Дѣло въ томъ, что Робеспьеръ боялся, какъ бы его,—послѣ того какъ онъ отправилъ на эшафотъ самыхъ рѣшительныхъ революціонеровъ,—не причислили къ умѣреннымъ элементамъ Горы. Кровь умѣренныхъ представителей партіи должна была доказать, что самъ Робеспьеръ не склоненъ къ умѣренности.

Дантонъ провелъ нѣкоторое время у себя на родинѣ въ Арси на Оби и вернулся затѣмъ въ Парижъ съ тяжелыми предчувствіями. Вернувшись по приглашенію своихъ политическихъ друзей въ столицу, онъ имѣлъ свиданіе съ Робеспьеромъ. Но оказалось, что старая, завязавшаяся при посредничествѣ Демулена, дружба между обоими вождями революціи исчезла и Дантонъ разстался съ Робеспьеромъ очень холодно. Сближенія не произошло. Дантонъ видѣлъ надвигающуюся на него грозу, но ничего не предпринялъ. Да и что было ему предпринимать? Бѣжать? Но какая страна приметъ его? Если бы онъ поднялъ въ конвентѣ свой могучій голосъ и повелъ энергичную борьбу противъ правительства, тогда могло бы быть еще сомнѣніе въ томъ, станетъ ли конвентъ на сторону Робеспьера и комитета благоденствія. Но онъ флегматично покорился своей участи: «Лучше быть казненнымъ», сказалъ онъ какъ-то разъ, «чѣмъ самому казнить другихъ». Онъ говорилъ, что жизнь ему надоѣла. А одному другу, совѣтовавшему ему бѣжать изъ Франціи, онъ отвѣтилъ: «*а развѣ можно унести* съ собою свое отечество?»

Вечеромъ 30-го марта 1794 года какой-то канцелярскій чиновникъ передалъ ему, что въ комитетѣ благоденствія говорили объ его арестѣ. Вспоминая сыгранную имъ роль въ революціи, Дантонъ отвѣтилъ: «*Они не рѣшатся на это*».

Однако они рѣшились.

Ночью Дантонъ былъ арестованъ по приказанію всемогущаго комитета благоденствія. Приказаніе послѣдовало послѣ доклада Сенъ-Жюста. Арестованы были также Камиллъ Демуленъ, Геро де-Сешель, Лакруа, Филиппо Вестерманъ и еще нѣкоторые другіе дантонисты. Шабо, Фабръ д'Эглантинъ Базиръ и еще четверо другихъ приверженцевъ Дантона были еще ранѣе арестованы за поддѣлку какого-то декрета, и вотъ теперь судъ нарочно соединилъ процессъ о поддѣлкѣ съ процессомъ Дантона. Дантонъ съ

обвиняли въ томъ же, въ чемъ обвиняли гебертистовъ, а именно: будто бы они подкуплены иностранными государствами и хотятъ погубить республику. Но въ то время, какъ гебертисты думали достигнуть этого своими крайностями, дантонисты, наоборотъ, разсчитывали на свою умѣренность. Спеціально противъ Дантона выставлялось старое обвиненіе въ томъ, что онъ былъ подкупленъ дворомъ, и что въ Бельгіи онъ принималъ участіе въ грабежахъ. По нашему мнѣнію ни первое, ни второе обвиненіе не могло быть доказано фактами.

У Дантона не было опоры въ конвентѣ и клубахъ. Но когда разнеслась вѣсть объ его арестѣ, Парижъ все-таки заволновался. Въ конвентѣ поднялся другъ Дантона Лежандръ и потребовалъ, чтобы арестованные были приведены въ конвентъ. Но противъ Лежандра выступилъ Робеспьеръ. Онъ пустилъ въ ходъ все свое ораторское искусство, угрожалъ всевозможными бѣдствіями и въ концѣ рѣчи воскликнулъ: «*мы не хотимъ идоловъ*». Это восклицаніе было встрѣчено конвентомъ съ большимъ одобреніемъ. Сенъ-Жюстъ прочиталъ удачно составленный докладъ, въ которомъ онъ собралъ сплетни объ арестованныхъ и изображалъ ихъ какъ безнравственныхъ людей, подкупленныхъ иностранными государствами. Конвентъ притворился, будто онъ вѣритъ всему этому, и изъ боязни передъ всесильными комитетами депутаты согласились пожертвовать головами Дантона и его друзей, чтобы спасти свои собственныя.

Арестованные сидѣли въ Люксембургѣ, гдѣ Дантонъ изрекалъ свои остроумныя крылатыя слова, а бѣдный Камиллъ Демуленъ, проживши со своей прекрасной, молодой женой Люсиль Дюплесси радостную идиллію, написалъ тѣ самыя знаменитыя письма, которыя являются самыми трогательными твореніями любящаго сердца, мучающагося въ предчувствіи смерти. Но на судѣ Дантонъ и его друзья держались мужественно и гордо. Они защищались очень умѣло и, казалось, они все еще надѣялись избѣгнуть эшафота. При допросѣ они давали трибуналу очень оригинальные и замѣчательные отвѣты. Такъ, напр., Дантонъ на вопросъ объ имени, возрастѣ и мѣстѣ жительства отвѣтилъ: «Я—Дантонъ, хорошо извѣстный дѣятель революціи, мнѣ 35 лѣтъ; моей обителью скоро будетъ ничто, а мое имя будетъ жить въ Пантеонѣ исторіи».

Народъ массами толпился въ судѣ, чтобы увидѣть этихъ знаменитыхъ вождей революціи. Онъ волновался и уже раньше проникся участіемъ къ молодой, красивой женѣ Камилла, въ отчаяніи блуждавшей вокругъ темницы своего мужа. Громовой голосъ Дантона возбуждалъ народъ; этотъ голосъ заглушалъ звонокъ предсѣдателя трибунала. Присяжные начали колебаться, а обвиняемые все рѣшительнѣе требовали, чтобы ихъ поставили на очную ставку съ ихъ обвинителями и клеветниками. Но трибуналъ закрылъ дебаты подъ предлогомъ, будто обвиняемые оскорбили его. Дантонъ и его друзья были присуждены къ смертной казни. «Насъ приносятъ въ жертву честолюбію нѣсколькихъ трусливыхъ разбойниковъ», сказалъ Дантонъ, «но недолго будутъ они вкушать плоды своей преступной побѣды. *Я потащу за собою Робеспьера. Робеспьеръ послѣдуетъ за мной*».

Предсказаніе Дантона оправдалось.

Дантонисты были казнены 5-го апрѣля 1794 года. Они умерли безъ всякой боязни. Дантонъ потребовалъ отъ палача, чтобы онъ показалъ его голову народу, и это требованіе его было исполнено.

Такъ погибъ Дантонъ, могучая энергія котораго нѣкогда спасла Францію отъ нападенія иностранныхъ государствъ и отъ внутренней реакціи. У этого человѣка бывали дикія вспышки, но онъ не былъ способенъ на систематическую жестокость. Вмѣстѣ съ нимъ умеръ блестящій поэтъ Камиллъ Демуленъ, ѣдкія остроты котораго часто поражали тѣхъ, въ кого онъ даже и не мѣтилъ. По дорогѣ на мѣсто казни онъ вспомнилъ 12 іюля, когда онъ въ Пале-Роялѣ обращался къ народу съ требованіемъ взяться за оружіе для борьбы со дворомъ. «Такъ вотъ какова награда», сказалъ онъ съ болью въ сердцѣ «первому апостолу свободы!» Бѣдный Камиллъ! Онъ былъ сотканъ изъ слишкомъ нѣжной матеріи для этой революціи, низвергавшей и разбивавшей желѣзныхъ колоссовъ. Оба эти друга сдѣлали все для того, чтобы придать жаръ и энергію революціи. Но теперь они стали въ неподходящій моментъ требовать умѣренности и погибли на эшафотѣ.

Тріумвиратъ.

Послѣ паденія гебертистовъ и дантонистовъ Робеспьеръ оказался первымъ человѣкомъ въ республикѣ. Теперь уже никого нельзя было больше противопоставить ему, и никто не сросся такъ со всѣми великими событіями революціи, какъ онъ. Его диктатура сложилась сама собою послѣ того, какъ онъ себѣ прочистилъ путь. Вмѣстѣ со своими вѣрными друзьями Сенъ-Жюстомъ и Кутономъ онъ господствовалъ въ комитетѣ благоденствія, а, слѣдовательно, и въ конвентѣ. Внѣ конвента Робеспьеръ старался упрочить свое положеніе тѣмъ, что на всѣ выдающіяся должности назначалъ своихъ приверженцевъ. Революціонный трибуналъ состоялъ цѣликомъ изъ его приверженцевъ. Коммуна была преобразована; Флеріо сталъ мэромъ, Пэйанъ—національнымъ агентомъ; оба они, а также Анріо, начальникъ національной гвардіи, были безусловно преданы Робеспьеру. Революціонная армія была распущена, такъ какъ она, по большей части, состояла изъ гебертистовъ. Министерства были уничтожены и замѣнены 12 канцеляріями для веденія государственныхъ дѣлъ. Канцеляріи завѣдывали и руководили: 1) Полиціей и судебными дѣлами; 2) Общественными школами; 3) Земледѣліемъ и искусствами; 4) Торговлей и магазинами; 5) Общественными сооруженіями; 6) Организаціей общественной помощи; 7) Почтой, транспортнымъ дѣломъ и посольствами; 8) Финансами; 9) Организаціей арміи и управленіемъ ею; 10) Судоходствомъ и колоніями; 11) Вооруженіемъ; 12) Внѣшними дѣлами. Такимъ образомъ, управленіе страной перешло изъ министерствъ, которыя впрочемъ въ послѣднее время не играли никакой роли, въ руки комитета благоденствія, такъ какъ канцеляріи были этого комитета. Клубъ кордельеровъ былъ закрытъ, и этимъ правительство надѣялось окончательно уничтожить гебертистовъ. Оставленъ былъ только клубъ якобинцевъ, являвшійся отнынѣ признаннымъ народнымъ обществомъ и пользо-

вавшійся покровительствомъ правительства. Этотъ клубъ служилъ для Робеспьера той трибуной, съ которой онъ ежедневно излагалъ свои взгляды и превозглашалъ свои идеи. Собранія секцій были отмѣнены, благодаря чему рабочіе, получавшіе до сихъ поръ за посѣщеніе секцій по 2 франка, были лишены очень важной для нихъ въ это время безработицы и нужды поддержки.

Такъ былъ созданъ аппаратъ, который долженъ былъ управлять республикой добродѣтели и ужаса. Характеренъ тотъ фактъ, что самъ Робеспьеръ взялъ на себя завѣдываніе канцеляріей полиціи. Сенъ-Жюстъ, особенно сильно выдѣлившійся при паденіи гебертистовъ и дантонистовъ, очутился теперь рядомъ съ Робеспьеромъ во главѣ республики. Этотъ молодой человѣкъ свелъ свои политическія воззрѣнія и требованія къ формуламъ, которыя онъ осуществлялъ самымъ хладнокровнымъ образомъ, не удѣляя никакого мѣста запросамъ сердца и чувства. Его рѣшительность и фанатизмъ дѣлали его ужаснымъ. Онъ носился съ самыми гигантскими планами, изъ которыхъ въ настоящее время извѣстно лишь немного. Онъ хотѣлъ преобразовать все общество по идеалу Руссо; онъ хотѣлъ превратить Францію въ демократическое земледѣльческое государство; онъ хотѣлъ установить, чтобы молодежь ѣла меньше мяса; онъ постоянно оттѣнялъ, что человѣкъ имѣетъ право на хлѣбъ, на существованіе, и 3-го мая 1794 года конвентъ по его предложенію постановилъ, что «собственность патріотовъ священна и неприкосновенна; имущество же враговъ республики конфискуется для общаго блага». Для проведенія въ жизнь этого рѣшенія было постановлено, чтобы во всѣхъ общинахъ были приготовлены списки нуждающихся патріотовъ. Государственная казна должна была поддерживать этихъ нуждающихся. Барреръ, оставшійся еще и теперь оффиціальнымъ ораторомъ комитета благоденствія и приспособившійся къ тріумвирату Робеспьера, Сенъ-Жюста и Кутона, съ тѣмъ, чтобы при первой перемѣнѣ вѣтра перейти на сторону ихъ враговъ, внесъ отъ имени правительства предложеніе, которое должно было уничтожить нищету и нищество. Это представляли себѣ очень просто: слѣдовало только постановить, что всѣ госпитали и принадлежащія имъ имущества должны быть проданы, такъ какъ общественная благотворительность должна цѣликомъ находиться въ рукахъ республики. Республика должна надѣлять нуждающихся небольшими земельными участками, которые переходятъ въ ихъ собственность; она должна доставлять безработнымъ работу. Она должна обезпечивать имъ пропитаніе и уходъ за ними въ случаѣ болѣзни и старости; она должна заботиться о воспитаніи ихъ дѣтей.

Всѣ эти мѣры были приняты подъ вліяніемъ потребностей минуты и могли поэтому лишь на мгновеніе облегчить народную нужду, которая все болѣе увеличивалась и принимала все болѣе ужасные размѣры. Правительство и тутъ пошло не дальше государственной благотворительности, въ которую было включено даже право на трудъ. Экономическія мѣропріятія правительства Робеспьера—Сенъ-Жюста были недостаточны. Курсъ ассигнатовъ сталъ снова падать. Въ декабрѣ 1793 года ассигнаты принимались еще по курсу $51^1/_2$, но затѣмъ курсъ ихъ сталъ быстро падать, и гильотина, угрожавшая всякому за ажіотажъ и ростовщическую торговлю деньгами, не

могла сдержать этого паденія. За періодъ времени отъ января до іюля 1794 года курсъ ассигнатовъ палъ отъ 40 до 31, а затѣмъ, когда система террора вдругъ ослабѣла, курсъ сталъ еще сильнѣе и быстрѣе падать.

Комитету благоденствія пришлось исполнять такую гигантскую работу, какую врядъ ли совершало какое нибудь правительство до и послѣ него. Робеспьеръ, Кутонъ и Сенъ-Жюстъ руководили общей политикой, Барреръ былъ докладчикомъ комитета, Камбонъ завѣдывалъ финансами, Бильо-Варенн и Колло д'Эрбуа завѣдывали сношеніями съ департаментами, а Карно руководилъ военнымъ дѣломъ. Жанъ-Бонъ, Септъ-Андре, оба Пріера и Роберъ Ленде обыкновенно разъѣзжали по провинціямъ для реквизицій или для наказанія мятежниковъ. Карно разсказывалъ потомъ, что правительство было завалено такою массою работы, что члены его должны были поручать другъ другу подписываться за себя, такъ какъ за недостаткомъ времени не было возможности обсуждать дѣла всѣмъ вмѣстѣ. Очень часто самому Карно, за недостаткомъ времени, приходилось наскоро пообѣдать въ какомъ-нибудь скверномъ ресторанчикѣ, чтобы затѣмъ снова засѣсть за работу.

Тріумвиратъ, основными принципами котораго были добродѣтель и ужасъ, вступилъ на очень опасный путь. Сила диктатуры Робеспьера заключалась въ единодушіи государственныхъ властей, созданномъ имъ, благодаря тому уваженію, которымъ онъ пользовался и благодаря вліянію его на массы. Къ тому же, всѣ выдающіеся противники его были уничтожены. Но единодушіе могло нарушиться, и тогда все искусственное зданіе диктатуры добродѣтельнаго и неподкупнаго Робеспьера должно было тотчасъ же рухнуть. Если бы комитетъ благоденствія отказалъ тріумвирату въ повиновеніи или если бы конвентъ разошелся съ комитетомъ благоденствія, тогда Робеспьеровская диктатура оказалась бы висящей въ воздухѣ.

Но тріумвиры прилагали всѣ свои усилія къ тому, чтобы упрочить свою власть и терроризировать конвентъ.

Добродѣтель предписывалась государственной властью; о ней говорилось во всѣхъ правительственныхъ актахъ. Правительство старалось внушить массамъ скромность, справедливость, честность, довольство малымъ, однимъ словомъ, всю Робеспьеровскую теорію добродѣтели. Но эти слова остались пустыми словами и не могли прикрыть слабыя стороны республики добродѣтели. Дѣло въ томъ, что второй принципъ тріумвирата—терроръ былъ доведенъ при диктатурѣ Робеспьера до крайности.

Терроръ.

Благодаря террору, всѣ враги комитета благоденствія внутри страны были къ этому времени уже уничтожены. Возстанія большихъ городовъ, жирондистовъ и вандейцевъ были подавлены, а въ провинціи учреждены трибуналы, приговаривавшіе къ смертной казни враговъ республики. Хотя дѣйствительно казнено было немало людей, но все же число жертвъ обыкно-

венно преувеличивается. Жертвы были многочисленны лишь въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, гдѣ озлобленіе во время борьбы партій дошло до крайнихъ предѣловъ. Такъ обстояло дѣло въ Аррайсѣ и его окрестностяхъ, гдѣ Жозефъ Лебонъ, въ качествѣ комиссара комитета благоденствія, отправилъ на эшафотъ много народу. На югѣ Мэнье учредилъ въ Оранжѣ трибуналъ, вынесшій очень много смертныхъ приговоровъ, въ то время, какъ самъ Мэнье огнемъ и мечемъ наводилъ ужасъ въ окрестныхъ мѣстностяхъ. Въ Нантѣ уничтоженіемъ внутреннихъ враговъ занялся Каррье; адскія колонны ходили по Вандеѣ и отправляли арестуемыхъ мятежниковъ въ Нантъ, гдѣ ихъ массами подвергали смертной казни. Эти казни принимали часто характеръ жестокаго и кроваваго издѣвательства. Каррье велѣлъ многихъ людей утопить; и вотъ, какъ впослѣдствіи сообщали члены нантскаго революціоннаго комитета, голыхъ мужчинъ и женщинъ связывали попарно и бросали въ воду; набивали цѣлыя суда арестованными и пускали ко дну. Это называли республиканскими свадьбами и крестинами. Безъ сомнѣнія, очень многія сообщенія, относящіяся къ тому времени, преувеличены. Но цѣлый рядъ пахнущихъ кровью шутокъ и поговорокъ, сохранившихся до настоящаго времени, показываютъ намъ, что французы привыкли и къ террору и смотрѣли на него съ обычнымъ для нихъ легкомысліемъ. Достаточно указать на то, что гильотина называлась «національнымъ окномъ» или «національной бритвой» (rasoir national); говорили о «красной обѣднѣ» и «чиханіи въ мѣшокъ» казненныхъ. Всѣ эти крайности системы ужаса станутъ намъ понятными, если мы только вспомнимъ о гнетѣ, давившемъ при старомъ режимѣ французскій народъ. Къ тому же, мы ниже увидимъ, что послѣ паденія Горы революціонерамъ пришлось вынести такія же тяжелыя и жестокія преслѣдованія, какимъ въ данный моментъ подвергались ихъ враги. Это было вполнѣ въ духѣ той эпохи, полной такими ужасными потрясеніями. Впрочемъ, надо упомянуть, что комитетъ благоденствія велѣлъ арестовать и предать суду революціоннаго трибунала извѣстнаго нѣмецкаго ученаго Евлогія Шнейдера, введшаго систему ужаса въ Эльзасѣ и занявшаго при страссбургскомъ трибуналѣ постъ оффиціальнаго прокурора: его обвинили въ злоупотребленіи властью.

Парижскій революціонный трибуналъ казнилъ въ очень непродолжительный промежутокъ времени цѣлый рядъ великихъ людей. На эшафотѣ погибли королева, жирондисты, госпожа Роланъ, принцъ Орманскій, генералы Люкнеръ, Кюстинъ, Гушаръ, Богарнэ и Бironъ, Барнавъ, Дюпоръ, Шапелье, Дантонъ, Геберъ, Клоотцъ и принцесса Елизавета. Тутъ дѣятельность трибунала приняла характеръ простой бойни; людей убивали для того, чтобы убивать. Приведенный нами выше примѣръ кухарки, которая уже въ первый періодъ дѣятельности трибунала была имъ приговорена къ смертной казни, не представляетъ собою единичнаго случая. Когда не стало уже больше знатныхъ арестантовъ, на эшафотъ стали отправлять бѣдныхъ и неизвѣстныхъ людей за такіе проступки, о которыхъ и говорить не стоило.

Тутъ были ремесленники, крестьяне, прислуга, повара, швеи, прачки и всякаго рода женщины, которыхъ присуждали къ смерти за самые ничтожные проступки. Для примѣра приведемъ нѣсколько такихъ случаевъ.

5 декабря 1793 года была казнена извѣстная метресса Людовика XV Дюбарри. Она страшно кричала передъ смертью и умерла трусливо, какъ это вполнѣ соотвѣтствовало ея характеру. Послѣ нея на эшафотъ всходили все менѣе извѣстныя жертвы. Какой-то молодой человѣкъ, по имени Грондель, приговаривается къ смертной казни за то, что онъ написалъ на ассигнатѣ слова: «да здравствуетъ король!» Одновременно съ нимъ погибла на эшафотѣ какая-то сорокапятилѣтняя учительница. 2-го декабря были казнены два сапожника изъ Ландау за «плохіе сапоги», которые они поставляли въ армію. Послѣ казни богатаго голландскаго банкира Ванденивера, его двухъ сыновей и жирондистскаго депутата Ноэля 9-го декабря на эшафотѣ умираютъ четверо подмастерьевъ—портныхъ, а 12-го января гильотина сноситъ голову какой-то тридцати четырехлѣтней проституткѣ. Кромѣ того, было казнено очень много магистратскихъ чиновниковъ, священниковъ и военныхъ. Очень часто вмѣстѣ съ господами на эшафотъ всходитъ и ихъ прислуга; такъ, напримѣръ, участь Дюбарри долженъ былъ раздѣлить ея камердинеръ; 21 декабря была казнена какая-то шестидесятилѣтняя женщина съ ея служанкою. Среди жертвъ трибунала можно насчитать цѣлый рядъ нѣмцевъ. 24 декабря была казнена нѣкая вдова Адамъ, родомъ изъ Берлина; 25 марта были казнены трое рабочихъ изъ Мерцига близъ Трира, по имени Курцъ.

Послѣ генерала Бирона къ смертной казни приговариваются три женщины, среди нихъ нѣкая Розалія Альбертъ, проститутка; послѣ маршала Люкнера на эшафотъ всходитъ какой-то бѣдный мыловаръ. 7-го и 8-го января на эшафотѣ умираютъ двѣ женщины; одна изъ нихъ, госпожа Лекенже изъ Брюсселя, должна умереть за то, что принимала подписку на роялистскую газету. 16 января на эшафотѣ умираютъ двѣ женщины, какой-то парикмахеръ и какой-то писарь; послѣдній былъ казненъ за неодобрительный отзывъ о конвентѣ. Въ январѣ были казнены еще четыре молодыя женщины. Въ февралѣ на эшафотѣ погибаетъ девять женщинъ, между ними двѣ монашенки, одна маркиза и одна крестьянка. Въ февралѣ жертвою гильотины, кромѣ дворянъ, являются еще по большей части булочники, старьевщики, кучера, солдаты, парикмахеры, поденщики и крестьяне. 2-го марта погибаютъ священникъ, мэръ, двое крестьянъ, мельникъ, кузнецъ и башмачникъ, всѣ изъ одного и того же села. 6-го одновременно съ генералами Шанселемъ и Девэномъ погибаетъ шестидесятилѣтній крестьянинъ.

Въ томъ же духѣ дѣло идетъ дальше. 17-го марта были казнены: какая-то служанка, два крестьянина и два члена ордена Людовика. 31-го марта смертной казни подвергается госпожа Шанъ-Ларіе за то, что она назвала казнь своего мужа дѣломъ тираніи.

Послѣ казни гебертистовъ и дантонистовъ трибуналъ сталъ выносить смертные приговоры съ еще меньшею, кажется, разборчивостью, чѣмъ раньше. Если сопоставлять жертвы по ихъ общественному положенію, то получается какая-то хаотическая смѣсь. Одновременно съ нѣмецкимъ ученымъ Евлогіемъ Шнейдеромъ на эшафотѣ умираетъ приказчикъ какого-то лавочника. 13-го апрѣля погибаютъ Шометтъ, Гобель и жены Гебера и

Камилла Демулена. Прелестная Люсиль Демуленъ, дѣти которой часто играли на колѣняхъ у Робеспьера, храбро положила свою голову на плаху. 24 апрѣля казни подвергаются тридцать три обывателя города Вердена за то, что они когда-то оказали радушный пріемъ пруссакамъ; между прочимъ, къ смерти было приговорено двѣнадцать женщинъ, между ними одна семидесятилѣтняя старуха и нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ въ возрастѣ отъ 18 до 22 лѣтъ. Эти милыя существа не тронули ни судей, ни палачей, но народъ былъ тронутъ; онъ, вообще, началъ уже выказывать отвращеніе къ этимъ бойнямъ. 5-го мая были казнены три молодыя модистки; 8 мая—28 генеральныхъ откупщиковъ, среди нихъ знаменитый химикъ Лавуазье просилъ четырехнедѣльной отсрочки казни, чтобы окончить одно важное открытіе, но предсѣдатель трибунала Коффенель отвѣтилъ ему: «*Намъ не нужно ученыхъ*». 10 мая были казнены двѣ шестидесятилѣтнія монахини и одна семидесятилѣтняя швея; 28 мая—два винодѣла, портной съ женою, мельникъ, извозчикъ, бочаръ, слуга, швея, поденщикъ, рабочій табачной фабрики, стекольщикъ; 13 іюня — портной, два стекольщика, торговецъ лѣсомъ, кучеръ, маляръ, мясникъ, садовникъ, два типографщика и двадцатичетырехлѣтняя прачка, по имени Гармассинъ. Въ чемъ могла провиниться эта бѣдная прачка? Можетъ быть, она стирала на роялистовъ и этимъ самымъ содѣйствовала реакціи.

Затѣмъ списки казненныхъ становятся все длиннѣе и длиннѣе. 16 іюня было казнено 54 человѣка, между прочимъ 39 рабочихъ и около 10 служащихъ. Бывали дни, когда число осужденныхъ доходило до 80.

Такъ дѣло шло до паденія Робеспьера. И всегда изъ 50 жертвъ около сорока человѣкъ принадлежало къ *бѣднымъ и трудящимся классамъ*.

Подобно судьямъ, среди которыхъ особенно неистовствовалъ предсѣдатель трибунала Дюма, и нѣкоторые члены комитетовъ старались доказать свой патріотизмъ доведеніемъ системы ужаса до крайностей. Они соперничали другъ съ другомъ въ этомъ отношеніи, и ихъ соревнованіе стоило многимъ людямъ жизни. Тутъ мы разскажемъ только одинъ фактъ, прекрасно характеризующій общее положеніе дѣлъ въ то время. Нѣкій Ладмираль стрѣлялъ въ Колло д'Эрбуа и промахнулся. Народъ отнесся очень участливо къ Колло д'Эрбуа, и въ душѣ Робеспьера загорѣлась зависть: ему захотѣлось тоже стать объектомъ покушенія. Поэтому, когда какая-то дѣвушка появилась однажды въ домѣ, гдѣ жилъ Робеспьеръ, и спросила, нельзя ли его видѣть, ее арестовали. Арестованная оказалась двадцатилѣтней Цециліей Рено, дочерью владѣльца бумажной фабрики. У нея нашли въ карманѣ два маленькихъ перочинныхъ ножика. Когда же эта, очевидно, экзальтированная дѣвушка сказала: «Я хотѣла посмотрѣть, какъ выглядитъ тиранъ!», то покушеніе было готово и началось громкое дѣло. Ладмираль и Цецилія были представлены, какъ главари заговора, вдохновителемъ котораго былъ Питтъ; въ соучастіи были обвинены всѣ заарестованныя къ тому времени лица съ болѣе или менѣе извѣстными именами. Вмѣстѣ съ Цециліей обвинялись: ея отецъ, братья и тетка. Въ это дѣло впутали также госпожу де-Сентъ-Амарантъ, ея дочь, сына, зятя, бывшую любовницу этого зятя, а также всю прислугу. Въ общемъ, къ дѣлу было привлечено 61 человѣкъ, среди нихъ 10 женщинъ. Тщетны были всякіе протесты, а на заявленія Ладмираля о томъ, что онъ всѣхъ этихъ людей совсѣмъ не знаетъ, не было обращено никакого вниманія. Всѣ были осуждены, какъ участники одного и того же заговора, и 17 іюня ихъ повели въ красныхъ рубашкахъ на эшафотъ. Этотъ процессъ былъ раздутъ, главнымъ образомъ, старикомъ Вадье, знавшимъ, что Сентъ-Амарантъ содержала игорный домъ, въ которомъ, какъ говорили, бываетъ также братъ Робеспьера. Вадье разсчитывалъ, что этимъ ему удастся скомпрометировать Робеспьера.

Въ это время были также открыты пресловутые заговоры въ тюрьмахъ. Среди арестованныхъ вращались наемные шпіоны, передававшіе правительству дѣйствительныя или только мнимыя слова и выраженія арестованныхъ; а на основаніи сообщеній этихъ шпіоновъ людей потомъ осуждали.

Фукье-Тенвилль вскорѣ оказался не въ силахъ одинъ справляться съ дѣлами трибунала. Пришлось дать ему помощниковъ; а затѣмъ трибуналъ былъ раздѣленъ на секціи. Самъ Фукье приходилъ въ ужасъ отъ всей этой массы казней, и однажды, проходя съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ по какому то мосту черезъ Сену, онъ сказалъ, что ему кажется будто въ Сенѣ течетъ кровь, а не вода

Народъ никогда не относился къ революціонному трибуналу съ особенной симпатіей. Онъ прекрасно понималъ, что всѣ эти казни нисколько не улучшатъ его положенія. Къ тому же, какъ мы знаемъ, большая часть жертвъ принадлежала къ низшимъ слоямъ народа. Поэтому очень часто позорныя колесницы встрѣчались свистками и крикомъ, и жители тѣхъ улицъ, по которымъ провозили осужденныхъ къ мѣсту казни, закрывали ставни своихъ домовъ. Тогда правительство приказало вести позорныя колесницы черезъ Сентъ-Антуанское предмѣстье: оно думало, что революціонно настроенные рабочіе этого предмѣстья будутъ одобрительно относиться къ казнямъ. Но и рабочіе относились съ отвращеніемъ къ позорнымъ колесницамъ и также закрывали ставни своихъ домовъ. Они даже удерживали своихъ любопытныхъ женъ, чтобъ тѣ не шли смотрѣть на казнь.

Изъ 2750 человѣкъ, казненныхъ въ Парижѣ, только 650 человѣкъ принадлежали къ состоятельнымъ классамъ и занимали извѣстное общественное положеніе. Остальныя 2100 жертвъ принадлежали въ бѣднымъ, неимущимъ сословіямъ. Такимъ образомъ, люди добродѣтели пролили больше бѣдной крови, крови рабочихъ классовъ, чѣмъ крови знаменитыхъ людей. И рабочимъ массамъ и было непонятно, почему для отраженія нападенія союзныхъ европейскихъ государствъ надо проливать кровь бѣдныхъ и неизвѣстныхъ рабочихъ, крестьянъ, поденщиковъ, женщинъ, швей и прачекъ. И когда впослѣдствіи агенты Робеспьера появились въ предмѣстьяхъ и просили рабочихъ прійти на помощь «неподкупному», рабочіе отвѣтили имъ: «*Мы умираемъ съ голоду, а вы думаете накормить насъ казнями.*»

Высшее Существо.

Въ то время, какъ позорныя колесницы ежедневно увозили къ эшафоту десятки жертвъ, диктаторъ Робеспьеръ раздумывалъ надъ тѣмъ, какъ бы упрочить свое государство добродѣтели подходящей религіозной основой. И онъ пришелъ, наконецъ, къ тому заключенію, что надо заставить конвентъ признать существованіе Высшаго Существа и безсмертіе души.

Робеспьеръ не понималъ, какъ смѣшно рѣшать такой вопросъ постановленіемъ большинства. Онъ произнесъ 7-го мая въ конвентѣ длинную рѣчь, въ которой доказывалъ, что идея безсмертія души придастъ народу больше мужества и патріотизма. Между прочимъ, онъ сказалъ, слѣдующее: «Невинность, восходящая на эшафотъ, заставляетъ блѣднѣть тирана на его тріумфальной колесницѣ; развѣ она обладала бы этой силой, если бы могила уравнивала угнетателя и угнетеннаго?» Всѣ эти фразы рабски подчинившійся Робеспьеру конвентъ встрѣтилъ аплодисментами, и никто не отважился выступить съ простымъ заявленіемъ, что постановленіе конвента не можетъ служить доказательствомъ существованія Высшаго Существа и доказательствомъ безсмертія души. Какъ бы тамъ ни было, конвентъ издалъ слѣдующій декретъ:

«Французскій народъ признаетъ существованіе Высшаго Существа и безсмертіе души. Онъ признаетъ, что люди будутъ самымъ достойнымъ образомъ выражать свое преклоненіе передъ Высшимъ Существомъ тогда, когда они будутъ исполнять свой человѣческій долгъ. Должны быть устроены праздники, чтобы человѣкъ не забывалъ о Высшемъ Существѣ. Эти праздники должны получить свои названія по славнымъ событіямъ нашей революціи, по величайшимъ милостямъ природы, по самымъ дорогимъ и полезнымъ человѣку добродѣтелямъ. 20 прэріаля долженъ праздноваться праздникъ въ честь Высшаго Существа.

Нечего говорить, что этотъ декретъ была встрѣченъ скептически настроенными французами очень насмѣшливо; конечно, насмѣшки эти раздавались только втихомолку.

Праздникъ Высшаго Существа состоялся 8-го іюня 1794 года. Устройствомъ праздника завѣдывалъ живописецъ Давидъ, который былъ пламеннымъ сторонникомъ Робеспьера. Народъ не принималъ въ этомъ праздникѣ такого живого участія, какъ въ прочихъ національныхъ празднествахъ. Робеспьеръ былъ на этотъ день избранъ предсѣдателемъ конвента, и онъ держалъ себя совсѣмъ какъ первосвященникъ. Торжество началось въ Тюльерійскомъ саду. Конвентъ размѣстился на особо устроенномъ амфитеатрѣ, и вокругъ него расположились группы народа различныхъ возрастовъ и половъ. Депутаты несли въ рукахъ маленькіе букеты, головы дѣтей были украшены вѣнками изъ фіалокъ, головы юношей—вѣнками изъ миртъ, головы взрослыхъ мужчинъ—вѣнками изъ дубовыхъ листьевъ, головы стариковъ—вѣнками изъ виноградныхъ и оливковыхъ вѣтокъ; женщины несли корзинки съ цвѣтами. Заиграла музыка, и Робеспьеръ, одѣтый въ

свѣтло-голубой фракъ, произнесъ длинную рѣчь. Затѣмъ онъ направился къ группѣ приготовленныхъ изъ папки статуй, которыя изображали Раздоръ, Атеизмъ и Эгоизмъ. Новоявленный первосвященникъ поджегъ факеломъ статуи, и изъ ихъ золы долженъ былъ подняться образъ Мудрости. Но статуя Мудрости немного почернѣла отъ копоти, и когда кто-то изъ присутствующихъ замѣтилъ, что мудрость новаго первосвященника помрачилась, конвентъ не удержался отъ смѣха. Тутъ Робеспьеръ произнесъ свою вторую рѣчь, относившуюся къ акту уничтоженія первой группы и появленія на ея мѣстѣ статуи Мудрости. Затѣмъ конвентъ направился къ Марсову полю, причемъ Робеспьеръ съ сіяющимъ лицомъ отдѣлился отъ конвента и пошелъ на нѣсколько шаговъ впереди другихъ. Это возмутило членовъ конвента. Кто-то крикнулъ: «Тиранъ!»; по адресу высокомѣрнаго диктатора раздалась также слѣдующая фраза: «*Отъ Капитолія до Тарпейской скалы—только одинъ шагъ*». Говорятъ, будто эти слова произнесъ Бильо Вареннъ.

На Марсовомъ полѣ была воздвигнута небольшая горка, на верхушкѣ которой было посажено дерево. Тутъ стали пѣть гимны въ честь Высшаго Существа. Юноши вынули мечи и поклялись защищать отечество и республику. Затѣмъ Робеспьеръ произнесъ свою третью рѣчь, оканчивавшуюся словами: «Сегодня мы цѣликомъ предадимся высшему блаженству, *а завтра мы снова начнемъ борьбу съ порокомъ и тиранами*».

Затѣмъ начались народныя празднества.

Этотъ праздникъ сильно увеличилъ число враговъ диктатора, такъ какъ многихъ возмутило его высокомѣрное поведеніе. Ожидали, что онъ совершитъ въ этотъ день государственный переворотъ. Но думалъ онъ, что время для этого еще не пришло.

Кампанія 1794 года.

Зимою 1793—1794 года республика оказалась уже прекрасно вооруженной, и Карно выставилъ на сѣверной и восточной границѣ четыре арміи, которыя должны были прогнать непріятеля. И въ то время, какъ внутри Франціи все сильнѣе и сильнѣе разгоралась партійная борьба, въ то время какъ система ужаса тяготѣла надъ всѣми гражданами страны,—французскимъ полководцамъ удалось склонить военное счастье на свою сторону.

Сѣверной арміей командовалъ Пишегрю, который въ то время былъ еще республиканцемъ. Это былъ талантливый полководецъ, занимавшій прежде постъ учителя въ военномъ училищѣ въ Брієннѣ, а затѣмъ принимавшій, подобно многимъ другимъ французамъ, участіе въ американской войнѣ. Весною 1794 года онъ перешелъ сѣверную границу и черезъ западную Фландрію двинулся на англо-голландскую армію. 22-го мая 1794 года онъ разбилъ ее на голову. Бельгія была снова завоевана, ея крѣпости сдались, и Пишегрю вступилъ въ Голландію, населеніе которой встрѣтило его съ воодушевленіемъ, видя въ немъ своего освободителя отъ англо-оранскаго гнета. Занявъ важный островъ Боммель, Пишегрю этимъ самымъ разъединилъ англо-голландское войско и могъ, такимъ образомъ, приступить къ завоеванію Голландіи.

Командиръ самбрской и мааской арміи Журданъ завоевалъ, хотя съ большими потерями, Самбръ. Представителемъ конвента и комитета благоденствія при немъ былъ Сенъ-Жюстъ, который, по внушеніямъ Карно, заставлялъ Журдана производить энергичныя нападенія на врага; этотъ молодой депутатъ проявилъ въ этой кампаніи очень много энергіи и храбрости. Главныя силы австрійцевъ находились подъ начальствомъ принца Іосіи Кобургскаго. Французская и австрійская арміи столкнулись 24-го іюня, и тогда то произошла страшная битва при Флерю; это была самая кровопролитная битва за всю кампанію. Французскія позиціи растянулись на разстояніи десяти часовъ ходьбы. Австрійцы произвели нападеніе, но были отброшены съ такою силою, что вечеромъ принцъ Іосія далъ своимъ войскамъ приказъ отступить. Журданъ и Пишегрю вступили одновременно въ Брюссель, и въ то время, какъ Пишегрю проникалъ все глубже и глубже въ Голландію, Журданъ прогналъ австрійцевъ до Кельна и завоевалъ для Франціи лѣвый берегъ Рейна.

Послѣ того, какъ, по настояніямъ Сенъ-Жюста, Гошъ былъ арестованъ, командованіе рейнской арміей перешло въ руки Мишо. Пруссаки и австрійцы стояли въ Пфальцѣ. Сначала Мишо былъ разбитъ прусскимъ командиромъ Меллендорфомъ (во второй битвѣ при Кайзерслаутернѣ, происшедшей 22-го мая) и долженъ былъ отступить до рѣки Сааръ. Но тутъ онъ получилъ подкрѣпленія, и тогда онъ отважно бросился снова на непріятеля. Онъ прорвалъ линіи австрійскаго генерала Вурмзера, и 15-го іюня, въ третьей битвѣ подъ Кайзерслаутерномъ, онъ разбилъ на голову старика Меллендорфа. Прусскія и австрійскія войска отступили, перешли черезъ Рейнъ, и вскорѣ весь лѣвый берегъ средняго Рейна, вплоть до Майнца, очутился тоже въ рукахъ французовъ. Французы отнеслись очень строго къ тѣмъ мѣстностямъ, въ которыхъ союзныя войска находили себѣ поддержку; нѣкоторыя изъ нихъ были подвергнуты очень тяжелымъ наказаніямъ.

Что касается Верхней Италіи, то въ ней Келлерманъ тоже дѣйствовалъ очень успѣшно; онъ вторгся въ Піемонтъ, гдѣ народъ его принималъ очень радостно, какъ освободителя отъ гнета. Въ Пиренеяхъ Карно передалъ командованіе войсками завоевателю Тулона Дюгомье и генералу Мюллеру; оба они были дѣльными полководцами. Мюллеръ побилъ испанцевъ у Сере, и тогда французскія войска проникли черезъ Пиренеи въ Испанію. Въ битвѣ при Монте Неро, продолжавшейся четыре дня (отъ 17 до 20 ноября), Дюгомье опять-таки разбилъ испанцевъ; самъ Дюгомье, а также испанскій полководецъ де-ла-Уніонъ пали въ этой битвѣ. Но Мюллеръ и Монсэ завоевали Наварру и проникли до Арагоніи, такъ что Испанія очутилась въ очень затруднительномъ положеніи. Такимъ образомъ, на сушѣ республиканскія войска повсюду одерживали побѣды. Но на морѣ Францію постигли страшныя неудачи. Корсика была завоевана англійскимъ адмираломъ Гудомъ при помощи Паскаля Паоли, а близъ Кессана 1 іюня произошло морское сраженіе, въ которомъ французы потерпѣли пораженіе. Адмиралъ Вильаре-Жуаезъ вышелъ съ французской эскадрой изъ Бреста, чтобы подъ прикрытіемъ своихъ судовъ провести въ Брестъ 200 кораблей, шедшихъ изъ Вестъ-Индіи съ хлѣбомъ. Англійскій адмиралъ Гоу аттаковалъ французовъ, и

послѣ страшной морской битвы французы были вынуждены прекратить битву, потерявъ семь кораблей. Въ этой битвѣ особенную храбрость проявила команда французскаго судна «Vengeur», которое пошло ко дну. Но, хотя французы и потерпѣли пораженіе въ битвѣ, тѣмъ не менѣе корабли съ хлѣбомъ благополучно прибыли въ Брестъ.

Островъ Гаити снова присоединился къ республикѣ, такъ какъ пользовавшійся большимъ вліяніемъ на островѣ талантливый негръ Туссэнъ л'Увертюръ перешелъ на сторону французовъ. Благодаря этому испанское владычество на островѣ было сломлено. Туссэнъ пришелъ въ рѣшающій моментъ на помощь французскимъ войскамъ на Гаити, которыя были уже побиты и окружены врагомъ; онъ освободилъ французскую армію, и конвентъ произвелъ его въ генералы. Онъ сталъ фактическимъ властелиномъ въ республикѣ Гаити, занявшей по отношенію къ Франціи мѣсто вассальной республики.

Паденіе Робеспьера.

Поведеніе Робеспьера на празднествѣ Высшаго Существа страшно взволновало его современниковъ. Революціонеры стали перешептываться, что Робеспьеръ носится съ реакціонными планами, а реакціонеры начали возлагать на него большія надежды. Онъ сталъ получать много анонимныхъ писемъ: въ однихъ ему совѣтовалось произвести государственный переворотъ, а другія были полны угрозъ. Боясь упасть въ общественномъ мнѣніи, Робеспьеръ рѣшилъ усиленіемъ системы ужаса доказать, что онъ все еще пламенный революціонеръ. 10 іюня 1794 года (22 прэріаля II) Кутонъ внесъ въ конвентъ проектъ преобразованія революціоннаго трибунала. Этотъ проектъ отнималъ у обвиняемаго всякую возможность защищаться. «Если трибуналъ объявляетъ, что въ его рукахъ имѣются фактическія или моральныя доказательства виновности обвиняемаго», говорилось въ проектѣ, то тогда *допросъ свидѣтелей не долженъ имѣть мѣста. Оклеветаннымъ патріотамъ законъ даетъ въ защитники патріотовъ—присяжныхъ; заговорщикамъ же онъ отказываетъ въ защитникахъ*». Кромѣ того, по новому закону для привлеченія члена конвента къ суду трибунала достаточно было просто приказа комитета, между тѣмъ какъ до тѣхъ поръ для этого требовалось согласіе конвента. Самъ революціонный трибуналъ долженъ былъ быть раздѣленъ на четыре секціи; въ составъ каждой секціи входили: предсѣдатель, трое судей и девять присяжныхъ.

Даже Фукье-Тенвилля этотъ проектъ привелъ въ ужасъ, и онъ отправился въ комитетъ благоденствія, чтобы указать на всю несуразность его. Билье, Колло и Карно направили его къ Робеспьеру, говоря, что этотъ проектъ ихъ не касается. На заявленіе Фукье, что новый законъ лишаетъ трибуналъ всякаго довѣрія, Робеспьеръ рѣзко отвѣтилъ, что *такъ могутъ говорить только аристократы*. Озадаченный Фукье удалился. Эти слова Робеспьера прекрасно доказываютъ, какъ смѣшно и неосновательно предположеніе, будто Робеспьеръ хотѣлъ терроромъ убить терроръ.

Въ конвентѣ проектъ Кутона вызвалъ сильное возбужденіе, и депутатъ Рюанъ потребовалъ отсрочки преній, заявивъ при этомъ: «Если этотъ законъ пройдетъ, то намъ ничего больше не остается, *какъ пустить себѣ пулю въ лобъ*». Но Робеспьеръ выступилъ противъ отсрочки и угрозами добился того, что законъ былъ принятъ. На слѣдующій день конвентъ рѣшилъ измѣнить новый законъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ отношеніи, чтобы для привлеченія членовъ конвента къ суду трибунала требовалось согласіе самого конвента, какъ это было прежде. Но тутъ Кутонъ сталъ нападать на партію Горы. На защиту ея поднялся Бурдонъ изъ Уазы, проявившій при этомъ большую отвагу; это было необычайное явленіе, такъ какъ члены конвента давно уже не рѣшались выступать противъ тріумвирата. Рѣчь Бурдона была встрѣчена аплодисментами со стороны конвента. Но тутъ на трибуну взошелъ Робеспьеръ и сталъ говорить противъ Бурдона; при этомъ онъ пустилъ въ ходъ такія страшныя угрозы, что всѣхъ членовъ конвента охватилъ ужасъ. Робеспьеръ велъ себя въ этотъ день какъ настоящій диктаторъ; онъ говорилъ властнымъ голосомъ, не допускавшимъ возраженій, и законъ былъ вторично принятъ безъ всякихъ измѣненій.

Съ этого момента нѣсколько десятковъ депутатовъ не рѣшались ночевать дома, такъ какъ они боялись ареста. У Робеспьера повсюду были свои шпіоны. Законъ о преобразованіи революціоннаго трибунала возымѣлъ свое дѣйствіе: въ теченіе слѣдующихъ 45 дней на эшафотѣ погибло 1.285 человѣкъ. Населеніе предмѣстій страшно возмущалось участившимися теперь казнями, и Робеспьеръ могъ послѣ своего паденія убѣдиться въ переворотѣ, происшедшемъ въ чувствахъ и воззрѣніяхъ народа, поставлявшаго изъ своей среды наибольшее количество жертвъ «усовершенствованной» добродѣтельнымъ диктаторомъ системѣ ужаса.

Но и въ конвентѣ и комитетахъ вскорѣ образовалась сильная оппозиція Робеспьеру. Колло д'Эрбуа, Билью-Варенн и Барреръ медленно и осторожно подкапывались подъ фундаментъ диктатуры «мужа добродѣтели». Они вошли въ соглашеніе съ членами комитета безопасности, въ которомъ, между прочимъ, засѣдали Вадье, Амаръ, Вульянъ, Леонардъ Бурдонъ и многіе другіе, относившіеся съ большой антипатіей къ Робеспьеру и его «государству добродѣтели»; они были сторонниками Марата и Гебера. Прежде всего Робеспьера постарались выставить въ смѣшномъ свѣтѣ. Началось съ того, что нѣкій Мажанти подалъ, по соглашенію съ комитетами, петицію, въ которой онъ требовалъ смертной казни для всѣхъ злоупотребляющихъ именемъ Бога въ настоящее время, когда учреждено господство Высшаго Существа. Эта шутка страшно разсмѣшила всѣхъ, но еще больше смѣялись, когда комитетъ безопасности съ шумомъ и трескомъ арестовалъ нѣсколькихъ пьяныхъ, мотивируя этотъ арестъ тѣмъ, что, молъ, въ царствованіе добродѣтели нельзя напиваться до-пьяна. Къ этому еще присоединилось дѣло «матери Тео». Одна старуха, по имени Екатерина Тео, собрала вокругъ себя кружокъ экзальтированныхъ людей, которымъ она проповѣдывала о какомъ-то новомъ Мессіи, какъ онъ представлялся ея ненормальному воображенію. Членомъ ея кружка былъ, между прочимъ, картезіанскій монахъ Донъ-Жерль, засѣдавшій вмѣстѣ

съ Робеспьеромъ въ Учредительномъ Собраніи. У него было гражданское свидѣтельство, выданное ему самимъ Робеспьеромъ; это свидѣтельство должно было ограждать его отъ дѣйствія закона о подозрительныхъ лицахъ. На одномъ изъ своихъ собраній кружокъ Екатерины Тео былъ арестованъ, и среди бумагъ «матери Тео» было найдено письмо, адресованное Робеспьеру. Въ этомъ неотправленномъ адресату письмѣ Тео называетъ Робеспьера «своимъ дорогимъ сыномъ». Докладъ комитета безопасности по дѣлу этихъ сектантовъ былъ составленъ Барреромъ, но въ конвентѣ прочелъ его Вадье. Докладъ изобиловалъ насмѣшками, направленными противъ Робеспьера. Имя «Тео» было передѣлано въ «Теосъ» (что по-гречески означаетъ «богъ»); выраженіе «мать Тео», такимъ образомъ, превратилось въ выраженіе «Богоматерь», а Робеспьеръ фигурировалъ въ докладѣ въ качествѣ «дорогого сына» этой «Богоматери». Поднялся невообразимый смѣхъ. И въ самомъ дѣлѣ, роль Мессіи прекрасно гармонировала съ ролью первосвященника.

Робеспьеръ пришелъ въ ярость и рѣшилъ устранить своихъ враговъ изъ комитетовъ. Онъ былъ очень чувствителенъ къ обидѣ и съ трудомъ прощалъ людямъ, навлекавшимъ на себя его ненависть. Онъ не могъ также простить комитету благоденствія того, что тотъ два раза отклонилъ предложеніе Сенъ-Жюста вручить Робеспьеру диктатуру. Кромѣ того, члены правительства не всегда соглашались на преданіе суду трибунала всѣхъ тѣхъ лицъ, на которыхъ указывалъ Робеспьеръ. Дѣло доходило въ комитетѣ благоденствія до бурныхъ сценъ между Робеспьеромъ, Сенъ-Жюстомъ и хитрымъ Кутономъ, съ одной стороны, и Барреромъ, Колло, Билью и Карно, съ другой. Жестокій Сенъ-Жюстъ грозилъ смертью Карно, который, по своей природѣ, не умѣлъ лицемѣрить.

Робеспьеръ пересталъ, наконецъ, ходить въ комитетъ благоденствія. Но это онъ сдѣлалъ не потому, чтобы онъ былъ противникомъ доведенной до крайности системы ужаса. Въ самомъ дѣлѣ, его друзья, Сенъ-Жюстъ и Кутонъ, заботились о томъ, чтобы законъ 22 прэріаля находилъ себѣ примѣненіе. А въ это время Робеспьеръ придумывалъ средства для того, чтобы низвергнуть своихъ враговъ. Комитеты постарались немного смягчить терроризмъ и постановили, чтобы въ мѣстностяхъ, насчитывающихъ меньше 1.200 жителей, всѣ арестованные поденщики, косари, пивовары и ремесленники были освобождены изъ тюрьмы, за исключеніемъ тѣхъ, которые обвинялись въ государственной измѣнѣ. На большее комитеты пока не рѣшились.

Робеспьеръ началъ теперь походъ противъ своихъ противниковъ. Онъ не постѣснялся бросать по адресу своихъ конвентскихъ и комитетскихъ враговъ всякаго рода клевету. Онъ произносилъ свои рѣчи въ клубѣ якобинцевъ, которые были ему безусловно преданы, и въ этихъ рѣчахъ онъ утверждалъ, что часть членовъ конвента и комитетовъ составили на средства Англіи заговоръ противъ республики. «Прежде»,—сказалъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей,—«разныя группы, дѣйствовавшія на англійскія деньги, нападали на общія мѣропріятія комитета благоденствія; теперь же они направляютъ свои удары противъ отдѣльныхъ патріотовъ, противъ

отдѣльныхъ членовъ комитета, чтобы этимъ сломить силу и единодушіе правительства». Шпіоны Робеспьера постоянно слѣдили за его противниками, а самъ онъ появлялся на улицѣ только подъ охраной вооруженнаго отряда.

Комитетъ благоденствія дважды приглашалъ Робеспьера явиться въ комитетъ и дать разъясненія относительно того заговора, о которомъ онъ все время говорилъ въ клубѣ якобинцевъ. Но Робеспьеръ не являлся въ комитетъ, рѣшивъ поднять обвиненіе противъ своихъ противниковъ въ самомъ конвентѣ.

Онъ, казалось, совершенно не задумывался надъ тѣмъ, что если конвентъ перейдетъ въ лагерь его противниковъ, то вся его власть окажется построенной на пескѣ.

8 термидора II года (26 іюля 1794 г.) Робеспьеръ явился въ конвентъ и произнесъ длинную, довольно туманную рѣчь, пересыпанную пріѣвшимися уже «добродѣтельными» словечками. Онъ нарисовалъ ужасно мрачную картину общаго положенія дѣлъ. По своему обыкновенію, онъ сталъ убѣждать конвентъ, что онъ не диктаторъ и не тиранъ. Онъ напалъ на комитеты и на партіи конвента; Камбона онъ назвалъ негоднымъ. Весь же смыслъ его туманной рѣчи заключался въ слѣдующихъ фразахъ: «Какими средствами располагаемъ мы для борьбы съ этимъ зломъ? *Надо наказать измѣнниковъ, обновить комитетъ безопасности, очистить отъ негодныхъ элементовъ комитетъ благоденствія*, подчинить комитетъ безопасности комитету благоденствія, создать единодушное правительство при единодушномъ конвентѣ и, такимъ образомъ, уничтожить всѣ партійные раздоры и на развалинахъ ихъ создать царство справедливости и свободы».

Молча выслушалъ конвентъ эту рѣчь и сначала рѣшилъ даже напечатать и разослать ее по общинамъ и арміямъ. Казалось, что побѣда осталась за Робеспьеромъ. Но противъ Робеспьера поднялся старикъ Вадье, а послѣ него отважился выступить пылкій Камбонъ. «Пора, наконецъ, сказать всю правду», воскликнулъ Камбонъ, «одинъ человѣкъ парализовалъ до сихъ поръ волю національнаго конвента, и этотъ человѣкъ—Робеспьеръ!» Тогда-то противъ Робеспьера стали со всѣхъ сторонъ раздаваться обвиненія, и рѣшеніе напечатать его рѣчь было отмѣнено. Онъ удалился, полный злобы. И теперь-то Робеспьеръ показалъ, что онъ не былъ человѣкомъ дѣла. Въ самомъ дѣлѣ, вечеромъ онъ отправился въ клубъ якобинцевъ и потратилъ драгоцѣнное время на повтореніе произнесенной ими въ конвентѣ рѣчи. Въ концѣ рѣчи онъ изобразилъ себя мученикомъ, страдающимъ за свободу; впрочемъ, такъ онъ всегда поступалъ, когда ему хотѣлось привести къ возбужденію своихъ сторонниковъ. «*Я готовъ спокойно выпить чашу Сократа*», воскликнулъ онъ. «Робеспьеръ»,—отвѣтилъ живописецъ Давидъ,—«я выпью ее съ тобой!» Однако, потомъ Давидъ предпочелъ не пить чаши Сократа.

Якобинцы устроили Робеспьеру послѣ его рѣчи шумныя овація; крикамъ и аплодисментамъ не было конца. Присутствовавшіе на собраніи Билью и Колло должны были убѣжать, такъ какъ въ противномъ случаѣ ихъ бы избили. Тутъ же тріумвиры рѣшили напасть на слѣдующій день въ конвентѣ

на своихъ противниковъ и потребовать обвиненія и ареста ихъ. Сенъ-Жюстъ взялся составить и произнести обвинительную рѣчь.

Противники Робеспьера, т. е. комитеты, Гора и другія партіи, не бездѣйствовали въ ночь съ 8 на 9 термидора. Изъ рѣчи Робеспьера можно было понять, чего онъ хочетъ; всѣ партіи чувствовали, что имъ грозитъ опасность. Дантонисты Талльянъ, Мерленъ, Барра и Фреронъ вошли въ соглашеніе съ оставшимися жирондистами, во главѣ которыхъ стоялъ Буасси д'Англа, и съ центромъ, лидеромъ котораго былъ Дюранъ-Мальянъ; но всѣ эти партіи, кромѣ того, вступили въ соглашеніе съ партіей Горы и съ комитетами. Всѣ знали, что слова Робеспьера «обновленіе комитетовъ, наказаніе измѣнниковъ» означали на простомъ человѣческомъ языкѣ казнь всѣхъ враждебныхъ ему членовъ комитетовъ и главарей партій. Такимъ образомъ, весь конвентъ объединился для борьбы съ Робеспьеромъ, сторонниками котораго оказались теперь только Сенъ-Жюстъ, Кутонъ, Леба и младшій Робеспьеръ.

9 термидора II года (27 іюля 1794 г.) въ 11 часовъ утра открылось знаменитое засѣданіе конвента, результатовъ котораго почти никто не могъ предвидѣть. Если бы Робеспьеръ направился теперь во главѣ вооруженнаго отряда на конвентъ, то онъ бы, по всей вѣроятности, торжествовалъ побѣду. Но онъ былъ только ораторомъ и хотѣлъ побѣдить рѣчами. Образовавшаяся противъ него коалиція справилась съ его ораторскимъ талантомъ безъ особаго труда.

Глубокое молчаніе воцарилось въ залѣ конвента, бывшей уже свидѣтельницей не одной бурной сцены, когда на трибуну взошелъ Сенъ-Жюстъ. Кстати надо замѣтить, что онъ обѣщалъ своимъ товарищамъ изъ комитета благоденствія предварительно показать имъ свою обвинительную рѣчь, но не исполнилъ своего обѣщанія.

«Я не принадлежу ни къ какой строящей заговоры политической фракціи. Я хочу повести борьбу со всѣми ими», такъ началъ Сенъ-Жюстъ свою рѣчь. «Обстоятельства сложились такъ, что эта трибуна можетъ стать Тарпейской скалой для того, кто вамъ скажетъ, что нѣкоторые члены правительства покинули стезю мудрости».

Тогда поднялся Талльянъ, въ душѣ котораго вспыхнуло мужество отчаянія, такъ какъ въ тюрьмѣ, въ ожиданіи смертной казни, сидѣла его возлюбленная. Онъ прерываетъ Сенъ-Жюста слѣдующими словами: «Ни одинъ честный гражданинъ не можетъ безъ слезъ смотрѣть на всѣ несчастія, которыя постигли страну. Повсюду царятъ раздоры. Сегодня снова хотятъ сдѣлать нападеніе, чтобъ ввергнуть отечество въ пучину бѣдствій. Я требую, чтобы завѣса была цѣликомъ сорвана!»

«Это надо сдѣлать! Это будетъ сдѣлано!» раздалось со всѣхъ сторонъ, и шумные аплодисменты огласили залъ. Сенъ-Жюстъ остался стоять, точно пораженный громомъ. Билью-Варенъ бросается къ ораторской трибунѣ и произноситъ громовую рѣчь противъ тріумвировъ. «Въ якобинскомъ клубѣ», восклицаетъ онъ, «раздавались угрозы уничтожить національный конвентъ, и конвентъ будетъ уничтоженъ, если онъ будетъ проявлять слабость». Шумные аплодисменты раздаются также по адресу Билью. Робеспьеръ напра-

вляется къ трибунѣ, чтобы возразить Билье. Но лишь только онъ начинаетъ говорить, какъ со всѣхъ сторонъ раздаются крики: «*Долой тирана!*» Билье остается стоять на ораторской трибунѣ. Робеспьеръ снова начинаетъ говорить, но тотчасъ же его опять прерываютъ криками: «Долой тирана!» И эти крики совершенно заглушаютъ его голосъ. Тщетно обращается онъ къ Горѣ, къ Долинѣ; ему больше не даютъ говорить. Охрипшимъ голосомъ, съ пѣною у рта, съ раскраснѣвшимся лицомъ, Робеспьеръ обращается къ предсѣдателю: «*Въ послѣдній разъ спрашиваю тебя, предсѣдатель разбойниковъ, дашь ли ты мнѣ слово*». Тѣ изъ присутствовавшихъ, которые разслышали этотъ крикъ, не могли, какъ разсказываютъ, никогда въ своей жизни забыть его. Но предсѣдатель Тюріо, дантонистъ, звонитъ, и въ то время, какъ Робеспьеръ, шатаясь, точно пьяный, направляется къ своему мѣсту, другъ Дантона Гарнье де л'Объ кричитъ ему громовымъ голосомъ: «Презрѣнный! кровь Дантона душитъ тебя!» Потрясенный Робеспьеръ опускается на свое мѣсто, и Талльянъ съ кинжаломъ въ рукѣ вноситъ предложеніе объ арестѣ Анріо, который, какъ объ этомъ дошли свѣдѣнія, возбуждалъ въ этотъ самый моментъ народъ противъ конвента. Конвентъ постановляетъ арестовать Анріо и Робеспьера. Это рѣшеніе было встрѣчено страшными криками одобренія. Точно такъ же Сенъ-Жюстъ и Кутонъ объявляются арестованными. Тогда младшій Робеспьеръ гордо заявляетъ: «Я также виноватъ, какъ мой братъ; я раздѣляю его взгляды и хочу раздѣлить его участь». А Леба восклицаетъ: «Я не хочу быть участникомъ позорнаго постановленія объ арестѣ Робеспьера; я требую, чтобы и меня арестовали. Конвентъ постановляетъ арестовать и этихъ обоихъ. Арестованныхъ уводятъ. Послѣднія слова Робеспьера были: «*Республика погибла, разбойники побѣдили*». Стража конвента не безъ колебанія рѣшается наложить руку на этихъ, за минуту до того столь могущественныхъ, людей, такъ внезапно низвергнутыхъ со всей высоты.

Начальникъ національной гвардіи Анріо могъ въ этотъ моментъ оказаться очень опаснымъ для конвента, если бы онъ двинулся противъ него съ своими батальонами. Но этотъ странный генералъ, поклявшійся еще наканунѣ вечеромъ въ клубѣ якобинцевъ, что онъ разнесетъ весь конвентъ, былъ въ этотъ критическій моментъ совершенно пьянъ. Онъ хотѣлъ собрать предъ зданіемъ ратуши жандармерію, но Мерленъ изъ Тіонвилля велѣлъ собственнымъ жандармамъ арестовать его и отправить въ комитетъ безопасности.

Въ это время въ зданіи городской ратуши собралась коммуна. Она приняла самыя рѣшительныя мѣры. Она обратилась съ воззваніемъ къ парижскому народу, приглашая его встать на защиту Робеспьера, Сенъ-Жюста и Кутона. Она приказала тюремнымъ властямъ никого не заключать въ тюрьму и никого не освобождать изъ нея безъ особаго приказанія муниципальной полиціи. Она приказала забить тревогу, закрыть ворота и созвать вооруженныя секціи. Была собрана небольшая часть гвардіи съ нѣсколькими орудіями. Энергичный Коффеналь проникъ въ Тюльери и освободилъ Анріо.

Въ семь часовъ вечера конвентъ снова собрался. Колло д'Эрбуа занялъ предсѣдательское мѣсто. Какъ разъ въ это время Анріо двинулся со своими

орудіями на конвентъ. Собраніе назначило депутата Барра начальникомъ вооруженныхъ силъ города и приказало ему созвать подъ ружье преданныя конвенту секціи. Но Анріо уже приближался, и конвенту, казалось, предстояло или пасть подъ выстрѣлами Анріо, или отправиться на гильотину. Когда послышался глухой грохотъ приближающихся пушекъ, Колло д'Эрбуа воскликнулъ: «*Граждане, теперь насталъ моментъ, когда мы должны умереть на своемъ посту!*» Онъ надѣлъ шляпу... «Умремъ на своихъ постахъ!» воскликнули депутаты, охваченные мужествомъ отчаянія. Но Анріо не могъ заставить своихъ канонировъ стрѣлять въ конвентъ, и долженъ былъ вернуться назадъ. Тогда конвентъ объявилъ Анріо *стоящимъ внѣ закона*. Узнавъ о возстаніи коммуны и объ освобожденіи Робеспьера, конвентъ объявилъ также стоящими внѣ закона мэра Флеріо, національнаго агента Пэйяна, предсѣдателей революціоннаго трибунала Коффеналя и Дюма, обоихъ Робеспьеровъ, Сенъ-Жюста, Кутона и Леба.

Будь Робеспьеръ человѣкомъ дѣла, то дѣйствіе этого постановленія можно было бы свести къ нулю. Но нашъ «мужъ добродѣтели» не умѣлъ дѣйствовать въ критическій моментъ. Чтобы избавить его отъ смерти, пришлось насильно освободить его изъ тюрьмы и потащить въ городскую ратушу къ друзьямъ, организовавшимъ для него возстаніе. Коммуна поклялась жить и умереть съ Робеспьеромъ и постановила, что ея члены не имѣютъ права признавать никакой другой власти, кромѣ нея самой. Такой образъ дѣйствій долженъ былъ разсматриваться съ точки зрѣнія конвента, какъ государственная измѣна. Робеспьеръ испугался, узнавъ, что онъ объявленъ стоящимъ внѣ закона; онъ надѣялся на то, что его привлекутъ къ суду революціоннаго трибунала, и что трибуналъ вынесетъ ему оправдательный приговоръ. Теперь же онъ далъ событіямъ идти своимъ порядкомъ, оставаясь сидѣть неподвижно. Онъ совершенно примирился со своею ролью мученика, между тѣмъ какъ на площади передъ зданіемъ ратуши собиралось все больше и больше народу съ оружіемъ въ рукахъ для борьбы за него. Тщетно товарищи побуждали его дѣйствовать. Была составлена прокламація къ народу и войску. Робеспьеръ беретъ перо. «*Отъ чьего имени?*» спрашиваетъ онъ. «Отъ имени конвента», отвѣчаетъ ему Кутонъ. Но Робеспьеръ не рѣшается писать; будучи уже объявленъ государственнымъ измѣнникомъ, онъ не рѣшается выступить противъ конвента. «Народъ воленъ защищать или покинуть насъ»,—говоритъ онъ. И угнетенный безсиліемъ своего учителя, Сенъ-Жюстъ отвѣчаетъ ему: «Въ такомъ случаѣ намъ не остается ничего другого, какъ умереть». «Такъ оно и есть», говоритъ ему въ отвѣтъ Робеспьеръ.

Изъ всѣхъ 48 секцій 18 выступили въ защиту конвента, а 13—въ защиту Робеспьера. Остальныя секціи оставались въ нерѣшительности, а Сентъ-Антуанское предмѣстіе не хотѣло стать ни на чью сторону: оно хотѣло бороться исключительно за республику. Рабочіе ставили республику выше «неподкупнаго» Робеспьера. Такъ какъ Робеспьеръ оставался неподвижно сидѣть въ залѣ ратуши и не давалъ ничего о себѣ знать, то большая часть секцій перешла на сторону конвента, лишь только къ нимъ явились его комиссары. Не получая никакихъ приказовъ и не зная, что начать, вооружен-

ные граждане, собравшіеся на площади Гревъ, стали расходиться. Въ часъ ночи начальникъ вооруженныхъ силъ конвента Барра подошелъ со своими колоннами къ ратушѣ. Можно было ожидать энергичнаго сопротивленія. Еще до приближенія Барра въ толпѣ появились спеціально отправленные конвентомъ люди; была прочитана прокламація конвента, объявлявшая всѣхъ возставшихъ противъ конвента стоящими внѣ закона. Тогда толпа разбѣжалась: такъ силенъ былъ страхъ передъ конвентомъ. Анріо вышелъ изъ ратуши; но увидѣвъ, что канониры покинули его, онъ вернулся въ залъ, полный отчаянія. Ратуша была со всѣхъ сторонъ окружена, и среди окружившихъ ее можно было встрѣтить также много бывшихъ гебертистовъ. Когда солдаты проникли въ ратушу, наверху, въ большомъ залѣ ратуши раздалось два выстрѣла. Никакого сопротивленія солдатамъ не было оказано.

Паническій страхъ охватилъ сторонниковъ Робеспьера, возставшихъ противъ конвента и собравшихся въ ратушѣ. Леба застрѣлился. Кутонъ нанесъ себѣ дрожащей рукой нѣсколько ранъ кинжаломъ и упалъ подъ столъ; младшій Робеспьеръ бросился изъ окна и сломалъ себѣ ногу. Негодующій Коффеналь схватилъ Анріо и со словами: «Вотъ тебѣ награда за твою трусость!» выбросилъ его изъ окна; Анріо упалъ на навозную кучу. Робеспьеръ сидѣлъ съ раздробленной нижней челюстью; въ рукахъ у него былъ пистолетъ. Нельзя знать, самъ-ли онъ ранилъ себя, или его ранилъ кто-нибудь другой. Одинъ только Сенъ-Жюстъ сохранилъ полное спокойствіе.

Леонаръ Бурдонъ арестовалъ заговорщиковъ, а Барра отвелъ ихъ въ конвентъ. У дверей, ведущихъ въ залъ засѣданія, Барра остановился и спросилъ предсѣдателя, ввести ли арестованныхъ. Но Тюріо съ излишнимъ паѳосомъ отвѣтилъ ему: «Ввести въ конвентъ человѣка, запятнаннаго всевозможными преступленіями, это значило бы отнять у этого славнаго дня весь его блескъ. Для него и его участниковъ мѣсто—на площади Революціи».

Робеспьера отвели въ залъ комитета безопасности, и тамъ онъ долженъ былъ два часа ждать прихода врача. Онъ лежалъ на столѣ, подъ голову ему подложили связку актовъ. Вокругъ него толпились его враги, и ему пришлось выслушивать самыя злыя насмѣшки и издѣвательства. Онъ не отвѣчалъ ни на одинъ вопросъ и не сказалъ вообще больше ни слова.

Арестованныхъ отвели въ тюрьму. Такъ какъ они были объявлены стоящими внѣ закона, то революціонный трибуналъ долженъ былъ только установить и удостовѣрить ихъ личности, что онъ и сдѣлалъ утромъ 10 термидора (28 іюля 1794 года).

10 термидора послѣ полудня Робеспьера и еще 20 человѣкъ повели къ мѣсту казни. Робеспьера, его брата, Сенъ-Жюста, Кутона и Анріо помѣстили въ одной повозкѣ. Въ слѣдующей повозкѣ везли мертваго Леба. Осужденные представляли ужасное зрѣлище. Блѣдное лицо Робеспьера было покрыто повязкой. На Анріо была лишь одна рубашка. Сенъ-Жюстъ спокойно и задумчиво смотрѣлъ на толпу, тѣснившуюся вокругъ ихъ повозки. Жандармы саблями указывали на Робеспьера. Вмѣстѣ съ нимъ должны были умереть на эшафотѣ кромѣ вышеупомянутыхъ лицъ еще предсѣдатель революціонъ-

наго трибунала Дюма, Пэйянъ, Флеріо и тотъ самый сапожникъ Симонъ, которому было поручено воспитаніе бывшаго наслѣднаго принца.

Улицы были полны народомъ, когда Робеспьера и его товарищей вели на казнь. Всѣ обнаруживали необузданную радость. Видно было, что «люди добродѣтели» сумѣли сдѣлать себя ненавистными. Родственники казненныхъ бросались къ повозкамъ и осыпали грубой бранью ѣдущихъ на смерть. У оконъ появлялись обнаженныя женщины. Порокъ, загнанный въ темные углы системой ужаса, почуялъ надвигающійся переворотъ и снова рѣшался показываться на людяхъ. Передъ домомъ, въ которомъ жилъ Робеспьеръ, какія-то бѣснующіяся женщины исполняли дикую пляску; онѣ принесли ведро бычачьей крови и окропили ею стѣны дома.

На площади Революціи палачъ сорвалъ съ Робеспьера повязку; при этомъ Робеспьеръ испустилъ страшный крикъ, который былъ слышенъ на всей площади. Когда Робеспьеръ былъ обезглавленъ, толпа въ теченіе нѣсколькихъ минутъ била въ ладоши.

На слѣдующій день было казнено 70 членовъ возставшей коммуны, а еще черезъ день—еще 12 сторонниковъ Робеспьера. Скрывшійся Коффеналь былъ черезъ нѣсколько дней арестованъ и казненъ. Противники рѣшили совершенно уничтожить партію Робеспьера.

Такъ палъ Максиміліанъ Робеспьеръ, бывшій около четырехъ мѣсяцевъ диктаторомъ Франціи. Его государственная идея была настолько же ограничена, насколько его правленіе жестоко. Онъ пожертвовалъ собою для своего идеала добродѣтельнаго государства, но въ борьбѣ со своими врагами онъ былъ жестокъ и коваренъ. Онъ забылъ, что отвлеченныя понятія философіи осуществляются только въ томъ случаѣ, когда для нихъ имѣется подходящая матеріальная основа.

Партіи, ведшія борьбу 9 термидора, слишкомъ увлеклись раздоромъ и не предвидѣли возможнаго исхода борьбы. Робеспьеръ заставилъ партію Горы объединиться со всѣми остальными партіями, такъ какъ въ противномъ случаѣ члены Горы могли только ждать для себя смертной казни. Гора думала, что, свергнувъ Робеспьера, она свергнетъ только его диктатуру. Но плодами побѣды воспользовались скорѣе союзники Горы, чѣмъ она сама. Вскорѣ послѣ низверженія Робеспьера партія Горы должна была быть свидѣтельницей паденія демократіи. Дѣйствительно, послѣ того, какъ шлюзы реакціи открылись, закрыть ихъ уже оказалось невозможнымъ: реакція уничтожила всѣ плотины и поглотила также Гору.

Пророческимъ словамъ Робеспьера: «Республика погибла, разбойники побѣдили!» суждено было исполниться. Среди побѣдителей девятаго термидора, захватившихъ теперь въ свои руки господство, было не мало разбойниковъ.

Народныя массы спокойно отнеслись къ паденію Робеспьера, котораго онѣ раньше ставили такъ высоко: онъ давалъ имъ слишкомъ много казней и слишкомъ мало хлѣба. Но и побѣдители девятаго термидора ничего иного не предложили потомъ народу.

НАЦІОНАЛЬНЫЙ КОНВЕНТЪ.

(Второй періодъ).

Девятаго термидора партія Робеспьера была окончательно уничтожена—болѣе ста членовъ ея сложили свои головы на эшафотѣ. Но паденіе Робеспьера погубило также Гору, которая сама всѣми силами содѣйствовала этой великой катастрофѣ.

Для борьбы съ Робеспьеромъ соединились всѣ партіи, т. е. партія Горы, центръ и остатки Жиронды. Послѣ того, какъ цѣль была достигнута, этотъ крайне неестественный союзъ долженъ былъ снова распасться. Это произошло уже черезъ нѣсколько дней послѣ катастрофы.

Члены комитетовъ были убѣждены въ томъ, что ихъ власть упрочена. Но они жестоко ошибались, и скоро имъ пришлось убѣдиться въ томъ, что девятое термидора лишило ихъ власти.

Члены Долины и остатки жирондистовъ выжидали перемѣны обстоятельствъ, такъ какъ они хорошо понимали, что правительство добродѣтели и ужаса не можетъ быть долговѣчно. Въ этихъ двухъ партіяхъ преобладала выдвинутая революціей крупная и средняя буржуазія съ ея приверженцами. Этотъ классъ имѣлъ также сторонниковъ въ партіи Горы,—именно, въ правой фракціи ея. Союзъ девятаго термидора соединилъ всѣ родственные элементы и повлекъ за собой образованіе новыхъ партій. Къ буржуазіи, захватившей власть послѣ девятаго термидора, примкнули карьеристы изъ партіи Горы; это были люди, плывшіе по теченію и усвоившіе не духъ, а лишь красивыя фразы и внѣшніе пріемы революціи.

Буржуазія инстинктивно приложила девятаго термидора всѣ усилія къ тому, чтобы низвергнуть Робеспьера. Этотъ классъ населенія не находилъ ничего хорошаго въ республикѣ добродѣтели; онъ хотѣлъ воспользоваться побѣдой надъ феодализмомъ и старой монархіей, приняться за накопленіе богатствъ и переустроить государство и общество сообразно своимъ интересамъ. Онъ хотѣлъ пока оставить внѣшнія формы республики, но передать всю власть въ руки имущественной и интеллектуальной аристократіи. Робеспьеръ, сломивъ власть коммуны и отнявъ, такимъ образомъ, у парижскаго населенія его силу, расчистилъ буржуазіи путь къ господству. Этимъ самымъ онъ и самого себя лишилъ всякой опоры, что доказываетъ, между прочимъ, поразительная быстрота его паденія.

Гора, убѣжденная въ томъ, что она побѣдила Робеспьера, скоро увидѣла, что она девятаго термидора сама была побѣждена. Дѣло въ томъ, что послѣ паденія Робеспьера она стала лицомъ къ лицу съ новымъ могучимъ противникомъ: это была такъ наз. партія *термидористовъ*, члены которой инстинктивно объединялись классовыми интересами буржуазіи. Къ нимъ же примкнула правая фракція Горы, все то, что осталось тамъ отъ дантистовъ. Тальянъ, составившій себѣ имя 9 термидора, долгое время былъ лидеромъ термидористовъ. Лежандръ, Барра, оба Мерлена, Бурдонъ изъ Уазы, Роверъ и Фрэронъ соединились съ Сіэйсомъ, Буасси, д'Англа и Дюранъ-Мелльяномъ. Тщеславные и властолюбивые люди преклонялись теперь передъ реакціей такъ же, какъ они раньше преклонялись передъ революціей. Въ самомъ конвентѣ, бывшемъ раньше собраніемъ ярыхъ республиканцевъ, стали медленно и осторожно проявляться роялистскія тенденціи.

Отъ Горы осталась теперь только ея лѣвая фракція, которая была очень слаба сравнительно съ партіей термидористовъ; эта фракція получила отъ своихъ противниковъ названіе «вершинниковъ» или «людей вершины», такъ какъ она въ конвентѣ занимала теперь только верхнія мѣста прежней Горы.

Вождями этой фракціи были Бильо-Вареннъ и Колло д'Эрбуа; къ нимъ присоединился и Барреръ, котораго къ этому обязывало его прошлое.

Но все же остатки Горы представляли собою еще сильную партію, такъ какъ она имѣла за собой вооруженныя предмѣстья, тогда какъ термидористы опирались только на буржуазные элементы секцій. Эти двѣ партіи должны были скоро столкнуться. Ужасный терроръ, господствовавшій въ послѣдніе мѣсяцы правительства Робеспьера, возбудилъ общее неудовольствіе, и радикально настроенные рабочіе предмѣстій не скрывали этого. Уже восьмого термидора народъ остановилъ колесницы съ осужденными, и его пришлось разогнать кавалеріей Анріо; затѣмъ народъ энергично потребовалъ открытія тюремъ, что и было исполнено. Такъ какъ во время диктатуры Робеспьера жертвами закона о подозрительныхъ были, по большей части, не аристократы, а мѣщане, рабочіе и крестьяне, то эта мѣра вызвала всеобщую радость. Но освобожденіе арестованныхъ тоже усилило реакціонные элементы, такъ какъ тысячи выпущенныхъ на свободу узниковъ были теперь проникнуты страстнымъ желаніемъ отомстить за свой арестъ, за перенесенный имъ страхъ и за казнь своихъ друзей.

Члены старыхъ комитетовъ находились еще на своихъ постахъ и, казалось, сохранили еще свое вліяніе. Но это быстро измѣнилось, такъ какъ термидористы не замедлили воспользоваться выгоднымъ для нихъ положеніемъ вещей. Несмотря на возраженія Бильо-Варенна и Баррера, революціонный трибуналъ былъ распущенъ съ той цѣлью, чтобы потомъ реорганизовать его; былъ отмѣненъ также законъ 22 прэріаля, уничтожавшій защитниковъ и допросы. Трибуналъ былъ вскорѣ возстановленъ; но теперь термидористы пользовались имъ противъ якобинцевъ и террористовъ. Страшный Фукье-Тенвилль, прокуроръ революціоннаго трибунала, былъ отданъ подъ судъ.

Эти мѣры ясно показывали, что власть старыхъ комитетовъ пала. Термидористы скоро стали у кормила правленія. Нужно было заполнить мѣста тѣхъ членовъ комитета благоденствія, которые находились въ отлучкѣ или были казнены; естественно, что на эти мѣста термидористы выбирали людей своей партіи. Было постановлено, что отнынѣ четвертая часть комитета благоденствія должна ежемѣсячно обновляться. Такимъ образомъ, Талльянъ, Трельяръ, Бреаръ и другіе термидористы стали членами правительства и парализовали дѣятельность старыхъ членовъ. Вскорѣ изъ комитета благоденствія, вслѣдствіе обновленія четвертой части, выбыли Барреръ, Карно и Робертъ Ленде, а затѣмъ изъ него добровольно ушли Билью-Варенн'ъ и Колло д'Эрбуа. То же произошло въ комитетѣ безопасности, и съ этихъ поръ термидористы стали уже господствовать въ правительствѣ.

Власть комитетовъ была ограничена; никто не хотѣлъ уже больше диктатуры. Комитетъ благоденствія завѣдывалъ теперь только обще-политическими и военными дѣлами, а комитетъ безопасности завѣдывалъ полиціей. Кромѣ того, были учреждены еще четырнадцать комитетовъ, а именно: комитетъ финансовъ, законодательства, просвѣщенія, земледѣлія и искусствъ, торговли и продовольствія, общественныхъ сооруженій, почты, военныхъ дѣлъ, судоходства и колоній, общественныхъ вспомоществованій, протоколовъ и архивовъ, комитетъ петицій, корреспонденцій и денегъ и, наконецъ, комитетъ надзора за національнымъ дворцомъ.

Термидористы господствовали теперь во всѣхъ комитетахъ и они всѣми мѣрами старались лишить народъ всякаго вліянія на общественныя дѣла и забрать всю власть въ свои руки. Число революціонныхъ комитетовъ, пользовавшихся въ послѣднее время огромной властью, было уменьшено, власть ихъ была ограничена и составъ измѣненъ. Клубъ якобинцевъ былъ пока оставленъ, но термидористы ждали только удобнаго случая, чтобы закрыть его. Правительство не рѣшалось еще обезоружить предмѣстья, но оно отмѣнило постановленіе, по которому каждый неимущій посѣтитель секцій получалъ ежедневно 40 су. Это вознагражденіе привлекало рабочихъ предмѣстій къ живому участію въ политической жизни страны, и въ тяжелыя времена служило имъ поддержкой. Они довольно равнодушно отнеслись къ паденію Робеспьера и уничтоженію его партій, такъ какъ они ненавидѣли его систему террора, жертвами которой были, по большей части, представители неимущаго класса населенія. Но теперь они почувствовали, что власть находится въ рукахъ людей, не заботящихся о народномъ благѣ. Они держали себя совершенно спокойно, такъ какъ безпрерывная борьба, не давшая имъ почти ничего, сильно утомила ихъ. Къ тому же, имъ недоставало старой коммуны, всегда заботившейся объ улучшеніи положенія рабочихъ и уничтоженной Робеспьеромъ. Къ этому времени рабочіе уже извѣрились въ революцію, такъ какъ они поняли, что на мѣсто старыхъ привилегированныхъ сословій выступилъ новый господствующій классъ, который стремится возстановить привилегіи въ новой формѣ и въ свою пользу. Они видѣли, какъ этотъ классъ захватывалъ въ свои руки власть, и не трогались съ мѣста. Но весной слѣдующаго года нужда заставила ихъ выйти изъ предмѣстій и потребовать у конвента хлѣба.

Это равнодушное настроеніе демократическихъ и революціонныхъ рабочихъ массъ, терпѣвшихъ нужду и лишенія при всѣхъ правительствахъ, было очень выгодно термидористамъ. Оно придало имъ смѣлость для уничтоженія демократическаго строя и его сторонниковъ. Спустя мѣсяцъ послѣ паденія Робеспьера, противъ бывшихъ членовъ правительства, а именно, противъ Билью-Варенна, Колло д'Эрбуа, Баррера, Вадье и Амара выступилъ съ обвиненіемъ Лекуантръ изъ Версаля, бывшій прежде ярымъ террористомъ. Но члены партіи Горы защищались очень искусно и одержали полную побѣду: обвиненіе Лекуантра было отвергнуто, какъ клеветническое.

Теперь сторонниковъ системы ужаса называли «хвостомъ Робеспьера» и къ нимъ причисляли также и тѣхъ, которые больше всего содѣйствовали паденію Робеспьера. Коммиссары, отозванные изъ провинціи, подвергались преслѣдованіямъ; Лебонъ и Каррье, посланные комитетомъ благоденствія и конвентомъ для проведенія системы террора въ провинціи, были отданы подъ судъ; такой же участи подвергся и Фукье-Тенвилль. Тотъ самый конвентъ, который раньше, при системѣ ужаса, одобрялъ этихъ коммиссаровъ, теперь преслѣдовалъ ихъ за ихъ дѣятельность. Обвиняемые коммиссары возражали, что если они виновны, то виновенъ и весь конвентъ, давшій имъ извѣстныя полномочія,—и они были правы.

Новая партія съ яростью реакціоннаго фанатизма преслѣдовала все то, что напоминало старую систему. Буржуазная аристократія, которую демократія такъ долго не допускала къ желанному ей господству и добычѣ, страстно жаждала мести, власти и богатства; честолюбцы набросились на общественныя мѣста и должности. При этомъ начались гоненія, которыя по своей жестокости оставили далеко за собой всѣ ужасы системы террора.

Новое общество.

Сейчасъ же послѣ паденія Робеспьера появилась масса людей, скрывавшихся до того времени отъ системы ужаса и отъ полиціи комитетовъ. Парижъ сбросилъ съ себя мантію добродѣтели, которую надѣли на него Сенъ-Жюстъ и Робеспьеръ и которую онъ носилъ только изъ страха передъ революціоннымъ трибуналомъ; легкомысленныя сцены прежнихъ временъ стали снова разыгрываться на улицахъ Парижа, перенесшаго такъ много бурь. Опять появились и стали заниматься своимъ обычнымъ ремесломъ биржевые игроки и ростовщики, ажіотеры и скупщики, галантныя дамы и грязные сводники, мошенники и проходимцы всякаго рода. Въ то время, какъ рабочіе предмѣстій глухо роптали на то, что революція не уменьшила ихъ нужды, въ буржуазныхъ кварталахъ образовывался новый слой общества, готовый воспользоваться всѣми завоеваніями революціи. Республика добродѣтели превратилась въ свою противоположность; мѣсто спартанской строгости заняла сибаритская распущенность и безнравственность. Рѣзкая смѣна политическихъ системъ бросала Францію изъ одной крайности въ другую.

Новое общество вмѣстѣ съ выпущенными изъ тюрьмы «подозрительными» стало скоро господствовать въ секціяхъ. Пресса, совершенно придавленная въ эпоху диктатуры Робеспьера, стала въ ихъ рукахъ ужаснымъ средствомъ борьбы. Жестокая рука палача вырвала изъ рядовъ журналистовъ талантливаго Камилла Демулена. Фреронъ, желавшій отомстить за обожаемую имъ Люсиль Демуленъ, сдѣлалъ свою газету «Народный ораторъ» наиболѣе выдающимся органомъ термидористовъ. Прежде онъ принималъ участіе въ кровавомъ наказаніи Тулона, возмутившагося противъ конвента, а теперь онъ своими жестокими нападками на якобинцевъ хотѣлъ оправдать себя въ глазахъ правительства. Этотъ дерзкій ренегатъ, бывшій когда то поклонникомъ Марата, пошелъ такъ далеко, что прикидывался теперь поклонникомъ «друга народа», желая прикрыть этимъ свои реакціонные взгляды. Но въ то же время онъ дѣятельно организовалъ термидористовъ, желавшихъ уничтожить якобинцевъ. Въ Пале-Роялѣ, гдѣ 12 іюля 1789 года Камиллъ-Демуленъ призывалъ народъ къ оружію, Фреронъ собралъ вокругъ себя молодыхъ людей, принадлежавшихъ къ буржуазной аристократіи. Страстный языкъ его газеты оказывалъ очень сильное вліяніе на этихъ молодыхъ людей. Всѣ они носили особенную одежду, состоявшую изъ сюртука съ большимъ вырѣзомъ, короткихъ панталонъ, чулокъ до колѣнъ и шляпы съ широкими полями. Этотъ костюмъ носилъ названіе «одежды жертвъ гильотины». Волосы ихъ спускались до плечъ. Они были вооружены тяжелыми, налитыми свинцомъ палками, а также пистолетами и кинжалами. Они противопоставили Марсельезѣ новую пѣсню, названную ими «*Пробужденіе народа*»; эта пѣсня своими меланхолическими звуками, казалось, оплакивала жертвы гильотины. Эти дерзкія банды получили у парижанъ названіе «золотой молодежи»—«jeunesse dorée» (намъ совершенно безразлично, называли ли ихъ такъ уже въ то время, или это имя они получили позже). Они буйствовали въ Парижѣ и срывали собранія якобинцевъ. Послѣдніе уже не имѣли за собой никакой общественной силы, тогда какъ стоявшая во главѣ правительства буржуазія или буржуазная аристократія всячески поддерживала эту «золотую молодежь».

Весной 1794 года Парижъ и Франція оказались совершенно во власти новой аристократіи, которая, правда, оставила Франціи внѣшнія формы республики, но воскресила въ ней роскошь, честолюбіе и всѣ замашки старой аристократіи. Демократическія формы обращенія были снова уничтожены. Мы имѣемъ полное право сказать, что при системѣ ужаса кучка грубыхъ людей презирала ученость, науку и утонченныя наслажденія жизнью; теперь же во Франціи господствовала лишенная всякаго ума пошлость.

Буржуазія собиралась въ салонѣ, открытомъ госпожею Талльянъ. Эта молодая испанка создала Талльяну, коммиссару конвента въ Бордо, репутацію очень умѣреннаго человѣка. Талльянъ страстно любилъ ее и использовалъ всѣ ея желанія. Дочь испанскаго банкира Кабаррю, она вышла замужъ за члена парламента Фонтенэ и потомъ развелась съ нимъ, чтобы стать женою Талльяна. Въ Парижѣ она была арестована и изъ тюрьмы постоянно науськивала Талльяна на Робеспьера. Врядъ ли безъ нея Талльянъ сыгралъ бы такую роль девятаго термидора. Любила ли она своего мужа—неизвѣстно;

впослѣдствіи она покинула его и вышла замужъ за князя Шиме. Талльянъ въ общемъ былъ очень незначительный и ограниченный человѣкъ.

Въ салонѣ госпожи Талльянъ собиралась масса вліятельныхъ мужчинъ и элегантныхъ, занимавшихся интригами, дамъ. Эти послѣднія пускали въ ходъ всѣ средства—красоту, любезность, кокетливость и даже любовь,—чтобы привлечь на сторону термидористовъ вліятельныхъ революціонеровъ. И имъ это въ большинствѣ случаевъ не стоило особеннаго труда. Госпожа Талльянъ задавала тонъ всему этому обществу, которое хотѣло неограниченно наслаждаться жизнью. На помощь ему пришло законодательство, до такой степени облегчившее разводъ, что простого «несогласія во вкусахъ» супруговъ было достаточно для полученія развода. Госпожа Талльянъ задавала тонъ также и въ области модъ, и знатныя дамы еще больше обнажали свое тѣло, чѣмъ это дѣлали въ древней Греціи. Мужчины, какъ говоритъ Викторъ Гюго, «утопали» въ огромныхъ воротникахъ; они, казалось, хотѣли превзойти чопорность и натянутость дореволюціоннаго времени. Одежда дамъ, казалось, была разсчитана на то, чтобы возвести въ общественный принципъ распущенность. Введенный госпожей Талльянъ фасонъ одежды называли «платьемъ наготы». Дамы носили широкія бѣлыя платья, съ боковымъ разрѣзомъ, начинавшимся отъ пояса, который охватывалъ тѣло подъ самой грудью. Грудь и спина были совершенно обнажены. На ногахъ носили сандаліи; чулки были изгнаны изъ употребленія, такъ какъ госпожа Талльянъ хотѣла щеголять своими изящными ножками. На большихъ пальцахъ ногъ носили кольца. Иногда одежда такъ мало прикрывала тѣло, что для того, чтобы хоть нѣсколько щадить чувство стыда, приходилось надѣвать трико. Въ каррикатурахъ госпожу Талльянъ часто изображали въ костюмѣ, который «ничего не скрывалъ».

Въ салонѣ госпожи Талльянъ можно было встрѣтить и будущихъ знаменитостей Франціи, какъ, напр., молодого Наполеона Бонапарта и его будущую жену Жозефину Богарнэ, первый мужъ которой, генералъ Богарнэ, былъ казненъ на гильотинѣ за свои военныя неудачи.

Примѣру этого салона слѣдовала почти вся Франція. Казалось, будто люди хотѣли вернуться къ райской наготѣ. Однажды на улицахъ Парижа произошло сильное волненіе. Три знатныя дѣвушки дошли до того, что появились на улицѣ едва прикрытыя тонкой прозрачной кисеей, которая шла отъ ихъ плечъ до колѣнъ. Народная масса оказалась болѣе цѣломудренной и заставила этихъ дѣвицъ подъ градомъ насмѣшекъ вернуться въ свои квартиры.

Дикія сцены разыгрывались въ состоятельныхъ кварталахъ Парижа; тамъ игры и танцы смѣнялись самыми безумными наслажденіями и удовольствіями. Танцовали вездѣ: въ церквахъ, на кладбищахъ, гдѣ въ негашеной извести были похоронены жертвы временъ ужаса. Въ бальныхъ туалетахъ вошли въ моду обрѣзанные воротники и коротко остриженные волосы осужденныхъ на смертную казнь; устраивались балы, въ которыхъ могли принимать участіе только тѣ лица, у которыхъ хотя бы одинъ родственникъ умеръ на гильотинѣ. Въ театрахъ происходили шумныя сцены: якобинцевъ вездѣ, гдѣ это позволяли обстоятельства, унижали и оскорбляли.

Люди прокучивали все свое состояніе и, чтобы снова разжиться, становились игроками, ростовщиками, скупщиками и аліотерами. Въ торговлѣ и промышленности царилъ полный застой. Максимумъ цѣнъ, строго поддерживаемый во времена ужаса, сталъ теперь козломъ отпущенія за нужду и дороговизну жизненныхъ средствъ. Онъ былъ отмѣненъ въ декабрѣ 1794 года, но это не помогло, такъ какъ послѣ того, какъ были уничтожены таксы на товары, появились въ небываломъ количествѣ аліотеры, скупщики, ростовщики и мошенники всякаго рода. Послѣ паденія Робеспьера ассигнаты значительно упали въ цѣнѣ. Послѣ уничтоженія максимума цѣнъ онѣ еще больше упали; курсъ ихъ понижался съ поразительной быстротой. Теперь-то и сказались упущенія старыхъ временъ. Снабженіе Парижа съѣстными припасами становилось съ каждымъ днемъ все труднѣе и труднѣе. Обезцѣненныя бумажныя деньги парализовали всѣ торговыя предпріятія, и правительство не находило ничего лучшаго, какъ наводнять Францію новыми массами бумажныхъ денегъ.

Въ то время, какъ въ состоятельныхъ квартирахъ Парижа царили шумныя удовольствія, въ предмѣстьяхъ его нужда доходила до крайнихъ предѣловъ. Начиная съ полуночи, при всякой погодѣ, жены рабочихъ должны были стоять «въ хвостѣ» передъ булочными и мясными лавками, чтобы по дорогой цѣнѣ купить кусокъ скверпаго мяса или такого же хлѣба. Максимумъ цѣнъ, по крайней мѣрѣ, устранялъ вздорожаніе съѣстныхъ припасовъ. Зимой нужда должна была еще болѣе увеличиваться,—а въ зажиточныхъ кварталахъ общество продолжало предаваться безумнымъ наслажденіямъ и удовольствіямъ.

Въ провинціи тоже вездѣ преслѣдовали якобинцевъ. Было арестовано множество лицъ, помогавшихъ коммиссарамъ конвента при исполненіи ими служебныхъ обязанностей во времена террора. Къ этому прибавилось еще недовольство среди сельскаго населенія, которое постоянно возбуждалось духовенствомъ и роялистскими агентами; кромѣ того, происходили безконечныя волненія и смуты изъ-за покупки національныхъ имѣній, а крестьяне, которые при максимумѣ цѣнъ не привозили на рынокъ хлѣба, такъ какъ объявленная цѣна казалась имъ слишкомъ низкой, теперь не привозили уже больше ничего, не желая получать за свои товары плохія бумажныя деньги.

Внезапная отмѣна принудительныхъ мѣръ, господствовавшихъ въ періодъ системы ужаса, усилила нужду и внесла еще большую смуту въ страну. Стоявшая у власти буржуазная аристократія съ первыхъ же дней обнаружила свое главное свойство—*безчувственность къ бѣдствіямъ народныхъ массъ.*

Конецъ клуба якобинцевъ.

Вскорѣ у членовъ конвента явилась мысль вернуть объявленныхъ стоящими внѣ закона жирондистовъ и освободить депутатовъ, которые, въ числѣ 73 человѣкъ, были арестованы за свой протестъ противъ изгнанія жирондистовъ. Но этому мѣшали якобинцы. Клубъ якобинцевъ былъ все еще довольно силенъ, благодаря уваженію, которымъ онъ издавна пользовался, и связямъ съ предмѣстьями и провинціей. Послѣ паденія Робеспьера въ этомъ клубѣ нашли себѣ пріютъ всѣ демократическіе элементы и всѣ лица, скомпрометировавшія себя въ эпоху ужаса; своимъ союзомъ они хотѣли остановить надвигающуюся реакцію. Надо сказать, что этотъ клубъ въ дѣйствительности вовсе не обладалъ такой силой, которую ему приписывали. Сами якобинцы, надѣясь на то имя, которое это народное общество пріобрѣло во всей Европѣ, думали снова захватить власть въ свои руки. Но они ошиблись въ своихъ разсчетахъ, такъ какъ рабочія массы предмѣстій относились довольно равнодушно къ судьбѣ клуба. Рабочіе терпѣли нужду и тогда, когда у кормила правленія стояли якобинцы. Нуждой рабочаго класса воспользовались для того, чтобы натравить массы на аристократію, но ни одно правительство не приняло рѣшительныхъ мѣръ къ облегченію тяжелаго положенія рабочаго класса и довольствовалось лишь жалкими временными полумѣрами. Реквизиція и раздача жизненныхъ припасовъ были каплей помощи въ морѣ бѣдствій и нужды. Кромѣ того, въ предмѣстьяхъ не забыли того факта, что якобинцы принимали участіе въ низверженіи коммуны и гебертистовъ. Вотъ почему предмѣстья спокойно смотрѣли на то, какъ знаменитый клубъ палъ жертвою термидористовъ. Рабочіе стали пессимистами.

Организованная Фрерономъ молодежь термидористовъ выступала уже теперь очень дерзко, и борьба между термидористами и якобинцами принимала все болѣе ожесточенный характеръ. Шайки термидористовъ не довольствовались уже теперь больше своими дубинами; онѣ были организованы, какъ милиція, и вооружены саблями и ружьями. Въ Парижѣ происходили настоящія уличныя схватки. Реакціонеры старались какъ можно сильнѣе оклеветать якобинцевъ и уронить ихъ въ глазахъ общества. Талльянъ въ этомъ отношеніи пошелъ дальше всѣхъ: въ одной изъ отдаленныхъ улицъ онъ нанесъ себѣ легкую рану изъ пистолета и объявилъ, будто его хотѣли убить якобинцы. Тогда заволновались всѣ тѣ трусы и карьеристы, которые больше всѣхъ бѣсновались въ эпоху ужаса и теперь хотѣли загладить свои революціонные грѣхи. Особенно отличались въ этомъ отношеніи Мерленъ изъ Тіонвиля, Лежандръ, Бурдонъ изъ Уазы, Роверъ и Лекуантръ. Они требовали уничтоженія «хвоста Робеспьера», и «золотая молодежь» термидористовъ съ дикими, кровожадными криками повторяла это требованіе на улицахъ.

Бильо-Вареннъ и Колло д'Эрбуа были главарями въ клубѣ якобинцевъ и говорили тамъ въ пользу преслѣдуемыхъ проконсуловъ и комиссаровъ временъ ужаса. Однажды Бильо-Вареннъ потерялъ терпѣніе. Раздавались жалобы на притѣсненія, которымъ въ провинціи подвергались якобинцы, и Вареннъ сказалъ: «*Когда левъ спитъ, то многіе думаютъ, что онъ потерялъ свою силу; но ужасно будетъ его пробужденіе: онъ уничтожитъ всѣхъ своихъ враговъ*».—Эти слова, конечно, не взволновали предмѣстій, но они дали поводъ къ новымъ горячимъ нападкамъ на якобинцевъ въ конвентѣ, и конвентъ, не осмѣливаясь закрыть сейчасъ же клубъ, тѣмъ не менѣе запретилъ ему имѣть сношенія съ провинціальными отдѣленіями клуба, что значительно ослабило его вліяніе.

Такое поведеніе конвента придало еще больше смѣлости «золотой молодежи». На улицахъ Парижа, въ театрахъ, домахъ, вездѣ происходили схватки, избіенія и побоища. Скоро термидористы дали конвенту столь желанный предлогъ для рѣшительныхъ дѣйствій противъ якобинцевъ.

8 ноября 1794 года якобинцы собрались въ своемъ обычномъ помѣщеніи; въ то же время «золотая молодежь» направилась въ Пале-Рояль, и въ тамошнихъ кофейняхъ раздались угрожающіе крики противъ якобинцевъ. Тутъ же былъ и самъ Фреронъ, который приложилъ всѣ силы къ тому, чтобы довести волненіе до взрыва. Паролемъ этой шайки было уничтоженіе клуба якобинцевъ. Наконецъ, термидористы двинулись массой и напали на клубъ. Въ окна его бросали огромные камни, термидористы взялись за дубины и сабли. Якобинцы, между которыми находились также женщины и дѣти, стали энергично защищаться; подъ предводительствомъ члена конвента Дюгана они сдѣлали вылазку, сопровождавшуюся страшной рукопашной свалкой, въ которой очень многіе были ранены. Термидористовъ было значительно больше, чѣмъ якобинцевъ, и они очень жестоко расправлялись съ женами якобинцевъ, обнажали и били ихъ. Наконецъ, появились члены комитета безопасности; они разняли дерущихся и арестовали большое количество лицъ съ обѣихъ сторонъ. Арестованные термидористы были скоро освобождены, а арестованные якобинцы оставлены въ тюрьмѣ. Комитетъ безопасности опечаталъ залъ засѣданія якобинцевъ.

Новая аристократія ликовала по поводу этого пораженія якобинцевъ; зажиточные кварталы Парижа были иллюминованы. «Золотая молодежь» продолжала жестоко расправляться съ якобинцами, и ея дѣйствія оставались безнаказанными, такъ какъ правительство Талльяна и К° не находило нужнымъ скрывать своего враждебнаго отношенія къ якобинцамъ.

При такихъ обстоятельствахъ конвентъ осмѣлился закрыть клубъ якобинцевъ. Онъ утвердилъ распоряженіе комитета безопасности съ лживой мотивировкой, будто клубъ якобинцевъ дастъ поводъ къ постояннымъ волненіямъ и можетъ вызвать гражданскую войну.

Якобинцы со скрежетомъ зубовнымъ подчинились судьбѣ, которой они не могли избѣжать. Они понимали, что съ уничтоженіемъ ихъ клуба они лишились власти, такъ какъ уцѣлѣвшія въ Парижѣ демократическія организаціи были очень незначительны. Съ этого времени сила демократіи была сломлена. Термидористы хотѣли уничтожить даже имя знаменитаго клуба, котораго такъ недавно боялась вся Европа, и переименовали площадь, гдѣ стоялъ монастырь св. Якова, въ рынокъ Термидора. Но изъ исторіи нельзя было, конечно, изгладить память объ этомъ обществѣ, сыгравшемъ такую выдающуюся роль.

Реакція усиливается.

Послѣ паденія якобинцевъ конвентъ, не задумываясь, освободилъ и вновь допустилъ къ своимъ засѣданіямъ арестованныхъ жирондистскихъ депутатовъ. По предложенію Карно, конвентъ амнистировалъ всѣхъ тѣхъ

вандейцевъ, которые въ теченіе мѣсяца сложатъ оружіе; и тогда всѣ стали говорить, что если Вандея получаетъ амнистію, то ее надо дать и содержащимся въ тюрьмѣ семидесяти тремъ депутатамъ. Послѣдніе были освобождены 8 ноября 1794 года и допущены къ засѣданіямъ. Одновременно съ этимъ возникъ вопросъ о возвращеніи жирондистовъ, объявленныхъ стоящими внѣ закона. Грегуаръ передалъ конвенту записку Ланжюинэ, въ которой тотъ требовалъ отмѣны постановленія о жирондистахъ и возвращенія ихъ въ конвентъ. Но тутъ даже нѣкоторые термидористы испугались той быстроты, съ какой надвигается реакція. Тѣ термидористы, которые прежде принадлежали къ партіи Горы, высказались во время возстанія 31 мая за арестъ жирондистовъ, которыхъ они тогда очень усердно преслѣдовали. Они все еще не могли рѣшиться снова допустить жирондистовъ въ конвентъ, и Мерленъ изъ Дуэ горячо воскликнулъ: «Развѣ вы хотите открыть ворота Тампля?» Дѣло въ томъ, что въ Тамплѣ сидѣлъ бывшій наслѣдникъ французскаго престола, молодой сынъ Людовика XVI. Въ концѣ концовъ конвентъ рѣшилъ отмѣнить свое прежнее постановленіе, объявлявшее жирондистовъ стоящими внѣ закона; но въ то же время онъ рѣшилъ не допускать ихъ еще въ конвентъ.

При такихъ обстоятельствахъ неудивительно, что реакціонеры съ удвоенной энергіей набросились на якобинцевъ и сторонниковъ системы террора. Первыми жертвами своей жажды мести реакціонеры избрали трехъ человѣкъ со страшными именами: Каррье, Лебона и Фукье-Тенвилля. Эти три человѣка были не болѣе виновны, чѣмъ всѣ остальные исполнители приказаній конвента. Можно даже сказать, что они были не болѣе виновны, чѣмъ самъ конвентъ, одобрявшій приказы комитетовъ, согласно которымъ эти обвиняемые дѣйствовали. Ихъ можно было бы упрекнуть въ томъ, что они слишкомъ ревностно и съ нѣкоторой жестокостью исполняли эти приказы. Но вѣдь они дѣйствовали только по приказанію и съ одобренія тѣхъ самыхъ лицъ, которыя теперь выступили въ качествѣ ихъ обвинителей и судей. Молодой Лебонъ, фаворитъ Робеспьера, былъ отправленъ конвентомъ въ качествѣ коммиссара въ Аррасъ для борьбы съ опасными интригами роялистовъ на сѣверной границѣ. Лебонъ велъ себя при этомъ такъ мягко, что комитетъ благоденствія выразилъ ему рѣзкое порицаніе. Тогда онъ сталъ дѣйствовать съ ужасной строгостью. По его приказанію было казнено очень много людей, и говорили, будто онъ велѣлъ прочитывать осужденнымъ на смерть передъ самой казнью извѣстія о побѣдахъ французскихъ войскъ, усиливая этимъ ихъ предсмертныя муки. Говорили также, будто онъ приглашалъ къ себѣ на обѣдъ палача, какъ очень полезнаго «гражданина». Вѣрны ли эти обвиненія или нѣтъ, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать того, что Лебонъ сталъ безумствовать лишь по приказанію комитета благоденствія и съ согласія конвента, который одобрилъ приказаніе комитета. И вотъ теперь тотъ же самый конвентъ предалъ Лебона суду революціоннаго трибунала, который, конечно, осудилъ его на смерть. Приблизительно такъ же обстояло дѣло и съ Каррье, который былъ отправленъ въ Нантъ для наказанія главарей вандейскаго возстанія. Онъ тоже получилъ приказаніе дѣйствовать съ крайней строгостью. Мрачный фанатикъ Каррье счелъ

бы за преступленіе не исполнить даннаго ему приказанія. Къ тому же его отправили какъ разъ въ ту мѣстность, въ которой обѣ стороны боролись съ безчеловѣчной жестокостью. Каррье былъ неразборчивъ въ средствахъ; онъ велѣлъ казнить такую массу людей и велъ себя такъ жестоко, что еще при жизни Робеспьера его отозвали обратно въ Парижъ. Онъ отправилъ 132 арестованныхъ изъ Нанта въ Парижъ на судъ парижскаго революціоннаго трибунала. Процессъ этихъ обвиняемыхъ былъ тогда отложенъ и разбирался только теперь. Обвиняемые давали страшныя показанія объ обращеніи Каррье съ арестованными вандейцами. Они говорили, что онъ массами казнилъ безъ суда не только мужчинъ, но также женщинъ и дѣтей. По показаніямъ обвиняемыхъ, Каррье ввелъ республиканскія свадьбы и крестины. «Свадьбы» эти заключались въ томъ, что связывали попарно голыхъ мужчинъ и женщинъ и топили въ Луарѣ. «Крестины» же совершались слѣдующимъ образомъ: устраивались корабли съ клапанами въ трюмахъ, трюмы наполнялись плѣнными, а затѣмъ открывали клапаны и такимъ образомъ топили плѣнныхъ. Впрочемъ, не надо забывать, что грубыя издѣвательства при казняхъ были вообще тогда въ обычаѣ у всѣхъ партій. Безъ сомнѣнія, не всѣ показанія о дѣятельности Каррье вѣрны; такъ, напримѣръ, надо считать преувеличеннымъ сообщеніе о томъ, будто въ то время, какъ въ трюмѣ топили людей, Каррье на палубѣ устраивалъ оргіи съ распутными женщинами. Каррье не отрицалъ того факта, что онъ приказалъ казнить многихъ мятежниковъ. Но онъ сослался при этомъ на полученныя имъ инструкціи, указывалъ на тѣ опасности, которыя угрожали тогда республикѣ, и на разнузданность страстей въ гражданской войнѣ. Члены нантскаго революціоннаго комитета, противъ которыхъ также возбуждено было обвиненіе, взвалили всю вину на него. Когда конвентъ постановилъ предать Каррье суду революціоннаго трибунала, онъ воскликнулъ: «Все здѣсь виновато,—вплоть до колокольчика предсѣдателя»! И въ этихъ словахъ было много правды.

16 декабря 1794 года Каррье, смерти котораго все время требовала «золотая молодежь», былъ осужденъ и казненъ. Во время судебнаго разбирательства онъ велъ себя съ большимъ хладнокровіемъ. Прежній прокуроръ революціоннаго трибунала Фукье-Тенвилль отдалъ себя добровольно въ руки властей послѣ того, какъ было рѣшено возбудить противъ него обвиненіе. Его процессъ тянулся очень долго. Фукье указывалъ на то, что онъ дѣйствовалъ согласно приказаніямъ комитетовъ, что самъ онъ высказался противъ страшнаго закона отъ 22 прэріаля и оттягивалъ процессъ вышеупомянутыхъ 132 арестованныхъ. Его жестокость принесла много вреда дѣлу демократіи. Онъ всегда являлся послушнымъ орудіемъ господствовавшей системы. Но въ крайностяхъ системы террора многіе термидористы были гораздо болѣе виновны, чѣмъ самъ Фукье-Тенвилль. Такъ напримѣръ, Фреронъ составилъ проектъ закона, направленнаго противъ подозрительныхъ лицъ, а Мерленъ изъ Дуэ руководилъ казнями въ Тулонѣ. Между тѣмъ именно Фреронъ и Мерленъ болѣе другихъ настаивали на смерти Фукье-Тенвилля. Вмѣстѣ съ двѣнадцатью членами революціоннаго трибунала Фукье-Тенвилль былъ приговоренъ къ смерти и казненъ 7 мая 1795 года, въ то самое время, когда Парижъ былъ приведенъ въ волненіе бурными возстаніями предмѣстій. Два года тому назадъ конвентъ учредилъ революціонный трибуналъ, а теперь онъ взваливалъ отвѣтственность за дѣйствія этого судилища на прокурора и двѣнадцать судей и присяжныхъ.

Въ провинціи противъ сторонниковъ павшей системы начались такія же гоненія, какъ и въ Парижѣ. Революціонный терроръ уступилъ мѣсто террору реакціонному. Поэтому-то конвентъ не отмѣнилъ закона, направленнаго противъ подозрительныхъ лицъ. Однако, очень часто оказывалось, что обвиненія, направленныя противъ отдѣльныхъ коммиссаровъ конвента, были очень преувеличены. Такъ напримѣръ, Мэнье, фаворитъ Кутона, обвинялся въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ революціоннымъ трибуналомъ уничтожилъ большую часть населенія Оранжа и стеръ съ лица земли цѣлую деревню съ ея обывателями. Но конвентъ не предалъ его суду.

Вскорѣ Фреронъ нашелъ уже излишнимъ противопоставлять имя Марата имени Робеспьера, какъ онъ это обыкновенно дѣлалъ до сихъ поръ. «Золотая молодежь» преслѣдовала даже мертваго Марата и жестоко издѣвалась надъ его бюстами и портретами. Прахъ Марата былъ вынесенъ изъ Пантеона, гдѣ онъ находился, и конвентъ постановилъ, что никто не можетъ быть погребенъ въ Пантеонѣ ранѣе чѣмъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ смерти. Трупъ Марата былъ брошенъ въ клоаку. Портретъ его, находившійся въ залѣ конвента, былъ удаленъ. Великолѣпная картина Давида, изображавшая убійство Марата Шарлоттою Кордэ, была уничтожена вандалами «золотой молодежи».

Конвентъ поступилъ очень разумно, отмѣнивъ постановленіе Робеспьера о Высшемъ Существѣ и объявивъ полную свободу религіи. Съ этого времени государственной религіи уже не было, и государственная касса не отпускала больше никакихъ суммъ на религіозныя цѣли. Было только предписано, что церковныя церемоніи должны имѣть мѣсто въ домахъ, но не на улицахъ; въ остальномъ же каждый могъ быть совершенно свободенъ. Правда, конвентъ установилъ офиціальное празднованіе декадъ, при которомъ играла музыка, устраивались танцы, чтенія; но никто не былъ обязанъ присутствовать на этихъ празднествахъ. Этотъ порядокъ, представлявшій собою полное отдѣленіе церкви отъ государства и лучше всего обезпечивавшій республику въ ея безпрерывныхъ конфликтахъ съ церковными властями, былъ однимъ изъ немногихъ разумныхъ дѣйствій новаго конвента.

Теперь Лекуантръ нашелъ, что насталъ наиболѣе подходящій моментъ для возбужденія обвиненія противъ членовъ старыхъ комитетовъ, и онъ добился отъ конвента преданія суду Билью-Варенна, Колло д'Эрбуа, Баррера и Вадье. Послѣ этого рѣшенія конвента стали все упорнѣе раздаваться требованія обратнаго допущенія въ конвентъ жирондистовъ. И дѣйствительно, въ мартѣ 1795 года послѣ длиннаго и бурнаго засѣданія жирондисты были вновь признаны членами конвента. Въ этомъ засѣданіи Шенье указывалъ на то, что во Франціи не нашлось достаточно глубокихъ пещеръ, чтобы скрыть краснорѣчіе Верньо и геній Кондорсе. Онъ утверждалъ, что обвиненіе жирондистовъ въ федерализмѣ было только клеветой, и предложилъ возвратить жирондистовъ въ конвентъ. Гора, которая могла ожидать отъ

высказывалась противъ этого мѣропріятія. Изъ термидористовъ многіе были тоже противъ возвращенія жирондистовъ. Бантаболь заявилъ, что если возвратить исключенныхъ 31 мая 1793 года, то надо возбудить процессъ противъ тѣхъ восьмидесяти тысячъ человѣкъ, которые окружили 31 мая зданіе конвента. Онъ сказалъ, что, возстановляя жирондистовъ въ ихъ званіи депутатовъ, конвентъ вновь возбудилъ улегшіяся страсти. Тогда поднялся Сійесъ, игравшій долгое время въ конвентѣ роль боязливаго молчальника. Окрѣпшая реакція внушила ему снова отвагу. Онъ заявилъ, что 31 мая былъ совершенъ незаконный актъ и что принятое въ тотъ день рѣшеніе должно быть объявлено недѣйствительнымъ. Онъ сказалъ, что до 31 мая конвентъ находился подъ давленіемъ народа, что съ 31 мая до 9 термидора народъ находился подъ давленіемъ конвента и что только теперь воцарилась справедливость. «Какъ!»—воскликнулъ ему въ отвѣтъ членъ Горы Камбонъ: «Вы хотите объявить 31 мая недѣйствительнымъ? Тогда недѣйствительно и все то, что было сдѣлано конвентомъ. *Тогда недѣйствительны всѣ неисчислимые труды конвента, тогда недѣйствительны всѣ законы и декреты, на которыхъ основывается наше правительство*».

Но реакція была настолько сильна, что могла легко сломить противодѣйствіе Горы. Конвентъ постановилъ принять обратно жирондистовъ, и въ залѣ засѣданій снова появились Ланжюинэ, Луве, Ларивьеръ, Иснаръ, Ларевельеръ-Лепо и другіе жирондисты. Долгое пребываніе внѣ закона страшно ожесточило ихъ, и они горѣли жаждой мести; поэтому они сразу напали на «хвостъ Робеспьера». Сейчасъ же послѣ ихъ прихода конвентъ издалъ постановленіе объ арестѣ Бильо-Варенна, Колло д'Эрбуа, Барера и Вадье.

Вступленіе жирондистовъ въ конвентъ повлекло за собой измѣненіе въ распредѣленіи партій. Снова образовалась призванная къ жизни жирондистами правая, которую подкрѣпили члены Жиронды, оставшіеся въ конвентѣ во время пребыванія ихъ коллегъ внѣ закона. Здѣсь пробивались наружу слегка замаскированныя роялистскія тенденціи, такъ какъ многіе жирондисты объявляли себя республиканцами, лишь подчиняясь силѣ обстоятельствъ.

Тѣ самые жирондисты, которые передъ 10 августа 1792 года были вожаками революціи, стали теперь вожаками контръ-революціи. Впрочемъ, не надо упускать изъ виду, что Жиронда потеряла въ партійной борьбѣ своихъ наиболѣе выдающихся главарей. Въ такомъ же положеніи находилась и лѣвая конвента; она тоже потеряла одного за другимъ всѣхъ своихъ вождей. Лѣвая, сравнительно съ другими партіями, была очень слаба; тѣмъ сильнѣе былъ центръ, въ которомъ господствовали термидористы. Но и эта партія не была совсѣмъ сплоченной, такъ какъ въ ней существовала фракція независимыхъ, не желавшихъ поддаваться реакціи. Но центръ иногда увлекался реакціонными стремленіями значительно больше, чѣмъ онъ этого хотѣлъ. Эта партія стремилась къ созданію «солидной» буржуазно-аристократической республики и стояла въ рѣзкомъ противорѣчіи какъ съ правой, желавшей возстановленія монархіи, такъ и съ лѣвой, идеаломъ

которой была демократическая республика и конституція 1793 года. Между этими партіями должно было произойти столкновеніе, и ниже мы увидимъ, какъ центръ съ помощью роялистовъ низвергнулъ демократію, а съ помощью демократіи—роялистовъ.

Возстаніе парижскихъ предмѣстій.

Послѣ девятаго термидора конвентъ направилъ почти всю свою дѣятельность на партійную борьбу и преслѣдованіе демократіи; партійныя распри поглощали много драгоцѣннаго времени. Политико-экономы девятаго термидора не сумѣли разобраться въ томъ хозяйственномъ кризисѣ, который съ каждымъ днемъ принималъ все большіе и большіе размѣры, и къ тому же они мало сочувствовали народнымъ бѣдствіямъ. По ихъ мнѣнію, достаточно было устранить ненавистныя имъ учрежденія, введенныя въ эпоху ужаса, чтобъ облегчить положеніе народа. Новыхъ идей у нихъ не было никакихъ. Отмѣнивъ почти всѣ принудительные законы эпохи террора, конвентъ еще болѣе запуталъ всѣ отношенія и еще болѣе увеличилъ нужду въ странѣ. Правда, урожай былъ въ этомъ году очень хорошъ, но страна была опустошена междоусобными войнами. Внѣшняя торговля находилась почти въ полномъ застоѣ, а промышленность переживала тяжелый кризисъ; въ Ліонѣ, который нѣкогда былъ самымъ значительнымъ фабричнымъ городомъ страны, въ этомъ году работало не больше 2.000 ткацкихъ станковъ. Нетрудно было понять, что для облегченія нужды надо принять энергичныя мѣры. Но экономисты девятаго термидора могли выставить только идею «свободной конкуренціи», которая въ такой моментъ была наиболѣе опасна для страны. Въ самомъ дѣлѣ, можно было предвидѣть, что спекулянты, перекупщики и ростовщики используютъ внезапную отмѣну всѣхъ запретительныхъ законовъ и нужду французовъ въ цѣлахъ эксплоатаціи всего народа и своего собственнаго обогащенія. Заурядный Тибодо, который сумѣлъ выдвинуться въ этотъ періодъ господства посредственности, воскликнулъ какъ то въ конвентѣ: «Единственное спасеніе заключается въ *свободѣ торговли* и въ отмѣнѣ максимальныхъ таксъ». Какъ мы знаемъ, максимумъ былъ отмѣненъ въ декабрѣ, и въ общихъ чертахъ была введена свобода торговли. И тѣмъ не менѣе ощущался недостатокъ въ товарахъ, такъ какъ курсъ ассигнатовъ все еще падалъ, и продавцы поэтому не являлись на рынокъ. Къ девятому термидора ассигнаты понизились до 33%; послѣ отмѣны максимума они упали до 19%, а затѣмъ и до 17%. Зимою недостатокъ въ дровахъ и углѣ достигъ такихъ размѣровъ, что комитетъ благоденствія оказался вынужденнымъ вырубить большіе участки государственныхъ лѣсовъ.

Самыхъ большихъ размѣровъ нужда достигла въ Парижѣ. Мы знаемъ уже, какія страданія выпали на долю рабочихъ изъ предмѣстій; мы знаемъ, какъ стойко они переносили ихъ. У нихъ уже больше не было особенной охоты устраивать возстанія, такъ какъ они ничего не ждали отъ нихъ. Но въ этомъ году имъ пришлось перенести очень суровую и продолжитель-

ную зиму, и нужда достигла среди нихъ крайнихъ размѣровъ. Часто бывали случаи голодной смерти. Вандея, являвшаяся уже издавна житницей Парижа, была опустошена и не доставляла ничего. Къ тому же рабочихъ крайне озлобляло все поведеніе новой буржуазной аристократіи съ ея роскошными пирами и распутными оргіями. Контрастъ между роскошью, царившей въ «чистыхъ» кварталахъ, и страшной нуждой, державшей въ своихъ тискахъ населеніе предмѣстій, сильно бросался въ глаза. Голодъ выгналъ на улицу мужчинъ и женщинъ, и здѣсь устраивались собранія, въ которыхъ можно было видѣть прелюдію къ возстанію.

Якобинцы и партія Горы возлагали всѣ свои надежды на то, что нужда приведетъ рабочихъ изъ предмѣстій къ возстанію. Они хотѣли воспользоваться этимъ движеніемъ, чтобы снова забрать въ свои руки господство и свергнуть термидористовъ. По всей вѣроятности, они и теперь опять-таки предложили бы голодающему народу лишь законы, направленные противъ аристократовъ. И рабочимъ опять-таки пришлось бы голодать не меньше, чѣмъ во времена Робеспьера. Приведенные въ отчаяніе рабочіе стали волноваться. Они выступили съ паролемъ, ясно показывавшимъ, что они находятся подъ вліяніемъ якобинцевъ. Они требовали возстановленія конституціи 1793 года и освобожденія арестованныхъ патріотовъ; патріотами теперь называли сторонниковъ демократіи. Конституція 1793 года обезпечивала народу перевѣсъ въ политической жизни страны. Якобинцы надѣялись, что введеніе конституціи 1793 года снова передастъ государственную власть въ ихъ руки. Врядъ ли эти надежды исполнились бы. Вѣдь при народныхъ голосованіяхъ рѣшающую роль теперь начинали играть мелкіе крестьяне, а крестьянство, жаждущее покоя, безусловно отнеслось бы враждебно къ горячимъ и пылкимъ якобинцамъ.

Тяжелое положеніе населенія предмѣстій заставило конвентъ снова заняться вопросомъ о снабженіи народа съѣстными припасами. Въ срединѣ марта рѣшено было выдавать каждому жителю Парижа ежедневно по фунту хлѣба, а рабочимъ, занятымъ тяжелымъ трудомъ,—по $1^1/_2$ фунта. Конвентъ надѣялся, что это удовлетворитъ населеніе предмѣстій. Но онъ ошибся въ своихъ разсчетахъ, такъ какъ тотчасъ же послѣ этого, а именно 17 марта, изъ предмѣстій Сентъ-Антуанскаго и Сенъ-Марсо явилась депутація, передавшая конвенту петицію съ требованіемъ устраненія недостатка въ хлѣбѣ. Депутація заявила, что *рабочимъ постоянно приходится терпѣть нужду и что они начинаютъ уже жалѣть о жертвахъ, принесенныхъ ими дѣлу революціи*. Предсѣдатель конвента Тибодо далъ депутаціи довольно грубый отвѣтъ, а Буасси д'Англа заявилъ, что хлѣбные пайки раздаются правильно. Добрый Буасси могъ бы, кажется, понимать что для поддержанія своего существованія человѣку зимою нужно больше, чѣмъ фунтъ хлѣба въ день. Пятно, что рабочіе пришли въ ярость и стали бить кулаками по барьеру, у котораго они стояли. «Хлѣба, хлѣба!» кричали они конвенту. Народная толпа, собравшаяся въ большомъ количествѣ передъ зданіемъ конвента и ожидавшая результатовъ петиціи, стала волноваться и попыталась проникнуть въ залъ засѣданія. Но тутъ появились вооруженныя секціи изъ зажиточныхъ кварталовъ и разогнали толпу. Депутація удалилась.

Конвенту показалось очень опаснымъ движеніе рабочихъ, такъ какъ предмѣстія были вооружены, и у нихъ были пушки. Но все-таки онъ теперь еще не принялъ никакихъ мѣръ для подавленія движенія. Предмѣстья не успокаивались, такъ какъ комитетъ, который долженъ былъ снабжать Парижъ съѣстными припасами, очень часто не былъ въ силахъ добыть требовавшіеся для Парижа 1500 мѣшковъ муки. Хлѣбъ былъ плохой, и характерно, что предсѣдателя комитета Буасси д'Англа народъ прозвалъ «голоднымъ Буасси».

20 марта предмѣстья снова поднялись, и рабочіе массами появились передъ зданіемъ конвента. Они требовали отъ него «хлѣба и конституціи 1793 года!» Черезъ нѣсколько дней долженъ былъ начаться процессъ Бильо-Варенна, Колло д'Эрбуа и Баррера, и рабочіе по этому поводу выступили съ требованіемъ освобожденія арестованныхъ патріотовъ. Передъ Тюльери собралась также толпа «золотой молодежи», и между нею и рабочими завязалась драка, во время которой нѣсколько молодыхъ почтенныхъ буржуа были брошены въ пруды тюльерійскаго парка. Съ одной стороны раздавались крики: «Да здравствуетъ конвентъ! Долой террористовъ!», а съ другой— «Да здравствуетъ клубъ якобинцевъ! Долой аристократовъ!»

Въ это самое время въ залѣ засѣданія конвента читалась петиція, требовавшая введенія конституціи 1793 года. «Введите отнынѣ»,говорилось въ петиціи, «эту популярную конституцію, которую французскій народъ принялъ и поклялся защищать; она примиритъ всѣ интересы, успокоитъ всѣ умы и приведетъ васъ къ цѣли вашихъ трудовъ». По поводу этого предложенія возникли оживленныя пренія. Гора поддерживала петицію, а остальныя партіи высказывались противъ нея. Тибодо выступилъ съ безсмысленнымъ заявленіемъ, будто конституція 1793 года не демократична. «Демократической» заявилъ онъ, «является не та конституція, которая передаетъ всю власть въ руки самого народа: демократична конституція, *дающая народу, при мудромъ раздѣленіи властей, возможность пользоваться плодами свободы, равенства и покоя*». Этой фразѣ конвентъ сильно аплодировалъ.

Затѣмъ было рѣшено ввести конституцію 1793 года, лишь послѣ установленія необходимыхъ органическихъ законовъ. Этимъ рѣшеніемъ термидористы лишь плохо прикрывали свою антипатію къ конституціи 1793 года.

Между тѣмъ явилась «золотая молодежь», и вооруженныя секціи послѣ яростной схватки разсѣяли собравшіяся передъ Тюльери народныя массы; послѣ этого депутація тоже покинула залъ. Тогда Сійесъ внесъ проектъ «закона высшей полиціи», угрожавшій тяжелыми наказаніями и принятый конвентомъ для предупрежденія массовыхъ сборищъ.

Затѣмъ начался процессъ Колло, Бильо и Баррера, въ защиту которыхъ съ большимъ самоотверженіемъ выступили ихъ товарищи Карно, Прёръ и Ленде. Карно доказывалъ въ очень удачной рѣчи, что нельзя дѣлать отдѣльныхъ членовъ комитета благоденствія отвѣтственными за подписанные ими приказы. Онъ указалъ на то, что комитетъ былъ обремененъ страшной работой и что у членовъ его очень часто не хватало времени для принятія пищи. Онъ разсказывалъ, что очень часто члены вынуждены были поручать

другъ другу расписываться за себя, такъ что подпись не можетъ ничего доказать.

Этотъ процессъ вызвалъ сильное возбужденіе, и въ теченіе недѣли въ конвентѣ шла ожесточенная партійная борьба, которая не привела ни къ какому результату. Исходъ дѣла казался очень сомнительнымъ. Но Парижъ и предмѣстья сильно волновались, такъ какъ якобинцы прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы спасти обвиняемыхъ. Особенную дѣятельность въ предмѣстьяхъ проявилъ членъ конвента Гужонъ, молодой и пылкій человѣкъ. У барьера конвента снова появились депутаціи, состоявшія изъ мужчинъ и женщинъ, и требовали хлѣба; Гужонъ поддерживалъ ихъ. Конвенту была вручена новая петиція, въ которой говорилось:

«Почему въ Парижѣ нѣтъ муниципалитета? Почему закрыты народныя общества? Что стало съ жатвой? Почему ассигнаты падаютъ въ цѣнѣ? Почему молодые люди могутъ собираться въ Пале-Роялѣ, и почему только одни патріоты заключены въ тюрьму?»

Эта петиція была отвергнута конвентомъ, и конвентъ заявилъ, что нарушеніе общественной тишины и спокойствія будетъ строго преслѣдоваться.

Рабочіе, доведенные до отчаянія, собрались и двинулись утромъ 1 апрѣля къ конвенту. Они массой вошли въ залъ, гдѣ ничего не предпринимали, а только мѣшали засѣданію. Рабочая масса не была, повидимому, организована. Раздавались возгласы: «хлѣба! хлѣба и конституціи 1793 года!» Депутатовъ, которые хотѣли говорить, толпа прерывала. Было совершенно невозможно прійти къ какому нибудь рѣшенію. Сами члены Горы не знали, что имъ дѣлать, такъ какъ они сознавали невозможность предпринять что-либо съ этой волнующейся массой. Они обратились къ толпѣ съ просьбой разойтись, чтобы дать конвенту время рѣшить что-либо. Но рабочіе не послушались ихъ; изъ толпы выдѣлился нѣкій Ванекъ и началъ говорить; онъ требовалъ освобожденія патріотовъ и конституціи 1793 года. Толпа все время требовала хлѣба. Спустя четыре часа явились вооруженныя реакціонныя секціи и разсѣяли толпу. Такимъ образомъ, движеніе и на этотъ разъ не увѣнчалось успѣхомъ.

Тѣмъ насильственнѣе поступалъ теперь конвентъ, который незадолго передъ тѣмъ призналъ преступленіемъ исключеніе жирондистовъ изъ членовъ конвента. Военная власть была передана генералу Пишегрю, находившемуся въ это время какъ разъ въ Парижѣ, и онъ подавилъ всѣ движенія, направленныя въ пользу обвиняемыхъ членовъ комитета. Бильо, Колло, Барреръ и Вадье были приговорены къ ссылкѣ въ Кайенну и тотчасъ же отправлены туда. Попытка освободить ихъ не удалась; Бильо и Колло были привезены въ Кайенну, гдѣ Колло умеръ въ слѣдующемъ году. Бильо, который очень долгое время не подпадалъ подъ амнистію, съ гордостью отвергъ амнистію, предложенную ему Наполеономъ. Позднѣе онъ поселился на Гаити. Барреръ и Вадье остались во Франціи.

Въ этомъ возстаніи обвиняли всецѣло Гору, и поэтому семь депутатовъ лѣвой были приговорены къ тюремному заключенію. Между ними находились Амаръ, Леонаръ Бурдонъ и Шудье, позднѣе къ нимъ присоединили еще десять лицъ, въ томъ числѣ Камбона, Тюріо и Лавассера изъ Сарты.

Послѣ этого не удавшагося возстанія наступило затишье, и рабочіе, по всей вѣроятности, отнеслись бы теперь къ создавшемуся положенію вещей такъ же равнодушно, какъ при директоріи и въ царствованіе Наполеона, если бы голодъ не довелъ ихъ до крайней степени отчаянія. Конвентъ угощалъ ихъ проповѣдями о добродѣтели, обѣщаніями и угрозами, а про запасъ имѣлъ для нихъ дубины «золотой молодежи» и пушки и ружья реакціонныхъ секцій. У конвента не оказалось средствъ для снабженія Парижа съѣстными припасами, что хотя немного облегчило бы бѣдствія народа. Теперь то особенно сильно сказалась внезапная отмѣна всѣхъ принудительныхъ законовъ. Положеніе рабочихъ было невыносимо. Назначенные конвентомъ пайки хлѣба въ одинъ и полтора фунта на человѣка не могли быть больше выдаваемы; чудный мѣсяцъ май ознаменовался для предмѣстій Парижа тѣмъ, что конвентъ сталъ теперь выдавать только по полуфунту хлѣба на человѣка, а бѣдняки могли получать еще вдобавокъ горсть риса. Эти бѣдствія вызвали въ народѣ крайнее озлобленіе, которымъ и воспользовались члены партіи Горы; особенно дѣятельно агитировали среди рабочихъ депутаты Гужонъ и Бурботтъ (послѣдній былъ коммиссаромъ конвента въ Вандеѣ). Рабочихъ возбуждали извѣстіями о жестокомъ преслѣдованіи якобинцевъ на югѣ Франціи; испугавшись возможности потерять всѣ завоеванія революціи, рабочіе еще разъ дали пылкимъ членамъ Горы вовлечь себя въ возстаніе и пошли противъ конвента.

Это возстаніе съ самаго начала имѣло очень мало шансовъ на успѣхъ. Прежде всего, не было виднаго и пользующагося народными симпатіями человѣка, который могъ бы стать во главѣ движенія. Революція шла уже на убыль. Власть находилась теперь въ рукахъ противниковъ демократіи, и возставшее населеніе защищало позицію, которая наполовину находилась уже въ рукахъ враговъ. Въ Парижѣ господствовали секціи, настроенныя въ пользу термидористовъ, а также «золотая молодежь». Ихъ дерзость и самонадѣянность росла вмѣстѣ съ ихъ успѣхами, между тѣмъ какъ якобинцы были обезкуражены понесенными ими пораженіями.

У рабочихъ было еще оружіе, и надѣялись они на него.

19 мая 1795 года стали уже показываться грозные признаки возстанія. На улицахъ происходили безпорядки, а на галлереяхъ конвента царило сильное возбужденіе. Вечеромъ появилась депутація съ петиціей, авторами которой были якобинцы. Петиція состояла изъ одиннадцати пунктовъ, содержавшихъ требованія патріотовъ. Въ ней требовали изгнанія изъ конвента жирондистовъ и пресловутыхъ 73 депутатовъ, возвращенія сосланныхъ и освобожденія арестованныхъ патріотовъ, введенія конституціи 1793 года, организаціи коммунальнаго совѣта и возстановленія максимальныхъ таксъ и реквизицій. Изъ этого видно, что политико-экономическія воззрѣнія якобинцевъ были такъ же мало содержательны, какъ и взгляды ихъ противниковъ. Они сумѣли только потребовать возстановленія мѣръ, принятыхъ правительствомъ періода террора, а между тѣмъ эти мѣры нисколько не устраняли нужды народныхъ массъ. Главнымъ требованіемъ ихъ было сверженіе жиро-

дистовъ и термидористовъ. Поэтому они въ своемъ манифестѣ призывали народъ къ возстанію противъ конвента и требовали, чтобы всѣ патріоты написали на своихъ шляпахъ слова: «хлѣба и конституціи 1793 года!»

20 мая поднялись голодныя массы въ предмѣстьяхъ. Уже въ пять часовъ утра раздались звуки набата, и вооруженныя толпы народа стали собираться на улицахъ и направляться къ конвенту. Якобинцы внутреннихъ частей города соединились съ рабочими изъ предмѣстій. Были даны сигнальные выстрѣлы изъ пушки. Почуявъ приближающуюся бурю, конвентъ велѣлъ вооруженнымъ секціямъ собраться. Секціи собирались медленно, да и «золотая молодежь», для которой конвентъ былъ недостаточно роялистиченъ, не проявляла сначала особеннаго усердія. Публика, сидѣвшая на галлереяхъ конвента и состоявшая по большей части изъ женщинъ, которыхъ раньше называли «*вязальщицами Робеспьера*», а теперь чаще насмѣшливо величали «*вдовами Робеспьера*», была разогнана стражей конвента. Но вскорѣ подошли повстанцы и ворвались въ залъ засѣданія, между тѣмъ какъ на улицахъ повсюду гудѣлъ набатъ. Среди патріотовъ было много женщинъ. Мужчины написали мѣломъ на своихъ шляпахъ слова: «Хлѣба и конституціи 1793 г.!» Двери конвента были разломаны, стража разогнана, и толпа проникла въ залъ засѣданій. Молодой депутатъ Феро бросился на встрѣчу толпѣ. Онъ былъ раненъ и брошенъ на полъ. Его смѣшали съ Фрерономъ, и кровожадный мясникъ Тинель отрѣзалъ ему голову и воткнулъ ее на пику, причемъ ему помогалъ одинъ негръ.

Блѣдный Буасси д'Англа сидѣлъ неподвижно на своемъ предсѣдательскомъ креслѣ, въ то время, какъ вокругъ него сверкало оружіе, и шумѣла толпа. Ему протянули воткнутую на пику голову Феро и онъ поклонился ей. Шумъ становился все болѣе ужаснымъ; толпа то прибывала, то убывала, и долго нельзя было ничего говорить и дѣлать. Толпа хотѣла силою заставить конвентъ принять требованія, выставленныя въ петиціи; якобинцы хотѣли повторить 31 мая. Послѣ продолжительной суматохи Роммъ, Гужонъ, Бурботтъ и другіе члены партіи Горы добились того, что конвентъ сталъ голосовать требованія повстанцевъ. На это ушло много драгоцѣннаго времени. Въ этотъ моментъ нельзя было знать, существуетъ ли еще какое нибудь правительство или нѣтъ. Многіе депутаты убѣжали изъ конвента. Оставшіеся сбились въ кучку и должны были голосовать. Всѣ пункты петиціи были приняты, и народъ сопровождалъ каждое отдѣльное голосованіе криками торжества и размахиваніями шапокъ. Комитеты, составлявшіе правительственную власть, были смѣщены, а на ихъ мѣсто избранъ исполнительный комитетъ съ диктаторскими полномочіями. Въ этотъ комитетъ вошли Бурботтъ, Пріёръ изъ Марны, Дюкенуа и Дюруа. Субрани былъ назначенъ начальникомъ вооруженныхъ силъ.

Народъ думалъ, что теперь реакціонный конвентъ побѣжденъ, и что власть снова перешла въ руки демократіи, подобно тому, какъ это было 31 мая. Но онъ ошибся, такъ какъ теперь положеніе вещей было совершенно иное. 31 мая 1793 года почти весь Парижъ взялся за оружіе для борьбы съ жирондистами, а теперь большая часть вооруженнаго населенія Парижа была на сторонѣ конвента. Массы торжествовали слишкомъ рано,

и никто не задумывался надъ тѣмъ, какъ отразить возможное нападеніе секцій и «золотой молодежи». Реакціонеры тоже полагали, что побѣда патріотовъ обезпечена, и кто-то изъ толпы хитро предложилъ отмѣнить смертную казнь, чтобы такимъ образомъ обезопасить головы реакціонеровъ. Около полуночи исполнительный комитетъ готовился взять въ свои руки управленіе страной и арестовать правительственные комитеты. Но было потеряно слишкомъ много времени: вооруженныя секціи уже подступали. Разгорѣлась дикая борьба, и подъ напоромъ отчаянно защищавшихся повстанцевъ національная гвардія должна была отступить. Но потомъ секціи получили подкрѣпленія и штыковой атакой очистили залъ. Повстанцы бѣжали и постарались собраться въ городской ратушѣ.

Теперь конвентъ, жаждая мести, набросился на депутатовъ изъ партіи Горы, выразившихъ свое сочувствіе повстанцамъ. Тринадцать депутатовъ были тотчасъ же арестованы, и среди нихъ члены исполнительнаго комитета Роммъ, Гужонъ и Субрани. Арестованъ была также старикъ Рюль. Всѣ принятые конвентомъ декреты были объявлены недѣйствительными, и протоколы сожжены; мотивировалось это тѣмъ, что шайка разбойниковъ насильно заставила конвентъ издать эти декреты. Конвентъ не зналъ теперь никакихъ границъ. Онъ постановилъ обезоружить предмѣстья, и въ декретѣ по этому поводу говорилось, что нельзя оставить оружіе въ рукахъ «кровожадныхъ убійцъ, разбойниковъ и агентовъ тиранніи, царившей передъ девятымъ термидора».

Но этотъ декретъ, а особенно его гнѣвный тонъ, снова поднялъ населеніе предмѣстій. Повстанцы отступили на слѣдующій день отъ зданія городской ратуши, въ которой они хотѣли образовать новый конвентъ, и ушли въ предмѣстья. Національная гвардія вступила въ Сентъ-Антуанское предмѣстье, но, увидѣвъ предъ собою многочисленную вооруженную силу, быстро ушла обратно. Повстанцы снова двинулись изъ предмѣстій къ конвенту. Въ залѣ засѣданій было слышно, какъ подъѣзжали орудія, и Лежандръ воскликнулъ съ актерскимъ паѳосомъ: «Мы должны остаться на своихъ мѣстахъ; самое худшее, что намъ грозитъ—это смерть!» Если бы теперь повстанцы произвели нападеніе, то побѣда осталась бы на ихъ сторонѣ, потому что охранявшая конвентъ національная гвардія была бы не въ силахъ отразить нападеніе. Битва казалась неизбѣжной. Тогда конвентъ прибѣгнулъ къ хитрости: онъ отправилъ къ повстанцамъ депутацію, обѣщавшую, что конвентъ позаботится о доставкѣ съѣстныхъ припасовъ. Повстанцы, не имѣвшіе опытнаго рѣшительнаго вождя, были настроены въ пользу мира. Рабочимъ, какъ мы знаемъ, давно уже надоѣли безпорядки и возстанія. Только голодъ поднялъ ихъ на борьбу съ конвентомъ. Конвентъ постановилъ снабжать бѣдную часть населенія съѣстными припасами и поручилъ особой коммиссіи представить въ четыре дня проектъ органическихъ законовъ къ конституціи 1793 года. Тогда рабочіе пришли къ заключенію, что главныя ихъ требованія исполнены; ихъ депутація, явившаяся въ конвентъ, получила самыя широкія обѣщанія; предсѣдатель конвента сталъ обнимать отдѣльныхъ членовъ депутаціи, и теперь рабочіе рѣшили, что все обстоитъ благополучно. Они слишкомъ быстро повѣрили обманчивымъ рѣчамъ реакціонеровъ. Увѣренные въ

своей побѣдѣ они гордо вернулись въ предмѣстья, оставивъ депутатовъ, помогавшихъ имъ наканунѣ, въ рукахъ жаждущихъ мести враговъ.

Вскорѣ они должны были почувствовать, какъ жестоко они ошиблись. Конвентъ ждалъ только прибытія призванныхъ имъ войскъ, чтобы напасть на предмѣстья. Явились сильные отряды пѣхоты и конницы; изъ сѣверной арміи пришло 3000 человѣкъ конницы. Была учреждена военная коммиссія для суда надъ арестованными участниками возстанія. Тинель, убившій Феро, былъ 22 мая приговоренъ къ смертной казни, но на пути къ мѣсту казни онъ былъ освобожденъ населеніемъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья. Когда Сентъ-Антуанское предмѣстье отказалось выдать свои пушки и Тинеля, то генералъ Мену съ 30.000 солдатъ окружилъ предмѣстье и пригрозилъ, что будетъ обстрѣливать его. Эта угроза возымѣла свое дѣйствіе. Сентъ-Антуанское предмѣстье выдало не только Тинеля, но и свое оружіе и пушки.

Тогда реакціонный конвентъ накинулся на всѣхъ неудобныхъ и непріятныхъ ему дѣятелей. Пашъ и Бушоттъ вмѣстѣ съ шестью своими товарищами были привлечены къ суду. Были арестованы многіе депутаты изъ партіи Горы и почти всѣ члены старыхъ комитетовъ. Реакція надвигалась съ такою быстротой, что старикъ Рюль, потерявъ всякую надежду на освобожденіе, покончилъ въ тюрьмѣ самоубійствомъ. Этотъ Рюль нѣкогда отличился тѣмъ, что въ качествѣ коммиссара конвента всенародно разбилъ въ Реймсѣ знаменитый сосудъ съ масломъ, употреблявшійся постоянно при коронованіи французскихъ королей; про этотъ сосудъ существовало преданіе, будто его принесъ съ неба голубь при помазаніи Хлодвига на царство. Когда потомъ этотъ сосудъ попадсбился для Людовика, онъ вдругъ снова оказался на своемъ мѣстѣ.

Конвентъ поручилъ составить докладъ о всѣхъ якобинскихъ коммиссарахъ. 17 іюня военная коммиссія занялась дѣломъ Гужона, Ромма, Дюруа, Дюкенуа, Субрани и Бурботта. Никто изъ нихъ не принималъ дѣятельнаго участія въ безпорядкахъ; но 20 мая они въ конвентѣ говорили въ пользу повстанцевъ, и военная коммиссія присудила ихъ къ смерти. Всѣ они выдвинулись въ бурную эпоху революціи; они давно были готовы къ смерти и умерли теперь съ мужествомъ античныхъ героевъ. Послѣ объявленія имъ смертнаго приговора, они должны были отправиться на мѣсто казни. Тогда Роммъ вынулъ кинжалъ и вонзилъ его себѣ въ сердце. Умирая, онъ передалъ оружіе Гужону, который тоже закололъ себя и передалъ кинжалъ Дюкенуа. Такъ кинжалъ обошелъ всѣхъ осужденныхъ, но только трое изъ нихъ, а именно—Роммъ, Гужонъ и Дюкенуа сразу умерли. Остальные три—Дюруа, Бурботтъ и Субрани упали, обливаясь кровью; хотя раны ихъ были смертельныя, тѣмъ не менѣе ихъ отправили на эшафотъ и тамъ казнили. Эта трагическая смерть шести молодыхъ, съ воодушевленіемъ боровшихся за свободу членовъ партіи Горы страшно взволновала всѣхъ, и французы отнеслись съ такимъ же отвращеніемъ къ реакціонному терроризму конвента, съ какимъ они относились къ массовымъ убійствамъ во времена Робеспьера.

Съ этого времени рабочіе стали относиться равнодушно къ ходу дѣлъ во Франціи. Они уже больше не волновались при видѣ того, какъ выростали новыя правительства и свергались старыя. И этотъ моментъ былъ началомъ

конца освободительнаго движенія того времени. Буржуазія упрочила свое господство и стала отнынѣ бороться за всевозможные интересы, но только не за свободу и благоденствіе всего народа.

Реакція въ провинціи.

Низверженіе демократіи въ Парижѣ дало себя чувствовать въ провинціи еще передъ послѣднимъ возстаніемъ предмѣстій. Вандея и Бретань вплоть до весны не складывали еще оружія, хотя въ этихъ опустошенныхъ областяхъ война носила теперь только партизанскій характеръ. На югѣ и востокѣ Франціи реакція распространилась съ поразительной быстротой. У пылкихъ южанъ въ бурныя времена страсти разыгрываются съ особенной силой. Подобно тому, какъ раньше марсельская и авиньонская молодежь безстрашно ринулась въ бурю революціи, такъ и теперь населеніе юго-востока слѣпо дало себя увлечь въ водоворотъ реакціи. Священники, отказавшіеся дать присягу, и дворяне-эмигранты вели здѣсь свои интриги и агитацію. Правда, имъ было подъ страхомъ смерти запрещено вступать на французскую территорію, и вначалѣ они должны были вести свою пропаганду изъ Швейцаріи. Но послѣ паденія якобинцевъ они стали болѣе смѣлы и часто отваживались переходить черезъ границу: они знали, что возбужденное противъ якобинцевъ населеніе защититъ и охранитъ ихъ. Какъ извѣстно, многіе коммиссары конвента отличались чрезвычайной строгостью при подавленіи роялистскихъ и федералистическихъ возстаній. Теперь открывалась возможность мстить за это. Но терроръ реакціи носилъ гораздо болѣе жестокій характеръ, чѣмъ терроръ революціи. Вѣдь какъ бы то ни было, революціонный терроръ былъ большей частью облеченъ въ извѣстныя судебныя и правовыя формы, а реакціонный терроръ массами убивалъ людей безъ соблюденія какихъ бы то ни было формальностей. Отказавшіеся дать присягу священники всѣми средствами возбуждали въ народѣ фанатическую ненависть къ якобинцамъ. Они просто призывали уничтожать огнемъ и мечомъ «безбожныхъ» террористовъ. Подъ террористами подразумѣвались всѣ сторонники Робеспьера и системы ужаса, всѣ тѣ лица, которыя поддерживали революціонныя учрежденія, революціонные комитеты и коммиссаровъ. Теперь террористы стали подвергаться такимъ же преслѣдованіямъ, какимъ во время революціи подвергались аристократы. Священники основывали такъ называемыя общества *Іисуса или Солнца*, ставившія себѣ главной цѣлью преслѣдованіе якобинцевъ и террористовъ. Къ тому же, священники объявляли конфискацію церковныхъ имуществъ святотатствомъ, а религіозные акты конституціонныхъ священниковъ недѣйствительными. Вскорѣ эти общества Іисуса или Солнца сильно размножились и такъ возбудили населеніе, что ни одинъ изъ болѣе или менѣе извѣстныхъ якобинцевъ не могъ показываться на улицахъ, не рискуя при этомъ своей жизнью. Многіе якобинцы были заключены въ тюрьму, и такъ какъ администрація собиралась вести противъ нихъ судебные процессы съ соблюденіемъ формальностей, то общества Солнца боялись, какъ бы ихъ не оправдали. 5 мая 1795 года въ

Колло д'Эрбуа полицейскую службу. Натравленные священниками члены общества Солнца вошли толпой въ залъ судебнаго засѣданія и потребовали смерти обвиняемаго. Когда судьи захотѣли судить его съ соблюденіемъ формальностей, толпа убила обвиняемаго. Затѣмъ она взяла штурмомъ тюрьму и убила безъ всякаго слѣдствія 97 человѣкъ, арестованныхъ по подозрѣнію въ принадлежности къ приверженцамъ террора. Священники въ облаченіи присутствовали при томъ, какъ арестованныхъ убивали саблями и топорами. Никакихъ слѣдствій, никакихъ допросовъ тутъ не было. Многіе исполнители этого реакціоннаго «народнаго суда» имѣли при себѣ четки. Въ Ліонѣ достаточно было окликнуть кого-нибудь словомъ: «Mathavon», чтобы этого человѣка бросили въ Рону, какъ террориста. Ареной сентябрьскихъ убійствъ 1792 года былъ почти одинъ только Парижъ. А теперь такія убійства происходили чуть ли не на всемъ югѣ. Въ Эксѣ 11 мая на глазахъ у коммиссара конвента Шамбона было убито 30 арестованныхъ. Повсюду на якобинцевъ устраивались настоящія облавы. Въ Тарасконѣ палачи въ маскахъ втаскивали свои жертвы на высокую башню и бросали ихъ оттуда на прибрежные утесы. Въ Тулонѣ якобинцы подняли 17 мая возстаніе; они собрали отрядъ въ 3.000 человѣкъ и смѣло двинулись противъ приближающихся солдатъ конвента. Но конвентскія войска были втрое сильнѣе, и повстанцы послѣ упорнаго сопротивленія потерпѣли пораженіе. Такъ окончилась неудачей эта попытка оказать сопротивленіе реакціи на югѣ. Въ то же время въ Марсели общество Солнца частью разстрѣляло картечью, частью заживо сожгло 200 арестованныхъ террористовъ, заключенныхъ въ фортѣ Сенъ-Жанъ. Власти вмѣшались въ дѣло поздно, и арестованные убійцы были вновь освобождены. Много крови было пролито также въ Авиньонѣ и еще нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Кровожадные преслѣдователи демократовъ безпрепятственно набрасывались на свои жертвы: зачинщики убійствъ 1795 года на югѣ Франціи даже не были привлечены къ отвѣтственности.

Базельскій міръ.

Несмотря на всѣ раздиравшія Францію неурядицы, созданная Питтомъ великая коалиція не имѣла никакого успѣха. Если военное счастье и измѣняло иногда французамъ, то все же ни одного солдата коалиціи не было на французской почвѣ. Даже въ періоды самыхъ жестокихъ партійныхъ распрей республика проявляла поразительную энергію и настойчивость на полѣ битвы. Геніальный Карно руководилъ движеніями войскъ, придавъ имъ характеръ цѣльнаго и могучаго организма.

Война утомила нѣкоторыхъ участниковъ коалиціи. Великій герцогъ Тосканскій Фердинандъ III сталъ бояться за свой тронъ, увидѣвъ, что французы побѣдоносно перешли Альпы. Его страхъ потерять престолъ былъ сильнѣе его ненависти къ Франціи, и онъ поэтому рѣшилъ вступить съ республикой въ переговоры о мирѣ. Онъ послалъ въ Парижъ генерала Карлетти, и тотъ заключилъ съ Франціей договоръ, по которому Тоскана обя-

зывалась уплатить милліонъ франковъ военной контрибуціи. Представитель Тосканы очень легко столковался съ реакціоннымъ конвентомъ, тогда какъ годъ тому назадъ такое соглашеніе врядъ ли было бы возможно. Кромѣ того этотъ фактъ льстилъ тщеславію термидористовъ, которые тутъ могли выступать въ роли государственныхъ дѣятелей.

Тѣмъ временемъ Пишегрю завоевалъ Голландію. Онъ завладѣлъ островомъ Боммелемъ и въ январѣ напалъ на англійскую армію, которую и заставилъ послѣ нѣсколькихъ стычекъ отступить. Наступили страшные холода, рѣки и болота замерзли и не могли уже больше служить защитой. Англійская армія, постоянно преслѣдуемая Пишегрю, оказалась въ ужасномъ положеніи и была очень довольна, когда ей удалось кое-какъ достигнуть германской границы. Голландскіе патріоты восторженно привѣтствовали французовъ, а штатгалтеръ Вильгельмъ V бѣжалъ въ Англію, такъ какъ онъ понялъ, что ему нечего разсчитывать на любовь своего народа. Голландскій флотъ долженъ былъ послѣдовать за нимъ; но дѣло затянулось, и благодаря этому здѣсь совершилось неслыханное событіе: военный флотъ былъ взятъ кавалеріей. Суда были затерты льдомъ, и, когда нѣсколько эскадроновъ французскихъ гусаровъ появилось на льду, они сдались.

Голландскіе патріоты оказывали французамъ всякое содѣйствіе; поэтому побѣдители отнеслись къ Голландіи не какъ къ завоеванной, а какъ къ союзной странѣ. 16 мая была учреждена *батавская республика*. Потеря Голландіи была очень чувствительной для коалиціи и немало содѣйствовала ея распаденію.

Война надоѣла также и прусскому королю Фридриху-Вильгельму II. Ему гораздо больше нравились удовольствія придворной жизни, чѣмъ тяжелый и опасный походъ противъ французовъ. Побѣды французовъ возбудили у прусскаго монарха опасеніе, что если французы вступятъ побѣдителями въ Германію, то они могутъ жестоко отплатить за нападеніе 1792 года. Денегъ у него было тоже не особенно много такъ какъ его кассу опустошили, какъ война, такъ и придворные фавориты. Субсидіи Англіи были недостаточны. Отъ Австріи нельзя было получить ни гроша, такъ какъ ея собственная касса была совершенно пуста. Австріи предложили, чтобы она платила Пруссіи за участіе въ коалиціи ежегодно тридцать милліоновъ талеровъ и дала ей въ видѣ залога австрійскую Силезію. Но Австрія не согласилась на это предложеніе. Кромѣ того, Пруссія, послѣ подавленія польской революціи въ предыдущемъ году, боялась конфликта съ Россіей изъ-за раздѣла несчастной Польши, а дружба съ Австріей была очень ненадежна. Каждая изъ этихъ державъ подозрѣвала другую въ томъ, что та хочетъ заключить съ французской республикой выгодный для себя миръ. Вслѣдствіе всего этого начались мирные переговоры, которые велись главнымъ образомъ въ Базелѣ прусскимъ повѣреннымъ Гольтцемъ и французскимъ посланникомъ въ Швейцаріи Бартелеми. Уже въ январѣ прусскій секретарь Гарнье пріѣхалъ въ Парижъ, чтобы вести переговоры непосредственно съ комитетомъ благоденствія. Прусскій дипломатъ, конечно, сумѣлъ очень хорошо поладить съ термидористами; говорилось даже о союзѣ между Франціей и Пруссіей. Но до этого дѣло не дошло. 5 апрѣля былъ заключенъ от-

дѣльный мирный договоръ между Франціей и Пруссіей. Пруссія оставила свои владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна во власти Франціи до общаго мира, заключенію котораго долженъ былъ содѣйствовать прусскій король. Тайная статья мирнаго договора установляла, что если Германская имперія согласится на передачу лѣваго берега Рейна республикѣ, то прусскій король получитъ территоріальное вознагражденіе за свои земли на этомъ берегу; конечно, при этомъ имѣлась въ виду одна изъ германскихъ же областей. Это замѣчательное соглашеніе могло осуществиться, разумѣется, на счетъ Австріи. 17 мая была объявлена демаркаціонная линія, которая проходила отъ восточной Фрисландіи до Майна и Кохера и опредѣляла будущую нейтральную область. Относительно Ганновера, принадлежавшаго тогда Англіи, возникли нѣкоторыя затрудненія, и прусскіе государственные дѣятели были не прочь разрѣшить это затрудненіе присоединеніемъ Ганновера къ Пруссіи. Но Пруссія должна была ждать еще семьдесятъ лѣтъ, пока Ганноверъ былъ навсегда присоединенъ къ ней.

Послѣ выхода Пруссіи изъ коалиціи оказалось возможнымъ заключить миръ съ Испаніей. Правда, мирные переговоры были еще разъ прерваны, такъ какъ испанскій кабинетъ поставилъ основнымъ условіемъ мира съ Франціей возстановленіе королевской власти на основѣ конституціи 1791 года и освобожденіе сидѣвшаго въ Тамплѣ сына Людовика XVI. Тѣмъ временемъ молодой Капетъ умеръ, что дало реакціонерамъ поводъ обвинить республиканцевъ въ убійствѣ его. Между тѣмъ французы одерживали въ Испаніи все новыя и новыя побѣды. Монсе, командовавшій западной пиренейской арміей, разбилъ 6 іюля испанцевъ при Ормеѣ и занялъ Бильбао. Командиръ восточной пиренейской арміи Шереръ, несмотря на жалкое состояніе своего войска, также одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ испанцами, взялъ крѣпостъ Фигуэрасъ съ большими военными запасами и двинулся на Мадридъ. «Князь-Миротворецъ» Годой, который, благодаря своей любовной связи съ королевой, сталъ временщикомъ и управлялъ Испаніей, очень боялся, чтобы вступленіе французовъ въ Испанію не вызвало въ странѣ демократическаго движенія. Между воюющими державами состоялось соглашеніе: Франція получила испанскія владѣнія на островѣ Гаити, но зато отказалась отъ всѣхъ земель, завоеванныхъ ею на Пиренейскомъ полуостровѣ. 22 іюля въ Базелѣ былъ заключенъ миръ.

Тѣмъ временемъ декретъ конвента объ амнистіи возымѣлъ свое дѣйствіе въ Вандеѣ; инсургенты временно покорились, потому что они были совершенно обезсилены. Вожди возставшихъ враждовали между собой. Ларошъ-Жакеленъ былъ убитъ въ одной стычкѣ; Стофле и Шареттъ поссорились другъ съ другомъ послѣ того, какъ Шареттъ получилъ отъ графа Прованскаго титулъ генералъ-лейтенанта, что Стофле считалъ обидой для себя. Въ Вандеѣ республиканскими войсками командовалъ Канкло, а въ Бретани—Гошъ. Оба эти генерала вели умную тактику примиренія. Къ тому времени въ Вандеѣ возстаніе было уже очень слабо; въ Бретани же маркизъ де-Пюизе и любитель приключеній Корматенъ организовали энергичную партизанскую войну, подъ названіемъ «шуанеріи» (Chouannerie), причемъ шуаны дѣйствовали, какъ разбойники. Шареттъ и Стофле покорились,

чтобы дать Вандеѣ время оправиться, и заключили съ республикой миръ однако лишь затѣмъ, чтобы при первой возможности снова возстать противъ нея.

Такимъ образомъ, конвентъ одержалъ побѣду надъ своими внутренними врагами и въ то же время разстроилъ коалицію Питта, которая теперь состояла уже только изъ Англіи, Австріи, Португаліи, Сардиніи и Неаполя, Франція вышла побѣдительницей изъ борьбы съ иностранными державами. Но термидористы не умѣли, да и не желали какъ слѣдуетъ использовать эти успѣхи. Преслѣдованіе террористовъ и обогащеніе на счетъ государства совершенно поглотило этихъ людей.

Эмигранты.

Термидористы и соединившіеся съ ними жирондисты полагали, что теперь насталъ тотъ моментъ, которымъ можно воспользоваться для окончательной ликвидаціи революціи и для переустройства государства и общества по своему вкусу. Якобинцы были низвержены и ежедневно подвергались кровавымъ преслѣдованіямъ; предмѣстья Парижа были обезоружены и изнывали подъ гнетомъ тяжелой нужды; буржуазная аристократія достигла полнаго господства. Конвентъ просто положилъ подъ сукно конституцію 1793 года и назначилъ коммиссію изъ одиннадцати членовъ, которая должна была выработать новую конституцію.

Тѣмъ временемъ въ республиканскомъ Парижѣ роялистскіе элементы стали все сильнѣе и сильнѣе подымать свой голосъ. Правая конвента даже не старалась скрывать, что она желаетъ возстановленія монархіи. Роялизмъ съ поразительной быстротой распространился въ зажиточныхъ кварталахъ города. Многіе эмигранты осмѣлились даже вернуться во Францію. Госпожа Сталь, значеніе которой такъ часто преувеличивается въ исторіи, снова открыла свой салонъ, гдѣ собирались реакціонеры всякаго рода. «Золотая молодежь» открыто выступила за монархію, и вскорѣ въ Парижѣ возродилась роялистская пресса. Можно было подумать, что въ Сенъ-Жерменѣ снова воскресла аристократія старой Франціи. Не прошло еще и года послѣ низверженія Робеспьера, и тотъ самый Парижъ, который такъ долго былъ центромъ революціи и душою республики, теперь, казалось, весь былъ проникнутъ желаніемъ возстановить монархію.

Молодой Капетъ, котораго роялисты называли Людовикомъ XVII, тѣмъ временемъ умеръ въ Тамплѣ. Сапожникъ Симонъ, на попеченіе котораго былъ отданъ сначала мальчикъ, очень жестоко обращался съ бывшимъ наслѣдникомъ престола; послѣ казни Симона, который погибъ на эшафотѣ девятаго термидора вмѣстѣ съ Робеспьеромъ, молодой Капетъ содержался подъ арестомъ, такъ какъ правители республики боялись, что если похитятъ мальчика, то это можетъ усилить роялистское движеніе. Мы не можемъ рѣшить, вѣрны ли тѣ ужасающіе разсказы объ обращеніи съ ребенкомъ, которые распространяютъ роялистскіе историки; поэтому мы оставимъ этотъ вопросъ открытымъ. Но несомнѣнно, что за молодымъ Капе-

томъ, который раньше страдалъ англійскою болѣзнью, долгое время былъ очень плохой уходъ. Однако, здѣсь не можетъ быть и рѣчи о «медленномъ убійствѣ». Какъ бы то ни было, молодой Капетъ умеръ 8-го іюня 1795 года, и предположеніе, что язвы, покрывавшія его тѣло, были слѣдствіемъ англійской болѣзни, кажется намъ теперь наиболѣе правдоподобнымъ. Какъ извѣстно, впослѣдствіи появилось много самозванцевъ, выдававшихъ себя за прежняго наслѣдника престола, и встрѣчавшихъ довѣріе среди роялистовъ. Всѣ эти самозванцы утверждали, что наслѣдникъ престола былъ похищенъ изъ тюрьмы и подмѣненъ другимъ ребенкомъ. Тщательныя разслѣдованія показали, что Людовикъ, сынъ Людовика XVI и Маріи Антуанетты, дѣйствительно умеръ въ Тамплѣ 8-го іюня 1793 года. Особенно настойчиво выдавалъ себя за наслѣдника престола часовщикъ Наундорфъ изъ Пруссіи; многіе вѣрили ему, и онъ жилъ этимъ обманомъ. Его потомки до сихъ поръ утверждаютъ, что они происходятъ отъ Людовика XVII.

Послѣ смерти маленькаго Капета графъ Прованскій сталъ называть себя Людовикомъ XVIII, а его братъ, графъ д'Артуа, принялъ титулъ Monsieur. Графъ Прованскій остался въ Веронѣ. Но графъ д'Артуа, находившійся въ Англіи, нашелъ настоящій моментъ подходящимъ для вторженія эмигрантовъ во Францію. Въ его рукахъ были всѣ необходимыя для этого связи съ Бретанью и Вандеей. Особенно энергичную дѣятельность проявлялъ Пюизе, который старался подготовить возстаніе въ этихъ опустошенныхъ войною провинціяхъ. Шаретъ и Стофле объявили себя готовыми по первому знаку начать враждебныя дѣйствія противъ республики.

Масса эмигрантовъ собралась въ Англіи, куда ихъ созвалъ графъ д'Артуа; англійское правительство вызвалось помочь предпріятію деньгами, военными кораблями и оружіемъ. Надѣялся ли Питтъ дѣйствительно на успѣхъ этого предпріятія? Онъ такъ ненавидѣлъ республику и революцію, что виды на успѣхъ казались ему лучшими, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ. Планъ былъ таковъ: хотѣли пристать къ западному берегу Франціи, высадить на сушу эмигрантовъ и проникнуть внутрь страны для соединенія съ военными силами Шаретта, Стафле и Корматена. Однако, вышло иначе, чѣмъ предполагали.

Въ Англіи эмигранты обучились военному искусству и сорганизовались. Сначала ихъ было около 1,500 человѣкъ, потомъ къ нимъ присоединились 3,000 плѣнныхъ солдатъ французской республики, которыхъ одѣли въ англійскую военную форму, снабдили бѣлой кокардой и распредѣлили по батальонамъ эмигрантовъ. Нужно было имѣть очень превратное представленіе о положеніи вещей во Франціи, чтобы надѣяться на то, что эти насильно переодѣтые республиканскіе солдаты будутъ бороться во Франціи подъ роялистскимъ знаменемъ.

Графъ д'Эрвильи и Пюизе начальствовали надъ войскомъ, которое отправлялось во Францію на англійскихъ корабляхъ подъ командой адмирала Уорена. Флотъ везъ провіантъ, достаточный для прокормленія 6.000 человѣкъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, 17,000 мундировъ для пѣхоты, 4,000 мундировъ для кавалеріи, 27,000 ружей, 10 пушекъ и 600 бочекъ пороха. Въ военной кассѣ эмигрантовъ было 10,000 луидоровъ.

Англійскій флотъ вышелъ въ море; 23 іюня онъ имѣлъ стычку съ французскими кораблями, которые были имъ отброшены, и пристalъ 25 іюня къ полуострову Киберону, находящемуся на западномъ берегу Бретани. Въ Вандеѣ и Бретани заволновались роялистически настроенные крестьяне; въ одномъ только Морбіанѣ стояло подъ ружьемъ около 10,000 человѣкъ. Они соединились съ эмигрантами и дошли до Ванна. Правда, вожди роялистовъ не ладили другъ съ другомъ, но вначалѣ, казалось, все благопріятствовало имъ. Гошъ, командовавшій здѣсь республиканскими войсками, не былъ подготовленъ къ такому сильному и внезапному нападенію непріятеля и не сосредоточилъ своихъ войскъ въ одномъ мѣстѣ. Эмигранты, двинувшись съ Киберона, взяли приступомъ фортъ Пантьевръ, который лежалъ на узкомъ перешейкѣ, соединяющемъ Киберонъ съ материкомъ.

Но въ это время Гошъ успѣлъ стянуть свои войска, напалъ на бретанскихъ шуановъ, которые тщетно ожидали помощи отъ эмигрантовъ, и разбилъ ихъ на голозу. Эмигранты, получившіе тѣмъ временемъ подкрѣпленія изъ Англіи, оставались на полуостровѣ Киберонѣ, такъ какъ ихъ вожди никакъ не могли столковаться насчетъ плана нападенія. Вскорѣ они столкнулись лицомъ къ лицу съ Гошемъ, который теперь имѣлъ въ своемъ распоряженіи около 15,000 войска; прибыли также коммиссары конвента Талльянъ и Бладъ, снабженные чрезвычайными полномочіями. Занявъ позицію у Сенъ-Барба, Гошъ отрѣзалъ находившихся на Киберонѣ эмигрантовъ отъ материка. 16 іюня эмигранты подъ начальствомъ Эрвильи смѣло двинулись съ полуострова, но были разбиты Гошемъ и должны были снова вернуться на свой роковой полуостровъ. Этимъ положеніе эмигрантовъ значительно ухудшилось, такъ какъ полчища возставшихъ крестьянъ были тѣмъ временемъ разбиты и разсѣяны.

Между тѣмъ Гошъ напалъ ночью на фортъ Пантьевръ, служившій защитой полуострову, и взялъ его приступомъ. Республиканскіе солдаты, которыхъ въ Англіи принудили стать въ ряды эмигрантскихъ батальоновъ, не мало способствовали успѣху этого приступа и массами переходили къ Гошу. На утро эмигранты увидѣли, что на фортѣ развѣвается трехцвѣтное знамя, и поняли, что они погибли. Они отступили на край полуострова, а графъ Сомбрёль, только что прибывшій изъ Англіи, пытался оказать послѣднее сопротивленіе республиканскимъ войскамъ. Англійскія военныя суда помогали имъ, обстрѣливая изъ пушекъ полуостровъ. Гошъ двинулся впередъ не сразу, и полагаютъ, что онъ, по мягкости своего характера, хотѣлъ дать эмигрантамъ время спастись на англійскіе корабли. Но англійскія шлюпки пришли слишкомъ поздно, и нельзя было въ короткое время размѣстить въ нихъ тысячи людей, толпившихся на полуостровѣ. Когда же республиканцы вышли, наконецъ, изъ завоеваннаго форта и двинулись на полуостровъ, эмигранты пришли въ ужасъ. Они такъ дико бросались къ шлюпкамъ, что нерѣдко англійскіе матросы должны были разгонять ихъ ударами сабель. Только очень небольшая часть эмигрантовъ могла помѣститься въ шлюпкахъ; Пюизе, очень дорожившій жизнью, бѣжалъ однимъ изъ первыхъ. Сомбрёль, наоборотъ, былъ взятъ въ плѣнъ

вмѣстѣ съ 1,000 эмигрантовъ, 3,000 шуановъ и съ 1,600 прежнихъ республиканскихъ солдатъ.

Послѣ того, какъ англійскій флотъ скрылся, Гошъ со своими войсками отступилъ. Коммиссары конвента Талльянъ и Бладъ должны были наказать арестованныхъ. Въ это время Талльяна подозрѣвали въ тайныхъ сношеніяхъ съ роялистами; онъ воспользовался теперь случаемъ, чтобы показать себя ярымъ республиканцемъ, и въ рѣзкой рѣчи требовалъ, чтобъ взятые въ плѣнъ понесли наказаніе, полагающееся по закону. По закону же они должны были быть приговорены къ смертной казни. Въ Орэ былъ учрежденъ военный судъ, и около 600 плѣнныхъ были осуждены и разстрѣляны.

Попытка роялистовъ свергнуть республику съ помощью Англіи не увѣнчалась успѣхомъ. Тогда роялисты снова принялись за свои интриги въ Парижѣ, гдѣ конвентъ какъ разъ обсуждалъ новую конституцію. Они такъ дѣятельно вели агитацію въ парижскихъ секціяхъ, что вскорѣ всѣ они, за исключеніемъ очень немногихъ, перешли въ лагерь роялистовъ.

Новая конституція.

Конституція, выработанная реакціоннымъ конвентомъ, не носила уже демократическаго характера, хотя и называлась республиканской. Были введены косвенные выборы; избиратели выбирали выборщиковъ, а выборщики—народныхъ представителей. Выборщикомъ могъ быть лишь тотъ, кто, владѣлъ извѣстнымъ имуществомъ и могъ представить доказательства, что онъ регулярно платилъ подати; избирателемъ же былъ каждый гражданинъ, достигшій 21 года. Народнымъ представителемъ могло быть лицо, достигшее извѣстнаго возраста и обладавшее извѣстнымъ состояніемъ. Новая конституція снова вводила двухпалатную систему. Такимъ образомъ даже конституція 1791 года была демократичнѣе, такъ какъ она установляла одну палату. Народное представительство должно было состоять изъ двухъ корпорацій, а именно: изъ совѣта пятисотъ и совѣта старѣйшинъ (Conseil des anciens). Члены совѣта пятисотъ должны были быть не моложе тридцати лѣтъ; ежегодно треть этого совѣта обновлялась. Совѣтъ пятисотъ предлагалъ законы, которые вступали въ силу лишь по утвержденіи ихъ совѣтомъ старѣйшинъ. Совѣтъ старѣйшинъ состоялъ изъ 250 членовъ; треть его тоже должна была ежегодно обновляться. Его членами могли быть лица не моложе сорока лѣтъ, и притомъ они должны были быть женатыми или вдовцами. Совѣтъ старѣйшинъ могъ по своему усмотрѣнію налагать вето на постановленія совѣта пятисотъ, и этимъ безсмысленность двухпалатной системы доведена была до крайности. Правительственная власть находилась въ рукахъ директоріи, состоявшей изъ пяти членовъ и отвѣтственной передъ народнымъ представительствомъ. Ежегодно долженъ былъ выходить въ отставку одинъ изъ директоровъ, и онъ не могъ быть избранъ вторично. Отдѣльныя отрасли управленія находились въ рукахъ министровъ. Эта конституція, казалось, была создана для того, чтобы вызывать возможно больше конфликтовъ, потому что въ этомъ сложномъ и

запутанномъ правительственномъ механизмѣ были неизбѣжны постоянныя затрудненія и противорѣчія. Правда, конституція была прикрашена деклараціей правъ человѣка, но это звучало только насмѣшкой, такъ какъ хотя и признавалась свобода печати и совѣсти, но зато было отмѣнено одно изъ важнѣйшихъ правъ народа, а именно: право собраній; эта конституція запрещала всѣ народныя общества, устраивавшія публичныя засѣданія, имѣвшія трибуну или бюро.

Кромѣ того было постановлено, что оба совѣта могутъ сами выбирать мѣсто своихъ засѣданій, и что законъ можетъ вступить въ силу только послѣ того, какъ онъ будетъ принятъ въ трехъ чтеніяхъ, но въ экстренныхъ случаяхъ совѣту старѣйшинъ разрѣшалось дѣлать исключенія изъ этого правила.

Конвентъ далъ, такимъ образомъ, роялистамъ перехитрить себя. Выработанная имъ конституція была не демократична и снова дѣлала народную массу политически безправной, допустивъ къ участію въ законодательствѣ и управленіи только состоятельные классы населенія. Авторомъ этой конституціи былъ, главнымъ образомъ, Дону, который и дѣлалъ въ конвентѣ докладъ о ней; этотъ господинъ полагалъ, что онъ осчастливилъ отечество своими необычайно умными и глубокими идеями. Но онъ скоро долженъ былъ разочароваться. Преслѣдованіе якобинцевъ и террористовъ совершенно сломило демократію. Отсюда само собою вытекало, что новое народное представительство будетъ состоять исключительно изъ реакціонеровъ.

Конвентъ вдругъ съ ужасомъ оглянулся на создавшееся положеніе вещей и почувствовалъ, что новая конституція или повлечетъ за собой монархію, или вызоветъ новую гражданскую войну. Между выскочками революціи было много лицъ, боявшихся возстановленія монархіи; стоявшая у власти буржуазія не хотѣла, чтобы бразды правленія были вырваны изъ ея рукъ. Конвентъ увидѣлъ, что реакція слишкомъ высоко поднимаетъ голову, и что онъ самъ расшаталъ почву подъ своими ногами. Но онъ не могъ рѣшиться провалить новую конституцію послѣ того, какъ уже разъ принялъ ее, и она была окончательно утверждена подъ именемъ конституціи III года республики.

Колеблясь между страхомъ и надеждой, конвентъ придумалъ очень странный выходъ: онъ постарался обезпечить себѣ на ближайшее время большинство въ совѣтахъ. Поэтому, наряду съ конституціей были изданы два новыхъ декрета. Первый изъ нихъ устанавливалъ, что двѣ трети совѣта пятисотъ и совѣта старѣйшинъ должны состоять изъ членовъ конвента; второй же декретъ говорилъ о томъ, что эти двѣ трети должны быть избраны не избирателями, а самимъ конвентомъ. Такимъ образомъ конвентъ могъ исключить изъ новаго народнаго представительства нежелательные для него остатки партіи Горы и получить въ совѣтахъ желательное большинство.

Конституція III года и оба декрета были переданы на утвержденіе первичныхъ собраній. Конвентъ разсчитывалъ, что они будутъ приняты, и не ошибся, такъ какъ народная масса была еще достаточно демократична для того, чтобы, гдѣ это возможно, оказывать сопротивленіе реакціи. Правда съ точки зрѣнія демократическихъ принциповъ, народъ долженъ былъ бы голосовать противъ этой конституціи: совершенно не въ его интересахъ

было гарантировать реакціонному конвенту господство еще на нѣкоторое время. Но тутъ приходилось изъ двухъ золъ выбирать меньшее. что народъ и сдѣлалъ.

Конституція была почти единогласно принята французскимъ народомъ, такъ какъ роялисты тоже голосовали за нее: вѣдь эта конституція открывала имъ широкія перспективы! Но и декреты о большинствѣ двухъ третей, несмотря на то, что роялисты прилагали всѣ усилія къ тому. чтобы провалить ихъ, тоже были приняты. Роялисты упрекали конвентъ въ томъ, что онъ нарушаетъ права народа, хотя на самомъ дѣлѣ ихъ это не особенно безпокоило. «Золотая молодежь». которая была теперь роялистична и не скрывала своего враждебнаго отношенія къ конвенту, толпилась на улицѣ и кричила: «Долой двѣ трети!» Въ Парижѣ только одна секція, а именно секція Quinze-Vingts, приняла декреты; во всѣхъ же остальныхъ секціяхъ они были отвергнуты, и роялисты при этомъ держали себя такъ нахально, что совѣтовали всѣмъ патріотамъ не являться на собранія избирателей, а тѣхъ. кто все таки приходилъ туда, они просто выгоняли.

Когда 22 сентября конвентъ объявилъ о принятіи французскимъ народомъ конституціи и обоихъ декретовъ, роялисты сильно заволновались. Они надѣялись, что при помощи конституціи имъ удастся возстановить монархію, а теперь большинство въ двѣ трети исключало эту возможность. Поэтому они рѣшились на вооруженное возстаніе.

Такимъ образомъ, появленіе на свѣтъ этой несчастной конституціи повлекло за собой гражданскую войну. Черезъ годъ и три мѣсяца послѣ паденія терроризма въ Парижѣ произошло вооруженное возстаніе роялистовъ противъ конвента: до того быстро усиливалась реакція.

Рабочіе предмѣстій оставались спокойными. хотя и они должны были чувствовать приближеніе грозы. Они не ждали ничего ни отъ роялистовъ, ни отъ конвента, который не облегчилъ ихъ бѣдствій и обезоружилъ ихъ. Они равнодушно смотрѣли на исходъ борьбы.

Возстаніе роялистовъ.

Къ этому времени прибыло въ Парижъ—частью тайно, частью открыто—много эмигрантовъ, такъ какъ они видѣли, что вооруженное столкновеніе роялистовъ съ республиканцами стало неизбѣжнымъ. Секціи выбирали изъ двоянъ руководителей для предстоящей борьбы. Организаторомъ роялистскаго возстанія противъ конвента былъ нѣкій Леметръ.

Когда конвентъ назначилъ на 2 и 12 октября выборы двухъ третей въ совѣты, Парижъ заволновался. «Золотая молодежь» вступила въ стычки съ вооруженной силой конвента. Конвентъ издалъ рядъ энергичныхъ декретовъ противъ роялистовъ и отмѣнилъ законъ о подозрительныхъ лицахъ, такъ какъ этотъ законъ давалъ широкій просторъ дѣйствіямъ роялистически настроенныхъ городскихъ властей. Вражда между партіями разгоралась все сильнѣе и сильнѣе, и «золотая молодежь» не старалась скрывать своего намѣренія разогнать конвентъ и возстановить монархію. Такимъ образомъ,

на конвентъ нападали тѣ самые люди, которые полгода тому назадъ, при возстаніи предмѣстій, помогали ему.

Задолго до дня выборовъ четыре секціи собрали своихъ выборщиковъ и рѣшили охранять ихъ вооруженной силой. Конвентъ запретилъ собранія выборщиковъ до дня выборовъ, но его декретъ былъ встрѣченъ насмѣшками и свистками. Тогда конвентъ сталъ тоже готовиться къ борьбѣ: онъ разогналъ вооруженной силой собранія выборщиковъ, объявилъ свои засѣданія безпрерывными и назначилъ особую коммиссію для охраны общественнаго порядка. Находясь въ стѣсненномъ положеніи, конвентъ призвалъ на помощь такъ жестоко преслѣдуемыхъ имъ террористовъ и якобинцевъ, и тѣ были достаточно великодушны, чтобы откликнуться на его призывъ. Они были снабжены оружіемъ и образовали «батальонъ патріотовъ 1789 года» численностью въ 2000 человѣкъ. Неспособный генералъ Мену, благодаря трусости котораго секціи одерживали сначала побѣды, отказался командовать этимъ батальономъ, такъ какъ этотъ батальонъ, по его словамъ, состоялъ изъ бандитовъ. «Батальонъ патріотовъ» въ послѣдней схваткѣ за конвентъ сражался съ большой храбростью.

Секція Лепеллетье составляла центръ возстанія; къ ней изъ 48 парижскихъ секцій присоединилось 44, численностью приблизительно въ 40000 человѣкъ; но съ прэріаля мѣсяца у секцій не было больше орудій. Раздался генеральный маршъ, вооруженные національные гвардейцы соединились, и въ горячей прокламаціи, направленной противъ «палачей въ конвентѣ», было провозглашено начало возстанія. Генералъ Мену съ войсками конвента двинулся противъ секціи Лепеллетье, но натолкнулся на очень сильное сопротивленіе и трусливо отступилъ. Онъ былъ сейчасъ же смѣщенъ.

Въ этотъ критическій моментъ Барра, котораго конвентъ назначилъ начальникомъ всѣхъ вооруженныхъ силъ, вспомнилъ объ одномъ молодомъ офицерѣ, котораго онъ считалъ способнымъ отразить нападеніе роялистовъ. «*Я знаю*», сказалъ онъ, «*одного маленькаго корсиканца, который не будетъ церемониться*». Этотъ маленькій корсиканецъ былъ не кто иной, какъ *Наполеонъ Бонапартъ*, который выказалъ свои замѣчательныя военныя способности уже при осадѣ Тулона; послѣ паденія Робеспьера, сторонникомъ котораго считался Бонапартъ, онъ былъ арестованъ и затѣмъ отставленъ отъ должности. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ ждалъ въ Парижѣ подходящей должности, имѣя очень мало шансовъ на успѣхъ. Бонапартъ носился съ самыми фантастическими планами, такъ что нѣкоторые принимали его за психически ненормальнаго человѣка. Барра предложилъ его, какъ второго командира, и Бонапартъ, призванный въ коммиссію пяти, говорилъ тамъ о средствахъ, которыя могутъ привести конвентъ къ побѣдѣ, такъ увѣренно, что ему сейчасъ же передали защиту Тюльери. Никто и предчувствовать не могъ, чаковы будутъ послѣдствія этого назначенія, и никто не могъ предугадать въ этомъ тщедушномъ и молчаливомъ офицерѣ будущаго императора французовъ.

Въ то время, какъ секціи медлили съ нападеніемъ на конвентъ, Бонапартъ. не теряя времени, принялъ самыя рѣшительныя мѣры. Онъ зналъ, что орудія національной гвардіи стояли въ Медонѣ въ паркѣ; сейчасъ же

за ними былъ посланъ сильный отрядъ кавалеріи. Наполеонъ располагалъ всего на все 7.000 человѣкъ, и все же перевѣсъ былъ на его сторонѣ, такъ какъ у него были пушки, дисциплинированное войско, и самъ онъ былъ геніальнымъ полководцемъ. Тюльери былъ вскорѣ превращенъ въ крѣпость, орудія которой обстрѣливали ведущіе къ нему пути. Бонапартъ подумалъ и объ отступленіи, и поэтому велѣлъ принести въ залъ конвента 800 ружей и патронташей, чтобы въ крайнемъ случаѣ вооружить депутатовъ въ качествѣ резерва. Провіантъ былъ заготовленъ на нѣсколько дней.

Повстанцами командовалъ генералъ Даниканъ; это былъ эмигрантъ, когда то боровшійся за республику въ Вандеѣ, но смѣненный за неспособность. Даниканъ видѣлъ, что онъ со своими національными гвардейцами безсиленъ противъ батарей Бонапарта; но его заставили произвести нападеніе. Сбросивъ одинъ изъ постовъ Наполеона, онъ отправилъ парламентера къ конвенту съ требованіемъ удалить войска, разоружить террористовъ и отмѣнить декретъ относительно двухъ третей въ совѣтахъ. Роялисты конвента были готовы вступить въ переговоры съ парламентеромъ. Но поэтъ Шенье воодушевилъ конвентъ, сказавъ: «*Я удивляюсь, что у насъ отнимаютъ время разсказами о требованіяхъ возставшихъ секцій. Здѣсь не о чемъ вести переговоры, нечего улаживать; конвенту остается или побѣдить, или умереть!*» Эти слова были встрѣчены громомъ аплодисментовъ, и переговоры были прерваны.

Послѣ этого, 4 октября (13 вандемьера) 1795 года, въ четыре часа пополудни Даниканъ съ роялистскими секціями двинулся на конвентъ. Повстанцы шли по всѣмъ улицамъ, ведущимъ къ Тюльери. Но они вездѣ были встрѣчены ужасной картечью и приведены въ замѣшательство. Тогда Бонапартъ двинулъ свои батальоны и, напавъ на роялистовъ у церкви св. Роха, гдѣ они собрали свои лучшія силы, обратилъ ихъ въ бѣгство. Затѣмъ Бонапартъ выдвинулъ впередъ свои пушки, и къ шести часамъ вечера секціи потерпѣли такое пораженіе, что онъ велѣлъ стрѣлять въ убѣгающихъ холостыми зарядами, чтобы избѣжать ненужнаго кровопролитія. Въ этой битвѣ обѣ партіи потеряли убитыми около 400 человѣкъ; конвентъ одержалъ полную побѣду. Ночью Бонапартъ занялъ всѣ важнѣйшіе пункты города.

Конвентъ поступилъ съ побѣжденными не такъ строго, какъ раньше съ якобинцами и возставшими рабочими предмѣстій. Онъ удовольствовался тѣмъ, что обезоружилъ секцію Лепеллетье, уволилъ генеральный штабъ національной гвардіи и распустилъ стрѣлковые отряды «золотой молодежи». Особая коммиссія должна была судить участниковъ возстанія. Но всѣмъ скомпрометированнымъ лицамъ дали время убѣжать, а преслѣдованіе было такъ небрежно, что нѣкоторые изъ осужденныхъ заочно (in contumatiam) совершенно открыто разгуливали по улицамъ Парижа.

Реакціонный конвентъ, казалось, хотѣлъ выказать свои симпатіи тѣмъ самымъ роялистамъ, которые только что съ оружіемъ въ рукахъ нападали на него и пытались свергнуть республику.

Конецъ дѣятельности конвента.

Заканчивая свою трехлѣтнюю дѣятельность, конвентъ выбралъ изъ своей среды двѣ трети обоихъ совѣтовъ и членовъ будущаго правительства, директоріи. Недавнее возстаніе секцій показало распространенность и силу вновь развивающагося роялизма, и буржуазія, старавшаяся сохранить власть въ своихъ рукахъ, съ тревогой смотрѣла на будущее. Въ послѣднее время конвентъ снова накинулъ на себя республиканскую мантію. Въ директорію были выбраны только тѣ люди, которые голосовали за казнь Людовика XVI, а именно: Барра, Ревбелль, Ларевельеръ-Лепо, Летурнеръ и вмѣсто Сійеса, отклонившаго избраніе, Карно. Затѣмъ конвентъ издалъ амнистію, которая распространялась на всѣ политическіе акты, но подъ нее не подпали граждане, отправленные въ ссылку. Тотъ самый конвентъ, который такъ мягко поступилъ съ возставшими секціями, отказалъ въ амнистіи Колло д'Эрбуа и Бильо-Варенну.

Затѣмъ конвентъ объявилъ революцію законченной, какъ будто это зависѣло отъ какого-нибудь парламентскаго декрета, и переименовалъ прежнюю площадь Революціи въ площадь Согласія.

25 октября 1795 года конвентъ разошелся. Президентъ сказалъ: «Національный конвентъ объявляетъ, что его миссія исполнена и засѣданія его закончены». При крикахъ: «Да здравствуетъ республика!» члены конвента разошлись.

Этотъ парламентъ, управлявшій республикой среди бурь революціи и отправившій такъ много своихъ членовъ на эшафотъ, всегда будетъ занимать выдающееся мѣсто въ исторіи. Недостатки его очень велики; но гораздо болѣе значительны труды его, которые совершенно преобразовали Францію. Въ его трудахъ часто сказывается незаконченность и поспѣшность, чего не могло не быть у собранія, которое должно было въ одно и то же время и защищать Францію противъ великой коалиціи Питта, и вести самую страшную гражданскую войну. Конвентъ, бывшій дѣтищемъ республиканскаго возстанія, вскорѣ увидѣлъ, что двѣ трети Франціи стоятъ противъ него съ оружіемъ въ рукахъ; побѣдивъ всѣхъ своихъ противниковъ, онъ склонился передъ Робеспьеромъ и создалъ интересную эпоху царства добродѣтели и ужаса, чтобъ въ концѣ своей дѣятельности проявить необыкновенную вспышку энергіи. Онъ видѣлъ, какъ противъ него шли вооруженныя колонны демократіи и роялизма, и подъ громъ бонапартовскихъ пушекъ онъ закончилъ свои бурныя и оживленныя засѣданія.

Этотъ парламентъ, отличавшійся такимъ обиліемъ блестящихъ именъ, привелъ, правда, Францію къ побѣдѣ въ борьбѣ съ великой коалиціей Питта, но онъ оставилъ страну въ состояніи полнаго истощенія. Въ эпоху терроризма конвентъ пробовалъ бороться съ народными бѣдствіями; послѣ паденія системы ужаса конвентъ приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы подавить движенія народныхъ массъ, изнывавшихъ подъ бременемъ нужды. Подъ давленіемъ терроризма онъ издалъ цѣлый рядъ принудительныхъ мѣръ, слишкомъ усердное примѣненіе которыхъ отзывалось пагубно на

Франціи; по окончаіни системы террора всѣ эти принудительныя мѣры были, какъ мы видѣли, внезапно отмѣнены, и эта внезапная отмѣна ихъ должна была отозваться на экономическомъ положеніи страны еще болѣе пагубно.

Франція очутилась въ очень затруднительномъ финансовомъ положеніи, и никакія принудительныя мѣры не могли тутъ помочь. Вслѣдствіе ломки всѣхъ общественныхъ отношеній, подати вносились крайне нерегулярно, и правительству ничего больше не оставалось, какъ наводнять Францію новыми массами ассигнатовъ. Эта масса бумажныхъ денегъ была еще увеличена столь постыдно выпущенными Англіей фальшивыми ассигнатами. Чѣмъ обльше ассигнатовъ выпускало правительство, тѣмъ ниже стоялъ ихъ курсъ, и чѣмъ быстрѣе ихъ курсъ падалъ, тѣмъ больше ассигнатовъ выпускалось. Потребность въ ассигнатахъ была такъ велика, что правительство не успѣвало ихъ печатать. Уже весной 1795 года курсъ ассигнатовъ упалъ до 7%; лѣтомъ 1795 года они стоили лишь $2^1/_2$% своей номинальной цѣны. При этомъ очень сильно пострадали кредиторы государства, которые должны были принимать ассигнаты по ихъ номинальной стоимости.

Должники также выплачивали свои долги ассигнатами по ихъ номинальной стоимости, и противъ этого мало что можно было подѣлать. По мѣрѣ того, какъ падала стоимость ассигнатовъ, повышались цѣны товаровъ. Въ лучшемъ положеніи были крестьяне, обрабатывавшіе землю, такъ какъ теперь цѣна на хлѣбъ была необычайно высока; поэтому въ деревнѣ царила сравнительная роскошь, что стояло въ рѣзкомъ противорѣчіи съ ужасающей нуждой народныхъ массъ большихъ городовъ. Сельскій арендаторъ могъ покрывать арендную плату выручкой отъ продажи небольшой части урожая Прежде, для облегченія нищеты въ городахъ, въ деревняхъ предпринимались реквизиціи; теперь на бѣдствія пролетаріата не обращали никакого вниманія, и крестьяне, которые своей свободой были обязаны возстаніемъ пролетаріата столицы, стали теперь консерваторами и не интересовались ничѣмъ, кромѣ своей земли.

Достигшая власти буржуазія безпрепятственно наслаждалась благами жизни. Въ столицѣ, несмотря на всѣ политическія катастрофы, продолжалась безумная суета. Благодаря отмѣнѣ принудительныхъ законовъ, люди могли снова заниматься разными грязными дѣлами; было время, когда всѣ въ Парижѣ вели мѣновую торговлю. Ростовщики наживали огромныя деньги, скупая массами всевозможные предметы и жизненные припасы за малоцѣнныя бумажныя деньги и вновь продавая ихъ, наживаясь при этомъ на постоянныхъ колебаніяхъ курса.

Какъ и всегда, отъ всѣхъ этихъ неурядицъ больше всего страдалъ низшій классъ населенія. Раньше рабочій классъ волновался по малѣйшимъ поводамъ; теперь же онъ совершенно равнодушно относился ко всѣмъ политическимъ переворотамъ. Кромѣ того, самые энергичные элементы этого класса погибли на полѣ битвы, проливая свою кровь за республику. Парижскія предмѣстья не удавалось уже больше привести въ движеніе послѣ ихъ разоруженія въ маѣ 1795 года. Несчастный исходъ возстаній отнялъ у нихъ всякую надежду на улучшеніе своего положенія.

Такъ исчезла у всѣхъ классовъ населенія страсть къ свободѣ, страсть, которая такъ долго господствовала во Франціи. Буржуазія и крестьяне, пожавшіе плоды революціи, были настроены противъ политическихъ переворотовъ, потому что они хотѣли теперь въ покоѣ и безопасности пользоваться пріобрѣтеннымъ; рабочимъ революція надоѣла потому, что они не разсчитывали больше на какія-нибудь завоеванія для себя. При такомъ положеніи вещей Франціей могла завладѣть военная сила, сумѣвшая замѣнить страсть къ свободѣ страстью къ славѣ. И за эту страсть къ славѣ Франціи и Европѣ пришлось заплатить дорогой цѣной—цѣной четверти вѣка кровопролитныхъ войнъ.

ДИРЕКТОРІЯ.

Къ этому времени идеализмъ, который господствовалъ въ первую эпоху французской революціи, почти совершенно исчезъ. Французская буржуазія мечтала только о томъ, чтобы наслаждаться покоемъ и благосостояніемъ, а пролетаріатъ жаждалъ облеченія своей страшной нужды. Прошло время искренняго отстаиванія и защиты принциповъ равенства и братства, и правительство теперь считалось уже только съ силой. Нужно было извѣстное мужество для того, чтобы перенять въ свои руки бразды правленія Франціей въ томъ ея видѣ, въ какомъ оставилъ ее послѣ себя ставшій реакціоннымъ конвентъ. Страна находилась въ самомъ плачевномъ состояніи. Солдаты терпѣли нужду и, даже генералы часто не получали своего жалованья. Поставщики обворовывали казну и обогащались на ея счетъ, а защитники республики голодали. За время правленія термидористиче скаго конвента общественныя должности заняли множество карьеристовъ; создался огромный бюрократическій аппаратъ, который ровно ничего не дѣлалъ. Вѣдомства народнаго просвѣщенія и путей сообщенія, такъ же какъ и судебное вѣдомство, были крайне запущены, потому что спартанская строгость эпохи террора смѣнилась чисто аоинской распущенностью. Правда, и въ эпоху террора мало занималась организаціей общественныхъ учрежденій, жденій, въ виду быстрой смѣны и яростной борьбы партій, но тогда, по крайней мѣрѣ, были выставлены извѣстные принципы. Теперь же все пришло въ крайній упадокъ.

Новое правительство должно было быть благодарно конвенту за его декреты относительно двухъ третей: если бы эти декреты не обезпечили правительству большинства въ палатахъ, то неизбѣжно наступило бы замѣшательство, исходъ котораго не трудно было бы предвидѣть. При новыхъ выборахъ роялисты всюду получили большинство голосовъ, и монархія, повидимому, была бы возстановлена парламентскимъ путемъ, если былъ бы обновленъ весь составъ палатъ. Когда новое правительство, не располагавшее ни деньгами, ни довѣріемъ народа, вступило въ отведенный ему Люксембургскій дворецъ, его затруднительное положеніе отразилось даже на внѣшней обстановкѣ. Дворецъ оказался неомеблированнымъ, и кастеляну пришлось ссудить новое правительство кривоногимъ столомъ и пятью продранными соломенными стульями, чтобы оно могло начать свои засѣданія. По какой-то счастливой случайности директоры захватили съ собой бумагу,

перья и чернила. Въ этомъ своемъ первомъ засѣданіи директорія составила свое посланіе къ палатамъ и избрала министровъ.

Барра оказался самымъ вліятельнымъ членомъ правительства, хотя онъ, собственно, не отличался ни политическими, ни военными талантами. Онъ происходилъ изъ мелкаго дворянства, былъ на военной службѣ и участвовалъ въ походахъ въ Остъ-Индію и Америку. Въ свое время онъ былъ членомъ перваго національнаго собранія и конвента. Причислялъ онъ себя къ дантонистамъ, что ему однако не помѣшало въ 1793 году вмѣстѣ съ Фрерономъ принять участіе въ кровавой расправѣ, учиненной надъ Тулономъ. Съ ролью, которую онъ игралъ 9-го термидора и 13-го вандемьера, мы уже знакомы. Онъ былъ большимъ интриганомъ и проявлялъ много наглости. Въ общемъ же, это былъ развращенный, безнравственный человѣкъ, который выше всего на свѣтѣ цѣнилъ собственное благополучіе, притворно выражалъ всѣмъ окружающимъ свое благоволеніе, всѣхъ обманывалъ и предавалъ. Барра, занимавшійся главнымъ образомъ внутренними дѣлами, являлся истиннымъ представителемъ того класса, который выдвинулся благодаря революціи, и намѣренъ былъ насладиться своей побѣдой среди пьянства и разврата. Наполеонъ не безъ основанія назвалъ Барра и его сотоварищей гнилыми.

Карно, единственный изъ директоровъ, обладавшій чисто демократическими убѣжденіями, представлялъ полную противоположность Барра своей строгой нравственностью и чистотой своего характера. Карно не принималъ участія въ тѣхъ мерзостяхъ, которыми запятнала себя директорія. Онъ и теперь занимался почти исключительно военными дѣлами и заботился главнымъ образомъ о томъ, чтобы удержать за Франціей границы, которыя онъ считалъ естественными. Сторонникомъ Карно являлся Летурнеръ, который перенялъ на себя управленіе морскими и колоніальными дѣлами. Ревбелль же и Ларевельеръ-Лепо составляли вмѣстѣ съ Барра прочное большинство. Ревбелль, эльзасскій адвокатъ, ничѣмъ не проявлялъ себя въ эпоху террора и только позже выступилъ въ конвентѣ ярымъ гонителемъ якобинцевъ. Во внѣшнемъ обращеніи онъ проявлялъ гордость и неприступность и въ то же время слылъ за корыстолюбиваго и подкупнаго человѣка. Однако, онъ обладалъ и ловкостью и умомъ и, насколько позволяли запутанныя обстоятельства того времени, хорошо управлялъ юстиціей и финансами страны. Что касается Ларевельера-Лепо, завѣдывавшаго народнымъ просвѣщеніемъ, наукой и искусствомъ, то онъ въ свое время былъ изгнанъ изъ страны въ качествѣ жирондиста. Онъ использовалъ свою власть для того, чтобы осуществить свою несчастную идею: основать новую религію, которую онъ думалъ противопоставить грубому матеріализму, господствовавшему въ средѣ торжествующей буржуазіи. Онъ основалъ такъ называемую теофилантропію, послѣдователямъ которой онъ передалъ 10 церковныхъ приходовъ. Эта религія была основана на кротости; ея основнымъ принципомъ была любовь къ Богу и людямъ и ея послѣдователи вѣрили въ безсмертіе души. Теофилантропія подверглась ѣдкимъ насмѣшкамъ, а ея основатель, изъ-за своей некрасивой наружности, сталъ мишенью французскаго остроумія.

Таковъ былъ составъ правительства, которое переняло теперь въ свои руки власть. Примѣненіе новой конституціи сразу же ознаменовалось нарушеніемъ ея, благодаря декретамъ относительно двухъ третей; но безъ этихъ декретовъ новая конституція вообще не могла бы существовать. Нарушеніе конституціи вызвало опасные конфликты, которые повлекли за собой дальнѣйшія нарушенія и въ концѣ концовъ привели къ паденію директоріи.

Существовали двѣ враждебныя директоріи партіи, демократическая и роялистская, но обѣ онѣ въ 1795 году были насильственно задавлены конвентомъ и лишены своего вліянія. Онѣ не могли уже устраивать въ Парижѣ уличныхъ сраженій, потому что народныя массы не позволяли больше вовлекать себя въ борьбу. Въ итогѣ, время возстаній смѣнилось временемъ заговоровъ, къ которымъ рѣшительные вожаки партій постоянно прибѣгаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ не хватаетъ силъ для веденія открытой борьбы. Народъ привыкъ страдать молча, хотя какъ разъ въ это время его страданія достигли крайнихъ предѣловъ. Онъ со стороны слѣдилъ за борьбою партій, не интересуясь ни одной изъ нихъ, и у него сохранилось лишь одно убѣжденіе,—убѣжденіе въ полной *безнадежности* ожидавшей его участи.

Финансовыя затрудненія.

Если директорамъ въ началѣ ихъ правленія и удалось внести нѣкоторый порядокъ въ управленіе государствомъ, то финансовыя затрудненія все же продолжали служить неисчерпаемымъ источникомъ неурядицъ. Государственное банкротство, котораго нѣкогда такъ опасался Мирабо, если не формально, то фактически наступило въ тотъ моментъ, когда государство начало принимать ассигнаты по ихъ дѣйствительной цѣнѣ. А государство такъ и поступило: въ то время, какъ оно раньше принимало ассигнаты, считая за нихъ только 20% и ихъ стоимости, оно теперь начало принимать ихъ еще по значительно низкому курсу. Правительство теперь не было уже въ состояніи покрывать тотъ дефицитъ, который получался отъ пріема ассигнацій по курсу въ 20% ихъ номинала. Убытки же отъ этого фактическаго банкротства государства ложились на гражданъ, потому что имъ приходилось все больше и больше терять вслѣдствіе постояннаго пониженія стоимости ассигнатовъ.

Изъ своего затруднительнаго финансоваго положенія директорія пыталась найти выходъ путемъ заключенія принудительнаго займа у богачей. Она разсчитывала заключить такой заемъ въ размѣрѣ 600 милліоновъ франковъ, намѣреваясь реализовать его въ формѣ металлическихъ денегъ или ассигнатовъ, оцѣненныхъ по курсу дня. Въ это время курсъ ассигнатовъ палъ до 1% ихъ номинальной стоимости. Правительство полагало, что принудительный заемъ коснется только самыхъ богатыхъ людей страны. Обѣ палаты утвердили заемъ, но онъ не имѣлъ того успѣха, котораго правительство ожидало. Если бы заемъ удался, то онъ могъ бы помочь директоріи выйти изъ затруднительнаго положенія. Можно было однако заранѣе предвидѣть, что богатые люди, на плечи которыхъ хотѣли взвалить всю тяжесть

этого займа, по мѣрѣ силъ и возможности будутъ противодѣйствовать его реализаціи, и что Франція, которой пришлось вынести столько бурь, припрятала большую часть своихъ денегъ или перевела ихъ за границу. Безконечныя затрудненія возникли уже при оцѣночныхъ работахъ, и въ концѣ концовъ отъ этой мѣры пришлось признать крайне неудачной. Изыскивая новые способы достать денегъ, правительство принуждено было, чтобы выиграть время, снова прибѣгнуть къ увеличенію количества ассигнатовъ. Правительство само пугалось той огромной массы бумажныхъ денегъ, которая находилась въ обращеніи; неизвѣстно даже было точно, сколько именно ассигнатовъ выпущено. Говорили, что ихъ выпущено на сумму до сорока милліардовъ, и эту цифру можно признать болѣе или менѣе достовѣрной.

Правительство всѣми способами изворачивалось среди все возраставшихъ дефицитовъ и прибѣгало къ самымъ отчаяннымъ средствамъ. Такъ, однажды было рѣшено пріостановить выдачу жалованья чиновникамъ, а позже вдругъ заявили, что штатъ чиновниковъ слишкомъ великъ, и въ теченіе короткаго времени ихъ было уволено около двѣнадцати тысячъ человѣкъ. Государственная машина была въ самомъ дѣлѣ очень обременена штатомъ безполезныхъ писцовъ и чиновниковъ. Директоріи приходилось сильно терпѣть отъ нападокъ прессы и клубовъ, которые снова стали образовываться; роялисты нападали на нее по поводу финансовыхъ неурядицъ, республиканцы по поводу увольненія чиновниковъ, а демократы по тому и другому поводу. Общественное мнѣніе было настроено противъ директоріи, и она потерпѣла парламентское пораженіе въ вопросѣ о конфискаціи имущества эмигрантовъ. Въ свое время было объявлено, что имущество, принадлежащее родителямъ эмигрантовъ, въ случаѣ смерти первыхъ, переходитъ въ собственность государства. Такимъ путемъ республика должна была быть вознаграждена за тотъ ущербъ, который былъ нанесенъ ей эмиграціей наслѣдниковъ даннаго имущества. Этотъ законъ до сихъ поръ не приводился въ исполненіе; теперь же онъ снова предложенъ былъ директоріей и принятъ совѣтомъ пятисотъ, но отвергнутъ совѣтомъ старѣйшинъ.

Къ этому времени ассигнаты спустились до $^1/_2$% своей стоимости. Такимъ образомъ, за одинъ франкъ звонкой монеты или за его стоимость получали 200 франковъ ассигнатами. Правительство рѣшило прекратить выпускъ ассигнатовъ и изыскать какія-либо другія мѣры для улучшенія финансоваго положенія страны. Оно намѣрено было прекратить выпускъ ассигнатовъ въ тотъ моментъ, когда общая сумма ихъ достигнетъ сорока милліардовъ. Станокъ, на которомъ, при помощи мѣдныхъ клише, печатались ассигнаты, былъ 21 февраля 1796 г. торжественно и публично сожженъ при огромномъ стеченіи народа, несказанно радовавшагося этому акту. Однако, гораздо меньше радости доставилъ докладъ, который сдѣлалъ Камю въ совѣтѣ пятисотъ, въ которомъ онъ выяснилъ, что хотя ассигнатовъ и находилось въ обращеніи на сумму въ $39^1/_2$ милліардовъ, но что отпечатано ихъ было свыше, чѣмъ на 45 милліардовъ. Такимъ образомъ, опредѣленная закономъ сумма ассигнатовъ была превышена на мелочь, въ размѣрѣ 5 тысячъ милліоновъ франковъ. Когда это стало извѣстно публикѣ, ассигнаты упали до $^1/_4$% своей стоимости.

Попытались было установить, сколько національныхъ имуществъ осталось еще въ распоряженіи государства, но это оказалось невозможнымъ, потому что свѣдѣнія по этому предмету отличались слишкомъ большой неточностью. Объ истинномъ положеніи вещей можно было составить себѣ только самое приблизительное представленіе. Директорія не знала, что дѣлать. Судьба рабочихъ въ предмѣстяхъ ее мало интересовала; даже выдача порцій хлѣба была прекращена. Зато она старалась помочь рантье, которые испытывали большую нужду отъ того, что имъ приходилось получать свою ренту ассигнатами по курсу дня. Конечно, для директоріи достаточно характерно уже то, что она сочла рантье болѣе достойными поддержки, чѣмъ рабочихъ; но рантье нельзя было помочь, потому что законодательнымъ путемъ невозможно было повліять на законы, диктуемые денежнымъ и товарнымъ рынкомъ.

Директорія по прежнему продолжала нуждаться въ деньгахъ, а такъ какъ новыхъ ассигнатовъ нельзя было печатать, то пришлось изыскивать иныя средства. Послѣ долгихъ размышленій былъ изобрѣтенъ новый родъ бумажныхъ денегъ.

На первый взглядъ это средство могло показаться довольно надежнымъ. Было установлено, что государство имѣетъ еще свободнаго отъ долговъ имущества приблизительно на 8.400 милліоновъ. Это имущество могло послужить ипотекой для новыхъ бумажныхъ денегъ. Надѣялись, что совершенно обезцѣненные ассигнаты очень легко смогутъ быть вытѣснены новыми бумажными деньгами. 17-го марта 1796 года были выпущены такъ называемые мандаты, или точнѣе, земельные мандаты. Они носили надпись «Promesse de mandat territorial» и на нихъ можно было пріобрѣтать національныя земли по цѣнѣ, установленной въ 1790 году. Цѣна же 1790 года опредѣлялась тѣмъ доходомъ, который давала земля въ теченіе 22-хъ лѣтъ. Мандатовъ рѣшено было выпустить на 2.400 милліоновъ; изъ нихъ на 800 милліоновъ разсчитывали выкупить находившіеся въ обращеніи ассигнаты по курсу въ три процента. Однако, если Камю не ошибся въ своихъ вычисленіяхъ, то этихъ 800 милліоновъ не могло хватить на выкупъ всѣхъ ассигнатовъ по курсу въ три процента. Правительство рѣшило сейчасъ выпустить мандатовъ на 1.100 милліоновъ, остатокъ же въ 1.300 милліоновъ долженъ былъ послужить ему обезпеченіемъ на будущее время.

Всѣ возликовали, такъ какъ казалось, что найдено, наконецъ, средство избавиться отъ ужаснаго наплыва ассигнатовъ. Правительство смотрѣло на мандаты, какъ на звонкую монету. Однако, оказалось, что отъ послѣдствій обезцѣненія бумажныхъ денегъ нельзя быстро избавиться путемъ созданія новыхъ бумажныхъ денегъ. Дѣльцы встрѣтили мандаты крайне недовѣрчиво, опасаясь выпуска ихъ такими огромными количествами, что номинальная стоимость ихъ превыситъ цѣнность національныхъ земель, которыя должны были служить обезпеченіемъ ипотечнаго займа. Никто не хотѣлъ принимать мандатовъ, и дѣло дошло до уличныхъ безпорядковъ и даже до грабежей. Правительство надѣялось, что благодаря выпуску полноцѣнныхъ мандатовъ, которыми ассигнаты будутъ погашены по курсу въ 3%, курсъ ассигнатовъ удержится на высотѣ въ три процента. Въ дѣйствительности же оказалось, что сами мандаты съ поразительной быстротой стали понижаться въ цѣнѣ и опустились до 5% ихъ первоначальной стоимости. Обезцѣненію этихъ бумагъ содѣйствовала, между прочимъ, и безумная спекуляція ими.

Такимъ образомъ и эта финансовая операція закончилась неудачей. Правительство очутилось въ безпомощномъ положеніи, потому что государственный дефицитъ попрежнему продолжалъ возрастать, а доходы все уменьшались и уменьшались,— и это при полномъ отсутствіи кредита. Конецъ предвидѣлся печальный, и полное государственное банкротство было бы неизбѣжно, если бы неожиданно не открылись новые источники дохода.

Такіе источники нашлись благодаря тому, что въ это время молодой генералъ Бонапартъ одержалъ блестящія побѣды въ Италіи. Въ кассы правительства потекли милліоны, которые онъ отобралъ у итальянскихъ князей подъ видомъ контрибуціи и военнаго вознагражденія. Это нѣсколько поправило совершенно истощенные финансы страны.

Заговоръ Бабефа.

Борьба 13-го вандемьера, при которой конвенту пришлось прибѣгнуть къ помощи баталіона патріотовъ, нѣсколько ободрила подавленную демократію, а амнистія, которую объявилъ конвентъ въ концѣ своей дѣятельности, вернула свободу многимъ террористамъ, заключеннымъ въ тюрьмахъ. Террористы соединились съ членами Горы, уцѣлѣвшими, несмотря на частыя истребленія, которымъ подвергалась эта фракція. Хотя при конституціи 3-го года и очень трудно было основывать союзы, но нѣкоторыя лица все-таки сдѣлали попытку въ этомъ отношеніи. Въ это время на сцену выступилъ Франсуа Ноэль Бабефъ, совсѣмъ еще молодой и до сихъ поръ мало извѣстный человѣкъ. Онъ когда-то былъ осужденъ за какую-то поддѣлку, но приговоръ по его дѣлу былъ отмѣненъ, какъ неправильный. Послѣ 9-го термидора, онъ въ качествѣ яраго террориста, попалъ въ тюрьму и познакомился тамъ съ итальянцемъ Буонаротти, который былъ близкимъ другомъ Робеспьера и теперь былъ арестованъ по обвиненію въ злоупотребленіяхъ, въ которыхъ онъ будто провинился за время своей дѣятельности въ качествѣ коммиссара конвента. Къ Бабефу и Буонаротти присоединился Дартэ, бывшій секретарь казеннаго коммиссара конвента Лебона. Эти три человѣка часто вели между собою бесѣды о томъ, какъ сдѣлать народъ счастливымъ. Для Бабефа, обладавшаго философскимъ умомъ, эти бесѣды послужили поводомъ къ тому, чтобы создать новую соціально-политическую систему. Относительно конвента онъ не разъ задавался вопросомъ, *дѣйствительно-ли пятьсотъ болтливыхъ адвокатовъ лучше одного короля?*

Выйдя изъ тюрьмы, Бабефъ въ своей газетѣ «Народный Трибунъ» началъ рѣзко нападать на директорію и господствующіе классы. Онъ назвалъ себя Гракхомъ Бабефомъ, желая этимъ показать, что онъ стоитъ на стражѣ

новыхъ классовъ; а то, что они вообще отвергалъ науки и искусство, выдумали его противники. Что касается фанатиковъ индивидуализма, то они осуждаютъ систему Бабефа за то, что она якобы должна была въ корнѣ убить всякое побужденіе къ дѣятельности. Этотъ мотивъ они, впрочемъ, выставляютъ противъ всякой государственной организаціи труда, хотя ихъ мнѣніе фактически и опровергается существованіемъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ и почты. Система Бабефа является предшественницей современнаго научнаго соціализма и, какъ это обыкновенно бываетъ съ новыми и мало продуманными системами, отличается неотдѣланностью своей формы. Современный соціализмъ, конечную цѣль котораго составляетъ урегулированіе обществомъ производства и потребленія ко благу всего человѣчества, сгладилъ всѣ угловатости и шероховатости системы Бабефа. Система эта и потому еще является такой несовершенной, что экономическія отношенія, къ которымъ она старалась приспособиться, были крайне запутаны и переживали начальную стадію новаго развитія; далѣе, она отличается насильственнымъ характеромъ, потому что создалась въ эпоху безпрерывныхъ насильственныхъ катастрофъ и переворотовъ. Но, несмотря на все это, объективный критикъ долженъ признать, что Бабефъ былъ оригинальнымъ мыслителемъ и человѣкомъ—филистеры сказали бы «мечтателемъ»,—обладавшимъ рѣдкой силой убѣжденія.

Бабефъ всюду искалъ связей и безъ труда нашелъ ихъ среди уцѣлѣвшихъ членовъ партіи Горы. Съ заговорщиками сблизились Амаръ, Друэ, Бадье, Роберъ Ленде, Леньело, Шудье, Жавогъ, Гюже, Кюссе и многіе другіе изъ прежнихъ членовъ конвента. Замѣчательно то, что къ нимъ присоединился и директоръ Барра, но его отношенія къ заговорщикамъ остались не вполнѣ выясненными. Этотъ развращенный человѣкъ, очевидно, хотѣлъ обезпечить себя и на случай побѣды заговорщиковъ. Сближенію съ партіей Горы нѣсколько мѣшало то обстоятельство, что Бабефъ, Буонаротти и Дартэ были почитателями Робеспьера, паденію котораго такъ сильно содѣйствовали Бадье и Амаръ. Въ собраніяхъ заговорщиковъ часто пѣлись пѣсни, въ которыхъ оплакивалась смерть Марата, Робеспьера и Сенъ-Жюста. Замѣтимъ кстати, что въ этихъ собраніяхъ принимали участіе и женщины.

Наконецъ, состоялось соединеніе Бабефа и его сторонниковъ съ прежними членами Горы, и былъ составленъ подробный планъ возстанія. Было рѣшено въ заранѣе установленный часъ расклеить плакаты со словами: «*Конституція 1793 года! Равенство. Общее благо!*» и другіе плакаты съ надписью: «*Свободные люди должны казнить всѣхъ узурпаторовъ власти!*» Заговорщики предполагали начать вооруженное возстаніе въ секціяхъ и надѣялись увлечь за собой народъ; далѣе, они разсчитывали овладѣть директоріей и палатами и составить новый конвентъ. Конвентъ этотъ долженъ былъ состоять изъ 68 еще оставшихся членовъ Горы и представителей отъ департаментовъ, выставленныхъ инсуррекціоннымъ комитетомъ благоденствія. Онъ долженъ былъ получить диктаторскую власть, возстановить конституцію 1793 года и основать національную общину путемъ конфискаціи имущества арестованныхъ и эмигрировавшихъ реакціонеровъ.

Въ это время въ среду заговорщиковъ проникъ шпіонъ, который донесъ обо всемъ властямъ. Въ общество былъ введенъ капитанъ, по имени Гризель, сумѣвшій своими зажигательными листками и рѣчами заслужить довѣріе заговорщиковъ. Онъ вызвался установить связь съ войскомъ, которое стояло лагеремъ на Гренельской равнинѣ, и одновременно съ этимъ донесъ директоріи о заговорѣ. Карно, бывшій тогда президентомъ директоріи, крайне возмутился этимъ заговоромъ и отнесся къ нему, какъ къ покушенію на жизнь директоровъ. Гризель далъ знать правительству также и о томъ, гдѣ скрывается Бабефъ, и послѣдній 10 мая былъ неожиданно арестованъ вмѣстѣ съ Буонаротти. Въ руки полиціи попали всѣ компрометировавшія заговорщиковъ бумаги. Народу, который собрался при арестѣ, полиція заявила, будто дѣло идетъ о поимкѣ шайки воровъ.

Послѣ своего ареста Бабефъ обратился къ директорамъ съ письмомъ, которое дышало гордостью и сознаніемъ своего достоинства. «Неужели вы граждане-директоры», писалъ онъ, «сочтете для себя оскорбительнымъ обращаться со мной, какъ съ равнымъ по силѣ? *Вы теперь имѣли возможность убѣдиться въ томъ, какимъ огромнымъ довѣріемъ я пользовался.* Вы знаете, что моя партія можетъ помѣряться силами съ вашей. Вы видѣли ея безчисленныя развѣтвленія, и я убѣжденъ въ томъ, что вы содрогнулись при этомъ зрѣлищѣ». Директорія обнародовала это письмо. Многіе изъ заговорщиковъ были арестованы и преданы суду вандомской палаты, потому что въ ихъ числѣ находился Друэ, котораго, въ качествѣ члена совѣта пятисотъ, не имѣли права судить въ Парижѣ, и—потому еще, что правительство желало избѣгнуть разбора въ Парижѣ такого процесса, который могъ вызвать возбужденіе въ народѣ. Друэ, впрочемъ, удалось бѣжать.

Процессъ затянулся, и избѣгнувшіе ареста заговорщики тѣмъ временемъ рѣшили произвести государственный переворотъ. Они предполагали привлечь на свою сторону войска, расположенныя въ Гренельской равнинѣ, и затѣмъ двинуться противъ директоріи. 9-го сентября 1796 года состоялась эта отчаянная попытка возстанія, въ которой приняли участіе Друэ и еще три бывшихъ члена конвента. Около 700 плохо вооруженныхъ демократовъ двинулись въ Гренельскій лагерь. Они несли съ собою ветчину, колбасу и вино въ знакъ того, что желаютъ побрататься съ солдатами. Солдаты спали въ палаткахъ, такъ какъ дѣло происходило около полуночи. Полагая, что солдаты на ихъ сторонѣ, демократы стали громко кричать: «Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ конституція 1793 года!» Въ отвѣтъ на это начальникъ войска, ротмистръ Мало, приказалъ дать сигналъ къ наступленію. Солдаты повскакали со своихъ мѣстъ, сѣли на лошадей и бросились на демократовъ, которые были поражены такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла и обратились въ бѣгство. Многіе изъ нихъ все же были схвачены и преданы суду военной коммиссіи, которая жестоко расправилась съ ними. Изъ 86 осужденныхъ 31 были приговорены къ разстрѣлу. Въ числѣ казненныхъ находились и бывшіе члены конвента—Гюже, Жавогъ и Кюссе. Друэ же снова удалось бѣжать.

Дѣло Бабефа и его сообщниковъ поступило на разсмотрѣніе вандомской судебной палаты въ концѣ февраля 1797 года. Обвиняемыхъ перево-

интересовъ неимущихъ классовъ. Вокругъ него сплотились сторонники Марата и Робеспьера, бывшіе члены демократическихъ клубовъ и революціонныхъ комитетовъ. Демократы вскорѣ поняли, что послѣ послѣднихъ пораженій ихъ партія слишкомъ слаба, чтобы заставить правительство считаться съ собой, какъ съ силой. Это соображеніе однако не остановило Бабефа, обладавшаго непреклонной волей и большой смѣлостью. Кружокъ Бабефа рѣшилъ составить заговоръ съ цѣлью подготовить возстаніе.

Прежде всего была сдѣлана попытка основать клубъ, несмотря на тѣ стѣсненія, которыми конституція обставляла созданіе всякаго рода общественныхъ собраній. Былъ основанъ клубъ Пантеонъ, въ которомъ мы впервые за все время революціи сталкиваемся съ продуманнымъ соціализмомъ. Директорія стала зорко слѣдить за дѣятельностью этого клуба. Въ немъ числилось около 4.000 членовъ, и онъ изъ осторожности самымъ педантичнымъ образомъ исполнялъ всѣ предписанія закона. Этотъ клубъ не имѣлъ ни президента, ни секретарей и никогда не вступалъ въ сношенія съ другими обществами. Не трудно было однако догадаться, что въ этомъ клубѣ снова сплотились якобинцы-террористы и что они избрали его своимъ сборнымъ пунктомъ. Дартэ подвергалъ здѣсь рѣзкимъ нападкамъ излишества и роскошь, которымъ предавалась парижская знать, и въ то же время Бабефъ въ своей газетѣ рисовалъ весь ужасъ народной нищеты, разсказывая о томъ, какъ люди, недавно взявшіе Бастилію, теперь страдаютъ отъ голода или томятся по тюрьмамъ. Народъ внимательно прислушивался къ словамъ Бабефа. Между тѣмъ, директорія снова ввела недавно отмѣненную ею раздачу хлѣба и мяса, такъ какъ она опасалась сильныхъ народныхъ волненій. Это мѣропріятіе на время успокоило народныя массы, и директорія рѣшила воспользоваться ближайшимъ же случаемъ, чтобы закрыть клубъ Пантеонъ. Предлогомъ для закрытія клуба послужила рѣзкая рѣчь Дартэ, и клубъ былъ закрытъ по распоряженію генерала Бонапарта.

Эта первая неудача не сломила однако энергіи демократовъ. Имъ пришлось отказаться отъ гласной дѣятельности въ клубѣ, и они теперь прибѣгли къ заговору. Не имѣя возможности устраивать открытыя собранія, они начали собираться тайно. Бабефъ, преслѣдуемый полиціей, скрылся и, подобно Марату, сталъ издавать свои газеты тайно. Онъ посвящалъ много времени изученію экономическихъ вопросовъ, и часто увлекался спорами съ представителями Горы, которые все время были заняты пустыми разговорами о казняхъ, о конфискаціяхъ и не были способны создать свою собственную прочную организацію. Бабефъ былъ мыслителемъ и умѣлъ заинтересовать собою и заставить уважать себя всякаго, кто приходилъ съ нимъ въ болѣе или менѣе близкое соприкосновеніе, независимо отъ того, раздѣлялъ ли собесѣдникъ его взгляды и убѣжденія или нѣтъ. Сущность общественнаго блага онъ видѣлъ въ избавленіи народа отъ нищеты и невѣжества. Историки извратили образъ этого человѣка. Они старались представить его грубымъ насильникомъ, который въ своемъ увлеченіи матеріализмомъ готовъ былъ пожертвовать образованіемъ, нравственностью и даже свободой ради неосуществимаго равенства всѣхъ въ

отношеніи наслажденія жизненными благами. А между тѣмъ, при болѣе близкомъ ознакомленіи съ нимъ, его личность вырисовывается въ совершенно иномъ освѣщеніи.

Что Бабефъ приспособлялъ свою систему къ революціи, это вполнѣ понятно. Революціонныя правительства не останавливались передъ насиліемъ. Поэтому и онъ со своими товарищами не остановился передъ тѣмъ, чтобы организовать возстаніе. Составился тайный инсуррекціонный комитетъ благоденствія, въ составъ котораго вошло семь человѣкъ, причемъ агенты комитета занялись подготовкой секцій. Сѣть этой организаціи раскинулась по всему Парижу. Въ рабочихъ кварталахъ нашлась кучка людей, готовыхъ принять участіе въ возстаніи, но въ общемъ вся масса населенія не хотѣла и слышать ничего о возстаніяхъ и не ждала отъ нихъ ничего хорошаго. Къ заговору примкнуло множество уволенныхъ офицеровъ, между прочимъ и Россиньоль, Фіонъ, Жерменъ и другіе. Они имѣли связи въ арміи и были увѣрены въ томъ, что встрѣтятъ въ войскѣ сочувствіе къ своему дѣлу. Многочисленный полицейскій легіонъ, уволенный директоріей и потому крайне недовольный правительствомъ, тоже присоединился къ заговору въ пользу равенства, какъ назвалъ Бабефъ свое предпріятіе.

Бабефъ говорилъ, что равенство, которое такъ часто провозглашалось во Франціи, было лишь миражемъ, а онъ намѣренъ возстановить *истинное* равенство, распространивъ этотъ принципъ и на собственность. Съ этой цѣлью онъ хотѣлъ создать для своего новаго общества *національную общину* (grande communauté nationale), въ которой должно было перейти имущество всѣхъ осужденныхъ и эмигрировавшихъ реакціонеровъ. Бабефъ надѣялся, что въ будущемъ эта община расширится и путемъ отмѣны права на наслѣдство охватитъ всю страну. Въ собственность общества должны были перейти главнымъ образомъ земли и недвижимое имущество. Всѣ дѣти одинаково должны были воспитываться въ большихъ національныхъ воспитательныхъ заведеніяхъ. Все населеніе страны обязано было заниматься продуктивнымъ трудомъ, а такимъ трудомъ Бабефъ считалъ земледѣліе, ремесла и несеніе военной службы. Должны были быть организованы особые классы для работы, надзоръ за которыми поручался выборнымъ лицамъ, и въ которые должны были вступать всѣ, безъ исключенія, граждане. Продукты труда должны были сдаваться въ государственные общинные склады, откуда граждане могли брать все, что имъ нужно. Бабефъ предполагалъ наказывать лѣность принудительнымъ трудомъ, уничтожить деньги и передать всю внѣшнюю торговлю въ вѣдѣніе правительства. Будучи ученикомъ Робеспьера, Бабефъ намѣренъ былъ также возстановить и культъ Высшаго Существа. Для политическихъ же преобразованій въ странѣ руководящей нитью должна была служить конституція 1793 года.

Въ этомъ и состояла пресловутая система Бабефа, которую такъ часто характеризовали, какъ варварскую и враждебную культурѣ теорію. Ученые возмущались тѣмъ, что Бабефъ не причислилъ къ продуктивному труду занятій науками и искусствомъ. А между тѣмъ, Бабефъ, очевидно, понималъ полезность исключительно въ экономическомъ смыслѣ и своимъ опредѣленіемъ продуктивнаго труда стремился воспрепятствовать образованію

зили въ судъ въ телѣгахъ съ рѣшетками. Реакціонно настроенный народъ глядѣлъ на нихъ, какъ на дикихъ звѣрей, и издѣвался надъ ними. Нашлись однако и такіе города, въ которыхъ обвиняемые встрѣчали дружелюбный пріемъ со стороны демократическихъ муниципалитетовъ. Гризель выступилъ на судѣ свидѣтелемъ со стороны обвиненія, и обвиняемые осыпали его оскорбленіями. Обвиняемые, за которыми послѣдовали ихъ семьи, въ каждомъ засѣданіи суда пѣли марсельезу. Присяжные признали недоказаннымъ фактъ составленія заговора съ цѣлью ниспроверженія директоріи, но согласились однако съ тѣмъ, что обвиняемые стремились къ возстановленію конституціи 1793 г., а слѣдовательно, и къ низверженію конституціи III г. Затѣмъ состоялся приговоръ надъ обвиняемыми, которые держали себя во время суда гордо и мужественно. Бабефъ и Дартэ были приговорены къ смертной казни, Буонаротти же, Жермень, пятеро другихъ изъ числа заговорщиковъ—къ ссылкѣ.

Когда Бабефъ и Дартэ услыхали, что они приговорены къ смерти, они вынули кинжалы и попытались убить другъ друга. Но имъ удалось лишь слегка ранить другъ друга, и они были отправлены на гильотину, гдѣ умерли съ мужествомъ, что, впрочемъ, не составляло рѣдкаго явленія въ тѣ времена.

Трудно сказать, имѣло ли предпріятіе Бабефа шансы на успѣхъ. Отважнымъ заговорщикамъ въ выполненіи ихъ плана могло, безъ сомнѣнія, помѣшать прежде всего равнодушіе народа къ ихъ дѣлу. Господствующіе классы пришли въ ужасъ, когда узнали о смѣлыхъ теоріяхъ и планахъ Бабефа. Его соціализмъ испугалъ ихъ. Они успѣли уже сжиться съ той мыслью, будто они одни призваны пожинать плоды революціи, а тутъ вдругъ появился какой-то Бабефъ, который провозгласилъ, что плодами революціи должно наслаждаться все безъ исключенія общество, произведшее революцію. Въ этомъ собственно и состояло главное преступленіе Бабефа, потому что государственные перевороты и насильственные акты въ періодъ революціи совершались всѣми партіями безъ исключенія. Господствующими классами были вмѣнены Бабефу въ вину именно эти соціалистическія слѣдствія, выведенныя имъ изъ революціи. По этой же самой причинѣ господствующіе классы старались запятнать его память и представить его личность въ уродливомъ свѣтѣ. Система Бабефа, безъ сомнѣнія, была незрѣла и расплывчата. Но если бы ея осуществленіе и повлекло за собою всѣ тѣ несчастья, которыхъ ждали отъ нея господствующіе классы, то и въ такомъ случаѣ положеніе французскаго народа было бы гораздо лучше, чѣмъ при бѣдствіяхъ и неурядицахъ, вызванныхъ господствомъ буржуазіи, которая устроила 9-ое термидора и создала конституцію III года.

Заговоръ Бабефа былъ послѣдней попыткой возстановить во Франціи народовластіе. Послѣ этого общественная власть осталась въ рукахъ господствующихъ классовъ, а затѣмъ перешла въ желѣзныя руки военной диктатуры.

Вандея и роялисты.

Ужасное пораженіе эмигрантовъ на Киберонѣ не прекратило возстанія въ Вандеѣ. Старые вожди Шареттъ и Стофле нарушили миръ съ республикой Шареттъ начальствовалъ надъ повстанцами въ самой Вандеѣ, Стофле руководилъ возстаніемъ въ Анжу, а Жоржъ Кадудаль, успѣвшій пріобрѣсти большую извѣстность, произвелъ возмущеніе въ Бретани. Когда въ возмутившихся провинціяхъ распространилась вѣсть о томъ, что самъ графъ д'Артуа въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотъ опытныхъ офицеровъ направляется въ Вандею, чтобы стать во главѣ возстанія, послѣднее стало принимать грозный для республики характеръ. Легитимитскіе крестьяне снова начали тогда тол ами стекаться подъ знамена Шаретта и Стофле. Принцъ въ самомъ дѣлѣ появился у береговъ Бретани въ сопровожденіи англійской эскадры. Но онъ расположился на островѣ «d'Yeu и не предпринималъ никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій, а когда Шареттъ вмѣстѣ со своимъ войскомъ подошелъ къ морю, ожидая, что принцъ, наконецъ, высадится, послѣдній вдругъ перемѣнилъ свое рѣшеніе. Онъ прислалъ Шаретту свою шпагу съ надписью: «я никогда не отступаю!»—а самъ поспѣшно бѣжалъ, не желая рисковать своей драгоцѣнной жизнью. Графъ д'Артуа отплылъ обратно въ Англію, и Шаретту оставалось лишь горько жаловаться на трусость принца.

Большая часть крестьянъ разбѣжалась, а вожди возстанія стали ссориться между собою. Въ то же самое время Гошъ началъ вести свою умную политику примиренія. Этотъ молодой генералъ собралъ значительное войско и сталъ дѣйствовать иначе, чѣмъ генералы конвента, которые со своими «адскими колоннами» разгромили Вандею, но не сумѣли справиться съ возстаніемъ. Гошъ прежде всего сталъ дружелюбно обращаться съ духовенствомъ, которое пользовалось огромнымъ вліяніемъ въ возставшихъ провинціяхъ. Онъ обезпечилъ духовенству уваженіе и терпимость, и такимъ образомъ успѣлъ до извѣстной степени примирить его съ республикой. Поджоги и убійства стали болѣе рѣдкимъ явленіемъ. Тогда Гошъ очень ловко размѣстилъ отдѣльныя части своего войска въ разныхъ областяхъ Вандеи и успѣлъ отрѣзать отрядамъ повстанцевъ возможность сообщаться другъ съ другомъ. Послѣ этого онъ началъ отнимать оружіе у населенія, а тамъ, гдѣ ему добровольно не выдавали оружія, Гошъ накладывалъ арестъ на скотъ и жизненные припасы и, такимъ образомъ, добивался выдачи оружія. Такъ умиротворилъ онъ одну провинцію за другой, пока область возстанія не ограничилась одной небольшой территоріей. Здѣсь Гошъ началъ подавлять возстаніе уже весьма энергично. Онъ обрушился на возставшихъ и началъ преслѣдовать ихъ съ такой энергіей, что они не успѣли оглянуться, какъ были частью разбиты и истреблены, а частью разсѣяны. Стофле въ февралѣ мѣсяцѣ былъ выданъ республиканцамъ измѣнниками изъ среды своихъ товарищей и разстрѣлянъ въ Анжерѣ. Шареттъ былъ въ январѣ разбитъ на голову и потерялъ послѣднее свое войско, численностью въ 5.000 человѣкъ. Онъ принужденъ былъ бѣжать и скитался въ странѣ,

преслѣдуемый генералъ-адъютантомъ Гоша Траво. Въ концѣ концовъ у него осталось лишь около 50 человѣкъ, и врагамъ удалось окружить его въ лѣсу. Послѣ отчаяннаго сопротивленія онъ, сильно раненый, былъ захваченъ въ плѣнъ и разстрѣлянъ въ Нантѣ въ мартѣ 1796 г. Во время казни онъ самъ скомандовалъ солдатамъ: «пли!» и до послѣдней минуты своей жизни сохранилъ то мужество, съ которымъ велъ свою упорную борьбу съ республикой.

Послѣ этого Гошъ направилъ свои силы противъ Кадудаля, который принужденъ былъ отступить въ Бретань, и здѣсь попалъ въ такое отчаянное положеніе, что бросилъ все и бѣжалъ съ нѣсколькими спутниками въ Англію. Такъ кончилось роялистское возстаніе, которое долгое время опустошало нѣсколько провинцій Франціи и заливало ихъ кровью. 15 іюня 1796 г. директорія оффиціально сообщила палатамъ о прекращеніи гражданской войны.

Однако въ этой мѣстности, гдѣ господствовала такая неимовѣрно фанатичная преданность династіи Бурбоновъ и такая же неимовѣрная ненависть къ республикѣ, сохранилось еще достаточно горючаго матеріала для того, чтобы здѣсь при первомъ же случаѣ вновь вспыхнула гражданская война.

Пораженіе Вандеи явилось для роялистовъ такимъ же тяжелымъ ударомъ, какъ и катастрофа на Киберонѣ, и они теперь снова вступили на путь тайныхъ заговоровъ, такъ какъ лишились возможности открыто продолжать возстаніе. Роялистскіе мятежи во Франціи были хорошо организованы. Въ это время существовало три крупныхъ агентуры бурбонскаго двора, который находился тогда въ Бланкенбургѣ, въ Гарцѣ. Аббатъ Бротье, игравшій извѣстную роль уже въ Киберонской экспедиціи, бывшій членъ парламента Лавиль д'Эрнуа и морской офицеръ Дювернь дю-Прель составили планъ организаціи роялистскаго возстанія въ Парижѣ. Они рѣшили внезапно начать возстаніе, перебить директорію и ея министровъ и арестовать палаты. Они разсчитывали получить поддержку со стороны Ліона и Вандеи. Затѣмъ, въ Юрѣ долженъ былъ появиться «Людовикъ XVIII», послѣ чего, какъ они надѣялись, должна была возстать уже вся Франція. Чтобы ввести въ обманъ французовъ, новый монархъ долженъ былъ объявить амнистію. Слѣдовало ожидать, что парламентъ кассируетъ амнистію, и тогда уже начнется кровавая расправа со всѣми республиканцами и революціонерами, наступленія которой такъ страстно ждали роялисты. .

Заговорщики, получавшіе всѣ инструкціи отъ министра «Людовика XVIII», старались навербовать себѣ сообщниковъ въ арміи. Они разсчитывали найти ревностныхъ роялистовъ въ лицѣ начальника директоріальной гвардіи Рамеля и ротмистра Мало, который отличался своими рѣзкими выходками противъ демократовъ и прославился бойней, учиненной имъ на Гренельской равнинѣ. Роялисты обратились къ этимъ офицерамъ и встрѣтили съ ихъ стороны довольно дружелюбный пріемъ. Заговорщики довѣрились офицерамъ и условились явиться къ Мало, взявъ съ собой свои бумаги. Они пришли на квартиру Мало и принесли съ собой полномочія, присланныя имъ «Людовикомъ XVIII». Здѣсь они, вмѣстѣ съ компрометирующими ихъ бумагами были захвачены полиціей, которой Мало заранѣе донесъ обо всемъ.

Бумаги, попавшія въ руки полиціи, настолько скомпрометировали заговорщиковъ, что ихъ дѣло казалось совершенно безнадежнымъ. Тѣмъ не менѣе директорія съ изумительной мягкостью отнеслась къ роялистамъ заговорщикамъ, которые въ случаѣ удачи отнеслись бы даже къ создателямъ конституціи 1791 г., какъ къ преступникамъ, достойнымъ смертной казни. Судъ надъ агентами «Людовика XVIII» рѣзко отличался отъ суда надъ Бабефомъ. Хотя этихъ обвиняемыхъ тоже предали военному суду, но судъ призналъ смягчающія ихъ вину обстоятельства и приговорилъ ихъ къ десятилѣтнему тюремному заключенію.

Роялизмъ вскорѣ пересталъ нуждаться въ заговорахъ и тайной агитаціи. Онъ могъ смѣло поднять свою голову въ парламентѣ, и мы съ нимъ тамъ снова встрѣтимся.

Походъ 1796 г.

Къ концу 1795 г. военныя предпріятія французовъ стали вестись поразительно небрежно. Замѣтно было, что воодушевленіе, господствовавшее въ 1793 и 1794 гг., исякло. Журданъ и Пишегрю двинулись на нижній и средній Рейнъ, гдѣ союзники занимали еще только Майнцъ и Люксембургъ. Люксембургъ былъ взятъ, а Майнцъ осажденъ французами. Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ сраженій французы при Нейвидѣ перешли черезъ Рейнъ и взяли Дюссельдорфъ и Маннгеймъ. Вскорѣ однако французы снова были отброшены за Рейнъ; Майнцъ былъ освобожденъ, а Маннгеймъ снова взятъ штурмомъ арміей генерала Вурмзера. Между тѣмъ, талантливый генералъ Пишегрю перешолъ на сторону роялистовъ и вступилъ въ тайныя сношенія съ врагами. Такимъ образомъ, его дѣйствія парализовались имъ самимъ. Пишегрю вскорѣ былъ заподозрѣнъ въ измѣнѣ и отставленъ.

Послѣ заключенія мира съ Испаніей, въ Пьемонтъ, гдѣ Келлерманъ терпѣлъ одно пораженіе за другимъ, прибылъ Шереръ со своей освободившейся теперь арміей и блестящей побѣдой, одержанной имъ при Лоано, вновь доставилъ французамъ перевѣсъ.

31 декабря на Рейнѣ заключено было перемиріе.

На морѣ французамъ не везло. Франція вмѣстѣ со своей союзницей, Батавской республикой, терпѣла неудачи въ борьбѣ съ властительницей морей—Англіей. Англія воспользовалась случаемъ для захвата земель, вознаграждая себя такимъ образомъ за пораженіе на Киберонѣ, о которомъ Фоксъ, когда ему сказали, что тамъ не было пролито ни капли англійской крови, замѣтилъ, что зато англійской чести потеряно тамъ безъ мѣры. Англія отняла у Франціи всѣ остававшіяся еще въ ея владѣніи земли на малыхъ Антильскихъ островахъ, а у Батавской республики—всѣ ея владѣнія на Цейлонѣ и на мысѣ Доброй Надежды. Она протянула свои хищническія руки и къ острову Гаити, но черный союзникъ республики Туссенъ л'Увертюръ побѣдоносно отразилъ нападеніе.

Въ 1796 г. французы снова и съ неожиданной энергіей возобновили военныя дѣйствія. Въ движеніяхъ военныхъ силъ Франціи сказывалась могучая рука Карно. Его смѣлый планъ наступленія на Австрію таилъ въ

себѣ большую опасность для этого исконнаго и неутомимаго врага Франціи. Сформированы были три сильныя арміи, которыя должны были разными путями проникнуть въ центръ Австріи и сойтись въ Вѣнѣ. Маасская и самбрская армія должна была подъ предводительствомъ Журдана перейти черезъ Рейнъ и, ворвавшись во Франконію, съ сѣвера направиться къ Вѣнѣ. Рейнской арміи, которою командовалъ искренній республиканецъ и бравый генералъ Моро, предстояло переправиться черезъ верхній Рейнъ и добраться до Вѣны черезъ Швабію и Баварію. Наконецъ, итальянской арміи надлежало пройти черезъ Ломбардію и пробиться къ Вѣнѣ черезъ Тироль. Благодаря ходатайству директора Барра, командованіе надъ итальянской арміей было ввѣрено генералу Бонапарту. Бонапартъ былъ женатъ на вдовѣ казненнаго генерала Богарнэ, красивой и изящной креолкѣ Жозефинѣ Таше де-ла-Пажери. Эта дама была пріятельницей Барра и частой гостьей въ салонахъ директора. Она преподнесла своему супругу постъ главнокомандующаго итальянской арміей въ видѣ свадебнаго подарка.

Тѣмъ, что Австрія на этотъ разъ не была задавлена сильнымъ натискомъ французовъ, она обязана особенному счастью и стратегическому таланту эрцгерцога Карла, которому предстояло развернуть свои дарованія въ этой гигантской борьбѣ. Но въ то же время и Бонапартъ въ этой кампаніи началъ серію своихъ блестящихъ побѣдъ, благодаря которымъ онъ на 20 лѣтъ приковалъ къ себѣ вниманіе всего міра.

31 марта было заявлено объ окончаніи перемирія. Журданъ и Моро двинулись черезъ Рейнъ, а Бонапартъ черезъ Альпы.

Журданъ 4 іюня отбросилъ австрійцевъ въ битвѣ при Альтенкирхенѣ и, быстро подвигаясь впередъ, заставилъ ихъ отступить. Но тутъ вдругъ появился эрцгерцогъ со своей огромной арміей. Онъ всѣми своими силами обрушился на Журдана и послѣ нѣсколькихъ сраженій отбросилъ его къ нижнему Рейну.

Успѣхъ эрцгерцога былъ однако только кажущимся. Карно предписалъ рейнской арміи Моро начать наступленіе, и Моро удалось сейчасъ же обнаружить свои блестящія военныя дарованія. Онъ отбросилъ австрійцевъ, наступавшихъ подъ предводительствомъ стараго Вурмзера, и 10 іюня въ сраженіи подъ Эттлингеномъ разбилъ подоспѣвшаго эрцгерцога Карла. Это повлекло за собою отступленіе австрійцевъ по всей линіи черезъ Швабію и Баварію. Одновременно съ этимъ и Журданъ снова перешелъ въ наступленіе и отбросилъ австрійцевъ. Онъ появился передъ Франкфуртомъ, который защищали австрійцы, и городъ этотъ сдался послѣ усиленной бомбардировки. Позже и Майнцъ снова перешелъ въ руки французовъ.

Мелкими государствами и имперскими землями южной Германіи овладѣлъ, при видѣ отступленія австрійцевъ, паническій страхъ. Они поспѣшили заключить миръ съ французской республикой. Баденъ подписалъ миръ въ Баденъ-Баденѣ, а Вюртембергъ и Швабскій округъ въ Штуттгартѣ. Этимъ государствамъ пришлось уступить Франціи свои владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна и уплатить значительную контрибуцію.

Журданъ вторгся во Франконію, и его побѣдоносное движеніе впередъ заставило имперскія земли верхне-саксонскаго и франконскаго округовъ

поспѣшно войти въ соглашеніе съ Франціей. Когда же Моро появился у Леха, то и мюнхенцы растерялись, и курфюрстъ баварскій заключилъ миръ съ Франціей, причемъ уплатилъ французамъ 10 милліоновъ франковъ наличными деньгами, предоставилъ имъ изъ своей галлереи 20 лучшихъ картинъ по ихъ выбору и, кромѣ всего этого, выдалъ имъ натурою большое количество припасовъ.

Французскія войска, ничего не получавшія изъ Парижа, облагали тяжелой данью тѣ земли и провинціи, которыя они захватывали и по которымъ проходили. Офицеры, позволявшіе себѣ позже въ наполеоновскихъ войнахъ различнаго рода притѣсненія, вымогательства и грабежи, въ это время начинали свою карьеру. Это уже не были вдохновенные борцы за свободу. На нѣмецкія провинціи тогда набросилась орда хищныхъ искателей приключеній. Грабежи, насилія надъ женщинами и дѣвушками и всякаго рода жестокости стали заурядными явленіями, и высшіе начальники при всемъ своемъ желаніи не были въ силахъ прекратить безчинства. Все это вызывало въ мѣстномъ населеніи сильнѣйшее озлобленіе, которое неминуемо должно было отразиться на самихъ же французахъ при ихъ отступленіи.

Съ другой стороны, и союзники не совсѣмъ безупречны въ своемъ обращеніи съ французами. Война создаетъ свое особое право, которое въ сущности сводится къ праву сильнаго.

Бонапартъ въ это время успѣлъ одержать въ Италіи крупныя побѣды, и положеніе Австріи стало критическимъ. Всѣ надежды сосредоточились на молодомъ эрцгерцогѣ Карлѣ.

Эрцгерцогъ внезапно измѣнилъ свою позицію по отношенію къ французской арміи, стоявшей на Рейнѣ, и двинулся черезъ Дунай на сѣверъ. Онъ сумѣлъ искусно скрыть передвиженіе своей арміи отъ Моро и соединился съ Вартенслебеномъ, который былъ оттѣсненъ къ Богемской границѣ Журданомъ, успѣшно наступавшимъ въ верхней Франконіи. Затѣмъ эрцгерцогъ со всей своей арміей обрушился на Журдана, не ожидавшаго такого энергичнаго нападенія, и при Амбергѣ обратилъ въ бѣгство маасскую и самбрскую армію. Моро, передъ которымъ стояла армія Латура, имѣвшая цѣлью отвлечь его вниманіе, принудилъ эту армію къ отступленію и поспѣшилъ на помощь къ Журдану. Но Моро не въ силахъ былъ воспрепятствовать наступленію эрцгерцога, который энергичнымъ натискомъ разбилъ французовъ на голову въ битвѣ при Вюрцбургѣ и заставилъ ихъ бѣжать въ безпорядкѣ.

Тогда повсюду поднялись крестьяне, натравляемые духовенствомъ на «безбожныхъ» французовъ, и стали нападать на французовъ, истребляя ихъ по одиночкѣ и цѣлыми группами. Доведенные до крайняго озлобленія жестокостью французовъ, они не знали пощады. Отступленіе Журдана совершалось въ самой ужасной обстановкѣ, какую только можно себѣ представить при подобныхъ обстоятельствахъ. При Альтенкирхенѣ Журданъ снова пытался дать сраженіе, но его деморализованная армія потерпѣла полное пораженіе. Въ битвѣ при Альтенкирхенѣ палъ въ цвѣтѣ лѣтъ мужественный и благородный генералъ Марсо, прославившійся своей храбростью и гуманностью. Этотъ пылкій и красивый воинъ былъ за свое благородство

любимъ и друзьями и врагами. Его похоронили съ трогательной торжественностью, и впослѣдствіи на мѣстѣ его кончины ему воздвигнули памятникъ. Журданъ передалъ начальство генералу Берновиллю, который съ остатками мааской и самбрской арміи отступилъ къ Дюссельдорфу.

Ужасное пораженіе, нанесенное Журдану, совершенно измѣнило положеніе дѣлъ. Побѣдоносный эрцгерцогъ, не теряя ни минуты, двинулся на армію Моро, чтобы обойти ее и совершенно отрѣзать отъ Франціи.

Несмотря на всѣ свои таланты, Моро не отличался особой смѣлостью. Иначе онъ, несмотря на пораженіе Журдана, вѣроятно двинулся бы впередъ, такъ какъ ему на руку были побѣды Бонапарта въ Италіи. Но въ силу своей осторожности и предусмотрительности онъ предпочелъ отступать, чтобы не оставить французскую границу безъ прикрытія. Это отступленіе прославило Моро. Для него потребовалось много искусства, такъ какъ за французами гнались австрійцы подъ начальствомъ Латура, а эрцгерцогъ, поспѣшившій изъ Франконіи, всѣми силами старался отрѣзать рейнской арміи путь къ отступленію. Моро энергично пробился черезъ Баварію, Швабію и Шварцвальдъ, и въ 37 дней достигъ Рейна, гдѣ эрцгерцогъ осаждалъ кельнскій мостъ. Отброшенный при Эммендингенѣ Моро отступилъ черезъ Рейнъ близъ Гюнингена въ концѣ октября 1796 г. Это отступленіе причисляется къ самымъ славнымъ дѣяніямъ эпохи революціонныхъ войнъ.

Если Австрія и одержала на сѣверѣ побѣду надъ своими противниками, то на югѣ у нея оказался болѣе серьезный врагъ, надъ которымъ ей не суждено было взять верхъ. Этимъ противникомъ былъ генералъ Бонапартъ. Здѣсь суждено было разыграться событіямъ, приведшимъ весь міръ въ изумленіе и повергшимъ старую Австрію въ горе, отчаяніе и ужасъ. На этотъ разъ державѣ, которая уже въ теченіе пяти лѣтъ безпрерывно совершала нападенія на Францію, пришлось потерпѣть сильнѣйшее пораженіе.

Когда Бонапартъ прибылъ въ итальянскую армію, онъ нашелъ ее въ самомъ плачевномъ состояніи. Въ арміи царила распущенность; солдаты не получали въ достаточномъ количествѣ ни продовольствія, ни одежды; а объ уплатѣ солдатамъ жалованья не было и рѣчи. Молодой главнокомандующій немедленно же и энергично принялся за устраненіе этихъ непорядковъ. Онъ добылъ деньги и продовольствіе для войска и смѣстилъ многихъ никуда негодныхъ офицеровъ и вороватыхъ чиновниковъ, замѣнивъ ихъ способными людьми. Онъ сумѣлъ возбудить въ войскѣ энтузіазмъ, посуливъ солдатамъ богатую добычу и славу. Уже первая изъ его прокламацій воспламенила сердца арміи, которая позже стала лучшей въ Европѣ.

«Солдаты», писалъ Бонапартъ, «вы голодаете и ходите почти нагими, Правительство обязано вамъ очень многимъ, но оно въ настоящій моментъ не въ силахъ сдѣлать для васъ что-нибудь. Ваше терпѣніе и мужество дѣлаютъ вамъ честь, но не доставляютъ вамъ ни выгоды, ни славы. *Я поведу васъ въ плодороднѣйшія мѣста міра. Вы увидите большіе города и богатыя земли. И тамъ вы добудете себѣ не только славу, но и богатства.* Развѣ у васъ, солдаты итальянской арміи, не хватитъ на это мужества?»

Къ солдатамъ еще никто никогда не обращался съ подобной рѣчью, и слова Бонапарта не могли не увлечь ихъ. Энтузіазму французской арміи

австрійцы могли противопоставить лишь дисциплину, рожденную изъ подъ палки. На сардинскую армію, которой командовалъ генералъ Колли, трудно было положиться; большинство сардинцевъ было охвачено проникшимъ къ нимъ изъ Франціи стремленіемъ къ новшествамъ.

Бонапартъ все это прекрасно понималъ и сумѣлъ обратить въ свою пользу. Онъ проявилъ изумительную энергію, соединенную съ дальновидностью. Онъ носился съ грандіозными планами, и въ его обращеніи къ войску проявился его эгоизмъ. Онъ обрушился на Италію не только съ цѣлью добыть себѣ славу, но и съ цѣлью обогащенія. И солдаты, которымъ онъ тоже посулилъ и славу и богатства, пошли за нимъ полуголодные, полунагіе и плохо вооруженные, но съ лихорадочно горящими, жадными глазами. Онъ велъ ихъ къ побѣдѣ.

Австрійскій генералъ Больe, который выступилъ противъ Бонапарта, былъ старъ и отличался всѣми дурными качествами старой школы—нерѣшительностью, малоподвижностью и педантизмомъ. Онъ относился къ республиканскому генералу съ презрѣніемъ. Да и какъ могъ онъ иначе относиться къ юному полководцу, который и степеней службы не прошелъ, какъ слѣдуетъ, и на котораго австрійскіе мастера военнаго дѣла могли смотрѣть только какъ на выскочку? Но Больe пришлось очень быстро перемѣнить свое мнѣніе о Бонапартѣ. Благодаря его медлительности при передвиженіяхъ французскій генералъ имѣлъ достаточно времени, чтобы хорошо подготовиться къ нападенію. Больe отдѣлился отъ сардинцевъ, находившихся подъ начальствомъ Колли. Этого Бонапартъ только и ждалъ. Онъ двинулся со своими колоннами и 11 апрѣля напалъ на австрійцевъ при Монтенотте. Здѣсь полковникъ Рампонъ, окруженный непріятелемъ, подъ непріятельскимъ огнемъ заставилъ своихъ 1.200 солдатъ поклясться, что они живыми не сдадутъ своихъ укрѣпленій. Солдаты дали клятву и съ непреоборимымъ мужествомъ отстояли свои позиціи, отъ чего зависѣлъ исходъ битвы. Австрійцы потерпѣли полное пораженіе и отступили, энергично преслѣдуемые французами. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ, изъ которыхъ французы вышли побѣдителями, Больe убѣдился въ томъ, что онъ совершенно отрѣзанъ отъ Колли. Тогда Бонапартъ напалъ на Колли и при Мондови нанесъ ему такое рѣшительное пораженіе, что сардинцы бѣжали въ Туринъ, а туринскій дворъ въ ужасѣ сталъ просить у Бонапарта мира. Бонапартъ согласился заключить перемиріе съ Викторомъ-Амадеемъ II, но на очень тяжелыхъ для послѣдняго условіяхъ. Виктору Амадею II пришлось навсегда уступить Франціи Савойю и Ниццу, открыть ей свои крѣпости, изгнать французскихъ эмигрантовъ и даровать амнистію пьемонтскимъ демократамъ, которыхъ онъ раньше подвергалъ преслѣдованіямъ. Такъ Туринъ былъ наказанъ за то, что онъ въ свое время сдѣлался центромъ, въ которомъ французскіе эмигранты свободно занимались своими интригами.

Согласно условіямъ туринскаго мира, который былъ заключенъ вскорѣ послѣ перемирія и подтвердилъ всѣ вышеозначенныя условія, Викторъ-Амадей навсегда выступилъ изъ коалиціи. Иначе онъ не могъ бы сохранить свой тронъ.

дари, убѣдившіеся въ паденіи австрійскаго могущества, вскорѣ послѣдовали ему. Папа Пій VI и правительства Пармы, Модены и Неаполя стали просить мира и признанія Франціей ихъ нейтралитета; то же сдѣлала и аристократическая генуэзская республика.

Бонапартъ вскорѣ доказалъ, что онъ не только полководецъ, но и дипломатъ, хотя его дипломатія и отличалась извѣстной грубостью. Чтобы получить свободу дѣйствій, онъ заключилъ перемиріе со всѣми тѣми государствами, которыя просили у него мира. Но послѣ этого онъ заставилъ ихъ уплатить значительную контрибуцію и выдать ему крупную дань натурой. Онъ выбралъ множество картинъ и статуй изъ музеевъ, въ которыхъ хранились сокровища итальянскаго искусства, и отправилъ ихъ въ Парижъ. Бонапартъ полагалъ, что онъ такимъ путемъ способствуетъ возвеличенію Франціи. Папѣ больше всѣхъ другихъ пришлось поплатиться за свое враждебное отношеніе къ французской республикѣ. Онъ уплатилъ Франціи 20 милліоновъ франковъ, отдалъ сто лучшихъ своихъ картинъ и статуй и пятьсотъ самыхъ цѣнныхъ рукописей изъ ватиканской библіотеки. Герцогу моденскому пришлось уплатить 10 милліоновъ контрибуціи и отдать 20 своихъ картинъ, а герцогу пармскому—4 милліона и 20 картинъ. Неаполь принужденъ былъ уплатить 5 милліоновъ контрибуціи. И Генуѣ тоже пришлось уплатить крупную сумму въ 4 милліона.

Этими суммами Бонапартъ поправилъ разстроенные финансы французскаго правительства, которое такимъ образомъ мало-по-малу избавлялось отъ пагубныхъ бумажныхъ денегъ. Слѣдуя древнему варварскому принципу, согласно которому война должна питаться войною же, Бонапартъ содержалъ свою армію на счетъ тѣхъ странъ, въ которыхъ его войско находилось. Развѣ удивительно послѣ этого, что при подобномъ способѣ веденія войны, сопровождавшейся всѣми обычными для того времени ужасами, развилась и соотвѣтствующая система грабительства?

Въ 1793 г. генералъ Кюстинъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности на основаніи поступившихъ изъ Германіи жалобъ на наложенные имъ контрибуціи и поборы. А теперь побѣдоносные генералы не въ силахъ были награбить столько, сколько требовалось, чтобы удовлетворить алчность французскаго правительства, нуждавшагося въ деньгахъ. Бонапартъ во время итальянскаго похода не только добылъ себѣ славу, но и сдѣлалъ выгодное дѣло.

Заключивъ перемиріе съ Пьемонтомъ, Бонапартъ снова выступилъ противъ австрійцевъ. Онъ не давалъ покою отступавшему Больё и оттѣснилъ его за По. Больё отступилъ за Адду передъ врагомъ, силу котораго онъ теперь позналъ, и попытался отстоять лодійскій мостъ. Австрійцы помѣстили на этомъ мосту, который имѣлъ въ длину 300 футовъ, 14 орудій. Берегъ Адды охранялся множествомъ стрѣлковъ. Мостъ съ виду былъ неприступенъ, но Бонапартъ приказалъ взять его штурмомъ. Это опасное порученіе взялись выполнить Ожеро, Массена и Бертье. Они стали во главѣ штурмовыхъ колоннъ и пробились сквозь убійственный пушечный и ружейный огонь. Смѣлый приступъ кончился удачно. Нѣсколько разъ отбро-

шенные французы снова сплачивались и въ концѣ концовъ обратили австрійцевъ въ безпорядочное бѣгство. Такимъ образомъ, битва у моста закончилась полнымъ пораженіемъ Больё. Эта побѣда имѣла огромное значеніе для французовъ: къ нимъ въ руки перешла Ломбардія. Они заняли Павію, Пиццигетону и Кремону. Больё бѣжалъ со своей деморализованной и сильно уменьшившейся въ своей численности арміей за Эчъ съ цѣлью найти гамъ новую оборонительную позицію. 15-го мая Бонапартъ, какъ тріумфаторъ, совершилъ въѣздъ въ столицу Ломбардіи—Миланъ.

Народъ встрѣтилъ французовъ съ восторгомъ, потому что ему крайне ненавистно было господство австрійцевъ. Миланцы смотрѣли на французовъ какъ на своихъ освободителей и были счастливы, когда Бонапартъ ввелъ въ завоеванной имъ области республиканскій образъ правленія. Созданіе циспаданской и транспаданской республикъ, т. е. республикъ, расположенныхъ по сю и по ту сторону рѣки По, представляло собою первое крупное политическое твореніе побѣдоноснаго генерала. Изъ миланскаго герцогства была образована транспаданская республика. Для образованія циспаданской республики необходимо было завладѣть моденскимъ герцогствомъ. Французы заявили герцогу, что перемиріе кончилось, и заняли его страну. Скупой и деспотичный герцогъ моденскій бѣжалъ со всѣмм своими сокровищами въ Венецію, но послѣ паденія Венеціи и его богатства попали въ руки французовъ. Обѣ вышеупомянутыя республики-дочери впослѣдствіи были преобразованы въ одну цизальпинскую республику.

Ломбардцамъ однако вскорѣ пришлось убѣдиться въ томъ, что генералъ Бонапартъ не во имя свободы выступилъ въ походъ. Ломбардцы полагали, что они благодаря французамъ освободились отъ австрійскаго ига, и немало изумлены были тѣмъ, что попали подъ еще болѣе тяжелое иго. Бонапартъ, очевидно, подъ давленіемъ жадной директоріи безъ дальнихъ околичностей обложилъ Ломбардію контрибуціей въ размѣрѣ двадцати милліоновъ франковъ. Тогда восторгъ, съ которымъ встрѣчены были французы, смѣнился глубокимъ недовольствомъ, и въ Миланѣ и Павіи дѣло дошло даже до вооруженныхъ возстаній, которыя удалось подавить лишь съ большимъ трудомъ. Съ этого момента увлеченіе французами навсегда прошло у ломбардцевъ.

Пока новую республику надѣляли правительствомъ и администраціей, скроенными вполнѣ по французскому образцу, Бонапартъ снова двинулся противъ австрійцевъ. Больё тѣмъ временемъ успѣлъ выйти въ отставку, и командованіе надъ австрійскими войсками, находившимися въ Италіи, было поручено старому маршалу Вурмзеру, который былъ суровъ и храбръ и не отличался особыми военными талантами. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ престарѣлыхъ австрійскихъ педантовъ, которые обыкновенно говорили о Бонапартѣ:

«Съ этимъ человѣкомъ трудно что-либо сдѣлать! Онъ не придерживается правилъ, предписываемыхъ военной наукой».

Въ рукахъ австрійцевъ еще находилась крупная и важная въ стратегическомъ отношеніи крѣпость Мантуя, безъ обладанія которою, собственно говоря, нельзя было еще считать себя владыкою Ломбардіи. Бона-

партъ въ іюлѣ съ большимъ рвеніемъ повелъ осаду этой крѣпости, между тѣмъ какъ Вурмзеръ занялся организаціей новой арміи. Обѣ стороны сознавали важное значеніе крѣпости Мантуи. Французы прилагали всѣ свои усилія къ тому, чтобы овладѣть этимъ пунктомъ; австрійцы же съ своей стороны изо всѣхъ силъ старались освободить Мантую и утвердиться въ ней, чтобы воспользоваться ею, какъ опорнымъ пунктомъ для освобожденія Италіи отъ владычества французовъ.

Воспользовавшись тирольцами, всегда находившимися въ боевой готовности, Вурмзеръ довелъ численность своей арміи до 80 тысячъ человѣкъ, между тѣмъ какъ войско Бонапарта едва насчитывало 50 тысячъ солдатъ. Когда Вурмзеръ выступилъ изъ Тироля, имѣя на своей сторонѣ численный перевѣсъ, то на первый взглядъ казалось, что французамъ придется плохо. Но Бонапартъ своимъ взглядомъ полководца быстро оцѣнилъ слабыя стороны противника. Вурмзеръ слишкомъ растянулъ свои войска, и Бонапартъ использовалъ этотъ моментъ для нападенія. Онъ со свойственной ему рѣшительностью прекратилъ осаду Мантуи и даже оставилъ въ рукахъ враговъ около 200 своихъ тяжелыхъ осадныхъ орудій. Вурмзеръ думалъ, что Бонапартъ бѣжитъ отъ него, но ему вскорѣ пришлось разочароваться. Смѣлымъ передвиженіемъ арміи Бонапартъ достигъ того, что ему удалось напасть на одну изъ частей войска Вурмзера. Съ этимъ корпусомъ справился Ожеро, а послѣ этого самъ Бонапартъ напалъ на Вурмзера и 5 августа разбилъ его на голову въ кровопролитномъ бою при Кастильоне. Въ этой битвѣ Бонапартъ проявилъ весь свой стратегическій талантъ; всѣ его маневры были настолько хорошо продуманы и выполнены, что сраженіе стоило сравнительно мало жертвъ и все же доставило французамъ полную побѣду.

Вурмзеръ бѣжалъ съ остатками своей арміи обратно въ Тироль, а Бонапартъ снова осадилъ крѣпость Мантую. Австрія напрягала всѣ свои силы въ этой ужасной войнѣ. Она какъ бы изъ подъ земли добывала свѣжія войска. Уже къ концу августа Вурмзеръ выступилъ изъ Тироля съ новой арміей, чтобы выручить Мантую. Бонапартъ двинулся навстрѣчу австрійцамъ вверхъ по Эчу, оставивъ для блокады крѣпости слабый корпусъ. Вурмзеръ, какъ и раньше, растянулъ свои войска, и Бонапартъ снова сумѣлъ это использовать. Въ кровопролитной битвѣ при Роуедеро 4 сентября Вурмзеръ снова былъ разбитъ на голову. Французы врѣзались въ середину австрійской арміи и заняли Тріентъ, главную квартиру Вурмзера.

Вурмзеръ полагалъ, что Бонапартъ теперь направится въ Австрію, и рѣшился на смѣлый маневръ. Онъ двинулся къ Ментчу со своимъ разбитымъ, но все еще способнымъ къ бою войскомъ. Бонапартъ однако поспѣшно послѣдовалъ за нимъ. Вурмзеру удалось выйти побѣдителемъ изъ нѣсколькихъ незначительныхъ стычекъ, но онъ затѣмъ снова былъ разбитъ Ожеро при Солано и Бонапартомъ при Бассанѣ. Не видя передъ собою другого исхода, Вурмзеръ долженъ былъ рѣшиться на попытку пробиться въ Мантую, что ему удалось выполнить. 12 сентября онъ пробился въ крѣпость, которую французы тотчасъ же снова окружили со всѣхъ сторонъ. Борьба за крѣпость приняла теперь для обѣихъ сторонъ тѣмъ болѣе гибельный характеръ, что болотистая и нездоровая почва вызвала и въ средѣ осажденныхъ и въ средѣ

осаждающихъ рядъ острыхъ заболѣваній. Австрійцы насчитывали въ своемъ лагерѣ 9000, а у французовъ было 15,000 больныхъ лихорадкой.

Міръ съ изумленіемъ слѣдилъ за побѣдами молодого генерала, а французы были польщены его подвигами. Въ средѣ господствующихъ классовъ Франціи снова стали развиваться чувства національной гордости, замѣнившія прежнее братское отношеніе ко всѣмъ народамъ. Особенно польщены они были, когда Мюратъ, бывшій адъютантъ Наполеона, передавая директоріи захваченныя у австрійцевъ знамена, доложилъ:

«Въ теченіе одного только похода завоевана Италія, совершенно уничтожены три сильныхъ вражескихъ арміи и захвачено свыше 50 непріятельскихъ знаменъ. Кромѣ того, 40,000 австрійцевъ принуждены были сложить оружіе, и все это сдѣлала армія, едва насчитывающая 50,000 французовъ и находящаяся подъ предводительствомъ генерала, которому едва исполнилось 27 лѣтъ».

Если Бонапартъ думалъ, что онъ спокойно сумѣетъ довести до конца блокаду Мантуи и голодомъ принудитъ враговъ къ сдачѣ, то онъ ошибся, потому что Австрія въ теченіе короткаго времени собрала новое войско, намѣреваясь отправить его на выручку осажденной крѣпости. Командованіе надъ этой арміей поручено было генералу Альвинци, который былъ опытенъ, храбръ и талантливъ и доставилъ немало хлопотъ Бонапарту. Пораженія Альвинци большею частью объясняются тѣмъ, что его свѣже набранное войско не могло сравняться съ испытанными въ бояхъ французскими батальонами.

Австрійцевъ ободрилъ успѣхъ, выпавшій имъ на долю въ битвахъ съ Журданомъ и Моро, и Альвинци въ ноябрѣ энергично и быстро двинулъ свои войска изъ долины Эча. Въ нѣсколькихъ кровопролитныхъ стычкахъ онъ отбросилъ французовъ. При Арколѣ, у рѣки Альпонъ, впадающей въ Эчъ, столкнулись между собою главныя силы враговъ, и здѣсь произошла трехдневная кровопролитная битва 15, 16, и 17 ноября. Австрійцы 15 ноября заняли Арколь, отъ обладанія которымъ зависѣлъ исходъ битвы. Черезъ Альпонъ велъ мостъ. Австрійцы заградили путь къ нему и укрѣпили его пушками. Съ свойственной ему рѣшительностью Бонапартъ, какъ и въ битвѣ при Лоди, приказалъ напасть на австрійское укрѣпленіе съ фронта. На штурмъ пошли Ожеро, Лапъ, Бонъ и Вернъ, которые среди французскихъ генераловъ отличались особой отвагой, но они были отбиты сильнымъ огнемъ австрійцевъ. Ожеро удалось водрузить на мосту французское знамя, но онъ не сумѣлъ увлечь за собою своихъ солдатъ.

Бонапартъ поспѣшилъ къ мѣсту сраженія, убѣдился въ безуспѣшности попытокъ взять мостъ приступомъ и тотчасъ же поручилъ генералу Гюйе перейти нѣсколько выше въ бродъ черезъ Альпонъ и такимъ образомъ обойти австрійцевъ съ тылу. Молодому и пылкому полководцу надоѣло однако ждать, пока Гюйе выполнитъ свой маневръ, и онъ самъ пошелъ на приступъ. Схвативъ въ руки знамя, онъ собралъ вокругъ себя отборныхъ храбрецовъ и, крикнувъ имъ: «Слѣдуйте за своимъ генераломъ!», бросился впередъ къ мосту. Высоко держа въ рукѣ знамя, Бонапартъ подъ градомъ пуль пробивался впередъ. Въ его сплоченную колонну сыпался залпъ за залпомъ. Храбрѣйшіе изъ солдатъ Бонапарта пали мертвыми. На глазахъ полководца убитъ

былъ его адъютантъ. Нападающимъ удалось пробиться уже до самыхъ австрійцевъ, какъ вдругъ враги открыли по ихъ густымъ рядамъ убійственную пальбу картечью. Тутъ нападавшіе отступили. Австрійцы бросились на нихъ со штыками и прогнали ихъ обратно, при чемъ Бонапартъ былъ оттиснутъ въ болото, въ которомъ чуть не утонулъ. Изъ трясины его освободили нѣсколько гренадеровъ. Онъ вскочилъ на лошадь, весь покрытый грязью, и снова отбросилъ австрійцевъ за Альпонъ. Но австрійцы все-таки отстояли мостъ. Гюйе лишь ночью окончилъ свой маневръ и тогда увидѣлъ, что австрійцы покинули деревню Арколь, но и французы ушли къ своему лагерю. Поэтому и онъ перешелъ обратно черезъ Альпонъ, а австрійцы на слѣдующій день снова заняли деревню Арколь, за которой происходила такая кровопролитная борьба.

Исходъ битвы на второй день былъ нерѣшителенъ. Французы были отбиты съ значительнымъ уономъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они выступали противъ австрійскихъ позицій, но и австрійцамъ, оставлявшимъ свои позиціи съ намѣреніемъ напасть на французовъ, приходилось отступать послѣ кровопролитныхъ схватокъ. Положеніе дѣлъ не измѣнилось и къ вечеру второго дня. Но позиція австрійцевъ оказалась поколебленной. На третій день битвы Бонапарту путемъ различныхъ ловкихъ маневровъ удалось внушить австрійцамъ увѣренность, будто имъ грозитъ опасность подвергнуться нападенію съ тылу. Австрійцамъ показалось, что французы обошли ихъ съ обоихъ фланговъ, и, когда послѣдніе энергично повели противъ нихъ общую аттаку по всей линіи, они отступили и оставили позиціи, которыя защищали въ теченіе такого продолжительнаго времени. Австрійцы подверглись энергичному преслѣдованію со стороны своихъ враговъ, и Альвинци отвелъ свои истощенныя войска за Бренту. Однако послѣ этой ужасной битвы въ отдыхѣ нуждались и французы, у которыхъ были ранены почти всѣ высшіе офицеры. Такимъ образомъ, перемиріе наступило само собою. Лишь блокаду Мантуи французы повели еще энергичнѣе, чѣмъ раньше, такъ какъ и третья попытка освободить крѣпость кончилась для австрійцевъ неудачей.

Слава о Бонапартѣ облетѣла весь міръ, и этотъ молодой человѣкъ, еще годъ тому назадъ обивавшій пороги пріемныхъ у высшихъ офицеровъ, прося о назначеніи, теперь сталъ объектомъ почти суевѣрнаго поклоненія со стороны своего войска и значительной части французскаго народа. Его подвиги создали ему такую славу, о которой онъ, несмотря на все свое честолюбіе, едва ли смѣлъ когда-либо мечтать. Онъ сумѣлъ, вмѣсто прежняго стремленія къ свободѣ, внушить своей арміи стремленіе къ славѣ и добычѣ. Грубость солдата сочеталась въ его характерѣ съ хитростью и коварствомъ дипломата, и онъ обладалъ всѣми чертами законченнаго государственнаго дѣятеля уже въ то время, когда на него продолжали еще смотрѣть какъ на *«маленькаго капрала»*, какъ въ шутку называли его солдаты. Этому «маленькому капралу» суждено было стать наслѣдникомъ великой революціи, и его честолюбивыя мечты должны были исполниться.

Послѣ распаденія великой коалиціи, директорія обратила свое вниманіе на Англію и стала придумывать способы, какъ бы отмстить ей за дѣятельность Питта. Этотъ государственный дѣятель пускалъ въ ходъ всѣ доступныя

могущественной Англіи средства, чтобы нанести ущербъ Франціи и погубить ее. Побуждаемый ненавистью къ демократіи, онъ закрылъ французскимъ товарамъ доступъ въ Великобританію; приказалъ захватывать французскіе корабли, поддерживалъ заговоры противъ французскаго правительства, содѣйствовалъ вооруженнымъ вторженіямъ во Францію и не остановился даже передъ такой низкой мѣрой, какъ массовое распространеніе фальшивыхъ французскихъ ассигнатовъ. Прежде всего французы снарядили множество каперныхъ судовъ, которыя стали наносить немалый ущербъ морской торговлѣ Англіи. А затѣмъ директорія въ С-тъ Ильдефонсо заключила союзъ съ Испаніей, и послѣдняя въ октябрѣ 1796 г. объявила войну Англіи, энергично и вполнѣ основательно протестуя противъ наглой и коварной политики Англіи, какъ морской державы.

Но директорія намѣрена была совершить нападеніе и на англійскую территорію, и она рѣшила воспользоваться для экспедиціи недовольствомъ ирландцевъ. Гошу поручено было высадиться въ Ирландіи съ 15-ти тысячной арміей, и онъ вышелъ въ море въ декабрѣ мѣсяцѣ. Буря однако разсѣяла его флотъ. Ирландскихъ береговъ достигла лишь часть кораблей, да и они вскорѣ вернулись обратно во Францію. Экспедиція кончилась полной неудачей.

Зато къ Франціи вновь перешла Корсика, которая возстала противъ занявшихъ ее англичанъ. Корсиканцы изгнали англичанъ и, не желая быть подданными жадной къ завоеваніямъ Англіи, присоединились къ Франціи.

Партіи.

Директорія не пользовалась въ странѣ ни уваженіемъ, ни любовью. Народъ равнодушно относился къ перемѣнамъ въ средѣ правительственной власти. Послѣ того, какъ ни возстанія, ни стремленія мирнымъ путемъ облегчить участь народа не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, народъ сталъ съ нѣмымъ смиреніемъ сносить всѣ бѣдствія, посылаемыя ему судьбой. Онъ отдавалъ свои кровныя деньги на содержаніе войска въ республикѣ и безучастно относился къ раздорамъ партій, старавшихся захватить правительственную власть въ свои руки. Въ это время въ составъ борющихся партій входили исключительно господствующіе классы, при чемъ борьба между ними происходила на почвѣ различія ихъ интересовъ. Конституція III г., разрознившая силы партій, сильно способствовала обостренію этой борьбы.

Если уже раньше та треть состава палатъ, въ которую не входили бывшіе члены конвента, была роялистически настроена, то теперь, при ближайшихъ дополнительныхъ выборахъ, палаты пополнились исключительно роялистами. Это обстоятельство неожиданно доставило роялистамъ большинство въ палатахъ. Перемѣна въ составѣ палатъ легко объясняется тѣмъ, что правительство не пользовалось никакимъ довѣріемъ со стороны народа. Французы подавали свои голоса за роялистовъ только потому, что они не желали имѣть дѣла съ представителями развращенной директоріи. Пораже-

ше, нанесенное правительству, подняло духъ роялистовъ. Они подавляющимъ большинствомъ голосовъ избрали президентомъ «пятисотъ» генерала Пишегрю, который послѣ отставленія отъ должности присоединился къ роялистамъ и, благодаря этому, попалъ въ число «пятисотъ». Потерпѣвъ столько неудачъ въ своихъ попыткахъ произвести насильственный переворотъ, роялисты теперь надѣялись достигнуть своей цѣли и вернуть въ страну династію Бурбоновъ, оставаясь исключительно на почвѣ конституціоннаго права. Они еще болѣе укрѣпились въ своихъ надеждахъ, когда въ директорію проникъ фанатичный роялистъ. Согласно законамъ конституціи, одинъ изъ пяти директоровъ былъ обязанъ по жребію выйти изъ состава директоріи, и жребій палъ на Летурнера. Роялистскія палаты прислали на его мѣсто Бартелеми, французскаго посла въ Базелѣ, который былъ извѣстенъ какъ убѣжденный роялистъ.

Это повело къ расколу въ средѣ директоріи, потому что и Карно сталъ въ оппозиціи къ остальнымъ директорамъ. «Организаторъ побѣды», который пользовался въ это время въ Европѣ такой славой, что знаменитый историкъ Нибуръ заявилъ, что онъ готовъ былъ бы съ нимъ раздѣлить послѣдній кусокъ хлѣба, не соглашался во мнѣніи со своими коллегами, стремившимися насильственнымъ путемъ свергнуть роялистовъ и такимъ образомъ утвердить свою власть. Карно былъ демократомъ и всей душой былъ преданъ демократіи. Поэтому онъ неизбѣжно долженъ былъ расходиться во взглядахъ съ развращеннымъ Барра, корыстолюбивымъ и надменнымъ Ревбеллемъ и жирондистомъ Ларевельеромъ-Лепо. Карно, быть можетъ, милѣе всего была бы вполнѣ демократическая конституція, вродѣ конституціи 1793 года. Но разъ народъ принялъ уже конституцію III г., онъ не желалъ допускать ея нарушенія. Это и служило причиной того, что Карно обыкновенно выступалъ вмѣстѣ съ Бартелеми противъ большинства директоріи, хотя онъ въ силу своихъ взглядовъ никакъ не могъ быть заодно съ роялистами.

Расколъ въ средѣ директоріи долженъ былъ вызвать самыя серьезныя послѣдствія. Палаты и ихъ роялистское большинство старались, насколько это было возможно, использовать его. Директорія сталкивалась съ самой рѣзкой оппозиціей со стороны народныхъ представителей,—оппозиціей, исключавшей всякую возможность примиренія. Палаты дали возможность преступившимъ свою клятву священникамъ и эмигрантамъ вернуться въ страну и вновь начать здѣсь агитацію за возстановленіе прежняго режима. Казалось, что вся общественная жизнь страны сосредоточилась теперь вокругъ роялизма и роялистовъ. Въ палатѣ «пятисотъ», въ салонахъ, клубахъ и на улицахъ разсуждали только объ одномъ—о возвращеніи Бурбоновъ во Францію. Роялисты основали клубъ «Клиши», который поставилъ себѣ цѣлью парламентскимъ путемъ добиться установленія конституціонной монархіи. Въ противовѣсъ этому клубу республиканцы создали такъ называемый Сальмскій клубъ, который долженъ былъ содѣйствовать сохраненію конституціи III г. Но ни одинъ изъ этихъ клубовъ не могъ уже теперь занять положенія прежнихъ народныхъ обществъ, потому что ни за однимъ изъ нихъ не стоялъ народъ.

Реакція все больше и больше овладѣвала палатой «пятисотъ». Нѣкій Камиллъ Жорданъ, позже вновь выплывшій на поверхность въ Веймарскомъ литературномъ обществѣ, проектировалъ вернуть церкви всѣ привилегіи, которыми она пользовалась до 1789 г. Онъ не рѣшился сразу выступить съ этимъ проектомъ и ограничился тѣмъ, что сначала внесъ предложеніе о возвращеніи церковныхъ колоколовъ. Но онъ встрѣтилъ такое противодѣйствіе, какого не могъ ожидать. Его предложеніе было съ хохотомъ отвергнуто, и онъ съ тѣхъ поръ получилъ прозвище «Жордана-звонаря».

Предложеніе Жордана многихъ устрашило. Окружающіе увидѣли въ немъ стремленіе къ полному возстановленію всѣхъ привилегій католической церкви и побоялись, что роялисты захотятъ вернуть національныя имущества ихъ прежнимъ владѣльцамъ. Поэтому директорія не встрѣтила никакого противодѣйствія со стороны общества, когда она приняла энергичныя мѣры противъ роялистовъ.

Такимъ образомъ, теперь снова столкнулись между собою двѣ партіи: партія роялистовъ, имѣвшая на своей сторонѣ палаты, клубъ «Клиши» и аристократическіе салоны, и партія республиканцевъ, на сторонѣ которой стояли директорія, армія и Сельмскій клубъ. Роялисты стремились низвергнуть конституцію конституціоннымъ же путемъ, а республиканцы желали сохранить ту же конституцію насильственнымъ путемъ. Что касается народа, то онъ равнодушно слѣдилъ за этой борьбой и не проявлялъ интереса ни къ одной изъ партій.

Палаты использовали затруднительное финансовое положеніе директоріи для того, чтобы подвергнуть правительство рѣзкимъ нападкамъ. Финансовые агенты директоріи своими мошенническими продѣлками истощили средства правительства, опустошили его кассы и ослабили кредитъ. Особенно отличились своими мошенничествами и растратами поставщики арміи. Генералъ Журданъ какъ-то сказалъ, что онъ ни разу не получалъ для арміи больше десяти тысячъ порцій въ день, хотя правительство уплачивало поставщикамъ за сто пятьдесятъ тысячъ порцій въ день. Палаты требовали отъ директоріи, чтобы она упорядочила финансы. Но для того, чтобы упорядочить финансы, требовались прежде всего новыя денежныя средства. Послѣднія могли быть добыты только путемъ введенія новыхъ налоговъ, а на это палаты не давали согласія. Между директоріей и палатами возникали конфликты и по поводу колоніальной политики, и по поводу свободы печати, и по поводу всякихъ вопросовъ внѣшней и внутренней политики. Всѣ государственныя дѣла были запущены, потому что директорія при всякомъ новомъ своемъ мѣропріятіи сталкивалась съ противодѣйствіемъ роялистовъ.

При ближайшемъ обновленіи трети состава палатъ роялисты, безъ сомнѣнія, заняли бы всѣ мѣста въ палатахъ. Директоры Барра, Ревбелль и Ларевельеръ-Лепо рѣшили путемъ государственнаго переворота предупредить переполненіе палатъ роялистами и устранить насильственнымъ путемъ оппозицію, какъ въ самой директоріи, такъ и въ палатахъ. Они постарались обезпечить себѣ поддержку арміи, и это имъ вполнѣ удалось. Они обратились къ войскамъ съ воззваніями, написанными рѣзкимъ и пламеннымъ языкомъ. Поддержки ждали главнымъ образомъ со стороны ге-

нераловъ Бонапарта, Гоша, Ожеро и другихъ офицеровъ, преданныхъ республикѣ. Хотя Бонапартъ и находился въ интимной перепискѣ съ Карно, тѣмъ не менѣе онъ изъявилъ директоріи свою безусловную преданность, а Лапнъ на одномъ банкетѣ поднялъ тостъ за гибель роялистскаго клуба «Клиши». Армія Бонапарта послала директоріи адресъ, въ которомъ она обращалась къ палатамъ со словами:

«Трепещите, роялисты, потому что отъ Эча до Сены для насъ одинъ шагъ. *Трепещите, потому что грѣхи ваши сочтены, и острія нашихъ штыковъ готовы воздать вамъ должное.* Мы глубоко возмущены тѣмъ, что интриги роялизма грозятъ нанести ущербъ свободѣ. Тѣнями героевъ, павшихъ за отечество, мы поклялись вести непримиримую борьбу съ роялизмомъ. Наши чувства раздѣляютъ всѣ патріоты. Итакъ, пусть роялисты только посмѣютъ шелохнуться, и они вмигъ исчезнутъ съ лица земли!».

Роялисты были устрашены рѣзко республиканскимъ языкомъ, которымъ будущій цезарь выразилъ чувства своихъ солдатъ. Этотъ адресъ ободрилъ также и директорію, у которой вышли разногласія съ генераломъ Гошемъ. Директорія приказала Гошу двинуть къ окрестностямъ Парижа нѣсколько полковъ мааской и самбрской арміи, находившейся подъ его начальствомъ. По законамъ же конституціи войска не имѣли права подходить къ Парижу ближе, чѣмъ на 6 міріаметровъ (около 50 верстъ). Гошъ не зналъ, какъ ему поступить, и вернулся обратно къ своей арміи въ Гиссень. Адресъ итальянской арміи былъ доставленъ директоріи генераломъ Ожеро, суровымъ солдатомъ, отличавшимся большимъ мужествомъ и считавшимъ себя лучшимъ генераломъ въ мірѣ (о Бонапартѣ онъ обыкновенно отзывался, какъ о человѣкѣ «среднихъ способностей»). Ожеро, дитя Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, былъ вполнѣ подходящимъ человѣкомъ для того, чтобы желѣзною рукою задавить роялизмъ. Благодаря своему, тогда еще демократическому образу мыслей, онъ отличался особой ревностью къ службѣ, и роялистамъ стало жутко, когда они узнали о появленіи въ Парижѣ Ожеро, проявившаго безумную смѣлость при взятіи аркольскаго моста. Въ скоромъ времени завязалась отчаянная схватка между революціонно-настроенными военными и роялистами, стремившимися свергнуть конституцію конституціоннымъ путемъ.

Переворотъ 18-го фруктидора.

Роялисты, у которыхъ въ это время роль вождей играли генералы Пишегрю и Вилло, прекрасно понимали, что директорія намѣрена путемъ государственнаго переворота освободиться отъ роялистской оппозиціи, стѣснявшей свободу ея дѣйствій. Стягиваніе войскъ къ Парижу, которое представляло собой нарушеніе конституціи, взволновало роялистовъ, и они намѣревались внести въ палаты предложеніе о преданіи суду директоровъ Барра, Ревбелля и Ларевельера-Лепо. Многіе изъ роялистскихъ депутатовъ были настолько неувѣрены въ завтрашнемъ днѣ, что даже избѣгали ночевать у себя на квартирахъ.

Роялисты намѣрены были арестовать вышеупомянутыхъ трехъ директоровъ въ случаѣ, если палаты примутъ ихъ предложеніе о возбужденіи судебнаго преслѣдованія противъ представителей власти. Намѣрены ли были роялисты также поднять возстаніе,—неизвѣстно. У нихъ врядъ ли была возможность устроить возстаніе, и они поневолѣ должны были ограничиться законными способами борьбы.

Директорія получила свѣдѣнія объ измѣнѣ Пишегрю черезъ Моро. Послѣдній нашелъ въ захваченной имъ каретѣ какого-то австрійскаго генерала всю переписку Пишегрю съ врагами. Моро не сразу объявилъ объ этой важной находкѣ. Быть можетъ, онъ поступалъ такъ изъ трусости, а быть можетъ и потому, что не рѣшался предать своего прежняго товарища по оружію. Какъ бы то ни было, но въ этотъ критическій моментъ онъ представилъ директоріи найденныя имъ бумаги.

Роялисты старались подготовиться къ тому, чтобы оказать правительству сопротивленіе въ палатахъ. Они снабдили большими полномочіями инспекторовъ зданій палаты, между которыми находились Пишегрю и Вилло, и передали послѣднимъ начальство надъ стражей, охранявшей законодательное собраніе. Кромѣ того, они позаботились и о возстановленіи національной гвардіи для того, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи роялистскія секціи, и составили предложеніе объ удаленіи войскъ изъ Парижа. Директорія однако не дала имъ времени предпринять какіе-нибудь рѣшительные шаги. Въ ночь на 4-ое сентября (18 фруктидора) Барра, Ревбелль и Ларевельеръ-Лепо привели въ исполненіе давно задуманный ими планъ государственнаго переворота.

Въ эту ночь Ожеро со стянутыми въ окрестности Парижа войсками двинулся въ городъ, и вскорѣ 12.000 солдатъ съ большимъ количествомъ боевыхъ орудій окружили Тюльери, гдѣ находились Пишегрю, Вилло и всѣ остальные инспекторы палатъ. Тюльери занимала стража законодательнаго собранія, но она, повидимому, не сильно увлекалась роялизмомъ, потому что не оказала никакого сопротивленія Ожеро, когда онъ арестовалъ ея начальника Рамеля. Ожеро подошелъ со своими солдатами къ рѣшеткѣ Тюльерійскаго замка, опустилъ свою обнаженную шпагу и спросилъ: «*Вы—республиканцы?*». Но это гренадеры, охранявшіе замокъ, отвѣтили криками: «*Да здравствуетъ Ожеро! Да здравствуетъ директорія*», открыли ворота, впустили Ожеро съ его солдатами и присоединились къ послѣднимъ. Ожеро произвелъ обыскъ во всѣхъ помѣщеніяхъ Тюльери и арестовалъ инспекторовъ палатъ, въ числѣ которыхъ находились Пишегрю и Вилло. Затѣмъ онъ занялъ войсками главнѣйшіе пункты города. Этимъ завершился переворотъ, и войскамъ вскорѣ осталось лишь одно задержать въ различныхъ частяхъ города не пользовавшихся любовью народа депутатовъ, роялистскихъ журналистовъ и возвратившихся во Францію священниковъ и эмигрантовъ. Многія изъ лицъ, внесенныхъ директоріей въ проскрипціонный списокъ, бѣжали. Въ числѣ бѣжавшихъ находился и Карно. Нѣтъ основаній смѣшивать Карно съ роялистами,—онъ палъ жертвой ненависти своихъ товарищей-директоровъ. Ему удалось бѣжать въ Швейцарію, и тамъ онъ описалъ всѣ постыдныя дѣянія Барра и его товарищей.

Весь государственный переворотъ 18 фруктидора совершенъ былъ въ теченіе 2 часовъ, и парижане только на слѣдующее утро узнали изъ расклеенныхъ по городу объявленій, что директорія избавила республику отъ большого роялистскаго заговора. Широкая публика, равнодушно относившаяся къ политической борьбѣ, не имѣла никакого понятія о той опасности, которая грозила государству. Правда, роялисты стремились низвергнуть конституцію законнымъ путемъ, а сама директорія спасла конституцію, прибѣгнувъ къ государственному перевороту, т. е. нарушивъ ее, но развѣ партіи задумываются надъ законностью примѣняемыхъ ими мѣръ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы удержать въ своихъ рукахъ власть?

Въ этотъ день въ Парижѣ снова раздались клики: «*Да здравствуетъ республика*»,—клики, которыхъ давно уже не слышно было въ столицѣ Франціи. Палаты назначили свои засѣданія въ Одеонѣ и въ фармакологической школѣ. Трибуны для публики впервые снова заполнились народомъ, котораго привлекло сюда любопытство. Вначалѣ палаты замѣтно были настроены противъ совершившагося государственнаго переворота. Но вскорѣ получилось посланіе директоріи, въ которомъ послѣдняя пыталась оправдать принятыя ею мѣры. Директорія писала, что если бы промедлили еще недѣлю, то республика попала бы въ руки враговъ, что даже палаты переполнились заговорщиками, которые прошлою ночью добыли оружіе и организовали мятежныя собранія. «На карту поставлена была бы», говорилось въ концѣ посланія, «безопасность общества и преданныхъ республикѣ депутатовъ, если бы послѣднихъ оставили вмѣстѣ съ врагами отечества и не избавили отъ адскаго заговора».

На палаты подѣйствовали эти факты, и онѣ одобрили чрезвычайныя мѣры, принятыя директоріей. Онѣ оправдали даже и призваніе войскъ въ Парижъ, актъ представлявшій собою нарушеніе конституціи. Далѣе, на основаніи закона объ общественномъ благосостояніи директорія получила какъ бы диктаторскую власть и не замедлила воспользоваться ею.

На этотъ разъ заговорщикамъ не удалось отдѣлаться такъ легко, какъ тѣмъ роялистамъ, которые участвовали въ открытомъ въ прошломъ году заговорѣ и получали инструкціи изъ Бланкенбурга. Правда, и теперь тоже никто не былъ приговоренъ къ смертной казни, но жертвы переворота были осуждены на ссылку въ знойныя, болотистыя и нездоровыя мѣста Кайенны. Къ ссылкѣ были приговорены директоры Карно и Бартелеми, 41 человѣкъ изъ числа членовъ «пятисотъ» (между ними Буасси Д'Англа, Пишегрю, Бурдонъ изъ Уазы, ставшій роялистомъ, Вилло и Вилларе-Жуаезъ); одиннадцать членовъ сената (между ними Роверъ и Тронсонъ-Дюкудрэ); кромѣ этихъ лицъ, къ ссылкѣ были приговорены еще Рамель, генералъ Миранда и бывшій членъ конвента Майль. Къ этой группѣ осужденныхъ присоединили еще трехъ вождей роялистскаго заговора прошлаго года и издателей-редакторовъ 35 изданій, которыя были враждебно настроены по отношенію къ директоріи.

Большинство осужденныхъ было отправлено въ Кайенну. Часть изъ нихъ бѣжала оттуда, а остальные погибли подъ вліяніемъ нездороваго климата.

Выборы въ 48 департаментахъ были признаны недѣйствительными, и директоріи были предоставлены широкія полномочія въ вопросѣ объ отмѣнѣ выборовъ, представлявшихъ опасность для республики. Далѣе, снова были возстановлены отмѣненные совѣтомъ «пятисотъ» законы противъ эмигрантовъ и отвергшихъ присягу священниковъ. На мѣсто обоихъ приговоренныхъ къ ссылкѣ директоровъ были избраны Мерленъ изъ Дуэ и Франсуа изъ Нефшато, пользовавшіеся репутаціей республиканцевъ.

Такимъ образомъ, на короткое время снова установилось нѣчто вродѣ революціоннаго правительства, но послѣднему недоставало ни энергіи, ни умѣнія улучшить благосостояніе Франціи. Въ средѣ правительства и правительственныхъ органовъ по прежнему продолжалъ царить безпорядокъ. Нецѣлесообразность конституціи вскорѣ снова проявилась, въ качествѣ источника конфликтовъ, приведшихъ въ концѣ концовъ къ паденію конституціи, которую возможно было сохранить исключительно путемъ безпрерывныхъ ея нарушеній.

Генералъ Гошъ, вступившій тѣмъ временемъ съ самбрской и маасской арміей въ предѣлы Германіи, скончался въ Ветцларѣ 18 сентября 1797 г. отъ болѣзни, оставшейся неясною врачамъ. Директорію обвиняли въ томъ, что она отравила молодого полководца, но это, вѣроятно, было клеветнической выдумкой роялистовъ. Многіе полагаютъ, что если бы генералъ Гошъ остался въ живыхъ, то онъ явился бы опаснымъ соперникомъ для Бонапарта. Разбираться въ томъ, дѣйствительно ли бы случилось это, не стоитъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ молодой генералъ умеръ въ полномъ блескѣ своей воинской славы, въ качествѣ республиканскаго полководца. Онъ въ теченіе самаго короткаго времени достигъ высшаго положенія въ арміи, прославилъ республику своими блестящими побѣдами и, несмотря на всѣ свои успѣхи и тріумфы, сумѣлъ сохранить мягкость и чуткость души. Среди суровыхъ солдатъ того времени было мало людей, похожихъ на него.

Походъ 1797 г.

Весною 1797 г. Гошъ и Моро снова перешли черезъ Рейнъ и почти безпрепятственно проникли до Франкфурта и Шварцвальда. Бонапартъ же простоялъ всю зиму подъ Мантуей, которую упорно защищалъ старый Вурмзеръ. Австрія снова попыталась освободить осажденную крѣпость и поспѣшно собрала новое войско. Командованіе надъ нимъ было передано Альвинци, и войско получило знамя, собственноручно вышитое австрійской императрицей. Надѣялись, что такое знамя воодушевитъ солдатъ къ борьбѣ, и, если принять во вниманіе положеніе дѣлъ въ то время, то слѣдуетъ сказать, что подобныя надежды могли явиться только у очень оптимистически настроенныхъ людей. Венгерскіе государственные чины въ засѣданіи сейма въ Пресбургѣ 12 ноября 1796 г. ассигновали кредитъ для новой войны и согласились послать войска въ Мантую послѣ того, какъ Францъ II разъяснилъ доблестнымъ мадьярамъ, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о борьбѣ за «высшія блага» (въ сущности дѣло шло только объ итальянскихъ владѣніяхъ Габс-

бургскаго дома), о борьбѣ съ націей, которая «своей жестокостью, некультурностью и своимъ безбожіемъ превзошла всѣ варварскіе народы»... Эти слова императора оказали большое вліяніе на мадьяръ: они развязали свои кошельки, и Альвинцы, разбитый въ ноябрѣ мѣсяцѣ могъ уже въ январѣ двинуться съ новымъ войскомъ къ Мантуѣ.

Вначалѣ Альвинци повезло: онъ прогналъ со всѣхъ позицій тѣ слабые отряды Бонапарта, которые послѣдній расположилъ на сѣверѣ отъ Мантуи, въ качествѣ прикрытія для осаждающихъ; но затѣмъ Бонапартъ, находившійся въ это время въ Болоньѣ, поспѣшно вернулся къ мѣсту военныхъ дѣйствій и бросился на Альвинци со всѣмъ своимъ войскомъ. Произошла битва при Риволи, продолжавшаяся отъ 14 до 16 января, самая ужасная и самая кровопролитная изъ всѣхъ битвъ этой войны. Австрійцы нѣсколько раздвинули свои отряды, намѣреваясь обойти французовъ и напасть на нихъ съ тылу, но Бонапарту удалось путемъ рѣшительнаго и ловкаго маневра размѣстить свои отряды между отдѣльными частями австрійскаго войска, послѣ чего онъ сначала разбилъ самого Альвинци у Риволи, а затѣмъ въ одиночку справился съ разъединенными корпусами непріятеля. Австрійцевъ охватилъ паническій ужасъ. Они бѣжали, какъ разсказываетъ самъ Альвинци, въ безумномъ страхѣ,—бѣжали, несмотря на то, что главнокомандующій приказалъ тутъ же застрѣлить солдата за ослушаніе, и несмотря на то, что свита Альвинци ударами сабель останавливала бѣглецовъ. Послѣ этого кровопролитнаго боя у Альвинци изъ 25.000 солдатъ осталось только 10.000.

Такъ какъ у осажденныхъ исчезла всякая надежда на освобожденіе, и такъ какъ Мантуя совершенно изголодалась, то пришлось сдать крѣпость. 2 февраля 1797 г. Вурмзеръ сдалъ Мантую, изъ-за которой велась такая кровопролитная борьба. Самъ Вурмзеръ со своимъ штабомъ, съ 700 солдатъ и 6 пушками получилъ право свободнаго отступленія, а весь остальной гарнизонъ съ 500 орудій былъ взятъ въ плѣнъ. Гарнизонъ состоялъ изъ 12.000 солдатъ. Къ тому факту, что Бонапартъ избавилъ стараго Вурмзера отъ плѣна, австрійцы отнеслись, какъ къ проявленію особаго уваженія со стороны побѣдителя. По всей вѣроятности, Бонапартъ надѣялся, что Вурмзеръ снова получитъ командованіе надъ войскомъ и снова дастъ ему возможность разбить себя.

Наступило шестинедѣльное перемиріе, и вся Европа восхищалась молодымъ генераломъ, обнаружившимъ такую геніальность. А между тѣмъ, Австрія еще не признала себя побѣжденной и не желала заключать мира. Когда директорія предложила австрійскому кабинету заключить перемиріе и приступить къ мирнымъ переговорамъ, она получила высокомѣрный отвѣтъ: «Въ Вѣнѣ ничего неизвѣстно о существованіи французской республики». Вскорѣ однако Вѣнѣ пришлось горько раскаяться въ своемъ незнаніи. Она принуждена была униженно просить мира у той самой республики, которой раньше не желала признавать.

Если директорія надѣялась найти въ лицѣ Бонапарта покладистаго генерала, то ей вскорѣ пришлось убѣдиться въ своей ошибкѣ. Молодой полководецъ распоряжался въ завоеванной имъ области, какъ абсолютный монархъ, и вполнѣ произвольно измѣнялъ границы государствъ. Онъ сое-

динилъ республики, находившіяся по сю и по ту сторону рѣки По, въ одну предальпійскую республику и при этомъ нисколько не заботился о томъ, пріятно ли директоріи его политическое творчество, потому что сознавалъ, какъ необходимы правительству тѣ побѣды, о которыхъ онъ извѣщалъ его, и тѣ милліоны, которые онъ ему пересылалъ. Популярность Бонапарта и пламенная привязанность солдатъ защищали его отъ всякихъ нападокъ со стороны директоріи, а тѣ времена, когда комитетъ благоденствуя позволялъ себѣ сурово наказывать честолюбивыхъ генераловъ давно миновали.

Для «округленія» границъ предальпійской республики Бонапарту понадобилась часть папской области, и онъ извѣстилъ св. отца Пія VI о томъ, что срокъ перемирія истекъ. Къ тому же святой отецъ не уплатилъ французамъ условленной контрибуціи и поддерживалъ сношенія съ австрійцами, что могло повлечь за собой опасность для Франціи. Далѣе, онъ никакъ не могъ рѣшиться на отмѣну всѣхъ своихъ многочисленныхъ буллъ, направленныхъ противъ республиканской Франціи. Бонапартъ не сталъ церемониться съ папой. Онъ послалъ въ церковную область войско, которое безъ труда разбило папскую армію такъ называемыхъ «солдатъ ключа» и двинулось на Римъ. Тогда св. отецъ испугался за судьбу своихъ земныхъ владѣній и уступилъ. Онъ попросилъ мира. Миръ былъ заключенъ въ Толентино, и папа отдалъ легатства Романью, Болонью и Феррару, понадобившіяся для округленія границъ предальпійской республики, сдалъ французамъ крѣпость Анкону и уплатилъ 30 милліоновъ. Что касается отмѣны папскихъ буллъ, то этому Бонапартъ не придавалъ никакого значенія.

По пути въ Римъ французы съ удовольствіемъ разграбили бы сокровища лоретской Богоматери. Но итальянцы были настолько предусмотрительны, что припрятали отъ невѣрныхъ республиканцевъ эти сокровища.

Тѣмъ временемъ Австрія приготовилась снова начать борьбу. Главнокомандующимъ въ Италіи былъ назначенъ эрцгерцогъ Карлъ, который своими побѣдами во Франконіи и на Рейнѣ въ достаточной степени проявилъ себя талантливымъ полководцемъ. Однако и онъ не былъ въ силахъ творить чудеса при борьбѣ съ геніальнымъ французскимъ генераломъ, имя котораго внушало врагамъ ужасъ. Австрійцевъ ничѣмъ нельзя было уже наэлектризовать. Въ мартѣ мѣсяцѣ Бонапартъ двинулся въ походъ, намѣреваясь проникнуть, наконецъ, въ центръ Австріи. Онъ направился со своими новоорганизованными войсками въ Тироль и Каринтію. Эрцгерцогъ пытался помѣряться къ нимъ силами въ различныхъ сраженіяхъ, но всѣ битвы кончались для австрійцевъ плачевно. Австрійцы принуждены были отступать все дальше и дальше. Бонапартъ взялъ Бриксенъ, Ботценъ, Клагенфуртъ и Лайбахъ и остановился, наконецъ, на разстояніи 36 часовъ пути отъ Вѣны. Эрцгерцогъ, быть можетъ, и замышлялъ пустить въ ходъ такой же маневръ, какой онъ употребилъ противъ Моро и Журдана и который ему врядъ ли теперь удался бы, но какъ бы то ни было, а вѣнскій дворъ потерялъ голову, когда страшный врагъ оказался на такомъ близкомъ разстояніи отъ столицы Австріи. Дворъ бѣжалъ изъ Вѣны съ безумной поспѣшностью и попросилъ перемирія, съ цѣлью вступить въ мирные переговоры съ той самой республикой, къ которой онъ недавно отнесся съ такимъ презрѣніемъ.

Бонапартъ принялъ предложенія австрійцевъ, такъ какъ венеціанская республика готовилась въ это время напасть на него съ тылу. Состоялось юденбургское перемиріе, а затѣмъ 18-го апрѣля 1797 г. въ Леобенѣ были выработаны предварительныя условія мира. Австрія совершенно отказалась отъ своихъ бельгійскихъ владѣній, уступила Франціи всѣ свои итальянскія владѣнія до Оліо и признала предальпійскую республику. Съ другой стороны, Австрія сохранила земли отъ Оліо до рѣки По. По договору въ Леобенѣ вопросъ о заключеніи мира съ германской имперіей долженъ былъ быть обсужденъ на спеціальномъ конгрессѣ.

Теперь Австрія, еще нѣсколько недѣль тому назадъ заявившая о томъ, что она ничего не знаетъ о существованіи французской республики, сама предложила признать эту республику. Однако Бонапартъ гордо отвергъ это предложеніе и сказалъ: «Французская республика сама себя признала. *Не признавать ея существованія—это все равно, что не признавать существованія солнца въ яркій день*». Австрійскимъ дипломатамъ пришлось безъ возраженій проглотить это оскорбленіе.

Такимъ образомъ, обширная коалиція, составленная Питтомъ, совершенно распалась, и теперь на аренѣ борьбы остались лишь Англія съ Португаліей. Но несмотря на всѣ пораженія на сушѣ, Питтъ оставался побѣдителемъ на морѣ. Испанскій флотъ подъ начальствомъ адмирала Кордовы готовился въ началѣ 1797 г. отплыть въ Брестъ, чтобы тамъ соединиться съ французскимъ флотомъ. У Сенъ-Винцентскаго мыса на испанцевъ напалъ болѣе слабый англійскій флотъ, находившійся подъ начальствомъ адмирала Джервиса. Испанцы были разбиты и принуждены были вернуться назадъ, понеся большія потери. Далѣе, и голландскій флотъ, ушедшій изъ Текселя подъ начальствомъ Винтера, былъ разбитъ на голову у Кампредуины старымъ англійскимъ адмираломъ Дункеномъ и отброшенъ назадъ въ Тексель, причемъ англичане захватили въ плѣнъ половину голландскихъ кораблей.

Но Бонапартъ нанесъ старымъ державамъ чувствительный ударъ съ другой стороны. Онъ бросился на старинную аристократическую венеціанскую республику, которая озлобила его своими приготовленіями къ войнѣ. Венеціанское государство, пользовавшееся когда-то славой и могуществомъ, прогнило до мозга костей. Его развращенный народъ томился подъ деспотическимъ игомъ надменныхъ патриціевъ. Если Бонапартъ не имѣлъ права разрушать это старинное государство, то и эта патриціанская республика не имѣла больше права на существованіе. Въ этомъ случаѣ столкнулись между собой сила и коварство, и побѣдительницей изъ борьбы вышла сила.

Бонапартъ безъ труда нашелъ предлогъ для нападенія на Венецію. Венеціанцы провинились тѣмъ, что осмѣлились вооружиться противъ него, кровавымъ образомъ подавили нѣсколько демократическихъ возстаній и подвергали преслѣдованіямъ приверженцевъ Франціи. Въ Веронѣ произошло кровавое столкновеніе, при чемъ городское и сельское населеніе по какому-то незначительному поводу поднялось противъ французовъ и съ варварской жестокостью расправилось съ больными, лежавшими во французскихъ лазаретахъ, и съ женщинами и дѣтьми, слѣдовавшими за обозомъ французской арміи. Въ отвѣтъ на это французы стали бомбардировать городъ изъ

занятыхъ ими замковъ. Черезъ три дня въ Верону вступили французскія войска и учинили кровавую расправу надъ населеніемъ города. Это усилило озлобленіе съ обѣихъ сторонъ. Въ Леобенскомъ договорѣ Бонапартъ обѣщалъ венеціанской республикѣ вознагражденіе за территорію, уступленную ею Австріи, и теперь онъ въ письмѣ, адресованномъ венеціанскому дожу, осыпалъ послѣдняго самыми рѣзкими упреками за то, что тотъ отплатилъ неблагодарностью за его великодушіе. Въ сущности говоря, Бонапартъ несомнѣнно не намѣренъ былъ выполнять пунктъ Леобенскаго договора, касавшійся Венеціи. Бонапартъ послалъ въ Венецію своего адъютанта Жюно, который держалъ себя передъ трепещущимъ сенатомъ такъ же рѣзко, какъ долженъ былъ держать себя побѣдоносный завоеватель. Сенатъ отправилъ къ генералу Бонапарту депутацію; послѣдній встрѣтилъ ее громовой рѣчью, въ которой онъ перечислилъ всѣ историческіе грѣхи Венеціи. Бонапартъ заявилъ, что онъ рѣшилъ, наконецъ, открыть пресловутые инквизиціонные казематы, что онъ разрушитъ свинцовыя кровли и мостъ слезъ, и что Венеція должна получить свободу мысли и слова. Если венеціанцы не сложатъ оружія, то онъ уже самъ сумѣетъ обезоружить ихъ. «*Вашъ образъ правленія устарѣлъ и долженъ исчезнуть*», сказалъ Бонапартъ въ концѣ своей рѣчи.

Напуганные патриціи съ дрожью въ голосѣ заикнулись было о денежномъ вознагражденіи, но Бонапартъ закричалъ на нихъ: «Если бы вы даже могли предложить мнѣ всѣ сокровища Перу, если бы вы даже были въ состояніи озолотить всю Францію, то и тогда вы золотомъ не могли бы искупить пролитой вами французской крови!».

Генералъ Бонапартъ не совсѣмъ серьезно говорилъ такія рѣчи, но онъ прекрасно разыгралъ комедію. Венеціи была объявлена война. Венеціанскіе патриціи пытались спасти свое государство подкупомъ: они прислали директоріи крупную сумму денегъ и предложили ей самыя выгодныя условія мира. Но Бонапартъ перехватилъ ихъ переписку, и директорія не осмѣлилась вмѣшаться въ это дѣло. Генералъ поступалъ совсѣмъ по диктаторски.

Начало военныхъ дѣйствій ускорилось, благодаря столкновенію французскаго судна съ береговыми батареями Венеціи. Французы двинулись противъ Венеціи, нанявшей для своей защиты славонскихъ солдатъ. Были сооружены батареи, и трепещущій венеціанскій сенатъ подъ громъ орудій сталъ обсуждать, что ему дѣлать. Онъ рѣшилъ реформировать конституцію въ демократическомъ смыслѣ, и тогда въ городѣ начались волненія. Реакціонно настроенная часть населенія вступила въ борьбу съ демократіей, а славонскіе наемники проявили себя ненадежными защитниками Венеціи. Сенатъ рѣшилъ впустить французовъ въ городъ для возстановленія спокойствія. Въ городъ вступило 3000 французовъ. Имъ, дѣйствительно, удалось прекратить безпорядки, но одновременно съ этимъ прекратилось и существованіе венеціанской республики. Французы уничтожили самостоятельность республики и присоединили часть ея территоріи къ Австріи, а другую часть къ предальпійской республикѣ. Іоническіе острова, принадлежавшіе Венеціи, были заняты французскимъ флотомъ.

Паденію этой старинной республики способствовало ея внутреннее разложеніе. Одновременно съ Венеціей пало и другое старинное аристократически-республиканское государство—Генуя. Патриціанское правительство послѣдней пыталось обезпечить себѣ нейтралитетъ крупнымъ выкупомъ. Но ея демократическимъ элементомъ удалось, при помощи французскаго посла, поднять въ маѣ 1797 г. возстаніе противъ аристократіи. Сельское населеніе пришло на помощь аристократіи, и въ городѣ разыгралась кровавая борьба, въ которой демократы потерпѣли бы пораженіе, еслибъ въ дѣло не вмѣшались французскія войска. Французы заняли городъ и всю территорію, принадлежавшую генуэзской республикѣ. Они превратили Геную въ дочернюю республику Франціи, даровавъ ей конституцію, составленную самимъ Бонапартомъ. Генуя получила названіе лигурійской республики.

Тѣмъ временемъ въ Кампо-Форміо близъ Удины снова начались мирные переговоры между Австріей и Франціей. Австрійцы, стремившіеся дипломатическимъ путемъ вернуть себѣ часть того, что они потеряли на полѣ битвы, требовали возвращенія Мантуи и пригрозили вмѣшательствомъ Россіи. Однако Бонапартъ показалъ, что онъ въ хитрости не уступаетъ австрійскому дипломату Кобентцлю, и добился своего, пустивъ въ ходъ грубую угрозу. Когда Кобентцль снова упомянулъ о возможности вмѣшательства со стороны Россіи, молодой французскій полководецъ въ порывѣ гнѣва схватилъ дорогую вазу, подаренную русской императрицей Екатериной II и служившую украшеніемъ Кампо-Формійскаго замка, бросилъ ее на полъ такъ, что она разлетѣлась въ дребезги, и воскликнулъ: «Отлично! Перемиріе кончилось, и война объявлена! Но берегитесь, я разобью вашу имперію на столько же кусковъ, сколько осколковъ осталось отъ этой вазы!» Тогда Кобентцль уступилъ, и 17 октября 1797 г. заключенъ былъ Кампо-Формійскій миръ. Этотъ миръ былъ очень важенъ по своимъ послѣдствіямъ: онъ преобразилъ всю верхнюю Италію и вызвалъ цѣлый рядъ измѣненій въ западныхъ границахъ германской имперіи. Австрія признала батавскую и лигурійскую республику и получила Венецію, Истрію и Далмацію, а Франція—Іоническіе острова. Зато къ Франціи перешелъ весь лѣвый берегъ Рейна, и Австрія обязалась вознаградить имперскихъ князей путемъ секуляризаціи церковныхъ имуществъ и медіатизаціи имперскихъ городовъ. Кромѣ того, Австрія обязалась вывести свои войска изъ предѣловъ германской имперіи и изъ имперскихъ крѣпостей. Позже въ Раштатѣ состоялся мирный конгрессъ, на которомъ разыгрались обычныя дипломатическія интриги. Весь 1798 годъ былъ посвященъ торгу и интригамъ на этомъ конгрессѣ. При этомъ французы держали себя на конгрессѣ очень грубо, а германскіе послы очень приниженно и смиренно. Раштатскій конгрессъ, собравшійся для дальнѣйшей разработки пунктовъ Кампо-Формійскаго мира, не привелъ ни къ какимъ результатамъ и закончился ужаснымъ и позорнымъ преступленіемъ—убійствомъ французскихъ пословъ.

Побѣды юнаго генерала привели, такимъ образомъ, къ преобразованію всей средней Европы. Имя Бонапарта облетѣло весь міръ, и эта новая яркая звѣзда успѣла затмить своимъ блескомъ всѣ другія свѣтила на политическомъ горизонтѣ. Блескъ его побѣдъ опьянилъ господствующіе классы Франціи.

Многіе сознавали, что ему предстоитъ блестящая будущность, а пока всѣ партіи надѣялись на него. Демократія считала своимъ этого популярнаго генерала, который раньше былъ другомъ якобинцевъ; въ то же время французская аристократія на основаніи его самоувѣреннаго поведенія выводила заключеніе о томъ, будто онъ втайнѣ помышляетъ о возстановленіи королевской власти. Дальновидные же люди понимали, что этотъ человѣкъ не станетъ загребать жаръ для другихъ. Его властное и диктаторское поведеніе выдавало его смѣлыя мечты.

Внутреннія волненія.

Казалось, будто вся политическая жизнь Франціи сосредоточилась въ салатахъ и парижскихъ клубахъ, потому что народная масса не проявляла вовно никакого интереса ни къ перемѣнамъ въ средѣ правительства, ни къ государственнымъ дѣламъ. Многіе изъ легко увлекающихся французовъ въ своемъ восторгѣ отъ побѣдъ Бонапарта забыли объ всемъ на свѣтѣ. Народъ же, нищету котораго эти побѣды такъ же мало уменьшили, какъ и прежнія казни въ эпоху террора, безстрастно наблюдалъ за смѣною партій у кормила общественной власти.

Государственный переворотъ 18 фруктидора вернулъ демократамъ мужество; что же касается роялистовъ, то они находились подъ гнетомъ нанесеннаго имъ удара и были обречены на бездѣйствіе. Надѣялись, что директорія попытается упрочить свое положеніе путемъ усиленія демократіи, такъ какъ ей еще недавно самой пришлось освобождаться отъ роялистскихъ заговоровъ. Но окружающіе обманулись въ своей надеждѣ. Оказалось, что директоры попрежнему продолжали свою странную и гибельную политику «колебанія». Едва успѣвъ упрочить свое положеніе, директорія снова повела кампанію противъ демократовъ, которыхъ она, въ цѣляхъ устрашенія трусливаго мѣщанства, назвала анархистами. Она совершенно произвольно оттягивала дополнительные выборы, основываясь при этомъ на диктаторской власти, которая передана была ей 18 фруктидора.

Въ противоположность республиканцамъ, сторонникамъ директоріи, демократы вступили теперь на тотъ же путь, на которомъ недавно такъ неудачно подвизались роялисты. Они рѣшили парламентскимъ путемъ возстановить конституцію 1793 г., въ то время какъ республиканцы стояли за конституцію III года.

Никакія уловки директоріи не могли остановить развитія демократической партіи. Въ этотъ моментъ къ директоріи съ ненавистью относились и имущіе классы, потому что она, въ силу испытываемыхъ ею финансовыхъ затрудненій, принуждена была прибѣгнуть къ террористическимъ мѣропріятіямъ, направленнымъ противъ богачей. Тѣми милліонами, которые присылалъ Бонапартъ, едва могла быть удовлетворена лишь незначительная часть потребностей задолжавшагося государства. Бумажныя деньги вскорѣ снова упали въ цѣнѣ до самаго низкаго уровня, и кредитъ директоріи равнялся нулю. Испытывая ужасную нужду, правительство прибѣгло къ при-

оруженія армій. Кромѣ того, оно ввело еще множество новыхъ налоговъ. Все бремя этихъ финансовыхъ мѣропріятій ложилось на плечи имущей части населенія, потому что съ обобраннаго до-гола и изголодавшагося народа нечего было уже взять. Но какъ ни обременительны были эти мѣры для тѣхъ, на кого падала вся тяжесть займа и налоговъ, результаты ихъ все же были плачевны, и директорія попрежнему нуждалась въ деньгахъ, не пользуясь ни кредитомъ ни уваженіемъ.

Изъ состава директоріи вышелъ Франсуа де-Невшато, и на его мѣсто былъ избранъ республиканецъ Трельяръ, который въ конвентѣ занималъ мѣсто въ «болотѣ» и позже принесъ много пользы при выработкѣ уложенія о наказаніяхъ.

Къ этому времени демократическая партія значительно усилилалась и при новыхъ выборахъ, которыхъ дольше уже нельзя было оттягивать, въ палаты попало большое число демократовъ. Директорія, которая не была способна обезоружить оппозицію разумной, осторожной и искусной политикой, испугалась того, что перемѣна въ составѣ палатъ приведетъ къ паденію конституціи III г. законнымъ и парламентскимъ путемъ. Поэтому она снова прибѣгла къ насильственной мѣрѣ, къ которой она, впрочемъ, имѣла право прибѣгнуть на основаніи чрезвычайныхъ полномочій, врученныхъ ей послѣ государственнаго переворота 18 фруктидора. 11-го мая 1798 г. (22-го флореаля VI г.) директорія отмѣнила всѣ тѣ демократическіе выборы, которые были ей непріятны и, замѣнила демократическихъ депутатовъ кандидатами республиканскаго меньшинства.

Благодаря этому насильственному перевороту, директоріи снова удалось продлить свое существованіе, зависѣвшее отъ безпочвенной и нарушенной ею конституціи. Однако правительство, которое могло держаться на своей позиціи лишь путемъ примѣненія нечистыхъ средствъ, все болѣе и болѣе падало въ общественномъ мнѣніи, и его дни, безъ сомнѣнія, были бы сочтены, если бы изголодавшійся и измученный продолжительной революціей народъ не относился такъ равнодушно къ политическимъ дѣламъ. И директорія, презираемая всѣми партіями, продолжала влачить свое жалкое существованіе.

Новые выборы, состоявшіеся въ 1799 г., доставили демократической партіи значительное большинство въ совѣтѣ «пятисотъ». Въ совѣтѣ же старѣйшинъ эта партія стала сильнымъ и рѣшительнымъ меньшинствомъ. На этотъ разъ директорія уже не рѣшилась такъ безцеремонно кассировать выборы, какъ въ прошлый разъ. Не могла она на это рѣшиться еще и потому, что въ ея составѣ произошла очень важная перемѣна. Перемѣна эта заключалась въ томъ, что Ревбеллю пришлось по жребію выйти изъ директоріи; и его мѣсто въ правительствѣ занялъ аббатъ Сійесъ. Важныя услуги, оказанныя послѣднимъ Франціи въ 1789 г., были почти забыты, благодаря тѣмъ превращеніямъ, которыя онъ продѣлалъ въ политическомъ отношеніи. Этотъ бывшій дворянинъ прятался въ бурное время революціи и молчалъ, когда говорить было опасно. Во время правленія директоріи, въ которую онъ не пожелалъ вступить, онъ занялъ дипломатическій постъ и пріобрѣлъ

репутацію ловкаго интригана, занимая мѣсто посла въ Берлинѣ. Аббатъ Сійесъ посвятилъ все свое время разработкѣ новой и своеобразной конституціи, отрывки которой онъ время отъ времени присылалъ своимъ друзьямъ. Благодаря своей замкнутости и своему высокомѣрію, онъ прослылъ способнымъ государственнымъ дѣятелемъ. Теперь Сійесъ рѣшилъ, что его время пришло, такъ какъ онъ вообразилъ, что ему суждено сыграть крупную роль въ исторіи Франціи. Создавая свой проектъ конституціи, онъ, повидимому, заимствовалъ изъ всевозможныхъ политическихъ системъ все, что находилъ пригоднымъ для даннаго времени. Сійесъ притворился, что сочувствуетъ демократической партіи, и ему удалось пріобрѣсти вліяніе, такъ какъ къ нему примкнули и многіе республиканцы, ожидавшіе отъ него разрѣшенія конституціоннаго вопроса. Такимъ образомъ создалась партія аббата Сійеса, занимавшая позицію между республиканцами и демократами.

Одновременно съ этимъ и въ средѣ самой директоріи начали обнаруживаться раздоры, которые должны были оказать на правительство парализующее дѣйствіе. Ларевельеръ-Лепо, Трельяръ и Мерленъ изъ Дуэ стояли за сохраненіе конституціи III г.; тщеславный Сійесъ являлся сторонникомъ своей собственной еще не вполнѣ продуманной конституціи, а распутный Барра въ это время велъ переговоры съ Бурбонами съ цѣлью низвергнуть республику.

Въ палатахъ къ этому времени тоже произошло перемѣщеніе партіи. Въ совѣтѣ старѣйшинъ большинство принадлежало къ партіи Сійеса, республиканцы были здѣсь слабы, а демократы составляли сильное меньшинство. Напротивъ, въ совѣтѣ «пятисотъ» подавляющее большинство составляли демократы, республиканцы же и партія Сійеса были здѣсь слабо представлены.

Теперь демократы и сторонники Сійеса начали сообща вести кампанію противъ конституціи III г. и ея приверженцевъ. Прежде всего они свергли Трельяра, доказавъ, что при его избраніи въ директорію было допущено нарушеніе извѣстныхъ формальностей. На мѣсто Трельяра попалъ Гойе, который былъ демократомъ и честнымъ, но мало способнымъ и слабымъ человѣкомъ. Онъ въ 1793 г. занималъ постъ министра юстиціи и въ свою бытность предсѣдателемъ палатъ въ различныхъ судебныхъ округахъ тоже не проявлялъ себя большимъ мудрецомъ. Въ это время Барра еще не подвергался нападкамъ со стороны оппозиціи, такъ какъ никому еще ничего не было извѣстно объ его измѣнѣ, и онъ умѣлъ такъ ловко льстить всѣмъ партіямъ, что каждая изъ нихъ считала его своимъ приверженцемъ. Тѣмъ рѣзче демократическая партія и партія аббата Сійеса нападали на двухъ остальныхъ директоровъ, на Мерлена изъ Дуэ и Ларевельера-Лепо. Ихъ безъ конца осыпали оскорбленіями и открыто требовали отъ нихъ выхода изъ состава директоріи. «Отчего», восклицалъ демократическій депутатъ Бертранъ въ совѣтѣ «пятисотъ», «отчего вы медлите выйти въ отставку и тѣмъ способствовать установленію въ высшихъ установленіяхъ республики единства принциповъ и стремленій? Вѣдь вы перестали пользоваться довѣріемъ даже тѣхъ низменныхъ льстецовъ, которые вырыли вамъ политическую могилу. Уступите же требованіямъ окружающихъ и кончайте свою карьеру.

Тогда истинные республиканцы, благодаря своему добродушію, сумѣютъ оцѣнить вашъ поступокъ».

Мерлену и Ларевельеру-Лепо пришлось уйти изъ директоріи, и они вышли въ отставку 18-го іюня 1799 г. (30 прэріаля VII года). Демократы провели тогда въ директорію генерала Мулена, а партія Сійеса—Роже-Дюко.

Такимъ образомъ, противники конституціи III г. всюду оказались въ большинствѣ. Сійесъ и Роже-Дюко, опиравшіеся на большинство совѣта старѣйшинъ и имѣвшіе связи въ арміи, составили въ директоріи противовѣсъ демократамъ, Мулену и Гойе, за которыми стояло большинство въ совѣтѣ «пятисотъ». Сторонникомъ конституціи на первый взглядъ являлся одинъ только предатель Барра, но и онъ также мало дорожилъ ею, какъ и всѣ другіе. Въ обѣихъ палатахъ большинство было противъ конституціи. Демократы основали новый клубъ, клубъ манежа, помѣщавшійся въ томъ же самомъ зданіи, гдѣ нѣкогда засѣдало учредительное національное собраніе. Въ этомъ клубѣ собирались уцѣлѣвшіе якобинцы и держали здѣсь рѣзкія рѣчи, что лишній разъ доказываетъ, насколько успѣло усилиться демократическое движеніе. Однако роялисты тоже не бездѣйствовали. Демократическая партія добилась введенія очень суроваго закона противъ роялистовъ. На основаніи закона о заложникахъ, какъ называли это террористическое мѣропріятіе, власти имѣли право арестовывать и конфисковать имущества всѣхъ родственниковъ тѣхъ эмигрантовъ и дворянъ, которые гдѣ бы то ни было производили смуту. Въ томъ случаѣ, если гражданинъ, пріобрѣвшій національное имущество, падалъ жертвой убійцы, и если преступникъ, совершившій убійство, оставался не разысканнымъ, то изъ предѣловъ Франціи изгонялись 4 родственника какого-либо эмигранта. Арестованные и родственники эмигрантовъ не только отвѣчали своимъ имуществомъ за убытки, причиненные роялистскими безпорядками, но были обязаны возмѣщать государство за содержаніе эмигрантовъ въ тюрьмѣ и т. д.

Такимъ образомъ, родственники отвѣчали своимъ имуществомъ за проступки, совершенные эмигрантами за границей. Эта суровая мѣра вызвала броженіе среди роялистовъ и привела къ новому возстанію Вандеи. Роялистскіе бунты начались также и на югѣ Франціи.

Среди этой общей сумятицы ясно было одно,—что паденіе конституціи III г. неизбѣжно. Демократы продолжали дѣйствовать очень энергично и надѣялись при ближайшихъ выборахъ одержать полную побѣду. Сійесъ, предвидѣвшій, что демократамъ удастся побѣдить при ближайшихъ выборахъ, испугался того, что онъ лишится своего вліянія. Онъ задумалъ совершить государственный переворотъ по образцу переворота 18 фруктидора и надѣялся, что ему и его партіи удастся такимъ образомъ захватить въ свои руки власть и осуществить химерическую конституцію.

Честолюбивый аббатъ уже видѣлъ себя въ роли властелина Франціи и началъ учиться верховой ѣздѣ, чтобы умѣть, въ качествѣ диктатора, гарцовать передъ народомъ на лошади. Однако, этому тщеславному и безпринципному человѣку не суждено было сыграть роль наслѣдника революціи,— роль, къ которой онъ совершенно не былъ приспособленъ. Въ тотъ

моментъ, когда ему казалось, что власть уже досталась ему, ее вырвалъ у него сильною рукою безцеремонный солдатъ, который и раньше и лучше изучилъ верховую ѣзду, чѣмъ аббатъ Сійесъ.

Дочернія республики.

Послѣ того, какъ Голландія была превращена въ батавскую республику, въ ней было созвано учредительное національное собраніе, открывшее свои засѣданія въ началѣ 1797 года. Оно выработало конституцію, которая во всѣхъ отношеніяхъ походила на французскую конституцію III г. Но въ Голландіи существовала многочисленная демократія, которая не удовлетворилась никуда негодной директоріальной конституціей и склонялась къ конституціи 1793 г. Голландскій народъ въ массѣ былъ демократически настроенъ, и когда директоріальная конституція была предложена на голосованіе въ первичныхъ собраніяхъ, народъ отвергъ ее. Но французская директорія желала непремѣнно ввести въ Голландіи конституцію III г., и главнокомандующій французскими войсками въ Голландіи, генералъ Дендельсъ, получилъ приказъ ввести эту конституцію силой. Голландецъ Дендельсъ, грубый солдатъ, отличившійся въ возстаніи 1795 г., просто арестовалъ и посадилъ въ тюрьму двадцать два вліятельныхъ демократическихъ члена голландскаго національнаго собранія. Этотъ безцеремонный государственный переворотъ оказалъ самое угнетающее вліяніе на голландскую демократію. Народъ пересталъ интересоваться политическими событіями и равнодушно отнесся къ тому, что національное собраніе учредило новую коммиссію для выработки конституціи и назначило временное правительство, въ составъ котораго вошло пять человѣкъ.

Коммиссія эта приняла конституцію III г., и реакціонное національное собраніе Голландіи, подражая конвенту, избрало изъ своей среды членовъ будущихъ палатъ и директоріи. Однако, новое голландское правительство проявило себя такимъ реакціоннымъ, что у парижской директоріи возникло опасеніе, какъ бы Англія не увидѣла въ этомъ повода къ какимъ-либо новымъ опаснымъ интригамъ. Поэтому генералу Дендельсу было снова поручено произвести государственный переворотъ и свергнуть реакціонно настроенную директорію Голландіи. Дендельсъ, который игралъ роль слѣпого орудія въ рукахъ своего начальства, выполнилъ данное ему порученіе, пустивъ въ ходъ хитрость и насиліе. Пригласивъ себѣ въ гости директоровъ, онъ во время обѣда объявилъ имъ, что они арестованы и смѣщены съ должностей. Двумъ изъ директоровъ удалось во время суматохи бѣжать. Дендельсъ распорядился объ избраніи новаго національнаго собранія и поручилъ послѣднему составить палаты и директорію. Такъ завершилось умиротвореніе Голландіи, и эта страна стала пользоваться такого же рода «свободой», какою наслаждалась Франція со своей директоріальной конституціей.

Въ Швейцаріи, которая граничитъ съ Франціей на юго-западѣ, революція вскорѣ проявилась разными вспышками. Швейцарскій народъ, сумѣвшій уже нѣсколько столѣтій тому назадъ завоевать и отстоять свою

свободу, находился въ самой тяжелой зависимости отъ аристократіи, которая захватила въ свои руки всю правительственную власть. Эта пестрая республика, кантоны которой были лишь слабо связаны общимъ сеймомъ, обсуждавшимъ тогда исключительно дѣла внѣшней политики, носила совершенно средневѣковой характеръ. Когда во Франціи начался великій переворотъ, швейцарцы тоже мѣстами попытались стряхнуть съ себя иго правящей аристократіи. Базельцы, напримѣръ, уже въ 1792 г. прогнали своего епископа, но аристократіи покуда удавалось справиться съ демократическимъ движеніемъ и многимъ демократамъ пришлось эмигрировать изъ своей родины.

Однако демократическія идеи продолжали распространяться. Переворотъ въ Швейцаріи былъ главнымъ образомъ подготовленъ двумя лицами: оберцунфтмейстеромъ Петромъ Оксомъ въ Базелѣ и адвокатомъ Цезаремъ Лагарпомъ въ Ваадтландѣ. Несмотря на свой республиканскій образъ мыслей Лагарпъ былъ приглашенъ императрицей Екатериной въ воспитатели къ ея внуку, будущему императору Александру I. Вернувшись изъ Россіи Лагарпъ сталъ въ рѣзкую оппозицію къ аристократическому бернскому правительству, которое угнетало Ваадтландъ. Благодаря агитаціи Лагарпа, Ваадтландъ, надѣясь на поддержку со стороны Франціи, возсталъ въ концѣ 1797 г., и его примѣру вскорѣ послѣдовали многіе другіе кантоны. Къ демократически или революціонно настроеннымъ кантонамъ принадлежали Ваадтъ, Базель, Шаффгаузенъ, Аппенцель и Валлисъ. Реакціонно же или лишь отчасти демократически настроены были: Бернъ, Цюрихъ, Солотурнъ, С.-Галленъ, Ури, Швицъ, Унтервальденъ, Цугъ, Гларусъ и Граубюнденъ.

Бернскіе аристократы готовы были при помощи оружія подавить возстаніе въ Ваадтландѣ. Но тутъ въ дѣло вмѣшалась парижская директорія, которая давно уже смотрѣла жадными глазами на Швейцарію, и заявила, что сочтетъ вступленіе бернскихъ войскъ въ Ваадтъ поводомъ къ объявленію войны. Въ то же время у ваадтландской границы появился французскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Меснара.

Бернское правительство рѣшило все-таки вступить въ борьбу съ возставшимъ Ваадтландомъ, хотя президентъ Штейгеръ и сознавалъ, что аристократическій режимъ неминуемо долженъ будетъ пасть подъ натискомъ революціи. Бернскія войска, находившіяся подъ начальствомъ генерала Вайса, вступили въ Ваадтъ, куда явились и французы, которые немедленно прокламировали здѣсь леманскую республику.

Директорія съ радостью воспользовалась представившимся ей случаемъ для вмѣшательства во внутреннія дѣла Швейцаріи и тотчасъ же отрядила туда двѣ арміи. Шауенбургъ проникъ въ Швейцарію черезъ Базель, а Брюнъ черезъ итальянскую границу. Брюнъ долженъ былъ присоединить къ себѣ отрядъ Меснара, потомъ соединиться съ Шауенбургомъ и двинуться противъ Берна, правительство котораго собрало значительную армію, порученную начальству генерала Эрлаха изъ Гиндельбанка. Несмотря на мужественное сопротивленіе швейцарцевъ, французы все же вышли изъ борьбы побѣдителями, благодаря своей искусной боевой тактикѣ. 5-го марта 1798 г. швейцарцы потерпѣли полное пораженіе въ двойной стычкѣ у Фраенбрунна и Нейенэгга. Аристократы обвинили генерала Эрлаха и Штейгера въ измѣнѣ. Штейгеръ бѣжалъ въ Австрію, а Эрлахъ во время своего отступленія былъ убитъ нѣсколькими фанатичными швейцарцами.

Французы заняли почти всю Швейцарію и въ наказаніе обложили реакціонныхъ аристократовъ и ихъ приверженцевъ тяжелой контрибуціей. Лагарпъ и Оксъ воспользовались этимъ случаемъ, чтобы преобразовать Швейцарію въ политическомъ отношеніи, и Оксъ составилъ конституцію, которая была одобрена французской директоріей. Конституція эта была торжественно провозглашена въ Аарау 12-го апрѣля 1798 г. Благодаря ей, Швейцарія превратилась въ объединенное государство, состоявшее изъ 18 кантоновъ, Женева же была присоединена къ Франціи. Конституція Окса была составлена по образцу французской конституціи III г. и обладала всѣми недостатками послѣдней, но въ сравненіи съ тѣмъ хаосомъ, который царилъ при прежнемъ кантональномъ устройствѣ, она все же представляла собою шагъ впередъ.

Эта конституція, освободившая населеніе отъ личной зависимости и уничтожившая привилегіи и деспотію патриціанскихъ и аристократическихъ родовъ, повидимому, удовлетворила большинство швейцарцевъ. Но духовенство начало въ цѣломъ рядѣ кантоновъ возбуждать народъ противъ французовъ, рисуя послѣднихъ «безбожниками», «святотатцами» и «сынами дьявола». Потомки героевъ Моргартена и Семпаха вправду повѣрили, что они окажутъ большую услугу человѣчеству, если послѣдуютъ призыву своихъ поповъ и съ оружіемъ въ рукахъ станутъ противиться введенію новой конституціи. И вотъ, благодаря фанатизму духовенства, въ мирныхъ долинахъ Швейцаріи разыгралась кровавая борьба. Генералъ Шауенбургъ двинулся противъ повстанцевъ, которые дрались съ удивительнымъ мужествомъ, но, несмотря на это, всюду были разбиты. Кантонъ за кантономъ сталъ сдаваться. Самое упорное сопротивленіе Шауенбургу оказали Швицъ, Ури и Унтервальденъ, которыми руководилъ Алоизъ Рединъ, но и эти кантоны были разбиты у Моргартена, послѣ чего они заключили Айнзидельскій договоръ, коимъ признали фактъ своего присоединенія къ гельветической республикѣ.

Казалось, что теперь Швейцарія сумѣетъ уже спокойно заняться устройствомъ своихъ внутреннихъ дѣлъ. Но духовенство и старинная аристократія еще не сдавались. Когда пришлось присягнуть на вѣрность новой конституціи, католическое духовенство снова возбудило народъ къ противодѣйствію и еще разъ ввергло старые кантоны въ кровавую войну. Во главѣ возстанія сталъ Унтервальденъ, и онъ одинъ выставилъ войско въ 1.200 человѣкъ. Шауенбургъ поспѣшно прибылъ сюда со своей арміей, и у Штанцштадта произошла яростная битва, длившаяся три дня. Швейцарцы дрались отчаянно, и битва носила самый отвратительный характеръ: ни одна изъ сторонъ не щадила раненыхъ противниковъ и съ варварской жестокостью добивала ихъ. Въ рядахъ швейцарскаго войска сражалось много женщинъ, и 80 изъ нихъ пало. На полѣ битвы осталось 4.000 труповъ; Штанцштадтъ сталъ жертвой пламени, и его окрестности были совершенно опустошены.

Сопротивленіе жителей Унтервальдена было сломлено, и побѣжденнымъ пришлось присягнуть на вѣрность конституціи. Резиденція швейцарскаго правительства была перенесена въ Люцернъ, а борьба партій съ поля битвы перешла на парламентскую почву.

Безцеремонная политика директоріи и фанатизмъ католическаго духовенства Швейцаріи успѣли сдѣлать свое дѣло, и цвѣтущія долины старыхъ кантоновъ превратились въ пустыни, покрытыя грудами дымящихся развалинъ.

Что касается Италіи, то директорія изъ вниманія къ Австріи и Испаніи покуда не трогала Тосканы и Пармы. Зато она принялась теперь за церковную область, которой раньше удалось купить себѣ нейтралитетъ у генерала Бонапарта. Средніе классы римскаго населенія проявляли рѣзко республиканскій образъ мыслей. Въ самомъ Римѣ городское населеніе было настроено вполнѣ республикански, между тѣмъ какъ невѣжественное населеніе предмѣстій, которое находилось въ полномъ подчиненіи у римскаго духовенства, отличалось раболѣпіемъ и проникнуто было фанатичной ненавистью къ французской революціи.

Жозефъ Бонапартъ, старшій братъ генерала Бонапарта, прибылъ къ Римъ въ качествѣ французскаго посла и всѣми силами старался поддержать республиканское движеніе. 28-го декабря 1797 г. во дворцѣ французскаго посла собралось 300 римскихъ республиканцевъ. Въ то же время босяки изъ Трастевере, которыхъ наняли и послали сюда дворянство и духовенство, съ крикомъ и шумомъ окружили дворецъ, а папская гвардія не разсѣяла толпы. Жозефъ Бонапартъ, генералъ Дюфо и нѣсколько римлянъ, вооружившись, спустились внизъ, чтобы возстановить тишину. Но не успѣли они выйти изъ воротъ дворца, какъ раздался залпъ, и генералъ Дюфо палъ мертвымъ. Жозефъ Бонапартъ покинулъ Римъ, и директорія воспользовалась представившимся ей, наконецъ, случаемъ, чтобы двинуть въ церковную область армію подъ начальствомъ генерала Бертье. Римъ былъ занятъ французами 15-го февраля 1798 г., и здѣсь была учреждена римская республика, которая, какъ и другія подобнаго рода республики, надѣлена была конституціей по образцу конституціи III г. Престарѣлый папа Пій VI былъ захваченъ въ плѣнъ. Его пересылали съ мѣста на мѣсто, пока онъ не попалъ, наконецъ, въ Валенсію, гдѣ и скончался.

Послѣ Бертье начальство надъ римской арміей перенялъ генералъ Массена, который сильно озлобилъ противъ себя римское духовенство, конфисковавъ золотые и серебряные церковные сосуды. Массена былъ грубый солдатъ, пользовавшійся въ такой же мѣрѣ дурной репутаціей за свои грабежи, въ какой онъ пользовался и военной славой, благодаря своей храбрости и талантамъ военачальника. Онъ безъ всякой пощады взималъ съ римлянъ наложенную на нихъ контрибуцію. Духовенство громко жаловалось на совершенное святотатство и возбуждало населеніе Трастевере противъ французовъ. Во время короткой отлучки Массена изъ Рима дѣло дошло до кровопролитной уличной борьбы, которая продолжалась нѣсколько дней, пока римляне, которыхъ французы массами изгоняли картечью, не сдались и не покорились. Послѣ этого Массена все же былъ смѣщенъ директоріей.

Пьемонтъ былъ захваченъ директоріей самымъ коварнымъ образомъ. Сардинскій король Карлъ-Эммануилъ II кровавымъ образомъ подавилъ въ своей странѣ республиканское возстаніе и предалъ смертной казни вожаковъ возстанія. Въ отвѣтъ на это ему объявили войну лигурійская и цизальпинская республики. Тогда директорія предложила королю защитить его отъ нападенія дочернихъ республикъ, и Карлъ-Эммануилъ по глупости или изъ трусости принялъ это предложеніе. Сардинскому королю не трудно было догадаться, что директорія не могла серьезно предлагать ему свою помощь. Какъ бы тамъ ни было, помощь была ему обѣщана, но онъ долженъ былъ передать Франціи свою единственную крѣпость—цидатель въ Туринѣ. Ее занялъ французскій генералъ Жуберъ, а потомъ, когда началась коалиціонная война, этотъ князь, который далъ провести себя за носъ и въ то же время велъ противъ Франціи переговоры съ другими дворами, былъ изгнанъ изъ своей страны.

Къ числу новосозданныхъ государствъ слѣдуетъ причислить еще и партенопейскую республику, учрежденную въ Неаполѣ. О ней мы будемъ говорить ниже.

Созданныя директоріей республики не имѣли большой цѣны и просуществовали недолго. Новыя государства образовывались не съ тѣмъ, чтобы ихъ населеніе пріобрѣло свободу, которой не обладали уже и сами французы. За свободу и братство французы заступались въ 1792 и 1793 гг. А что касается директоріи, то она преслѣдовала самую обыкновенную завоевательную политику. Она посылала свои арміи къ чужимъ народамъ только для того, чтобы ограбить завоеванныя ею страны. Внѣшняя политика директоріи носила на себѣ печать грубости, коварства и жадности.

НАПОЛЕОНЪ БОНАПАРТЪ.

Молодой полководецъ, заставившій трепетать гордую Австрію, закончилъ свои дѣла въ Италіи и теперь долженъ былъ отправиться на Раштатскій конгрессъ, въ качествѣ перваго посла французской республики. Бонапарту было тогда 28 лѣтъ. Въ его характерѣ рѣдкимъ и страннымъ образомъ сочетались пламенная страстность и холодная разсчетливость. Генералъ, принимавшій участіе въ столькихъ битвахъ, основавшій новыя государства и ведшій самые разносторонніе дипломатическіе переговоры, все же находилъ время для того, чтобы писать своей женѣ, креолкѣ Жозефинѣ, самыя нѣжныя письма, проникнутыя всѣмъ пыломъ и страстью юношеской любви. По-видимому, Бонапартъ тогда искренно любилъ эту красивую и интересную женщину съ не совсѣмъ безупречнымъ прошлымъ. Мы приведемъ здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ его писемъ, чтобы показать, какъ нѣжно этотъ замѣчательный человѣкъ мечталъ о своей красавицѣ-женѣ среди походовъ и битвъ. Въ началѣ похода 1796 г. Бонапартъ писалъ Жозефинѣ:

«Какими чарами удалось вамъ полонить меня всего и приковать къ себѣ все мое духовное существо? Любовь моя, это очарованіе закончится лишь вмѣстѣ съ моей жизнью. Жить для Жозефины—вотъ вся исторія моей жизни. Всѣ мои мечты направлены къ тому, чтобы быть возлѣ васъ... Человѣчество опротивѣло мнѣ. Я почти ненавижу его,—оно отрываетъ меня отъ возлюбленной сердца моего!.. Я въ настоящій моментъ нахожусь въ Портъ-Морисѣ, завтра буду въ Альбенгѣ. Обѣ арміи въ движеніи. Мы стараемся обойти другъ друга. Побѣда останется за тѣмъ, кто лучше поведетъ игру!.. Я очень доволенъ Больe; разъ онъ доставляетъ мнѣ больше хлопотъ, чѣмъ его предшественникъ, то онъ лучше его. Надо думать, что я нанесу ему сильное пораженіе. Обо мнѣ не тревожьтесь, любите меня, какъ зеницу ока,—нѣтъ, этого мало!—любите меня, какъ самое себя, больше, чѣмъ себя, любите меня, какъ свою мысль, свою душу, всю себя! Любовь моя, простите мнѣ, я изнемогаю. Природа слишкомъ слаба для того, кто сильно чувствуетъ,—для того, кто любитъ васъ!».

Черезъ тринадцать лѣтъ онъ бросилъ женщину, которой теперь клялся, что будетъ жить для нея одной.

Однако Бонапартъ, несмотря на свою способность предаваться такимъ аркадскимъ мечтаніямъ, на мирномъ конгрессѣ въ Раштатѣ проявилъ себя настоящимъ государственнымъ дѣятелемъ. Онъ поразилъ всѣхъ глубокой

продуманностью своихъ комбинацій и рѣзко, съ тою же энергіей, съ какой бралъ приступомъ Аркольскій мостъ, отстранилъ на задній планъ дипломатовъ старой школы. Но онъ недолго оставался на этомъ конгрессѣ. Директорія отозвала его въ Парижъ, куда онъ и прибылъ въ декабрѣ 1797 г.

Привезъ ли онъ съ собой богатства изъ Италіи? По его собственнымъ словамъ, онъ переслалъ директоріи пятьдесятъ милліоновъ. Отчета въ собранныхъ имъ въ Италіи деньгахъ у него не спрашивали. Говорятъ, что онъ, вернувшись въ Парижъ, имѣлъ своихъ 300.000 франковъ,—сумма по тому времени, когда почти всѣ генералы обогащались, сравнительно небольшая. Онъ съ презрѣніемъ отвергъ четыре милліона, предложенные ему герцогомъ моденскимъ, который надѣялся такимъ путемъ пріобрѣсти въ лицѣ Наполеона «защитника». «*Я не желаю за четыре милліона продаться герцогу моденскому*» отвѣтилъ Наполеонъ на это предложеніе. Насъ изумило бы, если бы человѣкъ, который вторгся въ Италію, распространяя при этомъ грабительскія прокламаціи, не обезпечилъ себя лучшимъ способомъ. Отказъ его отъ семи милліоновъ, предложенныхъ ему Венеціей, представлялъ собою такой же хорошо разсчитанный поступокъ, какъ и отказъ отъ карликоваго княжества, отдачей котораго Австрія разсчитывала укротить его гигантское честолюбіе.

Государство не наградило генерала ни деньгами, ни землею; предложеніе вознаградить его такимъ способомъ было отклонено на томъ основаніи, что подвиговъ такого полководца невозможно оплатить золотомъ. Зато Парижъ съ безмѣрнымъ восторгомъ встрѣтилъ человѣка, военные подвиги котораго такъ щекотали національное самолюбіе французовъ. Бонапартъ отнесся къ этой встрѣчѣ, какъ къ самому обыденному явленію, хотя онъ въ дѣйствительности полной грудью вдыхалъ въ себя фиміамъ, который ему вескурялся. Онъ съ расчетомъ держалъ себя такъ, чтобы по возможности разжечь интересъ къ побѣдителю при Мантуѣ. Съ виду онъ былъ холоднымъ, замкнутымъ и мрачнымъ человѣкомъ, избѣгалъ всякихъ празднествъ и официальныхъ торжествъ. Онъ высказывалъ явное отвращеніе къ навязчивымъ людямъ. Это пришлось лично на себѣ испытать г-жѣ фонъ-Сталь, попытавшейся приблизиться къ новому свѣтилу. Эта интриганка, считавшая себя гораздо болѣе умной, чѣмъ она была въ дѣйствительности, получила отъ честолюбиваго корсиканца рѣзкій, но вполнѣ заслуженный отпоръ.

Несомнѣнно, что у генерала уже и въ то время мелькала мысль о томъ, чтобы протянуть руку къ государственной власти, хотя онъ тщательно и скрывалъ это отъ всѣхъ. Во время торжественнаго врученія директоріи въ Люксембургскомъ дворцѣ кампо-формійскаго договора Бонапартъ въ своей рѣчи прославлялъ конституцію III г., ту самую конституцію, которую онъ самъ уничтожилъ черезъ полтора года. Но для него не могли остаться тайной недостатки жалкаго директоріальнаго правительства. Онъ долженъ былъ понять, что конституція, которая съ каждымъ днемъ порождала все больше и больше неурядицъ, не обезпечиваетъ Франціи никакой будущности. Съ другой стороны, ему нетрудно было убѣдиться въ томъ, что самъ онъ пользуется безмѣрными симпатіями со стороны окружающихъ. Если онъ уже и въ это время считалъ себя будущимъ властителемъ Франціи, то все же не

рѣшался теперь же сдѣлать рѣшительный шагъ къ захвату власти. На лицо было нѣсколько республиканскихъ генераловъ, которые при подобномъ предпріятіи могли оказаться для него опасными, благодаря своему мужеству и популярности.

Рѣшающее вліяніе на судьбу Бонапарта оказала мысль о нападеніи на восточныя владѣнія Англіи. Генералъ увлекся мечтою о блестящей и всемірно-исторической роли восточнаго завоевателя. Въ его пылкой фантазіи рисовались планы о завоеваніяхъ, подобныхъ завоеваніямъ Александра Македонскаго. Онъ отложилъ свои планы насчетъ Франціи и устремился на востокъ.

Вторая коалиція.

Питтъ намѣренъ былъ продолжать борьбу съ французской республикой. Заключеніе кампо-формійскаго мира не помѣшало ему направить всѣ усилія къ тому, чтобы образовать вторую коалицію противъ Франціи, послѣ того какъ первая коалиція разстроилась, благодаря побѣдамъ, одержаннымъ республикой. Англійскіе купцы были рады такой политикѣ Питта. Дѣло въ томъ, что покрытіе *главной* части расходовъ по подобнымъ предпріятіямъ (поскольку самой Англіи приходилось покрывать эти расходы) ложилось не на нихъ, а на массу англійскаго народа, которому, кромѣ того, приходилось оплачивать и проценты по огромному государственному долгу, безпрерывно нараставшему, благодаря войнамъ Питта. Пріобрѣтеніе же новыхъ колоній и расширеніе морского владычества Англіи оживляли торговлю страны. Поэтому англійскіе купцы, извлекавшіе изъ завоевательной политики огромные барыши, считали политику Питта самой умной и самой искусной. Такимъ образомъ постоянно доставались деньги, которыя Англіи приходилось платить своимъ союзникамъ, потому что большинство союзниковъ помогало ей только за хорошую плату. Задача же англійскихъ дипломатовъ сводилась къ тому, чтобы у всѣхъ большихъ и малыхъ европейскихъ дворовъ возбуждать и поддерживать ненависть къ французской республикѣ.

Въ Австріи Питтъ началъ интриговать сейчасъ же послѣ заключенія кампо-формійскаго мира, и ему удалось побудить домъ Габсбурговъ ко вступленію въ новую коалицію, хотя Австрія и вела въ Раштатѣ переговоры о долгомъ мирѣ. Внѣшней политикой Австріи, начиная съ 1794 г., завѣдывалъ баронъ Тугутъ (Thugut). Это былъ выскочка, которому, собственно говоря, слѣдовало бы сохранить за собою свою первоначальную фамилію—Тунихтгутъ (Thunichtgut) [1]). Этотъ человѣкъ, на котораго рѣшающее вліяніе оказывали англійскія деньги, а не интересы Германіи или Австріи, безъ дальнихъ размышленій согласился послѣдовать совѣту Питта и найти предлогъ для разрыва съ Франціей. Такой предлогъ вскорѣ нашелся. Вѣнцы устроили

[1]) Непереводимая игра словъ: Тугутъ (thu'gut) означаетъ—«поступай хорошо», Тунихтгутъ (tou'nicht gut) «поступай скверно». *Прим. пер.*

празднество въ честь какой-то побѣды, одержанной надъ французами. Французскаго посла Бернадотта, ставшаго впослѣдствіи королемъ Швеціи, не въ мѣру разобидѣло это празднество, и онъ потребовалъ отмѣны его на томъ основаніи, что Австрія и Франція заключили уже между собою миръ. Когда-же празднество все-таки состоялось, Бернадоттъ вывѣсилъ на зданіи посольства трехцвѣтный флагъ съ надписью: «*Свобода и равенство*»! Въ отвѣтъ на это вѣнцы разбили ему стекла, разгромили зданіе посольства, сорвали и бросили въ грязь трехцвѣтный флагъ. Полиція бездѣйствовала, и «добродушные» вѣнцы имѣли полную возможность натѣшиться вволю. Бернадоттъ не могъ добиться удовлетворенія за нанесенное ему оскорбленіе, а австрійское правительство, помимо всего, на него же взвалило вину во всемъ этомъ инцидентѣ.

Питтъ использовалъ натянутость въ отношеніяхъ между Франціей и Англіей и вовлекъ Австрію въ коалицію, остальное же сдѣлали англійскія деньги, уплоченныя барону Тугуту. Австрія снова вступила въ союзъ съ Англіей противъ Франціи. Россія также присоединилась къ коалиціи. Императоръ Павелъ I въ духовномъ отношеніи ничего не унаслѣдовалъ отъ своей матери Екатерины II. Онъ преклонялся передъ своимъ собственнымъ абсолютизмомъ, и ему казалось, что французская республика уже однимъ только фактомъ своего существованія грозитъ опасностью его абсолютной власти. Къ тому же французы въ это время отняли островъ Мальту у находившагося въ полномъ упадкѣ мальтійскаго ордена, великимъ магистромъ котораго состоялъ Павелъ I. Павелъ взглянулъ на этотъ поступокъ Франціи, какъ на личное оскорбленіе, и не замедлилъ послѣдовать призыву Англіи.

Дипломатическіе агенты Питта, занимавшіеся безпрерывными интригами, питались вовлечь въ коалицію и Пруссію, но въ данномъ случаѣ имъ пришлось столкнуться съ явнымъ нежеланіемъ пруссаковъ затѣять новую войну. Фридрихъ-Вильгельмъ II скончался, а Фридрихъ-Вильгельмъ III нисколько не былъ склоненъ предпринимать романтическіе походы, вродѣ похода 1792 г. Въ эту эпоху въ Пруссіи началась эра бережливой и трезвой политики. Поэтому англійскія деньги теперь не представляли для Пруссіи такого соблазна, какъ при Фридрихѣ-Вильгельмѣ II, роскошный и расточительный дворъ котораго поглощалъ огромныя суммы денегъ. Пруссаки, правда, не отказались бы отъ возможности расширить свои владѣнія, но они въ то же время не желали нарушать постановленія базельскаго мира, и этимъ объясняется то, что на этотъ разъ Пруссія не участвовала въ большой коалиціонной войнѣ противъ французской республики. Въ это время въ Берлинѣ находился Сійесъ и успѣшно противодѣйствовалъ здѣсь англійскому вліянію. Нельзя сказать, чтобы строго-аристократическій прусскій дворъ обходился съ аббатомъ особенно предупредительно. Виною этому было участіе Сійеса въ процессѣ противъ Людовика XVI и приписываемыя ему слова: «La mort sans phrase!» («Смерть—безъ фразъ!»). Сійесъ находилъ теперь болѣе удобнымъ отрицать фактъ произнесенія имъ этой фразы. Говорятъ тоже, что онъ въ Берлинѣ пользовался для достиженія своихъ цѣлей не особенно чистыми средствами, но это не должно удивлять насъ, потому что никто

матія.

Швеція и Норвегія сохранили нейтралитетъ; Португалія примкнула къ коалиціи съ Англіей; Тоскана присоединилась къ Австріи. Неаполь, не задумываясь, вступилъ въ коалицію, потому что тамъ опасались нападенія со стороны римской республики, и къ тому же королева Каролина, дочь Маріи Терезіи, горѣла нетерпѣливымъ желаніемъ напасть на ненавистную ей французскую республику. Сардинскій король пока тайно присоединился къ коалиціи. Англія склонила къ коалиціи и римскаго папу и даже султана, такъ что эти смертельные враги оказались въ союзѣ противъ «безбожной» французской республики. Римскій папа, находившійся въ плѣну у французовъ, не могъ нанести много вреда республикѣ, но онъ зато съ охотой благословилъ коалицію, а благодушный австрійскій народъ возлагалъ особенно большія надежды на папское благословеніе.

Коалиція ждала лишь момента, удобнаго для нападенія. И такой моментъ, казалось, наступилъ, когда самый опасный изъ французскихъ полководцевъ, ген. Бонапартъ, отправившійся вмѣстѣ со своимъ флотомъ въ Египетъ, оказался совершенно отрѣзаннымъ отъ Европы, вслѣдствіе пораженія и уничтоженія его морскихъ силъ при Абукирѣ. Неаполь первый вступилъ въ борьбу. Король Фердинандъ IV, человѣкъ совершенно неспособный, въ качествѣ Бурбона, пылалъ ненавистью къ французской республикѣ. Еще больше ненавидѣла республику его жена, которая была сестрою Маріи-Антуанеты и держала своего супруга въ полномъ подчиненіи. Англійское вліяніе было очень сильно въ Неаполѣ. Главный министръ королевства Актонъ, который, какъ всѣмъ было извѣстно, былъ любовникомъ королевы (что, впрочемъ, никого не изумляло при развратномъ дворѣ), находился на службѣ у Англіи. Кромѣ того, при неаполитанскомъ дворѣ находилась еще и пресловутая леди Гамильтонъ, которая раньше была проституткой и много лѣтъ подрядъ переходила изъ рукъ въ руки, пока на ней не женился лордъ Гамильтонъ, плѣненный ея красотой. Гамильтонъ былъ англійскимъ посланникомъ при неаполитанскомъ дворѣ, и супруга его, поднявшаяся изъ грязи проституціи, была самымъ близкимъ другомъ королевы Каролины. Мы еще увидимъ, скользо зла натворила эта низкая женщина, эта пресловутая леди Гамильтонъ, когда впослѣдствіи къ ней въ сѣти попалъ адмиралъ Нельсонъ. Актонъ и леди Гамильтонъ были главными заправилами въ дѣлахъ неаполитанской политики. Въ самой странѣ правительство терроризировало всѣхъ тѣхъ, кого заподозрѣвали въ симпатіи къ французской республикѣ, и по всякому ничтожному поводу производили самые тщательные розыски. Даже одного ношенія высокихъ галстуховъ было достаточно, чтобы быть обвиненнымъ въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ Франціей. Это жалкое правительство вскорѣ довело народъ до того, что всѣ горожане, ученые и художники, всѣ военные и даже часть дворянъ втайнѣ стали склоняться къ идеямъ французской революціи. Зато вліянію духовенства попрежнему подчинялась своеобразная часть населенія Неаполя, лаццарони. Лаццарони были раболѣпны и невѣжественны и смотрѣли на всякое проявленіе либерализма, какъ на преступленіе. Этотъ неаполитанскій люмпенъ-пролетаріатъ сыгралъ

отвратительную роль во всѣхъ тѣхъ переворотахъ, которые пережилъ Неаполь. Въ то время въ Неаполѣ насчитывалось приблизительно тысячъ 50 или 60 лаццарони.

Бертье изъ Рима потребовалъ у Неаполя высылки французскихъ эмигрантовъ и отставки Актона. Кромѣ того, онъ требовалъ еще отъ неаполитанскаго правительства, чтобы оно предложило англійскому послу оставить Неаполь. Опасное сосѣдство римской республики еще болѣе подстрекало Неаполь къ нападенію. Неаполь просилъ Австрію прислать ему полководца, и послѣдняя отправила въ Неаполь извѣстнаго Мака, который прославился своей неспособностью и безтолковостью. Каролина удержала при себѣ своего любимца Актона, несмотря на то, что и ея свекоръ, испанскій король, настаивалъ на его отставкѣ. Въ ноябрѣ 1798 г. ген. Макъ выступилъ изъ Неаполя съ сорокатысячной арміей и вторгся въ предѣлы римской республики. Французскій генералъ Шампіоннэ, командовавшій римской арміей и имѣвшій въ своемъ распоряженіи не болѣе 10 тысячъ человѣкъ, отступилъ передъ многочисленной арміей своего противника, очистивъ Римъ и Анкону. Макъ вмѣстѣ съ королемъ Фердинандомъ IV съ тріумфомъ вступили въ Римъ. Духовенство и населеніе, жившее по ту сторону Тибра, шумно выражало свой восторгъ, римляне же остались безучастными. Маку казалось, что онъ совершилъ великій подвигъ, а неаполитанскій дворъ не нашелъ лучшаго способа отпраздновать свою побѣду, какъ учинить кровавую расправу надъ республикански настроенной частью римскаго населенія. Къ этому начали уже дѣлать необходимыя приготовленія.

Однако дѣло до этого не дошло. Шампіоннэ, который былъ молодъ и отличался пылкостью характера и талантами военачальника, успѣлъ тѣмъ временемъ получить подкрѣпленія и быстро двинулся противъ Мака. Онъ отбросилъ неаполитанцевъ по всей линіи и сумѣлъ внушить имъ такой ужасъ, что трусливый Макъ уже въ началѣ декабря оставилъ Римъ. Нельсонъ сразу вѣрно оцѣнилъ Мака. Онъ сказалъ о немъ: «Генералу Маку нужно пять каретъ, чтобы двинуться съ мѣста. Вотъ мое мнѣніе о немъ»! О неаполитанскихъ офицерахъ, на которыхъ свистъ пуль павелъ очень большой страхъ, тотъ же Нельсонъ замѣтилъ: «Немного чести лишились неаполитанскіе офицеры, ибо одному Богу извѣстно, какъ мало они ея имѣли. Но зато они теперь потеряли все, что у нихъ было».

Шампіоннэ вторгся въ Неаполь, и неаполитанскій дворъ настолько растерялся, что уже 21 декабря 1798 г. бѣжалъ въ Сицилію, хотя въ гавани стоялъ Нельсонъ со своимъ флотомъ.

Тѣмъ временемъ и сардинскій король успѣлъ потерять свой тронъ, такъ какъ связи его съ коалиціей были извѣстны. Войско его было разоружено, и ему пришлось уступить Франціи Пьемонтъ. Позже онъ заявилъ, что сдѣлалъ это «по принужденію», какъ будто подобныя вещи когда-либо дѣлаются добровольно.

Шампіоннэ неудержимо двигался впередъ. У крѣпости Капуи Макъ попытался было загородить ему дорогу, но тотчасъ же снова потерялъ мужество и вмѣстѣ съ не менѣе трусливымъ княземъ Пиньятелли, который, какъ бывшій начальникъ полиціи, былъ назначенъ вице-королемъ Неаполя,

униженно сталъ просить мира. По договору, заключенному въ Кальпи, Шампіоннэ далъ имъ перемиріе, но подъ условіемъ немедленной сдачи Капуи вмѣстѣ со всѣми припасами и оружіемъ и уплаты городомъ Неаполемъ 10 милліоновъ контрибуціи.

На этотъ договоръ лаццарони взглянули, какъ на измѣну. Они возстали, подстрекаемые неаполитанскимъ духовенствомъ и частью дворянства, и ихъ возстаніе сопровождалось убійствами и грабежами. Лаццарони избивали всѣхъ, кого они подозрѣвали въ симпатіяхъ къ французамъ. Пиньятелли бѣжалъ, а вмѣстѣ съ нимъ бѣжалъ и Макъ, который не чувствовалъ себя теперь въ Неаполѣ въ безопасности. Переодѣвшись въ австрійскую форму, Макъ явился въ лагерь Шампіоннэ. Макъ думалъ, что австрійскій мундиръ избавитъ его отъ плѣна на томъ основаніи, чо Австрія не вела вѣдь еще войны съ Франціей. Однако Шампіоннэ не обратилъ никакого вниманія на этотъ глупый маскарадъ и задержалъ Мака. Онъ былъ, въ качествѣ военноплѣннаго, отпущенъ на честное слово и поселенъ въ Парижѣ, откуда бѣжалъ, нарушивъ свое слово.

Желая избавиться отъ террористическаго господства лаццарони, жители Неаполя призвали ген. Шампіоннэ, и послѣдній вступилъ въ Неаполь. Ему были сданы крѣпости, которыя господствовали надъ городомъ. Но разъяренные лаццарони снова возстали и убили множество французовъ. Въ кровопролитной уличной схваткѣ лаццарони были разбиты и надъ ними учинена была кровавая расправа. Многіе изъ нихъ бѣжали въ горы. 28 января 1799 г. Шампіоннэ, по соглашенію съ республикански настроенною частью населенія, провозгласилъ въ Неаполѣ партенопейскую республику (отъ древняго имени Неаполя—Партенопеи).

Такимъ образомъ, война въ Италіи ознаменовалась для французовъ крупнымъ успѣхомъ. Но именно партенопейской республикѣ суждено было просуществовать очень недолго, хотя лучшіе люди Неаполя прилагали всѣ свои силы къ тому, чтобы укрѣпить ее. Вновь начинавшаяся великая война должна была снова кореннымъ образомъ преобразовать Италію.

Бонапартъ въ Египтѣ.

Послѣ заключенія кампо-формійскаго мира директорія начала придумывать способы, чтобы нанести чувствительный ударъ Англіи, которая проявила себя, въ качествѣ самаго энергичнаго и самаго опаснаго изъ всѣхъ враговъ французской республики. Въ виду неоспоримаго господства Англіи на морѣ, добраться до нея было нелегко, и помощь испанскаго и голландскаго флотовъ, какъ мы видѣли, не сдѣлали Францію еще достаточно сильной для того, чтобы помѣряться съ Англіей силами на морѣ. Ослабить Англію можно было только нанеся ущербъ ея торговымъ интересамъ. Какъ это часто бываетъ, незначительный поводъ повлекъ за собою очень важныя послѣдствія. Французскій консулъ въ Египтѣ, извѣстный Магаллонъ, предложилъ создать въ Египтѣ французскую колонію и такимъ образомъ положить начало французской торговлѣ на востокѣ. Благодаря этому предложенію,

возникла мысль совершенно овладѣть Египтомъ и отсюда проникнуть въ Индію, чтобы непосредственно напасть на главный источникъ англійскаго богатства.

Было очень мало шансовъ на то, чтобы успѣшно привести въ исполненіе этотъ гигантскій планъ. Взялись же за его осуществленіе, главнымъ образомъ, по двумъ причинамъ. Директорію уже въ это время пугало опасное честолюбіе Бонапарта и, отправляя генерала въ восточную экспедицію, исходъ которой былъ очень сомнителенъ, она надѣялась надолго или даже навсегда избавиться отъ него. Бонапартъ же, напротивъ, страстно искалъ приключеній. Онъ надѣялся, что благодаря походу въ Египетъ, еще ярче засіяетъ тотъ романтическій ореолъ, который уже теперь окружалъ его личность.

Директорія рѣшила снарядить большую экспедицію въ Египетъ подъ начальствомъ генерала Бонапарта. Этотъ планъ пришлось хранить въ строгой тайнѣ, потому что въ Египетъ можно было добраться только моремъ, а англичане имѣли, слѣдовательно, возможность преградить экспедиціи путь и такимъ образомъ погубить дѣло въ самомъ началѣ. Поэтому правительство постаралось распространить слухъ о томъ, будто Франція намѣрена напасть на англичанъ на ихъ собственной территоріи. Во всѣхъ французскихъ гаваняхъ шла дѣятельная работа по приведенію въ боевую готовность и снаряженію военныхъ судовъ. Въ то же время въ тулонской гавани тайкомъ собрали огромный флотъ, которому предстояло перевезти на востокъ покорителя Австріи вмѣстѣ съ его привычнымъ къ побѣдамъ войскомъ. Чтобы обмануть англичанъ, туонскій флотъ назвали «лѣвымъ крыломъ англійской арміи».

Одновременно съ этимъ директорія начала серьезно готовиться и къ вторженію въ Англію. Мы знаемъ, что въ 1796 г. вторженію Гоша въ Ирландію помѣшало только то обстоятельство, что буря разсѣяла его флотъ. Удачное вторженіе въ Ирландію могло бы нанести очень чувствительный ударъ Англіи и подвергнуть ее большой опасности. Ирландцы, которыхъ Англія съ неизмѣнной жестокостью угнетала, унижала и обирала въ теченіе многихъ вѣковъ, съ нетерпѣніемъ ждали вторженія французовъ, надѣясь, благодаря послѣднимъ, освободиться отъ англійскаго деспотизма. Вѣдь прославленная англійская свобода никогда не касалась Ирландіи, какъ и другихъ колоній обширнаго англійскаго королевства! Въ Ирландіи образовался обширный заговоръ съ цѣлью поддержать французовъ при ихъ вторженіи въ Англію. Говорятъ, что союзъ объединенныхъ ирландцевъ, на который опирался заговоръ, насчитывалъ болѣе полмилліона членовъ. Въ Дублинѣ образовалась тайная директорія, въ которой участвовали лордъ Фитцгеральдъ, Эмметъ и О'Коннеръ. Англійское правительство вскорѣ узнало объ этомъ огромномъ заговорѣ, въ которомъ приняла участіе масса католическаго духовенства, и послало въ Ирландію много войска, вызвавшаго своими насиліями еще болѣе упорное сопротивленіе со стороны ирландцевъ. Одновременно съ этимъ Англіи удалось путемъ дипломатическихъ ухищреній задержать экспедицію французовъ, и отправка послѣдней очень затянулась. Такимъ образомъ, англійское правительство могло заблаговременно подавить

возстаніе ирландцевъ. Нашелся предатель, и революціонная директорія была 12 марта 1798 г. захвачена и арестована въ Дублинѣ. Ирландія была обезоружена, нѣкоторые отряды инсургентовъ были безъ труда разсѣяны, и началась ужасная расправа надъ участниками заговора, преданными суду военныхъ коммиссій. Англійская жестокость проявилась въ этомъ случаѣ во всей своей неприкрашенности, и многія лица поплатились жизнью за свою попытку освободить Ирландію отъ англійской тиранніи.

Лордъ Корнваллисъ энергично, но безъ проявленій излишней жестокости, подавилъ возстаніе, какъ это въ свое время сдѣлалъ и Гошъ въ Вандеѣ. Французы появились у береговъ Англіи лишь 22 августа 1798 г. Армія, которой начальствовалъ ген. Гумберъ, высадилась въ Киллальской бухтѣ. Но въ распоряженіи Гумбера было всего 1.100 человѣкъ, а инсурреккціонной ирландской арміи налицо вовсе не оказалось. Къ нему присоединилось лишь нѣсколько незначительныхъ отрядовъ ирландскихъ инсургентовъ, но они могли мало помочь дѣлу вслѣдствіе полной своей недисциплинированности. Гумберъ двинулся въ глубь страны, но противъ него выступилъ Корнваллисъ съ преобладающей по численности арміей, и 8 сентября у Белльнемэкка заставилъ его сложить оружіе. Эта неудача оказала вліяніе и на остальные отряды экспедиціи. Генералъ Рей, высадившійся у острова Ретланда, сейчасъ же повернулъ обратно; генералъ Арди, отправившійся изъ Бреста съ трехтысячной арміей, былъ прогнанъ обратно адмираломъ Уореномъ; генералъ Савари, который прибылъ въ Киллальскую бухту, отплылъ обратно во Францію сейчасъ же по полученіи извѣстія о пораженіи Гумбера.

Такимъ образомъ, Англіи посчастливилось подавить крупное возстаніе внутри своей страны и отразить нападеніе французовъ. Въ томъ же году она завоевала островъ Минорку.

Тѣмъ временемъ двинулась въ путь и фантастическая экспедиція на востокъ. 20-го мая 1798 г. Бонапартъ отплылъ съ огромнымъ флотомъ. Надъ флотомъ начальствовалъ адмиралъ Брюйэ. Флотъ состоялъ изъ 15 линейныхъ судовъ, въ числѣ которыхъ находилось огромное военное судно «Оріенъ» съ 120 пушками, 14 фрегатовъ, 72 меньшихъ военныхъ судовъ и 400 транспортныхъ кораблей. Бонапарта сопровождало множество лучшихъ офицеровъ французской арміи. Войско его состояло изъ 30 тысячъ человѣкъ и было снабжено всѣмъ необходимымъ. Адмиралу Нельсону было поручено наблюдать за тулонской гаванью, и онъ, безъ сомнѣнія, выслѣдилъ бы французскій флотъ, если бы въ это время не потерпѣлъ аваріи одинъ изъ кораблей, съ которымъ онъ крейсировалъ около Тулона. Нельсонъ бросилъ якорь у острова Сардиніи, чтобы привести въ порядокъ этотъ корабль. Тѣмъ временемъ Бонапартъ успѣлъ поднять паруса и вышелъ въ открытое море, не встрѣтивъ на своемъ пути никакихъ преградъ.

Французскій флотъ сперва направился къ острову Мальтѣ, который рѣшено было захватить и сдѣлать опорнымъ пунктомъ на Средиземномъ морѣ. Мальтійскіе рыцари, владѣвшіе тогда этимъ островомъ, совсѣмъ не были похожи на тѣхъ героевъ, которые нѣкогда такъ храбро защищались отъ нападенія турокъ. Мальта сама по себѣ была почти неприступна. Но

французы, входившіе въ составъ ордена, были на сторонѣ Бонапарта, и когда послѣдній 10-го іюня появился передъ Мальтой, они настояли на сдачѣ острова. Трусливый Гомпешъ, великій магистръ ордена, потребовалъ, чтобы ему обѣщали княжество въ Германіи, и на этомъ условіи согласился капитулировать и передать островъ французской республикѣ. Ему обѣщана была ежегодная пенсія въ размѣрѣ 300 тысячъ франковъ, но директорія обманула его, и онъ получилъ всего лишь 15 тысячъ. Впослѣдствіи этотъ комичный рыцарь протестовалъ противъ своей капитуляціи, но, понятно, безъ всякаго успѣха.

Занявъ Мальту, Бонапартъ черезъ Кандію направился въ Египетъ. Между тѣмъ Нельсонъ, значительно увеличивъ свой флотъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы разыскать французскій флотъ, но ему не посчастливилось найти его, именно вслѣдствіе своего излишняго усердія. Онъ прибылъ въ Египетъ раньше Бонапарта, вернулся обратно, истощилъ такимъ образомъ весь свой провіантъ и послѣ этого принужденъ былъ нѣкоторое время простоять на якорѣ въ бездѣйствіи. А тѣмъ временемъ Бонапартъ успѣлъ прибыть въ Александрію и занялся перевозкою своей арміи на берегъ. Вмѣстѣ съ солдатами высадился и небольшой отрядъ ученыхъ,—математиковъ, естествоиспытателей, врачей, географовъ и историковъ,—которые приняли участіе въ этой интересной, но опасной экспедиціи, намѣреваясь изслѣдовать и описать неизвѣстную еще страну. Труды этихъ ученыхъ и остались единственнымъ положительнымъ результатомъ египетской экспедиціи.

Легкомысленные французы привезли съ собою въ Египетъ даже театръ и балетъ. Но дѣло приняло болѣе серьезный оборотъ, чѣмъ многіе изъ нихъ думали.

1-го іюля 1798 г. началась высадка войскъ въ Александрійской гавани, и уже черезъ два дня Александрія, старинныя укрѣпленія которой не могли послужить французамъ серьезной помѣхой, была взята штурмомъ. Въ гавани старинаго города были помѣщены транспортныя суда, между тѣмъ какъ военный флотъ помѣстился нѣсколько восточнѣе, на Абукирскомъ рейдѣ, потому что гавань не была приспособлена для глубоко сидящихъ кораблей.

Такъ началъ былъ походъ въ Египетъ, причемъ сочли даже лишнимъ объявить войну государю этой страны.

Египетъ находился подъ протекторатомъ Порты. Такимъ образомъ, Бонапартъ напалъ собственно на Порту, и это ускорило присоединеніе послѣдней къ Англіи и Россіи. Въ Египтѣ существовали въ то время три класса населенія: бедуины, кочевавшіе въ пустынѣ и жившіе земледѣліемъ, грабежемъ и торговлей; затѣмъ, феллахи, обрабатывавшіе землю и занимавшіе полурабское положеніе; господствующимъ же классомъ были мамелюки, составлявшіе касту воиновъ и занимавшіеся спеціально военнымъ дѣломъ. Ряды мамелюковъ пополнялись рабами, большею частью грузинами и черкесами. 24 мамелюкскихъ бея управляли 24 округами, на которые раздѣленъ былъ Египетъ. Въ это время двое изъ этихъ вождей, Мурадъ и Ибрагимъ-бей, объявили себя независимыми и отложились отъ Порты. Какъ причину своего вторженія въ Египетъ, Бонапартъ выставилъ желаніе принудить

отложившихся бееvъ къ повиновенію Портѣ. Само собою понятно, что Порта не повѣрила въ искренность этого желанія. Англія совмѣстно съ Россіей оказали извѣстное вліяніе на Порту, и султанъ Селимъ III объявилъ, наконецъ, въ сентябрѣ 1798 г. войну французской республикѣ.

Мамелюки, которымъ предстояло защищать Египетъ, были прекрасными солдатами. Они отличались храбростью и съ презрѣніемъ относились къ смерти. Они всѣ были лихими наѣздниками и имѣли великолѣпныхъ лошадей. Но съ другой стороны, они далеко не могли сравняться съ французами въ отношеніи дисциплины и вооруженія.

Когда Бонапартъ двинулся вверхъ по Нилу, предводитель мамелюковъ Мурадъ-бей собралъ свои войска, намѣреваясь отбросить французовъ обратно къ морю. Онъ считалъ это не труднымъ дѣломъ, и мамелюки хвастали, что они своими кривыми саблями изрубятъ французовъ, какъ «тыквы». Дѣло однако оказалось далеко не такимъ легкимъ.

Въ сопровожденіи флотиліи кораблей французы быстро двигались вверхъ по рѣкѣ. Они здѣсь впервые познакомились съ палящимъ солнцемъ Африки. Многіе солдаты пали духомъ при видѣ пустынной страны, въ которой, казалось, на ихъ долю могли выпасть одни лишь лишенія. Мамелюки все время тревожили французовъ своими отважными набѣгами и безжалостно зарубали всѣхъ отсталыхъ, раненыхъ и попадавшихъ къ нимъ въ плѣнъ солдатъ. 13-го іюля французы выдержали серьезное сраженіе съ мамелюками и принудили послѣднихъ къ отступленію. Когда французская армія 21-гоіюля приблизилась къ окрестностямъ Каира, и передъ ней на западѣ развернулась могучая панорама пирамидъ, она увидѣла, что вся обширная равнина покрыта блестящими отрядами конницы. Здѣсь выстроились въ своихъ великолѣпныхъ одеждахъ и въ полномъ вооруженіи готовые къ бою мамелюки.

У деревни Эмбабэ мамелюки возвели грубыя укрѣпленія и поставили на нихъ 40 плохихъ пушекъ. Находившаяся же за этими укрѣпленіями египетская пѣхота состояла изъ всякаго ненадежнаго сброда. Бонапартъ выстроилъ свои дивизіи въ крѣпкія каре и двинулъ ихъ противъ лагеря мамелюковъ. Передъ битвой Бонапартъ обратился къ войскамъ съ пламенной рѣчью. Пользовался онъ тѣмъ сжатымъ, чисто военнымъ стилемъ, эффектъ котораго онъ такъ мастерски умѣлъ увеличивать употребленіемъ красивыхъ и образныхъ фразъ. Онъ и въ этомъ случаѣ сумѣлъ пробудить въ своихъ солдатахъ чувство гордости и четолюбіе.

«Солдаты!» воскликнулъ онъ. «Помните, что сорокъ вѣковъ глядятъ на васъ съ вершинъ этихъ пирамидъ».

Конные эскадроны мамелюковъ смѣло налетѣли на французовъ и сильнымъ натискомъ попытались разорвать французскія каре. Но французы встрѣтили ихъ убійственнымъ ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ, и атакующіе были отброшены не дрогнувшими каре французовъ. Мурадъ-бей и его солдаты съ полнымъ презрѣніемъ къ смерти не разъ бросались навстрѣчу французскимъ штыкамъ, но въ концѣ концовъ они все же принуждены были обратиться въ бѣгство, такъ какъ потерпѣли ужасный уронъ. Тѣмъ временемъ французы успѣли захватить ихъ лагерь и ударили на мамелюковъ съ

тылу. Множество мамелюковъ было сброшено въ Нилъ и погибло въ его волнахъ. Мурадъ-бей съ нѣсколькими спутниками спасся поспѣшнымъ бѣгствомъ. Все его войско было разсѣяно. Въ этой безпримѣрной битвѣ на сторонѣ французовъ пало 50, а на сторонѣ мамелюковъ 2000 человѣкъ.

Французскіе солдаты нашли у павшихъ мамелюковъ много золота и драгоцѣнностей, и это ихъ нѣсколько примирило съ недостаткомъ въ провіантѣ и съ тѣми лишеніями, которыя имъ пришлось перенести изъ-за климата Африки. На слѣдующій день французы вступили въ Каиръ. Они надѣялись попасть въ одинъ изъ самыхъ роскошныхъ городовъ Востока и были крайне разочарованы, когда увидѣли, что за исключеніемъ домовъ, въ которыхъ жили мамелюки, весь городъ состоитъ изъ низкихъ и грязныхъ лачугъ.

Чтобы дать странѣ новое управленіе, Бонапартъ учредилъ особую коммиссію. А самъ онъ ревностно сталъ заботиться объ упорядоченіи доставки провіанта и обезпеченіи путей сообщенія. Онъ натолкнулся при этомъ на огромныя трудности. Кромѣ того, его угнетало и то обстоятельство, что онъ не получалъ никакихъ вѣстей изъ Европы. Онъ продолжалъ носиться съ грандіозными планами и, повидимому, не разстался еще съ мечтою объ основаніи великаго восточнаго государства. Въ это время однако произошло событіе, которое сильно охладило его разгоряченную фантазію.

Нельсонъ снова появился у береговъ Египта. Этотъ суровый морякъ, который сталъ однимъ изъ національныхъ героевъ Англіи, и которому предстояло пріобрѣсти большую извѣстность въ борьбѣ съ Бонапартомъ, являлся однимъ изъ самыхъ страстныхъ враговъ Франціи. Онъ обладалъ изумительнымъ мужествомъ, умомъ, и хладнокровіемъ. Онъ былъ геніаленъ, какъ морской стратегъ, и его флагъ всегда сопровождала побѣда. Онъ сумѣлъ на морѣ постоянно вырывать побѣду изъ рукъ мощнаго корсиканца, который на сушѣ все сметалъ на своемъ пути. Въ остальномъ же это былъ грубый и безсовѣстный человѣкъ. Онъ навсегда запятналъ свое имя раболѣпнымъ подчиненіемъ капризамъ такой отверженной женщины, какъ леди Гамильтонъ.

Нельсонъ появился у Абукира 1-го августа во главѣ флота, состоявшаго изъ 13 линейныхъ судовъ и двухъ фрегатовъ, и тотчасъ же смѣло напалъ на болѣе сильный французскій флотъ. Произошло ужасное сраженіе, въ которомъ вскорѣ обнаружилось превосходство англійскаго флота. Французскій флотъ былъ расположенъ вблизи берега, и англійскій адмиралъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ для смѣлаго маневра. Онъ съ частью своихъ судовъ проникъ въ неглубокій фарватеръ между французскими кораблями и сушей. Не взирая на огонь французскихъ береговыхъ батарей и на опасность сѣсть на мель, онъ подвергъ французскій флотъ обстрѣливанію съ двухъ сторонъ, и это произвело опустошеніе въ рядахъ французовъ. Загорѣлось огромное французское адмиральское судно «Оріенъ», а адмиралъ Брюйэ былъ убитъ англійскимъ ядромъ. Судно съ страшнымъ грохотомъ взлетѣло на воздухъ. Нельсонъ былъ раненъ. Борьба приняла теперь такой оборотъ, что на каждое изъ французскихъ судовъ сразу напало по нѣсколько англійскихъ. Несмотря на отчаянное сопротивленіе французовъ

ихъ корабли были одинъ за другимъ либо захвачены въ плѣнъ, либо пущены ко дну. Два французскихъ судна были мужественно потоплены самимъ экипажемъ, когда онъ убѣдился въ неизбѣжности своей гибели. Французскій вице-адмиралъ Вилльневъ спасся съ двумя линейными судами и двумя фрегатами, а всѣ остальныя суда либо были уничтожены, либо перешли въ руки побѣдителя.

Въ этомъ кровоприлитномъ сраженіи погибло свыше пяти тысячъ и попало въ плѣнъ свыше трехъ тысячъ французовъ. Англичане, какъ говорятъ, потеряли всего лишь 900 человѣкъ.

Исходъ этого морского сраженія явился страшнымъ ударомъ для Бонапарта, который попалъ въ крайне критическое положеніе. Генералъ намѣренъ былъ занятъ Египетъ, а осенью вернуться обратно во Францію. А теперь онъ потерялъ свой флотъ и, отрѣзанный отъ Европы, принужденъ былъ остаться въ Египтѣ. Онъ оставался прикованнымъ къ чужой землѣ, въ которой находился уже мѣсяцъ, не получая никакихъ вѣстей изъ Франціи. Другой въ подобномъ положеніи потерялъ бы голову, но Бонапартъ не растерялся. Его поддерживалъ его фанатизмъ. Онъ вѣрилъ въ «свою звѣзду», такъ какъ вообще былъ немножко суевѣренъ.

Нельсонъ помогъ ему нѣсколько оправиться отъ удара, нанесеннаго ему при Абукирѣ. Англійскій адмиралъ въ теченіе цѣлыхъ четырнадцати дней починялъ свои корабли, а затѣмъ отправился въ Неаполь, чтобы припрятать добычу и побыть у ногъ леди Гамильтонъ. За это время Бонапартъ со свойственной ему энергіей успѣлъ подготовиться къ болѣе продолжительному пребыванію въ Египтѣ.

Ибрагимъ-бей, который изъ вражды къ Мураду до сихъ поръ не принималъ никакого участія въ борьбѣ съ французами, стоялъ во главѣ сильнаго войска у границъ сирійской пустыни. Бонапартъ напалъ на него и прогналъ его въ пустыню, разбивъ его на голову въ битвѣ при Салагіе и разсѣявъ въ разныя стороны его отряды. Противъ Мурадъ-бея, успѣвшаго снова собрать значительную армію въ верхнемъ Египтѣ, былъ посланъ Десэ который въ октябрѣ мѣсяцѣ разбилъ бея при Седиманѣ и заставилъ его отступить въ пустыню. Десэ вступилъ въ верхній Египетъ и дошелъ до нильскихъ пороговъ. Его сопровождало въ походѣ множество ученыхъ, желавшихъ изслѣдовать верхній Египетъ. Эти ученые ѣздили на ослахъ, и когда при нападеніяхъ мамелюковъ французскимъ солдатамъ приходилось строиться въ каре, то обыкновенно раздавалась команда: «Ослы и ученые—въ середину». Насмѣшливые французы называли этихъ ословъ «полу-учеными», demi-savants, но въ общемъ солдаты относились къ ученымъ съ уваженіемъ. Къ результатамъ спѣшно произведенныхъ ими изслѣдованій ученый міръ отнесся съ огромнымъ интересомъ, и они доставили много полезнаго и интереснаго научнаго матеріала.

Теперь Бонапартъ обратилъ все свое вниманіе на внутреннее устройство Египта. Онъ былъ настолько дальновиденъ, что не затронулъ религіозныхъ предразсудковъ жителей. Онъ проявлялъ величайшее уваженіе къ магометанству и даже способствовалъ переходу въ исламъ генерала Мену. Онъ учредилъ совѣщаніе (диванъ;) изъ сорока видныхъ египтянъ и совмѣстно съ ними обсуждалъ дѣла страны. Онъ уже въ этомъ случаѣ обнаружилъ ту

обходительность, благодаря которой впослѣдствіи сумѣлъ расположить къ себѣ французовъ. Ему даже удалось заставить египетскихъ богословъ объявить его наслѣдникомъ Магомета. Тѣ же богословы заявили, что египтяне обязаны платить дань французамъ.

Но европейскій правительственный аппаратъ не пришелся по думѣ египтянамъ. Они не привыкли платить налоговъ и содержать за свой счетъ судебныя и тому подобныя учрежденія. Имѣется турецкая исторія Египта, въ которой описанъ періодъ французскаго господства въ этой странѣ. Вотъ какъ турецкій историкъ описываетъ порядки, господствовавшіе при французахъ: «Когда кто-нибудь умиралъ, то прежде всего требовалось запросить у дивана, разрѣшаетъ ли онъ унести трупъ, и въ теченіе 24 часовъ необходимо было составить опись всего имущества, оставленнаго покойнымъ. Въ случаѣ, если бы семья покойнаго воспротивилась составленію описи, диванъ овладѣлъ бы всѣмъ имуществомъ и ничего не оставилъ бы наслѣдникамъ. Когда же опись составлялась, то надо было платить. Когда на сцену появлялся наслѣдникъ, то съ него требовали денегъ. Если какой-нибудь кредиторъ покойнаго предъявлялъ искъ, то ему приходилось платить за то, что его искъ былъ признанъ правильнымъ, а когда онъ получалъ слѣдуемыя ему деньги, то ему опять-таки приходилось платить. Даже лица, которымъ необходимо было поѣхать куда-нибудь, не имѣли возможности двинуться съ мѣста безъ бумаги, за которую надо было платить. Платить приходилось и за внесеніе въ книги случаевъ рожденія или смерти. Мало того, всякую сдѣлку между частными лицами нужно было оплачивать!»

Изъ вышесказаннаго явствуетъ, насколько чужда и обременительна была для жителей востока бюрократическая система. Они до той поры никогда не знали ничего подобнаго. Если вельможи страны и льстили завоевателю и высказывали ему всяческое уваженіе, то въ народныхъ массахъ все же продолжала господствовать фанатическая ненависть къ «невѣрнымъ» и «гяурамъ». Ненависть эту старались поддерживать константинопольскія власти, и такимъ образомъ въ Каирѣ, гдѣ царило сильнѣйшее недовольство образомъ правленія французовъ, совершенно незамѣтно для послѣднихъ подготовилось возстаніе. Оно началось въ октябрѣ. По заранѣе условленному сигналу населеніе Египта возстала и съ яростью напало на ничего не подозрѣвавшихъ французовъ. Пока Бонапартъ успѣлъ собрать свои войска, было въ одиночку избито множество французскихъ чиновниковъ и солдатъ. Бонапартъ вывелъ изъ мятежнаго города своихъ солдатъ и приказалъ подвергнуть Каиръ жестокой бомбардировкѣ. При этомъ сгорѣло множество общественныхъ зданій. Затѣмъ французы, стоявшіе у воротъ города, бросились брать городъ приступомъ. Улицы были очищены отъ народа картечью, и послѣ ужасной рѣзни повстанцы были разсѣяны. Многіе изъ нихъ бѣжали въ пустыню. Каиръ былъ разрушенъ и затопленъ въ крови. Съ этого момента французскій генералъ отказался отъ примирительной политики. Онъ утверждалъ, что востокъ можно покорить только путемъ террора, и пересталъ скупиться на кровавыя расправы.

Зиму Бонапартъ провелъ спокойно, и въ то время, какъ іоническіе острова были отняты у Франціи и получили изуродованное республиканское

устройство подъ русско-турецкимъ протекторатомъ, отрѣзанный отъ Европы генералъ продолжалъ въ Египтѣ носиться со своими фантастическими планами относительно завоеванія Сиріи и основанія новаго мірового восточнаго государства. Онъ позже самъ разсказывалъ о томъ, что въ это время былъ занятъ обдумываніемъ обширныхъ плановъ. Онъ намѣренъ былъ двинуться противъ Константинополя черезъ Сирію и Малую Азію, населеніе которыхъ, по его мнѣнію, было склонно присоединиться къ Франціи, и въ столицѣ Турціи продиктовать трепещущей Портѣ свои условія мира. О томъ, что въ это время происходило въ Европѣ, онъ получалъ лишь скудныя извѣстія.

Чтобы пока утвердиться въ Египтѣ, Бонапартъ рѣшилъ прежде всего овладѣть сирійскимъ побережьемъ, потому что ему достовѣрно извѣстно было о намѣреніи турокъ напасть на Египетъ изъ Сиріи. У сирійскихъ береговъ даже появилась англійская эскадра, намѣревавшаяся оказать поддержку туркамъ.

Въ Акрѣ сидѣлъ извѣстный своей жестокостью Джеззаръ-паша («джеззаръ» значитъ мясникъ). Онъ владѣлъ почти всей Сиріей и былъ въ очень натянутыхъ отношеніяхъ съ султаномъ. Бонапартъ пытался привлечь его на свою сторону, но англичане опередили французскаго генерала. Посуливъ Джеззару назначеніе египетскимъ пашой, они склонили его къ мысли о необходимости изгнать французовъ. Джеззаръ при помощи Англіи приготовился къ войнѣ и превратился въ опаснаго врага для генерала Бонапарта.

Въ февралѣ мѣсяцѣ Бонапартъ двинулся въ Сирію съ арміей, состоявшей приблизительно изъ 12 тысячъ человѣкъ. Бразды же правленія въ Египтѣ онъ передалъ нѣкоторымъ изъ своихъ генераловъ. Пограничный портъ Эль-Аришъ, который занятъ былъ сирійцами по приказанію Джеззара, сдался Бонапарту, и послѣдній отпустилъ на всѣ четыре стороны гарнизонъ форта, состоявшій изъ 2 тысячъ арнаутовъ, взявъ съ нихъ слово, что они больше не будутъ воевать съ французами. Эль-Аришъ прикрывалъ переходъ черезъ Суэцкій перешеекъ, и послѣ его паденія Бонапартъ могъ безпрепятственно проникнуть въ Сирію. Французская армія возликовала, когда она послѣ тяжелаго пути черезъ пустыню увидѣла передъ собою богатую Палестину, съ которою для нея связано было столько великихъ воспоминаній о старинѣ. Газа взята была приступомъ, и ея гарнизонъ бѣжалъ въ Яффу, гдѣ оказалъ французамъ упорное сопротивленіе, несмотря на слабость укрѣпленій этого города. 7 марта была взята приступомъ Яффа. Половина ея гарнизона была перебита, а другая половина захвачена въ плѣнъ. Французамъ показалось, что среди плѣнныхъ находятся и тѣ 2 тысячи арнаутовъ, которые были отпущены въ Эль-Аришѣ на волю подъ условіемъ не воевать больше съ Франціей. Бонапартъ пришелъ въ ярость и приказалъ разстрѣлять эти двѣ тысячи арнаутовъ. Это кровопролитіе послѣ одержанной французами побѣды было столь же излишнимъ, какъ и варварскимъ.

Изъ Яффы Бонапартъ двинулся противъ крѣпости Акра, въ которой находился Джеззаръ съ главными своими силами. Очутившись передъ старинными башнями и стѣнами этого города, прославившагося со временъ крестовыхъ походовъ, французскій генералъ и не подозрѣвалъ о томъ, что здѣсь наступитъ конецъ его военнымъ удачамъ на востокѣ. Ему казалось,

что завоеваніе этого гнѣзда сирійцевъ не представитъ для него никакихъ особыхъ трудностей. Но генералъ, вышедшій побѣдителемъ изъ столькихъ битвъ, въ этомъ случаѣ ошибся. Онъ не оцѣнилъ по достоинству ни энергіи Джеззара, ни предусмотрительности англійскаго адмирала Сиднея Смита, который бросилъ якорь въ гавани Акры. Оборону города, который Сидней Смитъ снабдилъ всѣмъ необходимымъ для войны, вели европейскіе офицеры во главѣ съ французскимъ эмигрантомъ, инженеромъ Филиппо.

Хотя Сидней Смитъ и отличался тщеславіемъ и высокомѣріемъ, но онъ обладалъ въ то же время предусмотрительностью и энергіей и очень искусно подготовился къ оборонѣ. Онъ поставилъ французовъ въ затруднительное положеніе, захвативъ у холма Кармелъ посланную изъ Египта флотилію судовъ, нагруженныхъ тяжелыми осадными орудіями. Орудія, предназначавшіяся для бомбардировки стѣнъ Акры, были поставлены на валахъ и отсюда метали свои снаряды во французскія колонны, шедшія на приступъ.

Штурмы французовъ были отбиты съ большимъ урономъ. Турки, которымъ Джеззаръ за голову каждаго убитаго француза выдавалъ крупную награду, сражались съ большимъ упорствомъ, и осада Акры стала затягиваться. Бонапартъ, который никакъ не могъ повѣрить, чтобы такая незначительная крѣпость устояла противъ силы его войска, велъ осаду со всей присущей ему энергіей. Тѣмъ временемъ въ Сиріи было собрано войско, которое должно было отправиться на выручку крѣпости. Это войско было очень многочисленно, но плохо вооружено и не дисциплинировано. Противъ сирійцевъ двинулись Клеберъ, Мюратъ и Жюно. У горы Таборъ произошла битва, исходъ которой рѣшилъ Бонапартъ, подоспѣвшій со своей главной арміей. Сирійцы были разбиты и обращены въ бѣгство.

Положеніе дѣлъ у Акры нисколько не измѣнилось, и Бонапартъ рѣшилъ энергично штурмовать городъ, чтобы снести это сирійское гнѣздо, которое, казалось, мѣшало выполненію всѣхъ его фантастическихъ плановъ. Этотъ тяжелый по своимъ потерямъ штурмъ начался 7-го мая. Въ укрѣпленіяхъ города удалось пробить брешь, и французы проникли уже въ крѣпость, но были снова отброшены послѣ кровопролитной рѣзни. На слѣдующій день удалось пробить три бреши, и французы снова отважно проникли въ городъ. Имъ навстрѣчу бросились англичане и турки, и французамъ снова пришлось отступить. Съ тѣмъ же результатомъ штурмъ и его отраженіе продолжались до 12-го мая. Осажденные оборонялись съ такимъ же упорствомъ, съ какимъ французы нападали, а когда турецкій флотъ получилъ еще подкрѣпленія, Бонапартъ убѣдился, наконецъ, въ томъ, что онъ не въ силахъ будетъ взять крѣпость, пока входъ въ гавань Акры останется открытымъ для враговъ. Многочисленныя штурмовыя нападенія были сопряжены съ тяжелыми потерями для французовъ, и Бонапартъ рѣшилъ отступить. Подвергнувъ Акру еще одной ужасной бомбардировкѣ, французскій полководецъ отступилъ 20-го мая.

У этой небольшой крѣпости, о стѣны которой разбились штурмовыя колонны Бонапарта, рушились и планы французскаго полководца относительно созданія новаго мірового государства на востокѣ. Ему впервые пришлось убѣдиться въ томъ, что и его силы не безграничны.

Благодаря успѣшной оборонѣ крѣпости Акры, вся это война получила новый оборотъ. Бонапартъ понялъ, что ему придется ограничиться завоеваніемъ Египта. Его войско вернулось въ Египетъ въ полномъ порядкѣ. Разсказъ о томъ, будто больныхъ чумою французовъ въ Яффѣ отравили опіумомъ, чтобы они не попали въ руки къ туркамъ, оказался выдумкой. 14-го іюля 1799 г. Бонапартъ вступилъ въ Каиръ.

Въ Египтѣ Бонапарту представился случай вновь усилить свою военную славу, нѣсколько потускнѣвшую послѣ безуспѣшной осады Акры. У устьевъ Нила за это время успѣло высадиться турецкое войско, которое заняло крѣпость Абукиръ. Турецкой арміей, доставленной на англійскихъ корабляхъ, командовалъ Сейдманъ-Мустафа-паша. Бонапартъ тотчасъ же выступилъ изъ Каира съ цѣлью оттѣснить турокъ. Это ему вполнѣ удалось. 25-го іюля въ сухопутной битвѣ при Абукирѣ. Блестящая побѣда, одержанная надъ турками, вполнѣ возстановила славу Бонапарта, какъ полководца.

Турки окопались при Абукирѣ. Бонапартъ путемъ искусныхъ маневровъ принудилъ ихъ оставить окопы. Имъ удалось въ нѣсколькихъ случаяхъ одержать верхъ надъ французами, но послѣдніе двинулись противъ нихъ всей своей массой и прогнали ихъ съ позицій. Турки были отброшены къ морю. Преслѣдуемые французами, они не успѣли спастись на лодкахъ и погибли въ большомъ количествѣ. Говорятъ, что на поверхность рѣки выплыло до 6 тысячъ труповъ. Около 4 тысячъ турокъ бросилось въ крѣпость Абукиръ, гдѣ имъ и пришлось вскорѣ сдаться.

Несмотря однако на этотъ рѣшительный ударъ, нанесенный врагамъ, Бонапартъ сталъ ощущать неудобство своего положенія въ Египтѣ. Онъ понималъ, что не сумѣетъ здѣсь долго продержаться. Сила мамелюковъ нигдѣ не была вполнѣ уничтожена. Безъ наличности вооруженной силы здѣсь каждую минуту могло разгорѣться возстаніе. Что касается французской арміи, то она численно сократилась, такъ какъ совершенно лишена была возможности получать подкрѣпленія. Къ тому же черезъ Сирію въ это время двигалась сильная турецкая армія подъ предводительствомъ Юссуфа-паши. Да и изъ Франціи прибыли вѣсти, подсказавшія молодому генералу, что теперь наступило для него время сыграть роль, о которой онъ въ силу своего честолюбія уже давно мечталъ. Директорія успѣла навлечь на себя ненависть всѣхъ партій и понесла крупныя пораженія. Теперь наступилъ моментъ, удобный для того, чтобы смѣлый и избалованный счастьемъ солдатъ могъ захватить въ свои руки общественную власть и дать французамъ сильное и славное правительство. Таковы были разсчеты генерала, и онъ занялся изысканіемъ средствъ, которыя могли бы предупредить катастрофу, грозившую современемъ разразиться надъ нимъ въ Египтѣ. Его рѣшеніе было скоро готово: онъ задумалъ оставить свою храбрую армію и отплыть обратно во Францію.

Это рѣшеніе не дѣлало чести Бонапарту, такъ какъ оно было продиктовано исключительно эгоизмомъ и честолюбіемъ. Бонапартъ оставилъ свою армію какъ дезертиръ, такъ какъ правительство не освободило его отъ обязанностей главнокомандующаго. Поступи такимъ же образомъ другой генералъ, онъ попалъ бы подъ судъ. Но Бонапартъ хорошо зналъ французовъ. Онъ въ данномъ случаѣ полагался на свою огромную популярность и на непопулярность директоріи. Онъ зналъ, что египетскій походъ окружилъ его личность новымъ фантастическимъ и сказочнымъ ореоломъ. Бонапартъ оставилъ запечатанный пакетъ, адресованный на имя ген. Клебера, и тайкомъ, въ сопровожденіи своихъ лучшихъ генераловъ и преданныхъ друзей, сѣлъ 22 августа 1799 г. на корабль въ Александріи, бросивъ свою армію на произволъ судьбы.

Онъ благополучно избѣгъ англійскихъ крейсеровъ, неоднократно подвергаясь опасности быть ими захваченнымъ, и 9 октября высадился на французскомъ берегу у Фрежю.

При вѣсти о его возвращеніи Франція возликовала. На Бонапарта смотрѣли какъ на спасителя, который сумѣетъ избавить родину отъ тяжелаго кризиса. Франція бросилась на шею тридцатилѣтнему генералу, не справляясь о его намѣреніяхъ. Его подвиги вскружили всѣмъ головы. Склонныхъ къ увлеченіямъ французовъ восхищалъ таинственный и сказочный ореолъ, окружавшій личность этого молодого завоевателя. Они уже не знали, чѣмъ ему угодить, и когда пожертвовали ради него республикой, то имъ казалось, что и эта жертва слишкомъ ничтожна по сравненію съ его величіемъ.

Такъ ослѣпляютъ и опьяняютъ людей военные успѣхи. Бонапартъ привыкалъ относиться къ людямъ съ презрѣніемъ. Да это и не могло быть иначе въ его положеніи.

Походъ 1799 г.

Великая коалиція, создавшаяся благодаря англійскому золоту и интригамъ Питта, открыто не объявляла войны Франціи; однако, всѣ ея дѣйствія заставляли директорію заблаговременно начать приготовленія къ неизбѣжной войнѣ. Набрано было 200 тысячъ рекрутовъ, которые должны были возмѣстить потери прежнихъ походовъ. Мѣру эту старались оправдать тѣмъ, что уже къ концу 1798 г. около 60 тысячъ русскихъ, подъ предводительствомъ грознаго полководца Суворова, побѣдившаго несчастныхъ поляковъ, появились въ Австріи съ тѣмъ, чтобы двинуться въ Италію. Кромѣ того, и австрійскій генералъ Готце съ 6.000 солдатъ явился на помощь граубюнденцамъ, не пожелавшимъ присягнуть конституціи новой Гельвеціи. Это произошло еще въ то время, когда на Раштатскомъ конгрессѣ обсуждался вопросъ объ окончательномъ заключеніи мира съ германской имперіей.

Директорія собрала пять армій. Главная изъ нихъ подъ начальствомъ Журдана стояла на верхнемъ Рейнѣ; названа она была дунайской арміей, потому что ей надлежало двинуться противъ Австріи вдоль по Дунаю. Въ Швейцаріи арміей командовалъ генералъ Массена, которому предстояло сыграть въ этой войнѣ крупную роль. Въ сѣверной Италіи главнокомандующимъ назначенъ былъ Шереръ, а въ Неаполѣ директорія вмѣсто Шам-

пионэ, который, по ея мнѣнію, держалъ себя слишкомъ независимо, назначила главнокомандующимъ Макдональда. На сѣверѣ собрали армію подъ начальствомъ Брюна и, соединивъ ее съ войсками батавской республики, которыми командовалъ Дэндельсъ, образовали одну голландскую армію.

Директорія приказала сообщить въ Раштатѣ, что ей приходится отнестись ко вступленію русскихъ войскъ въ Германію какъ къ объявленію войны. Въ отвѣтъ на это Австрія предложила Франціи вывести войска изъ Италіи и Швейцаріи. Такимъ образомъ, безъ дальнихъ околичностей загорѣлась война.

Массена двинулся противъ Готце, стоявшаго у Граубюндена, и послѣ нѣсколькихъ сраженій заставилъ его отступить. Журданъ перешелъ черезъ Рейнъ. Ему навстрѣчу во главѣ стотысячной арміи двинулся его давнишній (съ 1796 г.) соперникъ эрцгерцогъ Карлъ. Въ концѣ марта произошли битвы у Остраха и Стокаха, вблизи Боденскаго озера. Ни одна изъ нихъ, впрочемъ, не имѣла рѣшающаго значенія, такъ какъ ихъ пришлось прекратить съ наступленіемъ ночи. Эти сраженія однако дезорганизовали войска Журдана и онъ отступилъ обратно черезъ Рейнъ. Его лишили командованія, и дунайская армія была присоединена къ арміи Массены, стоявшей въ Швейцаріи. Эрцгерцогъ Карлъ не использовалъ этого благопріятнаго для него момента и бездѣятельно провелъ время въ Баденѣ и Вюртембергѣ. У него вышли раздоры съ вѣнскимъ придворнымъ военнымъ совѣтомъ, и это парализовало его дѣятельность.

Тѣмъ временемъ мирный конгрессъ въ Раштатѣ продолжалъ свои засѣданія, и Австрія прилагала всѣ усилія къ тому, чтобы разстроить его. Хотя конгрессъ имперскихъ князей, состоявшійся въ Регенсбургѣ, и принялъ предложенія французскихъ пословъ, но Питту и Тугуту удалось добиться того, что Германія прервала переговоры, и германскіе послы 23 апрѣля заявили, что конгрессъ долженъ закрыться, такъ какъ война началась, и Франція слишкомъ далеко зашла въ своихъ требованіяхъ. Германія уже дала свое согласіе на требованія Франціи, но Тугутъ не обратилъ на это никакого вниманія. Ему хотѣлось сдѣлать и Германію причастной къ общей сумятицѣ, хотя Германія и противилась войнѣ съ Франціей.

Конгрессъ закрылся, и закрытіе его ознаменовалось кровавымъ преступленіемъ, навсегда запятнавшимъ имя Тугута, а именно: позорнымъ *изгнаніемъ пословъ въ Раштатѣ*. Французскіе послы получили отъ австрійскаго полковника Барбачи, командовавшаго въ Раштатѣ полкомъ гусаръ, приказъ немедленно оставить Раштатъ. Тремя послами Франціи были—Бонье д'Арко, Робержо и Жанъ де-Бри. Послѣдніе два раньше были членами конвента и пылкими якобинцами. Получивъ приказъ объ отъѣздѣ, они обратились къ полковнику Барбачи съ просьбой дать имъ охрану. На это они получили въ отвѣтъ одно только предложеніе—въ теченіе 24 часовъ покинуть Раштатъ. Они выѣхали еще въ тотъ же день, 28 апрѣля вечеромъ, вмѣстѣ со своими женами и слугами. Приблизительно на разстояніи четверти часа ѣзды отъ Раштата они встрѣтились съ отрядомъ австрійскихъ гусаръ, которые остановили кареты пословъ. Гусары открыли дверцы каретъ, самымъ грубымъ образомъ вытащили всѣхъ трехъ пословъ и набросились на нихъ

съ саблями наголо. Бонье и Робержо тутъ же были убиты на глазахъ своихъ плачущихъ женъ, а Жанъ де-Бри, тяжело раненый, скатился въ ровъ и, благодаря темной ночи, не былъ разысканъ. На слѣдующій день его привезли обратно въ Раштатъ, гдѣ онъ и выздоровѣлъ послѣ продолжительной болѣзни. Убійцы при свѣтѣ факеловъ обшарили кареты пословъ и похитили всѣ ихъ бумаги.

Въ другое время Австрія, безъ сомнѣнія, лишилась бы всѣхъ своихъ союзниковъ за подобный поступокъ, которымъ Тугутъ приравнялъ себя къ Джеззаръ-пашѣ, приказавшему отрубить головы французскимъ парламентерамъ. Коварное убійство беззащитныхъ пословъ, противорѣчащее всѣмъ законамъ международнаго права, должно было возмутить всякаго чуткаго человѣка. Но Австрія не потеряла своихъ союзниковъ. Правда, общее возмущеніе было очень сильно, и эрцгерцогъ Карлъ, отличавшійся благородствомъ характера, добился назначенія слѣдствія по этому позорному дѣлу, но слѣдствіе не дало никакихъ результатовъ. Что касается Барбачи, то онъ даже позже былъ произведенъ въ генералы. Дѣло такъ и осталось невыясненнымъ, и темныя причины, вызвавшія это преступленіе, вѣроятно, никогда не будутъ раскрыты. Можно лишь предположить, что нападеніе было устроено Тугутомъ съ цѣлью захватить у французскихъ пословъ бумаги, которыя могли набросить тѣнь на Австрію, въ виду ея поведенія по отношенію къ Германіи. Приказъ же Тугута былъ съ варварской жестокостью выполненъ австрійскими офицерами, которые въ этомъ случаѣ выместили свою злобу на французскихъ «якобинцахъ».

Извиненія, которыя Австрія представила по поводу преступленія, совершеннаго однимъ изъ самыхъ видныхъ ея государственныхъ дѣятелей, были такъ же же пошлы, какъ ужасно было самое преступленіе. Австрія заявила, что это была *«одна изъ обычныхъ въ военное время неурядицъ»*. Но, какъ извѣстно, съ послами обыкновенно не ведутъ войны...

Убійство пословъ, являвшееся актомъ насилія и вѣроломства, которому едва ли можно найти примѣръ въ исторіи, повлекло за собою начало военныхъ дѣйствій на всѣхъ позиціяхъ. Директорія не могла добиться у Австріи удовлетворенія, такъ какъ вѣнскій кабинетъ снова принялъ весьма высокомѣрный тонъ, благодаря успѣхамъ эрцгерцога Карла и помощи со стороны Россіи. Поэтому французы старались добиться удовлетворенія съ оружіемъ въ рукахъ. Однако, имъ не улыбнулось военное счастье; оно даже, казалось, совсѣмъ измѣнило имъ.

Генералъ Шереръ проникъ съ итальянской арміей въ великое герцогство тосканское, изгналъ оттуда великаго герцога Фердинанда III и завладѣлъ его страною. Великій герцогъ не присоединился къ коалиціи оффиціально; но Франція знала, что у него съ коалиціей существуетъ тайное соглашеніе, и не желала имѣть у себя въ тылу врага. Но успѣхъ малоспособнаго Шерера на этомъ закончился. Подоспѣли австрійцы съ преобладающими силами подъ предводительствомъ Края. Хотя Край и не былъ особенно талантливымъ генераломъ, но онъ обладалъ энергіей и мужествомъ. Онъ разбилъ неспособнаго Шерера въ битвѣ при Пастренго и заставилъ его отступить. Вслѣдъ затѣмъ 6 апрѣля произошла битва при Маньяно, въ

которой Шереръ потерпѣлъ такое сильное пораженіе, что съ большимъ урономъ принужденъ былъ отступить черезъ Минчіо со своими деморализованными войсками. Въ концѣ концовъ Шереръ былъ отставленъ, и командованіе надъ арміей перешло къ Моро, который, несмотря на всю свою извѣстность, съ чисто республиканской скромностью служилъ подъ начальствомъ ничѣмъ не выдававшагося Шерера.

Однако тѣ военныя силы, которыми располагалъ Моро, были далеко не достаточны для того, чтобы сопротивляться новому опасному врагу республики, который теперь появился на аренѣ борьбы—русскому фельдмаршалу Суворову, прибывшему со своимъ войскомъ въ Италію. Край былъ смѣщенъ, и австрійцы, командованіе надъ которыми поручено было талантливому генералу Меласу, соединились съ русскими. Главнокомандующимъ надъ обѣими арміями былъ Суворовъ.

Этотъ странный человѣкъ подъ причудливой и почти смѣшной внѣшностью таилъ въ себѣ выдающійся военный геній. Въ обществѣ онъ держался дурачкомъ, но на полѣ битвы развивалъ такую энергію, что сметалъ все на своемъ пути. При своей дикой манерѣ нападенія онъ не считался ни съ какими потерями въ людяхъ. Онъ все время пробивался впередъ, не давая вздохнуть врагу. Съ крѣпостями онъ обыкновенно недолго возился. Опустошивъ огнемъ и мечемъ какую-нибудь страну, онъ потомъ обыкновенно оплакивалъ ее. Во время турецкой войны онъ при взятіи Измаила устроилъ небывалую рѣзню. Польшу онъ смялъ желѣзною рукою, а о битвѣ при Прагѣ сообщилъ въ Петербургъ слѣдующими словами: «*Прага дымитъ, Варшава дрожитъ*». Будуучи ханжой и консерваторомъ, онъ страстно ненавидѣлъ французскую революцію. Несмотря на свой 70-лѣтній возрастъ, онъ своимъ участіемъ въ войнѣ произвелъ полный переворотъ въ положеніи Европы. Такъ какъ Тугутъ имѣлъ обыкновеніе черезъ посредство вѣнскаго придворнаго военнаго совѣта водить генераловъ по указкѣ (оттого-то у него и возникали такія частыя ссоры съ эрцгерцогомъ Карломъ), то Суворовъ выговорилъ себѣ право получать приказы только непосредственно отъ императора Франца. Но это условіе ничуть не измѣнило положенія вещей, такъ какъ императоръ приказывалъ только то, что совѣтовалъ ему Тугутъ. Суворовъ немедленно же началъ наступленіе. Краю поручено было осадить Мантую. Суворовъ же вмѣстѣ съ Меласомъ напалъ на Моро, который со своими слабыми боевыми силами далеко не могъ сравняться съ гораздо болѣе сильнымъ врагомъ. 27 апрѣля Моро при Кассано подвергся нападенію со стороны неистоваго Суворова, на сторонѣ котораго былъ численный перевѣсъ арміи, и послѣ упорнаго сопротивленія былъ разбитъ на голову. Ему пришлось отойти до самой Александріи подъ натискомъ неустанно наступавшаго противника. Въ этой битвѣ Моро потерялъ 8 тысячъ солдатъ и 100 пушекъ.

Пока Моро былъ занятъ тѣмъ, что старался собрать подъ Александріей остатки своего войска, Суворовъ подошелъ къ Милану и торжественно вступилъ въ этотъ городъ съ привязаннымъ къ своему сѣдлу кнутомъ. Ломбардцы, большая часть которыхъ подъ владычествомъ французовъ были добрыми республиканцами, наперерывъ другъ передъ другомъ старались

доказать, что у нихъ вовсе нѣтъ никакихъ политическихъ убѣжденій. Они привѣтствовали фельдмаршала, какъ освободителя, который явился къ нимъ съ такимъ понятнымъ символомъ, прикрѣпленнымъ къ сѣдлу. Миланскій архіепископъ первый далъ сигналъ къ этому чествованію, встрѣтивъ во главѣ духовенства и большинства католической знати человѣка съ кнутомъ, какъ «спасителя Италіи». Было объявлено объ уничтоженіи цизальпинской республики. Послѣ этого Суворовъ поспѣшилъ въ Туринъ, гдѣ заперъ французовъ въ крѣпости. Онъ намѣренъ былъ отбросить теперь Моро черезъ Альпы, но указанія императора удержали его отъ этого. Ему велѣно было раньше завоевать крѣпости.

Слѣдствіемъ побѣдоноснаго наступленія Суворова было то, что Макдональду, находившемуся съ французской арміей въ Неаполѣ, стала грозить опасность быть отрѣзаннымъ. Онъ отступилъ, оставивъ партенопейскую республику на произволъ судьбы и снабдивъ лишь неаполитанскую крѣпость сильнымъ гарнизономъ. Искусно отступая, онъ благополучно прошелъ черезъ неаполитанскую и римскую области и достигъ верхней Италіи. Теперь Макдональду слѣдовало бы во что бы то ни стало соединиться съ Моро, отступившимъ до Генуи. Но онъ былъ очень честолюбивъ и надѣялся, что сумѣетъ одинъ нанести рѣшительный ударъ врагамъ и снова возстановить перевѣсъ французскаго оружія. Ему не хотѣлось, въ случаѣ удачнаго исхода своего предпріятія, раздѣлить славу съ Моро. Поэтому онъ попытался напасть на отдѣльные отряды русско-австрійской арміи и уничтожить ихъ поодиночкѣ. Но Суворовъ не допустилъ до этого. Собравъ значительное войско, онъ съ необыкновенной быстротой поспѣшилъ навстрѣчу французскому генералу. У береговъ Требіи, гдѣ Ганнибалъ нѣкогда побѣдилъ римлянъ, произошелъ кровопролитный бой, длившійся отъ 17 до 19-го іюня. Въ этой битвѣ дикій Суворовъ, благодаря численному перевѣсу своей арміи и своей энергіи, побѣдилъ французскихъ храбрецовъ. Потери въ этой битвѣ были небывало велики. У Макдональда изъ его 20-ти тысячной арміи больше половины выбыло изъ строя. Потери же Суворова были еще больше, такъ какъ онъ при своихъ свирѣпыхъ атакахъ не имѣлъ обыкновенія щадить жизнь своихъ солдатъ.

Теперь Макдональдъ уже соединился съ Моро, и оба побѣжденныхъ генерала стали ждать въ Альпахъ подкрѣпленій, которыя должны были прибыть изъ Франціи, между тѣмъ какъ Италія снова была завоевана союзниками, и даже крѣпость Мантуя перешла въ руки австрійцевъ. Политическія творенія Бонапарта исчезли такъ же быстро, какъ появились, и казалось, будто въ Ломбардіи никогда и не бывало республиканцевъ.

Между тѣмъ, какъ побѣдоносный Суворовъ носился съ мыслью о вторженіи во Францію, причемъ отъ этого шага его удержали только безсмысленныя приказанія вѣнскаго двора, эрцгерцогъ Карлъ послѣ отступленія Журдана перешелъ черезъ Рейнъ, имѣя намѣреніе напасть на Массену, который собралъ остатки дунайской арміи Журдана и занялъ прочную позицію вблизи Цюриха. Эрцгерцогъ двинулся къ Цюриху черезъ Шафгаузенъ. Готце долженъ былъ соединиться съ нимъ, пройдя черезъ Граубюнденъ. Соединеніе обѣихъ армій совершилось благополучно, особенно благодаря

тому обстоятельству, что Готце оказали поддержку реакционно настроенные швейцарскіе кантоны. Карлъ напалъ на французовъ, и произошла первая цюрихская битва, продолжавшаяся отъ 3-го до 6-го іюня. Этотъ четырехдневный бой унесъ много жертвъ, не приведя ни къ какому результату. Оба полководца оказались стоящими другъ друга противниками. Хотя они и пускали въ ходъ всѣ средства военнаго искусства, но ни одинъ изъ нихъ не могъ осилить другого. Массена все-таки отступилъ, очистилъ Цюрихъ и засѣлъ на Итлибергѣ, занявъ необычайно сильную и хорошо защищенную позицію. Здѣсь онъ сталъ ждать нападенія враговъ.

Нападенія этого однако не послѣдовало, потому что военныя дѣйствія союзниковъ внезапно прекратились и въ Италіи и въ Швейцаріи. Благодаря интригамъ Тугута, полководцы снова поссорились съ вѣнскимъ кабинетомъ. Эрцгерцогъ Карлъ былъ взбѣшенъ той опекой, которую разрѣшалъ себѣ надъ нимъ придворный военный совѣтъ. Суворова же вывело изъ себя поведеніе австрійскихъ генераловъ, не желавшихъ подчиняться его приказаніямъ. Къ тому же, Суворову было извѣстно, что Австрія намѣрена захватить для себя Сардинію, вмѣсто того, чтобы вернуть ее, согласно желанію императора Павла, королю Виктору-Амадею. Это разсердило упрямаго императора Павла, и онъ, вѣроятно, уже теперь отозвалъ бы свои войска, если бы австрійскій посланникъ въ Петербургѣ графъ Кобенцль не нашелъ средства отвлечь его гнѣвъ. Онъ путемъ подкупа вліялъ на многочисленныхъ любовницъ Павла, и тѣ старались отклонить вниманіе Павла отъ жалобъ Суворова и поддержать въ немъ доброе расположеніе духа. Такимъ образомъ удалось удержать Павла въ коалиціи. Все-таки рѣшено было, что отнынѣ русскіе и австрійцы будутъ отдѣльно вести войну съ Франціей, а именно: русскіе будутъ воевать въ Швейцаріи, а австрійцы—въ Италіи.

Но прежде чѣмъ арміи раздѣлились, Суворовъ еще разъ напалъ на французовъ. Французская армія въ Италіи получила подкрѣпленія, и главнокомандующимъ надъ нею былъ назначенъ молодой и пламенный генералъ Жуберъ. Жуберъ со всей своей арміей двинулся изъ Ривьеры, гдѣ собрались французы. При Нови онъ неожиданно для себя столкнулся съ внушавшимъ всѣмъ ужасъ Суворовымъ и растерялся, увидѣвъ, что ему придется имѣть дѣло съ главными силами русско-австрійской арміи.

15 августа 1799 г. при Нови произошла самая кровопролитная изъ всѣхъ битвъ этого похода.

Суворовъ напалъ на французовъ со всей яростью, которая была свойственна его способу веденія войны. Онъ двигалъ на штурмъ все новыя и новыя колонны, не обращая вниманія на огромныя потери въ людяхъ, вызванныя упорнымъ сопротивленіемъ непріятеля. Жуберъ, отличавшійся большимъ мужествомъ, все время разъѣзжалъ по полю битвы и, чтобы поднять духъ своихъ солдатъ, появлялся на самыхъ передовыхъ позиціяхъ. Онъ приготовился было стать во главѣ полка, чтобы ударить въ штыки, какъ вдругъ какой-то тирольскій стрѣлокъ прицѣлился и поразилъ его прямо въ грудь. Жуберъ упалъ мертвымъ. Потеря полководца привела французовъ въ замѣшательство. Моро пришлось поневолѣ перенять командованіе арміей. Но смятеніе, охватившее ряды французовъ, было слишкомъ

велико. Они ужъ не могли устоять передъ яростнымъ натискомъ Суворова, и битва была проиграна. Потери и съ той и съ другой стороны были огромны. Французы потеряли убитыми и ранеными 16 тысячъ, а русскіе и австрійцы около 25 тысячъ человѣкъ, что, объясняется суворовской тактикой, которая такъ расточительно обращалась съ человѣческими жизнями.

Французамъ пришлось отступить къ Альпамъ. Теперь Суворовъ двинулся въ Швейцарію, а Меласъ остался, чтобы здѣсь продолжать борьбу съ французами.

Но военное счастье вновь измѣнило союзникамъ. Директорія поставила генерала Мюллера во главѣ новообразованной рейнской арміи и приказала ему вторгнуться въ южную Германію. Узнавъ объ этомъ, эрцгерцогъ Карлъ рѣшилъ уйти изъ Швейцаріи, предоставивъ борьбу съ Массеной новой вспомогательной русской арміи, прибывшей въ Швейцарію подъ предводительствомъ князя Корсакова. Эрцгерцогу не удалось выработать соглашенія съ Карсаковымъ, и объ арміи имѣли мало связи между собою. Массена напалъ на отступающихъ австрійцевъ и 14 августа отбросилъ ихъ по всей линіи. Многіе австрійскіе отряды въ безпорядочномъ бѣгствѣ перешли черезъ Рейнъ.

Корсаковъ надѣялся совмѣстно съ Суворовымъ, который съ юга черезъ Сенъ-Готтардъ проникъ въ Швейцарію, раздавивъ французскую армію у Цюриха, окруживъ ее со всѣхъ сторонъ обоими русскими корпусами. Но высокоталантливый Массена, отличавшійся рѣшительностью и смѣлостью, не сталъ дожидаться прибытія Суворова и напалъ на Корсакова 24 сентября. Разгорѣлось второе кровопролитное сраженіе у Цюриха, которое послѣ двухдневной ожесточенной борьбы закончилось полнымъ пораженіемъ русскихъ. На улицахъ Цюриха, который являлся центромъ сраженія, произошла ужасная рѣзня. Улицы были буквально затоплены кровью, и кромѣ нѣсколькихъ тысячъ французовъ и русскихъ погибло множество цюрихскихъ жителей, не принимавшихъ никакого участія въ борьбѣ. Оставленный вмѣстѣ съ русскими отрядъ австрійцевъ подъ предводительствомъ Готце тоже былъ совершенно уничтоженъ, а самъ Готце палъ въ битвѣ.

Эта неожиданная и блестящая побѣда подняла духъ французовъ, и на Массену стали смотрѣть, какъ на спасителя республики, которому ради его выдающихся военныхъ способностей охотно прощали корыстолюбіе и жестокость.

Корсаковъ съ остатками своего разбитаго войска отступилъ у Шафгаузена черезъ Рейнъ. Массена не сталъ его преслѣдовать и обратился противъ Суворова, который послѣ отважнаго перехода черезъ Сенъ-Готтардъ достигъ Цюриха. Русскіе перенесли ужасныя лишенія въ непривѣтливыхъ мѣстахъ, черезъ которыя имъ пришлось проходить. Они не имѣли возможности въ достаточной мѣрѣ запастись ни провіантомъ, ни аммуниціей, и имъ пришлось пролагать себѣ дорогу черезъ совершенно непроходимыя мѣстности. Сильно уменьшенная въ своей численности и деморализованная армія подверглась нападенію со стороны Массены и принуждена была вступать въ кровопролитныя стычки съ врагами. Въ этомъ ужасномъ положеніи Суворовъ напрягъ всѣ свои силы и съ поразительнымъ мужествомъ отразилъ неоднократныя

нападенія Массены. Но онъ принужденъ былъ отступить, и это отступленіе повлекло за собою гибель большей части его войска. Русскіе тысячами погибали отъ истощенія; они замерзали или скатывались въ альпійскія пропасти. Когда Суворовъ съ остатками арміи прибылъ въ Шуръ, то оказалось, что онъ потерялъ всѣ свои орудія. Его войско представляло собою безпорядочную кучку оборванцевъ. Слабымъ утѣшеніемъ для него могла послужить лишь слава, пріобрѣтенная имъ благодаря отступленію, которому мало можно найти примѣровъ въ исторіи. Вскорѣ послѣ этого русскіе были отозваны на родину своенравнымъ и капризнымъ императоромъ Павломъ.

Такимъ образомъ, вторженіе во Францію не состоялось, и юный генералъ Шампіоннэ, который замѣнилъ Моро и перенялъ командованіе надъ французами въ Ривьерѣ, въ октябрѣ 1790 г. снова открылъ кампанію. Ему хотѣлось смѣлымъ наступленіемъ на враговъ поправить всѣ несчастія этого года. Но Меласъ сразился съ нимъ 4 сентября при Савильяно и отбросилъ его назадъ. Къ концу этого кроваваго и богатаго катастрофами года въ рукахъ французовъ остались въ Италіи лишь Генуя да Ницца. И на Рейнѣ военное счастье тоже отвернулось отъ французовъ. Эрцгерцогъ Карлъ заставилъ отступить разрозненную рейнскую армію и взялъ приступомъ Мангеймъ, между тѣмъ какъ спессартскіе и оденвальдскіе крестьяне стали вести съ французами ожесточенную партизанскую войну.

Питтъ въ этомъ году искалъ случая совершить одинъ изъ тѣхъ излюбленныхъ имъ разбойничьихъ набѣговъ, при которыхъ Англія обыкновенно обогащалась военной добычей. Подобныя авантюры наносили сильный ущербъ торговому флоту и торговлѣ подвергшагося нападенію народа, а это было на руку англійскимъ купцамъ. Ища добычи, которою могли бы окупиться англійскія деньги, затраченныя на коалицію, Питтъ обратилъ свои жадные взоры на голландскій флотъ, находившійся въ Текселѣ. Питту удалось привлечь къ участію въ голландской экспедиціи русскаго императора Павла, которому онъ выставилъ на видъ, будто желаетъ вернуть въ Голландію наслѣдственнаго штатгальтера Вильгельма V Оранскаго, котораго изгнали французы. Въ сущности говоря, Питта нисколько не интересовало возвращеніе штатгальтера въ Голландію, но императоръ Павелъ, побуждаемый стремленіемъ возвращать къ прежнему состоянію все то, что подверглось измѣненіямъ, благодаря французской революціи, далъ свое согласіе на эту экспедицію. Между Англіей и Россіей былъ заключенъ договоръ, согласно которому 20 тысячъ русскихъ и столько же англичанъ должны были вторгнуться въ Голландію.

Союзныя войска, предводительствуемыя герцогомъ Іоркскимъ и русскимъ генераломъ Германомъ, были доставлены въ Голландію, гдѣ къ нимъ однако пристали одни лишь приверженцы Оранскаго дома. Для защиты Голландіи директорія выставила батавскую армію подъ предводительствомъ Брюна и Дэндельса, но французы не ожидали уже нападенія, такъ какъ союзныя войска появились лишь въ августѣ. Поэтому французы теперь были мало подготовлены къ защитѣ страны. Союзники овладѣли Текселемъ съ суши, и англичане получили возможность захватить желанный голландскій флотъ, состоявшій изъ 30 судовъ. Среди матросовъ существовалъ заговоръ въ пользу штатгальтера, и они не дали возможности защищаться энергичному адмиралу Стори. Они выдали его вмѣстѣ съ кораблями англичанамъ.

Штатгальтеръ Вильгельмъ V Оранскій издалъ прокламацію, обращенную къ голландцамъ, но народъ съ полнымъ равнодушіемъ отнесся къ его почтенной особѣ. Герцогъ Іоркскій былъ и неловокъ и медлителенъ. Къ этому времени Брюнъ успѣлъ въ достаточной степени подготовиться къ борьбѣ. Англичане двинулись впередъ. 19 сентября они были разбиты въ битвѣ при Бергенѣ и прогнаны въ болотистую и пустынную мѣстность Цинъ, гдѣ стали терпѣть недостатокъ во всемъ необходимомъ. Къ этому присоединились еще заболѣванія злокачественной лихорадкой, которая свирѣпствовала въ той мѣстности. По настоятельному требованію русскихъ, герцогъ Іоркскій, который охотнѣе всего сейчасъ же вернулся бы обратно въ Англію, еще разъ напалъ на французовъ. Отъ 2-го до 6-го октября продолжалась битва при Алькмаарѣ и результатомъ ея снова было вынужденное отступленіе русскихъ и англичанъ къ ципскимъ трясинамъ. Тутъ вожди потеряли уже мужество и стали вести переговоры съ Брюномъ. Онъ согласился на свободный отъѣздъ союзниковъ, но имъ пришлось выдать 8 тысячъ французскихъ и голландскихъ плѣнныхъ и возстановить разрушенныя ими плотины и укрѣпленія.

Успѣхъ французскаго оружія въ Голландіи не могъ сгладить пораженій въ Италіи, но онъ снова поднялъ духъ французовъ къ концу этого столь несчастнаго для нихъ года. Англія же захватила свою добычу, и эта добыча была, очевидно, англійскимъ купцамъ милѣе всѣхъ самыхъ блестящихъ побѣдъ Суворова.

Паденіе партенопейской республики.

Іолодой генералъ Шампіоннэ изо всѣхъ силъ старался вдохнуть жизнь въ неаполитанскую республику, которая была его политическимъ дѣтищемъ. Неаполь былъ раздѣленъ на одиннадцать департаментовъ, причемъ законодательная власть передана была совѣту, состоявшему изъ 25 членовъ. Но гражданскіе коммиссары своими поборами, конфискаціями и вымогательствами озлобили народъ, между тѣмъ какъ Шампіоннэ нѣсколько успокоилъ лаццарони, заставивъ духовенство путемъ подкупа совершить извѣстное чудо съ кровью св. Януарія. Шампіоннэ сурово отнесся къ гражданскимъ коммиссарамъ за ихъ алчность и удалилъ ихъ. Директорія смѣстила генерала Шампіоннэ, имѣвшаго намѣреніе способствовать раскопкамъ Помпеи и постановкѣ памятника римскому поэту Виргилію, и его мѣсто занялъ генералъ Макдональдъ, ирландецъ по происхожденію, который, какъ полководецъ, быть можетъ, былъ талантливѣе Шампіоннэ, но въ дѣлахъ организаціи новаго образа правленія, безъ сомнѣнія, понималъ меньше своего предшественника.

Неаполь далеко не былъ вполнѣ умиротворенъ, и здѣсь не прекращались интриги духовенства и агентовъ неаполитанскаго двора. Вскорѣ про-

тивъ французовъ и неаполитанской демократіи, особенно въ Апуліи и Калабріи, возстало фанатичное и невѣжественное сельское населеніе. Демократы и роялисты вели между собою яростную борьбу со всей той жестокостью, на которую способны были неаполитанцы, въ крупныхъ дѣлахъ мало отличавшіеся своимъ мужествомъ. Стали совершаться отвратительныя убійства. Цѣлыя деревни подвергались сожженію, а населеніе ихъ избивалось. Для организаціи возстанія появился, въ качествѣ посланца отъ двора, находившагося въ Сициліи, фанатичный кардиналъ Руффо. И онъ сумѣлъ выполнить свою задачу, побуждая крестьянъ къ возстанію во имя религіи. Подъ его знамена стекались всякіе подонки общества. Къ нему присылали помилованныхъ каторжниковъ, и многіе бандиты служили подъ его предводительствомъ для того, чтобы возстановить свою «честь». Извѣстный атаманъ разбойниковъ Михаэль Пенца служилъ у Руффо въ чинѣ полковника. Онъ совершалъ отвратительныя убійства, и дивившаяся ему чернь надѣлила его прозвищемъ Фра-Діаволо (братъ-діаволъ). Впослѣдствіи французы схватили и повѣсили его.

Руффо обѣщалъ всѣмъ своимъ соратникамъ полное отпущеніе грѣховъ (что было особенно пріятно бандитамъ) и, кромѣ того, на 10 лѣтъ освободилъ ихъ отъ всякихъ податей. Крестьяне стекались къ нему массами, и онъ вскорѣ собралъ свыше 100 тысячъ человѣкъ. Руффо и архіепископъ неаполитанскій разыграли также комедію, отлучивъ другъ друга отъ церкви.

Хотя этимъ разбойничьимъ шайкамъ, не обладавшимъ военной подготовкой, и оказывали поддержку англійскія, русскія и даже турецкія суда, но Макдональдъ все-таки безъ труда справился бы съ ними, если бы въ это время не потерпѣла пораженій французская армія въ верхней Италіи, и если бы директорія не приказала ему уйти изъ Неаполя. Чтобы не быть отрѣзаннымъ, Макдональдъ собралъ свои войска, которыя были заняты подавленіемъ роялистическаго возстанія, причемъ они вступали въ частыя кровопролитныя стычки съ повстанцами и затѣмъ казнили попадавшихъ къ нимъ въ руки,—и 5 мая выступилъ изъ Неаполя, оставивъ гарнизоны въ крѣпостяхъ города.

Неаполитанская демократія попала въ отвратительное положеніе: съ одной стороны, въ столицѣ налицо были лаццарони, отъ которыхъ ежеминутно можно было ожидать возстанія, а съ другой стороны,—къ неаполитанскому берегу приставъ Нельсонъ, который былъ рабски преданъ недостойной лэди Гамильтонъ и имѣлъ намѣреніе оказать поддержку контръ-революціи. Даже отрядъ турокъ соединился съ борцами за религію, шедшими подъ знаменами Руффо. Кардиналъ приближался къ столицѣ, производя на своемъ пути ужасныя опустошенія.

Республиканцы стали готовиться къ борьбѣ, и военный министръ Мантонэ, обладавшій желѣзной силой воли, проявилъ необычайную дѣятельность. Роялистскіе заговоры въ Неаполѣ были подавлены съ ужасающей строгостью; многіе шпіоны и измѣнники подверглись казни. Но недостатокъ въ хорошихъ офицерахъ и надежныхъ войскахъ сильно давалъ себя чувствовать. Ненадежные неаполитанцы, правда, позволяли включать себя въ ряды республиканскихъ баталіоновъ, но они думали только о томъ, чтобы при первомъ же столкновеніи съ врагомъ бѣжать или перейти на его сторону. Неаполитанская демократія лишь теперь убѣдилась въ томъ, что у нея на родинѣ еще не подготовлена почва для демократическаго строя. Лучшіе и благороднѣйшіе люди страны сплотились подъ знаменами демократіи; они понимали, что погибнутъ отъ дикихъ и безпутныхъ шаекъ Руффо, и ждали приближенія катастрофы съ такимъ величіемъ души, которое даже въ это время было необычно. Когда знаменитый естествоиспытатель Чирилло, присоединившійся къ республиканцамъ, вступалъ въ законодательный корпусъ, онъ сказалъ: «*Я знаю, что принимаю на себя опасныя обязанности, но я охотно отдаю свою жизнь въ распоряженіе отечества*».

Руффо и король Фердинандъ объявили, за немногими исключеніями, амнистію всякому, кто покорится имъ, между тѣмъ какъ Нельсонъ со свойственной ему жестокостью и гнусностью не преминулъ потребовать казни для повстанцевъ. Само собой понятно, что какъ Руффо, такъ и неаполитанскій дворъ намѣрены были послѣ подавленія республиканцевъ не приводить въ исполненіе обѣщанной ими амнистіи. Республиканцы не покорялись, такъ какъ хорошо знали своихъ враговъ.

Мантонэ раздѣлилъ слабыя боевыя силы республики на три колонны и двинулъ ихъ противъ гораздо болѣе сильнаго врага. Но при первыхъ же стычкахъ съ непріятелемъ республиканскія войска разсѣялись. Половина перешла на сторону враговъ, а національная гвардія бѣжала обратно въ Неаполь. Тогда сильная армія Руффо двинулась противъ города, который 14 іюня и перешелъ къ ней въ руки, за исключеніемъ крѣпостецъ, занятыхъ французами. Канонерскія суда республиканскаго адмирала Каррачіоли безуспѣшно направлялли свой огонь на подступавшія шайки Руффо. Неаполь попалъ въ руки контръ-революціонеровъ, и теперь для нихъ, наконецъ, насталъ страстно желанный моментъ мести республиканцамъ.

Всегда готовые къ разбоямъ лаццарони возстали, чтобы отомстить беззащитнымъ теперь демократамъ за тѣ кровавыя кары, которыя учинилъ надъ ними Шампіоннэ въ январѣ мѣсяцѣ. Начались убійства и грабежи, какихъ можно было ждать только отъ лаццарони. Они не щадили ни возраста, ни пола. Всякаго, кто носилъ короткіе волосы, убивали, квартиру его разграбляли, а домъ сравнивали съ землею. Пользовавшіяся общимъ почетомъ дамы, провинившіяся своимъ демократическимъ образомъ мыслей, совершенно нагими подвергались публичному сѣченію и потомъ привязывались къ позорному столбу. Руффо остановился за городомъ, и чернь Неаполя имѣла полную возможность насытиться убійствами и грабежомъ. 15 іюня Руффо вступилъ въ городъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ города республиканцы еще продолжали борьбу съ мужествомъ, которое порождено было ихъ отчаяннымъ положеніемъ; имъ оказывали поддержку французы, сидѣвшіе въ крѣпостцахъ. 16 іюня враги одержали верхъ надъ республиканцами, и только тутъ Руффо прекратилъ безчинства лаццарони. Французскіе коменданты крѣпостецъ стали вести съ нимъ переговоры. Были выработаны условія сдачи, согласно которымъ французы и спасшіеся въ крѣпостцахъ руководители демократіи получили право свободно выѣхать изъ Неаполя въ тотъ моментъ, когда тамъ окажутся налицо транспортныя суда.

Очевидно, Руффо намѣренъ былъ исполнить это условіе, но это не соотвѣтствовало желаніямъ королевы, порочной леди Гамильтонъ и ея поклонника Нельсона. Слабохарактерный король не зналъ, что дѣлать, а Нельсонъ, прибывшій теперь изъ Сициліи въ Неаполь, далъ кардиналу слово выполнить договоръ. Но Гамильтонъ путемъ интригъ добилась отъ королевы того, что та написала въ Неаполь: «*Передайте Нельсону, чтобы онъ такъ поступилъ съ Неаполемъ, какъ будто это взбунтовавшійся ирландскій городъ*».

Жестокій морякъ, исполненный желаніемъ удовлетворить свою ненависть къ демократіи и оказать любезность куртизанкѣ Гамильтонъ, не заставилъ себѣ дважды повторять это. Онъ попросту нарушилъ заключенный Руффо договоръ и приказалъ своему флоту напасть на тѣ транспортныя суда, которыя должны были увести запершихся въ крѣпостцахъ демократовъ, а самихъ демократовъ арестовалъ. Арестованы были также, несмотря на условія капитуляціи, и всѣ тѣ лица, которыя находились еще на сушѣ. Они были заперты въ трюмахъ нельсоновскихъ линейныхъ судовъ.

Позорнѣе Нельсона едва ли когда-либо поступалъ храбрый солдатъ, попавшій въ рабство къ низкой женщинѣ.

Адмиралъ Карраціоли, приставшій къ республиканцамъ скорѣе изъ слабохарактерности, чѣмъ въ силу своихъ убѣжденій, раньше былъ другомъ двора и Нельсона, и поэтому вся эта честная компанія возненавидѣла его съ особой силой. Въ особенности Гамильтонъ желала смерти адмирала, и Нельсонъ въ этомъ отношеніи выказалъ себя болѣе, чѣмъ уступчивымъ. Онъ приказалъ привести на свое судно связаннаго адмирала и назначилъ надъ нимъ военный судъ. Военный судъ имѣлъ намѣреніе дать адмиралу время добыть документы для своей защиты. Но Нельсонъ на это грубо замѣтилъ: «*Всѣ проволочки тутъ излишни!*» Когда послѣ этого военный судъ все же осудилъ адмирала лишь къ пожизненному тюремному заключенію, Нельсонъ схватилъ приговоръ, подписалъ подъ нимъ: «*Къ смертной казни!*» и приказалъ повѣсить Карраціоли на рѣ.

Гамильтонъ, умершей въ безпутствѣ, пришлось все-таки дожить до позора: Англія съ презрѣніемъ отвергла желаніе Нельсона, выраженное имъ въ завѣщаніи,—желаніе, чтобы народъ позаботился о Гамильтонъ и ея дочери, родившейся отъ него.

Еще Руффо назначилъ судъ надъ арестованными демократами. Теперь этотъ судъ возобновился, и начались процессы противъ арестованныхъ, число которыхъ доходило до 8 тысячъ. Послѣдовали многочисленныя казни и приговоры къ самымъ суровымъ тюремнымъ заключеніямъ. Невозможно установить, сколько жертвъ пало отъ руки безнаказанныхъ лаццарони и сколько ихъ погибло въ отвратительныхъ тюрьмахъ. Изъ извѣстныхъ жертвъ этого реакціоннаго террора, кромѣ Карраціоли, называютъ еще князя Стронголи, дворянъ Гримальди и Коллонна, естествоиспытателя Чирилло и богато одаренную республиканку Элеонору Фонсека Пиментель, редактировавшую республиканскій «Moniteur» и навлекавшую на себя ненависть двора. Знаменитый композиторъ Чимароза лишь съ трудомъ спасся отъ эшафота, благодаря заступничеству иностранныхъ дворовъ.

Демократовъ продолжали преслѣдовать въ Неаполѣ до 1801 г., когда Бонапартъ при заключеніи флорентійскаго мира категорически потребовалъ прекращенія этихъ преслѣдованій.

Вмѣстѣ съ партенопейской республикой погибла и римская. Папа умеръ французскимъ плѣнникомъ, но Римъ былъ занятъ неаполитанцами, и здѣсь начались жестокія и кровавыя преслѣдованія демократовъ. Къ концу 1799 г. въ Италіи исчезли всѣ дочернія республики Франціи, и положеніе самой Франціи стало бы весьма критическимъ, если бы великая коалиція сама не ослабѣла, благодаря разногласіямъ, возникшимъ между ея членами.

Наканунѣ государственнаго переворота.

Неудачи Франціи на полѣ брани немало способствовали тому, что правительство директоріи лишилось даже того уваженія, которымъ пользовалось раньше. Правительство это было ненавистно богачамъ, потому что оно надоѣдало имъ принудительными займами. Оно ненавистно было бѣднякамъ, потому что ничего для нихъ не дѣлало. Ненавистно оно было и среднему сословію, потому что дѣла шли отвратительно, и въ этомъ обвиняли неудачную внѣшнюю и внутреннюю политику правительства. Наконецъ, правительство ненавидѣли и крестьяне, которыхъ оно отягощало налогами. Къ тому же и внутри самой директоріи произошелъ расколъ. Ого продолжало страдать хронической нуждою въ деньгахъ. Обложеніе налогами велось въ высшей степени безпорядочно, такъ что налоги часто оказывались непосильными для тѣхъ, для кого они вовсе не должны были быть непосильными. Такъ, собственники недвижимостей были до крайности озлоблены неправильными и произвольными обложеніями. Случалось, что мелкіе собственники предоставляли свою землю сборщику податей, предлагая ему самому обрабатывать ее и получать себѣ изъ доходовъ слѣдуемые налоги. Затѣмъ, значительная часть налоговъ прилипала еще къ пальцамъ плутоватыхъ чиновниковъ, а на тѣ суммы, которыя поступали въ кассы государства, тогдашній министръ финансовъ Роборъ-Ленде заранѣе подписывалъ векселя. Векселя эти часто учитывались лишь за половину ихъ стоимости. Министръ финансовъ съ трудомъ убѣдилъ нѣкоторыхъ парижскихъ банкировъ подписаться подъ этими обязательствами, которыя получили названіе синдикатныхъ свидѣтельствъ; ихъ выпущено было на сумму до 30 милліоновъ. Сначала курсъ ихъ былъ устойчивъ, но когда на биржѣ узнали, что это за векселя, то ихъ курсъ сталъ падать съ головокружительной быстротой.

Торговля и промышленность были въ полномъ упадкѣ. Позорныя старанія Питта отрѣзать Францію отъ міровой торговли достигли своей цѣли. Торговыя сношенія крупныхъ портовъ, благодаря англійскимъ крейсерамъ, замерли, и легко себѣ представить, какія слѣдствія могло повлечь за собою то, что такіе города, какъ Марсель, оказались совершенно отрѣзанными отъ колоній. Промышленность повсюду пала. Этому обстоятельству значительно содѣйствовало отсутствіе покупательныхъ силъ, вызванное нищетою народныхъ массъ. Въ Лионѣ стояло безъ работы 5000 ткацкихъ станковъ. Рабо-

чимъ нечего было дѣлать, и если они не служили въ арміи, то имъ приходилось прозябать въ нуждѣ и вынужденномъ бездѣльѣ. Въ странѣ нигдѣ не было безопасно. Тысячи людей снискивали себѣ пропитаніе грабежомъ. Дѣло народнаго просвѣщенія совершенно было запущено какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ; да и гдѣ было директоріи, вѣчно боровшейся съ безденежьемъ, взять средства, необходимыя для поддержки учебныхъ заведеній? Обѣднѣніе государства сказывалось и въ невѣроятной запущенности больничнаго дѣла и дѣла призрѣнія бѣдныхъ; въ воспитательныхъ домахъ дѣти умирали въ ужасающемъ количествѣ. Обнищаніе народа все увеличивалось. Казалось, что правительство совершенно безсильно противъ всѣхъ этихъ золъ, да оно и въ дѣйствительности было безсильно. Тщеславный и заносчивый Сійесъ, который считалъ себя гораздо выше своихъ коллегъ, время отъ времени сообщалъ какую либо изъ своихъ таинственныхъ конституціонныхъ затѣй, но въ общемъ онъ былъ совершенно неспособенъ придумать какой-нибудь выходъ изъ этого положенія.

А между тѣмъ, демократы проявляли энергичную дѣятельность, и въ клубѣ манежа не разъ слышались грозныя нападки по адресу правительства. Оба демократа, засѣдавшіе въ директоріи, Гойе и Муленъ оказывали своимъ единомышленникамъ всяческую поддержку. Бернадоттъ, который позже сталъ шведскимъ королемъ, рѣшительно склонялся на сторону якобинцевъ; то же можно сказать и о генералахъ Шампіонэ, Ожеро и въ особенности о Журданѣ, который былъ раздраженъ своими пораженіями и въ средѣ демократовъ не скрывалъ своей антипатіи къ правительству директоріи. На какой то демократической пирушкѣ Журданъ поднялъ тостъ за воскресенье пикъ 1792 г. Клубъ манежа требовалъ суда надъ нѣкоторыми бывшими директорами, надъ министрами-предателями, надъ мошенничавшими поставщиками и агентами правительства.

Теперь Сійесъ совершенно порвалъ съ демократами. Демократическій военный министръ Бернадоттъ былъ отставленъ, а министромъ полиціи былъ назначенъ Фуше, прежній террористъ, одинъ изъ хитрѣйшихъ и развращеннѣйшихъ интригановъ Франціи.

Тѣмъ временемъ снова успѣло разгорѣться вандейское возстаніе. Кадудаль, Фроттэ и Бурмонъ предводительствовали крестьянами, которые нѣкогда сражались подъ начальствомъ Шаретта и д'Эльбе. При вѣсти о побѣдахъ Суворова и эрцгерцога Карла снова возникли надежды на возстановленіе монархіи.

Когда въ сентябрѣ 1799 г. съ поля брани въ Парижъ все еще продолжали приходить гнетущія вѣсти, когда стало извѣстно о потерѣ батавскаго флота, возбужденіе усилилось. Оно достигло своего апогея въ тотъ моментъ, когда генералъ Журданъ внесъ въ совѣтъ пятисотъ предложеніе—*объявить*, по примѣру 1792 г., *отечество въ опасности*. Онъ не желалъ новаго возвращенія эпохи террора, а требовалъ лишь въ сильной рѣчи наказанія для измѣнниковъ, для враговъ свободы и мошенниковъ. Онъ требовалъ свободы печати и слова, такъ какъ Фуше наканунѣ закрылъ клубъ манежа. Наконецъ, онъ требовалъ, чтобы общественныя должности замѣщались лишь истыми и честными республиканцами.

Предложеніе Журдана вызвало движеніе во всей Франціи; его клеветнически извратили въ томъ смыслѣ, будто оно направлено лишь къ тому, чтобы снова возродить постоянный эшафотъ. Народъ, желавшій покоя, работы и заработковъ, былъ поэтому противъ предложенія Журдана; ему не хотѣлось снова переживать волненія эпохи террора. Совѣтъ пятисотъ значительнымъ большинствомъ отклонилъ предложенія Журдана.

Государственный переворотъ Бонапарта.

Какъ мы уже указывали, Сійесъ давно былъ занятъ организаціей заговора для ниспроверженія конституціи III г., на мѣстѣ которой онъ намѣренъ былъ воплотить въ дѣйствительность свои мистическія конституціонныя идеи. Но тутъ произошло событіе, которое должно было разрушить честолюбивыя мечты аббата: въ Парижѣ появился Наполеонъ Бонапартъ, увѣренный въ томъ, что теперь наступитъ моментъ, удобный для захвата государственной власти.

Бонапартъ въ это время былъ самымъ популярнымъ человѣкомъ во Франціи. Это доказало его тріумфальное шествіе отъ Фрежю до Парижа. Восторгъ, съ которымъ населеніе встрѣтило побѣдителя при пирамидахъ и при Абукирѣ, былъ безграниченъ. Можно было подумать, что французскій народъ, доказавшій свою великую преданность свободѣ, теперь исполненъ лишь однимъ желаніемъ: какъ можно скорѣе снова добыть себѣ деспота, который топталъ бы его ногами. И онъ скорѣе и легче добылъ деспота, чѣмъ свободу.

Когда Бонапартъ прибылъ въ Парижъ, то правительство, которое собственно должно было привлечь его къ отвѣтственности за дезертирство, начало всячески чествовать его. Всѣ партіи возлагали свои надежды на генерала, который позже обманулъ ихъ всѣхъ. Онъ холодно и сдержанно относился ко всѣмъ партіямъ, жилъ очень просто и уединенно въ своемъ домѣ на улицѣ Шантрень, ничего не говорилъ о политикѣ и почти никого у себя не принималъ. Онъ отлично зналъ, что такимъ поведеніемъ разжигаетъ воображеніе французовъ и возвышаетъ въ ихъ глазахъ свое значеніе. Главы всѣхъ партій искали съ нимъ сближенія, но онъ сначала оттолкнулъ ихъ отъ себя. Онъ, очевидно, хотѣлъ прежде всего познакомиться съ отношеніями, господствовавшими въ обществѣ, и осторожно выбрать себѣ союзниковъ.

Въ это время Люсіенъ Бонапартъ, младшій братъ генерала, былъ президентомъ совѣта пятисотъ. Несмотря на свой юный возрастъ, Люсіенъ проявилъ способности государственнаго дѣятеля. Онъ обладалъ большимъ хладнокровіемъ и энергіей и не особенно былъ разборчивъ въ средствахъ для достиженія своихъ цѣлей. Люсіенъ принималъ видное участіе въ заговорѣ, предшествовавшемъ государственному перевороту.

Познакомившись съ отношеніемъ силъ всѣхъ партій, генералъ Бонапартъ рѣшилъ соединиться съ партіей аббата Сійеса для низверженія кон-

ституціи. Талейранъ, очень ловкій дипломатъ, и Редереръ, сыгравшій 10 августа 1792 г. такую замѣчательную роль, сблизили генерала съ аббатомъ, что было вовсе не легко, такъ какъ оба они отличались одинаковымъ высокомѣріемъ, недовѣрчивостью и тщеславіемъ. Но соглашеніе между ними все же произошло. Было рѣшено силою оружія принудить оба совѣта принять новую, сочиненную Сійесомъ конституцію. Бонапартъ долженъ былъ для совершенія этого государственнаго переворота использовать свою огромную популярность въ арміи. Онъ притворился, будто согласенъ съ идеями Сійеса, надѣясь послѣ захвата государственной власти по своему выработать новую конституцію.

Сійесъ твердо вѣрилъ въ великую роль, которая ему предопредѣлена, и изо всѣхъ силъ старался расширить заговоръ.

Незадолго до выполненія насильственнаго переворота совѣты устроили торжественный обѣдъ въ честь генераловъ Бонапарта и Моро. Грядущій государственный переворотъ уже здѣсь наложилъ на всѣхъ свой отпечатокъ. Всѣ присутствующіе были серьезны и мрачны. Хотя Бонапартъ и явился на обѣдъ, но онъ не прикоснулся къ ѣдѣ изъ боязни быть отравленнымъ и вскорѣ ушелъ. Это произошло 6 ноября 1799 г., а 8 ноября былъ приведенъ въ исполненіе государственный переворотъ.

Палаты, сами того не сознавая, всячески помогали выполненію государственнаго переворота. Въ бюджетѣ директоріи за 1799 г. былъ дефицитъ въ 250 милліоновъ франковъ. Новый принудительный заемъ лишь мало помогъ. Поэтому рѣшено было отказаться отъ принудительныхъ займовъ и увеличить прямые налоги. Но при существовавшихъ въ то время неурядицахъ при взиманіи налоговъ подобное рѣшеніе не могло послужить выходомъ изъ бѣды. Нужда въ деньгахъ продолжала грозно витать надъ государствомъ.

Бонапартъ не могъ прійти къ соглашенію съ Барра, хотя онъ и сдѣлалъ попытку въ этомъ отношеніи. Поэтому онъ рѣшилъ устранить «партію гнилыхъ», какъ онъ называлъ Барра и его товарищей. Напротивъ, самые выдающіеся офицеры, за исключеніемъ Бернадотта и Журдана, присоединились къ заговору. Даже Ожеро, котораго, какъ яраго республиканца, казалось, трудно будетъ привлечь къ дѣлу, сказалъ Бонапарту: «Вѣдь вы будете довѣрять своему маленькому Ожеро!» Моро, Макдональдъ, Лефевръ и многіе офицеры арміи и національной гвардіи были готовы слѣдовать за Бонапартомъ во всѣхъ его начинаніяхъ. Они еще не догадывались о его конечныхъ цѣляхъ.

Въ Сенатѣ на сторонѣ заговорщиковъ было огромное большинство членовъ, въ совѣтѣ же пятисотъ—меньшинство, руководимое Люсіеномъ Бонапартомъ. Люсіена избрали президентомъ совѣта пятисотъ въ надеждѣ, что братъ его, генералъ, втайнѣ якобинецъ. За эту ошибку пришлось тяжело поплатиться.

Этотъ заговоръ совершенно расшаталъ всю общественную власть и вызвалъ борьбу отдѣльныхъ частей ея между собою. Побѣдить должна была та часть, въ распоряженіи которой находилась вооруженная сила. А въ томъ, какая именно это была часть, не могло быть сомнѣній.

8 ноября (18 брюмэра) 1799 г. государственный переворотъ былъ приведенъ въ исполненіе. Бонапартъ зашелъ въ своей хитрости и притворствѣ такъ далеко, что обѣщалъ быть въ этотъ день на обѣдѣ у директора Гойе.

Бонапартъ самовольно призвалъ въ Парижъ нѣсколько полковъ, чтобы устроить имъ смотръ 8 ноября. Въ этотъ день рано утромъ въ его домѣ собралось блестящее общество офицеровъ. Ихъ было такъ много, что домъ генерала едва могъ вмѣстить всѣхъ. Совѣтъ старѣйшинъ устроилъ засѣданіе въ 7 часовъ и «по ошибкѣ» не пригласилъ на это засѣданіе никого изъ демократическихъ членовъ. Съ большой поспѣшностью постановлено было перенести засѣданія обоихъ совѣтовъ въ Сенъ-Клу, такъ какъ въ Парижѣ члены совѣта, повидимому, не чувствовали себя въ полной безопасности отъ якобинцевъ. Нѣкоторые изъ заговорщиковъ нарисовали ужасную и лживую картину опаснаго положенія, въ какое попала Франція, благодаря якобинцамъ, которые, по ихъ словамъ, въ этотъ моментъ толпами стекались въ Парижъ, чтобы снова возстановить систему террора. Тѣ изъ членовъ совѣта, которые не были заодно съ заговорщиками, въ ужасѣ согласились на все, чего отъ нихъ потребовали. Такимъ образомъ, засѣданія совѣтовъ перенесены были въ Сенъ-Клу для того, чтобы они въ рѣшительный моментъ были вдали отъ Парижа. Наполеонъ Бонапартъ былъ назначенъ главнокомандующимъ надъ вооруженной силой внутри страны, и ему ввѣрена была охрана народнаго представительства. Такъ какъ стало извѣстно о движеніи въ средѣ якобинцевъ, то общинный совѣтъ былъ распущенъ, и Фуше съ согласія заговорщиковъ приказалъ закрыть городскія заставы.

Въ 8 часовъ Бонапартъ получилъ уже декретъ, которымъ ему, какъ бы въ насмѣшку, поручалась охрана народнаго представительства. Онъ заставилъ собравшихся въ его домѣ офицеровъ присягнуть ему и отправился затѣмъ въ совѣтъ старѣйшинъ присягнуть конституціи, которую намѣренъ былъ сейчасъ же низвергнуть. Дѣйствительно, въ этомъ случаѣ безразлично было, будетъ ли совершено однимъ клятвопреступленіемъ больше или меньше. Онъ поклялся, что *всегда будетъ защищать свободу и республику*, и это также было ложной клятвой. Затѣмъ комедія разыгралась быстро. Совѣту пятисотъ былъ доложенъ декретъ о перенесеніи засѣданій какъ разъ въ тотъ моментъ, когда обсуждался вопросъ о финансахъ. Члены совѣта выразили крайнее изумленіе. Они хотѣли обсудить декретъ, но президентъ Люсіенъ Бонапартъ прекратилъ всѣ пренія по этому вопросу, утверждая, что засѣданія и дебаты можно продолжать только въ Сенъ-Клу. Въ это время въ совѣтѣ старѣйшинъ появились участвовавшіе въ заговорѣ директоры Сійесъ и Роже-Дюко и лицемѣрно заявили, что имъ приходится сложить съ себя обязанности директоровъ, въ виду уже неоднократно повторявшихся нарушеній конституціи. Безнравственный Барра позволилъ принудить себя къ отставкѣ путемъ угрозъ и подъ охраной выѣхалъ въ свое имѣніе. Такимъ образомъ, съ политической арены навсегда исчезъ этотъ низкій человѣкъ, въ послѣднее время конспирировавшій съ роялистами. О его заговорѣ невозможно добыть никакихъ подробныхъ свѣдѣній, такъ какъ

послѣ его смерти, въ 1829 г., правительство Бурбоновъ конфисковало всѣ его бумаги.

Теперь директорія была почти уничтожена. Оба демократа Гойе и Муленъ не имѣли права предпринять что-либо, такъ какъ, согласно конституціи, для всякаго постановленія директоріи требовалось присутствіе трехъ членовъ. Гойе и Муленъ были настолько наивны, что поспѣшили къ Бонапарту и Сійесу съ увѣщаніями, но заговорщики, чувствовавшіе себя побѣдителями, приняли ихъ съ холодной насмѣшкой. Гойе и Мулена поручили охранѣ отряда солдатъ въ Люксембургскомъ дворцѣ, и нѣсколько трусливый Гойе въ концѣ концовъ подалъ въ отставку.

Бонапартъ занялъ квартиру въ Тюльери. Бродя по амфиладѣ дворцовыхъ комнатъ, онъ, казалось, уже вполнѣ вошелъ въ роль будущаго повелителя Франціи. «Это должно прекратиться!» воскликнулъ онъ. «Я не желаю больше никакихъ заговоровъ, вовсе не желаю никакихъ!»

Въ теченіе этого дня относившееся довольно равнодушно къ событіямъ населеніе Парижа узнало, что въ правительствѣ вновь произошли перемѣны. О рѣшеніи, принятомъ совѣтомъ старѣйшинъ, и объ отставкѣ директоровъ оповѣщено было объявленіями, расклеенными на стѣнахъ. Но одновременно съ этимъ появилась и прокламація генерала Наполеона Бонапарта. Тонъ этой прокламаціи свидѣтельствовалъ о томъ, что Франція нашла себѣ господина. О директоріи генералъ писалъ:

«Что сдѣлали вы, директоры, съ Франціей, которую я оставилъ вамъ въ блестящемъ состояніи? Я оставилъ миръ и засталъ войну, оставилъ вамъ побѣды и засталъ пораженія, я оставилъ вамъ итальянскіе милліоны и всюду встрѣчаю нищету и грабительскіе налоги. Что сдѣлали вы съ тѣми сотнями тысячъ воиновъ, которыхъ я знаю какъ спутниковъ своей славы? Они погибли!.. *Такое положеніе дольше продолжаться не можетъ; оно еще черезъ пару лѣтъ можетъ привести насъ къ абсолютизму*».

Демократовъ напугалъ тонъ этой прокламаціи. Такимъ тономъ уже давно никто не говорилъ во Франціи. Ночью партіи стали обсуждать положеніе дѣлъ. Сійесъ совѣтовалъ Бонапарту арестовать около сорока демократическихъ депутатовъ. Бонапартъ однако не послѣдовалъ совѣту зазнавшагося аббата. Генералъ не разсчитывалъ встрѣтить съ чьей-либо стороны серьезное сопротивленіе.

Демократы не знали, какъ имъ защищаться отъ насилій популярнаго генерала. Они поступили такъ, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ поступаетъ слабѣйшая сторона. Они рѣшили въ борьбѣ съ военной силой опереться на законъ.

Совѣты собрались 9 ноября (19 брюмэра) 1799 г. въ Сенъ-Клу, гдѣ долженъ былъ разыграться заключительный актъ государственнаго переворота. Они собрались въ замкѣ. Въ Марсовой галлереѣ засѣдалъ совѣтъ старѣйшинъ, въ оранжереѣ—совѣтъ пятисотъ. Бонапартъ приказалъ окружить замокъ войсками, надъ которыми командовалъ участникъ заговора—генералъ Серрюрье.

Засѣданіе совѣта пятисотъ, за которымъ въ Сенъ-Клу послѣдовала и частная публика, протекло необыкновенно бурно. Члены совѣта полагали,

что ихъ дѣло уже выиграно, разъ они собрались вмѣстѣ и имѣютъ возможность постановлять рѣшенія. Участникъ заговора, депутатъ Годенъ, внесъ предложеніе о томъ, чтобы совѣту старѣйшинъ выразили благодарность и рекомендовали принять дальнѣйшія мѣры къ спасенію республики. Это іудино предложеніе, слишкомъ рано раскрывшее карты заговорщиковъ, вызвало бурю. Поднялся шумъ и крикъ. Хотя демократическое большинство совѣта пятисотъ и стояло за конституцію 1793 г., но оно все же думало, что обязано всѣми силами поддерживать конституцію 1795 г. въ противовѣсъ грозившему государственному перевороту. При крикахъ и шумѣ рѣшено было, не взирая на протестъ Люсіена Бонапарта, что каждый изъ членовъ совѣта принесетъ присягу на вѣрность существующей конституціи. Это сейчасъ же и было съ большимъ рвеніемъ исполнено при многократныхъ восторженныхъ крикахъ: «Да здравствуетъ республика!»

Бонапартъ, прибывшій въ Сенъ-Клу вмѣстѣ съ Сійесомъ и Роже-Дюко, не безъ изумленія узналъ о сопротивленіи совѣта пятисотъ. Моральная сила демократическаго принципа народовластія, установленнаго революціей, всетаки заставила содрогнуться этого человѣка сабли и пушекъ, рѣшившагося съ оружіемъ въ рукахъ напасть на народное представительство. Поэтому Бонапартъ отправился искать себѣ поддержки въ совѣтѣ старѣйшинъ. Онъ взошелъ на трибуну и, отъ непривычки говорить передъ подобнымъ собраніемъ, началъ, заикаясь, дрожащимъ голосомъ:

«Господа представители, вы теперь находитесь уже въ необычныхъ условіяхъ, вы скорѣе стоите на вулканѣ. Позвольте мнѣ нѣсколько пояснить свою мысль. Вы рѣшили, что отечество въ опасности, вы постановили перенести законодательный корпусъ въ Сенъ-Клу и поручили мнѣ привести въ исполненіе декретъ. Я жилъ спокойно въ кругу своей семьи, когда приказъ совѣта старѣйшинъ призвалъ меня къ оружію. Слѣдуя вашему призыву, я предложилъ къ услугамъ отечества своихъ товарищей по оружію. И въ награду за это мы оклеветаны. *Говорятъ о новомъ Кромвелѣ, о новомъ Цезарѣ.* Граждане, если бы я стремился къ подобной роли, то мнѣ нетрудно было бы сыграть ее тогда, когда я въ моментъ высшаго своего тріумфа вернулся изъ Италіи, когда и партіи и армія предлагали мнѣ захватить верховную власть. Я тогда этого не сдѣлалъ и сегодня этого тоже не дѣлаю. Клянусь вамъ, что въ отечествѣ нѣтъ болѣе безкорыстнаго гражданина, чѣмъ я. Насъ со всѣхъ сторонъ окружаетъ опасность, намъ грозятъ междуусобной войной. *Не будемъ же ставить на карту свободу и равенство,—блага, ради которыхъ мы принесли столько жертвъ*».

Здѣсь демократическій депутатъ Ленгле прервалъ генерала, который, очевидно, преднамѣренно выражался неясно.

«Отчего же вы ничего не говорите о конституціи!» воскликнулъ Ленгле.

«Конституція?» отвѣтилъ Бонапартъ въ смущеніи и на минуту умолкъ. «*У васъ больше нѣтъ конституціи. Вы сами ее уничтожили.* Вы уничтожили ее 18 фруктидора, когда напали на народныхъ представителей, уничтожили ее 22 флореаля, когда отмѣнили демократическіе выборы, уничтожили ее 30-го прэріаля, когда свергли двухъ директоровъ. Конституція, о которой

говорятъ всѣ партіи, всѣми нарушалась; и всѣ партіи намѣрены и впредь ее нарушать. Каждая изъ партій довѣрила мнѣ тайну о своихъ будущихъ покушеніяхъ, и каждая изъ нихъ просила меня о поддержкѣ. Я не желалъ этого, намѣреваясь послѣдовать вашему призыву. Окруженный своими собратьями по оружію, я сумѣю защитить васъ. Увѣряю васъ отъ имени тѣхъ бравыхъ гренадеровъ, штыки которыхъ я здѣсь вижу и которыхъ я неоднократно велъ противъ врага,—увѣряю васъ, что мы поможемъ вамъ спасти отечество. Если же какой-нибудь подкупленный нашими внѣшними врагами ораторъ осмѣлится заикнуться о томъ, чтобы меня объявили внѣ закона, тогда я буду апеллировать къ своимъ товарищамъ по оружію. Помните о томъ, что меня нигдѣ не оставлялъ богъ войны и богъ удачи!»

У дверей зала, въ которомъ происходило засѣданіе, сверкали штыки бонапартовскихъ гренадеровъ, что, понятно, производило еще большее впечатлѣніе, чѣмъ угрозы самого Бонапарта. Да и безъ того большинство совѣта старѣйшинъ было посвящено въ заговоръ. Никто ему ничего не возразилъ. Когда Бонапартъ вышелъ изъ зала и шумными кликами былъ встрѣченъ своими солдатами, ему показалось, что здѣсь онъ побѣдилъ.

Не такъ легко далась ему побѣда въ совѣтѣ пятисотъ.

Дойдя до оранжереи, гдѣ члены совѣта пятисотъ какъ разъ въ это время приносили присягу конституціи, Бонапартъ вошелъ въ залъ со шляпой въ рукахъ. Своихъ гренадеровъ онъ оставилъ у дверей. При появленіи узурпатора здѣсь раздались дикіе крики и поднялся ужасный шумъ. Члены совѣта кричали:

«*Долой диктатора! Объявите его внѣ закона! Долой штыки!*» Въ своихъ форменныхъ одеждахъ, въ тогахъ и беретахъ, народные представители толпами повскакали со своихъ мѣстъ, бросились на встрѣчу генералу и съ угрозами окружили его. Демократическій депутатъ Бигоннэ схватилъ Бонапарта за руку и закричалъ: «Ступайте прочь, дерзновенный, вы оскорбляете святилище законовъ!»

Бонапартъ былъ пораженъ и поблѣднѣлъ. Онъ растерялся. Его гренадеры окружили его и вывели изъ толпы. Въ самомъ залѣ суматоха не прекращалась, и кто то предложилъ объявить генерала Бонапарта внѣ закона. Люсіенъ энергично возсталъ противъ этого предложенія и напомнилъ собранію о заслугахъ генерала. Ему возразили, что эти заслуги еще не даютъ права совершить государственный переворотъ. Люсіенъ въ концѣ концовъ въ гнѣвѣ сложилъ съ себя обязанность предсѣдателя, и отрядъ гренадеровъ проводилъ его къ брату.

Не прими Бонапартъ никакого рѣшенія, онъ погибъ бы. Тотъ самый Бонапартъ, который среди огня на полѣ брани умѣлъ быстро принимать свои рѣшенія, теперь колебался. Настолько растерялся онъ, встрѣтивъ шумное противодѣйствіе со стороны совѣта пятисотъ. Люсіенъ въ этотъ день проявилъ большую твердость и рѣшимость, чѣмъ его братъ. Комедія, которую далѣе разыграли братья, не была ни красива, ни честна, и одна уже эта комедія покрыла несмываемымъ пятномъ позора память Бонапарта.

Хотя Люсіенъ сложилъ съ себя обязанности президента совѣта, но къ солдатамъ онъ все же обратился, какъ президентъ. Онъ вскочилъ на коня,

объѣхалъ фронтъ неподвижно стоявшихъ гренадеровъ и обратился къ нимъ со слѣдующей рѣчью:

«Граждане—солдаты! Президентъ совѣта пятисотъ объявляетъ вамъ, что большинство совѣта терроризовано *нѣсколькими представителями, которые вооружились кинжалами*, окружили трибуну, грозятъ убить своихъ коллегъ и такимъ путемъ проводятъ въ совѣтѣ самыя преступныя рѣшенія. Генералъ и вы, солдаты! Вы должны признать законодателями лишь тѣхъ, кто мнѣ повинуется. *Засѣдающіе въ оранжереѣ должны быть силой прогнаны оттуда, потому что они уже не представители народа, а представители кинжала*»! Въ концѣ рѣчи Люсіенъ поклялся, что онъ самъ заколетъ брата, если тотъ какимъ-либо образомъ посягнетъ на свободу.

Комедія эта произвела впечатлѣніе на солдатъ. Наполеонъ Бонапартъ воскликнулъ: «Президентъ, ваше желаніе будетъ тотчасъ же приведено въ исполненіе»! Затѣмъ генералъ обратился къ войскамъ и сказалъ: «Солдаты, я постоянно велъ васъ къ побѣдѣ! Могу я разсчитывать на васъ?

— «Да, да»! отвѣтили солдаты. «Да здравствуетъ генералъ»!

— «Солдаты»! продолжалъ Бонапартъ. «Слѣдовало ожидать, что совѣтъ пятисотъ спасетъ отечество, а онъ ввергъ страну въ жестокую борьбу партій. Бунтовщики стараются натравить совѣтъ на меня. *Солдаты, могу я на васъ полагаться*»?

— «Да, да»!—закричали солдаты. «Да здравствуетъ Бонапартъ»!

Бонапартъ отдалъ приказъ штыками разогнать совѣтъ пятисотъ, а Мюратъ немедленно поручилъ генералу Леклерку привести приказъ въ исполненіе.

Члены совѣта пятисотъ, которые послѣ ухода Люсіена въ возбужденномъ состояніи занялись дебатами, не могли прійти къ опредѣленному рѣшенію. Къ тому же у нихъ не хватило энергіи сдѣлать то, что единственно имъ оставалось, а именно—немедленно же отправиться въ Парижъ и призвать народъ къ борьбѣ съ генераломъ-бунтовщикомъ. Они противопоставили государственному перевороту «пассивное сопротивленіе», которое проистекало лишь изъ отсутствія мужества и энергіи.

Молодой Леклеркъ, который отличался своей дерзостью и былъ шуриномъ Бонапарта, появился со своими гренадерами въ залѣ засѣданія. Солдаты вошли съ ружьями на перевѣсъ. Леклеркъ закричалъ громкимъ голосомъ: «Именемъ генерала Бонапарта! Совѣтъ пятисотъ распускается! Предлагаю добрымъ гражданамъ удалиться».

Изъ среды депутатовъ раздался вопль негодованія. Они не покинули своихъ мѣстъ. Нѣкоторые изъ нихъ съ достоинствомъ задрапировались въ свои тоги, показывая видъ, что они намѣрены умереть на своемъ посту, подобно древнимъ римскимъ сенаторамъ, погибшимъ при вторженіи дикихъ галловъ.

Но Леклеркъ скомандовалъ: «Гренадеры, впередъ!» и приказалъ солдатамъ двинуться во всю ширину зала. Сверкнули штыки, затрещали барабаны, и депутаты вскочили со своихъ мѣстъ съ крикомъ: «Да здравствуетъ республика»! Гренадеры продолжали двигаться впередъ и, чтобы не быть заколотыми, депутатамъ пришлось спастись бѣгствомъ черезъ окна оранже-

реи. Въ 6 часовъ вечера Франція лишилась конституціоннаго народнаго представительс ва и попала въ руки военной власти.

Ясно, что подобное собраніе не было способно обороняться съ кинжалами въ рукахъ. Впрочемъ, и исторически доказано, что Люсіенъ солгалъ.

Вечеромъ того же дня этотъ государс венный переворотъ, какъ всегда водится въ подобныхъ случаяхъ, былъ узаконенъ. Люсіенъ собралъ меньшинство совѣта пятисотъ, которое принимало участіе въ заговорѣ Бонапарта и Сійеса, и (но) постановило слѣдующее: *Директорія упраздняется, и исполнительная власть временно передается тремъ консуламъ. Консулами же назначаются Наполеонъ Бонапартъ, Сійесъ и Рожe-Дюко.* Исключается изъ со тава народнаго представительства 260 членовъ. Засѣдан я народнаго представительства откладываются до 1-го вантоза (20 февраля 1800 г.), а тѣмъ ременемъ коммиссія изъ 28 членовъ вмѣстѣ съ двумя консулами составитъ новую конституцію.

Это постановленіе въ ту же ночь было утверждено совѣтомъ старѣйшинъ, послѣ чего консулы принесли присягу единой и нераздѣльной республикѣ, свободѣ, равенству и представительной системѣ. Затѣмъ Бонапартъ поблагодарилъ офицеровъ за поддержку, и государственный переворотъ сталъ совершившимся фактомъ.

Народъ и къ этой перемѣнѣ отнесся безучастно. Якобинцы были усмирены войсками и тѣми мѣрами предосторожности, которыя принялъ Фуше. Большинство французовъ даже мечтало о сильномъ человѣкѣ, который позаботился бы объ установленіи спокойствія и порядка и о работѣ для нуждающихся, такъ какъ демократія во всѣхъ своихъ разнообразныхъ о тѣнкахъ не сумѣла или весьма мало сумѣла облегчить нужду народныхъ массъ, а народъ уже успѣлъ устать отъ революцій. Конечно, нападенія внѣшнихъ враговъ больше всего способствовали созданію запутанныхъ о ношеній во Франціи.

Теперь смѣлый солдатъ, которому улыбнулось счастье, захватилъ въ свои руки бразды правленія. Буржуазія была въ восторгѣ. Ей казалось, что диктатура сабли обезпечитъ ей и время и покой, необходимые для накопленія капиталовъ. Дѣйствительно, сейчасъ же послѣ государственнаго переворота рента поднялась съ 7 на 12 процентовъ.

Нашлось, впрочемъ, и множество легковѣрныхъ людей, которые приняли въ серьезъ клятвы Бонапарта и вѣрили, что онъ употребитъ свою власть для упроченія свободы. Они упускали изъ виду, что имѣютъ дѣло не съ идеалистомъ, а съ человѣкомъ необычайнаго честолюбія.

Этотъ человѣкъ все же могъ бы, благодаря своему генію, стать благодѣтелемъ для своей страны, если бы старался способствовать ея мирному развитію. Но онъ растратилъ свой геній на безцѣльныя завоеванія и основалъ государство, осужденное на гибель, потому что оно покоилось почти исключительно на насиліи.

Наполеонъ Бонапартъ позже, на островѣ св. Елены, утверждалъ, что онъ былъ убѣжденнымъ республиканцемъ, но что французы не годились для республики. Съ этимъ однако трудно примирить государственный переворотъ 18-го брюмэра. Быть можетъ, къ нему можно было бы

отнестись иначе, если бы Бонапартъ употребилъ добытую имъ власть на благо страны. Но онъ втянулъ Европу въ войну, почти не прекращавшуюся въ теченіе пятнадцати лѣтъ, и цѣлую часть свѣта превратилъ въ военный лагерь.

Военная сила неограниченно царила во Франціи. Слышались одни лишь приказанія генераловъ, замѣтны были передвиженія полковъ, да доносился ревъ пушекъ. Народъ же, кровью и потомъ оплачивавшій налоги, мало-по-малу умолкъ, точно въ азіатскомъ деспотическомъ государствѣ.

КОНСУЛЬСТВО.

Сильный своей военной властью, Бонапартъ рѣшилъ опереться на классовые интересы буржуазіи и такимъ образомъ создать себѣ опору, которая была бы крѣпче какой угодно партіи. Буржуазіи казалось, что шпага молодого генерала, его опьяняющая слава и сильное вліяніе въ войскѣ служатъ лучшей защитой отъ демократическихъ безпорядковъ и волненій. Она еще пылала ненавистью къ директоріи, которая не давала ей покоя своими принудительными займами, и ее удовлетворяла всякая новая форма правленія, дававшая возможность спокойно эксплоатировать рабочую силу народныхъ массъ. Военная диктатура Бонапарта была способна осуществить надежды буржуазіи, потому что генералъ признавалъ значеніе новаго класса. Вѣдь онъ самъ поднялся вверхъ на плечахъ третьяго сословія. Пока у него въ рукахъ была сила, буржуазіи нечего было опасаться, по крайней мѣрѣ, тѣхъ мелкихъ хлопотъ и непріятностей, которыя старый режимъ доставлялъ почтеннымъ буржуа.

Средняя и мелкая буржуазія, которая была робка, труслива и безъ труда поддавалась запугиваніямъ, еще легче подчинилась новому порядку вещей. Этотъ классъ, лишенный всякихъ политическихъ идеаловъ, въ періодъ революціонной борьбы и ея кризисовъ потерялъ самыхъ лучшихъ и самыхъ энергичныхъ своихъ представителей. Теперь онъ представлялъ собою апатичную массу, которую нелегко было воодушевить. Возможно, что ему больше всего импонировали военная слава и военный блескъ, а тѣмъ и другимъ Бонапартъ обладалъ въ достаточной мѣрѣ. Бонапартъ могъ быть увѣренъ, что симпатіи этого класса будутъ на его сторонѣ, если онъ создастъ условія, при которыхъ буржуа получитъ возможность спокойно заниматься своимъ дѣломъ.

Рабочіе стали ко всему относиться безразлично. Они принимали участіе въ цѣломъ рядѣ возстаній и долгое время держали въ своихъ рукахъ общественную власть въ Парижѣ, но несмотря на все это, за время продолжительной и полной перемѣнъ революціи, въ великія событія которой рабочіе внесли такую значительную долю участія, для нихъ почти ничего не измѣнилось къ лучшему. Имъ приходилось терпѣть отъ всего. Дороговизна жизненныхъ припасовъ, дешевизна бумажныхъ денегъ, ростовщичество и вообще нужда,—все это тяжелымъ бременемъ постоянно ложилось на спину рабочаго класса. На плечи этого многочисленнаго разряда потребителей,

перебивавшихся со дня на день, ложилась почти цѣликомъ вся тяжесть экономической нищеты, потому что господствующіе и средніе классы сумѣли охранить свои интересы на промежуточныхъ стадіяхъ товарнаго и денежнаго обращенія. Безработица въ связи съ пріостановкой производства и прекращеніемъ торговыхъ сношеній, превратилась для рабочихъ въ постоянный бичъ. Казалось, что въ странѣ производися недостаточно для удовлетворенія потребностей Франціи,—да оно такъ и было. Но покупательная сила народа была истощена, и безпорядочное частное производство, постоянно возникавшее на почвѣ спекуляціи, развивалось не сообразно потребностямъ и интересамъ народныхъ массъ, а сообразно стремленію предпринимателей къ спекуляціи. Рабочіе, которымъ приходилось платиться за всю эту анархію, разочаровались во всѣхъ завоеваніяхъ революціи. Первоначальная идея свободы и уравненія всѣхъ въ правахъ осталась для нихъ лишь пустымъ звукомъ. Поэтому они совершенно спокойно отнеслись къ тому, что въ совѣтѣ пятисотъ демократія была разогнана бонапартовскими штыками. Такъ же спокойно отнеслись они и къ упроченію новой военной силы. Они отдавали ей своихъ сыновей, которые служили «пушечнымъ мясомъ», и позже съ удовольствіемъ услышали, что «каждый солдатъ носитъ въ своемъ ранцѣ маршальскій жезлъ». Вѣдь такимъ образомъ сыновья ихъ все же могли выйти въ люди! При всемъ томъ рабочіе обладали еще въ достаточной степени идеализмомъ и здравымъ смысломъ, чтобы предпочесть господство Наполеону прежнему господству Бурбоновъ. Это они ясно обнаружили послѣ паденія Наполеона и при его возвращеніи съ Эльбы.

Существовалъ, однако, еще одинъ многочисленный классъ, видѣвшій въ сильной правительственной власти опору для своего экономическаго существованія. Мы говоримъ о крестьянахъ, о мелкихъ землевладѣльцахъ, о лицахъ, пріобрѣвшихъ національныя имущества. Добывъ себѣ собственность, они всѣ стали консерваторами. Для нихъ революція достигла своей цѣли введеніемъ конституціи 1791 г. Они далеко не симпатизировали демократіи, подъ властью которой имъ приходилось переносить одни только безпокойства. Они ненавидѣли бумажныя деньги и упрямо не доставляли своихъ продуктовъ на рынокъ, пока расплата производилась ассигнатами. Когда отъ нихъ затѣмъ потребовали доставки продуктовъ, они пришли въ ярость, такъ какъ имъ казалось, что за ихъ счетъ желаютъ кормить столичное населеніе. Землевладѣльцевъ и крестьянъ нарочно увѣрили въ томъ, что это вообще является цѣлью демократическаго государственнаго устройства. Этотъ классъ не обладалъ ни великодушіемъ, ни способностью къ самопожертвованію, ни умомъ парижскихъ рабочихъ. Рабочіе, поскольку у нихъ хватало силъ, переносили свою нищету, потому что не желали мѣшать преобразованію государства и общества и понимали, что это преобразованіе не можетъ совершиться безъ замѣшательствъ. Крестьяне же, усѣвшись на своемъ клочкѣ земли, преслѣдовали только свои собственные интересы. Они окаменѣли въ своемъ эгоизмѣ и, не обладая никакими общественными инстинктами, не были въ состояніи приносить какія-либо жертвы на благо общества. Теперь мстило за себя раздробленіе земельной собственности, потому что нѣтъ человѣка, который былъ бы фанатичнѣе преданъ своимъ частнымъ

интересамъ, чѣмъ крестьянинъ, прикрѣпленный къ своему клочку земли. У него нечего искать идеаловъ. Слово «свобода» ничего не говорило сердцу крестьянина. Они ненавидѣли комитеты благоденствія и директорію за предпринятыя ими насильственныя мѣропріятія и за то, что они обременили земельную собственность налогами. Но противнѣе всего были имъ безпорядки, потому что они постоянно опасались, какъ бы безпорядки не вызвали переворота, послѣ котораго эмигранты вернутся на родину и потребуютъ возвращенія имуществъ, конфискованныхъ во время революціи. Демократическое правительство не представляло для нихъ достаточныхъ гарантій того, что такая перемѣна не совершится. Крестьяне желали имѣть правительство съ желѣзнымъ кулакомъ, правительство, которое было бы въ состояніи сохранить данный порядокъ вещей. Поэтому Наполеонъ Бонапартъ казался имъ какъ разъ подходящимъ человѣкомъ. Его военный геній, поставившій Францію въ военномъ отношеніи впереди всѣхъ европейскихъ державъ, ручался имъ за то, что всякое нападеніе извнѣ будетъ отражено, а его энергія служила порукой въ томъ, что всякаго рода безпорядки внутри страны будутъ подавлены. Крестьяне охотно мирились съ деспотизмомъ Бонапарта, лишь бы земля осталась у нихъ въ рукахъ. Они сотнями тысячъ доставляли ему своихъ сыновей на поля битвъ. Они инстинктивно чувствовали, что каждый походъ приноситъ пользу ихъ клочку земли. Они являлись главной опорой имперіи.

Вотъ до чего довели ошибки демократіи. Раздробленіе земельной собственности, отклоненіе требованій рабочихъ, уродливыя проявленія эпохи террора, передача управленія страною выскочкамъ и развращеннымъ людямъ и ненадежная конституція 1795 г. создали для диктатора почву, на которой онъ могъ упрочить свое господство. Не сумѣли основать чистой демократіи,—и обратная волна привела къ чистому абсолютизму.

Новое правительство.

При реорганизаціи государственнаго управленія Бонапартъ доказалъ, что онъ отлично знаетъ французовъ. Въ качествѣ государственнаго дѣятеля, онъ употребилъ весь свой талантъ на то, чтобы придать новымъ учрежденіямъ возможно болѣе яркую демократическую окраску съ внѣшней стороны и вложить въ нихъ возможно меньше демократическаго содержанія. Онъ старался ослѣпить народъ блескомъ своего правленія и умѣлъ импонировать своею смѣлостью. Сохранивъ за государствомъ съ внѣшней стороны республиканскую форму правленія, онъ сумѣлъ внушить народу увѣренность, будто онъ спасъ и сохранилъ завоеванія революціи. На него возлагали надежды всѣ партіи. Партія Сіэса ждала отъ него осуществленія своихъ конституціонныхъ фантазій. Республиканцы вѣрили, что онъ обезпечитъ республикѣ долгое существованіе, и даже часть демократовъ наивно вѣрила, что, побѣдивъ всѣхъ своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, Бонапартъ поставитъ себѣ конечной задачей установленіе чистой демократіи. Они, очевидно, не понимали, что Бонапартъ долженъ былъ и ихъ самихъ

причислить къ внутреннимъ врагамъ. Вѣдь это имъ съ достаточной ясностью дало понять 18 брюмэра.

Однако всѣ партіи обманулись въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, который сильной рукой и своевольно сталъ управлять страной.

Благодаря выдающимся качествамъ своей личности, онъ сразу и всюду сталъ играть господствующую роль. Его товарищи по консульству сначала пользовались одинаковыми съ нимъ правами, но они въ первый же день почувствовали его превосходство. Роже-Дюко былъ очень незначительнымъ человѣкомъ и сразу сталъ безпрекословно подчиняться желаніямъ Бонапарта, предъ которымъ онъ преклонялся. Сіэсъ только теперь обнаружилъ всю свою неопытность въ практическихъ дѣлахъ государственнаго управленія. Этотъ тщеславный человѣкъ понялъ, что ему приходится ограничиться своими фантазіями въ области конституціи. Впрочемъ, онъ разглядѣлъ сущность положенія. Сейчасъ же послѣ перваго засѣданія трехъ консуловъ онъ замѣтилъ: «Среди насъ есть человѣкъ, который все можетъ, все сумѣетъ и захочетъ сдѣлать!»

Оно такъ и было. Благодаря своей способности быстро проникать въ сущность предстоявшихъ разрѣшенію вопросовъ, Бонапартъ, который и раньше имѣлъ случай достаточно ознакомиться съ практическими сторонами управленія, вскорѣ отстранилъ на задній планъ важничавшаго и носившагося со своими иллюзіями аббата. Предъ народомъ Бонапартъ одинъ являлся представителемъ консульства; на его товарищей едва обращали вниманіе. Во время совѣщаній самихъ консуловъ постоянно наблюдалось одно и то же явленіе. Сіэсъ часто вносилъ предложенія, и Бонапартъ постановлялъ рѣшенія. Роже-Дюко не додумывался до собственныхъ идей. У него, по крайней мѣрѣ, было одно достоинство: онъ не старался казаться выше того, чѣмъ былъ въ дѣйствительности.

Реакціонный характеръ новаго правительства вскорѣ и вполнѣ откровенно проявилъ себя: многіе изъ демократовъ за свое поведеніе 18 и 19 брюмэра были осуждены на изгнаніе. Эта мѣра была столь же деспотична, сколь и низка, потому что демократы 18 и 19 брюмэра провинились лишь въ томъ, что выказали себя сторонниками законно существующей конституціи, въ противовѣсъ грозившему со стороны узурпатора государственному перевороту. Да они и не пытались обороняться силою; напротивъ, ихъ самихъ разогнали штыками. 37 демократовъ изъ совѣта пятисотъ были увезены въ Гвіану, которая отличается жаркимъ, болотистымъ климатомъ и въ которой свирѣпствуютъ лихорадки. 21 демократъ, въ числѣ которыхъ находился и генералъ Журданъ, были высланы въ департаментъ нижней Шаранты и отданы подъ надзоръ полиціи; изъ нихъ многіе подчинились своей участи.

Если бы Бонапартъ, производя государственный переворотъ, оказался побѣжденнымъ, онъ неизбѣжно былъ бы обвиненъ въ государственной измѣнѣ тѣми, кого онъ теперь сослалъ. Такъ тріумфъ силы измѣняетъ положеніе вещей.

Съ буржуазіей Бонапартъ постарался стать въ возможно болѣе дружественныя отношенія. Это ему и удалось безъ труда, такъ какъ буржуазія

смотрѣла на военную мощь Бонапарта, какъ на оплотъ своихъ экономическихъ интересовъ. Бонапартъ поспѣшилъ успокоить буржуазію путемъ окончательной отмѣны принудительныхъ займовъ. Одновременно съ этимъ онъ отмѣнилъ и суровый законъ о заложникахъ и такимъ путемъ привлекъ на свою сторону значительную часть роялистовъ, потому что не всѣ роялисты были сторонниками Бурбоновъ. Далѣе, былъ изданъ актъ объ амнистіи для тѣхъ роялистовъ, которые были сосланы или изгнаны 18 фруктидора, а также были отпущены на свободу многіе эмигранты, которые пытались принять участіе въ бретонскихъ возстаніяхъ и были арестованы по этому поводу.

Такимъ образомъ, направленіе политики новаго правительства опредѣлилось съ самаго начала. Времена демократическихъ правительствъ прошли; правительство только по имени осталось республиканскимъ.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ были избраны и министры, которые должны были завѣдывать дѣлами управленія. Назначая министровъ, Бонапартъ замѣтилъ: «Мы открываемъ новую эпоху. Изъ прошлаго мы должны помнить только хорошее и забыть дурное».

Это «хорошее» вылилось въ нѣсколько своеобразную форму. Изъ области прошлаго прежде всего вынырнула фигура гнуснаго Фуше, котораго Бонапартъ назначилъ министромъ полиціи. При деспотическомъ режимѣ Бонапарта функціи полиціи пріобрѣли особое значеніе, и Фуше, который раньше былъ ярымъ якобинцемъ, удалось, благодаря своему дьявольскому таланту, поставить полицейскій аппаратъ на изумительную высоту. Онъ покрылъ Францію сѣтью полицейскихъ агентуръ, черезъ петли которыхъ трудно было проскользнуть кому-либо, и не останавливался передъ самыми низкими средствами, разъ дѣло шло о преслѣдованіи враговъ Бонапарта. Но онъ позже предалъ своего владыку—императора точно такъ же, какъ и знаменитый дипломатъ, теперь игравшій главную роль въ дѣлахъ иностранной политики. Мы говоримъ о господинѣ Таллейранѣ-Перигоръ, который былъ раньше епископомъ отенскимъ и въ учредительномъ національномъ собраніи настоялъ на передачѣ имѣній духовенства въ собственность націи. Таллейранъ былъ однимъ изъ величайшихъ дипломатическихъ геніевъ. Ему принадлежитъ знаменитое изреченіе: «языкъ намъ данъ исключительно для того, чтобы скрывать свои мысли». Онъ во время революціи эмигрировалъ, а затѣмъ, вернувшись во времена директоріи, занялъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Принужденный снова выйти въ отставку, онъ понялъ, что въ Бонапартѣ скрывается будущій диктаторъ и присоединился къ нему. Своими интригами онъ способствовалъ перевороту 18 брюмэра. Онъ надѣялся, что послѣ этого переворота возстановится монархія, и былъ готовъ служить ей. При Таллейранѣ внѣшняя политика Франціи пріобрѣла тотъ вѣроломный характеръ, въ которомъ соединились насиліе, коварство и лицемѣріе. Было мало людей, которые могли бы сравниться съ Таллейраномъ въ хитрости, но съ другой стороны, было и мало людей, которые при ближайшемъ знакомствѣ производили бы такое отвратительное впечатлѣніе, какъ онъ.

Фуше и Таллейранъ наложили свой отпечатокъ на новое правительство, и всякій, кто зналъ этихъ людей, долженъ былъ понять, что теперь наступитъ конецъ всякимъ либеральнымъ преобразованіямъ государственныхъ учрежденій Франціи.

Камбасересъ, игравшій извѣстную роль въ качествѣ термидорійца, былъ теперь назначенъ министромъ юстиціи и отдалъ этому дѣлу свои огромныя познанія и выдающую работоспособность. Бертье, котораго Бонапартъ очень цѣнилъ, былъ врученъ портфель военнаго министра. Бертье былъ весьма талантливымъ генераломъ и великолѣпнымъ начальникомъ генеральнаго штаба во время войнъ имперіи. Однако на его мѣсто вскорѣ назначенъ былъ Карно, котораго Бонапартъ вернулъ изъ изгнанія вмѣстѣ съ другими эмигрантами. Но и Карно недолго оставался на этомъ посту, потому что онъ, будучи строгимъ республиканцемъ, не могъ ужиться съ Бонапартомъ.

Чтобы сдѣлать уступку образованной части населенія, Бонапартъ, который при каждомъ случаѣ называлъ себя членомъ французской академіи, назначилъ министромъ внутреннихъ дѣлъ знаменитаго астронома Лапласа. Вскорѣ однако обнаружилось, что Лапласъ не подходилъ къ этой должности, и его мѣсто занялъ Люсіенъ Бонапартъ, оказавшій своему брату 18 брюмэра такія важныя услуги и теперь прекрасно помогавшій дальше разыгрывать мнимо-республиканскую комедію. Между прочимъ, Люсіенъ былъ о себѣ очень высокаго мнѣнія и позже при каждомъ удобномъ случаѣ повторялъ, что, не прими онъ энергичныхъ мѣръ 18 брюмэра, его братъ не захватилъ бы въ свои руки общественной власти. Возможно, что Люсіенъ и не совсѣмъ былъ неправъ.

Завѣдываніе министерствомъ финансовъ поручено было Годену, который уже при Людовикѣ XVI работалъ въ этомъ министерствѣ. Годену изъ всѣхъ министеровъ предстояла, понятно, самая трудная задача. Вѣдь если и Бертье нашелъ дѣла военнаго министерства запущенными, если и Камбасересу пришлось заново организовать юстицію, то жалкое состояніе финансовъ не поддается описанію. Директорія прибѣгала къ самымъ жалкимъ мѣрамъ, и при печальномъ способѣ веденія хозяйства этимъ неспособнымъ правительствомъ полное банкротство было неизбѣжно. Годенъ нашелъ въ казначействѣ республики 167 тысячъ франковъ, представлявшіе собою остатокъ займа, заключеннаго директоріей у частнаго лица. Вся остальная наличность государственной казны заключалась въ бумагахъ, не имѣвшихъ почти никакой цѣнности.

Необходимо было добыть денегъ. Для этого нашлось очень простое средство: рѣшено было повысить всѣ налоги на 25%. Чтобы додуматься до этого, не требовалось особеннаго ума, но главная задача заключалась въ томъ, чтобы взиманіе налоговъ было упорядочено. Увеличеніе прямыхъ налоговъ, налоговъ на недвижимыя имущества и на движимость, а также и личныхъ податей на 25% и требованіе, чтобы, по меньшей мѣрѣ, половина налоговъ вносилась наличными деньгами, вызвало недовольство въ средѣ плательщиковъ налоговъ; но недовольство это умѣло ослабили путемъ отмѣны принудительныхъ займовъ. Внутренняя политика Бонапарта и въ этомъ случаѣ проявилась во всей своей грубости. Добиваясь дружелюбнаго отношенія со стороны господствующихъ классовъ, онъ въ то же

время готовъ былъ, въ случаѣ необходимости, силою оружія подавить вспышки недовольства со стороны народныхъ массъ. Нищета народа была такъ же велика, какъ и раньше, но народъ переносилъ ее съ нѣмой покорностью, потому что самая энергичная и самая сильная часть его, молодежь, находилась на службѣ въ арміи. Въ тѣ времена войска содержались просто на счетъ тѣхъ странъ, которыя они занимали. Такъ было на Рейнѣ, въ Голландіи и Италіи. При этомъ въ арміяхъ, особенно въ итальянской, въ сильной степени проявилась распущенность.

Отмѣна принудительныхъ займовъ вызвала и симпатіи биржевиковъ къ Бонапарту. Онъ пригласилъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ и, благодаря своей энергіи, добился того, что они предоставили государству 12 милліоновъ франковъ. Это имѣло уже кое-какое значеніе и въ общемъ укрѣпило кредитъ правительства. Нѣкоторыя изъ финансовыхъ мѣропріятій Годена не имѣли успѣха: въ правительственныя кассы все еще не притекало денегъ. Но Годенъ примѣнилъ и одну довольно удачную мѣру, облегчивъ покупщикамъ національныхъ имуществъ условія платежа. При всемъ томъ упорядоченіе финансовъ подвигалось лишь весьма медленно. Слишкомъ уже велики были неурядицы, оставленныя въ наслѣдство директоріей.

Возстановить спокойствіе внутри страны удалось поразительно быстро. Шуаны въ Бретани еще массами стояли на поляхъ и Вандея снова возстала. Повстанцами руководили: измѣнникъ и перебѣжчикъ при всѣхъ роялистическихъ возстаніяхъ Фроттэ, затѣмъ Кадудаль и Отишанъ. Всѣ они наивно вѣрили, что Бонапартъ намѣренъ снова возстановить во Франціи тронъ Бурбоновъ. Эти закоренѣлые роялисты считали свою легитимистскую идею настолько обаятельной, что вѣрили, будто и честолюбивый генералъ преклонится передъ нею и ради нея откажется отъ власти надъ страной, которая лежала у его ногъ. Поэтому они проявили и большую сговорчивость, чѣмъ раньше. Бонапартъ приказалъ примѣнить къ повстанцамъ самыя суровыя мѣры: за вооруженное сопротивленіе наказывать смертью, сжигать возставшія деревни и покарать по законамъ военнаго времени тѣ общины, которыя пріютили у себя повстанцевъ. Снова предстояло примѣненіе программы «адскихъ колоннъ». Дѣло однако такъ далеко не зашло. Если генералъ Брюнъ, командовавшій войсками въ Вандеѣ, и былъ достаточно суровъ и энергиченъ, зато Бонапартъ не пренебрегъ мирными переговорами и такимъ путемъ достигъ умиротворенія возставшей области. Нѣкій аббатъ Бернье, пользовавшійся большой популярностью въ западныхъ провинціяхъ, облегчилъ веденіе мирныхъ переговоровъ, уговоривъ главарей возстанія сложить оружіе. Бурмонъ, Шатильонъ и Отишанъ заключили съ Бонапартомъ миръ, выговоривъ себѣ благопріятныя условія сдачи. Послѣ этого масса инсургентовъ сложила оружіе. Кадудаль временно отказался отъ борьбы. Продолжалъ борьбу одинъ Фроттэ. Это разозлило Бонапарта, и онъ назначилъ награду за голову Фроттэ. Фроттэ явился къ противникамъ, очевидно, для переговоровъ о мирѣ, но былъ схваченъ, приговоренъ къ смерти вмѣстѣ со многими своими офицерами и разстрѣлянъ. Это случилось въ февралѣ, а къ концу этого

мѣсяца въ западныхъ провинціяхъ было окончательно возстановлено спокойствіе.

Такимъ образомъ, Бонапарту удалось, благодаря своей энергіи и рѣшительности, надолго упрочить власть, захваченную имъ путемъ государственнаго переворота 18 брюмэра. Онъ былъ ловокъ и ему къ тому же везло. Вскорѣ создалась огромная партія его приверженцевъ, не обладавшихъ никакими опредѣленными политическими убѣжденіями и желавшихъ только одного—порядка и спокойствія. Бонапартъ далъ и порядокъ и спокойствіе, но страна купила ихъ цѣною своей свободы. Спокойствіе, которое этотъ насильникъ-солдатъ далъ Франціи, было не спокойствіемъ счастья, а кладбищенскимъ покоемъ, и порядокъ, внесенный имъ въ общество, не былъ порядкомъ пчелинаго улья, а порядкомъ казармы. Цѣна, которою куплены были этотъ покой и порядокъ, была слишкомъ высока для Франціи. Она пріобрѣла себѣ самодержца.

Консульская конституція.

Государственная мудрость вынуждала Бонапарта сохранить до времени формы республиканскаго государственнаго устройства и влить въ нихъ монархическое содержаніе. Поэтому онъ обратилъ вниманіе на конституціонныя идеи аббата Сійеса, которыя онъ при другихъ обстоятельствахъ, безъ сомнѣнія, отвергъ бы съ презрѣніемъ. Въ этотъ моментъ, когда уничтоженная конституція должна была быть замѣнена новой, Бонапартъ былъ вынужденъ считаться съ Сійесомъ, который одинъ только и могъ оспаривать у него первенство, въ качествѣ законодателя. Но честолюбивому аббату вскорѣ пришлось убѣдиться, что его мистическія конституціонныя идеи не были въ состояніи сравняться съ военной силой и съ ея самымъ выдающимся представителемъ.

Великій творецъ конституціи частями изложилъ законодательнымъ коммиссіямъ свои мысли объ образцовомъ и всѣхъ удовлетворяющемъ государственномъ устройствѣ. Всѣ были поражены, услышавъ объ этомъ терпѣливо придуманномъ, частью остроумномъ, а частью безсмысленномъ государственномъ аппаратѣ, который, по искреннему убѣжденію аббата, долженъ былъ охранить Францію отъ насильственныхъ переворотовъ, отъ диктатуры, конфликтовъ и партійныхъ неурядицъ и обезпечить ей вполнѣ спокойное развитіе. Сійесъ, который все еще старался сохранить за собою репутацію поднявшагося надъ своей эпохой, мудраго и оригинальнаго систематика, положилъ въ основу своей конституціи своеобразную утопію, а именно: мнимыя преимущества діаметрально противоположныхъ политическихъ системъ. Онъ позаимствовалъ у демократіи то, что ему показалось въ ней выгоднымъ, и связалъ это съ аристократически-монархическими учрежденіями, поскольку послѣднія казались ему пригодными. Свои взгляды онъ выразилъ одной фразой:

«Снизу должно царить довѣріе, сверху—сила!»

Это могло бы смутить людей, которые сами пережили всякія перипетіи революціи, но Сійесъ выразилъ свои основные принципы въ совершенно опредѣленныхъ формулахъ.

Ему казалось, что довѣріе снизу можетъ вылиться въ слѣдующую политическую форму.

Каждый французъ, достигшій 21 года, долженъ былъ быть внесенъ въ списокъ гражданъ. Сійесъ произвольно предполагалъ, что во Франціи имѣется 5 милліоновъ гражданъ. Эти 5 милліоновъ должны были изъ своей среды выбрать десятую часть, т. е. 500 тысячъ гражданъ, и эти 500 тысячъ образовывали такъ наз. разрядъ нотаблей. Этотъ низшій разрядъ назывался коммунальнымъ разрядомъ нотаблей, и изъ его среды должны были назначаться коммунальныя и областныя власти, низшіе судьи и т. д. Но 500 тысячъ нотаблей коммунальнаго разряда должны были въ свою очередь избрать изъ своей среды десятую часть. Эта десятая часть, состоящая изъ 50 тысячъ человѣкъ, должна была составить разрядъ департаментскихъ нотаблей, изъ среды которыхъ должны были избираться власти департаментовъ, высшіе судьи и т. д. Изъ 50 тысячъ членовъ департаментскаго разряда нотаблей, опять-таки путемъ выборовъ, должна была выдѣлиться десятая часть, и эти 5 тысячъ человѣкъ должны были составить разрядъ національныхъ нотаблей, изъ среды которыхъ избирались народные представители, государственныя власти и т. д.

Это оригинальное просѣиваніе сквозь рѣшето и должно было, по смыслу конституціи Сійеса, представлять собою довѣріе снизу. Въ сущности говоря, эта система представляла собою не что иное, какъ расширенные косвенные выборы. Оригинальна была лишь форма просѣиванія общественныхъ дѣятелей.

Силу сверху Сійесъ разложилъ еще больше. Законодательная власть должна была быть представлена государственнымъ совѣтомъ, трибунатомъ, законодательнымъ корпусомъ и охранительнымъ сенатомъ. Государственному совѣту предстояло лишь предлагать законы, трибунату—только обсуждать ихъ, а законодательному корпусу—лишь голосовать ихъ. Раздробляя такимъ образомъ законодательную власть, Сійесъ парализовалъ ее и лишилъ всякаго значенія. Одно учрежденіе постоянно свинцовой гирей висѣло на ногахъ другого. Но самое прекрасное назначеніе долженъ былъ получить охранительный сенатъ, которому предстояло воспринимать въ свою среду и растворять въ себѣ всякаго гражданина, который могъ бы сдѣлаться опаснымъ для государства, благодаря своему честолюбію, генію или вліянію. Опасныхъ людей сенатъ долженъ былъ превратить въ государственныхъ дармоѣдовъ. Было похоже на то, что это учрежденіе предназначалось спеціально для самого Бонапарта.

Во главѣ исполнительной власти долженъ былъ стоять великій избиратель (Proclamateur-electeur), которому предстояло избрать обоихъ высшихъ правительственныхъ чиновниковъ—военнаго консула и консула мира. Эти консулы должны были назначать министровъ и другихъ чиновниковъ.

Этотъ великій избиратель, который долженъ былъ представлять собою далай-ламу въ конституціонномъ государствѣ, и которому на долю выпала прекрасная роль представителя націи, вызвалъ гнѣвъ Наполеона, которому показалось, что его прочатъ въ великіе избиратели, и что его сила такимъ путемъ должна быть сведена къ нулю. Очевидно, онъ не былъ неправъ въ своей недовѣрчивости къ Сійесу. Бонапартъ гнѣвно замѣтилъ аббату:

«Вашъ великій избиратель—государственный тунеядецъ, а времена государственныхъ тунеядцевъ прошли. *Какъ это пришло вамъ въ голову, что человѣкъ, обладающій извѣстной долей таланта и чувства чести, согласится на эту роль откармливаемой на убой свиньи, съ вознагражденіемъ въ нѣсколько милліоновъ?*»

Сійесъ увидѣлъ, что Бонапартъ догадался о его планахъ, и что отъ знаменитаго «великаго избирателя» придется отказаться.

Законодательныя коммиссіи, которыя вполнѣ подчинились вліянію Бонапарта, доказали, что они лишь одному научились у Сійеса, что, впрочемъ, самому аббату меньше всего могло понравиться. Подобно тому, какъ онъ заимствовалъ изъ демократической и аристократически-монархической государственныхъ системъ лишь то, что понравилось лично ему, такъ Бонапартъ и законодательныя коммиссіи воспользовались лишь той частью предложеній Сійеса, которая показалась имъ подходящей. Такъ возникла конституція VIII года, или такъ наз. консульская конституція, самая худшая и самая нелѣпая изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ во Франціи конституцій. Она только потому никѣмъ не была нарушена, что подъ гнетомъ все охватывавшей военной силы не имѣла ровно никакого значенія.

Разряды нотаблей, изобрѣтенные Сійесомъ, были съ удовольствіемъ положены въ основу новой конституціи, потому что они искажали выборное право народа. Члены разрядовъ нотаблей общинныхъ, департаментскихъ и государственныхъ являлись, такимъ образомъ, тѣми кандидатами, изъ среды которыхъ назначались чиновники, причемъ назначалъ ихъ не народъ, а правительство.

Государственная власть была подѣлена между представителями власти административной и законодательной.

Идея Сійеса о великомъ избирателѣ, объ «откармливаемой на убой свиньѣ» была совершенно отвергнута, и правительство было надѣлено самодержавнымъ главой, что вполнѣ соотвѣтствовало характеру Бонапарта и его честолюбивымъ планамъ. Первый консулъ избирался на десять лѣтъ. Онъ занималъ въ государствѣ такое же первенствующее положеніе, какое раньше занималъ неотвѣтственный конституціонный король. На немъ лежала обязанность назначать изъ разрядовъ нотаблей всѣхъ чиновниковъ государства и всѣхъ офицеровъ арміи и флота, руководить политикой. Къ нему присоединили двухъ консуловъ, но избиралъ онъ ихъ самъ, и имѣли они только совѣщательный голосъ, такъ что они, собственно говоря, не имѣли ровно никакого значенія и были лишними. Они представляли собою лишь мнимое демократическое украшеніе псевдореспубликанскаго режима. Первый консулъ получалъ ежегодно полмилліона франковъ жалованья, между тѣмъ какъ каждый изъ двухъ остальныхъ консуловъ за свой совѣщательный голосъ вознаграждался 150 тысячами франковъ и квартирою за

счетъ государства. Всѣ три консула жили въ Тюльери, гдѣ когда-то жили короли, а послѣ нихъ засѣдалъ конвентъ.

Законодательная власть была урегулирована, согласно идеямъ Сійеса. Это значитъ, что сила ея была разбита на отдѣльныя части и раздроблена. Государственный совѣтъ изъ 30 членовъ избирался консулами и долженъ былъ предлагать законодательному корпусу законы, посылая къ послѣднему депутацію изъ трехъ лицъ, указывавшую ему на полезность законовъ, о которыхъ шла рѣчь. На трибунатъ изъ 100 членовъ смотрѣли, какъ на настоящее народное представительство, хотя онъ и представлялъ собою лишь каррикатуру на послѣднее, потому что избирался сенатомъ. Трибунатъ рѣшалъ, слѣдуетъ ли рекомендовать законодательному корпусу принять данный законъ, или его слѣдуетъ отвергнуть. Никакихъ другихъ полномочій онъ не имѣлъ. Трибуны получали ежегодно по 15 тысячъ франковъ. Законодательный корпусъ состоялъ изъ 300 членовъ и избирался сенатомъ. Онъ имѣлъ лишь право рѣшать голосованіемъ, слѣдуетъ ли принять или отклонить данный законопроектъ. Его члены получали за это ежегодно по 10 тысячъ франковъ. Сенатъ состоялъ изъ 60 членовъ и самъ пополнялъ число своихъ членовъ. Онъ имѣлъ право налагать запрещенія, если находилъ, что изданные законодательнымъ корпусомъ законы противорѣчатъ конституціи. Сенатъ избиралъ перваго консула, членовъ трибуната и законодательнаго корпуса, а кромѣ того и высшихъ представителей судебнаго и административнаго вѣдомства. Члены сената получали по 25 тысячъ франковъ содержанія и лишены были права, даже и по выходѣ изъ состава сената, занимать какую-либо другую общественную должность. Имѣя такой высокій окладъ, сенаторы должны были быть людьми независимыми, но, какъ это легко себѣ представить, они являлись исключительно ставленниками того сильнаго господина, котораго имъ приходилось избирать первымъ консуломъ. Они отличались холопствомъ.

Эта конституція вполнѣ соотвѣтствовала своему назначенію. Она являлась, если и не очень искусной прикрасой къ военной диктатурѣ Бонапарта, то зато такой прикрасой, которая могла ввести народъ въ обманъ.

Для завершенія комедіи устроено было голосованіе конституціи народомъ. Французы, опьяненные успѣхами Бонапарта, почти единодушно подали свои голоса за конституцію. 3.011,007 голосовъ было подано за нее и лишь 1,562 голоса противъ.

Уже при введеніи конституціи Бонапартъ проявилъ своеволіе. Относительно выборовъ въ сенатъ, который еще не составился, было лишь установлено, что сенатъ самъ пополняетъ число своихъ членовъ. Бонапартъ воспользовался этой преднамѣренной неясностью закона и составилъ весь сенатъ изъ своихъ приверженцевъ. Далѣе, онъ самъ назначилъ себя первымъ консуломъ, такъ какъ сената еще не было. Такимъ образомъ, снова нарушена была конституція, которая не успѣла еще начать функціонировать. Послѣ этого Бонапартъ избралъ консулами Камбасереса и Лебрена, и оба они, вмѣстѣ съ Сійесомъ и Роже-Дюко, составили сенатъ изъ вполнѣ подходящихъ, по ихъ мнѣнію, людей, которые затѣмъ уже пополнили составъ сената. Такъ создалось учрежденіе, которое только и знало, что слѣпо подчиняться Бонапарту. Сійесъ назначенъ былъ президентомъ сената и такимъ образомъ навсегда лишился надежды занять мѣсто главы государства. Бонапартъ щедро наградилъ его и преподнесъ ему прекрасное имѣніе въ видѣ «подарка отъ націи». Къ этому присоединена была еще и значительная сумма денегъ, и аббатъ, постоянно стремившійся быть остроумнымъ, назвалъ ее *апельсиномъ для утоленія жажды*. Сенатъ «растворилъ въ себѣ» честолюбца по его же собственному плану. Онъ вскорѣ отказался отъ своей должности и навсегда сошелъ со сцены.

Самъ назначивъ себя представителемъ высшей власти, Бонапартъ не преминулъ использовать эту власть возможно болѣе широкимъ образомъ. Теперь онъ уже не стѣснялся проявлять высокомѣріе и другія черты, присущія абсолютному монарху. Послѣ его переселенія въ Тюльери оказалось, что у Франціи есть монархъ, которому не хватаетъ только титула. Бонапартъ окружилъ себя кучею придворныхъ, льстецовъ и лакеевъ и нисколько не скрывалъ своего презрѣнія къ людямъ. Легко понять, что онъ долженъ былъ презирать людей, которые въ продолженіе десяти лѣтъ болтали о свободѣ и равенствѣ, а теперь наперерывъ другъ передъ другомъ старались проявить свое раболѣпіе передъ новымъ повелителемъ.

Послѣдовалъ цѣлый рядъ мѣропріятій, не оставлявшихъ сомнѣнія въ томъ, что Бонапартъ намѣренъ создать монархію по своему вкусу. Онъ стремился примирить съ собою всѣхъ тѣхъ представителей власти, съ которыми раньше вела борьбу демократія. Онъ снова разрѣшилъ церквамъ отправлять богослуженіе и открылъ ихъ для общаго пользованія, и это вытѣснило республиканское празднованіе декадъ. Французы снова начали праздновать воскресеніе. Вопросъ о томъ, какъ поступать со священниками, отказывавшимися принести присягу, онъ разрѣшилъ весьма просто. Онъ освободилъ ихъ отъ присяги на вѣрность гражданской конституціи и заставилъ давать только обѣщаніе подчиняться конституціи.

Кромѣ того, онъ ввелъ ту желѣзную централизацію, благодаря которой ему удалось такъ хорошо укрѣпить свою власть. Онъ воспользовался раздѣленіемъ страны на департаменты и достигъ того, что Франція покрылась густой сѣтью правительственныхъ и административныхъ органовъ, причемъ онъ въ своихъ рукахъ держалъ конечныя нити этой сѣти. Департаменты, округи и коммуны представляли собою въ административномъ отношеніи политическія единицы. Коммуной управлялъ мэръ, округомъ—субъ-префектъ а департаментомъ—префектъ. Опредѣливъ на всѣ эти должности своихъ людей, Бонапартъ закончилъ централизацію; правительственный и административный аппаратъ функціонировали совершенно гармонично.

Затѣмъ подверглось реорганизаціи вѣдомство юстиціи. Въ коммунахъ были учреждены должности мировыхъ судей, въ округахъ гражданскіе суды, въ департаментахъ введены апелляціонные трибуналы, а въ каждомъ департаментѣ по одному уголовному суду. Кассаціонный трибуналъ былъ высшей судебной интстанціей, но онъ имѣлъ право отмѣнять приговоры только при наличности нарушенія судебныхъ формальностей. Бонапартъ вскорѣ распорядился о составленіи гражданскаго, уголовнаго и торговаго свода законовъ, и въ этомъ отношеніи заслуги его неоспоримы. Эти проекты

законовъ позже вступили въ силу подъ именемъ Кодекса Наполеона. Кодексъ этотъ представляетъ собою лучшее твореніе наполеоновской эпохи. Не слѣдуетъ однако забывать, что Бонапартъ выполнилъ то, что начато было конвентомъ, и что ученые, вырабатывавшіе эти своды законовъ, сохранили въ кодексѣ Наполеона часть политическихъ идей революціи.

Бонапартъ работалъ безъ устали, и этимъ показалъ, какимъ благодѣтелемъ онъ могъ бы стать для Франціи, если бы обратилъ свое вниманіе на ея внутреннее устройство, а не на военную славу и завоеванія. Онъ въ это время началъ объѣзжать французскія провинціи, чтобы самому убѣдиться въ ихъ состояніи. Онъ заботился объ улучшеніи путей сообщенія, приказывалъ прорывать каналы, устраивать гавани, а главнымъ образомъ пролагать дороги, и этимъ достигъ того, что на долю рабочихъ выпали большіе заработки. Такимъ путемъ ему удалось въ общемъ примирить французовъ со своимъ господствомъ, послѣ того какъ значительное число возстаній не привело къ свободѣ. Многіе демократы пошли къ нему на службу и вполнѣ ему подчинились. А онъ былъ настолько уменъ, что не отказывался отъ этихъ услугъ.

Въ то же время финансовая нужда не прекратилась, несмотря на всѣ усилія Годена. На первыхъ порахъ Бонапартъ облегчилъ финансовую нужду Франціи тѣмъ, что, прикрывшись маскою охранителя международнаго права, угрозами принудилъ Гамбургъ заплатить ему нѣсколько милліоновъ за то, что городъ выдалъ англичанамъ ирландскаго бѣглеца. Деньгами пришлось поплатиться также и Генуѣ и Голландіи. Но при невѣроятномъ разстройствѣ финансовъ даже Бонапартъ со всей своей энергіей не въ силахъ былъ упорядочить ихъ.

Но возведя рядъ огромныхъ сооруженій, покрывъ Сену тремя мостами, прорывъ С.-Кентенскій каналъ и проложивъ дорогу черезъ Симплонъ, Бонапартъ въ то же время совершенно уничтожилъ свободу печати. Оппозиціонныя газеты были попросту закрыты, а существованіе газетъ, которымъ позволили выходить въ свѣтъ, всецѣло зависѣло отъ ихъ отношенія къ правительству. Имъ было заявлено, что онѣ не должны критиковать конституцію, армію и даже дружественныя Франціи правительства, если желаютъ продолжать выходить. Одновременно съ этими отвратительными стѣсненіями печати, начало проявляться снисходительное отношеніе къ роялистамъ и эмигрантамъ. Большинство эмигрантовъ были исключены изъ списковъ, а оставлены были лишь тѣ лица, которыя съ оружіемъ въ рукахъ боролись противъ Франціи, или открыто состояли на службѣ у эмигрировавшихъ принцевъ и у дворовъ, заключившихъ союзъ противъ Франціи.

Хозяйничанье министра полиціи Фуше приняло неслыханные размѣры. Этотъ развращенный до мозга костей субъектъ руководствовался тѣмъ циничнымъ принципомъ, что въ его положеніи слѣдуетъ дѣлать «какъ можно меньше зла». Ему были даны самыя широкія полномочія, и онъ имѣлъ право арестовать или отдать подъ надзоръ полиціи всякаго, кого онъ заподозрѣвалъ въ томъ, что онъ революціонеръ, эмигрантъ или заговорщикъ. Онъ наводнилъ шпіонами всю страну. При всемъ томъ Бонапартъ былъ настолько

недовѣрчивъ, что вскорѣ—и, какъ позже обнаружилось, не безъ основанія—началъ слѣдить и за самимъ Фуше.

Вотъ каковы были конституція и правительство консула Бонапарта послѣ государственнаго переворота 18 брюмэра. Отъ деспотическихъ правительствъ другихъ странъ французское правительство отличалось только своимъ именемъ. Благодаря революціи, новые классы стали господствующими, но политическое рабство, существовавшее при старомъ режимѣ, повидимому, было вновь возстановлено.

Походъ 1800 г.

Въ прокламаціяхъ, которыми Бонапартъ возвѣстилъ начало своего правленія, онъ называлъ себя миролюбивымъ государственнымъ дѣятелемъ. Трудно сказать, насколько онъ былъ при этомъ искренень. Во всякомъ случаѣ онъ сдѣлалъ попытку мирнымъ путемъ разстроить коалицію Питта. Онъ обратился съ письмами непосредственно къ англійскому королю и къ австрійскому императору и предложилъ обоимъ монархамъ заключить миръ съ Франціей. При этомъ онъ сослался на требованія гуманности и цивилизаціи. Такимъ путемъ ему удалось привлечь на свою сторону общественное мнѣніе, чего онъ, быть можетъ, единственно и добивался, обращаясь со своими письмами къ монархамъ. Отвѣтили Бонапарту не прямо, а путемъ дипломатическихъ нотъ, причемъ первому консулу дано было понять, что ни одинъ изъ государей не можетъ съ нимъ считаться, какъ съ личностью и силой равнаго происхожденія. То обстоятельство, что Бонапартъ осмѣлился обратиться непосредственно къ великобританскому королю, повидимому, больше раздосадовало англичанъ, чѣмъ европейская война. Англійская нота въ самой грубой формѣ отвергала предложеніе Бонапарта о мирѣ, причемъ въ ней вновь повторялись обычныя обвиненія противъ французской республики. Австрія тоже отклонила предложеніе о заключеніи мира, но въ нѣсколько болѣе вѣжливой формѣ. Австріи угрожала большая опасность, чѣмъ Англіи; поэтому-то она и была вѣжливѣе.

Но тутъ Таллейрану удалось, благодаря своей дипломатической ловкости, выдѣлить изъ коалиціи русскаго императора. Павелъ I слегка повздорилъ съ Австріей и Англіей, и Таллейранъ очень хитро использовалъ этотъ случай для того, чтобы побудить русскаго самодержца совершенно порвать съ ними. Какъ извѣстно, Павелъ I желалъ, чтобы Австрія, послѣ побѣдъ Суворова, вернула престолъ изгнаннымъ французами итальянскимъ князьямъ. Но когда представитель Австріи въ Петербургѣ Кобенцль заявилъ, что Австрія сохранитъ за собою не только Сардинію и Тоскану, но и церковную область, Павелъ I, считавшій себя защитникомъ слабыхъ, разгнѣвался на Австрію. Гнѣвъ его еще усилился, когда англичане, которыхъ онъ не миловалъ изъ за неудачнаго нападенія на Голландію, объявили о своемъ намѣреніи удержать за собою осажденный ими островъ Мальту. Вѣдь Павелъ I былъ гросмейстеромъ мальтійскаго ордена!

Бонапартъ выразилъ согласіе передать Мальту русскому императору. Онъ зналъ, что осажденная англичанами крѣпость все равно вскорѣ падетъ. Датѣе, онъ вызвался вернуть престолъ сардинскому королю и папѣ. Онъ даже не ограничился только этимъ. Въ плѣну у французовъ находилось шесть тысячъ русскихъ, захваченныхъ во время голландскаго похода, и Англія отказалась выкупить ихъ у Франціи. Заново вооруживъ всѣхъ плѣнныхъ. Бонапартъ безъ выкупа отослалъ ихъ на родину, причемъ самъ написалъ русскому министру Панину, что *не можетъ примириться съ тѣмъ, чтобы такіе храбрецы, какъ русскіе, по винѣ англичанъ дольше оставались на чужбинѣ.*

Благодаря этому поступку, первый консулъ пріобрѣлъ расположеніе императора Павла, который сильно разгнѣванъ былъ на англичанъ изъ за 6 тысячъ плѣнниковъ. Павелъ I и безъ того уже давно милостиво относился къ Бонапарту. Онъ видѣлъ, что Бонапартъ стремится снова ввести во Франціи монархію, и это для него служило достаточнымъ основаніемъ, чтобы симпатизировать первому консулу. Павелъ I не преминулъ также и на дѣлѣ доказать свою симпатію къ Бонапарту. Онъ отозвалъ съ поля битвы всѣ русскія войска и такимъ образомъ отказался отъ участія въ коалиціи.

Теперь Англіи и Австріи пришлось самимъ продолжать борьбу, потому что имъ въ это время не помогали ни Неаполь, ни римскій папа. Но Англія ограничилась почти исключительно войною на морѣ и сосредоточила свои силы главнымъ образомъ въ Египтѣ. Такимъ образомъ, Австріи пришлось одной продолжать войну на сушѣ, и императоръ Францъ провелъ поэтому на регенсбургскомъ имперскомъ сеймѣ рѣшеніе, что Германія должна прійти ему на помощь съ 300 тысячной арміей. Но когда прибыло разношерстное имперское войско, то оказалось, что оно самое большее насчитываетъ три тысячи человѣкъ.

Тѣмъ сильнѣе вооружилась сама Австрія. Въ Италіи Меласъ, побѣдитель при Савильяно, командовалъ великолѣпной арміей въ 130 тысячъ человѣкъ, между тѣмъ какъ Франція въ этой странѣ владѣла уже одной только Генуей. Притомъ французская армія терпѣла крайнюю нужду во всемъ необходимомъ. Французскіе солдаты одичали при жалкомъ продовольствіи, которое имъ приходилось добывать собственными силами, а отъ дисциплины у нихъ и слѣда не осталось. Массена, которому поручили командованіе надъ этой арміей, при всей своей энергіи лишь съ трудомъ могъ внести порядокъ въ ихъ непокорные ряды.

Въ Германіи Австрія выставила армію въ 110 тысячъ человѣкъ. Ею командовалъ ничѣмъ не выдававшійся Край, потому что эрцгерцогъ Карлъ не пожелалъ больше служить подъ руководствомъ Тугута и придворнаго военнаго совѣта.

Бонапартъ началъ готовиться къ войнѣ съ огромной энергіею, причемъ ему оказалъ превосходную поддержку геній Карно, который въ это время занималъ должность военнаго министра. Первый консулъ обратился къ французской молодежи съ воззваніемъ, приглашая ее добровольно вступить въ ряды арміи, и молодые люди толпами стали стекаться подъ

его знамена. Тотъ фактъ, что предложенія Бонапарта о заключеніи мира были такъ грубо отклонены, вызвалъ возмущеніе во Франціи, и всѣ съ восторгомъ стали на сторону перваго консула. Такимъ образомъ Бонапарту удалось собрать армію въ 300 тысячъ человѣкъ, съ помощью которой онъ могъ всюду выступить противъ враговъ. Стотысячной арміи подъ начальствомъ Моро предстояло начать военныя операціи въ Германіи, и армія такой же численности была отправлена въ Геную къ Массена, котораго Бонапартъ надѣлилъ пышнымъ именемъ «сына побѣды». 40 тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ Ожеро служили прикрытіемъ для сѣверной границы, и, наконецъ, при Дижонѣ помѣстили резервную армію въ 60 тысячъ человѣкъ, назначеніе которой еще держалось въ тайнѣ. Въ этой арміи находилось множество свѣже набранныхъ солдатъ, и надъ ней поэтому зло смѣялись въ Англіи. Но насмѣшки Англіи вскорѣ поневолѣ прекратились. Между прочимъ, ядро резервной арміи составляла консульская гвардія, которая состояла исключительно изъ испытанныхъ и преданныхъ Бонапарту солдатъ.

Въ началѣ военныхъ операцій въ Италіи на долю австрійцевъ выпалъ значительный успѣхъ. Меласъ двинулся противъ позиціи Массена, которому приходилось со своими деморализованными войсками придерживаться оборонительной тактики. Лѣвый флангъ арміи Массена, находившійся подъ начальствомъ генерала Сюше, былъ отрѣзанъ и оттѣсненъ за Варъ. Самъ Массена 18 апрѣля подвергся при Вольтри нападенію со стороны Меласа и былъ разбитъ, такъ что ему пришлось съ остатками войска спастись въ Геную. Онъ прорвался въ крѣпость съ 25 тысячной арміей и былъ осажденъ съ суши австрійскимъ корпусомъ, которымъ командовалъ генералъ Оттъ, а съ моря—англійскимъ флотомъ, которымъ управлялъ адмиралъ Кэйтъ.

Австрійцы стояли теперь у самой границы Франціи, и среди провансальскихъ роялистовъ начались волненія. Они отправили къ англійскому адмиралу Кэйту пословъ, которые заявили, что роялисты готовы возстать въ тотъ моментъ, когда союзники перешагнутъ черезъ границу Франціи. Тогда вѣнскій придворный военный совѣтъ приказалъ колебавшемуся генералу Меласу вторгнуться во Францію.

Меласъ приготовился послѣдовать за отступавшимъ черезъ Варъ Сюше. Но тутъ Бонапартъ своей сильной рукой вмѣшался въ военныя операціи, и Меласу вскорѣ пришлось убѣдиться, съ какимъ страшнымъ врагомъ онъ имѣетъ дѣло.

Бонапартъ не спѣшилъ, какъ могли бы полагать австрійцы, помочь находившемуся въ опасности Сюше, а придумалъ такой планъ, который долженъ былъ застать враговъ совершенно врасплохъ и поставить ихъ, въ случаѣ удачи, въ самое критическое положеніе. Онъ быстрымъ маршемъ повелъ резервную армію изъ Дижона черезъ Швейцарію, чтобы перейти съ нею черезъ Альпы, спуститься въ Ломбардію и тамъ очутиться у австрійцевъ въ тылу. Этотъ смѣлый планъ былъ выполненъ съ точностью и съ искусствомъ, изумившими весь міръ.

Французскіе корпусы соединились въ Лозаннѣ, куда пріѣхалъ и военный министръ Карно, и тогда немедленно же начался переходъ черезъ

Альпы, который былъ тщательно и втайнѣ подготовленъ. Было добыто множество лошадей и мулловъ; въ арміи находилось значительное число итальянцевъ и швейцарцевъ, служившихъ проводниками. О провіантѣ позаботились заранѣе. Стояла прекрасная погода, и армія увѣренно стала подыматься по крутымъ утесамъ Альповъ. Орудія приходилось тащить за собою въ выдолбленныхъ стволахъ деревьевъ. Особенно трудныя мѣста брали штурмомъ. Армія перешла Альпы у горы Сени, черезъ малый С.-Бернардъ, Симплонъ и Готтардъ. Черезъ большой С.-Бернардъ, который покрытъ вѣчными снѣгами и изобилуетъ безднами, глетчерами и крутыми скалами, перешелъ самъ Бонапартъ съ ядромъ своей арміи.

Этотъ переходъ сравнивали съ знаменитымъ переходомъ Ганнибала черезъ Альпы. Слѣдуетъ однако, принять во вниманіе, что Бонапартъ при своемъ походѣ не встрѣтился съ вражеской арміей или съ враждебно настроеннымъ населеніемъ, и что онъ имѣлъ возможность заранѣе и тщательно подготовиться къ походу.

Проходя мимо уединеннаго монастыря на большомъ С.-Бернардѣ, французы подкрѣпились у монаховъ хлѣбомъ, виномъ и сыромъ. Затѣмъ они спустились въ Аостскую долину, гдѣ имъ преградилъ дорогу сильный фортъ Баръ. Французы ночью отважно пробрались мимо этого форта а затѣмъ ихъ авангардъ подъ начальствомъ Ланна взялъ приступомъ Иврею и обратилъ въ бѣгство отрядъ австрійцевъ. Тѣмъ временемъ раздѣлившіеся французскіе корпуса успѣли снова соединиться, и тѣ подкрѣпленія, которыя Моро, по приказанію Карно, послалъ въ армію перваго консула, перевалили черезъ Готтардъ.

Меласа, какъ громомъ, поразило извѣстіе, что самъ Бонапартъ съ сильной французской арміей появился у него въ тылу. Онъ отказался отъ намѣренія вторгнуться во Францію и немедленно началъ отступать. Генералу Отту онъ приказалъ прекратить осаду Генуи, которую Массена до этого времени упорно и умѣло защищалъ. Но въ Генуѣ какъ разъ въ этотъ моментъ нужда достигла такой остроты, что сдача крѣпости была неминуема. Жизненные припасы почти совершенно истощились. Не было уже ни мяса, ни хлѣба, потому что то, что здѣсь ѣли подъ видомъ хлѣба, не заслуживало этого названія. Говорятъ, что много тысячъ человѣкъ погибло во время этой ужасной осады отъ голода. Массена энергично переносилъ все и раздѣлялъ со своими солдатами всѣ ужасы осады, такъ что они говорили о немъ: «Прежде, чѣмъ онъ сдастся, онъ дастъ намъ еще сожрать свои сапоги»! Но 4 іюня Массена изъ состраданія къ населенію города сдался, выговоривъ себѣ свободное отступленіе съ оружіемъ и имуществомъ. И это случилось какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Оттъ получилъ приказъ объ отступленіи.

Такимъ образомъ, Генуя еще разъ попала въ руки австрійцевъ, которые поспѣшно заняли ее. Но это нисколько не измѣнило положенія австрійцевъ къ лучшему, потому что Бонапартъ быстро овладѣлъ Ломбардіей и такимъ образомъ отрѣзалъ Меласа отъ Австріи. 2 іюня Бонапартъ съ тріумфомъ вступилъ въ Миланъ и объявилъ тамъ о возстановленіи цизальпійской республики.

Меласъ стянулъ къ себѣ всѣ находившіяся въ его распоряженіи войска. Послѣ того, какъ генералъ Оттъ у Монтебелло потерпѣлъ сильное пораженіе въ битвѣ съ пламеннымъ Ланномъ, главныя силы враговъ встрѣтились на обширной александрійской равнинѣ. Центральнымъ мѣстомъ битвы служила деревня Маренго.

Меласъ понялъ, что избавиться отъ своего отчаяннаго положенія онъ можетъ только путемъ отважнаго натиска, и 14 іюня утромъ напалъ на французовъ у Маренго, имѣя на своей сторонѣ численный перевѣсъ. Ему удалось отбросить французовъ назадъ. Какъ Бонапартъ ни старался бороться съ замѣшательствомъ, обнаружившимся въ рядахъ его войска, на сторонѣ Меласа все же въ теченіе цѣлаго дня оставалась побѣда, и къ вечеру французскія войска дрогнули. Цѣлые отряды французовъ обратились въ бѣгство, и австрійцы энергично начали ихъ преслѣдовать. Бѣшеными кавалерійскими атаками австрійцамъ удалось разстроить ряды французскихъ колоннъ. Меласъ счелъ себя побѣдителемъ и извѣстилъ Вѣну о своей побѣдѣ, между тѣмъ какъ Бонапартъ отправилъ въ Парижъ курьера съ вѣстью о своемъ пораженіи. Австрійскій генералъ, уставшій отъ битвы, передалъ команду генералу Цаху, а самъ уѣхалъ въ Александрію.

Цахъ съ увлеченіемъ продолжалъ преслѣдовать французовъ, на помощь которымъ въ этотъ моментъ поспѣшилъ со своей дивизіей генералъ Десэ, лишь недавно вернувшійся изъ Египта. Французы съ отчаяннымъ мужествомъ приготовились къ новой атакѣ. Приближавшіяся массы австрійцевъ были встрѣчены сильнымъ орудійнымъ огнемъ. Затѣмъ Десэ перешелъ въ наступленіе, и это подняло духъ всей арміи. Австрійцы, ряды которыхъ во время преслѣдованія врага пришли въ разстройство, отступили. Генералъ Десэ палъ, и смерть пламенно любимаго вождя, котораго называли «Баярдомъ республики», привела солдатъ въ бѣшенство. Они яростно бросились на австрійцевъ въ штыки и заставили ихъ отступить еще дальше. Въ то же время генералъ Келлерманъ очутился со своей кавалеріей въ тылу у австрійцевъ и совершенно смялъ ихъ. Генералъ Цахъ попалъ въ плѣнъ, и его еще недавно наступавшія войска бѣжали въ паническомъ страхѣ. Первоначальная побѣда австрійцевъ превратилась въ ужасное пораженіе. Французы яростно преслѣдовали вражескую армію и нанесли ей страшный уронъ. Австрійцы потеряли убитыми и ранеными 5000 человѣкъ и лишились 20 орудій. 6000 австрійцевъ попало въ плѣнъ. Потери французовъ выразились 6000 убитыхъ и раненыхъ. Бонапартъ былъ сильно огорченъ смертью Десэ, котораго высоко цѣнилъ. Когда его поздравили съ побѣдой со словами: «Какой прекрасный это былъ день,», побѣдитель отвѣтилъ. «Да, этотъ день былъ бы прекраснѣйшимъ, если бы я вечеромъ могъ обнять Десэ на полѣ битвы»!

Эта побѣда имѣла огромное значеніе. Австрійцы сразу потеряли все, что они пріобрѣли, благодаря походу 1799 г. Меласу пришлось добиваться перемирія. Оно было заключено въ Александріи 16 іюня, причемъ было выговорено, что австрійская армія отступитъ за Минчіо, и что французамъ будутъ выданы всѣ орудія и вся амуниція, находящіяся въ мѣстахъ, которыя очистятъ австрійцы.

Въ Германіи во время этого похода военное счастье также оказалось на сторонѣ французовъ. 25 апрѣля Моро перешелъ черезъ Рейнъ. Малоспособный Край, командовавшій австрійцами, могъ лишь противопоставить храбрость рубаки этому искусному и осторожному тактику, операціи котораго были заранѣе разсчитаны. Моро разбилъ австрійцевъ при Энгенѣ, Месскирхѣ и Пфуллендорфѣ и заставилъ ихъ искать убѣжища въ укрѣпленномъ лагерѣ, подъ прикрытіемъ пушекъ Ульма. Войско Края было совершенно деморализовано подъ вліяніемъ пораженій, и въ немъ насчитывалось такое огромное количество больныхъ, что возникла даеже мысль о возможности эпидемической симуляціи. Однако австрійскій полководецъ все же надѣялся, что благодаря позиціи при Ульмѣ сумѣетъ воспрепятствовать дальнѣйшему наступленію Моро. Но Моро обошелъ позицію австрійцевъ. Онъ занялъ Аугсбургъ и затѣмъ началъ переходить черезъ Дунай въ тылу у Края. Край, опасавшійся, что онъ будетъ отрѣзанъ отъ Австріи, выступилъ изъ своего лагеря и попытался помѣшать Моро перейти черезъ Дунай. Но онъ снова былъ разбитъ на голову при Гехштедтѣ,—на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ около ста лѣтъ тому назадъ французы были побѣждены принцемъ Евгеніемъ и Мальборо,—и съ остатками своего войска бѣжалъ къ австрійской границѣ. Моро занялъ Мюнхенъ, а австрійцы отступили до самаго Инна. 15 іюля заключено было парсдорфское перемиріе. Въ руки французовъ перешла почти вся Баварія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ осажденныхъ ими крѣпостей. Рѣшено было, что эти крѣпости попрежнему будутъ подвергаться блокадѣ со стороны французовъ, но каждыя 2 недѣли будутъ снабжаться необходимымъ на это время провіантомъ.

Бонапартъ согласился на перемиріе лишь подъ условіемъ, что вскорѣ начнутся переговоры о мирѣ. Однако Австрія стремилась заключить перемиріе исключительно для того, чтобы получить возможность оправиться отъ своихъ пораженій. Поэтому переговоры о мирѣ вскорѣ разстроились.

Такимъ образомъ, Бонапартъ своей сильной рукой, какъ бы по волшебству, измѣнилъ общее политическое положеніе въ благопріятномъ для Франціи смыслѣ, хотя еще недавно казалось, что республика стоитъ на краю гибели. Неудивительно поэтому, что недальновидныя народныя массы съ суевѣрнымъ преклоненіемъ относились къ человѣку, который, казалось, былъ столько же счастливъ, сколько и геніаленъ.

Побѣдитель при Маренго поспѣшилъ использовать удачу своего похода въ финансовомъ отношеніи. Заново организовавъ цизальпійскую республику, онъ конфисковалъ монастырскія и казенныя имѣнія въ Ломбардіи. Цизальпійской республикѣ пришлось ежемѣсячно выплачивать Франціи по 2 милліона, а Пьемонту—по полтора милліона. Массена былъ назначенъ главнокомандующимъ военными силами въ Италіи. Этотъ генералъ въ битвахъ держалъ себя героемъ, но въ мирное время проявилъ себя грабителемъ. Онъ позволялъ себѣ такія чудовищныя вымогательства, а офицеры его и коммиссары такъ преданно подражали его примѣру, что къ Бонапарту посыпались жалобы на него, и Массена пришлось замѣнить Брюномъ. Моро, насколько это зависѣло отъ него, избѣгалъ грабежей, но ему приказано было получить контрибуцію, и онъ набралъ контрибуціи до 40 милліоновъ.

Войска его содержались за счетъ тѣхъ странъ, которыя они занимали. Такою дорогою цѣною приходилось платиться народамъ за ненависть дома Габсбурговъ и господина Питта къ французской республикѣ.

Но, несмотря на все это, французскіе финансы все еще не могли оправиться. Даже и энергія Бонапарта не могла тутъ ничѣмъ помочь. Въ бюджетѣ и на этотъ разъ обнаружился дефицитъ въ 200 милліоновъ.

Окончаніе египетскаго похода.

Когда Бонапартъ тайкомъ покинулъ свою храбрую египетскую армію, онъ оставилъ запечатанный приказъ на имя генерала Клебера. Приказъ былъ вскрытъ лишь тогда, когда главнокомандующій находился уже въ открытомъ морѣ. Въ немъ Бонапартъ передавалъ командованіе генералу Клеберу. Бонапартъ не долюбливалъ Клебера, который былъ искреннимъ республиканцемъ и отличался своею прямотой. Родомъ изъ Страсбурга, Клеберъ, о которомъ разсказывали, будто онъ сынъ какого-то весьма высокопоставленнаго лица, сначала поступилъ на службу къ Австріи. Но такъ какъ онъ, въ виду своего мѣщанскаго званія, не могъ ожидать повышенія въ странѣ придворныхъ косъ, то онъ перешелъ на службу къ французской республикѣ и здѣсь вскорѣ выдвинулся, благодаря своимъ способностямъ. Онъ отличился въ бояхъ при Майнцѣ, при усмиреніи Вандеи и на службѣ въ мааской и самбрской арміи. Битва при Альтенкирхенѣ была выиграна главнымъ образомъ благодаря его осмотрительности и отвагѣ. Солдаты безгранично вѣрили этому мужественному генералу, сильный голосъ котораго былъ слышенъ даже при громѣ пушекъ въ сраженіяхъ.

Тайное исчезновеніе Бонапартъ сильно обезкуражило французскую армію въ Египтѣ. Но несмотря на это, энергичный Клеберъ, который былъ сильно возмущенъ поступкомъ Бонапарта, все еще сумѣлъ снова поднять духъ солдатъ. Онъ отлично сознавалъ всю серьезность своего положенія. Военныя силы, надъ которыми онъ, оставшись вѣрнымъ своему долгу, перенялъ начальство, состояли приблизительно изъ 20 тысячъ человѣкъ, и Клеберъ понималъ, что безъ помощи изъ Франціи онъ не будетъ въ силахъ продолжительное время удерживать въ своихъ рукахъ Египетъ. Въ то время, какъ неутомимый Сидней Смидтъ высаживалъ на берегъ турецкія войска, великій турецкій визирь Юссуфъ приближался черезъ Сирію и Палестину съ 80-тысячной арміей. Клеберъ полагалъ, что долгъ приказываетъ ему попытаться спасти для республики свою армію, и вступилъ въ переговоры съ Сиднеемъ Смитомъ, въ то время, какъ великій визирь Юссуфъ захватилъ фортъ Эль-Аришъ, расположенный на границѣ между Египтомъ и Палестиной. Заключенъ былъ договоръ скрѣпленный 24 января 1800 г. Клеберу пришлось очистить правый берегъ Нила вмѣстѣ съ Каиромъ, и ему черезъ извѣстный промежутокъ времени предстояло быть вмѣстѣ съ арміей переправленнымъ во Францію на англійскихъ судахъ.

Кромѣ устнаго обѣщанія Сиднея Смита, Клеберъ не имѣлъ никакихъ гарантій въ томъ, что договоръ будетъ выполненъ. Честный и совѣстливый

Клеберъ охотно допускалъ, что другіе люди обладаютъ такими же качествами, какъ онъ. Но ему пришлось познакомиться съ коварствомъ Альбіона.

Французы немедленно же уступили туркамъ правый берегъ Нила и Каиръ. Но вслѣдъ затѣмъ Сидней Смитъ сообщилъ французскому главнокомандующему, что англійское правительство приказало начальнику англійскаго флота лорду Кэйту признать эль-аришскій договоръ лишь при томъ условіи, если Клеберъ вмѣстѣ со своею арміею арміей отдастся въ плѣнъ англичанамъ.

Клеберъ, который при заключеніи договора велъ себя слишкомъ добродушно и нѣсколько опрометчиво повѣрилъ словесному обѣщанію англичанъ, пришелъ въ ярость, но зато къ нему вернулась и вся его энергія. Чтобы заклеймить всю низость англійскаго правительства, онъ приказалъ напечатать письмо, полученное имъ отъ лорда Кэйта. Письмо гласило:

«Отъ его величества короля британскаго полученъ мною точный приказъ: согласиться на капитуляцію ввѣренной Вашему командованію арміи лишь въ томъ случаѣ, если армія сложитъ оружіе, отдастся въ плѣнъ и выдастъ всѣ суда, находящіяся въ александрійской гавани».

Въ своемъ приказѣ по арміи Клеберъ добавилъ:

«Солдаты! На такое безстыдство остается отвѣтить только побѣдой. Готовьтесь къ бою!»

20 марта 1800 г. Клеберъ у развалинъ древняго Геліополиса встрѣтился съ турецкимъ войскомъ, имѣвшимъ на своей сторонѣ значительный численный перевѣсъ. Въ распоряженіи у Клебера было всего 12 тысячъ человѣкъ, въ то время какъ турокъ было 80 тысячъ, но Клеберъ и его товарищи по оружію были исполнены отвагою людей, отчаявшихся въ спасеніи. Тогда какъ огромныя по своей численности колонны великаго визиря стали приближаться, Клеберъ началъ объѣзжать фронтъ своихъ батальоновъ.

«Друзья!» говорилъ онъ. «У васъ въ Египтѣ ничего не осталось, кромѣ того клочка земли, на которомъ вы теперь стоите. Если вы сдѣлаете одинъ шагъ назадъ, вы погибли!»

Боевой духъ французовъ былъ приподнятъ, и они стремительно бросились навстрѣчу туркамъ. Натискъ французовъ, смѣлые маневры Клебера и ужасъ, внушенный туркамъ французскимъ оружіемъ,—все это сдѣлало атаку французовъ непреодолимой. Благодаря стремительной и общей штыковой атакѣ, имъ удалось разстроить турецкіе ряды и обратить въ бѣгство отряды великаго визиря. Турки въ ужасѣ бѣжали до самой Сиріи.

Эта блестящая побѣда обошлась французамъ всего въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Но имъ еще предстояла тяжелая и кровавая борьба: имъ пришлось вторично завоевать Каиръ.

Населеніе этого крупнаго города, какъ мы уже знаемъ, еще при Бонапартѣ возстало противъ французовъ. Кровавое подавленіе этого возстанія надолго озлобило египтянъ. Въ то время, какъ Клеберъ сражался съ турками у Геліополиса, населеніе Каира возстало, такъ какъ оно съ увѣренностью ждало пораженія и гибели французовъ. Въ Каирѣ осталось лишь немного французовъ. Они подверглись теперь нападенію и избіенію со стороны разъяренныхъ египтянъ. Ибрагимъ-бей, сражавшійся со своими мамелюками у Геліополиса, бѣжалъ въ Каиръ и обманулъ египтянъ, сказавъ имъ, что французы разбиты. Въ скоромъ времени вооружилось 50 тысячъ египтянъ. Но 27 марта у воротъ города появился Клеберъ и доказалъ имъ, что онъ не побѣжденъ. Въ самомъ Каирѣ были ограблены и убиты всѣ французы и даже вообще всѣ христіане, и Ибрагимъ попытался теперь отразить внѣшнее нападеніе на городъ. Произошелъ цѣлый рядъ кровопролитныхъ стычекъ, не приведшихъ ни къ какому результату, несмотря на то, что Каиръ подвергся бомбардировкѣ. Клеберъ въ концѣ концовъ рѣшилъ штурмовать предмѣстье Булакъ. 15 апрѣля французы проникли въ Булакъ, но имъ пришлось выдержать жестокую борьбу съ египтянами и мамелюками, прежде чѣмъ они захватили предмѣстье. Отчаянно защищавшіеся жители предмѣстья были массами убиты картечью и заколоты штыками. Цѣлые ряды домовъ были взорваны. Было сожжено и разрушено 400 домовъ и убито много тысячъ человѣкъ, прежде чѣмъ французы могли, наконецъ, назвать себя владѣльцами Булака.

Послѣ этой ужасной борьбы Ибрагимъ-бей началъ вести переговоры съ Клеберомъ. Каиръ перешелъ въ руки Клебера, а Ибрагимъ вмѣстѣ со своими мамелюками ушелъ въ Сирію. 27 апрѣля 1800 г. французы снова вступили въ Каиръ. Такимъ образомъ, потребовался цѣлый мѣсяцъ для того, чтобы вновь завоевать этотъ городъ.

Клеберъ заново и очень искусно реорганизовалъ управленіе Каиромъ. Онъ считался при этомъ съ національными привычками и потребностями египтянъ и обложилъ ихъ умѣренными налогами и податями. Онъ выказалъ большую снисходительность и не мучилъ такъ сильно египтянъ поборами, какъ дѣлалъ это Бонапартъ. Онъ вскорѣ пріобрѣлъ любовь туземцевъ и уже началъ питать нѣкоторую надежду на то, что ему удастся удержаться въ Египтѣ до того момента, когда въ Европѣ будетъ заключенъ миръ.

Но надеждамъ Клебера не суждено было сбыться.

14 іюня 1800 г. Клеберъ вмѣстѣ съ конвойнымъ прогуливался по саду своего каирскаго дворца,—въ тотъ самый часъ, когда его другъ Десэ палъ въ битвѣ при Маренго, сраженный австрійской пулей. Вдругъ изъ заброшеннаго колодца выскочилъ какой-то мусульманинъ и съ ужасающей быстротой и ловкостью вонзилъ длинный кинжалъ въ сердце французскаго генерала, не ожидавшаго съ чьей-либо стороны нападенія. Клеберъ упалъ мертвымъ. Его спутникъ попытался задержать убѣгавшаго убійцу, но былъ раненъ ударомъ кинжала. Убійца былъ арестованъ подоспѣвшими солдатами.

Убилъ Клебера нѣкій Сулейманъ изъ Алеппо, мистикъ и фанатикъ, странствовавшій по Востоку. Онъ видѣлъ остатки разбитой при Геліополисѣ турецкой арміи и ту панику, которую вызвала среди мусульманъ побѣда Клебера. Онъ рѣшилъ убить «французскаго султана» и исполнилъ свое рѣшеніе.

Составлена была военная комиссія, которая раскрыла, что о намѣреніи Сулеймана убить генерала знало четыре шейка. Ихъ обезглавили, а Сулеймана рѣшено было посадить на колъ, и этотъ восточный приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе съ чисто восточной жестокостью. Сулейманъ пере-

носилъ предсмертныя муки въ теченіе четырехъ часовъ со спокойствіемъ, которое онъ могъ почерпнуть исключительно въ своемъ фанатизмѣ.

Постъ Клебера занялъ генералъ Мену, который принялъ мусульманство и женился на турчанкѣ. Онъ называлъ себя Абдалла-Мену. Но онъ не сумѣлъ выполнить той задачи, которую ему пришлось взять на себя. Онъ не обладалъ достаточнымъ умомъ, чтобы справиться съ положеніемъ, а внѣшность его вызывала одни насмѣшки. Мену былъ такъ толстъ, что съ трудомъ влѣзалъ на лошадь. Англійскіе крейсеры задерживали подкрѣпленія, которыя присылались изъ Франціи, и положеніе французовъ съ каждымъ днемъ становилось все болѣе критическимъ.

А между тѣмъ европейскія событія складывались, повидимому, благопріятно для французовъ, находившихся въ Египтѣ. 5 сентября 1800 г. англичанамъ сдалась Мальта, которую французскій генералъ Вобуа въ теченіе двухъ лѣтъ защищалъ отъ натиска англійскихъ, русскихъ, неаполитанскихъ и португальскихъ военныхъ судовъ. Благодаря захвату Мальты, англичане навлекли на себя гнѣвъ русскаго императора Павла. Опасаясь съ его стороны мести, они попытались во что бы то ни стало избавиться отъ французовъ, находившихся въ Египтѣ. Англичане предложили Мену признать эль-аришскій договоръ. Это предложеніе передано было Мену Сиднеемъ Смитомъ, но Мену отвергъ его подъ тѣмъ предлогомъ, что ему необходимо заручиться на этотъ счетъ согласіемъ перваго консула.

Тогда англійскіе министры рѣшили сами сдѣлать то, съ чѣмъ не сумѣли справиться турки. Они рѣшили завоевать Египетъ силою. Генералу Ральфу Аберкромби было передано командованіе надъ 17-ти тысячной арміей, набранной почти во всѣхъ европейскихъ странахъ, и лордъ Кэйтъ переправилъ эту армію въ Египетъ.

Талантливый и энергичный полководецъ Аберкромби немедленно же занялъ фортъ Абукиръ, и 21 марта 1801 г. при Романи вступилъ въ бой съ подступившимъ Мену. Послѣ отчаянной и неудачной кавалерійской атаки французы были разбиты на голову. Аберкромби палъ въ этой битвѣ, но смѣнившій его Гетчинсонъ преслѣдовалъ французовъ до александрійскихъ валовъ. Мену съ частью своего войска бросился въ этотъ городъ, между тѣмъ какъ генералъ Бельяръ съ остатками арміи занялъ Каиръ. Гетчинсонъ приказалъ осадить Александрію, а самъ двинулся къ Каиру. Бельяръ рѣшилъ сдаться, въ виду того, что турки снова пришли на помощь англичанамъ съ сильной арміей, и въ Красномъ морѣ появился англійскій флотъ, который долженъ былъ высадить 7 тысячъ индійскихъ солдатъ. Согласно выработаннымъ въ Каирѣ 27 іюля 1801 г. условіямъ сдачи, французамъ предоставленъ былъ свободный отъѣздъ изъ Египта вмѣстѣ съ оружіемъ и имуществомъ. Англійскимъ судамъ предстояло перевезти ихъ во Францію. Точно также и ученые, сопровождавшіе французскую армію, должны были быть возвращены на родину вмѣстѣ съ рукописями и коллекціями. 27 августа на тѣхъ же условіяхъ сдался въ Александріи и Мену. 2 сентября уже закончилась посадка французовъ на суда. Англичане воспользовались случаемъ выказать свое великодушіе и обставили посадку французовъ на суда съ нѣкоторой пышностью. Французовъ при переѣздѣ очень хорошо кормили.

Сопровождать французовъ получили право тѣ изъ египтянъ, которые скомпрометировали себя во время французскаго владычества.

Такъ закончилась эта авантюра, ни въ коемъ случаѣ не достигшая своей цѣли—нанести ущербъ Англіи на почвѣ ея восточной политики. Но, въ то же время французскіе республиканцы не избавились и отъ честолюбиваго генерала, котораго они боялись. Напротивъ, египетскій походъ лишь способствовалъ усиленію его популярности и удачному выполненію государственнаго переворота 18 брюмэра. Единственный положительный результатъ экспедиціи представляли собою изслѣдованія, чертежи и коллекціи ученыхъ. Но они обошлись черезчуръ дорого. Они добыты были цѣною огромнаго числа человѣческихъ жизней.

Окончательное пораженіе Австріи.

Послѣ битвы при Маренго Бонапартъ снова предложилъ Австріи заключить миръ и поставилъ болѣе мягкія условія, чѣмъ этого можно было ожидать отъ побѣдителя. Но Австрія не приняла предложенія Бонапарта, потому что интриганъ Тугутъ успѣлъ заключить новый договоръ о субсидіи, по которому Австрія имѣла право вступить въ мирные переговоры съ Франціей лишь съ согласія Англіи. Англія дала Австріи два милліона фунтовъ стерлинговъ, и Тугутъ остался въ выигрышѣ въ своей нечестной игрѣ. Война продолжалась.

Бонапартъ предоставилъ продолжать войну своимъ генераламъ, а самъ уже въ началѣ іюля вернулся въ Парижъ. Этотъ человѣкъ, которому опять удалось своею сильной рукой повернуть судьбы Франціи, былъ встрѣченъ народомъ, какъ полубогъ. Его успѣхи опьяняли французовъ.

Въ сентябрѣ снова начались военныя операціи въ Италіи. Генералъ Макдональдъ вторгся въ Тироль, смѣлымъ переходомъ перевалилъ черезъ Сплюгенъ и занялъ Тріентъ. Брюнъ двинулся черезъ Минчіо и отбросилъ назадъ Белльгарда, который командовалъ теперь вмѣсто стараго Меласа. Брюнъ успѣлъ уже достигнуть долины Эча, когда изъ Германіи прибыла вѣсть о заключеніи новаго перемирія, и это заставило пріостановить военныя операціи и въ Италіи.

Время парсдорфскаго перемирія Австрія посвятила обширнымъ приготовленіямъ къ войнѣ и выставила противъ Моро новую большую армію. Эрцгерцогъ Карлъ ни за что не соглашался перенять на себя командованіе арміей при жалкомъ тугутовскомъ режимѣ. Но въ Австріи, очевидно, утвердилось мнѣніе, что войско вообще не можетъ вести успѣшно борьбу, разъ имъ не командуетъ какой-нибудь принцъ, а такъ какъ эрцгерцогъ Карлъ попрежнему продолжалъ отказываться отъ командованія, то оно было передано брату его Іоанну. Итакъ, спасти Австрію надлежало юношѣ, которому тогда было 18 лѣтъ и которому полвѣка спустя пришлось, уже старикомъ, играть въ Германіи трагикомическую роль правителя государства,—и Іоанну показалось, будто онъ дѣйствительно призванъ совершить дѣло спасенія Австріи. Если его братъ Карлъ умѣлъ выиграть

сраженія, то почему ему не умѣть этого? Такъ, очевидно, разсуждалъ онъ, вѣря тому, что слышалъ отъ льстецовъ. Въ качествѣ военнаго совѣтника ему дали не какого-нибудь испытаннаго въ борьбѣ съ французами генерала, а фельдцейгмейстера Лауэра, всѣ заслуги котораго состояли въ томъ, что онъ въ походѣ 1796 г. обнаружилъ полную свою неспособность въ военномъ дѣлѣ. И эрцгерцогъ Іоаннъ вмѣстѣ съ такимъ генераломъ долженъ былъ побѣдить военныя силы французской республики, которыми руководили лучшіе генералы! Если бы не было извѣстно, что Тугутъ по своей низости дѣлалъ все шиворотъ навыворотъ, то можно было бы подумать, что въ это время въ Вѣнѣ правили безумцы.

Послѣ того, какъ австрійское войско получило значительныя подкрѣпленія (для чего пришлось прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ, такъ какъ и терпѣливые австрійцы, наконецъ, пресытились безконечной войной), 28 ноября начались военныя дѣйствія. И армія Моро, съ своей стороны, получила подкрѣпленія, присоединивъ къ себѣ сѣверную армію, которою командовалъ Ожеро. Судьбѣ угодно было, чтобы юный Іоаннъ потѣшился небольшой удачей. 1 декабря онъ, имѣя на своей сторонѣ численный перевѣсъ, столкнулся при Ампфингѣ съ двумя фарнцузскими дивизіями и заставилъ ихъ отступить. Нашлись льстецы, которые до безконечности раздули это дѣло, и Іоаннъ самъ уже убѣдился теперь въ своемъ стратегическомъ геніи. Ему казалось, что онъ выигралъ уже всю кампанію. Моро однако сумѣлъ разубѣдить его въ этомъ.

3 декабря вражескія арміи сошлись у деревни Гогенлинденъ. Французскіе генералы сразу поняли, съ какимъ противникомъ имъ приходится имѣть дѣло, и одинъ изъ нихъ предложилъ наканунѣ битвы:

«Давайте, сейчасъ же составимъ отчетъ о боѣ: захвачено 50 орудій и десять тысячъ плѣнныхъ!»

И онъ оказался правъ.

Бой разгорѣлся раннимъ утромъ, въ ясный зимній день на лѣсистой, покрытой снѣгомъ равнинѣ, въ центрѣ которой находилась деревня Гогенлинденъ. Въ противоположность неловкимъ маневрамъ эрцгерцога, Моро развернулъ весь свой стратегическій талантъ. Линіи австрійцевъ были прорваны, укрѣпленныя позиціи эрцгерцога были захвачены или обойдены съ тылу, и вскорѣ остатки австрійской арміи обратились въ поспѣшное и безпорядочное бѣгство. Іоаннъ потерялъ убитыми и ранеными 7 тысячъ человѣкъ, плѣнными 11 тысячъ и кромѣ того 100 орудій. Французы насчитывали убитыхъ и раненыхъ 2.500 человѣкъ.

Этотъ ударъ совершенно уничтожилъ Австрію и вызвалъ паденіе Тугута. Такъ какъ все погибло, то теперь снова пригласили эрцгерцога Карла стать во главѣ разбитой аріми, а онъ согласился занять постъ главнокомандующаго лишь при томъ условіи, если Тугутъ будетъ отставленъ. Возможно, что Тугуту пришлось бы выйти въ отставку еще до битвы при Гогенлинденѣ, такъ какъ Францу II очень хотѣлось, чтобы во главѣ арміи стоялъ его талантливый братъ Карлъ. Но какъ разъ въ это время въ Вѣну прибыла неаполитанская королева Каролина вмѣстѣ со своей порочной подругой Гамильтонъ, и такъ какъ благородныя души постоянно сходятся, то и

обѣ презрѣнныя женщины нѣжно подружились съ Тугутомъ. Онѣ добились того, что Тугутъ остался на своемъ посту. А теперь ему все же пришлось уйти, и эрцгерцогъ Карлъ перенялъ командованіе надъ разбитой арміей, съ которой онъ ничего путнаго не могъ уже сдѣлать. Онъ отступилъ къ Штейеру, и Моро послѣдовалъ за нимъ туда. Французская армія находилась всего только на разстояніи 11 миль отъ Вѣны. Вступленіе во вражескую столицу было бы для нея великимъ тріумфомъ. Но эрцгерцогъ Карлъ откровенно далъ знать императору, что спасти Австрію можно исключительно путемъ поспѣшнаго заключенія мира, и когда эрцгерцогъ предложилъ французскому генералу заключить перемиріе, послѣдній согласился на это. 25 декабря 1800 г. заключено было при Штейраѣ перемиріе, согласно которому французы заняли Баварію и верхнюю Австрію. Австрійцамъ пришлось открыть для нихъ и сообщеніе съ Италіей.

Такое пораженіе понадобилось нанести Австріи, чтобы склонить ее къ миру. Вскорѣ начались и переговоры о мирѣ, въ основу которыхъ Бонапартъ, чтобы показать свое великодушіе, положилъ условія кампо-формійскаго мира. Миръ, согласно условіямъ котораго Франціи возвратили все то, что обѣщано было ей въ Кампо-Форміо, заключенъ былъ въ Люневиллѣ 9 февраля. Этъ ограничивалъ австрійскія владѣнія въ Италіи, а Тоскана перешла во владѣніе Франціи, причемъ Германія должна была установить размѣръ вознагражденія для великаго герцога тосканскаго Фердинанда III. Условія этого мира подтвердилъ регенсбургскій конгрессъ имперскихъ князей 7 марта 1801 г.

Заговоры на жизнь Бонапарта.

Мѣщане, высшая буржуазія, крупные и мелкіе собственники чувствовали себя отлично подъ властью Бонапарта, который доставилъ имъ спокойствіе, способствовалъ повышенію ихъ доходовъ, далъ рачобимъ классамъ занятіе на войнѣ или при сооруженіи общественныхъ построекъ и укротилъ демократію. Казалось, что всякіе политическіе принципы исчезли, и всѣ единодушно расточали похвалы великому человѣку, который заново организовалъ Францію и укротилъ, наконецъ, революціоннаго льва.

Отъ прежнихъ партій сохранились одни лишь жалкіе остатки, и всѣ вліятельные люди, за немногими исключеніями, подчинились всесильному режиму Бонапарта. Нашлись однако роялисты и демократы, обладавшіе извѣстной силой воли и не примирившіеся окончательно съ господствомъ героя 18 брюмэра. Ихъ не очаровали его успѣхи. Большинство изъ нихъ скрылось съ общественной арены, затаивъ въ себѣ злобу. Двуличные люди, вродѣ Баррера, опустились до того, что оказывали представителю силы услуги ищейки, Карно же, напр., не могъ долѣе совмѣщать со своимъ непреклоннымъ республиканизмомъ службу у Бонапарта, въ качествѣ военнаго министра.

Но среди оппозиціонно настроенныхъ представителей роялистическаго и демократическаго направленій нашлись также горячіе, не останавливаю-

щіеся передъ насиліемъ люди, которые не могли спокойно отступить на задній планъ и поглощены были мыслью о насильственномъ устраненіи перваго консула. Это радовало Фуше. Ему на руку были покушенія, такъ какъ они способствовали укрѣпленію его позиціи, въ качествѣ охранителя общественной безопасности. Очень даже похоже на то, что министръ полиціи самъ искусственно «создавалъ» заговоры и затѣмъ «раскрывалъ» ихъ, доказывая такимъ путемъ свою проницательность и бдительность. Подобные случаи уже бывали въ исторіи и теперь бываютъ и не отличаются ни новизной, ни оригинальностью.

Въ Парижѣ жилъ въ это время ревностный демократъ, корсиканецъ, по имени Арена, о братѣ котораго разсказывали, что онъ, будучи членомъ совѣта пятисотъ, 19 брюмэра обнажилъ кинжалъ противъ Бонапарта. Арена часто встрѣчался съ талантливымъ скульпторомъ и тоже ревностнымъ демократомъ, итальянцемъ Церачи, и съ художникомъ Топино-Лебрюномъ, который когда-то былъ присяжнымъ революціоннаго трибунала. Эти фанатики часто вели между собою бесѣды о Брутѣ, которому слѣдовало бы появиться, чтобы избавить Францію отъ Бонапарта. У нихъ не было никакого желанія сыграть эту опасную роль, но они познакомились съ отставнымъ офицеромъ, по имени Гаррель, который, какъ имъ казалось, былъ для такой роли вполнѣ подходящимъ человѣкомъ. Въ эту тайну посвящены были нѣкій Демервилль вмѣстѣ съ нѣкіимъ Діаной, и Гаррелю вполнѣ серьезно предложили заколоть кинжаломъ перваго консула. Гаррель, повидимому, согласился на это предложеніе, но тутъ обо всемъ узналъ министръ полиціи Фуше, который началъ слѣдить за заговорщиками. Заговорщики рѣшили убить перваго консула въ оперѣ. Фуше отъ своихъ агентовъ, участвовавшихъ въ заговорѣ, узналъ точно о мѣстѣ и времени предполагавшагося покушенія, и когда заговорщики явились въ театръ, они были схвачены полиціей. При нихъ, впрочемъ, не нашли кинжаловъ; вооружены были одни только агенты Фуше. Противъ нихъ также не имѣлось никакихъ иныхъ уликъ, кромѣ показаній полицейскихъ агентовъ. Общество было того мнѣнія, что Фуше самъ затѣялъ этотъ заговоръ, чтобы использовать его въ интересахъ перваго консула. Даже президентъ трибунала въ одной изъ своихъ рѣчей совершенно ясно далъ понять о возможности такого истолкованія фактовъ. А пока дѣйствительные или мнимые заговорщики посажены были въ тюрьму.

Но къ этой полицейской интригѣ Фуше присоединилось вскорѣ и серьезное покушеніе. Роялисты мало-по-малу пришли къ тому убѣжденію, что отъ Бонапарта нечего ждать возстановленія легитимной монархіи. Претендентъ на престолъ, именовавшій себя Людовикомъ XVIII, самъ обратился съ письмомъ къ Бонапарту.

«Не возстановивъ меня въ правахъ», писалъ онъ, «Вы не можете дать счастья Франціи, точно такъ же, какъ и я не могу безъ Вашей помощи вступить на престолъ, на который имѣю право. Спѣшите же закончить прекрасное дѣло, которое Вы начали и которое только Вы одинъ и въ состояніи довести до конца, и укажите, какого рода награды требуете Вы для своихъ друзей».

Этотъ Бурбонъ былъ дѣйствительно настолько ограниченъ и такого высокаго о себѣ мнѣнія, что возомнилъ, будто столь могучій завоеватель, какъ Бонапартъ, откажется отъ власти въ пользу незначительнаго во всѣхъ отношеніяхъ претендента. Бонапартъ отвѣтилъ ему, что онъ сочувствуетъ его несчастью, но для того, чтобы возвратить ему Францію, потребовалось бы пожертвовать 100 тысячами человѣкъ, а въ такомъ дѣлѣ онъ, первый консулъ, не можетъ оказать поддержки.

Впослѣдствіи, чтобы возстановить тронъ Бурбоновъ, пришлось принести въ жертву гораздо болѣе 100 тысячъ человѣкъ.

Роялистамъ не повезло у Бонапарта и съ политическими агентами въ лицѣ красивыхъ, остроумныхъ и знатныхъ дамъ. Такъ какъ они въ въ концѣ концовъ отчаялись привлечь на свою сторону новаго самодержца, то они рѣшили убить его.

За выполненіе заговора взялся дикій и богатырски сложенный предводитель шаекъ въ Бретани Жоржъ Кадудаль, обладавшій необходимой для этого дѣла смѣлостью. Тайно прибывъ во Францію, онъ поселился въ Бретани, откуда отправилъ въ Парижъ трехъ агентовъ съ порученіемъ—избавить міръ отъ перваго консула. Агентамъ предстояло взорвать Бонапарта при помощи пороховой бочки, начиненной картечью. Заговорщиковъ, которые должны были выполнить этотъ злодѣйскій планъ, звали Карбонъ, Сенъ-Режанъ и Лимоэланъ.

Вечеромъ 23 декабря 1800 г. Бонапартъ предполагалъ посѣтить оперу. Потомъ онъ рѣшилъ остаться дома, но его уговорили поѣхать, и онъ, наконецъ, отправился въ театръ. Въ кривой Сенъ-Никезской улицѣ заговорщики помѣстили телѣгу съ бочкой пороху. Когда Бонапартъ въ своей каретѣ проѣзжалъ мимо адской машины, какъ называли эту телѣгу съ пороховой бочкою, Сенъ-Режанъ зажегъ фитиль. Но онъ сдѣлалъ это черезчуръ поздно, а подвыпившій кучеръ Бонапарта проѣхалъ нѣсколько быстрѣе обыкновеннаго. Такимъ образомъ, въ моментъ взрыва адской машины первый консулъ выѣхалъ уже за уголъ улицы. Послѣдовалъ необычайно сильный взрывъ, выбившій стекла въ каретѣ Бонапарта, и первый консулъ крикнулъ сидѣвшему рядомъ съ нимъ генералу Бессьеру: «Насъ хотятъ взорвать!» Взрывъ былъ слышенъ на разстояніи нѣсколькихъ миль въ окружности. Онъ разрушилъ нѣсколько домовъ. Около двадцати человѣкъ было убито и около шестидесяти ранено. Бонапартъ продолжалъ свой путь и пріѣхалъ въ театръ, совершенно спокойный.

Это легкомысленное покушеніе, ввергшее въ трауръ много семействъ, надолго взволновало Францію. Для раскрытія виновниковъ покушенія Фуше пустилъ въ ходъ всю свою огромную полицейскую машину. Самымъ несправедливымъ образомъ заподозрили въ этомъ дѣлѣ демократовъ; многіе изъ нихъ были арестованы, и Бонапартъ рѣшилъ прибѣгнуть къ насилію по отношенію къ этой партіи. Онъ простымъ предписаніемъ по полиціи сослалъ 130 сторонниковъ демократической партіи, въ числѣ которыхъ были многія лица, пріобрѣвшія извѣстность во время революціи. Часть изъ нихъ была сослана на пустынные Сешельскіе острова.

Государственный совѣтъ согласился на это насиліе, а рабскій сенатъ открыто объявилъ, что оно не нарушаетъ конституціи. Такое китайское подобострастіе должно было вполнѣ удовлетворить Бонапарта. Теперь казнены были и участники заговора Арены, за исключеніемъ предателей и шпіоновъ, хотя никто серьезно не вѣрилъ въ вину казненныхъ.

Ищейка Фуше вскорѣ установилъ, со стороны какой партіи совершено было покушеніе съ адской машиной, но онъ съ прежнимъ рвеніемъ продолжалъ арестовывать и ссылать демократовъ. Ему даже удалось найти двухъ изъ покушавшихся. Кадудаль сейчасъ же послѣ покушенія снова уѣхалъ въ Англію, Лимоэлану удалось бѣжать изъ Парижа за границу, но Сенъ-Режанъ остался, потому что онъ раненъ былъ въ руку во время взрыва, и Карбонъ, котораго Фуше лично зналъ, тоже скрывался въ Парижѣ. Фуше прослѣдилъ обоихъ заговорщиковъ и ему, наконецъ, удалось арестовать и изобличить ихъ. Они были осуждены на смерть и казнены. Ихъ процессъ долженъ былъ убѣдить всѣхъ, что надъ демократами, сосланными изъ-за адской машины, учинили вопіющую несправедливость, но Бонапартъ цинично замѣтилъ:

«Я освободился только отъ генеральнаго штаба якобинцевъ, а адская машина доказываетъ лишь то, что за роялистами необходимо такъ же зорко слѣдить, какъ и за демократами».

Дѣло съ адской машиной лишній разъ дало поводъ для проявленія восторженной преданности народа первому консулу, и Бонапартъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы еще больше сузить гражданскія свободы. Ему приходилось осторожно подвигаться по пути къ абсолютной монархіи. Покушеніе помогло ему выполнить свои планы.

Война на Сѣверномъ морѣ.

Тиранія англичанъ на морѣ, причинявшая неисчислимый вредъ Франціи, Испаніи и Голландіи, основывалась на такъ называемомъ правѣ насильственныхъ обысковъ, которое присвоила себѣ Англія, и въ противовѣсъ которому когда-то, благодаря стараніямъ Екатерины II, была заключена сѣверная конвенція о нейтралитетѣ. Англія не обращало ровно никакого вниманія на эту конвенцію. Она всюду примѣняла право обысковъ, пользуясь для этого вооруженною силою, и нападала на всѣ суда, которыя она заподозрѣвала въ провозѣ военной контрабанды. Если суда противились обыску, то ихъ обстрѣливали или конфисковывали. Такъ англичане поступили съ нѣкоторыми шведскими кораблями и съ датскимъ фрегатомъ «Фрейа».

Такъ какъ жестокость англичанъ вызвала во всей Европѣ сильное негодованіе, то Бонапартъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы вооружить Россію противъ Англіи. Россія, Пруссія, Данія и Швеція уже давно вели переговоры о возстановленіи морского нейтралитета и Данія теперь заявила, что конфискація фрегата «Фрейа» представляетъ собою нарушеніе международнаго права. Съ обычной своей грубостью Англія на это отвѣтила тѣмъ, что выслала въ море флотъ противъ Даніи.

Бонапартъ прилагалъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы Россія вмѣшалась въ этотъ споръ, и императоръ Павелъ предложилъ Англіи свои услуги, въ качествѣ третейскаго судьи. Но Англія отклонила его предложеніе, и Даніи, которой угрожалъ сильный англійскій флотъ, пришлось сдаться и объявить, что она признаетъ право обысковъ. Заключенъ былъ договоръ, согласно которому Данія перестала охранять свои транспортные корабли военными судами.

Императоръ Павелъ объявилъ этотъ договоръ недѣйствительнымъ и совершенно порвалъ съ Англіей, которая озлобила его тѣмъ, что захватила Мальту. Онъ приказалъ конфисковать всѣ англійскіе корабли, находившіеся въ русскихъ гаваняхъ, и заключилъ съ Даніей, Швеціей и Пруссіей договоръ, вновь возстановившій морской нейтралитетъ сѣверныхъ державъ. Морскія державы начали вооружаться. Бонапартъ добился того, чего хотѣлъ. Предстояла война между Англіей и Россіей.

Узнавъ о заключеніи договора о нейтралитетѣ, Англія конфисковала въ своихъ гаваняхъ всѣ русскіе, датскіе и шведскіе корабли, а ея каперы захватили всѣ суда сѣверныхъ державъ. Англійскій же флотъ подъ начальствомъ Паркера и Нельсона отплылъ къ Копенгагену, между тѣмъ какъ Данія заперла для англичанъ входъ во всѣ нѣмецкія гавани Сѣвернаго моря.

Сѣверныя державы не успѣли въ достаточной мѣрѣ подготовиться къ внезапному нападенію Англіи, и, такимъ образомъ, маленькой Даніи пришлось пока одной выдерживать борьбу съ сильнымъ морскимъ тираномъ.

Тѣмъ временемъ Бонапартъ постарался повліять на Пруссію въ томъ смыслѣ, чтобы она заняла курфюршество Ганноверъ, которое находилось въ союзѣ съ Англіей. Сначала Пруссія отказывалась сдѣлать это. Но когда Павелъ I пригрозилъ, что онъ захватитъ Ганноверъ, пославъ туда 25-тысячную армію, то Пруссія захватила курфюршество. Передъ Англіей Пруссія старалась оправдаться тѣмъ, что она будто желала охранить Ганноверъ отъ посягательствъ со стороны русскихъ и французовъ. Двусмысленность прусской политики увѣнчалась тѣмъ, что прусскій посолъ Лучезини въ то же время сдѣлалъ въ Парижѣ необходимые шаги, чтобы добиться согласія Бонапарта на постоянное присоединеніе Ганновера къ Пруссіи.

А между тѣмъ англійскій флотъ появился передъ Копенгагеномъ, гдѣ датчане приготовились оказать врагу отчаянное сопротивленіе. Весь датскій народъ поднялся для борьбы съ разбойничьимъ нападеніемъ англичанъ. Но грубый морякъ Нельсонъ имѣлъ на своей сторонѣ перевѣсъ силы. Онъ подвергъ Копенгагенъ ужасной бомбардировкѣ. Въ кровопролитной морской битвѣ при Зундѣ и Копенгагенѣ датскій флотъ былъ разбитъ, и Даніи грозила гибель, такъ какъ ни русскій, ни шведскій флотъ не могли изъ-за льдовъ прійти къ ней на помощь. Пришлось вступить въ переговоры со счастливымъ поклонникомъ лэди Гамильтонъ, и Нельсонъ самъ явился въ разрушенный бомбардировкой городъ, причемъ датскій народъ вслухъ выражалъ свое негодованіе надменному побѣдителю. Заключено было перемиріе, и англійскій флотъ отплылъ въ Швецію. Въ это время императоръ Павелъ былъ убитъ, и вступившій послѣ него на престолъ Александръ I

сталъ въ другія отношенія съ Англіей, вслѣдствіе чего державы отказались отъ нейтралитета сѣверныхъ морскихъ державъ.

Такимъ образомъ, грубое право обысковъ, которое присвоили себѣ англичане, осталось въ силѣ, и попытка Бонапарта сломить всемогущество Англіи на морѣ не удалась.

Конкордатъ и почетный легіонъ.

Бонапартъ прекрасно использовалъ для усиленія своей власти общественное возбужденіе, которое вызвано было покушеніемъ съ адской машиной. Прежде всего значительно усилена была консульская гвардія, которая служила для охраны личности перваго консула. Далѣе, учреждено было особое судилище, вѣдѣнію котораго подлежали дѣла о вооруженныхъ возстаніяхъ всякаго рода исключительныхъ преступленіяхъ. Рѣшенія этого суда, состоявшаго изъ восьми членовъ, изъ которыхъ пять назначались правительствомъ, не подлежали апелляціи и постановлялись безъ участія присяжныхъ. Такимъ образомъ во Франціи снова возродился революціонный трибуналъ, но только другого типа. Впрочемъ, введеніе этого судилища все же встрѣтило сопротивленіе въ трибуналѣ и законодательномъ корпусѣ, несмотря на тщательный подборъ лицъ въ этихъ учрежденіяхъ. Бонапарту пришлось убѣдиться въ томъ, что демократическія традиціи еще не вполнѣ исчезли у французовъ, и это тѣмъ болѣе взволновало его, что ему раньше казалось, будто слава его имени затмила всѣ теоріи.

Полиція была усилена, и много денегъ поглотилъ огромный полицейскій аппаратъ. На службѣ содержалась несмѣтная свора шпіоновъ и провокаторовъ, которые проникали въ самые тѣсные кружки и доносили обо всемъ, что слышали. Фуше не останавливался передъ самыми низкими средствами. Онъ даже далъ большую свободу домамъ терпимости, изъ которыхъ ему доставлялись доклады. Такой же политики онъ придерживался и относительно игорныхъ притоновъ. Полицейская власть Фуше вскорѣ усилилась настолько, что и самъ тюльерійскій деспотъ сталъ относиться къ нему недовѣрчиво и раздробилъ полицію, причемъ отдѣльные ея департаменты начали слѣдить другъ за другомъ. Свободомыслящіе мужчины и женщины, писатели, депутаты и политики всякаго рода подвергались при этомъ неслыханномъ полицейскомъ режимѣ самому тщательному надзору и всевозможнымъ преслѣдованіямъ. Карно, который, будучи непреклоннымъ республиканцемъ, недолго продержался на посту военнаго министра, Шенье, авторъ «Chant du depart», не пожелавшій унизиться до роли придворнаго поэта перваго консула, и даже г-жа фонъ-Сталь подверглись полицейскому надзору и даже отчасти преслѣдованіямъ.

Въ своемъ стремленіи вернуться къ монархическимъ формамъ Бонапартъ вспомнилъ и о религіи, послѣ того какъ онъ въ Тюльери уже устроилъ себѣ дворъ съ особымъ этикетомъ. Во Франціи находилось еще довольно значительное число священниковъ, отказывавшихся отъ присяги и проявившихъ себя противниками республиканской конституціи; впрочемъ,

конституціонное духовенство было недурно организовано. Съ папою Піемъ VII Бонапартъ уже давно велъ переговоры о томъ, чтобы снова объявить католическую религію государственной религіей. Философски мыслящая часть Франціи была не особенно рада этому возвращенію къ государственной религіи, т. е. пункту, который, казалось, уже давно былъ осиленъ, но Бонапартъ смотрѣлъ на католическую религію, какъ на необходимую опору для своего самодержавія. Поэтому заключенъ былъ знаменитый конкордатъ, который существовалъ во Франціи до послѣдняго времени.

Конкордатъ былъ заключенъ 14-го іюля 1801 г. Введеніе къ этому замѣчательному договору гласило:

«Правительство, которое признаетъ, что католическая религія является религіей большинства французовъ..... папа, который, съ своей стороны, отмѣчаетъ, что въ дурное время нанесенъ былъ этой религіи значительный ущербъ, и который еще ожидаетъ величайшаго блага, именно возстановленія католическаго культа во Франціи, отъ исповѣдыванія этой религіи консулами республики,—заключаютъ между собою нижеслѣдующій договоръ:

1. Католическая религія можетъ свободно исповѣдываться во Франціи; она признается государственной религіей, и ея богослуженіе совершается оффиціально; при этомъ она подчиняется полицейскимъ мѣрамъ, которыя правительство признаетъ необходимыми для поддержанія спокойствія.

2. Папа обязуется, по соглашенію съ французскимъ правительствомъ, выработать новое дѣленіе на епархіи и получаетъ право потребовать отъ нынѣ занимающихъ мѣста епископовъ выхода ихъ въ отставку, если признаетъ это необходимымъ для усовершенствованія новаго порядка.

3. Освобождающіяся путемъ подобной отставки (или, въ случаѣ уклоненія отъ нея, путемъ оставленія отъ должности) мѣста епископовъ и всѣ тѣ мѣста, которыя имѣютъ освободиться въ будущемъ, папа замѣщаетъ лишь послѣ предварительныхъ указаній со стороны французскаго правительства.

4. Вновь назначенные епископы обязаны принести правительству клятву вѣрности и выполнить обрядъ, заключающій въ себѣ особыя формулы молитвъ за консуловъ.

5. Церковныя мѣста подлежатъ новому распредѣленію, для чего назначаются епископы, но исключительно изъ числа лицъ, одобренныхъ правительствомъ.

6. Правительство установитъ опредѣленныя правила для духовенства, и папа навсегда отрекается за себя и за своихъ преемниковъ отъ всякаго права, касаться—подъ видомъ увѣщанія или протеста—вопроса о состоявшихся со времени революціи продажахъ церковныхъ имуществъ».

Лишивъ папу высшей власти въ духовныхъ дѣлахъ, конкордатъ передавалъ эту власть французскому государству. Было еще рѣшено, что въ случаѣ, если католическая церковь пожелаетъ учредить семинаріи, она обязана сдѣлать это за свой счетъ, а въ тайномъ пунктѣ договора папа даровалъ священникамъ, вступившимъ въ бракъ во время революціи, прощеніе за этотъ грѣхъ.

Пій VII, отличавшійся государственной мудростью, сдѣлалъ эти уступки, предпочитая пожертвовать извѣстной долей своего вліянія на церковныя дѣла, чѣмъ навлечь на себя гнѣвъ всесильнаго перваго консула.

Если шестой параграфъ конкордата хитро былъ разсчитанъ на то, чтобы привязать мелкихъ земельныхъ собственниковъ къ правительству Бонапарта, такъ какъ параграфъ этотъ упрочивалъ за ними владѣніе имуществами, прежде принадлежавшими церкви, то, напротивъ, въ образованныхъ кругахъ Франціи проявилась сильнѣйшая оппозиція по отношенію къ конкордату. Повидимому, оппозиціонное настроеніе охватило трибунатъ и законодательный корпусъ, и слѣдовало ожидать, что они не согласятся санкціонировать конкордатъ. Бонапартъ былъ очень озабоченъ этимъ и опасался, что даже сильно ослабленное имъ народное представительство воспротивится его дальнѣйшимъ планамъ. Самодержца, уже опиравшагося на солдатъ и крестьянъ противъ сохранившей свою независимость части образованныхъ классовъ, долженъ былъ поразить тотъ фактъ, что въ трибунатѣ, который въ общемъ былъ покоренъ, сталъ проявляться духъ противорѣчія.

Самодержецъ рѣшилъ «почистить» учрежденія, оказывавшія ему сопротивленіе. Сенатъ, который Бонапартъ, нарушивъ конституцію, составилъ изъ самыхъ вѣрныхъ своихъ клевретовъ, безъ труда можно было заставить противоконституціонно расправиться съ оппозиціей. Поэтому отъ сената потребовали, и сенатъ весьма услужливо постановилъ, чтобы изъ трибуната исключено было 20, а изъ законодательнаго корпуса 60 членовъ. Путемъ такой простой мѣры устранены были потчи всѣ непокорные народные представители, причемъ постановленія конституціи, запрещавшія подобныя дѣйствія, истолкованы были самымъ коварнымъ образомъ. Понятно, что мѣста изгнанныхъ представителей заняли ставленники Бонапарта.

Теперь конкордатъ безъ труда былъ санкціонированъ законодательными властями. Республиканскій календарь былъ сохраненъ лишь отчасти, а празднованіе воскресенія снова введено было попрежнему.

Во время Пасхи 1802 г. возстановленіе прежняго культа было отпраздновано съ большой торжественностью, и можно было подумать, что въ Тюльери снова поселились Бурбоны. Отъ дореволюціонныхъ торжествъ этотъ праздникъ отличался лишь своимъ военнымъ блескомъ. Бонапартъ въ придворной каретѣ, запряженной шестеркою лошадей, поѣхалъ въ церковь, гдѣ собрались всѣ представители высшей власти. Войска въ полномъ вооруженіи выстроились на общественныхъ площадяхъ столицы, и громъ пушекъ на этотъ разъ возвѣстилъ, что государственная католическая религія вновь возстановлена.

Но даже и среди офицеровъ, связавшихъ свою судьбу съ «звѣздой» Бонапарта, нашлось много лицъ, не сочувствовавшихъ этой перемѣнѣ. Возвращаясь изъ собора Богоматери, гдѣ состоялось великое торжество, Бонапартъ спросилъ генерала Дельма, какъ ему все это понравилось. На это генералъ съ откровенностью грубаго солдата отвѣтилъ:

«Была прекрасная капуцинская проповѣдь, и отсутствовала только милліонная толпа людей, пожертвовавшихъ жизнью, чтобы отмѣнить то, что вы теперь возстанавливаете».

Но Бонапартъ продолжалъ держаться намѣченной имъ программы. Примирившись съ церковью, онъ занялся возстановленіемъ дворянства. Онъ уже подготовилъ этотъ шагъ путемъ декрета, давшаго большинству эмигрантовъ возможность вернуться во Францію. Но онъ желалъ имѣть при себѣ уже не потомственное, а заслуженное дворянство и для этого создалъ почетный легіонъ. По первоначальному проекту Бонапарта, почетный легіонъ состоялъ изъ 15 когортъ, причемъ въ составъ каждой изъ нихъ входило 7 высшихъ офицеровъ, 20 командоровъ, 30 офицеровъ и 350 легіонеровъ. Члены почетнаго легіона клялись защищать цѣлость республики и неприкосновенность національнаго имущества. Но основатель почетнаго легіона вскорѣ самъ далъ прекрасный примѣръ нарушенія этой клятвы. Каждое лицо могло быть принято первымъ консуломъ въ ряды почетнаго легіона за гражданскія или военныя заслуги. Члены его получали ежегодно слѣдующаго размѣра жалованіе: высшіе офицеры по 5.000 франковъ, командоры по 2.000, офицеры по 1.000, а легіонеры по 250. На лентѣ со звѣздою, служившей знакомъ ордена почетнаго легіона, имѣлась надпись: «Honneur et patrie!» («Честь и родина!»).

Въ государственномъ совѣтѣ Бонапартъ со своимъ проектомъ почетнаго легіона встрѣтилъ оппозицію, и Берлье назвалъ эту затѣю игрушкой. Возражая Берлье, Бонапартъ изложилъ свои мысли о способахъ господства надъ французскимъ народомъ.

«Назовите мнѣ»,—сказалъ онъ,—«какую либо древнюю или новую республику, въ которой не существуетъ знаковъ отличія. Говорятъ, что это игрушка. *Ну, да,—при помощи игрушекъ руководятъ людьми.* Я не заявлялъ бы этого съ ораторской трибуны, но въ совѣтѣ мудрыхъ государственныхъ мужей слѣдуетъ говорить откровенно. *Я не вѣрю въ любовь французскаго народа къ свободѣ и равенству.* Десять лѣтъ революціи еще не перемѣнили французовъ. *Они знаютъ лишь одно чувство, это—чувство чести.* Чувство чести слѣдуетъ поддерживать, а для этого необходимы отличія».

Приходится признать, что эти слова содержатъ правильное сужденіе о людяхъ. Кромѣ того, они совершенно ясно показываютъ намъ, какъ сильно презиралъ людей человѣкъ, который сумѣлъ въ одно и то же время обмануть и поработить французовъ.

Проектъ почетнаго легіона былъ принятъ въ государственномъ совѣтѣ лишь очень незначительнымъ большинствомъ голосовъ; трибуналъ отклонилъ его; законодательный корпусъ принялъ его тоже незначительнымъ большинствомъ голосовъ, и наконецъ, пресмыкающійся сенатъ приложилъ къ нему свою печать. Почетный легіонъ былъ созданъ, были назначены и получили отличія его рыцари, но въ народѣ и въ арміи онъ вызвалъ много насмѣшекъ, и Бонапартъ пришелъ въ неописуемую ярость, когда узналъ о случаѣ, имѣвшемъ мѣсто въ домѣ Моро. Этотъ знаменитый генералъ, который, въ качествѣ побѣдителя при Гогенлинденѣ, пользовался почти такою же популярностью, какъ и Бонапартъ, угостилъ прекраснымъ обѣ-

домъ собравшихся у него офицеровъ. «Въ знакъ признанія гражданскихъ заслугъ» поваръ генерала по окончаніи обѣда награжденъ былъ почетной ложкой, а затѣмъ его торжественно провозгласили рыцаремъ «ордена отъ ложки». Бонапартъ никогда не могъ простить Моро этой ѣдкой насмѣшки надъ почетнымъ легіономъ.

Такимъ образомъ честолюбивый солдатъ, который сдѣлался дѣйствительнымъ наслѣдникомъ революціи, осторожно создавалъ опоры для трона, на который онъ собирался вступить.

Всеобщій миръ.

Послѣ заключенія люневильскаго мира, согласно которому Австрія выступила изъ великой коалиціи, борьба продолжалась еще только между Англіей, Неаполемъ и Португаліей, съ одной стороны, и Франціей, Испаніей и Голландіей, съ другой стороны. Россія не заключила еще формальнаго мира съ Франціей. Ощущалась общая потребность въ мирѣ, такъ какъ опустошенныя войною страны хотѣли отдохнуть, и такъ какъ въ концѣ концовъ всѣ поняли, что Францію побѣдить невозможно.

Вскорѣ Неаполь заключилъ миръ, потому что Бонапартъ приказалъ генералу Мюрату двинуться къ этому городу и возстановить партенопейскую республику. Неаполитанскій дворъ, еще недавно учинившій кровавую расправу надъ республиканцами и теперь еще продолжавшій ихъ преслѣдовать, пришелъ въ ужасъ, и королева Каролина поспѣшила въ Петербургъ, чтобы вымолить заступничество императора Павла. Она добилась этого заступничества, и, благодаря ему, неаполитанскіе демократы были лишены возможности отмстить за нарушеніе условій сдачи 1799 г. 21 марта 1801 г. заключенъ былъ миръ во Флоренціи. Преслѣдованія республиканцевъ должны были быть прекращены, а для англичанъ заперты были неаполитанскія гавани до заключенія всеобщаго мира. 12 тысячъ французовъ заняли Неаполь; послѣдній обязался содержать ихъ, и, кромѣ того, ежемѣсячно выплачивать по 500 тысячъ франковъ. Партейнопейская республика не была уже возстановлена, такъ какъ Бонапарта больше не интересовало основаніе республикъ. Это онъ доказалъ созданіемъ такъ называемаго королевства этрусскаго, преобразовавъ его изъ великаго герцогства тосканскаго. Теперь Бонапартъ снова овладѣлъ Италіей: всѣ итальянскія государства находились въ полной зависимости отъ Франціи.

Португалію принудили заключить миръ. Ея правительство устрашили новымъ объявленіемъ войны, хотя съ нею воевали давно. Испанцы вмѣстѣ съ французами напали на Португалію и разсѣяли португальское войско. 6 іюня 1807 г. Португалія заключила съ Испаніей миръ при Бадаіосѣ, согласно которому пограничная область Оливенцъ перешла къ Испаніи. Миръ между Португаліей и Франціей заключенъ былъ въ Мадридѣ въ сентябрѣ 1801 г. Португальскія гавани лишены были права впускать къ себѣ англійскія суда до заключенія всеобщаго мира.

Изумительно то, что между республиканской Франціей и деспотической Россіей долгое время сохранялись добрыя отношенія. Павелъ I палъ жертвой дворцовой революціи, которою руководилъ Генералъ Беннигсенъ. Вступившій послѣ него на престолъ Александръ I поддерживалъ дружественныя отношенія съ первымъ консуломъ. Оба самодержца понимали другъ друга. Каждый изъ нихъ, очевидно, уже тогда носился съ мыслью, которую они позже попытались воплотить въ жизнь, а именно: съ мыслью поработить всю Европу. Они тайно заключили между собою миръ въ Парижѣ 6 октября 1801 г. Франція вознаградила сардинскаго короля и вывела свои войска изъ Неаполя. Она признала своеобразное, находившееся подъ русско-турецкимъ протекторатомъ свободное государство Іоническихъ острововъ, и, наконецъ, Франція и Россія объединились, чтобы *выработать форму вознагражденія для германскихъ и итальянскихъ князей*. Послѣдній пунктъ ясно показываетъ, въ какомъ плачевномъ состояніи находилась тогда Германія.

Теперь и Англія заключила миръ, послѣ того какъ Питтъ въ теченіе девяти лѣтъ велъ войну, съ цѣлью подавить французскую революцію, разграбить и опустошить многіе города и страны, захватить чужіе флоты, пріобрѣсти новыя колоніи и имѣть возможность разбойничать на морѣ. Благодаря издержкамъ, поглощеннымъ этой войной, государственный долгъ Англіи возросъ съ 246 до 597 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Крупные купцы получили, понятно, при этомъ свои выгоды, на народъ, которому приходилось выплачивать проценты по этому колоссальному государственному долгу, война ложилась тяжелымъ бременемъ, и онъ съ радостью привѣтствовалъ заключеніе мира. Война между Англіей и Франціей стоила сверхъ того огромныхъ потерь въ людяхъ и корабляхъ. Итакъ, предварительный миръ былъ заключенъ въ Лондонѣ, окончательный же—въ Амьенѣ 27 марта 1802 г. Англія отказалась отъ всѣхъ своихъ завоеваній и даже Мальту вернула мальтійскому ордену, и сохранила за собою лишь острова Тринидадъ и Цейлонъ. Турція заключила съ Франціей миръ въ Парижѣ въ іюнѣ 1802 г.

Этимъ заключеніемъ всеобщаго мира закончились собственно революціонныя войны. Заключеніе мира измѣнило на политической картѣ Европы немногое; оно большей частью подтвердило лишь тѣ измѣненія въ границахъ государствъ, которыя совершились во время самыхъ войнъ.

Оставалось еще разрѣшить лишь такъ называемый *германскій вопросъ о вознагражденіи*. Германскому государству, которое было разрознено и расщеплено на множество частей, пришлось сыграть печальную роль поставщика вознагражденій для князей и господъ, растерявшихъ въ періодъ революціонныхъ войнъ свои страны и своихъ людей. Даже и не германскіе князья должны были получить въ видѣ вознагражденія нѣмецкія земли, какъ будто населеніе Германіи, въ которой и безъ того было слишкомъ много своихъ князей, тосковало по чужеземнымъ владыкамъ. А съ другой стороны, германская имперія походила на помѣстье, лишенное хозяина. Главной задачей являлась передача духовныхъ имѣній въ свѣтское владѣніе и присоединеніе къ крупнымъ государствамъ множества карликовыхъ госу-

дарствъ, представлявшихъ собою пережитокъ старины и разсѣянныхъ по Германіи подъ видомъ свободныхъ имперскихъ городовъ.

Слѣдовало думать, что конгрессъ германскихъ имперскихъ князей въ Регенсбургѣ, извѣстный подъ именемъ регенсбургскаго рейхстага, урегулируетъ эти дѣла, такъ какъ они ему были поручены. Рейхстагъ дѣйствительно избралъ изъ свой среды чрезвычайную имперскую депутацію, состоявшую изъ имперскихъ чиновъ Баваріи, Богеміи, Бранденбурга, Вюртемберга, Гессенъ-Касселя, Майнца и гофмейстера нѣмецкаго ордена.

Но рейхстагъ и имперская депутація сыграли въ вопросѣ о вознагражденіи лишь фиктивную роль, такъ какъ преобразованіе Германіи совершено было Франціей и Россіей. Два представителя деспотическихъ государствъ, первый консулъ и царь, рѣшили вопросъ о томъ, какимъ изъ самостоятельныхъ государствъ Германіи продолжать существованіе и какимъ нѣтъ. Раздѣленіе Германіи тоже совершалось вполнѣ соотвѣтственно желаніямъ обоихъ самодержцевъ и ихъ фаворитовъ. На интересы же самой Германіи не обращали ни малѣйшаго вниманія.

Въ Парижѣ, при тюльерійскомъ дворѣ, появились толпы такъ называемыхъ просителей земли,—имперскихъ рыцарей, сенаторовъ имперскихъ городовъ и всевозможныхъ пословъ изъ Германіи, умолявшихъ о дарованіи имъ клочка земли и встрѣчавшихъ самое презрительное отношеніе со стороны Бонапарта и его министра Таллейрана. Эти представители старинной и жалкой разрозненности Германіи не дѣлали чести своему отечеству. Своеобразная судьба Германіи была повинна въ томъ, что полная разрозненность ея могла быть ослаблена исключительно путемъ чужеземнаго вліянія. А что касается регенсбургскаго рейхстага, то онъ не могъ справиться съ этой задачей.

О томъ, какъ царь и первый консулъ обращались съ имперскими князьями въ Регенсбургѣ, лучше всего можно судить по парижской нотѣ отъ 24 августа 1802 г., въ которой откровенно заявлено, что—*такъ какъ имперскіе чины не сумѣли выполнить пунктовъ люневильскаго мира* (что, между прочимъ, вовсе не входило въ кругъ ихъ обязанностей), то Россія и Франція выработали планъ для приведенія въ порядокъ внутреннихъ дѣлъ Германіи. Имперскимъ чинамъ поручалось упорядочить всѣ дѣла въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Это представлялось тѣмъ болѣе возможнымъ, что *его величество императоръ россійскій и первый консулъ выразили пожеланіе, чтобы выработанныя ими предположенія по вопросу о вознагражденіи не подвергались измѣненіямъ*.

Такъ рѣшались чужими самодержцами нѣмецкія дѣла, а имперская депутація смиренно выполняла волю обоихъ представителей силы. Впрочемъ, князья, гдѣ это только было возможно, силою брали обѣщанныя имъ вознагражденія, и главной коммиссіи имперской депутаціи, которая собралась 24 февраля 1802 г., и съ именемъ которой обыкновено связываются происшедшія въ устройствѣ Германіи перемѣны, приходилось лишь подтверждать уже совершившіеся факты. Такимъ образомъ, главная коммиссія имперской депутаціи, въ сущности говоря, представляла собою запоздалую комедію.

На лѣвомъ берегу Рейна, перешедшемъ къ Франціи, исчезли духовныя курфюршества и архіепископства Майнцъ, Кельнъ и Триръ, которыя подверглись секуляризаціи (перешли въ свѣтское владѣніе). Нѣкоторые свободные имперскіе города тоже потеряли здѣсь свою самостоятельность. Въ области праваго берега Рейна осталось лишь шесть свободныхъ имперскихъ городовъ: Гамбургъ, Бременъ, Любекъ, Франкфуртъ на Майнѣ, Нюрнбергъ и Аугсбургъ. Всѣ же остальные имперскіе города подверглись медіатизаціи и ихъ земли вмѣстѣ съ владѣніями духовенства были использованы для вознагражденія князей. Итакъ, мы наблюдаемъ здѣсь конфискацію духовныхъ имуществъ, какъ во время французской революціи, но съ тою лишь разницей, что во Франціи духовныя имѣнія конфискованы были въ пользу народа, а въ Германіи—въ пользу отдѣльныхъ князей и господъ, тѣхъ самыхъ господъ, которые по поводу конфискаціи духовныхъ имуществъ во Франціи подняли такой шумъ и сочли эту конфискацію достаточнымъ основаніемъ для войны съ Франціей.

Лучше всѣхъ вознаграждена была Пруссія, чему немало способствовало ея миролюбивое въ послѣдніе годы отношеніе къ Франціи. Пруссія получила области: Падерборнъ, Гильдесгеймъ, Мюнстеръ, Эссенъ, Верденъ, Эрфуртъ, Кведлинбургъ, Мюльгаузенъ, Госларъ и Нордгаузенъ,—въ общей сложности около 240 квадратныхъ миль, хотя она уступила лишь 46 квадратныхъ миль на лѣвомъ берегу Рейна. Баденъ получилъ Пфальцъ, Констанцъ и нѣкоторыя части разныхъ епископствъ. Вюртембергъ получилъ нѣсколько имперскихъ городовъ и имѣній, а Бавaрія—области: Вюрцбургъ, Бамбергъ и Фрейзингъ, Майнцскій курфюрстъ получилъ Регенсбургскую область, Ашаффенбургъ и Ветцларъ. Вюртембергъ, Баденъ и Гессенъ-Кассель надѣлены были саномъ свѣтскихъ курфюршествъ. Новыхъ духовныхъ курфюршествъ учреждено не было. Затѣмъ, архіепископство Зальцбургъ было отдано прежнему великому герцогу тосканскому, а герцогъ моденскій получилъ Брейсгау. И, наконецъ, бывшій генералъ-штатгальтеръ голландскій получилъ секуляризованное епископство Фульда.

Такъ Германія была подѣлена обоими правителями въ Парижѣ и Петербургѣ. Они уменьшили историческую разрозненность, превратившую Германію въ посмѣшище для Европы, но сохранили въ ней еще достаточно разрозненности, дѣлавшей Германію хилой и слабой.

На этой слабости Германіи консулъ, какъ и царь, основывали свои завоевательные планы. То, что царь могъ, по своему желанію, переустраивать Германію, являлось однимъ изъ первыхъ плодовъ раздѣла Польши, при которомъ такъ сильно согрѣшили Пруссія и Австрія.

Конституція X-го года.

Честолюбіе все сильнѣе и сильнѣе увлекало Бонапарта. Его уже не удовлетворяло фактическое положеніе самодержца. Ему недоставало еще и внѣшняго блеска. Онъ въ нѣкоторой степени успокоилъ взволновавшееся по поводу конкордата и почетнаго легіона общественное мнѣніе тѣмъ, что

приказалъ ученымъ юристамъ выработать гражданскій сводъ законовъ. Бонапартъ однажды заявилъ, что «хорошій сводъ гражданскихъ законовъ представляетъ собою единственно полезную и необходимую свободную конституцію». Онъ заинтересовался и дѣломъ просвѣщенія и основалъ политехническій институтъ. Устройство каналовъ, мостовъ и дорогъ и учрежденіе музеевъ естествознанія и искусства правилось французамъ.

Хотя у Бонапарта и не было никакихъ прямыхъ наслѣдниковъ, но, овладѣвъ общественной властью, онъ сталъ подумывать о томъ, чтобы закрѣпить ее за собою. Камбасересъ уже давно старался ознакомиться съ мнѣніемъ видныхъ политиковъ по этому поводу, и теперь сенату предложено было снова выразить первому консулу признательность народа. Сенатъ продлилъ до десяти лѣтъ срокъ службы перваго консула, потому что онъ никоимъ образомъ не могъ, какъ этого хотѣлось Бонапарту, признать срокъ этой службы пожизненнымъ безъ нарушенія конституціи.

Но Бонапартъ не удовлетворился этимъ проявленіемъ народной благодарности. Ему нисколько не хотѣлось подвергаться случайностямъ при будущихъ выборахъ высшаго главы государства. Онъ уже памѣренъ былъ обидѣться и отвергнуть рѣшеніе Сената когда Камбасересъ сообщилъ ему свой планъ, показавшійся Бонапарту подходящимъ. Бонапартъ согласился съ назначеніемъ перваго консула на 10 лѣтъ, но съ условіемъ, чтобы этотъ вопросъ рѣшенъ былъ народомъ. Государственный совѣтъ устроилъ народное голосованіе, но повернулъ вопросъ такъ, что народу пришлось рѣшить, быть ли Бонапарту консуломъ *пожизненно*. Этотъ фокусъ, въ которомъ насиліе откровенно сочеталось съ коварствомъ, былъ выполненъ при помощи якобы демократическаго плебисцита. Народъ, чувствовавшій себя во время консулата лучше, чѣмъ раньше, рѣшилъ дѣло въ пользу Бонапарта. Изъ 3.577.259 поданныхъ голосовъ 3.568 885 было подано за пожизненный консулатъ. Сенатъ, пожалѣвшій о томъ, что сразу не догадался о желаніи Бонапарта, постарался исправить свою ошибку слѣдующаго рода постановленіемъ:

«Французскій народъ назначаетъ, а сенатъ объявляетъ *Наполеона Бонапарта* пожизненнымъ первымъ консуломъ. Статуя мира, держащая въ одной рукѣ побѣдные лавры, а въ другой—декретъ сената, послужитъ для потомства доказательствомъ признательности народа. Сенатъ передастъ первому консулу выраженія довѣрія, любви и преклоненія со стороны французскаго народа».

Полагали, что узурпаторъ, усиливъ такимъ образомъ свою власть, удовлетворится этимъ на нѣкоторое время, но въ этомъ ошиблись. Онъ не успокоился, и теперь переработалъ конституцію VIII г. въ конституцію X г. Въ новой конституціи отмѣнены были почти всѣ пункты, ограничивавшіе его власть. Положеніе Бонапарта, въ сущности уже давно приближавшееся къ положенію абсолютнаго монарха, теперь стало таковымъ и съ формальной стороны.

Бонапартъ отмѣнилъ списки нотаблей, которые представляли собою изобрѣтеніе Сійеса и должны были привлечь довѣріе снизу. Ихъ замѣстили коллегіями пожизненно избираемыхъ лицъ, и это назвали возстановленіемъ

избирательнаго права, такъ какъ выборы въ коллегіи производились на основаніи списка гражданъ. Вопросъ о томъ, существуетъ ли избирательное право или нѣтъ, казался народу совершенно безразличнымъ. Составъ пресмыкающагося сената былъ увеличенъ сорока членами, и онъ получилъ право измѣнять конституцію путемъ такъ называемыхъ органическихъ сенатскихъ постановленій; кромѣ того, онъ получилъ и право распускать законодательный корпусъ и трибуналъ. Составъ же трибунала, который иногда рѣшался оказывать нѣкоторое сопротивленіе деспотизму Бонапарта, былъ ограниченъ пятьюдесятью членами, и публичность его засѣданій была отмѣнена.

Всѣ консулы получали пожизненное назначеніе. Первому консулу сверхъ того принадлежало право помилованія, а сенатъ имѣлъ право отмѣнять судебные приговоры, если онъ находилъ ихъ вредными для государства.

Первый консулъ имѣлъ право по своему желанію объявлять войну и заключать миръ. Кромѣ того, онъ получилъ право назначить себѣ преемника, что возстанавливало наслѣдственность высшей государственной должности. Съ этихъ поръ Бонапартъ началъ уже вести себя, какъ абсолютный монархъ, и даже приказалъ отчеканить монеты со своимъ изображеніемъ и съ надписью: «Наполеонъ Бонапартъ, первый консулъ».

Слѣдовало бы думать, что «человѣкъ, обладающій извѣстной долей таланта и чувства чести» (какъ самъ себя раньше охарактеризовалъ Бонапартъ), сможетъ удовлетвориться достиженіемъ такого необычайно вліятельнаго положенія. Онъ добился высшаго поста въ государствѣ, совершивъ преступленіе противъ конституціи и государственную измѣну. Но онъ все же могъ бы сыграть еще прекрасную и оригинальную роль, если бы искалъ удовлетворенія своему честолюбію въ томъ, чтобы осчастливить Францію. Заслуги его не только передъ Франціей, но и передъ Европой и всѣмъ человѣчествомъ были бы необычайны, если бы онъ употребилъ свой геній на то, чтобы создать во Франціи учрежденія, которыя служили бы основой для свободнаго и демократическаго государственнаго устройства. Но несмотря на весь свой блестящій геній, Бонапартъ отличался узостью. Онъ находилъ удовлетвореніе только въ безпрерывномъ усиленіи внѣшняго блеска своего положенія и довелъ свою власть почти до азіатскаго деспотизма. Мыслителей и философовъ онъ съ насмѣшкою называлъ «идеологами». Подъ его властью положеніе народа осталось почти такимъ же жалкимъ, какъ и раньше, но онъ сумѣлъ занять народныя массы войнами. Тѣмъ, кто не былъ занятъ на войнѣ, онъ далъ занятія при предпріятыхъ имъ общественныхъ сооруженіяхъ. Во Франціи едва ли еще называли чье-либо имя рядомъ съ именемъ Бонапарта, и его правительство вскорѣ пріобрѣло такой же абсолютистскій характеръ, какъ и правительство Людовика XIV.

Борьба на островѣ Гаити.

На прелестномъ островѣ Гаити или Санъ-Доминго, послѣ долгой и отвратительной борьбы между черными, цвѣточными и бѣлыми, при содѣйствіи французовъ и англичанъ, мало-по-малу образовалась республика, во главѣ

которой сталъ негръ Туссенъ л'Увертюръ, энергично исполнявшій обязанности диктатора. Туссенъ, отличавшійся умомъ и энергіей, сумѣлъ отъ положенія чернаго раба подняться до поста диктатора и во многихъ отношеніяхъ подражалъ консулу Бонапарту, что неособенно нравилось послѣднему. Негры боготворили Туссена, какъ освободителя своей расы.

Бонапартъ съ самаго начала неблагожелательно относился къ Туссену, но ничего противъ него не предпринималъ до наступленія мирныхъ переговоровъ съ Англіей. Но затѣмъ, когда моря снова стали свободными, онъ обратилъ свои жадные взоры на островъ. Самостоятельность Гаити формально не была признана Франціей, и Бонапартъ на этомъ основывался въ своихъ дѣйствіяхъ. Сенату пришлось заявить, что природа установила различіе между людьми по цвѣту кожи, и что поэтому черные не могутъ имѣть такихъ же правъ, какъ бѣлые. Такой безсмысленцей Бонапартъ думалъ оправдать свою политику насилія.

Туссенъ, прилагавшій всѣ усилія къ тому, чтобы сохранить дружбу съ Франціей, и оказавшій ей огромныя услуги во время своей борьбы съ Англіей, не пожелалъ подчиниться Бонапарту, когда тотъ потребовалъ, чтобы Гаити перестала быть самостоятельной и превратилась въ французскую колонію. Черный государственный дѣятель, безъ сомнѣнія, охотно призналъ бы суверенитетъ Франціи, но онъ стремился къ сохраненію внутренней самостоятельности Гаити. Это, однако, было не по душѣ Бонапарту, и онъ рѣшилъ силою овладѣть островомъ.

Въ гаваняхъ на западномъ берегу Франціи адмиралъ Вилларе-Жуайезъ собралъ сильную эскадру, которая приняла на бортъ французскую 25 тысячную армію и отплыла къ Гаити. Этой арміей командовалъ молодой генералъ Леклеръ, который выдвинулся въ нѣмецкихъ походахъ и въ день 18 брюмэра и былъ женатъ на легкомысленной сестрѣ Бонапарта Паулинѣ.

А между тѣмъ покореніе острова вовсе не было такимъ легкимъ дѣломъ, какъ думали въ Парижѣ. Туссенъ л'Увертюръ и предводители негровъ Яковъ Дессалинъ и Генрихъ Христофъ упорно и мужественно защищали свою родину отъ нападенія французовъ. Въ открытомъ бою имъ неоднократно приходилось отступать передъ французами, имѣвшими на своей сторонѣ численный перевѣсъ, но побѣдить ихъ все же было невозможно, и они продолжали вести мелкую, но кровопролитную борьбу со своими врагами. Французы сильно страдали отъ мѣстнаго климата, и Леклеръ понялъ, что онъ въ открытомъ бою не достигнетъ своей цѣли. Поэтому онъ пустилъ въ ходъ коварство, подкупъ и обольщеніе, и ему дѣйствительно удалось добиться того, что Туссена покинули всѣ предводители негровъ. Когда Туссенъ увидѣлъ, что дальнѣйшее сопротивленіе силѣ французовъ немыслимо, онъ въ маѣ 1802 г. сдался Леклеру. Туссенъ подчинился и призналъ суверенитетъ Франціи, и за это за нимъ сохранили его генеральскій чинъ и помѣстья. Туссенъ мирно зажилъ въ своемъ имѣніи Эннери, не теряя связей съ неграми. Но французамъ казалось слишкомъ опаснымъ оставлять его на свободѣ, и они рѣшили погубить его. Они захватили въ свои руки знаменитаго вождя негровъ измѣнническимъ путемъ. Леклеръ пригласилъ его на свиданіе, какъ будто съ цѣлью расспросить его, какія мѣстности на островѣ

Гаити отличаются здоровымъ климатомъ. Туссенъ, не подозрѣвавшій ничего дурного, принялъ это приглашеніе съ явнымъ удовольствіемъ, потому что оно ему польстило.

«Бѣлые не могутъ обойтись безъ чернаго старика Туссена!»—замѣтилъ онъ.

Онъ съ нѣсколькими неграми явился на свиданіе. Леклеръ тутъ же приказалъ сильному отряду французовъ напасть на Туссена, обезоружить его и посадить на заранѣе приготовленный корабль, который вмѣстѣ съ плѣнниками отплылъ во Францію.

Туссенъ зналъ, что онъ погибъ, и мужественно переносилъ свою горькую участь, съ презрѣніемъ относясь къ подлому поступку французовъ. Когда его перевели на корабль, онъ сказалъ:

«Низвергнувъ меня, вы повалили лишь стволъ дерева свободы черныхъ. Но корни остались, и они дадутъ новые ростки, потому что сидятъ они глубоко и ихъ много».

Бонапартъ безъ всякаго суда приказалъ бросить плѣннаго негритянскаго генерала въ подземелье отвратительной темницы форта Жу при Безансонѣ, гдѣ когда-то сидѣлъ и Мирабо. Такимъ образомъ Бонапартъ подражалъ въ своемъ деспотизмѣ прежнему режиму. Туссена подвергли крайне суровому обращенію. Его буквально замучили на смерть. Смерть освободила его отъ мучителей 5 апрѣля 1803 г.

Французы попытались оправдать свой позорный поступокъ и сфабриковали письмо Туссена, въ которомъ объявлялось о скоромъ возстаніи негровъ. Но предательство, жертвой котораго палъ Туссенъ, вызвало въ средѣ негровъ дикое озлобленіе. Составился обширный заговоръ, и когда стало извѣстно, что французы снова ввели рабство на нѣкоторыхъ изъ Антильскихъ острововъ, въ 1803 г. вспыхнуло предсказанное Туссеномъ возстаніе негровъ. Все цвѣтное населеніе острова съ оружіемъ въ рукахъ возстало противъ французовъ, сильно страдавшихъ отъ желтой лихорадки, и французы не въ силахъ были осилить негровъ въ начавшейся теперь кровопролитной партизанской войнѣ. Самъ Леклеръ погибъ отъ желтой лихорадки, и остаткамъ французскаго войска пришлось оставить Гаити, послѣ чего дикій вождь негровъ Дессалинъ, позже провозгласившій себя императоромъ Гаити, организовалъ всеобщее избіеніе бѣлыхъ.

Такимъ образомъ, Франція послѣ новыхъ кровавыхъ ужасовъ навсегда потеряла этотъ прекрасный островъ, и французы жестоко поплатились за предательство и насиліе, учиненныя имъ надъ Туссеномъ л'Увертюръ.

Борьба за конституцію въ Швейцаріи.

Директорія, которая послѣ изгнанія русскихъ и австрійцевъ должна была управлять Швейцаріей по конституціи 1798 года, по выходѣ изъ ея состава базельскаго демократа Петра Окса состояла изъ Лагарпа, Оберлина, Секретана, Дольдера и Савари. Первые три были убѣжденными республиканцами, а Дольдеръ и Савари являлись приверженцами Бонапарта. Они

намѣрены были преобразовать государственное устройство Швейцаріи по образцу консульскаго правительства во Франціи. 7 января 1800 года они устроили собственное 18 брюмэра. Три республикански настроенныхъ директора насильственнымъ путемъ были устранены отъ должности, и мѣсто директоріи, съ одобренія Бонапарта, занялъ исполнительный совѣтъ, состоявшій изъ семи членовъ. Бонапартъ ничего не имѣлъ и противъ того, чтобы обѣ палаты, изъ которыхъ, по конституціи 1798 года, состояло швейцарское народное представительство, были уничтожены. Савари и Дольдеръ въ своихъ дѣйствіяхъ опирались на силу французскаго оружія и были убѣждены въ томъ, что имъ удалось устранить всѣ препятствія къ введенію въ Швейцаріи консульской конституціи. Однако, въ исполнительномъ совѣтѣ возникли крупныя несогласія: трое изъ членовъ совѣта, будучи противниками конституціи 1798 года, въ то же время стояли за возстановленіе прежней кантональной конституціи. Было предложено множество проектовъ новой конституціи для Швейцаріи, но всѣ они были отвергнуты, причемъ тутъ сильнѣйшимъ образомъ сказалось вліяніе генерала Бонапарта. Въ Швейцаріи господствовала крайняя неурядица; въ ней не существовало больше никакой правительственной власти, и трудно было рѣшить, какъ успокоить страну.

Такое состояніе дѣлъ, повидимому, было желательно для Бонапарта. Теперь онъ вмѣшался въ швейцарскія дѣла. Онъ рѣшилъ дать Швейцаріи федеративное устройство, чтобы легче сломить ея сопротивленіе. Сторонники Франціи снова произвели государственный переворотъ въ Бернѣ и назначили временный сенатъ изъ 28 членовъ, который и перенялъ управленіе страной.

Въ 1802 году Бонапартъ прислалъ изъ Парижа свой вполнѣ федералистическій проектъ конституціи для Швейцаріи. По проекту Бонапарта, кантонамъ возвращалась ихъ верховная власть, и въ Швейцаріи снова вводился старый сеймъ. Президентъ послѣдняго получалъ званіе ландамманна и являлся представителемъ центральной власти. Сенатъ согласился съ этимъ проектомъ и провозгласилъ конституцію Бонапарта. Однако швейцарцы и слышать не хотѣли о ней, и когда французскія войска, въ виду заключенія всеобщаго мира, покинули Швейцарію, древніе кантоны возстали съ оружіемъ въ рукахъ. Бернскому правительству пришлось бѣжать въ Лозанну. Распря охватила все населеніе, потому что сторонники идеи единства созвали въ Бернѣ собраніе нотаблей и провозгласили отмѣну конституціи 1802 года, намѣреваясь замѣнить ее другою, по образцу конституціи 1798 года. Но тутъ, съ своей стороны, возстали сторонники конституціи 1802 года, и во время этой общей сумятицы Бонапартъ, котораго, впрочемъ, каждая изъ сторонъ просила о вторичномъ вмѣшательствѣ, объявилъ себя *посредникомъ* въ швейцарскихъ дѣлахъ. Онъ въ одной изъ своихъ прокламацій упрекалъ швейцарцевъ въ томъ, что они не умѣютъ упорядочить управленіе страной, и въ то же время самъ дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы усилить господствовавшую въ странѣ анархію. Онъ заявилъ, что ему придется пустить въ ходъ энергичныя мѣры, и въ то же время назначилъ въ Парижѣ собраніе нотаблей, которое должно было выработать конституцію.

Но такъ какъ швейцарцы все еще продолжали оказывать сильное противодѣйствіе всѣмъ попыткамъ Бонапарта осчастливить страну, то въ Швейцарію, подъ начальствомъ генерала Нея, двинулась сорокатысячная армія, которая преодолѣла это противодѣйствіе. Швейцарецъ Алоизъ Рединг, вождь борцовъ за старую кантональную конституцію, былъ схваченъ и заключенъ въ тюрьму въ Аргау.

Въ Парижѣ была выработана новая конституція, которую назвали актомъ посредничества. Она была провозглашена 11 февраля 1803 года и введена назначенной Бонапартомъ коммиссіей изъ семи членовъ. Согласно этой конституціи, генералъ Бонапартъ являлся покровителемъ Швейцаріи; онъ по своему выбору назначилъ новыхъ представителей власти, причемъ оказалъ явное предпочтеніе патриціямъ.

Согласно новой конституціи, которою Бонапартъ осчастливилъ Швейцарію при помощи военной силы, швейцарскій союзъ распадался на 19 кантоновъ: Аргау, Аппенцель, Базель, Бернъ, Фрейбургъ, Гларусъ, Леманъ (Ваадъ), Люцернъ, Рецiенъ (Граубюнденъ), Шаффгаузенъ, Швицъ, Золотурнъ, Сенъ-Галленъ, Тессинъ, Тургау, Унтервальденъ, Ури, Цюрихъ и Цугъ. Связью между кантонами служилъ общій сеймъ, въ которомъ каждый изъ кантоновъ былъ представленъ однимъ депутатомъ. Сеймъ, являвшійся правительственнымъ органомъ Швейцаріи, ежегодно засѣдалъ попеременно въ Базелѣ, Бернѣ, Фрейбургѣ, Люцернѣ и Цюрихѣ, и бургомистръ города, въ которомъ происходило засѣданіе, исполнялъ функціи ландамманна и въ то же время являлся главою центральнаго правительства.

Швейцаріи пришлось заключить съ Бонапартомъ дружественный договоръ, согласно которому она доставила Бонапарту 16.000 солдатъ и обязалась ежегодно покупать во Франціи 20.000 центнеровъ соли.

Такимъ образомъ, въ швейцарской республикѣ сохранилось федеративное устройство только потому, что ея могущественный парижскій покровитель полагалъ, что федеративная Швейцарія будетъ слабѣе централизованной. Повидимому, онъ въ этомъ не ошибся.

Въ остальныхъ отношеніяхъ конституція 1803 года не заключала въ себѣ ничего особенно прогрессивнаго. А о томъ, чтобы она и на будущее время не была нарушена, позаботились штыки Бонапарта.

Нарушеніе амьенскаго договора.

Въ Англіи существовала партія, которая весьма неохотно отказалась отъ войны съ Франціей, несмотря на то, что, благодаря этой войнѣ, задолженность Англіи достигла крайнихъ размѣровъ. Партію эту составляли Питтъ и его приверженцы, надѣявшіеся съ помощью англійскаго золота создать новую коалицію. Вѣроломная и алчная политика англичанъ нанесла гораздо большій ущербъ мирнымъ интересамъ Европы, чѣмъ честолюбіе Наполеона. Въ виду того, что Англія является виновницей нарушенія амьенскаго мира, на нее главнымъ образомъ и падаетъ отвѣтственность за послѣдовавшій затѣмъ долгій рядъ ужасныхъ войнъ, до 1815 г. опустошавшихъ Европу.

Первый консулъ не заставилъ англичанъ долго ждать повода для нарушенія амьенскаго мира. Онъ велъ себя теперь, какъ настоящій самодержецъ, и преисполнился соотвѣтственнымъ высокомѣріемъ и обидчивостью. Какъ разъ въ это время онъ добился цивильнаго листа въ шесть милліоновъ. Чѣмъ болѣе онъ приближался къ монархической власти, тѣмъ сильнѣе оскорбляло его какое бы то ни было противорѣчіе. Онъ не переносилъ болѣе критическаго отношенія къ своей особѣ. Направленныя противъ перваго консула язвительныя нападки и насмѣшки, появлявшіяся ежедневно въ англійской печати, вызывали гнѣвъ этого могущественнаго властелина, и это производило впечатлѣніе крайне мелочной обидчивости. Онъ сдѣлалъ представленія англійскому правительству по поводу нападокъ прессы и заговора эмигрантовъ и, какъ ему казалось, не получилъ должнаго удовлетворенія. Благодаря этому, между обѣими державами снова установились весьма натянутыя и недружелюбныя отношенія.

Чтобъ вызвать новую войну, Англія совершила позорный и ничѣмъ не оправдываемый поступокъ: она нарушила данное ею слово. При заключеніи амьенскаго мира она дала торжественное обѣщаніе вернуть островъ Мальту. Но она не исполнила этого обѣщанія и удержала за собой Мальту, а на всѣ жалобы Бонапарта отвѣчала пустыми отговорками. Она ссылалась на политику Бонапарта въ Швейцаріи, на происходившія якобы во Франціи тайныя приготовленія къ войнѣ, на докладъ генерала Себастьяни и проч.; все это не могло однако измѣнить того факта, что удержаніе Мальты было постыднымъ нарушеніемъ мирнаго договора. Бонапартъ потребовалъ соблюденія *«амьенскаго договора полностью»*.

Въ то время онъ, очевидно, искренне желалъ мира, такъ какъ ему хотѣлось еще болѣе упрочить свою власть внутри государства. Поэтому онъ всѣми силами старался уладить конфликтъ по поводу Мальты мирнымъ путемъ. Онъ готовъ былъ очистить Голландію и Швейцарію отъ своихъ войскъ, соглашался уступить Англіи взамѣнъ Мальты другой островъ, но все было напрасно. Хищническіе инстинкты Англіи требовали войны, и потому ее невозможно было предотвратить.

Неудивительно, что Бонапартъ былъ выведенъ изъ себя. Узнавъ, что въ Англіи снова начались военныя приготовленія, онъ по своему обыкновенію рѣзко и безъ обиняковъ обратился къ англійскому посланнику лорду Уайтворту на придворномъ балу въ Тюльери 13-го марта 1803 г.:

— Итакъ, вы хотите войны?

— Нѣтъ!—отвѣтилъ англійскій дипломатъ.

— Нѣтъ,—произнесъ Бонапартъ,—мы пятнадцать лѣтъ воевали другъ съ другомъ. Вы хотите вести войну еще пятнадцать лѣтъ и желаете принудить меня къ этому. Англичане,—обратился Бонапартъ къ посланникамъ другихъ державъ,—желаютъ войны. Но если они первые вынутъ мечъ изъ ноженъ, то я вложу мечъ въ ножны послѣднимъ. Англичане не соблюдаютъ договоровъ, отнынѣ и мы должны забыть о нихъ.

Затѣмъ онъ снова обратился къ англійскому посланнику:—Къ чему эти приготовленія къ войнѣ? Противъ кого принимаются всѣ эти мѣры предосторожности? Въ французскихъ гаваняхъ нѣтъ ни одного линейнаго корабля, но если вы вооружаетесь, то и я послѣдую вашему примѣру; если вы готовитесь къ борьбѣ, то и я поступлю также. Вы можете разгромить Францію, но вы не устрашите ея.

Въ отвѣтъ на это англійскій посланникъ лицемѣрно возразилъ:

— Мы не хотимъ ни того, ни другого. Мы желаемъ дружественныхъ отношеній съ Франціей.

— Въ такомъ случаѣ,—замѣтилъ Бонапартъ,—вы должны соблюдать договоры. *Горе тому, кто позволитъ себѣ нарушить ихъ; на него падетъ отвѣтственность передъ всей Европой.*

Въ данномъ случаѣ первый консулъ былъ совершенно правъ, но англичане, по свойственному имъ коварству, никогда не заботятся о томъ, на чьей сторонѣ право. Было ясно, что они нарушили амьенскій договоръ, и никого не могли обмануть тѣ жалкія увертки, которыми англійскіе дипломаты желали прикрыть свое криводушіе и свою алчность.

Послѣ нѣкоторыхъ притворныхъ попытокъ полюбовно уладить дѣло, англійскій посланникъ покинулъ Парижъ, и 18 мая 1803 г. Англія объявила Франціи войну.

Англія тотчасъ же дала волю своимъ хищническимъ инстинктамъ, и такимъ образомъ сразу обнаружился истинный характеръ англійской политики. Еще до того, какъ стало извѣстнымъ, что война объявлена, англійскіе крейсеры начали охотиться за французскими торговыми и транспортными судами. Въ отвѣтъ на это Бонапартъ приказалъ арестовать, въ качествѣ военноплѣнныхъ, всѣхъ жившихъ или путешествовавшихъ по Франціи англичанъ. Англія и дружественныя ей страны подняли по этому поводу такой шумъ, что даже Камбасересъ совѣтовалъ отмѣнить это распоряженіе. Были арестованы лишь тѣ англичане, которые принадлежали къ англійской милиціи или путешествовали по порученію правительства. Ихъ даже не посадили въ тюрьмы, а размѣстили на честное слово по французскимъ крѣпостямъ.

Изъ этого мы можемъ заключить, какъ безразсудно часто бываетъ общественное мнѣніе. Въ этомъ случаѣ оно стало на сторону Англіи, несмотря на то, что коварство послѣдней должно было бы вызвать всеобщее негодованіе, если бы общество не было введено въ заблужденіе.

У Бонапарта, глубоко возмущеннаго поведеніемъ Англіи, возникла мысль о серьезномъ нападеніи на Великобританію. Послѣ сраженій при С. Винцентѣ и Абукирѣ онъ по собственному опыту зналъ, что о побѣдѣ надъ англійскимъ флотомъ въ открытомъ морѣ нечего и думать. Не въ его власти было также закрыть материкъ для англійской торговли. Поэтому онъ остановился на планѣ высадки войскъ въ Англіи съ тѣмъ, чтобы уничтожить заклятаго врага Франціи въ его собственномъ гнѣздѣ.

Осуществленіе этого проекта было сопряжено съ большими трудностями. Слѣдовало ожидать отчаяннаго сопротивленія со стороны англичанъ и не подлежало сомнѣнію, что при переправѣ французской арміи черезъ каналъ ей придется преодолѣть значительныя и опасныя препятствія, благодаря превосходству непріятельскаго флота. Но даже и въ случаѣ побѣды надъ Англіей это можно было сдѣлать съ этой страной, которая, несомнѣнно, никогда не

покорилась бы вполнѣ французамъ и осталась бы навсегда источникомъ новыхъ безпорядковъ, заговоровъ и возстаній?

Бонапартъ питалъ однако надежду, что его энергія преодолѣетъ всѣ препятствія, и выработалъ грандіозный планъ высадки въ Англіи. Проектъ этотъ обсуждался открыто и пользовался во Франціи большой популярностью, такъ какъ французамъ очень хотѣлось проучить англичанъ за ихъ враждебное отношеніе къ французской республикѣ. Путемъ добровольныхъ пожертвованій была собрана огромная сумма денегъ на покрытіе издержекъ по экспедиціи, а итальянскія республики по собственному почину пожертвовали четыре милліона для снаряженія флота.

У Булони, откуда войска должны были переправляться въ Англію, былъ устроенъ лагерь, растянувшійся на много верстъ вдоль берега. Сюда должны были быть доставлены 150,000 солдатъ, 10,000 лошадей и 400 пушекъ; для переправы этой арміи въ Англію были предназначены 2,000 транспортныхъ судовъ. Работы велись съ необычайнымъ жаромъ. Были сооружены особыя укрѣпленія, защищавшія лагерь отъ безпрестанныхъ нападеній англійской эскадры; чтобы создать необходимые для флота сборные пункты, были возведены портовыя сооруженія. Были изобрѣтены особыя суда, предназначавшіяся для переправы войскъ, лошадей и артиллеріи.

Эти приготовленія къ высадкѣ въ Англію, которыя велись подъ руководствомъ адмирала Декрэ и Брюи, приняли вскорѣ такіе размѣры, что казалось, будто булонскій берегъ покрытъ настоящими военными поселеніями. Самъ Бонапартъ часто являлся туда, чтобы подгонять работавшихъ. Въ то же время онъ приказалъ оккупировать ганноверское курфюршество, отъ котораго Пруссія снова отказалась, и которое состояло въ личной уніи съ британскимъ королевствомъ. Въ маѣ 1803 г. генералъ Мортье вступилъ въ Ганноверъ. Ганноверская армія, во главѣ которой стоялъ генералъ Вальмоденъ, капитулировала, не доведя дѣла до сраженія, такъ какъ у ганноверцевъ не было охоты проливать свою кровь за принадлежность къ британскому королевству. 3 іюня 1903 г былъ подписанъ Зулингенскій договоръ, согласно которому ганноверская армія должна была отступить за Эльбу и обязывалась честнымъ словомъ не принимать участія въ настоящей войнѣ; Ганноверъ же былъ отданъ французамъ. Получивъ извѣстіе объ этомъ событіи, англійскій король Георгъ III пришелъ въ такое бѣшенство, что швырнулъ договоръ докладывавшему ему объ этомъ министру въ лицо. Онъ отказался подтвердить договоръ. Но ганноверцы, которымъ было совершенно безразлично, принадлежитъ ли ихъ курфюршество Англіи или Франціи, разъ нельзя было ничего измѣнить въ самомъ фактѣ ихъ подчиненности чужой державѣ, сложили оружіе и вернулись на родину. 30,000 французовъ оккупировало Ганноверъ, который вдобавокъ долженъ былъ еще уплатить военную контрибуцію. Ганноверскія гавани на Нѣмецкомъ морѣ были закрыты, что нанесло англійской торговлѣ значительный ущербъ.

Хотя англичане и заявляли хвастливо, что ни одинъ французъ не вступитъ на англійскую территорію, имъ все же становилось не по себѣ при мысли о работахъ, кипѣвшихъ въ лагерѣ подъ Булонью. Ихъ сухопутная армія не могла сравниться съ французской. Но Питтъ, въ этотъ критическій моментъ снова ставшій у власти, во время вспомнилъ, что въ періодъ долгихъ революціонныхъ войнъ иностранныя державы не разъ уже за деньги предоставляли въ распоряженіе англичанъ кровь своихъ подданныхъ. Рѣшено было снова прибѣгнуть къ этому испытанному средству, и Питтъ организовалъ большую третью коалицію, благодаря чему ему удалось предотвратить грозившій Англіи ударъ и ограничить поле военныхъ дѣйствій контингентомъ.

Заговоръ Пишегрю и Кадудаля.

Чѣмъ больше монархическихъ учрежденій создавалъ Бонапартъ, тѣмъ все болѣе усиливалась оппозиція противъ его реставраціонныхъ плановъ. Въ арміи было еще немало республиканскихъ элементовъ, во главѣ которыхъ стоялъ генералъ Моро. Побѣдитель при Гогенлиндегѣ осмѣливался, какъ мы видѣли, подтрунивать надъ абсолютистскими и монархическими пожеланіями Бонапарта. Это очень злило Бонапарта, а будущій самодержецъ нелегко забывалъ нанесенныя ему обиды. Какъ и всѣхъ честолюбивыхъ людей, его сильнѣе всего задѣвали насмѣшки. Сперва онъ сдѣлалъ попытку снова расположить Моро въ свою пользу. Но Моро не измѣнялъ своего холоднаго и сухого отношенія къ человѣку, который стремился утвердить свою самодержавную власть на развалинахъ республики. Однажды, когда Моро былъ у Бонапарта, и Карно принесъ первому консулу пару роскошныхъ пистолетовъ, послѣдній замѣтилъ: «Эти пистолеты какъ разъ годятся для Моро». Моро принялъ подарокъ, но съ такимъ выраженіемъ лица, какъ будто съ нимъ случилось что-либо крайне непріятное. Нѣсколько времени спустя Моро не пожелалъ почтить своимъ присутствіемъ одинъ изъ баловъ перваго консула, что очень оскорбило Бонапарта, который въ отместку не послалъ ему приглашенія на оффиціальный балъ. Благодаря насмѣшливому отношенію Моро къ почетному легіону, натянутость между обоими великими полководцами превратились во вражду. Вокругъ Моро, котораго считали главой республиканцевъ въ арміи, группировались всѣ элементы, недовольные тѣмъ, что Бонапартъ уничтожилъ демократическія учрежденія, и такимъ образомъ Моро, хотя, можетъ быть, и противъ своей воли, сдѣлался главой партіи. Онъ былъ честенъ и мужественъ, но у него не хватало рѣшимости, и потому едва ли его можно было считать серьезнымъ соперникомъ Бонапарта. Къ тому же на него имѣла сильное вліяніе его жена, тщеславная женщина съ аристократическими замашками.

Въ то время, какъ республиканская оппозиція противъ Бонапарта разросталась главнымъ образомъ среди войска, роялисты тоже не дремали. Эмигрировавшіе французскіе принцы организовали крупный заговоръ съ цѣлью умерщвленія Бонапарта. Британское правительство поощряло заговорщиковъ и, какъ это было неопровержимо доказано впослѣдствіи, само принимало въ немъ дѣятельное участіе при посредствѣ баварскаго и вюртембергскаго посланниковъ. Предполагалось организовать роялистическое возстаніе, и герцогъ Энгіенскій, внукъ принца Кондэ, поселился въ Эттенгеймѣ,

расположенномъ въ Баденѣ близъ французской границы, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ стать во главѣ возстанія роялистовъ.

Но главныя нити этого крупнаго заговора сходились въ Лондонѣ. Туда явился тѣмъ временемъ знаменитый завоеватель Голландіи, генералъ Пишегрю, который во время государственнаго переворота 18 фруктидора 1797 г. былъ сосланъ, какъ роялистъ, въ Кайенну, откуда ему удалось бѣжать. Онъ заключилъ союзъ съ другимъ жившимъ въ Лондонѣ эмигрантомъ Жоржемъ Кадудалемъ, необузданнымъ предводителемъ бретонскихъ шаекъ и организаторомъ покушенія съ помощью адской машины. Англійское правительство дало необходимыя для предпріятія средства. Питтъ былъ еще менѣе разборчивъ въ выборѣ средствъ для устраненія ненавистнаго ему Бонапарта, чѣмъ послѣдній при выборѣ путей для достиженія власти. Заговорщики внимательно слѣдили за настроеніемъ Парижа, и Пишегрю надѣялся привлечь къ заговору генерала Моро. Но въ этомъ отношеніи его ожидало разочарованіе.

Въ сопровожденіи тридцати рѣшительныхъ заговорщиковъ-роялистовъ Пишегрю и Кадудаль вернулись во Францію. Среди этихъ заговорщиковъ находились также братья Полиньякъ, одинъ изъ которыхъ сыгралъ впослѣдствіи нѣкоторую роль, въ качествѣ министра Карла X. Англійскій капитанъ Райтъ высадилъ заговорщиковъ въ Морбіанѣ. У нихъ имѣлись хорошія связи, и они устроили цѣлый рядъ передаточныхъ пунктовъ между берегомъ и Парижемъ.

Кадудаль, желая избѣжать обвиненія въ убійствѣ изъ-за угла, рѣшилъ придать покушенію рыцарскую окраску. Онъ хотѣлъ во главѣ сотни удалыхъ шуановъ открыто напасть на перваго консула, когда тотъ въ сопровожденіи своей почетной стражи отправится изъ Парижа въ Мальмезонъ. Онъ предполагалъ собственноручно убить Бонапарта въ рукопашной схваткѣ въ то время, когда его товарищи набросятся на почетную стражу. Такимъ образомъ онъ надѣялся придать покушенію характеръ поединка. Этотъ замыселъ вполнѣ соотвѣтствовалъ пылкой и отважной натурѣ Кадудаля.

Пишегрю и Кадудаль такъ искусно скрывались въ Парижѣ, что ихъ пріѣздъ остался въ тайнѣ. Вскорѣ Пишегрю изъ своего убѣжища удалось завязать сношенія съ Моро, и послѣдній былъ настолько неосторожень, что вступилъ въ переговоры съ своимъ старымъ товарищемъ по оружію. Пишегрю привелъ на совѣщаніе Кадудаля, но его дикій фанатизмъ не могъ не оттолкнуть Моро, питавшаго отвращеніе ко всякаго рода покушеніямъ. Моро не хотѣлъ и слышать о Кадудалѣ, а послѣдній въ свою очередь отзывался въ высшей степени презрительно о спокойномъ и мягкомъ по натурѣ Моро и называлъ его гусакомъ. Дѣло въ томъ, что Моро, несмотря на глубокую ненависть къ Бонапарту, не имѣлъ никакой охоты примыкать къ роялистамъ. Однако сношенія съ Пишегрю настолько его скомпрометировали, что онъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности.

Выполненіе покушенія замедлилось, потому что сумасбродному Кадудалю захотѣлось, чтобъ какой-нибудь французскій принцъ присутствовалъ при томъ, какъ онъ ударомъ сабли сразитъ перваго консула на пути въ Мальмезонъ. Но принцы всегда умѣли оберегать свою драгоцѣнную жизнь,

въ то время какъ ихъ приверженцы умирали за нихъ; поэтому, разумѣется, у нихъ не было охоты принимать участіе въ такомъ рискованномъ предпріятіи.

Между тѣмъ полиція открыла заговоръ. Ей внушили подозрѣнія три роялистскихъ агента, разъѣжавшихъ между берегомъ и столицей. До ушей ея давно уже доходили смутные слухи о новомъ замыслѣ Кадудаля. Въ виду этого вышеупомянутыя подозрительныя лица были подвергнуты тщательному допросу, обнаружившему, что они являются агентами Кадудаля. Военный судъ приговорилъ ихъ къ смертной казни. Но имъ обѣщано было помилованіе, если они выдадутъ своихъ сообщниковъ. Двое осужденныхъ, отказавшихся отъ предательства, были разстрѣляны. Третій не устоялъ подъ дулами направленныхъ на него ружей и сознался. Такимъ образомъ полиція узнала, что Кадудаль и Пишегрю давно уже скрываются въ Парижѣ, замышляя покушеніе на жизнь перваго консула.

Съ подобными свѣдѣніями въ рукахъ полиціи уже нетрудно было выяснить дальнѣйшія подробности. Но поймать заговорщиковъ было не легко, а Кадудаль былъ такъ хитеръ и отваженъ, что носились слухи, будто онъ, переодѣвшись лакеемъ, пробрался въ Тюльери, чтобы убить Бонапарта, и лишь случайно не нашелъ его. Всѣ розыски полиціи оставались безплодными, пока, наконецъ, Бонапартъ не принялъ самыхъ строгихъ мѣръ. Онъ приказалъ закрыть парижскія заставы и разставить караулы такъ, чтобы никто не могъ покинуть столицу. Особый законъ угрожалъ смертью тому, кто будетъ скрывать у себя заговорщиковъ. Всякому, кто зналъ ихъ убѣжище и не донесъ объ этомъ властямъ, грозило шесть лѣтъ каторги. Днемъ и ночью производились обыски. Пишегрю былъ выданъ и арестованъ. Кадудаль не могъ болѣе найти пристанища. Онъ днемъ и ночью разъѣзжалъ въ извощичьей каретѣ, пока, наконецъ, на его слѣдъ ненапало двое полицейскихъ. Когда они остановили дрожки, онъ застрѣлилъ одного изъ нихъ. Но его все же арестовали и посадили въ тюрьму.

Въ то же время арестовали и Моро, спокойно проживавшаго въ своемъ помѣстьѣ. Его арестъ произвелъ въ Парижѣ сильную сенсацію и вызвалъ далеко не лестные толки о первомъ консулѣ. Большинство не вѣрило, чтобъ Моро могъ принимать участіе въ подобномъ заговорѣ, а иные утверждали, что все это подстроено Бонапартомъ, который желаетъ погубить своего соперника по военной славѣ. Въ трибунатѣ нашлись лакейскія души, которыя, желая угодить первому консулу, заявили, что считаютъ виновность Моро доказанной. Братъ Моро, выразившій свой протестъ, былъ осмѣянъ. Рабскія души выказали всю свою подлость и низость.

Первый консулъ получалъ отъ своихъ ставленниковъ изъявленія глубокой радости по поводу удачнаго раскрытія столь опаснаго заговора. Гнѣвъ Бонапарта обрушился на его враговъ, главнымъ же образомъ—на Моро.

«Моро поплатится, какъ и всякій другой, за то, что онъ устраиваетъ заговоры, которые преслѣдуютъ гнусныя цѣли и нуждаются въ столь позорныхъ связяхъ!» воскликнулъ онъ.

Заговорщику 18 брюмэра не слѣдовало бы распространяться о гнусности и позорѣ.

Слѣдствіемъ было установлено, что одинъ изъ бурбонскихъ принцевъ, имя котораго не было установлено, стоялъ во главѣ заговора и—хотя лишь для виду—изъявилъ свое согласіе прибыть во Францію, чтобы присутствовать при томъ, какъ Кадудаль убьетъ Бонапарта. Это могъ быть только графъ д'Артуа. Бонапартъ, который еще незадолго до того безуспѣшно велъ переговоры съ Бурбонами съ цѣлью склонить ихъ за извѣстное вознагражденіе къ отказу отъ ихъ притязаній, пришелъ теперь въ ярость и поклялся отмстить династіи. Онъ изливалъ свой гнѣвъ противъ нея со свойственной ему рѣзкостью.

«Бурбоны полагаютъ»,—говорилъ онъ,—«что мою кровь можно пролить, какъ кровь какого-нибудь жалкаго животнаго. Моя кровь не менѣе драгоцѣнна, чѣмъ ихъ. Я вселю въ нихъ такой же ужасъ, какой бы имъ хотѣлось внушить мнѣ. *Перваго изъ принцевъ, который попадется мнѣ въ руки, я прикажу разстрѣлять безъ всякаго сожалѣнія.* Я покажу имъ съ кѣмъ они имѣютъ дѣло! Я намѣренъ считаться со всякимъ Бурбономъ не больше, а, пожалуй, даже меньше, чѣмъ съ Моро или Пишегрю. Эти принцы воображаютъ, что ихъ особа неприкосновенна, и безъ всякой жалости жертвуютъ массой несчастныхъ, а сами прячутся по ту сторону канала. Но пусть они будутъ осторожны. Я такъ же безпощадно пролью кровь Бурбона, какъ кровь послѣдняго шуана».

Этотъ взрывъ безудержной ярости проливаетъ яркій свѣтъ на судьбу, постигшую затѣмъ герцога Энгіенскаго.

Этоеъ молодой принцъ сражался въ корпусѣ эмигрантовъ въ періодъ революціонныхъ войнъ и состоялъ затѣмъ на службѣ у англичанъ. Въ описываемый періодъ онъ получалъ отъ англичанъ субсидію и проживалъ въ Эттенгеймѣ, въ герцогствѣ Баденскомъ. Онъ находился въ любовной связи съ графиней Роганъ-Рошфоръ. Въ общемъ онъ представлялъ собой довольно незначительную личность. Трудно предположить, чтобы онъ принималъ непосредственное участіе въ заговорѣ. Вѣрилъ ли Бонапартъ, что герцогъ Энгіенскій и есть тотъ самый принцъ, участіе котораго въ заговорѣ было обнаружено слѣдствіемъ, или нѣтъ—неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ онъ рѣшилъ примѣрно наказать герцога Энгіенскаго и тѣмъ отбить у Бурбоновъ всякую охоту къ дальнѣйшимъ заговорамъ.

Герцогъ жилъ на нейтральной почвѣ. Для того, чтобы схватить его, приходилось нарушить международное право. Но что значилъ для Бонапарта нейтралитетъ крохотнаго государства, съ которымъ Франція находилась въ дружественныхъ отношеніяхъ! Коленкуръ, бывшій всегда покорнымъ орудіемъ въ рукахъ Бонапарта, получилъ приказаніе безъ всякихъ околичностей схватить герцога Энгіенскаго и привести его въ Парижъ. Въ ночь на 15 марта 1804 г. Коленкуръ съ 300 драгунами подъ начальствомъ полковника Орденэ переправился черезъ Рейнъ при Рейнау. Французы окружили городокъ Эттенгеймъ и проникли въ жилище герцога. Сперва онъ хотѣлъ было защищаться, но вскорѣ сдался, убѣдившись, что сопротивленіе ни къ чему не поведетъ. Его привезли сначала въ Страсбургскую цидатель, затѣмъ въ Парижъ, а оттуда въ Венсень. Тамъ онъ былъ преданъ суду военной коммиссіи, въ которой предсѣдательствовалъ генералъ

Гюлленъ, извѣстный, какъ одинъ изъ участниковъ штурма Бастиліи. Невозможно было доказать, что герцогъ принималъ участіе въ заговорѣ, но можно было подвести его подъ законъ объ эмигрантахъ, согласно которому всякій эмигрантъ, поднявшій оружіе противъ Франціи, могъ быть приговоренъ къ смерти. Принцъ призналъ предъ военной коммиссіей, что онъ, состоя на жалованіи у англичанъ, сражался противъ Франціи. Военная коммиссія приговорила его къ смерти черезъ разстрѣляніе, и этотъ жестокій приговоръ былъ тотчасъ же приведенъ въ исполненіе подъ руководствомъ генерала Савари, при свѣтѣ факеловъ, ночью 22 марта 1804 г. Могила, въ которую былъ опущенъ трупъ, была вырыта еще до совѣщанія военной коммиссіи.

Этотъ фактъ вызвалъ сильнѣйшее возбужденіе въ обществѣ, и враги Бонапарта искусно использовали его въ своихъ цѣляхъ. Правда, международное право было въ данномъ случаѣ нарушено далеко не такъ нагло, какъ при убіеніи пословъ въ Раштатѣ, но реакціонныя державы всегда отличались неподражаемой ловкостью при использованіи подобныхъ событій Притомъ, здѣсь жертвой палъ Бурбонъ, въ Раштатѣ же погибли простые смертные.

Самъ Бонапартъ велъ себя въ этой исторіи со свойственной ему двуличностью. Впослѣдствіи онъ увѣрялъ, что герцогъ былъ казненъ, собственно, противъ его воли. Его подчиненные слишкомъ поторопились привести въ исполненіе приговоръ, такъ что онъ не успѣлъ даже воспрепятствовать этому. Но подобному утвержденію противорѣчатъ всѣ обстоятельства дѣла. Если Бонапартъ не желалъ, чтобы судьба одного Бурбона послужила назиданіемъ для остальныхъ, къ чему ему было тогда насильственнымъ вторженіемъ въ предѣлы герцогства Баденскаго нарушить международное право? Впрочемъ, начиная съ этого времени, бурбонскіе принцы, кажется, не устраивали больше заговоровъ на жизнь Бонапарта.

22 марта былъ разстрѣлянъ герцогъ Энгіенскій, а 7 апрѣля генералъ Пишегрю былъ найденъ мертвымъ въ своей темницѣ. Очевидно, онъ былъ удавленъ. Вокругъ его шеи былъ обмотанъ черный шелковый платокъ, съ прикрѣпленнымъ къ нему кляпомъ. Утверждаютъ, будто Пишегрю до тѣхъ поръ стягивалъ этотъ платокъ вокругъ шеи, пока онъ не потерялъ сознанія и не задохся. Но эти росказни о его смерти не встрѣтили довѣрія въ публикѣ, и носились слухи, что Бонапартъ избавился отъ своего прежняго учителя въ Брієнской военной школѣ при помощи слѣпо преданныхъ ему людей. На загадочную смерть завоевателя Голландіи такъ и не былъ пролитъ свѣтъ, и до сихъ поръ существуетъ мнѣніе, что онъ былъ умерщвленъ, хотя, съ другой стороны, необходимо замѣтить, что Бонапартъ и безъ того могъ съ увѣренностью ожидать отъ рабскихъ душъ, засѣдавшихъ въ его судахъ, осужденія Пишегрю. Вскорѣ затѣмъ найденъ былъ мертвымъ въ тюрьмѣ англійскій капитанъ Райтъ, перевезшій заговорщиковъ во Францію и взятый въ плѣнъ французами въ морскомъ сраженіи. Это еще болѣе способствовало усиленію слуховъ о тайныхъ казняхъ въ тюрьмахъ.

Кадудаль не палъ духомъ и гордо предсталъ передъ судьями Бонапарта вмѣстѣ со своими товарищами. Этотъ отчаянный шуанъ до послѣдней ми-

нуты не потерялъ присутствія духа и осыпалъ своихъ судей язвительными насмѣшками. Предсѣдателя судебной палаты извѣстнаго Тюріо (Thuriot), когда-то принадлежавшаго къ партіи якобинцевъ и предсѣдательствовавшаго 9 термидора въ конвентѣ, онъ упорно называлъ «Monsieur Tue-tout» (господинъ цареубійца). Двадцать заговорщиковъ были приговорены къ смерти, но семеро изъ нихъ, въ томъ числѣ Арманъ де-Полиньякъ, были помилованы. Кадудаль и его шуаны смѣло смотрѣли въ глаза смерти. Ярый заговорщикъ повелъ своихъ товарищей на эшафотъ, какъ на бой. Лишь теперь Бонапартъ могъ свободно вздохнуть, навсегда освободившись отъ своего заклятаго врага.

Съ Моро не такъ легко было справиться. Народъ и войско были на сторонѣ знаменитаго генерала, который съ такимъ самоотверженіемъ и преданностью служилъ своему отечеству въ годы тяжелыхъ бѣдствій. Въ виду того, что единственной уликой противъ него были двѣ его встрѣчи съ Пишегрю, судьи намѣрены были вынести ему оправдательный приговоръ. Но изъ опасенія, какъ бы оправданный Моро не подвергся мести со стороны Бонапарта, судъ присудилъ его къ двухлѣтнему тюремному заключенію. Благодаря разнымъ хлопотамъ, въ которыхъ принималъ очень живое участіе и Фуше, этотъ приговоръ былъ замѣненъ изгнаніемъ, и Моро уѣхалъ въ Сѣверную Америку. Его политическая и военная карьера была временно закончена. За нимъ сохранилась слава храбраго солдата и честнаго, благороднаго человѣка. Впослѣдствіи Моро запятналъ свою славу у французовъ тѣмъ, что изъ ненависти къ своему заклятому врагу Бонапарту въ 1813 г. перешелъ на сторону русскаго императора; трагическая смерть въ битвѣ при Дрезденѣ доставила ему лишь извѣстный почетъ со стороны Бурбоновъ.

Послѣ подавленія этого послѣдняго изъ опасныхъ роялистскихъ заговоровъ Бонапартъ ужъ не встрѣчалъ болѣе препятствій на своемъ пути къ верховной власти въ той формѣ, которой онъ жаждалъ. Онъ хотѣлъ окружить свое высокое положеніе ореоломъ, блескъ котораго не померкъ бы на протяженіи столѣтій, и протянулъ руку къ коронѣ, чтобъ возложить ее на свою голову. Но блескъ короны ослѣплялъ его самого, можетъ быть, гораздо больше, чѣмъ его современниковъ.

Третья коалиція.

Занятіе Ганновера повело къ сближенію Пруссіи съ Россіей, такъ какъ императоръ Александръ I, отличавшійся тщеславіемъ, приверженностью къ самодержавной власти и склонностью къ фантастическимъ затѣямъ, далеко не прочь былъ разыграть роль третейскаго судьи. Однако Англіи такой третейскій судья былъ совсѣмъ не по вкусу, и поэтому Александръ I сблизился съ королемъ прусскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, при чемъ ему лишь съ большимъ трудомъ удалось замаскировать своекорыстіе русской политики. Александръ стремился одновременно создать противовѣсъ и противъ Англіи и противъ Франціи. Но онъ не могъ склонить Пруссію къ рѣшительнымъ мѣрамъ; послѣдняя требовала отъ Бонапарта лишь освобожденія ганноверскихъ гаваней, находившихся на берегу Сѣвернаго моря. Бонапартъ отказалъ въ этомъ, но предложилъ Пруссіи союзъ противъ Англіи и Ганноверское курфюршество. Несмотря на совѣтъ мудраго прусскаго министра Бугвица согласиться на союзъ, который, вѣроятно, избавилъ бы Пруссію отъ пораженія 1806 года, вліяніе Россіи все же помѣшало осуществленію этого соглашенія. Бонапартъ, готовившійся къ нападенію на Англію, хотѣлъ путемъ союза съ Пруссіей избѣжать нападенія съ тылу, но онъ не могъ найти опоры у послѣдней, благодаря ея нерѣшительной политикѣ. Поэтому онъ обратился къ Испаніи и принудилъ ее заключить съ нимъ союзный договоръ, согласно которому Испанія должна была платить ему ежемѣсячно шесть милліоновъ франковъ субсидіи.

Между тѣмъ военныя приготовленія Наполеона при Булони заставляли тревожно биться сердца англійскихъ торгашей, несмотря на ихъ хвастливыя рѣчи. Англійская сухопутная армія въ 130.000 человѣкъ была составлена изъ наемныхъ солдатъ; здѣсь были гессенцы, швейцарцы, ганноверцы, ирландцы, шотландцы и мальтійцы. Она была разбросана по Англіи, Ирландіи, Британской Америкѣ, Индіи и Египту. Въ Англіи была собрана резервная армія въ 50.000 человѣкъ, для пополненія которой сыновья зажиточныхъ и богатыхъ людей могли однако купить себѣ замѣстителя, такъ какъ англійскіе купцы охотно прикарманивали барыши, которые приносили имъ хищническіе набѣги англійскаго флота, но очень неохотно отдавали своихъ сыновей въ военную службу. Для этого вѣдь существовали сыновья бѣдняковъ. Было также выпущено воззваніе, которымъ всѣ мужчины отъ 17 до 65 лѣтняго возраста призывались къ вступленію въ армію добровольцевъ. Эти добровольцы имѣли особую форму и занимались по нѣсколько часовъ въ недѣлю военными упражненіями; остальное же время они посвящали своимъ частнымъ дѣламъ.

Несмотря на это, страхъ англійскихъ торгашей росъ съ минуты на минуту при мысли, что имъ, пожалуй, придется на англійской почвѣ выдержать борьбу съ привыкшими къ побѣдамъ войсками Бонапарта. Этотъ страхъ былъ также причиной того, что англійское правительство не постѣснялось оказывать, покровительство заговору Пишегрю и Кадудаля, покушавшихся на жизнь Бонапарта. Но когда этотъ заговоръ окончился неудачей, у англичанъ снова возникла мысль, что было бы куда лучше заставить другія державы за полновѣсное англійское золото вести на материкѣ войнусъ Франціей. Удалившійся отъ дѣлъ передъ амьенскимъ миромъ Питтъ снова очутился у власти и получилъ порученіе составить новую коалицію противъ Франціи.

Третью коалицію удалось образовать сравнительно легко, такъ какъ, благодаря казни герцога Энгіенскаго, нетрудно было поднять европейскіе дворы. На этотъ поступокъ Бонапарта придворныя сферы смотрѣли лишь какъ на одно изъ проявленій разнузданности французской революціи. Этой же казнью старались воспользоваться для того, чтобы повліять извѣстнымъ образомъ на настроеніе народовъ. Въ противовѣсъ этой агитаціи Бонапартъ сдѣлалъ ловкій шахматный ходъ; онъ огласилъ попавшіе къ нему

въ руки документы, доказывавшіе, что англійскіе послы, Дрэке въ Мюнхенѣ и Спенсеръ Смитъ въ Штутгартѣ, косвенно участвовали въ заговорѣ Кадудаля и что англійское правительство поддерживало заговорщиковъ деньгами. Благодаря этому, общественное мнѣніе стало на сторону Бонапарта. Но какое дѣло было автократамъ тѣхъ дней до общественнаго мнѣнія? Въ то время, какъ Бонапартъ провозгласилъ себя въ Парижѣ французскимъ императоромъ, путемъ уговоровъ и дипломатическихъ уловокъ, а главное путемъ подкуповъ со стороны англичанъ, была осуществлена могущественная третья коалиція, которой суждено было повлечь за собою столь ужасныя послѣдствія.

Шведскій король Густавъ IV, который относился особенно враждебно къ Бонапарту и впослѣдствіи за свои дикія выходки былъ свергнутъ дворцовой революціей съ престола, заключилъ съ Англіей за звонкую монету союзный договоръ. Пруссія заняла болѣе умную позицію; правда, она прервала переговоры съ Бонапартомъ относительно Ганновера, но въ остальномъ съ внѣшней стороны сохранила строго нейтральное положеніе, несмотря на то, что вступила съ Россіей въ тайное соглашеніе. Да и на самомъ дѣлѣ для Пруссіи не имѣло никакого смысла затѣвать съ Франціей новую опустошительную войну только потому, что Питтъ опасался высадки французовъ въ Англіи.

Австрія пока оставалась спокойной. Она выжидала благопріятнаго момента. Александръ I послѣ разстрѣла герцога Энгіенскаго наложилъ на свой дворъ трауръ. Это обстоятельство раздосадовало французскаго самодержца и онъ послалъ Александру нѣчто вродѣ объясненія по поводу произведеннаго надъ герцогомъ Энгіенскимъ насилія. Въ своемъ объясненіи Бонапартъ доказывалъ, что онъ былъ вынужденъ такъ поступить въ цѣляхъ самозащиты, что Россія несомнѣнно точно такъ же поступила бы въ подобномъ случаѣ. «*Ибо*», ядовито замѣчалъ Бонапартъ въ своемъ письмѣ, *если бы Россія узнала, что убійцы Павла I находятся на разстояніи одного дня пути отъ ея границы, неужели она не попыталась бы захватить ихъ въ свои руки.* Этотъ уколъ долженъ былъ быть тѣмъ чувствительнѣе, что убійцы Павла I при своихъ чинахъ и орденахъ благополучно жили при петербургскомъ дворѣ. Пришлось спокойно проглотить эту ядовитую насмѣшку.

Но Россіи въ то время нравилось разыгрывать изъ себя роль охранительницы свободы и самостоятельности Европы. Александръ I носился съ великими планами. Вмѣсто того, чтобы, пользуясь своей властью, хоть сколько-нибудь упорядочить внутреннія дѣла полуварварской, сильно отсталой въ культурномъ отношеніи Россіи и дать возможность прозябавшему въ безпросвѣтной нищетѣ русскому народу вкусить хоть сколько-нибудь отъ плодовъ цивилизаціи, онъ любилъ разыгрывать изъ себя великаго идеалиста и выставлять на показъ свои заботы о свободѣ другихъ народовъ, между тѣмъ какъ его собственный народъ влачилъ цѣпи самаго ужаснаго рабства. Молодой самодержецъ хотѣлъ преобразовать всю Европу; у него даже былъ выработанъ для этой цѣли такъ называемый планъ регенераціи Европы. По этому плану Европа должна была быть раздѣлена на отдѣльныя государства, главнымъ образомъ сообразно населяющимъ ее національностямъ,—причемъ

все это должно было быть осуществлено на такомъ принципѣ равновѣсія, чтобы стать невозможнымъ политическій перевѣсъ одного государства надъ другимъ и чтобы тѣмъ самымъ былъ обезпеченъ продолжительный миръ. Кромѣ того, должно было быть установлено общее международное право. Все это само по себѣ не было, пожалуй, такъ дурно, но за этимъ планомъ скрывалась задняя мысль—желаніе поставить отдѣльныя государства или національности въ такія условія, чтобъ они взаимно парализовали другъ друга; благодаря этому, политическій перевѣсъ долженъ былъ перейти на сторону Россіи. Въ этомъ отношеніи Россія все еще прекрасно умѣла вводить въ заблужденіе и оставлять въ дуракахъ своихъ друзей и враговъ.

Питтъ, съ которымъ царь велъ переговоры относительно своего плана регенераціи, притворился, что онъ согласенъ съ этой идеей, заключилъ съ Россіей такъ называемый концертный договоръ и объявилъ войну союзницѣ Франціи—Испаніи. Согласно этому договору, Россія должна была выставить 500.000 солдатъ, чтобы вытѣснить французовъ изъ Ганновера, Голландіи и Италіи; Англія, съ своей стороны, обязывалась платить ежегодно за каждые сто тысячъ солдатъ по четыре милліона фунтовъ стерлинговъ. Къ коаліціи примкнулъ Неаполь, а вскорѣ и Австрія, которой была обѣщана Ломбардія.

Такимъ образомъ хитроумная Англія снова добилась того, что половина Европы заключила союзъ противъ Франціи. Она раздавала свое золото полными пригоршнями. Кабинеты прикарманивали эти деньги; народы же думали, что въ этой войнѣ дѣло дѣйствительно идетъ лишь о проведеніи въ жизнь прекрасной идеи продолжительнаго мира и о желаніи придать Европѣ такую форму, которая могла бы служить залогомъ болѣе прекраснаго будущаго. Они и не подозрѣвали. что совмѣстное выступленіе Англіи и Россіи ужъ тогда таило въ себѣ извѣстное соперничество за міровое владычество, и позволили себя уговорить, что хищническая Англія и варварская Россія должны взять на себя роль защитниковъ свободы Европы противъ революціонной Франціи. Въ дѣйствительности же Питтъ достигъ того, что ему было наиболѣе важно: опасность высадки французской арміи въ Англіи была предотвращена, и война, которая должна была разыграться на англійской почвѣ, опустошала теперь страны континента. Англійское золото вновь одержало побѣду.

Если заняться изслѣдованіемъ вопроса, по чьей винѣ Европа столь долгіе годы опустошалась войнами, то придется отвѣтить, что значительную часть вины безусловно слѣдуетъ приписать честолюбію Наполеона Бонапарта. Но гораздо большая часть вины падаетъ на Питта и его союзниковъ, которые изъ жадности къ новымъ завоеваніямъ и изъ ненависти къ французской революціи безъ конца искали предлоговъ къ войнѣ съ Франціей и не задумываясь жертвовали кровью и благосостояніемъ народовъ, чтобъ снова возстановить старый порядокъ, который совершенно пережилъ себя во Франціи.

И Наполеонъ Бонапартъ потому кажется такимъ великимъ, что онъ столь долгое время выходилъ побѣдителемъ изъ этой титанической борьбы, опустошившей цѣлую часть свѣта.

Французскій императоръ.

Послѣ ссылки Моро и смерти Пишегрю и Кадудаля, во Франціи не было болѣе партій, которыя могли бы быть опасными первому консулу. Теперь онъ сдѣлалъ послѣдній шагъ для конечнаго закрѣпленія своей власти и совершенно порвалъ съ республиканскими формами, которыя были переданы Франціи революціей.

На долю Фуше, этого пронырливаго, никогда не терявшагося и прямотаки незамѣнимаго главы полиціи, выпала задача тщательно подготовить общество къ появленію новаго императора, хотя это ужъ никого болѣе не могло изумить. Нетрудно было понять, что дѣло клонится лишь къ тому, чтобъ формально сдѣлать императоромъ Наполеона Бонапарта, который фактически давно ужъ былъ императоромъ.

Въ различныхъ коллегіяхъ, на которыя была тогда расколота законодательная власть, также шла оживленная агитація. Всѣ ждали предложенія объявить Наполеона Бонапарта императоромъ французовъ. Титулъ «король» не пользовался въ то время любовью большинства французовъ. Съ понятіемъ «императоръ» соединилось представленіе о властителѣ могущественнаго государства, и этотъ титулъ долженъ былъ льстить національному честолюбію французовъ. Онъ напоминалъ античный міръ цезарей.

Комедія, имѣвшая своей задачей служить введеніемъ къ облаченію перваго выскочки революціи въ кесарское одѣяніе, была настолько же прозрачна, насколько и пошла. Но она удалась.

Эта комедія началась организаціей потока адресовъ. Власти и сановныя лица, вокругъ которыхъ группировалась масса гражданъ, выражали первому консулу свое убѣжденіе, что его власть необходимо сдѣлать наслѣдственной, дабы оградить Францію отъ происковъ ея внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Какъ будто наслѣдственная власть можетъ оградить отъ этого! Впослѣдствіи Бонапартъ, будучи уже императоромъ, самъ мѣтко опровергъ этотъ взглядъ, заявивъ, что его тронъ самъ по себѣ еще ничего не означаетъ; тронъ представляетъ собой лишь кусокъ дерева, обитый бархатомъ; вся суть въ томъ, кто на немъ сидитъ.

Адреса эти привели въ движеніе старый аппаратъ холопствующаго сената. 27 марта 1804 г., т. е. спустя пять дней послѣ разстрѣла герцога Энгіенскаго, сенатъ вручилъ первому консулу посланіе, въ которомъ излагалъ, что его наслѣдственное единодержавіе необходимо для счастья Франціи.

«Гражданинъ первый консулъ»,—значилось въ этомъ холопскомъ посланіи,—«вы являетесь основателемъ новой эры. Но вы должны также увѣковѣчить ее. Преходящее величіе—ничтожно. *Мы не сомнѣваемся, что вы уже останавливались на этой великой идеѣ, ибо вашъ творческій геній все охватываетъ, ничего не упуская изъ виду.* Но не откладывайте этого дѣла. Васъ тѣснятъ время и событія; заговорщики и честолюбцы вызываютъ въ странѣ безпорядки, которые сильно тревожатъ французовъ. Вы можете

сковать время, овладѣть событіями, обезоружить честолюбцевъ и успокоить всю Францію, если вы даруете ей учрежденія, которыя укрѣпятъ то, что вы создали, и упрочатъ за дѣтьми то, что вы сдѣлали для отцовъ. Гражданинъ первый консулъ, будьте увѣрены, что сенатъ обращается къ вамъ отъ имени всѣхъ гражданъ».

Разумѣется, первый консулъ отнесся къ этому раболѣпію съ достодолжной серьезностью; онъ не уступалъ сенату въ притворствѣ. Онъ также притворился увѣреннымъ, будто все благополучіе Франціи зависитъ отъ того, будетъ ли у него наслѣдственный преемникъ. Въ такомъ смыслѣ онъ и далъ отвѣтъ сенату. Онъ писалъ:

«Вашъ адресъ не выходитъ у меня изъ головы. *Онъ сталъ для меня предметомъ неустанныхъ размышленій.* Вы пришли къ убѣжденію, что высшая государственная должность должна быть наслѣдственной, дабы народъ былъ обезпеченъ отъ комплотовъ нашихъ враговъ и отъ безпорядковъ, которые происходятъ изъ-за честолюбія соперниковъ. Въ то же время вы палагаете, что нѣкоторые изъ нашихъ учрежденій нуждаются въ реформированіи, дабы навсегда было *обезпечено торжество равенства и общественной свободы* и тѣмъ самымъ была дана націи и правительству необходимая имъ двойная гарантія. Чѣмъ больше вниманія я удѣлялъ этимъ великимъ вопросамъ, тѣмъ болѣе я чувствовалъ, насколько мнѣ для полнаго развитія моихъ идей необходимы при новыхъ и столь важныхъ обстоятельствахъ вашъ мудрый совѣтъ и ваша опытность. Поэтому я прошу васъ *откровенно* подѣлиться со мною вашими мыслями».

Его лицемѣріе заходило такъ далеко, что онъ позволялъ себѣ говорить о «свободѣ и равенствѣ» въ тотъ моментъ, когда собирался установить въ окончательной формѣ нѣчто вродѣ азіатской военной монархіи. Но смѣтливый сенатъ зналъ, какъ обосновать «счастье Франціи», и порѣшилъ слѣдующее: «Сенатъ пришелъ къ убѣжденію, что для французскаго народа крайне важно *довѣрить правленіе республикой Наполеону Бонапарту, въ качествѣ наслѣдственнаго императора*».

3-го мая это рѣшеніе сената попало къ трибуналу. Кюрэ, обладавшій хорошо выдрессированной рабской натурой, началъ съ обычныхъ хвалебныхъ изліяній, къ которымъ французскій властелинъ былъ пріученъ со стороны поклонниковъ его успѣховъ. «Пора», говорилъ Кюрэ, «отказаться отъ политическихъ заблужденій. Внутреннее спокойствіе Франціи снова возстановлено, а миръ съ иностранными державами обезпеченъ блестящими побѣдами. Наши финансы снова приведены въ порядокъ, наше законодательство реформировано и вновь функціонируетъ. Пора и на будущее время обезпечить націи пользованіе этими благами».

Послѣдовавшій за этимъ потокъ лести, самоуничиженій и увѣреній въ преданности показалъ первому консулу всю рабскую покорность этого великолѣпнаго учрежденія. Было ясно, что всякая оппозиція должна раствориться въ потокѣ лойяльности. Но все же нашелся человѣкъ, который возвысилъ свой голосъ противъ новаго цезаризма. Непреклонный республиканецъ Карно былъ еще здѣсь и произнесъ свою знаменитую рѣчь, которую прозвали *послѣднимъ вздохомъ свободы великой революціи.*

«Я далекъ отъ желанія», говорилъ Карно, «умалять хвалу, расточавшуюся здѣсь первому консулу. Но какія бы услуги ни оказалъ гражданинъ своему отечеству, есть границы національной признательности, переступить которыя не допускаютъ ни честь, ни разумъ. И если этотъ гражданинъ вернулъ странѣ общественную свободу, если онъ содѣйствовалъ благоденствію своего отечества, то развѣ возможно предложить ему въ награду добровольное отреченіе отъ этой свободы? Развѣ превращеніе отечества въ его наслѣдственную собственность не было бы равносильно уничтоженію его собственнаго дѣтища?—Съ того момента, какъ французскому народу было предложено голосовать за пожизненное консульство, всякому легко было замѣтить, что за этимъ кроется еще нѣчто и другое. Мы видѣли, что постепенно былъ основанъ цѣлый рядъ явно монархическихъ учрежденій. Сегодня, наконецъ, обнаружилась истинная цѣль такого множества временныхъ мѣропріятій. Мы созваны для того, чтобы высказаться по поводу формальнаго предложенія относительно возстановленія монархіи и облеченія перваго консула въ санъ наслѣдственнаго императора. *Неужели свобода была показана человѣку лишь для того, чтобы онъ никогда не могъ вкусить ея? Нѣтъ, я не могу согласиться съ этимъ, не могу въ этомъ благѣ, которое всѣми предпочитается всему иному, видѣть лишь одно заблужденіе. Мое сердце говоритъ мнѣ, что свобода возможна и что царство ея легче и прочнѣе, чѣмъ какое бы то ни было царство произвола.* Я голосовалъ противъ пожизненнаго консульства; точно такъ же я голосую и противъ возстановленія монархіи».

Эта рѣчь не могла не произвести сильнаго впечатлѣнія. Но разбушевавшійся потокъ сервилизма снесъ всѣ препоны; каждый изъ этихъ великолѣпныхъ трибуновъ хотѣлъ первымъ опровергнуть Карно Три дня продолжались отвратительные дебаты; затѣмъ трибунатъ почти единогласно высказался за императорскій санъ.

Карно сошелъ съ политической арены и жилъ въ гордой и достойной удивленія бѣдности; онъ выступилъ снова и предложилъ свои услуги лишь тогда, когда его отечество было наводнено полками союзныхъ монарховъ Европы.

18 мая 1804 г. (30 флореаля XH г.) сенатъ постановилъ провозгласить перваго консула Наполеона Бонапарта императоромъ французовъ подъ именемъ *Наполеона I*. Полный императорскій титулъ Наполеона, сотканный изъ противорѣчій, гласилъ: *Наполеонъ I, Божьей милостью и установленіями республики императоръ французовъ*».

Провозглашеніе новаго императора было встрѣчено французскимъ народомъ безъ особаго волненія, ибо для массы было совершенно безразлично, называется ли неограниченный властелинъ, поработившій Францію, первымъ консуломъ или императоромъ французовъ. Тѣмъ въ большемъ возбужденіи находились войска и господствующіе классы. Всѣ наперерывъ спѣшили выразить новому императору свою подобострастную преданность, и выскочки революціи падали передъ нимъ ницъ. Иностранныя державы, за исключеніемъ Англіи, Россіи и Швеціи, также не преминули поздравить могущественнаго корсиканца. Старымъ европейскимъ дворамъ было удобнѣе

сноситься съ монархомъ, чѣмъ съ главою республики. Мелкіе нѣмецкіе властители, которые несомнѣнно боялись предстоящей войны, поспѣшили заявить новому императору свои вѣрноподданническія чувства и такимъ образомъ заручиться его благосклонностью. Новый плебисцитъ утвердилъ имперію; за нее высказалось $3^1/_2$ милліона голосовъ. Видя, что все и вся лежитъ у его ногъ, Наполеонъ сталъ съ презрѣніемъ относиться къ людямъ. И если вспомнить, кто только не пресмыкался у его ногъ, то остается лишь удивляться, что онъ вообще могъ еще обуздывать себя, что его успѣхи и власть еще болѣе не опьянили его и что онъ не относился къ людямъ еще съ большимъ презрѣніемъ.

Онъ устроилъ свой дворъ совершенно въ стилѣ старой монархіи; по его приказанію произведены были самыя тщательныя изслѣдованія придворнаго этикета, чтобы во всемъ этомъ маскарадѣ не было забыто ни одной мельчайшей детали. Родственники Бонапарта превращены были въ императорскихъ принцевъ и принцессъ, генералы—въ маршаловъ имперіи, а высшіе чиновники переименованы были въ верховныхъ сановниковъ. И вокругъ этой именитой аристократіи группировался весь штатъ чуть ли не средневѣковаго двора. Внезапно, словно по мановенію волшебнаго жезла, появился цѣлый сонмъ камергеровъ, придворныхъ дамъ всякаго рода, пажей и лакеевъ, какъ все это полагается при пышныхъ дворахъ. И надъ всѣми ими и надъ глазѣющимъ, разинувъ ротъ, народомъ парилъ въ облакахъ китайской недосягаемости его величество, бывшій артиллерійскій поручикъ Наполеонъ Бонапартъ, нынѣ наслѣдникъ великой революціи и императоръ французовъ. Возстановленная имъ абсолютная императорская власть оставляла далеко за собою конституцію 1791 года и по своему самодержавному характеру превосходила даже монархію Бурбоновъ до 1789 г. Казалось, что революція описала кругъ и снова вернулась къ своей исходной точкѣ.

Чтобъ окружить себя внѣшней помпой, Наполеонъ назначилъ на 2 декабря 1804 г. свое торжественное коронованіе. Собору Парижской Богоматери, видѣвшему церковную службу старой монархіи и поклоненіе разуму парижской коммуны, пришлось также увидѣть и коронованіе новой императорской четы,—сына корсиканскаго судьи и его жены, дочери вестъ-индскаго портоваго капитана.

Папа Пій VII не могъ уклониться отъ требованія Наполеона и долженъ былъ присутствовать при коронованіи; воля сильнаго—приказаніе для слабаго. Онъ явился, а вмѣстѣ съ нимъ все духовенство, свѣже-испеченная аристократія и вѣ высшіе сановники, а также представители иностранныхъ державъ. Наполеонъ вмѣстѣ съ Жозефиной поѣхалъ въ соборъ въ запряженной шестью бѣлыми лошадьми императорской каретѣ. Они были облечены въ коронаціонныя мантіи, расшитыя пчелами. Послѣ того, какъ папа помазалъ его у алтаря и благословилъ знаки его императорскаго сана, онъ хотѣлъ возложить на его голову корону, но Наполеонъ поспѣшно взялъ корону изъ его рукъ и самъ надѣлъ ее на себя. Точно также онъ самъ возложилъ корону на голову стоявшей на колѣняхъ у алтаря Жозефины. Затѣмъ императорская чета въ своемъ облаченіи сѣла на тронъ. Наполеонъ

произнесъ надъ Евангеліемъ установленную клятву, и герольдъ провозгласилъ:

«Славнѣйшій и всепресвѣтлѣйшій императоръ французовъ коронованъ и возведенъ на тронъ. Да здравствуетъ императоръ!»

Всѣ присутствующіе воскликнули «Vive l'empereur!», возгласъ, которому суждено было цѣлое десятилѣтіе разноситься по Европѣ. А въ это время на улицахъ громъ пушекъ возвѣстилъ французамъ, что ихъ цезарь коронованъ теперь по всей формѣ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

2 декабря 1804 г. революція завершила свой круговоротъ. Во главѣ французскаго народа снова очутился абсолютный монархъ, властвовавшій надъ огромной имперіей вѣмстѣ со своими родственниками и приближенными, которымъ онъ раздавалъ короны и титулы, какъ другіе короли—золотыя табакерки. Любопытно посмотрѣть, какой видъ приняла Европа подъ владычествомъ всѣхъ этихъ выскочекъ. Эти маршалы, выходившіе побѣдителями изъ сотенъ сраженій, каковы Мюратъ, Ней, Суль, Массена, Ожеро, Даву, Бернадотъ, Ланнъ, Бертье и Мармонъ, были всѣ, подобно своему императору, незнатнаго происхожденія, и ихъ также вознесъ на высоту вихрь революціи. Нѣкоторые изъ нихъ были раньше простыми ремесленниками или рабочими. Они управляли не лучше, но и не хуже, чѣмъ старыя династіи. Они наполнили міръ военнымъ громомъ, которому равнаго почти не встрѣчается въ исторіи. Они превратили свою эпоху въ безпрерывную цѣпь битвъ, опустошеній, звѣрствъ и хищничествъ. Міръ содрогался подъ ихъ желѣзною поступью. Но какимъ могучимъ ни казался каждый изъ нихъ въ отдѣльности, всѣ они стушевывались въ сравненіи съ фигурой царя битвъ, этого человѣка въ маленькой треуголкѣ и простомъ мундирѣ, какимъ запечатлѣлся его историческій образъ въ памяти народовъ. И эта историческая фигура, словно ураганъ пронесшаяся надъ Европою, еще надолго сохранится въ памяти человѣчества.

И все же этому цезарю, какимъ бы самодержавнымъ онъ ни казался, пришлось лишь выполнить историческую миссію, которой онъ самъ не бралъ на себя, но которая была ему навязана обстоятельствами.

Въ медовые мѣсяцы революціи казалось, что французовъ обуреваетъ только одна страсть—любовь къ *свободѣ*. Все дышало воодушевленіемъ, энтузіазмомъ, стремленіемъ къ самопожертвованію и идеализмомъ. Въ какомъ-то безграничномъ чарующемъ опьяненіи этотъ народъ ради свободы съ радостью жертвовалъ своимъ покоемъ, имуществомъ и кровью.

Воодушевленіе исчезло, когда народъ увидѣлъ, что хотя его жизнедѣятельность и была повышена подъ напоромъ революціонной энергіи, онъ все же не вышелъ изъ заколдованнаго круга нищеты. Энтузіазмъ буржуазіи исчезъ, когда борьба за идеи начала уступать мѣсто борьбѣ за интересы. Споръ за конституцію 1791 г. велся еще во имя идей. Но паденіе феодализма очистило во Франціи мѣсто для *буржуазнаго общества*, и новая эпоха была

всецѣло поглощена буржуазными интересами. Мы видѣли, что попытка создать чистую демократію потерпѣла крушеніе, благодаря доктринерскому духу вожаковъ народной демократіи. Почтенная буржуазія сдѣлалась во Франціи господствующимъ классомъ, и массѣ пришлось склониться предъ ея господствомъ, какъ нѣкогда третьему сословію приходилось склоняться передъ господствомъ феодализма.

Ставшая господствующимъ классомъ новая буржуазія,—независимо отъ того, было ли ея благосостояніе основано на движимомъ или недвижимомъ имуществѣ,—вскорѣ отбросила отъ себя, какъ ненужное тряпье, всѣ идеалы. Для этой буржуазіи основанный Наполеономъ французскій банкъ и его кредитъ были важнѣе, чѣмъ всѣ теоріи стараго и новаго міра. Для нея революція имѣла значеніе лишь постольку, поскольку она способствовала измѣненію имущественныхъ отношеній. Такъ же обстояло дѣло и съ многочисленнымъ классомъ крестьянъ и земледѣльцевъ. Они захватили во время революціонныхъ бурь имѣнія духовенства и эмигрантовъ и теперь спокойно сидѣли на своихъ угодьяхъ и участкахъ. Они боялись лишь одного,—что эмигранты и старая династія вернутся и потребуютъ у нихъ обратно свою собственность. Военное могущество Наполеона давало имъ извѣстную гарантію въ невозможности возстановленія стараго режима, и потому этотъ классъ былъ особенно преданъ Наполеону. Наполеонъ былъ солдатскимъ и крестьянскимъ императоромъ. Плебисцитарный императоръ прекрасно зналъ, что при плебисцитахъ онъ можетъ положиться на крестьянъ.

Землевладѣльцы и буржуа жаждали спокойствія, которое было необходимо имъ для накопленія капитала, а крестьяне желали спокойно обрабатывать свою землю. Поэтому эти классы равнодушно относились къ тому, что Наполеонъ возвелъ надъ буржуазнымъ обществомъ надстройку деспотически-іерархическаго военнаго государства; имъ хотѣлось только, чтобы онъ охранялъ спокойствіе внутри страны, благодаря чему были бы обезпечены новыя имущественныя отношенія, и чтобы онъ отражалъ нападенія враждебныхъ державъ, цѣлью которыхъ было возстановленіе во Франціи стараго порядка. Въ этомъ и заключалась миссія Наполеона: *его войны служили охраной для новаго буржуазнаго соціальнаго строя во Франціи.*

Только при поверхностномъ анализѣ можетъ показаться, что наполеоновскія войны объясняются исключительно тщеславіемъ этого новаго цезаря. Причина же ихъ кроется въ томъ, что старыя феодальныя державы продолжали вести борьбу противъ новаго буржуазнаго строя во Франціи. Но грубое насиліе войны не позволяетъ побѣдителю оставить побѣжденному его прежнюю власть. Онъ долженъ ослабить побѣжденнаго и самъ укрѣпиться за его счетъ. Отсюда, какъ необходимое слѣдствіе, вытекаютъ завоеванія. Завоеванія Наполеона являлись для него источникомъ все новыхъ войнъ, ибо побѣдитель не можетъ отказаться безъ борьбы отъ плодовъ своей побѣды изъ опасенія ослабить свой престижъ. Наполеонъ долженъ былъ завоевывать, чтобы сохранить за собой свои завоеванія. Такимъ образомъ, этотъ великій человѣкъ велъ одну войну за другой и расточалъ свои силы на основаніе и закрѣпленіе за собой непрочныхъ государствъ,—онъ, чей геній и чья энергія могли бы превратить Францію въ счастливѣйшую страну въ Европѣ.

Все же его мирная дѣятельность довольно значительна, если принять во вниманіе, что за всю его бытность императоромъ не стихалъ звонъ оружія. Его строительная дѣятельность была очень велика. Имъ было проложено болѣе 7000 миль шоссейныхъ и обыкновенныхъ дорогъ, и судоходныя рѣки были соединены между собою десятью большими каналами. Вообще онъ сдѣлалъ очень много для развитія путей сообщенія и проложилъ широкія дороги черезъ Симплонъ, Монъ-Сени и Монъ-Женевръ. При немъ было также построено много гаваней, моловъ, шлюзовъ и т. д. Въ особенности Парижъ обязанъ ему цѣлымъ рядомъ улучшеній и украшеній: онъ сооружалъ мосты, общественныя площади, магазины, бойни, крытыя галлереи для рынковъ и возвелъ много другихъ великолѣпныхъ общественныхъ зданій. Одну часть трудящагося люда онъ занималъ сооруженіями, а другая находилась на поляхъ сраженій. Такимъ образомъ, при немъ почти совершенно не ощущалось недовольства массъ.

При немъ былъ законченъ и введенъ новый сводъ законовъ, состоявшій изъ пяти томовъ и получившій названіе Кодекса Наполеона. Онъ еще и до сихъ поръ во многихъ отношеніяхъ считается образцовымъ. Кодексъ распадается на гражданское уложеніе, гражданское судопроизводство, торговое уложеніе, уголовное судопроизводство и уголовное уложеніе.

Не успѣлъ Наполеонъ возложить на свою голову императорскую корону, какъ ему пришлось снова отправиться въ походъ. Онъ двинулся противъ Австріи и Россіи; при Ульмѣ онъ взялъ въ плѣнъ австрійскую армію, которой командовалъ Макъ, а 2 декабря 1805 года надъ нимъ взошло солнце Аустерлица. Хотя Англія на морѣ и осталась побѣдительницей, но Нельсонъ заплатилъ за побѣду при Трафальгарѣ своей жизнью.

Послѣ пораженія Австріи, Пруссія примкнула къ коалиціи, но Наполеонъ оказался сильнѣе коалиціи. Страшная битва при Іенѣ сломила Пруссію и, чтобъ оправиться, ей понадобилось много времени.

Наполеонъ дошелъ до русской границы и продиктовалъ въ Тильзитѣ миръ, сильно ослабившій Пруссію. Исполинская борьба съ Англіей приняла тогда новую форму: Наполеонъ велъ ее посредствомъ такъ называемой континентальной системы. Онъ закрылъ для англійской торговли всѣ страны, которыя были подчинены ему или находились подъ его вліяніемъ. Несомнѣнно, что онъ причинилъ британскимъ торгашамъ неисчислимые убытки, но едва ли убытки европейскаго континента были меньше.

Онъ не задумываясь надѣлялъ своихъ братьевъ и родственниковъ королевствами и герцогствами. Возведеніе на престолъ новаго короля являлось для него семейнымъ событіемъ, въ которомъ міръ долженъ былъ играть соотвѣтствующую роль. Его братъ Жозефъ получилъ неаполитанское королевство; вскорѣ Наполеонъ смѣнилъ его своимъ шуриномъ Мюратомъ, а Жозефъ сдѣлался испанскимъ королемъ. Братъ его Людовикъ получилъ голландское королевство.

Государственныя способности Наполеона были огромны, но проявленіе ихъ ослаблялось его эгоизмомъ. Онъ былъ въ высшей степени заинтересованъ вопросомъ о возстановленіи республики въ Польшѣ. Поляки рѣшили, что для нихъ, наконецъ, наступило время дѣйствовать,

стали на сторону Наполеона съ воодушевленіемъ, напоминавшимъ времена Костюшки.

Едва ли можно было найти болѣе удобный случай создать изъ сильной Польши постоянный и несокрушимый оплотъ противъ Россіи. Но Наполеонъ обманулъ поляковъ. Войдя вскорѣ послѣ пораженія Пруссіи въ дружбу съ Александромъ I и заключивъ съ нимъ своеобразный союзъ, въ которомъ сочетались тщеславіе, лицемѣріе, жажда завоеваній и презрѣніе къ людямъ, онъ, какъ и слѣдовало ожидать, забылъ о старой Польшѣ. Онъ надѣлилъ поляковъ лишь призрачной самостоятельностью. Поляки съ отчаяніемъ цѣплялись за надежду, что Наполеонъ вернетъ ихъ отечеству свободу и самостоятельность; тысячами служили они подъ его знаменами и проявляли по отношенію къ нему почти рабскую преданность. Все это онъ принималъ съ холоднымъ равнодушіемъ автократа, относящагося съ презрѣніемъ къ человѣческому роду. Ему однако пришлось дорого заплатить за свои прегрѣшенія по отношенію къ Польшѣ. Уже при отступленіи изъ Россіи ему пришлось раскаяться, что онъ не отнесся къ полякамъ съ большимъ доброжелательствомъ. Когда же въ 1813 году прорвъ него выступила самая большая коалиція, онъ, вѣроятно, съ горечью пожалѣлъ о томъ, что пропустилъ удобный случай парализовать Россію, противопоставивъ ей сильную Польшу.

Подъ гнетомъ владычества Наполеона пала германская имперія. Планы Наполеона относительно Германіи оказались не на много шире тѣхъ, съ которыми въ извѣстной степени носился уже Людовикъ XIV. Онъ основалъ Рейнскій союзъ, возвелъ баварскаго и вюртембергскаго курфюрстовъ въ королевское достоинство и возвысилъ Баденъ до великаго герцогства. Основанное имъ королевство Вестфалію онъ отдалъ своему брату Жерому, королю—«забубенной головушкѣ». Такимъ путемъ онъ пытался ослабить и раздробить Германію, полагая, что слабость Германіи является условіемъ могущества Франціи.

При французскомъ владычествѣ въ Германіи былъ введенъ рядъ реформъ, и этимъ объясняется то преклоненіе передъ Наполеономъ, которое нѣсколько десятилѣтій тому назадъ можно было еще наблюдать у нѣкоторыхъ стариковъ. Народъ такъ сильно страдалъ отъ неустройства, вызваннаго раздробленностью Германіи, что Наполеонъ казался ему избавителемъ. Онъ до извѣстной степени облегчилъ положеніе народа въ той части Германіи, которая находилась въ его власти и во власти его вассаловъ. Онъ ввелъ здѣсь французское судопроизводство, отмѣнилъ внутреннія пошлины и проч. Но бремя его владычества скоро превысило данныя имъ странѣ льготы. Постоянныя передвиженія его войскъ по странѣ, грубыя выходки солдатъ, вымогательство его генераловъ и агентовъ, контрибуціи и наборы для его арміи, полиція и система шпіонства—все это вызвало ненависть къ насильственному владычеству французовъ, поведшую къ низверженію Наполеона. Заставить такой многочисленный народъ, какъ нѣмецкій, отказаться отъ идеи національной независимости, сдѣлать для него навсегда невозможнымъ естественный возратъ къ прежнему единству—было столь же безумнымъ, сколь и кощунственнымъ дѣломъ, и такой планъ могъ зародиться

развѣ еще только въ головѣ какого-нибудь азіатскаго деспота. Акты насилія, вродѣ разстрѣла книгопродавца Пальма, еще болѣе раздували затаенное въ народѣ пламя гнѣва.

Интересно и содержательно освѣщены отношенія Германіи къ Франціи въ періодъ различныхъ фазисовъ революціи и во времена имперіи въ книгѣ знаменитаго Карно, опубликованной уже его внукомъ, президентомъ третьей французской республики.

«Со времени нашихъ первыхъ движеній», — говоритъ Карно, — «нѣмецкій народъ инстинктивно чувствовалъ, что совершается явленіе, въ которомъ заинтересовано все человѣчество. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ всеобщее ликованіе по поводу разрушенія Бастиліи. Уничтоженіе государственной тюрьмы возставшимъ народомъ, событіе, которое при другихъ обстоятельствахъ носило бы случайный, мѣстный характеръ, получило значеніе символа,—символа уничтоженія тираніи. Здѣсь разрушались не стѣны, а идея. Поэтому взятіе Бастиліи отпраздновано было всѣми народами, поэтому его изображали на сценѣ и увѣковѣчили карандашомъ и кистью. Знаменитый нѣмецкій граверъ по мѣди Ходовецкій остроумно истолковалъ это событіе, изобразивъ солнце, подымающееся надъ развалинами знаменитой крѣпости». Затѣмъ Карно говоритъ о томъ, что наиболѣе выдающіеся умы Германіи, какъ Клопштокъ, Виландъ, Фоссъ, Гете, Шиллеръ, Кантъ, Генрихъ Кампе, Вильгельмъ Гумбольдтъ, Фихте, Варнгагенъ, Форстеръ, Бюргеръ и Бетховенъ, открыто выражали свои симпатіи освободительному движенію, и продолжаетъ: «Лучшіе люди Германіи были увлечены французскимъ движеніемъ. Нѣмецкій народъ, нападая на насъ, отнюдь не руководился чувствомъ національной антипатіи или желаніемъ задушить революцію. Такое желаніе было только у союзныхъ монарховъ. Даже война не вызвала той ненависти, которая впослѣдствіи проявилась съ такой силой. Когда возникли надежды на миръ, онѣ были встрѣчены съ одинаковой радостью на обоихъ берегахъ Рейна. Вѣрно, что многіе иностранцы, объявившіе себя сторонниками нашей революціи, впослѣдствіи отвернулись отъ насъ при видѣ нашихъ заблужденій, но они сдѣлали это не вслѣдствіе провозглашенія новыхъ принциповъ. Исторія доказываетъ, что необузданныя проявленія національнаго гнѣва — я не говорю о преступленіяхъ, которыя осуждаются всѣми безъ исключенія—почти всегда бывали отвѣтомъ на угрожающія провокаціи; на заговоры внутри страны, сношенія съ непріятелемъ, интриги, угрожавшія нашему существованію, не только какъ республики, но и какъ націи, а извнѣ—на оскорбленія, нападенія, подстрекательство къ междоусобной войнѣ и примѣненіе нечистоплотныхъ и позорныхъ средствъ, противныхъ обыкновенному чувству порядочности (напр., поддѣлка кредитныхъ билетовъ). И все это направлялось противъ гордаго народа, который ничѣмъ не проявлялъ желанія затронуть свободу другихъ и хотѣлъ лишь постоять за свою свободу. Учрежденіе консульства возбудило, какъ во Франціи, такъ и въ Германіи, надежду на то, что новый образъ правленія окажется благопріятнымъ для новыхъ идей; но страшное разочарованіе, смѣнившее надежды, повлекло за собой въ обѣихъ странахъ недовольство друзей свободы. Далѣе, политическое расчлененіе Германіи путемъ образованія

Рейнскаго союза, вторженіе Наполеона въ Пруссію, а главное тѣ униженія, которымъ побѣдитель подвергалъ побѣжденныхъ, отвратили отъ насъ сердца нѣмцевъ, питавшихъ къ намъ чувство симпатіи. Патріоты сочли своимъ долгомъ во что бы то ни стало смыть позоръ съ своего отечества. А народъ страстно откликнулся на страстное же обращеніе къ національному чувству. Въ народѣ, который до сихъ поръ не относился къ намъ враждебно, даже во время борьбы съ нами, систематически воспитывали чувство ненависти къ намъ, довели это чувство до пароксизма, и народъ сдѣлался нашимъ непримиримымъ врагомъ. *Въ этомъ, можетъ быть, заключается величайшій упрекъ, который философія, исторія и политика могутъ бросить Наполеону».*

Въ то время, какъ Наполеонъ такимъ образомъ создавалъ себѣ изъ нѣмцевъ непримиримыхъ враговъ, въ то время, какъ онъ ослаблялъ Пруссію и раздроблялъ Германію, между нимъ и императоромъ Александромъ продолжалась та странная дружба, о которой трудно сказать, насколько она была искренна. Вѣроятно, ни одинъ изъ обоихъ автократовъ не довѣрялъ другому, и царь втайнѣ ненавидѣлъ наслѣдника революціи. Но каждый изъ нихъ разсчитывалъ воспользоваться могуществомъ другого. Казалось, что они хотятъ подѣлить между собой весь міръ. Они великолѣпно играли свои роли, а особенно мастерски проводилъ свою роль императоръ Александръ.

Когда Тальма, играя въ Эрфуртѣ передъ знаменитымъ «партеромъ королей», произнесъ слова: «*Дружба великаго человѣка есть милость Божья*», Александръ пожалъ руку Наполеону, наклонился къ нему и сказалъ: «*Я никогда не чувствовалъ этого такъ сильно, какъ теперь*».

Дружба прекратилась, потому что въ концѣ концовъ у Александра возникло подозрѣніе, что Наполеонъ намѣренъ возстановить Польшу.

Въ Испаніи, которую Наполеонъ всю занялъ своими войсками, ему оказывали упорное и непреодолимое сопротивленіе. Эта страна постоянно играла для его имперіи роль вскрытой раны. А когда Англія пришла на помощь испанцамъ, Наполеонъ навсегда потерялъ возможность сломить ихъ, и Англія пріобрѣла то, чего ей такъ недоставало—закаленное въ бояхъ сухопутное войско.

Вліяніе Англіи на Австрію повело, наконецъ, къ тому, что въ 1809 г. послѣдняя снова взялась за оружіе. Она полагала, что Германія уже созрѣла для возстанія и выпустила воззваніе, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «*Свобода Европы спаслась подъ знамена Австріи*». Но Германія не поднялась, и Австрія была побѣждена: великая битва при Ваграмѣ рѣшила ея участь.

Наполеонъ достигъ апогея своего могущества и изъ тщеславія рѣшилъ взять себѣ въ жены принцессу изъ стариннаго царствующаго дома. Онъ развелся по государственнымъ соображеніямъ съ Жозефиной, которая не родила ему наслѣдника, и женился на Маріи-Луизѣ, дочери австрійскаго императора, женщинѣ незначительной во всѣхъ отношеніяхъ. Въ 1811 году она родила ему сына, котораго онъ надѣлилъ титуломъ короля римскаго. Въ громкихъ титулахъ у него никогда не было недостатка.

Въ то время, какъ Германія съ помощью военныхъ реформъ Шарнгорста готовилась къ неизбѣжной борьбѣ съ завоевателемъ, а «Союзъ добродѣтели» сѣялъ въ народѣ ненависть къ французамъ, между Александромъ и Наполеономъ произошелъ конфликтъ, заставившій всю Европу взяться за оружіе. Колоссальная военная машина Наполеона не могла стоять безъ дѣла, а Александръ еще вызвалъ неудовольствіе Наполеона еще тѣмъ, что не соблюдалъ по отношенію къ Англіи континентальной системы. Обоимъ соперникамъ за господство надъ Европой пришлось помѣряться силами, и Наполеонъ двинулся на Россію.

Судьба Карла XII должна была послужить ему предостереженіемъ. Чтобы завоевать Россію, нужно быть монголомъ или русскимъ. Но самомнѣніе Наполеона достигло въ это время своего апогея, и это толкало его къ гибели. Живи онъ во времена древней римской имперіи, онъ несомнѣнно провозгласилъ бы себя богомъ. Недаромъ онъ на островѣ св. Елены утверждалъ, что большая комета 1811 года появилась исключительно ради него!

Съ огромной арміей—болѣе чѣмъ въ 500,000 человѣкъ,—для которой всѣ вассалы и союзники французской имперіи должны были поставлять солдатъ, Наполеонъ вторгся въ 1812 году въ Россію. Его правое крыло направилось на югъ, а лѣвое противъ Петербурга. Центръ одержалъ побѣду надъ русскими въ кровавыхъ битвахъ при Смоленскѣ и Бородинѣ, близъ Москвы, и Наполеонъ вступилъ въ Москву, которую русскіе подожгли со всѣхъ сторонъ. Наполеону пришлось идти назадъ, и во время отступленія, благодаря суровости русской зимы, погибла вся его армія.

Это пораженіе произвело потрясающее впечатлѣніе. Большинство невольныхъ и добровольныхъ союзниковъ Наполеона отпало отъ него. Пруссія соединилась съ Россіей и Англіей, и къ нимъ примкнула Австрія. Рейнскій союзъ и Италія остались на сторонѣ Наполеона. Великая борьба 1813 года началась въ Саксоніи; послѣ перемѣннаго военнаго счастья, Наполеонъ, благодаря огромному численному перевѣсу союзныхъ войскъ, былъ разбитъ на голову въ трехдневной гигантской битвѣ при Лейпцигѣ, и бѣжалъ за Рейнъ, послѣ чего и рейнскіе князья отпали отъ него. Въ 1814 г. союзники перешли черезъ Рейнъ и послѣ кровавыхъ битвъ, во время которыхъ Наполеонъ снова обнаружилъ весь свой блестящій военный талантъ, взяли Парижъ. Въ Фонтенебло Наполеонъ отрекся отъ трона и получилъ во владѣніе островъ Эльбу съ титуломъ императора.

На французскій тронъ союзниками былъ посаженъ подъ именемъ Людовика XVIII графъ Прованскій, братъ Людовика XVI. Онъ вернулся съ обломками стараго режима обратно во Францію «на девятнадцатомъ году своего правленія», какъ онъ говорилъ. Этому Бурбону ничего не стоило вычеркнуть изъ исторіи времена республики и имперіи.

Хотя онъ и далъ «конституціонную хартію», которая была болѣе конституціонна, чѣмъ далай-ламская конституція періода имперіи, однако недовольство при этой реставраціи было очень велико. Бремя налоговъ вызывало всеобщее озлобленіе, офицерамъ Наполеона пришлось терпѣть разныя униженія,—и вотъ, пока союзники, собравшись на конгрессъ въ Вѣну, обсуждали вопросъ о новой политической физіономіи Европы, во Франціи образовался извѣстный бонапартистскій заговоръ. Наполеонъ въ мартѣ 1815 года бѣжалъ съ Эльбы, высадился во Франціи и съ тріумфомъ вступилъ въ Па-

рижъ, такъ какъ всѣ войска перешли на его сторону. Людовикъ XVIII бѣжалъ въ Гентъ. Введя всѣ прежніе порядки, Наполеонъ обнародовалъ дополнительный актъ къ своей конституціи. Но онъ не сдержалъ данныхъ имъ при возвращеніи либеральныхъ обѣщаній и вскорѣ вызвалъ недовольство, такъ какъ снова началъ править въ прежнемъ абсолютистскомъ духѣ.

Союзники объявили Наполеона внѣ закона. Въ ихъ прокламаціи говорилось:

«Наполеонъ Бонапартъ, врагъ и нарушитель спокойствія всего міра, объявляется внѣ всякихъ гражданскихъ и общественныхъ законовъ и предается общественному преслѣдованію».

Едва ли какая-либо изъ великихъ державъ, объявившихъ Бонапарта внѣ закона, не нарушала мира въ такой же степени, какъ и Наполеонъ.

Арміи союзниковъ направились къ Рейну, но судьба Наполеона рѣшилась уже въ Бельгіи. Сперва онъ разбилъ пруссаковъ при Линьи, но затѣмъ 18 іюня 1815 года при Ватерлоо сдѣлалъ неудачное нападеніе на англичанъ, которые съ помощью подоспѣвшихъ пруссаковъ разбили его на голову. Его армія была уничтожена. Вскорѣ Парижъ вторично увидалъ въ своихъ стѣнахъ войска союзниковъ. Наполеонъ снова отказался отъ престола и сдался англичанамъ, которые обошлись съ нимъ, какъ съ военноплѣннымъ, и заточили его на одиноко лежащій среди океана скалистый островъ Св. Елены. Тамъ Наполеонъ послѣ своей героической карьеры прожилъ еще шесть лѣтъ, снѣдаемый гнѣвомъ и злобой вслѣдствіе мелочныхъ придирокъ своихъ тюремщиковъ. Умеръ онъ 5 мая 1821 года.

Вторая реставрація налетѣла на Францію, какъ опустошительный ураганъ. Съ королемъ Людовикомъ XVIII вернулись обратно всѣ представители стараго режима и, обуреваемые жаждой мести, набросились на всѣхъ, кто сколько-нибудь скомпрометировалъ себя за тѣ 100 дней, въ продолженіе которыхъ царствовалъ Наполеонъ по своемъ возвращеніи съ Эльбы. Множество мужественныхъ людей подверглось кровавой расправѣ, за которой послѣдовалъ рядъ дикихъ оргій мести со стороны роялистической черни; власти не пытались даже противодѣйствовать этому и не преслѣдовали зачинщиковъ. Цѣлый рядъ выдающихся бонапартистовъ былъ изгнанъ изъ страны; точно также были изгнаны изъ Франціи, какъ «убійцы короля», всѣ тѣ члены конвента, которые были еще въ живыхъ и не проявили приверженности къ роялизму. «Бѣлый терроръ» свирѣпствовалъ во Франціи въ мирное время едва ли съ меньшей силой, чѣмъ красный терроръ 1793 года въ пылу гражданской войны.

Такимъ образомъ, оказалось, что съ внѣшней стороны во Франціи былъ возстановленъ дореволюціонный политическій строй. Была конституція, но она имѣла очень мало значенія. Править безъ конституціи ужъ больше не осмѣливались; это было немыслимо послѣ того, какъ Франція подверглась такой коренной ломкѣ. Но и явившихся результатомъ революціи экономическихъ отношеній нельзя ужъ было втиснуть въ старыя рамки. Это должно было бы неизбѣжно повлечь за собой полную запутанность отношеній. Владѣльцевъ національныхъ земель, отчужденныхъ во время революціи, нельзя было просто экспропріировать. Во первыхъ, за протекшій со времени революціи срокъ земля часто переходила изъ рукъ въ руки; многіе изъ первоначальныхъ владѣльцевъ умерли за границей, нѣкоторые не предъявляли больше своихъ претензій на землю. Старое феодальное зданіе не могло уже быть снова возведено. Реставраціи приходилось считаться съ этимъ и не вызывать конфликта съ многочисленнымъ классомъ крестьянъ, которые цѣплялись всѣми силами за освободившуюся отъ феодальныхъ тягостей или пріобрѣтенную ими за время революціи землю, хотя съ самой революціей они уже давно порвали.

Легко понять, что дворъ все время осаждался роемъ эмигрантовъ, которые требовали возмѣщенія за конфискованныя во время революціи имѣнія, такъ какъ эти имѣнія уже невозможно было вернуть имъ. Вступившій въ 1824 году на престолъ Карлъ X уступилъ, наконецъ, ихъ требованіямъ, и въ 1825 году въ палаты былъ внесенъ законопроектъ о возмѣщеніи убытковъ эмигрантамъ, который и былъ принятъ съ нѣкоторыми измѣненіями. Согласно этому закону, эмигранты получали возмѣщеніе въ одинъ милліардъ въ видѣ трехпроцентной ренты, дававшей 30 милліоновъ въ годъ. Но послѣ іюльской революціи 1830 года было принято другое рѣшеніе, и рента была изъята изъ обращенія.

Такимъ образомъ феодализмъ, понеся огромныя потери, утратилъ свою историческую роль и не могъ уже больше подняться во Франціи, потому что его могущество покоилось на его собственности и привилегіяхъ. Революція лишила его того и другого, и реставрація не могла ихъ ему вернуть.

Прочнымъ наслѣдіемъ Французской революціи явился «свободный крестьянинъ». Но былъ ли онъ свободенъ въ дѣйствительности? Нѣтъ. Онъ остался все тѣмъ же «glebae adscriptus», прикованнымъ къ землѣ человѣкомъ, хотя ему уже и не приходилось отдавать большую часть своихъ доходовъ помѣщику. Мы уже указывали, что революція сдѣлала роковую ошибку, раздробивъ землю на мелкіе участки. Временно это мѣропріятіе достигло цѣли, ибо оно заставило примкнуть къ революціи массу мелкихъ землевладѣльцевъ. Мы видѣли поведеніе мелкихъ землевладѣльцевъ въ разные періоды революціи. Они были могущественнѣйшимъ оплотомъ имперіи и являлись сторонниками всякой реакціи, лишь бы она обезпечивала неприкосновенность ихъ собственности и служила залогомъ того, что земля не будетъ у нихъ отнята. Поэтому-то реставрація относилась къ нимъ съ особенной осторожностью и устроила такъ, чтобы вознагражденіе эмигрантамъ выплачивалось не одними только владѣльцами прежнихъ національныхъ земель, а всѣмъ французскимъ народомъ.

И здѣсь парцельная система не могла избѣгнуть предначертанной ей исторіей судьбы. Земельная собственность все болѣе дробилась, и положеніе французскаго крестьянина все болѣе ухудшалось. Когда наступали особенно тяжелыя времена, подати, которыя крестьянинъ долженъ былъ выплачивать государству наличными деньгами, не менѣе давили его, чѣмъ натуральныя повинности помѣщику.

Изъ-за этого же крестьянства, не имѣвшаго никакихъ идеаловъ и не интересовавшагося ничѣмъ кромѣ своего участка, окончилось неудачей французское возстаніе 1848 года; наполеоновская легенда довершила дѣло, и на престолъ былъ вторично возведенъ въ лицѣ Наполеона III крестьянскій король. Все шло по образцу 1799 года, и 2 декабря 1851 года было лишь

вторымъ изданіемъ 18 брюмэра 1799 г., правда, по своимъ причинамъ и слѣдствіямъ весьма ухудшенное.

Тѣмъ грандіознѣе были и являются еще нынѣ моральныя слѣдствія великой французской революціи. Она внесла въ общество демократическій духъ, который невозможно уничтожить. Отмѣнивъ сословія, она провозгласила *равенство*, вылившееся практически *въ равноправіе* или *равенство всѣхъ передъ закономъ*, что для того времени было огромнымъ шагомъ впередъ. Она образовала фундаментъ для новаго буржуазнаго общества. Буржуазное общество замѣнило старое сословное господство классовымъ господствомъ и подчеркнуло привилегированность положенія имущихъ классовъ сравнительно съ неимущими. Это преимущество хотя и не утверждено законодательнымъ путемъ, но существуетъ фактически, а потому проявляется и въ современномъ буржуазномъ законодательствѣ. Главная задача нашего времени состоитъ въ томъ, чтобы сгладить тѣ противорѣчія, на которыхъ покоится классовое господство. Задача эта занимаетъ насъ въ формѣ такъ называемыхъ *соціальныхъ вопросовъ*.

Французская революція представляетъ собой, можетъ быть, самую интересную изъ всѣхъ историческихъ эпохъ, и изученіе ея весьма поучительно. Сколько въ ней блестящихъ и интересныхъ фигуръ, сколько преступленій и подвиговъ, сколько благородства и подлости, сколько героизма и холопства, сколько крови и благодѣтельныхъ результатовъ. Мы, нѣмцы, съ ужасомъ отворачиваемся отъ кровавыхъ катастрофъ, отъ убійствъ беззащитныхъ, ибо это не въ нашей натурѣ. Романскимъ народамъ болѣе свойственна черта жестокости и неумолимости по отношенію къ побѣжденнымъ. Наша исторія доказываетъ это; въ ней встрѣчается очень мало случаевъ массоваго избіенія беззащитныхъ, а въ нашей новѣйшей исторіи ихъ совсѣмъ нѣтъ. Со времени великой рѣзни на Верденскомъ полѣ, когда Карлъ Великій приказалъ убить 4.000 безоружныхъ плѣнныхъ саксовъ, прошло уже болѣе тысячи лѣтъ; такія жестокости могли имѣть мѣсто, пожалуй, еще только во время тридцатилѣтней войны, когда почти всѣ націи Европы избрали ареной своихъ раздоровъ нѣмецкую почву. Кровавыя расправы гражданскихъ войнъ Франціи, Италіи, Испаніи и южной Америки не соотвѣтствуютъ складу германскаго характера; мы мягче и добродушнѣе и не поддаемся такъ порывамъ дикихъ страстей, какъ выросшіе подъ южнымъ солнцемъ романскіе народы со своей кипучей кровью.

Однако, многія интересныя и притягательныя явленія французской революціи породили извѣстный родъ *революціоннаго романтизма*, который уже неоднократно оказывалъ гибельное вліяніе. Есть мечтатели и фанатики, считающіе свою жизнь неинтересной, потому что имъ не было суждено жить въ столь же бурную эпоху. Они живутъ въ убѣжденіи, что въ міровой исторіи все до мелочей вѣчно повторяется, и съ ребяческой увѣренностью ждутъ того часа, когда наступитъ и «ихъ» революція.

Если долго прожить на одномъ мѣстѣ и затѣмъ уѣхать, то воспоминанія объ этомъ мѣстѣ принимаютъ обыкновенно своеобразный характеръ. Все или почти все непріятное, противное и неудобное, связанное съ этимъ мѣстомъ, исчезаетъ обыкновенно изъ нашей памяти или кажется намъ болѣе

сноснымъ. Напротивъ, все прекрасное, пріятное и возвышенное воскресаетъ въ нашей памяти съ удвоенной силой. При возвращеніи на прежнее мѣсто мы преисполнены пріятныхъ воспоминаній и столкновеніе съ неприкрашенной дѣйствительностью обыкновенно вызываетъ разочарованіе.

То же самое происходитъ при изслѣдованіи историческихъ эпохъ. Если мы разсматриваемъ ихъ поверхностно и издалека, мы видимъ въ нихъ лишь интересное и пріятное. Но стоитъ намъ углубиться въ причины и слѣдствія, какъ на ряду съ интересными и бодрящими явленіями обнаруживаются и тѣневыя стороны даннаго періода. Ихъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, ибо въ противномъ случаѣ можно составить себѣ превратное понятіе обо всемъ. Романтики же имѣютъ обыкновеніе совсѣмъ или отчасти не замѣчать тѣневыхъ сторонъ.

Одинъ уважаемый нами историкъ какъ-то замѣтилъ, что увлекать народъ революціоннымъ романтизмомъ такъ же преступно, какъ и давать мореплавателю невѣрныя географическія карты. Онъ правъ, и мы старались слѣдовать его указанію. Поэтому мы много останавливались на экономическихъ условіяхъ этого переворота. Изъ нихъ явствуетъ, сколько страданій приходится претерпѣть народу при подобномъ переворотѣ, какія жертвы кровью и имуществомъ ему приходится принести и какія муки вытерпѣть, въ то время какъ плоды всеобщихъ усилій и стремленій достаются почти всегда лишь незначительному меньшинству.

Мы видимъ, что истинныя пріобрѣтенія для всего общества достигаются всемірной исторіей лишь постепенно и съ большимъ трудомъ. Тамъ, гдѣ проявляется слишкомъ большая поспѣшность, за ней всегда слѣдуетъ реакція; исторія французской революціи на сотняхъ примѣровъ учитъ насъ этому. Быстрый темпъ развитія нашихъ дней принесетъ намъ съ собой и болѣе быстрый прогрессъ. Цѣлое столѣтіе отдѣляетъ насъ отъ эпохи французской революціи, и за этотъ періодъ произошло много перемѣнъ. Мы подняли уровень своего образованія, смягчили наши нравы, повысили наши повседневныя потребности, *власть мысли* всюду усилилась и торжествуетъ побѣду надъ *властью кулака*. Идея гуманности проложила себѣ путь. Это даетъ намъ право надѣяться, что перевороты, таящіеся въ нѣдрахъ грядущаго, примутъ болѣе мягкія и человѣчныя формы.

Если вѣрно, что будущность принадлежитъ демократіи, то иначе и быть не можетъ. «Наука—вотъ храмъ демократіи»,—говоритъ одинъ великій мыслитель. Съ ея помощью демократія, могущественнѣйшимъ представителемъ которой является теперь рабочій классъ, должна приблизиться къ разрѣшенію жгучихъ современныхъ вопросовъ. Тамъ, гдѣ царитъ наука, немыслимо царство жестокости.

Міровая исторія слагается не по желаніямъ романтиковъ. Только тщательное и честное изученіе прошлаго даетъ намъ возможность заключить о томъ, какъ сложится наше будущее.